П. Н. Сакулинъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ

РУССКАГО ИДЕАЛИЗМА.

КНЯЗЬ

В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.

МЫСЛИТЕЛЬ—ПИСАТЕЛЬ.

Томъ первый. Часть вторая.

МОСКВА.
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1913.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Обзоръ литературныхъ произведеній кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ періодъ философско-мистическаго идеализма.

I. Сочетаніе общеидеалистическихъ и мистическихъ мотивовъ. — II. Циклъ Иринея Модестовича Гомозейки.—III. Мистическіе мотивы.—IV. Бытовая беллетристика.—V. Историко-культурныя темы.—VI. Русскія Ночи.

Уже въ періодъ любомудрія мы могли констатировать, что литературная дѣятельность Одоевскаго распадается на двѣ главныхъ струи: въ однихъ произведеніяхъ сущность творческаго замысла заключается въ стремленіи автора выразить свое идейное міровоззрѣніе, въ другихъ авторъ воспроизводитъ внѣшнюю дѣйствительность, конечно, подъ угломъ своего настроенія и преимущественно въ сатирической формѣ. Въ тридцатыхъ годахъ потокъ литературнаго творчества Одоевскаго становится значительно шире и глубже,—именно въ этотъ періодъ онъ создаетъ самыя цѣнныя свои произведенія,—но двѣ отмѣченныя струи продолжаютъ явственно различаться и теперь. Идейное содержаніе произведеній, о которыхъ сейчасъ мы будемъ говорить, всецѣло опредѣляется охарактеризованнымъ нами философско-мистическимъ идеализмомъ Одоевскаго.

При общей его философской склонности къ систематизаціи, Одоевскій любилъ соединять свои произведенія въ опредѣленные *циклы*. Съ подобной циклизаціей мы встрѣчаемся уже въ первый періодъ, когда Аристъ долженъ былъ связать своей личностью рядъ отдѣльныхъ разсказовъ. Въ еще большей степени наблюдается это теперь. Одоевскій задумалъ, но далеко не вполнѣ осуществилъ нѣсколько цикловъ: итальянскій циклъ, циклъ Гомозейки, Записки лѣнивца, Записки неслужащаго

человѣка, Записки Гробовщика, Домъ Сумасшедшихъ, Русскія Ночи и т. д. Насколько возможно, въ своемъ обзорѣ мы сохраняемъ эту циклизацію. Строгое соблюденіе хронологической послѣдовательности не имѣло бы въ данномъ случаѣ особаго значенія, такъ какъ, во-первыхъ, не всегда возможно было бы точно установить хронологію произведеній, а, во-вторыхъ, произведенія, различныя по своему характеру, нерѣдко писались одновременно, параллельно, и какой-нибудь постепенной смѣны эволюціонныхъ этаповъ въ 30-хъ годахъ мы не находимъ. Разборъ произведеній по мотивамъ и цикламъ, въ тѣсной связи съ идейнымъ міровоззрѣніемъ Одоевскаго, представляется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Въ своемъ обзорѣ мы касаемся какъ печатныхъ произведеній Одоевскаго, такъ и тѣхъ, которыя оказались въ его рукописяхъ. Послѣднія мы беремъ однако лишь въ томъ случаѣ, если авторъ уже приступилъ къ осуществленію своего творческаго плана, и если по сохранившимся частямъ можно составить нѣкоторое представленіе, по крайней мѣрѣ, о сущности замысла. Въ бумагахъ Одоевскаго, кромѣ того, находится много проектовъ литературныхъ произведеній въ видѣ программъ или мелкихъ отрывковъ. Они имѣютъ несомнѣнное значеніе для полноты сужденія объ объемѣ и направленіи его литературнаго творчества, но мы отнесли ихъ въ приложеніе, чтобы не загромождать текста сырымъ матеріаломъ.

I.

На границѣ двухъ періодовъ литературной дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго можно поставить нѣсколько произведеній, которыя еще зачаты въ атмосферѣ любомудрія, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ въ себѣ первые отголоски мистическихъ настроеній автора. Воображеніе Одоевскаго еще не покидаетъ Востока, откуда почерпнута имъ мудрость философскихъ апологовъ, но рядомъ съ этимъ его вниманіе приковываетъ къ себѣ поэтическая Италія и ея идейный мученикъ Джордано Бруно. Мы могли бы даже говорить объ особомъ итальянскомъ циклѣ повѣстей, если бы Одоевскій закончилъ намѣченный имъ планъ.

Въ духѣ философскихъ апологовъ періода любомудрія напи-

санъ «*Филологическій опытъ*», гдѣ однако на сцену уже появляется алхимикъ [1]).

Передъ нами три картинки, три жизни. Въ глубокую полночь сидитъ алхимикъ передъ раскаленнымъ устьемъ и старается «исхитить изъ дивнаго сосуда завѣтную тайну», чтобы заставить склониться передъ собою «рабу-природу», «и упиться торжествомъ человѣческой воли». Гордый «своею полновластною мыслію», труженикъ съ презрѣніемъ смотритъ «на міръ житейскій и его скудельныя наслажденія».

Въ то же время на террасѣ ближняго дома молодая чета упивается счастьемъ любви, забывая весь міръ и съ презрѣніемъ смотря «на строгое келейное дѣло труженика».

Но вотъ по опустѣлой улицѣ идетъ прохожій; онъ заходитъ то въ тотъ, то въ другой домъ; ему хочется призрѣть сироту, золотой лентой отклонить грозу отъ бѣдной семьи, подкрѣпить тѣлесныя силы больного и сердечнымъ словомъ ободрить безнадежнаго. Прохожій полонъ любви и благоволенія. Онъ взглянулъ и на келью алхимика, и на юныхъ счастливцевъ,—«всѣхъ благословилъ на радость и счастье и... продолжалъ путь свой».

Да живетъ и наслаждается все сущее! какъ бы говоритъ намъ прохожій, подобно Іоанну Дамаскину гр. А. К. Толстого. Здѣсь чувствуется еще свѣжій идеалистическій оптимизмъ любомудра. Личное счастье, любовь къ людямъ и исканіе истины—все это имѣетъ свой глубокій смыслъ.

Восторженный гимнъ любви слышится въ статьѣ, написанной Одоевскимъ по поводу итальянской оперы «*Петръ Пустынникъ*» [2]). Мусульманинъ Оросманъ и христіанская плѣнница

---

[1]) Черновой оригиналъ (карандашомъ) находится въ переплетѣ 20, л. 25—26, съ заглавіемъ „*Виньетка*“ (а ранѣе: „*Три жизни*“). Повидимому, это—первый набросокъ. Въ томъ же переплетѣ, л. 138—139, на почтовомъ листкѣ, имѣется копія съ заглавіемъ „Виньетка“, которое однако зачеркнуто рукою Одоевскаго и замѣнено заглавіемъ „*Филологическій опытъ*“ (карандашомъ); въ текстѣ есть также карандашныя исправленія Одоевскаго. Ibid., на л. 86, автографъ (карандашомъ) оказалось пять выносокъ къ той же статьѣ. Наконецъ, въ переплетѣ № 1, л. 168—170, имѣемъ копію въ окончательной редакціи. Ею мы и пользуемся.

[2]) Переплетъ 31, л. 202—214, автографъ. Подпись: „Съ Англійскаго—*Гр.*“. (Буквами „Гр.“ Одоевскій подписывалъ свои произведенія въ „Литер. Газетѣ“ Дельвига). Тоже въ копіи—въ переплетѣ 9. Еще отрывки: 1) въ переплетѣ 10, л. 19 и об., автографъ, + л. 20 об.—22, автографъ; 2) въ переплетѣ

Агія страстно полюбили другъ друга. Крестоносцы и во главѣ ихъ Петръ Пустынникъ возстаютъ противъ этой «грѣховной» любви, но молодые люди торжественно провозглашаютъ законъ любви, не знающей различія вѣры или національности. «Что мнѣ до моей родины?» говоритъ Агія Петру Пустыннику: «на что мнѣ свобода, которую онъ даровалъ мнѣ. Въ щастливыс дни моего плѣна, когда Оросманъ приходилъ ко мнѣ, когда огонь его души сжигалъ мою душу,—я не спрашивала его, кто онъ, невѣрный или Христіянинъ, Египтянинъ или Рыцарь Храма, мы и не говорили объ етомъ—я лишь спрашивала: любитъ ли онъ меня?» [1]). Въ свою очередь, Оросманъ, не признавая никакихъ судей между собою и Агіею, говорилъ Петру Пустыннику [2]): «На моемъ блестящемъ престолѣ я не имѣлъ друга, но лишь рабовъ. Я былъ *одинъ*, понимаешь ли весь ужасъ етаго слова, но я узналъ Агію,—насъ Природа, Судьба и Провидѣніе создали другъ для друга, они влили въ насъ одни мысли, одни чувства». Авторъ весь на сторонѣ Оросмана и Агіи [3]).

48, л. 64, автографъ (карандашомъ). См. приложеніе.—Судьба „Петра Пустынника" оказалась весьма незадачливой. 18 дек. 1831 г. Ор. Сомовъ, съ которымъ Одоевскій сносился по дѣламъ „Литер. Газеты", писалъ ему (бумаги 1869 г.): „Писецъ, взявшійся перебѣлить Петра Пустынника, не принесъ еще мнѣ его. Пушкинъ еще не возвратился: не знаю, что дѣлать. Во всякомъ случаѣ завтра поутру пошлю за манускриптомъ, и если онъ готовъ, доставлю его Вамъ". „Литер. Газета" еще въ іюлѣ 1831 г. прекратила свое существованіе: значитъ, „манускриптъ" Одоевскаго предназначался для какого-то другого изданія, но напечатанъ не былъ. Въ концѣ 1833 г. Одоевскій писалъ Максимовичу: „Отыщите у Кирѣевскаго мою статью „Сцена изъ Петра Пустынника" и пришлите мнѣ ее, ибо ее надобно переплавить; я вамъ обѣщаю ее отправить обратно на другой же день; сегодня 23-е, слѣдов., чрезъ 10 дней она можетъ у васъ уже печататься" (Кіевская Старина, 1883 г., т. V, апр. Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу. Сообщ. С. Пономаревъ. Стр. 845). Отсюда можно заключить, что отъ Ор. Сомова „Петръ Пустынникъ" перешелъ въ руки Кирѣевскаго и, вѣроятно, предполагался къ напечатанію въ „Европейцѣ". Послѣ закрытія своего журнала, Кирѣевскій, очевидно, часть матеріала передалъ Максимовичу для его „Денницы". Тамъ появился „Опалъ"; туда же предназначался и „Петръ Пустынникъ".

[1]) Переплетъ 31, л. 207—208.

[2]) Ibid., л. 208—209.

[3]) Въ отрывкѣ переплета 48, л. 64, даже самая мысль крестовыхъ походовъ приписывается внушенію злого духа. „Петръ Пустынникъ, обманываемый злымъ духомъ, который подъ видомъ свѣтлаго Ангела внушаетъ ему Крестовые походы", сказано здѣсь.

Чтобы разныя условности сцены и недостатки игры не разрушали «очарованія», авторъ оторвалъ глаза отъ сцены, спряталъ лицо въ воротникъ шубы и усѣлся въ дальній уголъ ложи. Тогда сценическія иллюзіи перешли въ грезы. Оросманъ кажется ему то гордымъ мусульманиномъ подъ высокой чалмою, то «молодымъ человѣкомъ нашего времени, беззаботнымъ и задумчивымъ, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ пламенною любовью и холоднымъ презрѣніемъ къ жизни» [1]). «Еще страннѣе: мнѣ казалось, что я былъ въ толпѣ зрителей и вмѣстѣ дѣйствующимъ лицемъ на сценѣ» [2]). Отрадныя видѣнія разсѣялъ чей-то грубый голосъ, говорившій: «Особы, не принадлежащія къ театру, не имѣютъ входа въ оной во время репетицій». Въ пустомъ театрѣ уже шла репетиція какого-то водевиля. Поэзію и красоту смѣнила пошлость.

Въ «Филологическомъ опытѣ» и «Петрѣ Пустынникѣ» выразилось лишь общее идеалистическое настроеніе Одоевскаго; мотивы въ сущности тѣ же, что въ восточныхъ апологахъ двадцатыхъ годовъ.

На томъ же рубежѣ можно поставить и произведенія съ сюжетами изъ итальянской жизни, образующими, такъ сказать, *итальянскій циклъ*.

Въ 20—30-хъ годахъ одно имя Италіи способно было навѣвать поэтическія мечты на романтически настроенныхъ людей. Италію воспѣвали, Италіей грезили всѣ тѣ, чья душа алкала эстетическихъ наслажденій (Веневитиновъ, Зин. Волконская, Гоголь, Кукольникъ, Шевыревъ и т. д.) [3]).

Еще въ періодъ любомудрія, въ атмосферѣ общаго философскаго идеализма родилась у Одоевскаго мысль воскресить образъ знаменитаго *Джордано Бруно*. Одоевскій едва ли не первый изъ русскихъ литераторовъ проявилъ серьезный интересъ къ этому мыслителю, вѣроятно, не безъ вліянія

---

[1]) Переплетъ 10, л. 19.

[2]) Ibid., л. 19 об.

[3]) Характерное выраженіе употребилъ И. В. Кирѣевскій въ письмѣ 1833 или 1834 года (Сочиненія. М. 1911 г. Т. II, 227), говоря о себѣ, что онъ „строилъ себѣ на воздухѣ разнаго рода Италіи". Печеринъ въ 1833 г. писалъ трагедію „Вольдемаръ", дѣйствіе которой происходитъ въ Италіи въ XV в. (М. Гершензонъ. Жизнь В. С. Печерина. М. 1910 г. Стр. 64—71).

діалога Шеллинга [1]). Онъ говоритъ о Бруно нѣсколько разъ, начиная съ «Мнемозины» [2]), и приписываетъ ему огромное значеніе въ исторіи философіи, а XVI столѣтіе вообще считаетъ отправнымъ пунктомъ всей общеевропейской жизни. «Семена, брошенныя имъ, не намъ ли принадлежитъ *возращать?*» спрашивалъ онъ (см. выше на 161 стр.). Философъ и поэтъ, ученый и мистикъ, наконецъ, мученикъ идеи, Дж. Бруно не могъ не плѣнить воображенія и мысли Одоевскаго. И вотъ въ 1825 г., раньше, чѣмъ появилось собраніе сочиненій Дж. Бруно [3]), Одоевскій задумалъ историческій романъ «*Іорданъ Бруно и Петръ Аретино*». Чуть не десять лѣтъ лелѣялъ онъ эту мысль, но произведеніе такъ и осталось незаконченнымъ [4]).

---

[1]) Bruno oder über das göttliche und natürliche Prinzip der Dinge (1802; 2-ое изданіе—Berlin, 1842 г.). Ср. у Куно Фишера „Шеллингъ", 637—655. Русскій переводъ діалога Шеллинга вышелъ въ 1908 г., съ предисловіемъ проф. П. И. Новгородцева.

[2]) См. выше на стр. 142 и прим. 1-ое, 503. Въ 1833 г Ив. Кронебергъ въ своихъ „Брошюркахъ" издалъ отрывки изъ трактата Бруно „Della causa, principio et uno" (Харьковъ). Въ сороковыхъ годахъ Джордано Бруно нашелъ себѣ блестящую оцѣнку въ „Письмахъ объ изученіи природы" Герцена (1844—1845 гг.). Была статья о философіи Бруно также въ „Сынѣ Отечества" 1847 г. Въ 1871 г. появилась работа Александра Н. Веселовскаго (Собраніе его сочиненій, т. IV, вып. I. Спб, 1909). Въ 1885 г., по случаю открытія въ Римѣ памятника Джордано Бруно, Россія приняла живое участіе въ чествованіи его памяти. Назовемъ слѣдующія работы русскихъ ученыхъ: 1) Алексѣя Н. Веселовскаго „Джордано Бруно" (Этюды и характеристики. Изд. 4-ое. М. 1912 г.). 2) Н. И. Стороженка „Джордано Бруно, какъ поэтъ, сатирикъ и драматургъ" (Сборникъ „Изъ области литературы". М. 1902 г.). 3) Джордано Бруно. Двѣ публичныя лекціи И. Б. Лучицкаго и А. А. Козлова. Кіевъ. 1885 г. 4) Н. Я. Грота: а) Дж. Бруно и пантеизмъ (Одесса. 1885); б) Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно (Одесса. 1885). Дальнѣйшая литература указана въ русскомъ переводѣ В. Виндельбанда (II, 386—7). Есть у насъ и историческая повѣсть изъ жизни Дж. Бруно — „Свѣточъ Камно ди Фіори" Ал. Алтаева (М. 1906 г.). Статью о Бруно находимъ теперь даже въ хрестоматіи Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова „Новая школа".

[3]) Opere di Giordano Bruno Nolano, ora per la prima volta raccolte e publicate da Adolfo Wagner. Leipzig. 1830, 2 vv.

[4]) Черновые автографы романа находятся главнымъ образомъ въ *переплетѣ № 1*, л. 179—235, подъ заглавіемъ: „*Іорданъ Бруно и Петръ Аретино.* Романъ въ нравахъ XVI-го столѣтія". На л. 179 написанъ и потомъ зачеркнутъ подзаголовокъ: „Старинная легенда". (Ср. подъ тѣмъ же заглавіемъ отрывки въ переплетѣ 7 и 9). Тутъ же и точная дата: „Пл. нач. въ 1825-мъ году.

По сохранившимся отрывкамъ трудно судить о достоинствѣ будущаго романа. Даже личность Бруно не выступаетъ передъ нами съ достаточной ясностью. Но характеръ сюжета вполнѣ опредѣлился. Личность папы Льва X, атмосфера окружавшей его церковной и умственной жизни, Микель Анжело и Рафаэль, Лютеръ и связанное съ его именемъ религіозное движеніе, Дж. Бруно, этотъ мученикъ новой науки—вотъ что должно было составить содержаніе романа. Центральное мѣсто предполагалось отвести, конечно, Дж. Бруно.

Италія, лучезарная и изящная, тревожила «прекрасныя мечты» Одоевскаго еще въ дѣтствѣ. Какимъ искреннимъ пафосомъ дышатъ «Итальянскія сцены» Одоевскаго, очевидно, предназна-

---

Исп. нач. 1827-го года Мая 11-го". Рядъ отрывковъ романа—*въ переплетѣ 20:* л. 34—37 (подъ заглавіемъ: „Итальянскіе сцены"), л. 62 (стихи Льва X), л. 75 об.—76 (діалогъ между Аретино и Бруно о людскомъ мнѣніи): *въ переплетѣ 54*, л. 12 (карандашомъ; слово Бруно о пролитіи крови); *въ переплетѣ 20*, л. 23 и об. (подъ заглавіемъ: „Сцена Джіордано Бруно съ привидѣніемъ въ Амфитеатрѣ")—все въ автографахъ. Въ переплетѣ № 1, на л. 186 об., читаемъ: „Предисловіе. Je puis bien t'avouer, lecteur oisif, que quoique cette histoire m'ait coûté quelque peine à composer, cette préface que tu lis m'en a côuté encore davantage. Сервантесъ". Этими словами Одоевскій воспользуется для предисловія къ предполагавшемуся второму изданію сочиненій (въ 1862 г.).—Заинтересованные этимъ романомъ, друзья Одоевскаго въ 1829—1830 гг. предлагаютъ ему свои услуги по собиранію необходимыхъ матеріаловъ. С. А. Соболевскій изъ Флоренціи отъ 16/4 іюня 1829 г. между прочимъ писалъ Одоевскому (бумаги 1869 г.): „Не хочешь ли имѣть портретъ Аретина? здѣсь въ Palazzo Pitti есть современный, котораго копіи en petit могу тебѣ прислать, если ты все продолжаешь свой Романъ. Есть тоже портретъ Льва X, писанный Рафаеломъ, и гравируемый теперь лучшимъ граверомъ Jussi". Точно также Шевыревъ изъ Рима 1 марта 1830 г. писалъ Б. П. Титову (величая его „Любезный Космократъ" по его литературному псевдониму—Титъ Космократовъ) слѣдующее (бумаги 1869 г.): „Скажи Одоевскому, чтобъ онъ мнѣ прислалъ имена подробныя историческихъ лицъ его романа, съ годами ихъ рожденія и смерти—и прислалъ бы по первой почтѣ. Я вездѣ вышарю и доставлю ему много свѣденій. Надѣюсь, что онъ прочелъ Джіорджіо Вазари: это источникъ драгоцѣнный. Въ Муратори также надо рыться. Знаетъ ли онъ, что комната, гдѣ находится знаменитый пожаръ Рафаэля, описанный Дюпати, былъ кабинетъ Юлія II и что до сихъ поръ еще остались гвозди, свидѣтельствующія, что Папа на нихъ что-нибудь вѣшалъ? Во всѣхъ этихъ комнатахъ Рафаэлевыхъ, столько прославленныхъ, прежде жили Папы и Юлій II и Леонъ X.—Портреты сихъ обоихъ Папъ писаны Рафаэлемъ. Въ Миланѣ вышла подробная жизнь Рафаэля, но я еще не читалъ ея.—Въ жизни Микель Анжело, напис(анной) Вазари, его другомъ, пропасть сценъ интересныхъ для Романа. Я даже

чавшіяся въ качествѣ введенія къ роману «Іорданъ Бруно» [1]). «Однажды въ духѣ я былъ перенесенъ въ страну мнѣ незнакомую—другіе люди—другой языкъ», начинаетъ авторъ свои «Итальянскія сцены»: «грудь, сжатая холодомъ, дышетъ свободнѣе—на меня дождятъ лучи вешняго солнца—глаза, замученныя снѣговой бѣлизною, отдыхаютъ на лазурномъ сводѣ—вотъ мелькнула предъ мною повергнутая колонна—вотъ другая—я видѣлъ ихъ когда-то. Но вотъ Амфитеатръ—гора Авентинская... не ты ли это прекрасная мечта моего дѣтства—не ты ли изъ пыли книгъ, изъ мертвыхъ стихій языка, убитаго школою,—возставала предо мною живая, великая, полная древнихъ

хотѣлъ нѣкоторыя драматически представить Мысль Микель Анжело поставить Пантеонъ куполомъ на храмѣ Петра есть чудная вещь хоть бы для трагедіи. Интересно бы было упомянуть въ это время и о бѣдственномъ состояніи нѣкоторыхъ памятниковъ древности. Колизей ломали на строеніе дворцовъ. Онъ служилъ нужникомъ Риму, куда бросали всякую мертвечину и нечистоту. При Павлѣ III въ 1540 году изъ камней Колизея построенъ дворецъ Фарнезе, теперь принадлежащій по наслѣдству двору Неаполитанскому. Посему-то въ Неаполь перевезены быкъ Фарнезской и Геркулесъ, который открытъ при Микель-Анжелѣ —Есть ли у васъ тамъ виды Петра, Ватикана, ложъ Рафаэля?—Я бы все это могъ переслать" Далѣе разсказывается о „швейцарахъ" при дворѣ папы, введенныхъ Юліемъ II. „Когда Одоевскій перешлетъ мнѣ требуемое мною,—я удвою подробности и по piazza Navonna, наберу ему разнаго старья, годнаго въ его романъ" —Одоевскій добросовѣстно изучалъ первоисточники и историческіе матеріалы во многихъ мѣстахъ его романа сдѣланы точныя ссылки на книги, которыми онъ пользовался.—Въ письмѣ отъ 17 мая 1833 г. И. В. Кирѣевскій предлагаетъ Одоевскому познакомить съ романомъ „Бруно" супруговъ Св—ыхъ (т.-е. Свербеевыхъ). Изъ письма видно, что самъ Кирѣевскій придавалъ роману Одоевскаго большое значеніе. Письмо находится въ автографахъ И. П. Б. Такимъ образомъ еще въ срединѣ 1833 г. Одоевскій работаетъ надъ романомъ. Мало того, Ю. П. Бартеневъ 11-го февраля 1844 г. все еще справляется у Одоевскаго о судьбѣ его „Итальяскаго романа": „Кажется, тамъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ философъ Итальянскій, Брюно; что-то онъ теперь, чѣмъ закончилъ?" (переплетъ 97, письмо Ю. Н. Бартенева; см. приложеніе).—Въ рукописяхъ Одоевскаго мы имѣемъ лишь программы, наброски и разрозненныя главы. На л 184—5 переплета 1-го читаемъ неотдѣланный планъ 14 главъ, а на оборотѣ л. 185—другой набросокъ плана (см. приложеніе). Послѣдній, повидимому, и былъ окончательно принятъ авторомъ. По крайней мѣрѣ, ему соотвѣтствуютъ три главы, относящіяся къ началу романа (л. 186—202). По первому плану предполагалось закончить романъ описаніемъ казни Дж. Бруно. Отрывокъ такого содержанія мы и находимъ на л. 217—221 (см приложеніе). Прочіе отрывки представляютъ необработанные наброски разныхъ мѣстъ романа.

1) Переплетъ 20, л. 34—37, автографъ. См. приложеніе.

думъ и древнихъ звуковъ—за мной! за мной! бросьте нечистую прозу вашей нечистой жизни—за мной, за мной—

Туда, гдѣ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Гдѣ золотой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ".

Мысленно ищетъ авторъ «великолѣпное жилище Микель-Анджело», которое такъ «манило» его въ дѣтствѣ и заставляло душу млѣть и трепетать въ неясномъ снѣ. Онъ боится, не разрушили ли новые варвары этотъ «Божій храмъ, созданный полу-Богомъ», не построили ли они на этомъ мѣстѣ прядильную фабрику. Въ воображеніи встаютъ люди и жизнь XVI в., и авторъ снова приглашаетъ читателей «бросить нечистую прозу нечистой жизни», всѣ «щеты и ращеты», всѣ «текущія дѣла и стоячія мысли» и—перенестись въ Ватиканъ. Здѣсь «нѣчто чудное совершается въ мірѣ». Папа разсматриваетъ недавно отысканныя творенія Цицерона (ранѣе—Тацита), отъ времени до времени сквозь растворенное окно кидая взоръ на строящійся храмъ Петра Апостола, а секретарь вялымъ и немножко гнусавымъ голосомъ докладываетъ ему о врагѣ папы—Лютерѣ. Какая эпоха!

Кромѣ Лютера жилъ тогда и Джордано Бруно. Бруно мучительно ищетъ истины и за свои убѣжденія готовъ претерпѣть всякаго рода лишенія; порою онъ и самъ не понимаетъ своего душевнаго состоянія [1]). Бруно не можетъ слѣпо подчиняться авторитету людского мнѣнія [2]). Самымъ рѣшительнымъ образомъ порываетъ онъ съ церковной догмой и старой наукой. Онъ вступаетъ въ горячіе диспуты съ тогдашними богословами и учеными (напр., съ Бональди, Ванини) и категорически отвергаетъ ихъ мертвую схоластику (въ родѣ разсужденій о томъ, «можетъ ли Богъ сдѣлать, чтобы 2 и 2 было пять, а не четыре» [3]). Изъ программы мы узнаемъ, во-1-хъ, что Бруно доказываетъ Помпонацію идею безсмертія души, во-2-хъ, беретъ сторону Лютера. Однажды Бруно напомнилъ своимъ собесѣдникамъ о нравственной отвѣтственности передъ людьми за пролитую кровь. «Что? если намъ явятся окровавленныя тѣни и потребуютъ отчета въ нашихъ поступкахъ», сказалъ Бруно: «имъ неизвѣстны наши богословскіе диспуты, наши

---

[1]) Переплетъ 1, л. 208—211.
[2]) Переплетъ 20, л. 75 об.—76 (діалогъ между Аретино и Бруно).
[3]) Переплетъ 1, л. 201 об.—202 об., л. 205 и об.

политическіе развѣсы, наши такъ называемыя пользы Италіи, они знаютъ одно—они понимаютъ одно: пролитую кровь человѣка» [1]).

Бруно вѣритъ въ окончательное торжество защищаемой истины, хотя послѣ одного спора со своими противниками и признается: «Я бы не въ силахъ былъ доказать имъ то, что считаю первой истиной въ свѣтѣ — ее можетъ лишь подтвердить весь родъ человѣческій, и ето будетъ—но до етаго ни я ни враги мои не доживутъ» [2]).

Ранній представитель новой науки еще не свободенъ отъ мистики. Такъ, Бруно развиваетъ передъ Аретино ученіе о томъ, что каждая стихія (земля, вода, воздухъ) управляется особымъ духомъ, «котораго единственная цѣль—размножить существованія. Но есть четвертая стихія—огонь—который существуетъ для того только, чтобъ уничтожать все существующее. Было время, когда духъ огня такъ усилился, что достигнулъ своей цѣли» [3]). Вмѣстѣ съ какимъ-то «незнакомцемъ» Бруно въ Амфитеатрѣ вызываетъ духа и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду о назначеніи человѣка, понимая это назначеніе согласно обычнымъ воззрѣніямъ мистиковъ. Человѣкъ, по Бруно, сильнѣе падшихъ духовъ и предназначенъ къ великой миссіи. «Умолкни!» говоритъ Бруно «безсмертному существу» [4]): «одинъ человѣкъ, который пятами попираетъ землю, а духомъ возносится выше звѣздъ, можетъ понять то, чего ты никогда не узнаешь, ты, существо неполное. Умолкни — вызванный силою человѣка!—ты ничему научить его не можешь, ибо онъ знаетъ то, что ты не знаешь, ибо въ немъ связь между тобою и другою, болѣе грубою, но столь же живою силою человѣка. Ты слабѣе человѣка, ибо ты упалъ ниже его, и не имѣешь силы приподняться».

Противъ словъ «ты, существо неполное» Одоевскимъ на поляхъ сдѣлано замѣчаніе: «L'homme de désir», т.-е. сдѣлана ссылка на извѣстное сочиненіе *С. Мартена* [5]).

---

1) Переплетъ 54, л. 12. См. приложеніе.

2) Переплетъ 1, л. 182.

3) Переплетъ 1, л. 232 (разсужденіе Бруно не окончено).

4) Переплетъ 20, л. 23. об. См. приложеніе.

5) Въ первой программѣ романа въ двухъ мѣстахъ (въ главѣ 7-ой и 10-й) и въ пунктѣ 7-мъ второго плана говорится о близости Дж. Бруно къ Рай-

Бруно окруженъ чуждой ему средой: его не понимаютъ ни жена, ни Аретино (оказавшійся продажнымъ поэтомъ и вообще человѣкомъ съ весьма упрощеннымъ взглядомъ на жизнь [1]), ни кардиналы, ни папа. Дѣло кончается тѣмъ, что его сочиненія сжигаютъ, его самого сажаютъ въ тюрьму и, наконецъ, также сжигаютъ на кострѣ [2]). Въ тюрьмѣ ближайшіе родственники Бруно стараются убѣдить его отказаться отъ своихъ мнѣній, но онъ непоколебимъ. Казнь совершилась, сопровождаемая чудесными явленіями: въ облакахъ дыма, который поднимался отъ костра, видѣли женщину въ бѣломъ платьѣ, а затѣмъ какой-то молодой человѣкъ, пробравшись сквозь толпу, выхватилъ одну изъ книгъ Бруно, отданныхъ въ жертву пламени, и съ быстротою молніи пустился бѣжать; никто не могъ догнать его. Дня черезъ два послѣ казни два старика съ молодою женщиною собирали хладный пепелъ Бруно и плакали. «Что вы плачете надъ Еретикомъ?»—сказалъ кто-то изъ проходящихъ. «Если бы ты зналъ его — ты бы не сказалъ ето — онъ былъ истинно добрый человѣкъ — хорошій мужъ». «Почтительный сынъ!»—прибавилъ Ліаріо (въ другихъ мѣстахъ — Ріаріо). Боробалло жалѣетъ, что Бруно не произвелъ ничего, чѣмъ бы могъ увѣковѣчить свое имя; онъ готовъ даже великодушно приписать Бруно половину своихъ сочиненій, чтобы спасти его отъ окончательнаго забвенія, «да къ нещастію—никто не повѣритъ, чтобы онъ былъ въ состояніи произвести что-нибудь подобное».

Такъ судили о Дж. Бруно современники, люди толпы. Чтобы показать, насколько они ошибались въ своей оцѣнкѣ Бруно, Одоевскій намѣревался написать *«Апотеозисъ Бруно»*, въ ко-

---

моиду Луллію и его дочери Лициліи (въ другомъ мѣстѣ—Луциліи). Во второмъ планѣ читаемъ еще слѣдующія любопытныя строки (л. 185 об., пунктъ 7-й): „она (т.-е. Луцилія) спрашиваетъ Бруно, вѣритъ ли онъ существованію Духовъ: Ефироиды—; сестра Луциліи—Кардіада". Что Бруно вѣритъ въ существованіе духовъ, мы уже знаемъ. Важно отмѣтить имена духовъ—*Ефироиды* и *Кардіады*. Это—тѣ самые духи, о которыхъ Одоевскій говоритъ въ особомъ произведеніи, разсматриваемомъ нами ниже.

[1]) Переплетъ 1, л. 206 и об., л. 203—206. Аретино упоминается въ драмѣ П. Б. Кукольника „Джуліо Мости" (1832—1833). Въ примѣчаніи автсръ даетъ рѣзко отрицательную характеристику этого поэта. Сочиненія Нестора Кукольника Спб. 1851. Т. I. Стр. 409, 560—563.—О Піетро Аретино см., напр., въ „Исторіи итальянской литературы" Ад. Гаспари, т. II, 412—434.

[2]) Переплетъ 1, л. 203 и слл., 217—221 (см. приложеніе).

торомъ хотѣлъ показать связь Бруно съ его идейными преемниками [1]).

Въ несомнѣнной, не только территоріальной, но и внутренней связи съ романомъ «Iорданъ Бруно» стоитъ повѣсть о Винченціо и Цециліи, отрывки которой находимъ среди набросковъ романа (переплетъ № 1, л. 231). Эту повѣсть можно считать совершенно особымъ произведеніемъ. Озаглавимъ ее «*Цецилія*» [2]).

Вѣроятно, и это произведеніе было задумано въ началѣ 30-хъ годовъ: на немъ еще лежатъ свѣжія краски эстетизма двадцатыхъ годовъ. По первоначальному своему замыслу, «Цецилія» — апофеозъ искусства. Героя можно охарактеризовать буквальными словами Ваккенродера-Тика: это—монахъ, отшельникъ, любитель искусства [3]). Да и вся повѣсть напрашивается на сравненіе съ романомъ Тика: «Franz Sternbald's Wanderungen, eine altdeutsche Geschichte».

Эпиграфъ къ «Цециліи» взятъ изъ «Вертера» Гете: «Удивительно! какъ я понималъ каждый шагъ свой и зашелъ такъ далеко! какъ ясно видѣлъ свое положеніе, а дѣйствовалъ, какъ

---

[1]) Вотъ его планъ въ переплетѣ 1, л. 222: „Фабрицій (потомъ зачеркнуто). Фрегерій.—Спиноза } Окончаніе Философскаго диспута. Декартъ } Молодой. При концѣ жизни. Малебраншъ. Бель. Нѣмецкій Профессоръ—въ 19-мъ столѣтіи. Рускій Журналистъ. 1929-й годъ“. Первоначально было: „1829-й годъ“; это, разумѣется, въ свою очередь можетъ служить одной изъ хронологическихъ датъ произведенія.

[2]) Отъ „*Цециліи*“ сохранились три большія главы: одна, начатая въ переплетѣ 13, л. 53—54 об. + 126—129 (порядокъ листовъ здѣсь долженъ быть такой: л. 127—129, 126) и въ переплетѣ 1, л. 231 и об., все въ автографахъ; „Глава 2-я“—въ переплетѣ 80, л. 519—525, автографъ; „Глава 4-я. Характеръ“—ibid., л 526—532.—Кромѣ того, въ переплетѣ 9, л. 409, автографъ, находимъ небольшой отрывокъ подъ заглавіемъ „*Старинная Легенда*“. Это, очевидно, начало той же повѣсти въ первомъ ея наброскѣ. Заглавіе „Старинная Легенда“ Одоевскій давалъ и другимъ своимъ произведеніямъ. Такъ, повидимому, хотѣлъ онъ назвать и повѣсть о Цециліи. См. приложеніе.

[3]) Іосифъ Берглингеръ сочиняетъ молитвенный гимнъ въ честь св. Цециліи, покровительницы музыки (Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изящнаго, изданныя Л. Тикомъ. М. 1826. Стр. 225—227). Образъ Цециліи рисуетъ Рафаэль (ib., 17). Карло-Дольчева Цецилія вдохновляетъ Владимира, героя „Кати“ (1834), о чемъ ниже. Въ „Р. Ночахъ“ (I, 112—114), для выраженія „религіознаго чувства“, приводится отрывокъ изъ „Цециліи“ съ эпиграфомъ изъ стихотворенія Шевырева „Пѣснь къ Цециліи, покровительницѣ гармоніи“.

ребенокъ! Я теперь еще ясно вижу, а нѣтъ ни малѣйшей надежды исправиться». Въ такомъ настроеніи находился пустынникъ Виченціо, инокъ монастыря св. Бернарда, расположеннаго среди снѣговыхъ альпійскихъ горъ. Виченціо уже достигъ того зрѣлаго періода жизни, «когда уравновѣшиваются всѣ силы человѣка», когда душа стремится къ подвигамъ высокимъ, и «когда таинственная мысль предвѣчной жизни, присутствовавшая при рожденіи человѣка, является во всемъ блескѣ своего развитія» [1]). «Что такое жизнь?» спрашивалъ себя инокъ и мысленно пробѣгалъ весь путь своего земного странствованія. Въ юности онъ любилъ поэзію и живопись; «возвышенные помыслы любомудрія волновали и покоили его душу, въ сладкихъ сновидѣніяхъ представляли ему будущее и поселили въ немъ гордость самосвѣденія» [2]). Такимъ образомъ въ юности Виченціо былъ любомудромъ-идеалистомъ и художникомъ. «Онъ постигнулъ ту силу, которая вырываетъ у Природы сокровеннѣйшія изъ ея таинствъ, волшебное сродство мысли съ выраженіемъ было ему легко и понятно, и полотно оживало подъ его рукою, гармонія чувства переливалася въ звуки, и глубокія умозаключенія предупреждали открытія человѣчества. Но люди не поняли его, и онъ не понялъ людей» [3]). «Могущественное сомнѣніе» стало закрадываться въ душу Виченціо; онъ утратилъ былое непосредственное чувство красоты и добродѣтели и смѣшался съ толпой другихъ людей. Въ такомъ состояніи ушелъ онъ отъ міра, въ уединеніе монастырской кельи. Здѣсь, среди альпійскихъ снѣговъ и въ тишинѣ святой обители, схоронилъ

---

1) Переплетъ 13, л. 53 и об. Не лишено значенія текстуальное сходство въ характеристикѣ Виченціо и Оросмана (въ „Петрѣ Пустынникѣ“). О Виченціо въ указанномъ мѣстѣ говорится. „Виченціо былъ уже не на зарѣ лѣтъ, уже онъ давно достигнулъ того возраста, *когда уравновѣшиваются всѣ силы человѣка*, [заклеено] бытія яснѣетъ, *рождается та дѣятельность души, которая стремитъ его къ подвигамъ высокимъ*“ и т. д. Объ Оросманѣ (переплетъ 10, л. 20 об.). сказано, что „онъ еще не достигъ той минуты, *когда въ человѣкѣ уравновѣшиваются всѣ силы души его, когда рождается то спокойствіе, та полнота жизни, которая углаживаетъ путь человѣка къ подвигамъ высокимъ* и дѣлаетъ его властелиномъ судьбы своей и безъ коей тщетны всѣ его усилія“. Отмѣченное сходство между прочимъ позволяетъ „Цецилію“ пріурочить приблизительно къ тому же времени, что и „Петра Пустынника“.

2) Ibid., л. 53 об.

3) Ibid., л. 53 об.—54.

онъ свою разбитую жизнь. «И подобно страннику, занесенному снѣговымъ сугробомъ, онъ съ сладострастіемъ отчаянія слѣдилъ, какъ мало-по-малу свинцовымъ сномъ засыпала душа его»[1]).

Однажды «непроизвольнымъ движеніемъ руки» отшельникъ отодралъ «часть скудныхъ обой, покрывавшихъ стѣну его келіи» и передъ его удивленными взорами явился образъ Св. Цециліи.

«Благочестивый мастеръ—вѣроятно, одинъ изъ учениковъ Алберта Дюрера—изобразилъ ее съ тою древнею простотою, которая отражается въ возвышенныхъ произведеніяхъ природы и искусства. Въ размышляющемъ взорѣ ея сіяло то небесное спокойствіе, которое также отлично отъ земной тишины, какъ непрерывный восторгъ Серафима отличенъ отъ буйной радости Искусителя. Голубое покрывало обвивалось вокругъ ея стана. Пальцы ея покоились на органахъ, и, казалось, въ гармоніи всѣхъ частей произведенія отдавалась гармонія звуковъ»[2]). Сначала Виченціо остался холоденъ къ великому художественному творенію: въ немъ слишкомъ было сильно чувство неудовлетворенности жизнію, слишкомъ душа его была отравлена сомнѣніями. Но постепенно образъ св. Цециліи покорилъ его себѣ. «Въ часы, когда пламенныя мысли отчаянія падали на его мертвѣющую душу, онъ невольно обращалъ взоръ на образъ Цециліи, и какъ бы цѣлебный елей обливалъ измученную грудь его»[3]). «Мало-по-малу созерцать Св. Цецилію сдѣлалось для него привычкою, необходимостію, страстію—жизнію»...[4]) Виченціо переродился, воскресъ къ новой жизни.

«Новымъ свѣтомъ озарились для него всѣ прежнія помыслы, и чувства»...[5]) То онъ воображалъ себя въ равнинахъ Палестины, гдѣ, «съ именемъ Св. Цециліи на устахъ», кровію своей искупаетъ свободу святой земли; «то въ сонмѣ царедворцевъ мощною рукою двигалъ хитросплетенныя колесы правленія, то открытіемъ новыхъ таинствъ Природы или сильнымъ выраженіемъ души потрясалъ человѣчество»[6]). Св. Цецилія стала

---

1) Переплетъ 13, л. 54 об.

2) Ibid., л. 54 об. + 127.

3) Ibid., л. 128 об.

4) Ibid.

5) Ibid.

6) Ibid , л. 129.

геніемъ—вдохновителемъ Виченціо. Онъ переживалъ блаженныя минуты.

Съ теченіемъ времени однако въ Виченціо «родилось безумное, но мучительное чувство или оживить ее или самому обратиться въ него (sic)—словомъ, слиться съ нею однимъ существомъ» [1]). Это чувство Виченціо перешло въ какую-то земную, человѣческую страсть къ Цециліи, и прежнія муки водворились въ его душѣ. Разъ Виченціо видитъ сонъ. Ему кажется, что образъ Цециліи отдѣлился отъ стѣны; «прелестная ножка скользитъ по плитѣ уединенной келіи—и все смѣшалось, изчезло»... [2]) Виченціо видитъ себя въ Венеціи, гдѣ свирѣпствуетъ страшная зараза. Цецилія въ сѣрой рясѣ сестры милосердія оказываетъ помощь страждущимъ. Сжигаемый страстью, инокъ бросается къ ней, но она кротко напоминаетъ ему о своемъ и его долгѣ. Въ пламенныхъ рѣчахъ говоритъ Виченціо о любви, о своемъ желаніи объ руку съ нею «стремиться по стезѣ совершенствованія и дѣятельности». «Съ сей минуты—ты моя невеста и никому не можешь принадлежать болѣе!..» [3]) восклицаетъ онъ. Въ ней для Виченціо все: и наслажденіе, и страданіе, и поэзія, и добродѣтель, и религія

«О, не оскорбляйся моими словами, Цецилія!» заканчиваетъ онъ свои горячія признанія: «ты не можешь, ты не должна оскорбляться моимъ святымъ, чистымъ, невиннымъ къ тебѣ чувствомъ! Я не требую отъ тебя ничего, кромѣ—взора, слова, пожатія руки—надежды...» [4])

Все это изображается, какъ сонъ Виченціо. Уже въ этомъ снѣ Св. Цецилія низводится на землю, въ міръ людскихъ страданій, которыя она врачуетъ своимъ милосердіемъ, какъ бы тѣмъ самымъ удостовѣряя родство добра и красоты [5]). Цецилія возродила въ душѣ Виченціо стремленіе къ подвигамъ и совершенствованію, но его чувство къ ней незамѣтно приняло какой-то плотскій оттѣнокъ. Виченціо недостаточно было боготворить идею красоты, поклоняться образу Св. Цециліи:

---

[1]) Ibid., л. 129 об.

[2]) Переплетъ 80, л. 521.

[3]) Ibid., л. 523 об.

[4]) Ibid., л. 525.

[5]) Своего рода отвѣтъ на мучительныя рефлексіи Іосифа Берглингера, вызванныя зрѣлищемъ человѣческихъ бѣдствій.

ему нужно осязательное воплощенiе красоты въ живомъ человѣкѣ, на котораго онъ могъ бы излить всю силу своего чувства.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Одоевскiй, повидимому, хотѣлъ говорить о земной Цецилiи, о божественномъ началѣ красоты въ условiяхъ земного бытiя. Глава 4-я, подъ названiемъ «Характеръ», начинается такими словами [1]): «Не одна Цецилiя— ихъ двѣ: природная и искусственная. *Природная*—имѣетъ сердце чувствительное, воображенiе пламенное, мысли, чуждыя обыкновенныхъ предразсудковъ, она независима, нетерпѣлива, любитъ задумываться, больше молчать, нежели говорить;— *искуственная* — скрываетъ сердце, прячетъ воображенiе,—боится мыслей, удаляющихся отъ общихъ мнѣнiй, не только покоряется приличiямъ, но даже раболѣпно за ними слѣдуетъ и отъ того иногда терпѣлива до самоотверженiя, отъ того говоритъ много и часто безъ участiя головы и сердца въ словахъ ея».

Этой противоположности авторъ придаетъ общiй психологическiй смыслъ, такъ какъ «характеръ каждаго человѣка есть соединенiе его природной организацiи съ обстоятельствами, въ которыя ставитъ его мѣсто, имъ занимаемое между другими людьми». Въ *«идеальномъ*, или, лучше сказать, *естественномъ* состоянiи общества (ибо ети два выраженiя для меня однозначущи)» природная организацiя человѣка должна бы находить возможность для своего полнаго развитiя. «*Жить сообразно своей природѣ*—есть цѣль всѣхъ тварей отъ человѣка до кристалла»; къ этой цѣли стремится каждое общество и каждый индивидуумъ. «При нынѣшнемъ несовершенномъ состоянiи общества совершенное достиженiе цѣли жизни невозможно; отъ того безпрестанная борьба между природною организацiею человѣка и условiями общества, въ которыхъ онъ находится» [2]). Все равно, побѣдитъ ли первое или второе,—человѣкъ не можетъ быть вполнѣ счастливъ въ этой дисгармонiи; она калѣчитъ его. Какъ бы то ни было, характеръ человѣка есть производное двухъ силъ—природной его организацiи и общественныхъ условiй. Всѣ эти разсужденiя авторъ и примѣняетъ къ объясненiю сложнаго характера нѣкоей Цецилiи. Ея природная

---

[1]) Переплетъ 80, л. 526.

[2]) Ibidem, л. 527.

организація отличалась нѣжными и богатыми задатками, но необходимость борьбы съ внѣшними условіями извратила ея природу: «природная» Цецилія превратилась въ «искусственную», почти въ обычную свѣтскую женщину. И авторъ съ грустью восклицаетъ: «Жизнь мѣлкая, ничтожная, недостойная Цециліи! Жизнь падающаго Серафима!» [1]) Онъ обращается къ Цециліи съ цѣлымъ воззваніемъ и между прочимъ говоритъ [2]): «Не обманывайся! Свѣтскій демонъ тебя осѣтилъ. О! отмолись отъ него и не продай ему совсѣмъ души твоей.—Другая, высшая цѣль предстоитъ для прекрасной души твоей. Но достигнуть ее можешь лишь омывшись отъ грѣховъ твоихъ. Кидай иногда ленту на олтарь свѣтскихъ предразсудковъ, но не отдавай всей души твоей на закланіе Идолу—онъ не пойметъ етой жертвы, а только душа твоя распадется на безобразныя части.—Лишь одно сильное чувство, достойное своего предмета,—кто бы онъ ни былъ—можетъ связать сіи части и возбудить ихъ могущественную дѣятельность, какъ одинъ сильный трудъ можетъ соединить въ гармоническое цѣлое несвязныя части твоихъ познаній. Иначе погибнетъ твоя душа и придетъ позднее раскаяніе!»

Намъ не совсѣмъ понятно, какъ хотѣлъ Одоевскій судьбу великосвѣтской, даже, очевидно, русской Цециліи связать съ исторіей Виченціо и Св. Цециліи [3]). Но настроеніе, руководившее творчествомъ автора, понятно: это—гимнъ идеалиста искусству, божественной красотѣ и поэзіи жизни. Своимъ прикосновеніемъ человѣкъ омрачаетъ лучезарный ликъ красоты, а несовершенное устройство человѣческой жизни часто и совсѣмъ губитъ въ людяхъ «природную Цецилію».

Каково бы ни было отношеніе 4-ой главы («Характеръ») ко всей композиціи «Цециліи», здѣсь сказалась характерная особенность Одоевскаго — далекое и абстрактное связывать съ близкимъ и конкретнымъ.

Мысль Одоевскаго свободно переносится за предѣлы земного

---

[1]) Ibid., л. 530.

[2]) Ibid., л. 532 об.

[3]) Нелишне, пожалуй, вспомнить, что въ пов. „Катя" Владиміръ, съ жаромъ копируя „Карло-Долчеву Цецилію", видитъ въ ней сходство съ Катей и во всякомъ случаѣ желаетъ, „чтобы Цецилія была идеаломъ для его Кати" (Новоселье, кн. II, стр. 401—2).

и конкретнаго въ иной міръ. Джордано Бруно находится въ общеніи съ духами, Вичендіо стремится къ сліянію съ образомъ Цециліи. Поставленный посреди двухъ міровъ, человѣкъ хочетъ жить и въ томъ и въ другомъ. Въ этотъ міръ онъ хотѣлъ бы перенести все святое и поэтическое, что есть въ томъ мірѣ, въ мірѣ духовъ. Духи, обитатели того міра, становятся обычными персонажами въ произведеніяхъ Одоевскаго тридцатыхъ годовъ, и чудесное дѣлается какъ бы естественнымъ фактомъ человѣческой жизни.

Въ романѣ о Джордано Бруно промелькнули какіе-то ефироиды и кардіады. Съ ними знакомитъ насъ особое произведеніе подъ характернымъ заглавіемъ «*Новая Миѳологія*».

Эта «сказка» вмѣстѣ съ другой, которая неразрывно съ нею связана и носитъ заглавіе «*Музыкальный инструментъ*», предназначалась еще для «Московскаго Вѣстника» [1]).

Насколько можно понять изъ сохранившихся отрывковъ, сказки разсказываетъ дѣдушка; его слушаютъ бабушка, просвирня и городничій—все люди филистерскаго настроенія, не способные подняться на высоту его идеалистическихъ переживаній.

Вотъ что разсказывалъ дѣдушка въ своей первой «сказкѣ»—«Новая Миѳологія».

«Въ то время, когда отъ солнца ложатся по долинамъ длинныя тѣни, и верьхи башенъ освѣщаются багровымъ, безпрестанно ослабѣвающимъ свѣтомъ, когда внезапная тишина растилается по землѣ, и въ человѣкѣ рождается какое-то темное таинственное ожиданіе, въ то время въ еепрныхъ лучахъ зари обираются духи, властвующіе надъ вселенною». Одни духи именуются *кардіадами*; ихъ жилище—сердце человѣческое. «Ети духи женщины». Кардіада «застаетъ» человѣка въ моментъ его рожденія и сопровождаетъ его всю жизнь; она не измѣняется и образуетъ «характеръ» человѣка, «его внутреннее устройство». «Есть другіе духи; ихъ имя—*Еѳириды*. Сихъ жилище—

---

1) Въ копіи (съ поправками автора) онѣ сохранились въ переплетѣ 4, л. 57—60. По полямъ черезъ всю статью написано: „могу—пропу—стить—И. Снегиревъ". Конецъ листа 60-го срѣзанъ. Къ заглавію сдѣлано примѣчаніе рукою Одоевскаго: „Раздѣленіе на статьи, оглавленіе и проч. т. е. все ето дѣло моего почтеннаго Наставника. С." Подпись „Каллидоръ" и дата „1826" написаны рукою Одоевскаго. Въ концѣ помѣтка: „Продолженіе будетъ".

мечтанія человѣка; они не опредѣленны, какъ призраки; нѣтъ имъ ни особеннаго образа ни особенныхъ свойствъ; нѣтъ для нихъ ни времени, ни пространства; они разнообразны, безконечны, дѣятельны, какъ природа, имъ подчиненная» (л. 57 и об.). Ефириды проникаютъ собою все, начиная съ какой-нибудь пылинки, черты, невзначай проведенной безпечною рукою живописца, или звука, незамѣтно сорвавшагося съ лиры поэта, и кончая высшими порывами ума или глубочайшими проявленіями искусства. Ефириды творятъ и великое и малое, и красивое и безобразное, и благое и злое.

«Ефириды въ безконечной борьбѣ съ Кардіадами, отъ созданія міра длится между ними споръ, до сихъ поръ не рѣшенный». Кардіада представляетъ собою какъ бы эгоцентрическое начало; въ каждомъ человѣкѣ она видитъ «вселенную»; она любитъ лишь даннаго человѣка, и всю природу размативаетъ лишь по отношенію къ человѣку; «она порождаетъ въ человѣкѣ любовь къ самому себѣ, стараніе о сохраненіи своей собственной жизни, совершенное забвеніе другихъ людей». Ефириды, напротивъ, представляютъ центробѣжное начало: они любятъ человѣчество, а не отдѣльнаго человѣка; они рождаютъ въ человѣкѣ чувство самоотверженія и смѣлые порывы вдаль, «въ ту страну, никогда недостигаемую, гдѣ движется огромная ось вселенной, непостижимая чувствомъ». Человѣкъ, не замѣчая того, является ареной борьбы кардіадъ и ефиридовъ. Если эта борьба не находитъ себѣ примиренія, человѣкъ ощущаетъ недовольство самимъ собою, дѣлается мизантропомъ. Если одолѣваетъ кардіада, человѣкъ становится *злодѣемъ*; если верхъ беретъ ефиридъ, человѣкъ дѣлается *безумцемъ*. Чаще однако въ человѣкѣ происходитъ смѣна этихъ состояній. Самый счастливый моментъ — тотъ, когда «Ефириды простираютъ руку любви Кардіадамъ». Въ такія мгновенія человѣкъ переживаетъ состояніе высшаго вдохновенія и творчества: онъ ощущаетъ въ себѣ силу сотворить новую вселенную; «въ сіе-то время зарождаются въ душѣ его возвышенныя мысли, сильныя чувствованія, зарождаются тѣ произведенія, которыя переживаютъ вѣка». По смерти человѣка, ефириды продолжаютъ поддерживать жизнь въ твореніяхъ человѣка, «и отъ того иногда сама Кардіада трепещетъ среди могильнаго сна своего».

«Новая миѳологія» дѣдушки не заинтересовала его слуша-

телей: мало-по-малу они перестали его слушать и возобновили прежнюю бесѣду о приготовленіи впрокъ картофеля. Дѣдушка предвидѣлъ такой результатъ, и рѣшился предложить слушателямъ еще одну сказку, «самую старинную», отъ которой, говорятъ, пошла пословица: «вмѣстѣ—тѣсно, розно—грустно». Второй разсказъ дѣдушки называется *«Музыкальный инструментъ»*.

«Однажды Еѳиридъ, вырвавшійся изъ головы пламеннаго мечтателя, летѣлъ по бездонной пучинѣ пространства и скучалъ бездѣйствіемъ» (л. 59). Вдругъ слухъ его поразила «чудная гармонія». Оказалось, «ето звуки непримѣтной пылинки, которая называется землею». Вблизи въ ней все нестройно, хаотично, низменно, и «сиротливый гимнъ какого-то уединеннаго пѣснопѣвца» теряется среди суетливаго гама людей. Но въ цѣломъ земля представляетъ дивный музыкальный инструментъ, чарующую эолову арфу. Это зрѣлище изумило эфирида мечтателя. «Неизмѣримое время провелъ онъ, наблюдая сіе явленіе, и, наконецъ, въ досадѣ, что не можетъ объяснить его, слился съ своими собратіями и исчезъ!» (л. 60) [1])

И эта сказка не понравилась слушателямъ дѣдушки; они попросили «чего-нибудь попростѣе». — «Ну, такъ слушайте-жъ—воскликнулъ Дѣдушка—съ негодованіемъ: «У одного моего знакомаго было двѣ головы».—Всѣ встрепенулись, какъ отъ электрическаго удара.

Продолженія разсказа однако не послѣдовало.

Какъ ни замысловаты дѣдушкины сказки, но понять ихъ нетрудно. Идеалистическій оптимизмъ «Музыкальнаго инструмента» сочетался здѣсь съ психологическими размышленіями, облеченными въ мистическую форму. Мистики различаютъ въ человѣкѣ душу и духъ. Душа имѣетъ жилище въ сердцѣ, это—кардіада; духъ—это эфиридъ. Мистики знаютъ и «ефирныхъ духовъ». Духъ выше души, и эфиридъ выше кардіады (Ср. ученіе Пордэча на 427—428 стр.). Вѣрный самому себѣ, Одоевскій проповѣдуетъ *синтезъ*: только любовный союзъ эфи-

---

1) „Музыкальный инструментъ“ Одоевскаго нѣсколько напоминаетъ статью В. А. Жуковскаго „Взглядъ на землю съ неба“ (1831 г.) небожитель понялъ глубокій смыслъ человѣческой жизни съ ея страданіями, вѣрой, надеждой, любовію, и, созерцая землю, насладился тѣмъ, чего нѣтъ въ безмятежномъ величіи небожителей.

ридовъ съ кардіадами создаетъ высшій моментъ творческой жизни; только въ сочетаніи «я» съ «не-я», эгоизма и альтруизма, личнаго и общаго—раскрывается вся полнота человѣческой жизни [1]).

«Новая миѳологія», по нашему мнѣнію, служитъ симптомомъ новаго, назрѣвающаго въ Одоевскомъ настроенія—мистическаго Видѣть здѣсь одно шеллингіанство уже нельзя [2]). Недаромъ «Московскій Вѣстникъ» съ недоумѣніемъ встрѣтилъ сказки дѣдушки. В. П. Титовъ въ письмѣ отъ 3 марта 1827 г. писалъ Одоевскому: [3]) «Въ твоихъ *Роскaзняхъ духовъ* мысли вообще прекрасныя; но скажу откровенно: мнѣ не нравится форма· не вижу, какая нужда затруднять варварскими именами *Кардіада, Эѳирида* и проч. наблюденія, которыя и безъ нихъ довольно сложны, и въ представленіи которыхъ первыя свойства должны быть: простота и ясность; сверхъ того одежда Апологa прилична только для отдѣльной мысли, которую она иногда украшаетъ подобно риемѣ, иногда же представляетъ въ болѣе рѣзкихъ оттѣнкахъ — но мысли систематическія трудно вмѣстить въ форму Апологa: форма и содержаніе никогда не сольются въ одно органическое цѣлое. Потому, признаюсь, я бы желалъ, чтобъ ты исключилъ изъ росказней духовъ первый апологъ, и составилъ бы изъ онаго Разсужденіе для отдѣла Нравственности, въ которомъ мы нуждаемся. А вмѣсто него прислалъ бы *Звуки*—пьесу хорошую и написанную въ характерѣ Апологa. Позволь мнѣ еще одно замѣчаніе. въ Введеніи къ Росказнямъ просвирня невольно напоминаетъ о Ѳаддеѣ, другое лицо о Полевомъ, изъ етаго нехотя заключишь, что въ дѣдушкѣ представленъ *Моск Вѣстникъ*—какое же сходство нашелъ ты между нами, яко Журналистами, и человѣкомъ, который боль-

---

1) Своимъ названіемъ кардіады заставляютъ вспомнить неоконченное произведеніе В Кюхельбекера „*Земля безглавцевъ*“, напечатанное еще въ „Мнемозинѣ“, ч. II, стр 145—151.—Въ апрѣлѣ 1821 г. въ Парижѣ авторъ сѣлъ на воздушный шаръ и улетѣлъ далеко за предѣлы земли, въ царство Безглавцевъ, въ *Акефалію* со столицею *Акардіономъ*. Акефалія, въ свою очередь, граничитъ „съ Бумажнымъ Царствомъ, съ областями человѣческихъ познаній, заблужденій, мечтаній, изобрѣтеній“.

2) Такъ именно трактуетъ разсказъ о кардіадахъ и эфиридахъ проф. Н. И. Замотинъ въ книгѣ „Романтическій идеализмъ въ р. обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX ст.“ (Спб. 1908. Стр. 382 и слѣд).

3) Бумаги 1869 г.

шее время своей жизни слыветъ за *сумасшедшаго* и говоритъ въ полупонятныхъ отрывкахъ, какъ Пиѳія Дельфійская?»

Титовъ почувствовалъ въ сказкахъ дѣдушки нѣчто, чуждое любомудрію, чуждое тому, что содержалось въ «Мірѣ звуковъ». Онъ отвергъ «Росказни духовъ», и они не были напечатаны въ «Московскомъ Вѣстникѣ» [1]).

Дата «Новой миѳологіи» (1826) показываетъ, что Одоевскій уже во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ сталъ проникаться мистическими настроеніями. Но они не нашли себѣ поддержки среди товарищей — любомудровъ, и, хотя вслѣдствіе этого не заглохли въ немъ, но настоящимъ образомъ окрѣпли лишь съ тридцатыхъ годовъ. Сказки Каллидора взялся досказать Ириней Модестовичъ Гомозейко, а за нимъ и другіе родственные ему герои Одоевскаго изъ категоріи «безумцевъ», «сумасшедшихъ».

II.

Переходимъ теперь къ произведеніямъ, которыя объединяются именемъ Иринея Модестовича Гомозейки, столь же характернаго для тридцатыхъ годовъ, какъ Аристъ—для двадцатыхъ [2]). Это — *циклъ Гомозейки.* Въ немъ какъ разъ сочетались оба типичныхъ для Одоевскаго вида творчества.

Беремъ прежде всего «*Пестрыя сказки*» [3]).

---

[1]) Изъ письма Титова видно, что нѣкоторыя части „Новой миѳологіи“ въ рукописяхъ не сохранились.—Предложеніе переработать идеи „Новой миѳологіи“ въ видѣ разсужденія въ отдѣлъ Нравственности Одоевскимъ не было принято. Значительно позднѣе, въ 1838 г., это сдѣлалъ самъ Титовъ подъ псевдонимомъ „Т. Космократовъ“, въ статьѣ „О счастіи въ жизни (афоризмы изъ Нравственно-Политической Економіи)“, которую находимъ въ переплетѣ 83, л. 150—165. „*Себялюбіе* и *сочувствіе*“, говорилъ онъ здѣсь (л. 164),—вотъ обѣ полости сердца, вотъ притягательныя силы, между которыми душа живетъ и колебается. Въ каждомъ человѣкѣ, безъ его сознанія, смѣшаны сіи двѣ стихіи, только въ различной степени“. Первую стихію можно назвать мужскою, вторую—женскою.

[2]) Въ повѣстяхъ тридцатыхъ годовъ авторы весьма нерѣдко пользуются пріемомъ выводить своего alter ego (Рудый Панько Гоголя, Бѣлкинъ Пушкина, Архипъ Ѳаддеевичъ Булгарина и т. п.).

[3]) Пестрыя сказки съ красным словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою, магистромъ философіи и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, изданныя *В. Безгласнымъ.* Спб. 1833.—Это изданіе „Пестрыхъ сказокъ“ напечатано съ нѣкоторыми оригинальными особенностями въ правописаніи и пунктуаціи, которыхъ „потребовалъ“ Ириней Модестовичъ. Наиболѣе любопытнымъ

Помѣщая въ изданіи 1844 г. «Отрывки изъ Пестрыхъ сказокъ», Одоевскій рекомендуетъ ихъ читателямъ, какъ «шутку, которой главная цѣль была: доказать возможность роскошныхъ изданій въ Россіи *и пустить въ ходъ рѣзьбу на деревѣ*, а равно и другіе политипажи—дѣло тогда совершенно новое» [1]). Не забудемъ, однако, что строгій авторъ сумѣлъ все-таки выбрать изъ своихъ «Пестрыхъ сказокъ» статьи, которыя написаны были не для политипажей и могутъ имѣть чисто литературное значеніе [2]). Мы можемъ отнестись къ «Пестрымъ сказкамъ» болѣе справедливо, такъ какъ, несомнѣнно, въ свое время онѣ были замѣтнымъ литературнымъ явленіемъ.

«Пестрыя сказки» вложены въ уста *Иринея Модестовича Гомозейки*, магистра философіи, члена разныхъ ученыхъ обществъ [3]). Гомозейко знаетъ всѣ возможные языки, живые, мертвые и полумертвые; знаетъ всѣ науки, которыя преподаются и не преподаются на всѣхъ европейскихъ кафедрахъ. «Могу», продолжаетъ рекомендоваться читателямъ этотъ русскій Фаустъ, «спорить о всѣхъ предметахъ, мнѣ извѣстныхъ, и неизвѣстныхъ; а пуще всего люблю себѣ ломать голову надъ началомъ вещей и прочими тому подобными *нехлѣбными* предметами» [4]). Подобно Аристу, Гомозейко отщепенецъ своего круга. Покойная бабушка счи-

нововведеніемъ является употребленіе позаимствованнаго у испанцевъ „оборотнаго вопросительнаго знака, который ставится въ началѣ періода для означенія, что оному при чтеніи должно дать тонъ вопроса“ (VI стр.). Тѣ же орфографическія особенности, за исключеніемъ, впрочемъ, оборотнаго вопросительнаго знака встрѣчаются и въ рукописяхъ Одоевскаго 30-хъ годовъ.—Мы цитируемъ „Пестрыя сказки“ по изданію 1833 г., но оборотнаго вопрос. знака не воспроизводимъ.—„Сказку о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому Проспекту“, Одоевскій, подъ псевдонимомъ „*Въ. Гlinскій*“, напечаталъ въ изданіи „Комета Бѣлы, альманахъ на 1833 годъ“ (Спб. 1833. Стр. 259—278), съ гравюрой, изображающей, какъ басурманы превращаютъ дѣвушку въ куклу. Въ переплетѣ 71 есть печатный экземпляръ „Пестрыхъ сказокъ“ съ ex—libris. „Ex bibliotheca Sobolewskiana“—Въ переплетѣ 20, л. 82, автографъ, находимъ набросокъ оглавленія „П. сказокъ“, именно „I. Реторта. 2. Сказска о дѣвушкахъ. 3)—о мертвомъ тѣлѣ 4. Игоша. 5. Паукъ. 6. Сказка о Титулярномъ Совѣтникѣ“.

[1]) Сочиненія, ч. III, стр. 169. Виньетки—„въ родѣ Жоанно“, замѣтилъ Полевой (М. Тел., 1833, № 8, стр. 573).

[2]) Ibid., стр. 170.

[3]) Имя „Ириней“ вообще было любимымъ у Одоевскаго. Какъ авторъ дѣтскихъ сказокъ, онъ подписывался псевдонимомъ *дѣдушка* Ириней, а въ „Сельскомъ Чтеніи“ онъ говоритъ отъ имени *дяди* Иринея.

[4]) Пестрыя сказки, X—XI. Курсивъ нашъ.

тала его ученыя занятія «вѣчнымъ пятномъ фамиліи»; общество называло его «пустымъ»: оно мирилось лишь съ тѣми учеными, «о которыхъ говорилъ Паскаль, что они ничего не читаютъ, пишутъ мало и ползаютъ много». Этими достоинствами Гомозейко не обладалъ, и въ «семъ свѣтѣ» ему пришлось играть «жалкую ролю». Почтенный философъ живетъ въ бѣдности, фракъ его пришелъ «въ пепельное состояніе», и ему уже нельзя больше казаться въ свѣтѣ» (II—III). А между тѣмъ онъ вовсе не намѣренъ разрывать со свѣтомъ: пѣшкомъ, «въ однихъ башмакахъ» въ 20-градусный морозъ бѣжитъ онъ на балъ; показываться въ свѣтѣ, по его мнѣнію, единственное средство «для сохраненія своей репутаціи» (III); онъ старается «втираться во всѣ извѣстные дома», появляется на семейныхъ торжествахъ, на балахъ и раутахъ. Въ сущности у него нѣтъ ничего общаго съ людьми, наполняющими гостиныя богатыхъ барскихъ домовъ, но онъ все-таки торчитъ среди великосвѣтской черни и даже униженно подлаживается подъ ея тонъ (XI—XII). Гомозейко—мученикъ гостиныхъ. «Мнѣ, издержавшему всю свою душу на чувства, обремененному многочисленнымъ семействомъ мыслей, удрученному основательностію своихъ познаній,—мнѣ очень хочется иногда поблистать ими въ обществѣ», признается онъ (XII—XIII). Но любой великосвѣтскій франтъ или «почтенный мужъ», посвященный въ таинства большого шлема, легко одерживаетъ побѣду надъ вниманіемъ общества; ихъ слушаютъ, а Ириней Модестовичъ принужденъ уходитъ домой «съ запекшимися устами». Своеобразная драма великосвѣтскаго ученаго и писателя, хорошо знакомая самому Одоевскому.

Ученость Гомозейки носитъ специфическій отпечатокъ. «Трогательнымъ голосомъ» повѣдалъ онъ издателю о своемъ непреодолимомъ желаніи купить случайно продающуюся рѣдкую книгу по натуральной астрологіи, а равно и другія—по хиромантіи, физіогномикѣ и т. п. Онъ охотно занимается тѣми «странными науками», которыя такъ увлекали умы людей въ древности и въ средніе вѣка: науками «Астрологическими, Хиромантическими, Пареономантическими, Онеиромантическими, Кабалистическими, Магическими и проч. и проч.» [1]). Ириней Мо-

[1]) Ibid., 12.—Одинъ эпиграфъ (на стр. 1) взятъ изъ книги Исаака Голланда о рукѣ философовъ.

дестовичъ преклоняется предъ смѣлостью замысла старыхъ мудрецовъ и передъ возвышенностью ихъ стремленій. Это были отважные идеалисты, стремившіеся вырвать у природы ея тайны и сдѣлать жизнь человѣка счастливой. Они хотѣли найти универсальное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, изобрѣсти языкъ, «котораго бы слушался и камень и птица, и всѣ елементы»; они мечтали о всеобщемъ счастіи, о вѣчномъ мирѣ, «о высокомъ смиреніи духа». Ихъ воображеніе обнимало и землю и небо, и жизнь и смерть, «и таинство творенія и таинство разрушенія». И этотъ полетъ воображенія и мысли не оставался безплоднымъ: онъ приносилъ «такія вещи, которыя ни больше, ни меньше, какъ перемѣняли платье на всемъ родѣ человѣческомъ», говоритъ Гомозейко, употребляя мистическую терминологію. «Странные» ученые среднихъ вѣковъ, работая надъ своими необъятными проблемами, попутно сдѣлали рядъ важныхъ открытій. Ихъ открытія «производили такое же обширное вліяніе на человѣчество, какое бы нынѣ могло произвести соединеніе паровой машины съ воздушнымъ шаромъ,—открытіе, мимоходомъ будь сказано, которое поднялось было да и засѣло и, словно виноградъ, не дается нашему вѣку» (7—8).

Въ новое время что-то не слыхать о великихъ открытіяхъ. И немудрено: новѣйшіе ученые «обрѣзали крылья у воображенія»; для всего составили они системы, таблицы, все вычисляютъ и вымѣряютъ; они сами ограничили себя какимъ-то «мышинымъ горизонтомъ» (8—9). Наша научная мысль движется по узкому и ложному пути. Мы сочиняемъ «системы для общественнаго благоденствія, посредствомъ которыхъ цѣлое общество благоденствуетъ, а каждый изъ членовъ страдаетъ» (10); изучаемъ статистику преступности; составляемъ «рамку нравственной философіи для особеннаго рода существъ, которыя называются образами безъ лицъ, и стараемся подтянуть подъ нее всѣ лица съ маленькими, средними и большими носами»; хотимъ обойтись «безъ любви, безъ вѣры, безъ думанья»; «мы ищемъ способа обдѣлать такъ нашу жизнь, чтобы ея исторію приняли на томъ свѣтѣ за расходную книгу церковнаго старосты» (10—11).

Нѣтъ, Ириней Модестовичъ предпочитаетъ «странныя» науки и находится «въ твердой увѣренности», что со временемъ и онъ самъ сдѣлаетъ открытіе въ родѣ Арнольда Виллановы,

И теперь уже онѣ сдѣлалъ «весьма важное наблюденіе: я узналъ какую важную ролю играетъ на свѣтѣ философская калцинація, сублимація и дистилляція» [1]).

Нельзя не видѣть въ типѣ Иринея Модестовича Гомозейки яркихъ автобіографическихъ чертъ. Мы слышимъ знакомый протестъ противъ разсудочности и матеріализма и призывъ къ отысканію «начала вещей».

Въ «Пестрыхъ сказкахъ»Ириней Модестовичъ и показываетъ намъ, «до чего мы дожили съ нашей паровою машиною, альманахами, атомистическою Химіею, піявками, благоразуміемъ нашихъ дамъ, Англійскою философіею, общипанными фраками, Французскою вѣрою и съ уставомъ благочинія нашихъ гостиныхъ» (19). Т.-е. иными словами, онъ обнажаетъ духовную нищету жизни, не знающей вдохновеннаго идеализма, чуждой поэтическихъ началъ. Люди превратили свою жизнь въ какую-то ненужную суету. «Живешь, живешь, нарахтишься, нарахтишься, жить—не живешь, смерти не знаешь, умрешь и что же останется? сказать стыдно». А вѣдь не шутка же эти прекрасныя слова: «любовь, добро, умъ» (20—21). Въ нихъ поэзія и смыслъ человѣческаго существованія. Люди сами виноваты, что не умѣютъ пользоваться этими неоцѣненными благами.

Отъ великосвѣтскаго бала тошно стало даже чертенку, который въ ретортѣ дистиллировалъ высшее общество: «только и радости, что валитъ изъ реторты копоть да вода, вода да копоть» (24). Наша идейная атмосфера отравлена романами мадамъ Жанлисъ, итальянскими руладами, «выкладками изъ Англинской нравственной Ариѳметики», въ частности «Честерфильдовыми письмами» [2]) и т. п. [3]). Въ недостаткѣ поэзіи,

[1]) Ibid., 12.

[2]) Лордъ Честерфильдъ (1694—1773) былъ извѣстенъ своими „Письмами къ сыну“ и нѣкоторое время считался авторомъ „Книги премудрости и добродѣтели“ (Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. Т. I, ч. I, стр. 404—405).

[3]) Высшую степень пошлости изображаетъ „Просто сказка“. Въ низменномъ мірѣ колпаковъ и туфель какимъ-то высокимъ призывомъ звучатъ слова туфли (109): „обратися къ намъ, у насъ хорошо, у насъ небо сафьянное, у насъ солнце—пуговка, у насъ мѣсяцъ—шишечкой, у насъ звѣзды—гвоздики, у насъ жизнь сыромятная, въ ваксѣ по горло, щетки не считаны...“ За свою довѣрчивость бѣдный колпакъ, эта „лебединая пѣснь чулочнаго мастера“, поплатился своей чистотой: рѣки ваксы полились на него. Колпакъ, чулочныя или сыромятныя изделія, вакса были въ глазахъ Одоевскаго символомъ житейской прозы, пошлости

идеализма и самобытности—грѣхъ высшаго общества, а не въ томъ, что обличаетъ пишущая братія, которая ютится «на высокихъ чердакахъ» и созерцаетъ свѣтъ «изъ слуховаго окошка», а иногда и «изъ передней». «Вмѣстѣ съ лакеемъ» они сердятся на образъ жизни барина, на условныя приличія гостиныхъ, на роскошь обстановки и даже на то, «зачемъ Рафаель и Корреджіо висятъ передъ нимъ въ золотыхъ рамахъ». «Развѣ въ томъ дѣло?» спрашиваетъ авторъ. Какой смыслъ въ «пошлыхъ нѣжностяхъ и приторныхъ мудрованіяхъ о простомъ, искреннемъ, откровенномъ, семейственномъ быту»? зачѣмъ возводить въ «долгъ человѣчества» регулярную жизнь, правильно разсчитанную по часамъ? [1]). Въ частности то, что называютъ *приличіями*, въ сущности есть положительная сторона нашего

и матеріализма. Разсуждая объ упадкѣ искусства, онъ адресуется къ „чулошному фабриканту“. Фаустъ въ „Р. Почахъ“ (I, 342) сѣтуетъ, что, въ противоположность алхимикамъ, мы изобрѣли „лишь винты, да колеса для бумажныхъ колпаковъ“. Изготовленіе ваксы или сыромятныхъ издѣлій Плакунъ Горюновъ рекомендуетъ Булгаринымъ (переплетъ 9, л. 10—13). На мѣстѣ наполеоновскихъ побѣдъ предприниматели устроили заводъ для ваксы (см. выше на стр. 575). Дальше мы встрѣтимъ и героя Сыромятникова.—Проф. Н. Θ. Сумцовъ находитъ смыслъ „Просто сказки“ темнымъ и говоритъ (18): „Повидимому, Одоевскій тутъ намекаетъ на литературныхъ льстецовъ“. Намъ идея сказки представляется болѣе широкой.

[1]) Такой методизмъ, по мнѣнію Одоевскаго, противорѣчитъ свойствамъ русской натуры. Въ сентябрѣ 1831 г. Погодинъ былъ въ Петербургѣ и широко пользовался гостепріимствомъ Одоевскаго. Въ письмѣ къ Ольгѣ Степановнѣ онъ совѣтовалъ ей взять мужа въ руки. На это Одоевскій отвѣчалъ (Барсуковъ, III, 343): „...что совѣтуете? Чтобы она меня къ рукамъ взяла, чтобы меня, русскаго человѣка, т.-е., который происходитъ отъ людей, выдумавшихъ слова *привольс* и *раздолье*, не существующія ни на какомъ другомъ языкѣ,—вытянуть по басурманскому методизму? Не тутъ-то было! Та ли у насъ природа, принимая это слово во всѣхъ возможныхъ значеніяхъ? У басурмановъ явится весна, уже вытягиваетъ, вытягиваетъ почки,—потомъ лѣто ужъ печетъ, печетъ, осень жеманится, жеманится передъ зимой—такъ ли у насъ? Еще снѣгъ во рву, да солнце блеснуло, и разомъ все зазеленѣло, расцвѣло, созрѣло и снова подъ снѣговую шубу. Такъ и всѣ наши великіе люди и вашъ Петръ, и Потемкинъ, и Безбородко, и вашъ покорный слуга. Не даромъ же между ними и климатомъ такое соотношеніе. Что на это скажете, милостивый государь? Ничего! Неправда-ли? Такъ не удивляйтесь же, что я по прежнему не ложусь въ 11, не встаю въ 6, не обѣдаю въ 3 и къ вящшему вашему прискорбію объявляю, что и письмо это пишу къ вамъ въ 2 часа съ половиною за полночь“. Княгиня, въ свою очередь, говорила въ письмѣ къ Погодину: „Браните Владиміра чаще, онъ еще безпорядочнѣе жизнь ведетъ“. (Барсуковъ, III, 344. Ссылка: Письма, IV, 423—426).

общежитія: это «дань уваженія, которую посредственность невольно приноситъ уму, любви, просвѣщенію, высокому смиренію духа». «Онѣ не туманъ ли предъ свѣтомъ какого-то новаго міра, который чудится царямъ людскихъ мнѣній, какъ нѣкогда,— въ другіе вѣки,—чудились имъ открытіе новой части земнаго шара, обращеніе крови, паровая машина и надъ чѣмъ люди такъ усердно смѣялись?» (140).

Психологія гостиныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ представляется демократическимъ Ювеналамъ. Смотрите, какой студеный вѣтеръ дуетъ въ уголкѣ между двумя диванами; отъ него «стынетъ грудь, мерзнетъ умъ и сердце перестаетъ биться». А между тѣмъ въ той же гостиной какая-нибудь картина Анжело, «купленная тщеславіемъ», невзначай навѣваетъ «поэзію на душу существа, по видимому, безцвѣтнаго, безчувственнаго»; здѣсь же «аккордъ Моцарта и Бетговена и даже Россини проговорили утонченнымъ чувствамъ яснѣе вашихъ нравоученій»; здѣсь даже «въ причудѣ моды» могутъ попасть «сѣмена какой-нибудь новой мысли, только что разгаданной человѣчествомъ» (141).

Изъ тона обличителя Гомозейко переходитъ въ тонъ апологета высшаго общества. Онъ беретъ подъ свою защиту гостиныя, гдѣ такъ душно и тошно, потому что здѣсь все же находитъ себѣ пріютъ и поэтическая стихія, безъ которой нѣтъ настоящей человѣческой жизни. Своя поэзія есть въ жизни и другихъ классовъ: человѣку такъ необходимо скрашивать свое сѣрое существованіе. Для коллежскаго совѣтника Ивана Богдановича Отношенія поэзія заключалась въ картахъ: «зеленый столъ производилъ на него какое-то очарованіе, какъ Сивиллинъ треножникъ»; «духовное начало дѣятельности, разлитое Природою по всѣмъ своимъ произведеніямъ», выразилось у Ивана Богдановича въ страсти къ бостону; «минуты за бостономъ были *сильными минутами* въ жизни Ивана Богдановича; въ ети минуты сосредоточивалась вся его душевная дѣятельность, быстрѣе бился пульсъ, кровь скорѣе обращалась въ жилахъ, глаза горѣли и весь онъ былъ въ какомъ-то самозабвеніи» (82—83). Вотъ почему и могъ произойти съ нимъ тотъ фантастическій эпизодъ, о которомъ разсказываетъ Гомозейко. Даже приказный Севастьянычъ зналъ «поэтическія» минуты, и его душа оказалась способной выходить изъ огра-

ниченныхъ рамокъ будничной дѣйствительности и творить чудесное [1]).

Никакимъ мудрецамъ нашего вѣка не удастся превратить душу человѣка въ таблицу умноженія. Въ человѣкѣ живетъ ирраціональное, «инстинктуальное» начало, будетъ ли то какая-нибудь страсть, увлеченіе, предчувствіе, укоры совѣсти, игра воображенія и т. п. Душа творитъ легенды жизни. Это такъ свойственно натурѣ человѣка и такъ необходимо ему. Народъ и дѣти, свободные отъ скептицизма и раціонализма, живутъ въ царствѣ сказки («Игоша»).

Гомозейко желаетъ разсказывать «сущую правду», но рѣшительно предпочитаетъ форму сказки. Напрасно издатель доказывалъ ему, «какъ неприлично человѣку въ его званіи заниматься подобными разсказами; какъ съ другой стороны онѣ много потеряютъ при сравненіи съ тѣми прекрасными историческими повѣстями и романами, которыми съ нѣкотораго времени сочинители начали дарить русскую публику»; напрасно издатель предупреждалъ его, что читатели найдутъ его сказки или странными, или обыкновенными, или даже заразъ и странными и обыкновенными (I—II). Гомозейко стоялъ на своемъ. Самыя занятія кабалистическими науками располагали его къ чудесному, фантастическому. Онъ любитъ отдаваться «причудамъ воображенія» (144). Правда, полетъ его воображенія не отличается легкостью и граціей; фантастика отзывается его «любимыми квартантами среднихъ вѣковъ въ пергаментномъ переплетѣ» [2]); отъ нея вѣетъ холодомъ на-

[1]) Сказка о томъ, по какому случаю Коллежскому Совѣтнику Ивану Богдановичу Отношенію не удалось въ Свѣтлое Воскресеніе поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ.—Сказка о мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ.—Въ обѣихъ сказкахъ авторъ обнаруживаетъ хорошее знаніе быта; разсказъ богатъ мѣткими наблюденіями и ведется съ бойкимъ юморомъ. Во второй изъ названныхъ сказокъ центръ тяжести, по нашему мнѣнію, лежитъ въ переживаніяхъ приказнаго Севастьяныча, а не въ „наклонности русскихъ дворянъ Савеліевъ Жалуевыхъ оставлять свое тѣло и превращаться въ иностранныхъ недорослей Цверлей Джонъ-Луи“, какъ думаетъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ (Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Харьковъ. 1884. Стр. 17). А. Ѳ. Кони отмѣтилъ въ замыслѣ „Сказки о мертвомъ тѣлѣ“ сходство „съ позднѣйшею популярной повѣстью англійскаго писателя Стевенсона „Исторія доктора Джекиля и мистера Гайда“ (Очерки и воспоминанія. Спб. 1906. Стр. 55).

[2]) По удачному выраженію М. П. Погодина (Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ. М. 1869. Стр. 55).

думанности. Но развѣ не интересно представить себѣ велико-свѣтскій балъ заключеннымъ въ реторту, или разсказать о продѣлкахъ чертенка, не Луцифера, не Мефистофеля, а именно ничтожнаго бѣсенка («Ужъ старые черти не удостоиваютъ и вниманія нашъ 19 вѣкъ!»—стр. 19), или превратить человѣка въ паука и засадить его въ стеклянную банку, или, наконецъ, оживить колпакъ, туфли и т. п. предметы нашего обихода? Нечего дивиться всѣмъ этимъ чудесамъ. Можемъ ли мы по-настоящему быть увѣрены въ томъ, что вся наша жизнь не есть жуткая фантасмагорія, кукольная комедія? что такое нашъ земной шаръ? что такое человѣческая жизнь? имѣемъ ли мы право гордиться собою? спрашиваетъ Ириней Модестовичъ. Можно ли быть убѣжденнымъ, какъ въ математической истинѣ, въ томъ, что земля—земля, а мы—люди? не есть ли наша жизнь—одинъ страшный фантомъ? а что если вся земля, «ета спѣсивая громада»,—«не иное что какъ гнѣздо непримѣтныхъ насѣкомыхъ на какой-нибудь другой землѣ», населенной исполинами, и послѣдніе вздумаютъ поступить съ человѣкомъ такъ же, какъ поступили съ паукомъ, посаженнымъ въ банку? (73) [1]).

Люди пигмеи и куклы. «...И все мнѣ кажется», говоритъ авторъ въ «Епилогѣ» «Пестрыхъ сказокъ» (156), «что я передъ ящикомъ съ куклами; гляжу какъ движутся передо мною человѣчки и лошадки; часто спрашиваю себя, не обманъ ли ето оптической; играю съ ними, или, лучше сказать, мною играютъ, какъ куклою; иногда забывшись схвачу сосѣда за деревянную руку и тутъ опомнюсь съ ужасомъ...» [2]).

Самая ученость людей вытравляетъ изъ нихъ все живое. Чертенокъ засадилъ разсказчика въ претолстый латинскій словарь. Тамъ оказались паукъ, мертвое тѣло, колпакъ, Игоша и другіе. Отъ долгаго пребыванія въ словарѣ многіе изъ узни-

---

1) Тирада (на стр. 72—3 „Пестрыхъ сказокъ“) объ исполинахъ и людяхъ, очевидно, навѣяна *Свифтомъ*. Въ переплетѣ 20, л. 82 (автографъ), вмѣстѣ съ программой „Пестрыхъ сказокъ“ читаемъ отрывокъ: „1100-ая (ранѣе: „Послѣдняя“) глава Гулливерова Путешествія“. Описываются существа, совершенно не похожія на людей. Ихъ органы чувствъ (осязанія, зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія) обладаютъ способностью отдѣляться отъ тѣла и самостоятельно воспринимать ощущенія: „тогда только ети люди и наслаждаются, когда у нихъ нѣтъ ни глазъ, ни носа, ни ушей“.

2) Эти слова взяты даже эпиграфомъ ко всѣмъ „Пестрымъ сказкамъ“.

ковъ «такъ облѣпились словами, что начали превращаться въ сказки». Та же участь угрожала и самому разсказчику (26) [1])

Все вокругъ какъ-то призрачно, кошмарно, фантастично. Вмѣсто жизни и живыхъ людей—люди въ ретортѣ, пауки въ банкѣ, мертвыя тѣла, куклы, колпаки и т. п. Это—нѣчто похожее на «иронію» романтиковъ. Кошмарные призраки исчезнутъ, фантасмагоріи разсѣются, если люди освободятъ въ себѣ поэтическія стихіи. «Прародитель Славянскаго племени, тысячелѣтній мудрецъ», прибывшій изъ древней славянской отчизны, изъ Индіи, сумѣлъ воскресить къ человѣческой жизни великосвѣтскую русскую дѣвушку: онъ «овѣялъ (ее) гармоническими звуками Бетговена; свелъ на лицо ея разноцвѣтныя краснорѣчивыя краски, разсыпанныя по созданьямъ Рафаеля и Анжело; устремилъ на нее магическій взоръ свой, въ которомъ, какъ въ безконечномъ сводѣ, отражались всѣ вѣковыя явленія человѣческой мудрости;.. благословилъ красавицу Поэзіей Байрона, Державина и Пушкина; вдохнулъ ей искусство страдать и мыслить». Дѣвушка поняла свое высокое назначеніе, и въ поэтическихъ грезахъ ей чудились «гармоническія видѣнія жизни». У Одоевскаго нашлись вдохновенно-красивыя слова для передачи этихъ грезъ (148—9). Здоровый славянскій идеализмъ рано или поздно разрушитъ «нечестивыя цѣпи иноземнаго чародѣйства» [2]).

Таковъ, по нашему мнѣнію, идейный смыслъ «Пестрыхъ сказокъ». Онъ совершенно ясенъ, если связывать его съ психологіей и идеалами Гомозейки. Здѣсь важны два момента: во-первыхъ, признаніе первостепенной важности поэтическихъ стихій вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что славянинъ неизмѣримо богаче ими, чѣмъ французъ, англичанинъ и даже нѣмецъ; во-вторыхъ, взглядъ на значеніе иррацiональныхъ началъ въ жизни каждаго человѣка.

«Пестрыя сказки» не могли не обратить на себя вниманіе

---

[1]) Въ статьѣ „Кто сумасшедшіе“ (Библ для Чтенія, 1836, т. XIV, стр. 63) Одоевскій называетъ печать „печальнымъ кладбищемъ всѣхъ человѣческихъ мыслей“. Подобное сравненіе находимъ и въ другихъ его произведеніяхъ.

[2]) „Сказка о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту“ по общему содержанію, а отчасти и по формѣ напоминаетъ „Землю безглавцевъ, или Акефалію“ Кюхельбекера. Это сходство было отмѣчено еще П. Мизиновымъ (Исторія и поэзія. М. 1900. Стр. 480—481).

не только именемъ автора, которое достаточно было извѣстно еще по «Мнемозинѣ», но и оригинальностью формы и новымъ идейнымъ содержаніемъ. Съ рѣшительнымъ осужденіемъ отнесся къ «Пестрымъ сказкамъ» журналъ Н. А. Полевого «Московскій Телеграфъ»[1]). «Сказки» не удовлетворили критика въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, характеромъ фантастики и, во-вторыхъ, заносчиво-аристократическимъ тономъ. Онъ понимаетъ законность «вѣры въ чудесное» и въ частности значеніе той поэзіи, которая стремится «проникнуть въ тайный языкъ природы». «Это чувство неистребимо въ человѣкѣ, и нѣкоторые изъ новыхъ поэтовъ, особенно Германскихъ, основали на немъ прекрасный родъ поэзіи, называемый фантастическимъ. Чистую, младенчески вѣрующую душу надобно имѣть тому, кто хочетъ жить въ этомъ неосязаемомъ мірѣ. Надобно вѣрить чудесному, разумѣется не съ чувствомъ простолюдина, но съ чувствомъ поэта, и вѣрить искренно, дабы заставить поддаваться обаянію и тѣхъ людей, которымъ хотите вы передавать свои ощущенія. Величайшимъ образцомъ въ семъ родѣ служитъ Гоффманъ» (574—575).

Въ нашъ вѣкъ, «холодный вѣкъ разсудительности и приличій», Гофманы крайне рѣдки. «Ложно понимаемая образованность» и свѣтскія отношенія мѣшаютъ намъ свободно отдаться чувствамъ и мечтамъ. Если же намъ случится увлечься и выйти «изъ круга пошлаго благоразумія своего», то мы спѣшимъ увѣрить, что это не болѣе, какъ шутка, а въ сущности мы весьма благоразумны. «Можетъ быть это очень хорошо для какихъ нибудь отношеній, но это убійство для всякой поэзіи. Этимъ запечатлѣны и разсматриваемыя нами *Сказки*. Читая ихъ, видите ясно, что Авторъ говоритъ не искренно съ вами. Онъ только принялъ на себя роль добродушнаго разскащика, только надѣлъ маску, сдѣланную столь неискусно, что изъ-подъ нея видна его собственная физіогномія. Послѣ этого, нѣтъ очарованія, нѣтъ покорности его чудеснымъ разсказамъ; мы становимся съ нимъ осторожны, и не вѣримъ ни одному слову его! Прибавьте къ этому, что онъ охолодилъ разсказы свои приданными имъ значеніемъ и формою, которыя во-

[1]) Моск. Телеграфъ, 1833, № 8, стр. 572—582.

все несообразны съ основною мыслію его созданій. Внутренній смыслъ ихъ — нравоученіе, а форма — аллегорія. Изъ каждой Пестрой Сказки можно извлечь преблагоразумное, назидательное изрѣченіе; форма всѣхъ ихъ чисто аллегорическая; слѣдственно Авторъ возвратился къ забытому, несообразному съ нашимъ вѣкомъ роду *распространенной басни*» (576). «Сказки» Одоевскаго—«безцвѣтныя» аллегоріи, дышащія «холодомъ прозаизма». «Да! они холодны и по вымыслу и по разсказу. Ни одной смѣлой, молніеносной истины, ни одного поэтическаго воззрѣнія нѣтъ въ нихъ. Всѣ мысли Автора проникнуты презрѣніемъ къ людямъ, но презрѣніемъ не самобытнымъ, близорукимъ, и неприличнымъ для того, кто самъ не умѣетъ уносить насъ изъ міра обыкновеннаго, кто обѣщая великолѣпный спектакль забавляетъ кукольною комедіею. Думая летать въ мірѣ Фантазіи, Авторъ не отдѣляется отъ земли и вводитъ насъ въ обыкновенный правильный садъ, гдѣ вмѣсто мраморныхъ статуй наставилъ онъ фантастическихъ уродцевъ. Мы въ мірѣ аллегоріи. Но что значитъ аллегорія безъ мысли? Непонятный сборъ словъ, образовъ, лицъ и намековъ. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ въ трехъ первыхъ Сказкахъ».

Во-вторыхъ, авторъ «Пестрыхъ сказокъ» не умѣлъ соблюсти «того простодушія, которое хотѣлъ наложить на себя искуствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ уже слишкомъ аристократически говоритъ съ своими читателями». Приведя тѣ строки, гдѣ авторъ дѣлаетъ вылазку противъ писателей—демократовъ (137 и слѣд.), Полевой продолжаетъ: «Смиряемся передъ этою свѣтскою мудростью, и безспорно готовы согласиться, что въ гостиныхъ не вѣчно зѣваютъ и злословятъ, что въ свѣтскомъ обществѣ не только пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, что тамъ выростаютъ мысли высокія и чувствованія возвышенныя. И надобно ли намъ самимъ растилаться на паркетѣ, чтобы знать какъ живутъ и что чувствуютъ тамъ, такъ-же какъ надобно ли быть крестьяниномъ, торгащемъ, подьячимъ, солдатомъ, чтобы вѣрнѣе всѣхъ этихъ людей давать себѣ отчетъ въ ихъ дѣяніяхъ и чувствованіяхъ? Мнѣ кажется, Сочинитель самъ сражается съ фантомомъ и высказываетъ мысль, недостойную философа. Міръ театръ: иной изъ отдаленнаго угла видитъ и слышитъ

больше, нежели другой сидя подлѣ самаго оркестра. Провидѣніе надѣляетъ избранныхъ своихъ особеннымъ зрѣніемъ и слухомъ, особою способностью проникать въ глубину сердца, и страстей человѣческихъ, въ какихъ-бы видахъ, подъ какими-бы образами ни являлись онѣ. Но какъ условія, непремѣннаго для прорицателей всего истиннаго и прекраснаго, оно требуетъ чистой, свѣтлой, любящей души. Этого нельзя пріобрѣсти никакимъ искуствомъ, нельзя замѣнить никакою пылью остроумія, нельзя купить никакою начитанностью и поддѣльностью. Вы хотите быть творцомъ въ мірѣ изящнаго? Избирайте-же тѣ стороны его, которыя доступны вамъ, отъ которыхъ сильно трепещетъ душа ваша—и тогда смѣло передавайте людямъ свои ощущенія. Иначе бумага приметъ одни требованія ваши, которыя послужатъ свидѣтельствомъ безсилія человѣческаго. Предоставьте такимъ простолюдинамъ какъ Гоффманъ, Жанъ-Жакъ, Жанъ-Поль, Жаненъ, говорить душѣ и сердцу: такимъ людямъ душны и страшны гостиныя, и потому-то, можетъ быть, они довольствуются природою и человѣчествомъ. Для ума есть много другихъ поприщъ».

Несмотря на то, что Полевой отнесся къ «Пестрымъ сказкамъ» съ строгостью, похожей на пристрастіе, и принизилъ настроеніе автора, его отзывъ содержитъ въ себѣ и много вѣрнаго. Во всякомъ случаѣ это—самый серьезный отзывъ о сказкахъ Гомозейки.

Въ тонѣ дружескаго панегирика написана статья барона Розена въ «Сѣв. Пчелѣ» [1]). Рецензентъ начинаетъ также съ опредѣленія чудеснаго. Онъ различаетъ три рода чудеснаго «первый заключаетъ въ себѣ чудесное народныхъ преданій и повѣрій; второй есть свободный разгулъ поэзіи въ области фантастическаго, а третій составляетъ умственный процесъ житейскаго, или (говоря словами нашего автора) философская калцинація, сублимація и дистиллація». Третій родъ чудеснаго «требуетъ строгой отчетливости: не только идея цѣлаго, но и значеніе каждаго частнаго дѣйствія и явленія, должны выйти наружу, ибо ясный, во всемъ разгаданный смыслъ придаетъ

---

[1]) Сѣверная Пчела, 1833, № 104. Рецензія подписана инициалами: „Б. Р.“— Въ № 76 было напечатано краткое сообщеніе о скоромъ выходѣ „Пестрыхъ сказокъ“.

занимательность и самой уродливости, есть — такъ сказать — необходимый *свѣтъ* въ этомъ волшебномъ фонарѣ. Къ сему роду чудеснаго принадлежатъ наши «*Пестрыя Сказки*». Эти «оригинальныя» сказки, «столь живо напоминающія намъ единственнаго Гофмана», требуютъ размышленія и не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ понятны. Однако публика «расхватываетъ» книгу, «доказывая тѣмъ, что она... имѣетъ полную вѣру въ геніяльность Автора *Послѣдняго Квартета Бетговена*, *Piranesi*, *Импровизатора*, *Бригадира*». «Читая *Пестрыя Сказки*, не знаешь, чему удивляться болѣе: оригинальному воззрѣнію ли Автора на все житейское, или неистощимому богатству фантазіи, или тому, что этотъ пронзительный философическій умъ, разлагающій все безъ милосердія, можетъ уживаться съ такою искреннею, добродушной веселостію, какою дышитъ *Сказка о мертвомъ тѣлѣ неизвѣстно кому принадлежащемъ!*» По свѣдѣніямъ рецензента, эта сказка особенно нравится въ провинціи. Самъ онъ отдаетъ предпочтеніе Сказкѣ о дѣвушкахъ. «По роскоши изданія» «Пестрыя сказки» — *новость* на нашемъ Парнассѣ». Розенъ многаго ждетъ отъ Одоевскаго впереди. «Сколько онъ еще напишетъ прекраснаго!» восклицаетъ критикъ.

Ближайшіе литературные друзья Одоевскаго, подобно Розену, были въ восторгѣ отъ «Пестрыхъ сказокъ». Кошелевъ, Кирѣевскій, Н. Ф. Павловъ и Шевыревъ наперерывъ расхваливали автора. Кошелевъ и Кирѣевскій «съ удовольствіемъ веліемъ» прочитали сказку въ «Кометѣ Бѣлы»: «она очень хороша, и имѣетъ глубокое значеніе» [1]). Н. Ф. Павловъ ставилъ «Сказку» Вл. Глинскаго даже «гораздо выше» того, что Одоевскій далъ

---

[1]) Бумаги 1869 года. Письмо А. И. Кошелева отъ 12 февраля 1833 года изъ Москвы. „Для *Молвы* мы даже составили съ Кирѣевскимъ статейку. Обѣщали объявленіе о твоихъ сказкахъ помѣстить въ скоромъ времени",—писалъ Кошелевъ. Съ „статейкой" друзья, очевидно, опоздали: въ „Молвѣ" 1833 г., № 14 (отъ 2 февраля), въ рецензіи объ альманахѣ „Комета Бѣлы" нѣсколько словъ удѣлено и сказкѣ Одоевскаго: рецензентъ нашелъ въ ней „слишкомъ уже много затѣйливости, отзывающейся принужденіемъ" (стр. 54); никакой статьи въ „Молвѣ" за 1833 годъ нѣтъ. Въ № 41 въ „Литературныхъ слухахъ" (162 стр.) сообщалось только: „Въ Петербургѣ извѣстный литераторъ, даривщій насъ своими фантазіями въ Гофмановомъ родѣ, издаетъ полное собраніе ихъ подъ заглавіемъ: *Пестрыя Сказки*".

для «Новоселья» Смирдина, т.-е. выше «Бала» и «Бригадира»[1]). На томъ же письмѣ Павлова Шевыревъ высказалъ и свое мнѣніе. «Жду съ нетерпѣніемъ твоихъ пестрыхъ сказокъ, которыхъ оболочку, виньетки и отрывки видѣлъ и читалъ у Кошелева. Славно, славно! Никогда или давно уже я такъ отъ души не хохоталъ какъ читая Гуляньс дѣвуш(екъ) по проспекту. У тебя есть добродушное смѣшное, котораго никто изъ пишущихъ на Руси не имѣетъ».

Кошелевъ и Кирѣевскій съ живѣйшимъ интересомъ относились къ выходу «Пестрыхъ сказокъ». «Кирѣев(скій)», сообщалъ Кошелевъ, «жалѣетъ, что ты замѣнилъ оригинальное названіе: *Махровыя сказки* заглавіемъ: *Пестрыя сказки*, которое напоминаетъ Бальзаковы *Contes bruns*»[2]). По выходѣ «Пестрыхъ сказокъ» въ свѣтъ, Кошелевъ писалъ Одоевскому 1 мая 1833 г. изъ Москвы: «Мы съ удовольствіемъ ихъ читаемъ, но вообще они не произвели сильнаго дѣйствія: весьма немногіе понимаютъ ихъ, а еще мѣнѣе людей, которые цѣнили бы по настоящему ихъ достоинству. Жаль что никого изъ насъ не было въ Питерѣ, когда ты рѣшился ихъ печатать, а то слѣдовало бы читателю обратить вниманіе Автора на нѣкоторыя мѣста гдѣ мысли недостаточно высказаны. Впрочемъ обо всемъ етомъ при свиданіи»[3]).

---

1) Бумаги 1869 г. Письмо Н. Ф. Павлова отъ 6 апрѣля (конечно, 1833 г.).

2) Бумаги 1869 г. Письмо Кошелева отъ 12 февраля 1833 г.

3) Интересны впечатлѣнія матери Одоевскаго, Е. А. Сѣченовой. Въ письмѣ (безъ даты, въ бумагахъ 1869 г.) она говорила: „Читала я твои пре-пёстрые Сказки; инова не понела, другое догадалась, третьему разсмѣялась *Игошу* не понела, незнаю (одно слово не разобрано) что ты хотѣлъ сказать. *дѣвушка* изъ которой вынулъ сердце французъ слишкомъ зла, я думаю тебѣ за нѣе досталось, *деревянный гость* къ несчастію слишкомъ справедливо и можно бы пожелать, что бы бѣдная кукла никогда не очнулась, реторта хорошо написана, но всего мнѣ лучшѣ понравился этотъ сидящій въ углу, и говорящій; оставьте меня въ покоѣ; это очень на тебя похоже, чей это носъ въ калпакѣ сидящій на волтеровыхъ крѣслахъ, ожидай послѣ всѣхъ насофъ, и англинскаго брюха что посыплютъ на тебя стрѣлы и громы писателей достанется и тебѣ, въпрочѣмъ я думаю нетъ гостиной въ которой бы тебѣ не душно было, прочитаю еще, я не понела къ чѣму ты сказалъ изъ Апоколепсиса, Альфа и Омѣга, я даже удивляюсь что ты помѣстилъ это“. „Альфа и омѣга“ упомянуты на 107 стр. „П. сказокъ“, но едва ли это имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ Апокалипсису. „Сидящій въ углу“ описывается на XI—XII стр.—М. П. Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ. Стр. 55)

И. И. Давыдовъ зарегистрировалъ «Пестрыя сказки» въ своихъ «Чтеніяхъ о словесности», кратко замѣтивъ: *«Философической* повѣсти у насъ не было до приятныхъ опытовъ въ *Пестрыхъ сказкахъ»* [1]).

Въ этихъ словахъ Давыдовъ вѣрно опредѣлилъ основной характеръ «Пестрыхъ сказокъ». Ихъ задача не изображеніе быта (хотя многое подмѣчено и передано правдиво и ярко), а философское освѣщеніе жизни. Настоящій герой «Пестрыхъ сказокъ»—Ириней Модестовичъ Гомозейко, alter ego автора.

Одоевскій имѣлъ въ виду дать полную литературную обработку этого типа и сдѣлать его центромъ цѣлаго цикла разсказовъ.

Въ предисловіи къ «Пестрымъ сказкамъ» (IV стр.) авторъ сообщалъ читателю, что Гомозейко занятъ «окончаніемъ его собственной біографіи, а равно и историческихъ изысканій объ *Искуствѣ оставаться назади,* сочиненіе, которое, несмотря на недѣльное направленіе, данное ему авторомъ, содержитъ въ себѣ, по моему мнѣнію, поучительные примѣры, ясно показывающіе чего въ семъ случаѣ надлежитъ избѣгать и слѣдственно весьма полезные для практики». «Историческія изысканія» Гомозейки, къ сожалѣнію, не сохранились ни среди печатныхъ произведеній, ни въ бумагахъ Одоевскаго. Можетъ быть, они и не были написаны или получили другое заглавіе и другую литературную форму. Зато біографія, дѣйствительно, была начата Гомозейкою.

Въ переплетѣ 20 (л. 83 об. + л. 19, автографъ) имѣется неоконченная программа произведенія *«Жизнь и Похожденія Иринея* [2]) *Модестовича Гомозейки, или Семейственныя обстоятельства сдѣлавшія изъ него то что онъ есть и чемъ бы он быть не долженъ»* [3]). Судя по плану, было задумано большое произведеніе типа автобіографическихъ хроникъ.

отозвался о „Пестрыхъ сказкахъ" такъ. „Въ тридцатыхъ годахъ, можетъ быть, мы и понимали ихъ и забавлялись, но теперь уже мудрено разобрать, что хотѣлъ сказать ими замысловатый авторъ. Впрочемъ въ нихъ разсыпано много забавныхъ и острыхъ вещей, и вездѣ сквозятъ основныя его мысли и вѣрованія".

[1]) Чтенія о словесности. Курсъ третій М. 1838. Стр. 346.

[2]) Ранѣе стояло: „Иларіона".

[3]) См. приложеніе.—26 іюня и 1 окт. 1833 г. А. И Кошелевъ въ своихъ письмахъ освѣдомлялся, скоро ли появится „жизнь почтеннѣйшаго Гомозейки" (бумаги 1869 г.).

Въ переплетахъ 4 (л. 136—7—9) и 80 (л. 533—573) находимъ наброски предположеннаго сочиненія и предисловіе къ нему.

Эпиграфомъ къ своей біографіи Гомозейко избралъ слова: «Бога ради оставьте меня въ покоѣ!»—тѣ самыя слова, которыя можно было прочесть на его лицѣ, когда онъ попадалъ въ великосвѣтскія гостиныя [1]).

Пользуясь програмой и сохранившимися отрывками, мы передадимъ важнѣйшіе эпизоды изъ жизни Гомозейки.

По происхожденію онъ провинціалъ: родился въ уѣздномъ городѣ (ранѣе въ планѣ стояло даже: «въ деревнѣ»). Ириней Модестовичъ успѣлъ довольно подробно разсказать о своемъ «первоначальномъ воспитаніи» [2]).

«Мое рожденіе», начинаетъ Ириней Модестовичъ свою автобіографію, «не было ознаменовано ни какимъ примѣчательнымъ явленіемъ Природы: не явилась ни комета, ни новая звѣзда, не было ни тѣни затмѣнія ни солнечнаго ни луннаго, хотя солнце и не захотѣло взглянуть на новорожденнаго: на дворѣ былъ туманъ, дождь, слякоть, словомъ Русская глубокая осень во всей своей безискуственной простотѣ». Вскорѣ скончался отецъ, и воспитаніемъ мальчика занялись мать и тетка, старая дѣвушка. «Матушка съ тетушкою, наслышавшись довольно на своемъ вѣку о неповиновеніи дѣтей своимъ родителямъ, съ самаго начала рѣшились пріучить меня къ покорности и уваженію и для того обходились со мною какъ возможно строжѣе». Ребенокъ крикомъ протестовалъ противъ насилія надъ его личностью, но безуспѣшно [3]). Доставалось мальчику и за «умничанье». Иногда онъ спрашивалъ у бабушки [4]): «что такое смерть? откуда берутся люди при рожденіи? что такое душа?» Бабушка уклонялась отъ отвѣта и совѣтовала ему лучше поучить французскія вокабулы. Наивный мальчикъ по-

---

[1]) Пестрыя сказки, стр. XII.

[2]) Переплетъ 4, л. 138 — 139 об., но особенно переплетъ 80, л. 534 — 537. На листѣ 533 об. написано: „Исторія съ масломъ". Но эта исторія не разсказана.

[3]) Между прочимъ мальчикъ питалъ органическое отвращеніе къ огурцамъ: воспитательницы видѣли въ этомъ не голосъ инстинкта, а глупое упрямство и заставляли ребенка во что бы то ни стало ѣсть огурцы. Объ инстинктивномъ отвращеніи организма къ вредной для него пищѣ говорится и въ „Р. Ночахъ" (I, 376).

[4]) Переплетъ 80, л. 564.

вторялъ свои вопросы земскому засѣдателю, пріѣзжавшему къ нимъ «за годовою сборщиною», а иногда и самому г. исправнику. «Всѣ ети люди улыбались при моихъ вопросахъ, а я себѣ ломалъ голову надъ тѣмъ, отъ чего они знаютъ, чего я не знаю; а если знаютъ, то отъ чего не разскажутъ». Исключеніе, повидимому, долженъ былъ составлять «умный священникъ», о которомъ упоминаетъ программа. Въ результатѣ воспитанія Ириней Модестовичъ «дѣлается робкимъ и боязливымъ» (какъ сказано въ программѣ).

Мать не видѣла особеннаго проку въ ученіи: она помнила своего покойнаго дядюшку изъ ученыхъ, который былъ горькимъ пьяницей и мотомъ. Но все же добрые люди убѣдили ее отдать сына въ губернскую гимназію, такъ какъ молъ безъ этого нельзя будетъ ему поступить въ службу. Въ гимназіи мальчикъ не принимаетъ участія въ грубыхъ шалостяхъ своихъ товарищей, и за нимъ укрѣпилась репутація *«пустого человѣка»*, что «въ послѣдствіи вредитъ ему въ жизни и въ пріисканіи службы по причинѣ одного стараго товарища». Родные не интересуются успѣхами Иринея Гомозейки, но онъ продолжаетъ учиться, и изъ гимназіи переходитъ въ университетъ. «Тамошнія интриги—происшествіе съ Греческимъ языкомъ и не вычесанною головою покрытою пухомъ», говорится въ программѣ. Гомозейко былъ незауряднымъ студентомъ. Еще въ дѣтствѣ его тревожилъ вопросъ о смерти и жизни, и теперь у него, видимо, преобладаютъ философскіе интересы; онъ «добивается до степени Магистра Философіи».

По окончаніи университета, Гомозейко возвращается на родину. «Матушка объявляетъ ему что онъ ужъ не ребенокъ, и на первый разъ предлагаетъ *высѣчь старосту* [1]) на конюшнѣ». Это повергло Иринея Модестовича въ «отчаяніе». «Жизнь въ родительскомъ домѣ—разсужденія»,—отмѣчено въ планѣ.

Можетъ быть, какъ разъ къ этому моменту нужно пріурочить тѣ «разсужденія», которыя мы читаемъ въ отрывкѣ на л. 539—541. «Горе меня взяло. Я вышелъ въ садикъ и сѣлъ на скамейку, потупивъ голову», разсказываетъ Ириней Модестовичъ. Вдругъ его вниманіе привлекъ червякъ, котораго вѣтеръ сорвалъ съ дерева въ ту минуту, когда онъ прикрѣплялъ къ вѣткѣ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

свою нить, «чтобы начать обвиваться паутиною». Червякъ «съ тѣмъ чуднымъ инстинктомъ который отличаетъ сей родъ насѣкомыхъ», тревожно искалъ родной вѣтки; «онъ чувствовалъ что уже наступило время его превращенія», и если онъ упуститъ время, не обовьетъ себя «таинственною пеленою», ему не удастся «сорвать съ себя свою землянную одѣжду—и будущее для него исчезнетъ, онъ не испытаетъ сладости воскреснуть для любви и жизни и въ беззаботной свободѣ на легкихъ крыльяхъ переноситься съ цвѣтка на цвѣтокъ». Ему грозила опасность — умереть червякомъ. Гомозейко посадилъ его на вѣтку, и онъ быстро «принялся спускать съ себя свою пресмыкающуюся одѣжду». Это наблюденіе навело Гомозейку на глубокія мысли, именно на тѣ самыя, какія можно встрѣтить у С. Мартена (ср. выше на стр. 450, прим. 2). Гомозейко продолжаетъ размышлять: «Неужъ-ли не найдется на свѣтѣ руки—подумалъ я—которая-бы и мнѣ помогла оставить мою темную долю—мое грязное платье—и мнѣ суждено лечь въ могилу, убитому грубою встрѣчею ежедневныхъ обстоятельствъ!— Христіянство не даромъ призываетъ человѣка къ забвенію здѣшней жизни; чемъ болѣе человѣкъ обращаетъ вниманія на свои вещественныя потребности, чемъ выше цѣнитъ всѣ домашнія дѣла, домашнія огорченія, рѣчи людей, ихъ обращеніе въ отношеніи своей цѣли, безпрестанная раздражительность (sic). И щастливы-ли они въ награду за всѣ заботы? О нѣтъ! они ежеминутно проклинаютъ жизнь свою. Ежеминутно они пекутся о средствахъ для жизни и не успѣваютъ жить ни одной минуты».

Въ родительскомъ домѣ Гомозейко чувствуетъ себя чужимъ [1]). «Ежедневныя мученія, побранки»—вотъ что выпадало на долю Иринея Модестовича дома. Матушка умираетъ, и Гомозейко дѣлается самостоятельнымъ хозяиномъ имѣнія. Онъ пробуетъ примѣнить искусственное удобреніе; ему мѣшаютъ въ этомъ и смѣются. «Во время голода продаетъ хлѣбъ за безцѣнокъ—

---

[1]) Между прочимъ „его упрекаютъ въ эгоизмѣ потому, что онъ не принимаетъ участія въ разсказахъ о 1812-мъ годѣ“. Очевидно, эти разсказы успѣли уже превратиться въ нѣчто весьма пошлое. Не даромъ въ утѣшеніе проигравшемуся картёжнику Ириней Модестовичъ „Пестрыхъ сказокъ“ принимается разсказывать „о походѣ Наполеона въ 1812 году, объ убіеніи Димитрія Царевича, о монументѣ Минину и Пожарскому“ (14).

еще большій смѣхъ». Обстоятельства вынуждаютъ Ириноя Модестовича вести процессъ. «Продаютъ его имѣніе—всѣ обижаютъ», сказано въ планѣ. Объ этомъ процессѣ говорится въ отрывкѣ на л. 557—561. «Отъ чего мнѣ до всего дѣло? отъ чего всякое нещастіе меня трогаетъ?—отъ чего я разщитываю всѣ слѣдствія которыя можетъ имѣть то или другое произшествіе и заранѣе страдаю за людей мнѣ совершенно неизвѣстныхъ? Отъ чего несправедливость меня выводитъ изъ предѣловъ благоразумія? Отъ чего я съ такою страстію ищу вразумить невѣжество, воспротивиться врагамъ здраваго смысла? Отъ чего напротивъ во мнѣ никто не принимаетъ участія?» Вотъ какіе вопросы поднялись въ головѣ Иринея Модестовича подъ впечатлѣніемъ процесса. Дѣло его было правое, но рѣшено не въ его пользу. Напрасно онъ обращался за защитой къ вліятельному «мужу»: здѣсь онъ не только не встрѣтилъ поддержки, но едва не попалъ въ новую бѣду. Его заявленіе, что противникъ далъ денегъ судьѣ, засѣдателямъ и секретарю, вельможа истолковалъ какъ доносъ, грозилъ судить за клевету и закончилъ свою бесѣду словами: «А я также знаю, Милостивый Государь—что вы не должны впредь ко мнѣ на глаза являться—вотъ чему ихъ учатъ въ Университетахъ... да повторяю вамъ—будьте осторожны—за вами наблюдаетъ Начальство... вы человѣкъ безпокойный».

Гомозейко прослылъ за пустого и безпокойнаго человѣка. Старый городничій убѣждаетъ разорившагося Иринея Модестовича ѣхать на службу, но онъ пока предпочитаетъ на свои маленькія средства жить уединенно въ уѣздномъ городкѣ. Его затворничество и ученыя занятія подаютъ поводъ къ разнымъ безсмысленнымъ обвиненіямъ: его подозрѣваютъ въ дѣланіи фальшивыхъ бумажекъ, считаютъ «сектаторомъ, раскольникомъ и пр. т. п.». Гомозейко спасаетъ дѣвушку «отъ разврата родныхъ» и подвергается гоненію съ ихъ стороны.

По программѣ дальше долженъ бы итти разсказъ о службѣ Гомозейки «въ столицѣ» у купца въ качествѣ учителя его сына и переѣздъ его въ Петербургъ. Но въ сохранившихся отрывкахъ говорится еще и о службѣ Иринея Модестовича въ губернскомъ городѣ. «И такъ наконецъ я вступилъ въ службу и поступилъ подъ начальство Г. Губернскаго Полицмейстера»—начинается одинъ отрывокъ (л. 547—552). Полицеймей-

стеръ Иванъ Савельевичъ Прохоровъ возложилъ на своего ученаго чиновника обязанности секретаря. «Я принялся за мое дѣло съ ентузіазмомъ. Надобно вамъ знать, что я еще въ Университетѣ обращалъ особенное вниманіе на камеральныя науки, полагая что онѣ самыя необходимыя для Россіи». По иностраннымъ источникамъ Гомозейко составилъ проектъ разныхъ мѣръ, касающихся городского благоустройства (тутъ и ватерклозеты, и очищеніе воздуха съ помощью хлористыхъ соединеній, и газовое освѣщеніе, и исправительная система). «Воображеніе мое воспламенилось, я представлялъ себѣ нашъ Губернскій городъ поставленнымъ на Европейскую ногу». Но мечты оказались совершенно утопическими. Иванъ Савельевичъ не только не поддержалъ весьма скромныхъ предложеній секретаря относительно улучшенія санитарнаго положенія города, но усмотрѣлъ въ нихъ нѣчто нежелательное и опасное. «Все ето, мой батюшка», кричалъ полицеймейстеръ, «какъ говоритъ Губернаторъ—Кар-кар-кар-Карбонарскія идеи». «Такъ вы въ самомъ дѣлѣ думаете, сударь, что я понесу ваши проекты къ Губернатору—чтобъ онъ меня за сумасшедшаго принялъ—нѣтъ вѣдь онъ, сударь, шутить-то не любитъ...»

Къ періоду службы Иринея Модестовича въ губернскомъ городѣ должна была относиться и исторія о городничемъ, лягушкѣ, кошкѣ и пѣтухѣ. Отрывокъ на л. 575—6 начинается словами: «*Послѣ разсказа* о *лягушкѣ, кошкѣ и проч.* Читатель, можетъ быть, улыбнулся, читая етотъ разсказъ—но мнѣ было не до смѣху. Мои толки съ Полиціймейстеромъ распространились по городу и—хоть бы одна душа въ немъ отдала справедливость моимъ добрымъ намѣреніямъ! Кто смѣялся—кто отворачивался» [1]).

Такъ какъ Гомозейко не окончилъ своей автобіографіи, и его «издатель», очевидно, потерялъ надежду на полученіе цѣльнаго труда, то упомянутая исторія была обработана въ видѣ отдѣльнаго разсказа [2]). Имя Гомозейки въ печатной редакціи ни

---

1) Отмѣтимъ, что на л. 574 написано: „Б. Г.“, т.-е. „Біографія Гомозейки“, чѣмъ также подтверждается принадлежность эпизода къ излагаемому нами произведенію.

2) Первоначально онъ былъ напечатанъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ за 1834 г., т. II, подъ заглавіемъ „*Отрывокъ изъ записокъ Иринея Модестовича Гомозейки*“, за подписью „*В. Безгласный*“. Затѣмъ былъ включенъ въ III часть со-

разу не упоминается, но содержаніе разсказа, несомнѣнно, проникуто духомъ нашего магистра философіи, поклонника «странныхъ» наукъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Рѣженскѣ, гдѣ подвизался и приказный Севастьяныч. Въ произведеніяхъ Одоевскаго 30-хъ годовъ Рѣженскъ служитъ своего рода символомъ русской провинціи, чѣмъ для Герцена былъ Малиновъ (Вятка), для Щедрина—Крутогорскъ (та же Вятка) [1]).

«Герой» разсказа—городничій, Иванъ Трофимовичъ Зернушкинъ, двойникъ Ивана Савельевича Прохорова. Одна дальняя родственница внушила ему опасеніе, какъ бы любимая кошка не нашептала ему въ головѣ жабу. Очень живо, съ неподдѣльнымъ юморомъ, на фонѣ хорошо очерченнаго быта, разсказываетъ Одоевскій, какъ мнительность едва не сгубила Зернушкина, этого, казалось бы, весьма положительнаго и во всѣхъ отношеніяхъ здороваго человѣка. На сценѣ и типичная фигура уѣзднаго лѣкаря, который лѣтъ пятнадцать не брался за книги,

---

бранія сочиненій, въ серію „Опытовъ разсказа о древнихъ и новыхъ преданіяхъ", съ невѣрной датой 1835 г. и новымъ заглавіемъ: „*Исторія о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ.* Разсказъ провинціяла". Произведеніе посвящено Дим. В. Путятѣ, который помогалъ Одоевскому отыскать этотъ разсказъ (самъ авторъ къ 1843 г., когда приступилъ къ изданію собранія своихъ сочиненій, забылъ, гдѣ именно былъ напечатанъ его разсказъ). Д. В. Путята нарисовалъ какъ-то картинку къ этой „Исторіи" (Записка Одоевскаго къ Николаю Вас. Путятѣ, безъ даты, но, несомнѣнно, 1843 г.—въ бумагахъ 1869 г.). При перепечаткѣ, какъ видимъ, авторскія права Гомозейки были нарушены и переданы неизвѣстному „провинціялу", который якобы пересказываетъ то, что слышалъ отъ своей покойной бабушки. Интересно, что и у Бѣлинскаго сохранилось ошибочное представленіе, будто „Исторія о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ" входила въ составъ „Пестрыхъ сказокъ" (подъ ред. С. А. Венгерова, т. IX, стр. 18).—Въ „Библіотекѣ для дачъ" (Спб. 1855) былъ также напечатанъ „*Отрывокъ изъ записокъ Иринея Модестовича Гомозейки*", за подписью: „*Безгласный*".

[1]) Самое имя „Рѣженскъ", повидимому, должно намекать на „Ряжскъ" (Рязанск. губ.) и на „Рѣзань", по орфографіи Одоевскаго: въ Рязанской губ., въ Скопинскомъ уѣздѣ находилось имѣніе матери Одоевскаго, по второму мужу Сѣченовой (с. Дроково). Ея мужъ, Павелъ Сѣченовъ (см. его письма въ бумагахъ 1869 г.), въ тридцатыхъ годахъ былъ полицеймейстеромъ въ Саранскѣ (Пензенск. губ.) и градоначальникомъ въ Симбирскѣ. Свою полицейскую службу онъ пытался идеализировать. Вотъ откуда у Одоевскаго могло быть непосредственное знакомство съ провинціальной администраціей. Бѣлинскій (Венгеровъ, II, 204) припоминая въ статьѣ о повѣстяхъ Гоголя разсказъ Одоевскаго о городничемъ и жабѣ, по ошибкѣ называетъ городъ Ржевомъ.

а при сей исключительной оказіи раздобылъ старинную книгу «О предчувствіяхъ и видѣніяхъ».

Сущность замысла «Исторіи о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ» понятна: авторъ хотѣлъ показать, какую роль можетъ играть мнительность, воображеніе, вообще нѣчто ирраціональное въ психикѣ даже самаго уравновѣшеннаго и благоразумнаго человѣка. Значитъ, идея разсказа стоитъ въ связи съ ученіемъ Одоевскаго объ инстинктуальномъ чувствѣ.

Ириней Модестовичъ Гомозейко, съ своей стороны, могъ прекрасно понять настроеніе Ивана Трофимовича, и неудивительно, что, по первоначальному плану, разсказъ долженъ былъ войти въ его автобіографію, и исторія должна была случиться съ тѣмъ же полицеймейстеромъ Прохоровымъ, секретаремъ котораго состоялъ Гомозейко. По поводу этой исторіи Ириней Модестовичъ велъ съ своимъ патрономъ какіе-то серьезные разговоры, не оцѣненные въ городѣ. Намъ нетрудно догадаться, въ какомъ духѣ высказывался Гомозейко.

«Новое происшествіе совсѣмъ погубило меня», продолжаетъ Гомозейко свою эпопею [1]). Изъ Петербурга поступилъ запросъ о причинѣ частыхъ пожаровъ въ губерніи. Въ городѣ думали, что большая часть пожаровъ происходитъ отъ воли Божіей, а остальные—отъ неизвѣстной причины. Гомозейко осмѣлился указать на то, что большая часть пожаровъ происходитъ въ праздники, и именно отъ того, что міряне прилѣпляютъ восковыя свѣчи къ деревяннымъ божницамъ и забываютъ ихъ во-время тушить, такъ какъ, будучи навеселѣ, засыпаютъ. Въ такомъ объясненіи обыватели усмотрѣли безбожіе и вольнодумство, дружно возстали противъ Иринея Модестовича и перетолковали его слова въ томъ смыслѣ, что онъ представляетъ начальству «о запрещеніи ставить свѣчки передъ образами» [2]).

Итакъ, дѣятельность Иринея Модестовича въ качествѣ образованнаго чиновника встрѣчала препятствія на каждомъ шагу. «Было много подобныхъ случаевъ», говоритъ онъ, «изъ которыхъ выросло всеобщее мнѣніе, что я человѣкъ пустой, безпокойный, либеральный, безъ вѣры, безъ закона и проч. и проч.».

---

[1]) Переплетъ 80, л. 575—6.

[2]) Самъ авторъ однако настолько дорожилъ мыслью Гомозейки, что не разъ возвращался къ ней и потомъ, когда ему приходилось говорить о пожарахъ.

Все это побудило его подать въ отставку, снова поселиться въ Рѣженскѣ (первоначально: «въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ») и жить своими трудами.

Полицеймейстеръ Прохоровъ отвергалъ нововведенія Гомозейки между прочимъ и потому, что онъ считалъ ихъ нерусскими затѣями. Возможно, что именно къ этому моменту «Жизни и похожденій Иринея Модестовича Гомозейки» относится отрывокъ въ переплетѣ 80, л. 579—581, гдѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ на національныя основы нашего культурнаго развитія, на желательныя формы нашихъ отношеній къ Западу.

«Было время, когда въ Россіи все Русское унижалось; мы жили, мы дышали иностраннымъ, мы презирали Русское, мы смѣялись надъ всѣмъ Русскимъ. Теперь началось воздѣйствіе или реакція, началась странная епоха самохваленія. Нельзя читать хладнокровно тѣхъ Авторовъ которые изъ всѣхъ силъ стараются убаюкивать наше народное самолюбіе, не присоединяя къ сему никакихъ ограниченій». Противъ этого невѣжественнаго самохвальства и узкаго патріотизма горячо возстаетъ Гомозейко и на рядѣ примѣровъ показываетъ, какъ подобное національное самомнѣніе отражается на разныхъ сторонахъ русской жизни: чиновникъ не хочетъ учиться «Теоріи Законоискусства»; степной помѣщикъ отказывается перенимать у нѣмцевъ молотильню, вѣялку или крупчатку; купецъ считаетъ лишнимъ посылать сына въ школу, такъ какъ русскому-де заводчику незачѣмъ знать химію; бородатый мужичокъ и подавно не станетъ сѣять картофеля, «етаго Нѣмецкаго чортова яблока». Въ результатѣ всѣ эти русскіе патріоты въ конецъ разоряются, недоумѣвая, гдѣ же лежитъ причина ихъ несчастія. «Да!» восклицаетъ Гомозейко: «есть многое у иностранцевъ—что для насъ не годится—но не Науки, Искусства, ремесла. Да! мы Русскіе! мы девятая часть земнаго шара! славно ето имя! но совершенно ли заслужили мы его!» Слава нашего оружія гремитъ по всей Европѣ, но наши науки, искусства и ремесла находятся еще въ младенческомъ состояніи, «несмотря на всѣ усилія Правительства». Только правительство и насаждаетъ нашу культуру; въ обществѣ же плохо развито «внутреннее чувство самосовершенствованія». «Отними Правительство свою руку—и завтра же закроются наши школы, а

съ ними падутъ и наши фабрики и торговля, и промышленность. Толчокъ данный могучею рукою Петра еще далеко не достигъ до послѣднихъ классовъ народа; двинулись первые ряды—задніе остались на томъ же мѣстѣ; рано еще быть реакціи; бездна еще не передъ нами, а за нами». Въ этихъ разсужденіяхъ Одоевскій высказалъ свои задушевныя мысли, тѣ идеи, которыя руководили его собственной дѣятельностью. По нимъ можно судить и о характерѣ національзма Одоевскаго въ 30-хъ годахъ [1]).

Судя по программѣ, Ириней Модестовичъ изъ провинціи переноситъ свою дѣятельность въ столицу. Такъ, постепенно расширяется кругъ его наблюденій (уѣздная, губернская и столичная среда). Съ помощью своей крестной матери Гомозейко получаетъ мѣсто у купца (ранѣе: «ростовщика») въ качествѣ учителя его сына. Въ матеріальныхъ благахъ у Гомозейки на этотъ разъ не было недостатка: «его кормятъ на убой», но «нехлѣбныя» стихіи его природы остаются неудовлетворенными, и онъ страдаетъ. Купецъ хочетъ имѣть въ немъ постояннаго партнера въ вистъ и заставляетъ его читать себѣ книги. «Гомозейко принужденъ читать всѣ переводы *Французскихъ романовъ*» [2]).

Кромѣ того, честность и «странность» Гомозейки ссорятъ его съ окружающими и даже «дѣлаютъ изъ него родъ шута». «Человѣкъ укралъ 50 тысячъ—но у него 12 человѣкъ дѣтей», читаемъ въ программѣ и догадываемся, что, очевидно, Гомозейко принялъ участіе въ этомъ эпизодѣ и высказалъ такое мнѣніе о данномъ преступленіи, что оно показалось всѣмъ необычнымъ и вздорнымъ. Гомозейко видитъ, какъ «разныя подлипалы» хотятъ обмануть купца; не дѣлая доноса, онъ старается разстроить ихъ планъ и, разумѣется, снова получаетъ отъ товарищей прозвище «*пустаго* человѣка». Когда впослѣдствіи купецъ раскрылъ плутни, онъ не усомнился отнести къ числу мошенниковъ и Гомозейку. Въ концѣ-концовъ Ириней

---

1) Недаромъ перепечатывая въ III ч. собранія сочиненій (1844 г.) „Сказку о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту“, авторъ нашелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее характерное примѣчаніе (стр. 195): „Мыслящіе люди не обвинятъ автора въ *квасномъ* патріотизмѣ за эту шутку. Кто понимаетъ цѣну западнаго просвѣщенія, тому понятны и его злоупотребленія“.

2) Курсивъ нашъ.

Модестовичъ не вынесъ сытой жизни въ домѣ купца, и уходитъ отъ него, къ неудовольствію всѣхъ родныхъ.

Названіе «столицы», гдѣ Гомозейко служилъ у купца, не упомянуто. Но можно предполагать, что рѣчь идетъ о купеческой Москвѣ. По крайней мѣрѣ, въ планѣ далѣе говорится: «Проѣзжій Господинъ беретъ его въ Петербургъ». Въ Петербургѣ Гомозейко пытается приспособиться къ окружающей дѣйствительности, чтобы такимъ путемъ получить возможность закончить свои «разныя предпріятія» и написать задуманныя сочиненія. Онъ ищетъ мѣста, и съ этой цѣлью «втирается въ извѣстныя дома, одѣвается со вкусомъ»; онъ «рѣшается во всемъ слушать людей»; «напуганный ищетъ понравиться каждому не отъ подлости, но отъ робости и чтобы только его не обидѣли и позволили ему спокойно заниматься своимъ дѣломъ». Именно такимъ выступаетъ передъ нами Гомозейко въ «Пестрыхъ сказкахъ». Программа упоминаетъ далѣе о томъ, что у Иринея Модестовича нашелся «покровитель, горячій молодой человѣкъ, но разсѣянный, охлажденный свѣтскою жизнію». На этомъ программа и прекращается.

На л. 19 переплета 20, сбоку, безъ связи съ общимъ планомъ (но противъ того мѣста, гдѣ говорится о службѣ Гомозейки у купца), находится слѣдующая интересная запись: «Мысль которая рождается въ И. М. *помирить книги со свѣтомъ и свѣтъ съ книгами* [1]); доселѣ они были двѣ параллельныя линіи и человѣкъ читая книгу въ которой выставленъ безкорыстный въ тоже время жертвовалъ своимъ другомъ для своей выгоды.—Вообще онъ живетъ вѣчно *внѣ себя*—его задушитъ недосказанная мысль». Цѣнные штрихи для характеристики Одоевскаго—Гомозейки. Нашъ идеалистъ также принужденъ жить внѣ себя, его также мучитъ недосказанная мысль, и одной изъ реальныхъ его цѣлей является сближеніе свѣтскаго общества съ книгой, т.-е. съ наукой и литературой, уничтоженіе разлада между книжными идеями и жизнью. Въ Гомозейкѣ сильно развиты соціальныя чувства: онъ не можетъ ограничиться однимъ личнымъ самосовершенствованіемъ; онъ полонъ центробѣжнаго начала, онъ уходитъ къ людямъ, въ міръ, въ «свѣтъ». Ради своей конечной цѣли онъ

---

1) Курсивъ нашъ.

готовъ на несущественные компромиссы въ образѣ жизни. Пока сфера его дѣйствія ограничивается однако *гостиными* высшаго общества и отчасти міромъ чиновниковъ. Позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, объектомъ своего просвѣтительнаго воздѣйствія Одоевскій, уже въ роли дяди Иринея, сдѣлаетъ народную массу.

Итакъ, Ириней Модестовичъ Гомозейко задуманъ, какъ философъ-идеалистъ и мистикъ, съ одной стороны, и какъ чиновникъ, просвѣтитель и культуртрегеръ—съ другой. По замыслу автора, ему предстоялъ рядъ «похожденій» и въ провинціи и въ столицѣ. Передъ читателемъ, дѣйствительно, могла бы развернуться широкая картина тогдашней Россіи, освѣщенная высокими идеалистическими думами Гомозейки—Одоевскаго. Пожалуй, это были бы своего рода «Мертвыя души» (конечно, независимо отъ степени таланта авторовъ), но не съ «пріобрѣтателемъ» Чичиковымъ во главѣ, а съ типомъ прямо ему противоположнымъ, съ героемъ, который не цѣнилъ матеріальныхъ благъ и полонъ «нехлѣбныхъ» стремленій. Къ сожалѣнію, Одоевскій не осуществилъ своей обширной задачи. Цѣльный замыселъ разбился на рядъ частныхъ темъ, и самый образъ Гомозейки остался недорисованнымъ. Интересно задуманный типъ распался на нѣсколько отдѣльныхъ, хотя и родственныхъ фигуръ, выступающихъ на амплуа Гомозейки въ разныхъ произведеніяхъ тридцатыхъ годовъ.

Кромѣ названныхъ разсказовъ, есть еще одинъ, относящійся къ циклу Гомозейки. Это—«*Привидѣніе*» [1]).

Разсказъ ведется отъ имени «путешественника», который въ дилижансѣ ѣдетъ съ отставнымъ капитаномъ, начальникомъ отдѣленія и Иринеемъ Модестовичемъ. Послѣдній на этотъ разъ является душой общества и держится весьма развязно, не то что въ великосвѣтскихъ гостиныхъ. «Ириней Модесто-

---

[1]) *Привидѣніе* (*Изъ путевыхъ записокъ*) было напечатано въ „Литер. Приб. къ Р. Инв.“ за 1838 г., № 40, стр. 781—785, за подписью: „*Кн. В. О.*“. Потомъ разсказъ вошелъ въ III часть собранія сочиненій, въ серію „Разсказы путешественника“, съ посвященіемъ Ник. Вас. Путятѣ. Въ бумагахъ 1869 г. есть записка Одоевскаго (1843 г.), адресованная къ Н. В. Путятѣ, съ просьбой разрѣшить посвятить ему „Привидѣніе“. Въ переплетѣ № 25 (л. 67 об., автографъ) вклеенъ отрывокъ, представляющій начало разсказа „Привидѣніе“, очевидно, въ первоначальной редакціи.

вичъ говорилъ безумолка; все—мимо проѣхавшій экипажъ, пѣшеходъ, деревушка—все подавало ему поводъ къ разговору; на радости, что слушателямъ нельзя отъ него выскочить изъ дилижанса, онъ разсказываетъ сказку за сказкой, въ которыхъ, разумѣется, домовые, бѣсы и привидѣнія играли первую роль. Я не могъ надивиться, откуда онъ набрался столько чертовщины, и преспокойно дремалъ подъ говоръ его тоненькаго голоса. Другіе товарищи скуки-ради слушали его не безъ вниманія, а Иринею Модестовичу только того и надо» (III, 22).

Гомозейко разсказалъ своимъ спутникамъ слышанный имъ анекдотъ о привидѣніяхъ въ одномъ замкѣ. «Предчувствія и видѣнія», разсуждаетъ Ириней Модестовичъ, обыкновенно вызываютъ общій интересъ: «нашъ умъ, изнуренный прозою жизни, невольно привлекается этими таинственными происшествіями, которыя составляютъ ходячую поэзію нашего общества и служатъ доказательствомъ, что отъ поэзіи, какъ отъ первороднаго грѣха, никто не можетъ отдѣлаться въ этой жизни» (III, 27).

Для усиленія впечатлѣнія авторъ заставляетъ Гомозейко передавать разсказъ со словъ «закоснѣлаго Волтерьянца стараго вѣка», который вѣрилъ лишь въ то, что дважды два четыре, и считалъ «бреднями» всѣ толки о привидѣніяхъ, а между тѣмъ, въ концѣ-концовъ, самъ сдѣлался жертвою «грезъ воображенія» [1]).

Въ освѣщеніи свѣтской жизни Одоевскій—Гомозейко и на этотъ разъ остается вѣренъ самому себѣ. Марья Сергѣевна—типъ положительной свѣтской женщины: умъ, простота, терпимость и «хорошій тонъ» выгодно отличали ее отъ другихъ женщинъ. «Хорошій тонъ» она понимала такъ, какъ немногіе и какъ, конечно, не могутъ понять ни начальникъ отдѣленія, этотъ «благоприличный господинъ», ни капитанъ, которому доступна лишь непринужденность пуншевой бесѣды.

Типичны графиня Мальвина, страстная и смѣлая, и ея надменная мать, находившаяся во власти самыхъ «маловажныхъ обстоятельствъ»: незначительнаго слова, письма, погоды.

---

[1]) Разбираясь въ причинахъ происшествія, петербургскій чиновникъ припомнилъ трагическій случай, какъ одинъ маленькій чиновникъ сошелъ съ ума и считалъ себя „рѣшенымъ дѣломъ“.

Слѣдовательно, «Привидѣніе» также стремится показать наличность таинственныхъ явленій въ жизни людей и въ сущности принадлежитъ къ категоріи «романтическихъ» повѣстей тогдашнихъ «модныхъ писателей», которыхъ такъ не долюбливалъ вольтерьянецъ, но которыя, по его словамъ, не сходятъ со страницъ журналовъ (29).

«Привидѣніемъ» заканчивается циклъ произведеній, непосредственно связанныхъ съ именемъ Иринея Модестовича Гомозейки [1]). Но настроеніе и міровоззрѣніе, которыя авторъ воплотилъ въ типѣ Гомозейки, не покидаютъ его въ теченіе всѣхъ тридцатыхъ годовъ.

Взоръ Иринея Модестовича Гомозейки охватывалъ всѣ сферы жизни; ему знакомы провинція и столица, люди всѣхъ званій и положеній. Явленія жизни располагаются для него, такъ сказать, по *тремъ ярусамъ*, соотвѣтственно степени ихъ приближенія къ конечному идеалу. Первый ярусъ, начиная отъ земли, занимаетъ та общественная среда, которая всецѣло опутана прозаическими, матеріальными интересами, среда, къ которой принадлежатъ городничіе, приказные и разный демократическій людъ. Во второмъ ярусѣ помѣщается великосвѣтское общество. Лучше всякихъ «нравоописателей» Одоевскій знаетъ грѣхи гостиныхъ. Но Гомозейко, какъ и самъ авторъ, чувствуетъ себя кровно связаннымъ съ этимъ міромъ; одной изъ самыхъ важныхъ своихъ задачъ онъ считаетъ примиреніе книги и свѣта. Сложной и многогранной кажется ему эта жизнь, здѣсь можно встрѣтить тонкія натуры людей высшей культуры; «здѣсь», выражаясь словами Фета, «духа мощнаго господство, здѣсь — утонченной жизни цвѣтъ» [2]). Наконецъ, верхній ярусъ это — сфера высшихъ исканій, философско-мистическихъ настроеній, это — «домъ сумасшедшихъ», и первымъ его обитателемъ является Ириней Модестовичъ Гомозейко. Такимъ образомъ получается какъ бы адъ, чистилище

---

[1]) Въ переплетѣ 13, л. 30 и об., автографъ, находимъ отрывокъ изъ какого-то произведенія, относящагося къ тому же циклу Гомозейки. Есть ссылки на „Біографію Г. Гомозейки“ и „Сказски Г. Гомозейки“; содержаніемъ произведенія должна была послужить „исторія“, разсказанная Гомозейкою. Отрывокъ кончается словами: „Вотъ какъ разсказывалъ Ириней Модестовичъ“. Отмѣтимъ, что и въ повѣсти „Катя“ (переплетъ 13) есть ссылка на біографію Гомозейки.

[2]) А. А. Фетъ. На книжкѣ стихотвореній Тютчева.

и рай [1]). Всѣ прочія произведенія Одоевскаго тридцатыхъ годовъ весьма удобно располагаются по этимъ тремъ категоріямъ. Въ общемъ получается стройное зданіе. Въ основной идеѣ и даже въ существенныхъ деталяхъ архитектурнаго плана чувствуется присутствіе единой творческой мысли, опредѣленной философіи жизни. «Русскія Ночи» блестяще вѣнчаютъ все зданіе. Выдѣляя ихъ въ особую рубрику, будемъ продолжать нашъ обзоръ, начиная съ верхняго яруса, откуда падаетъ свѣтъ на нижніе этажи.

III.

Въ романѣ о Дж. Бруно, въ «Новой миѳологіи» и въ «Пестрыхъ сказкахъ» передъ читателемъ приподнята завѣса, отдѣляющая отъ его взоровъ потусторонній міръ. «Двоеміріе»—существенный мотивъ нѣсколькихъ произведеній Одоевскаго, носящихъ явно мистическую окраску.

Одоевскій не остановился передъ тѣмъ, чтобы одного изъ духовъ сдѣлать участникомъ самой русской жизни, перенести его въ-міръ русскихъ гостиныхъ и бюрократическихъ учрежденій. Такую участь испыталъ духъ *Сегеліелъ*. Это уже не тотъ легкомысленный чертенокъ, который фигурируетъ въ «Пестрыхъ сказкахъ», а величавый образъ падшаго духа.

Надъ «Сегеліелемъ» Одоевскій трудился очень долго. Началъ онъ его еще въ 1832 году, въ 1838 г. напечаталъ изъ него одинъ отрывокъ, а въ бумагахъ сохранилось нѣсколько другихъ главъ и программъ [2]). Видно, что авторъ задумалъ

---

[1]) Не придавая этому факту никакого особаго значенія, отмѣтимъ, что Одоевскій нѣсколько разъ беретъ эпиграфы изъ „Божественной комедіи“ Данте (для „Сегеліеля“, для статьи „Кто сумасшедшіе“ и для „Русскихъ Ночей“).

[2]) Отрывокъ изъ „Сегеліеля“ Одоевскій предназначалъ для „Современника“ Пушкина. Но Пушкинъ, видимо, не былъ сторонникомъ такихъ сюжетовъ: недаромъ „Княжну Зизи“ онъ предпочиталъ „Сильфидѣ“. Въ началѣ апрѣля 1836 г. Пушкинъ писалъ Одоевскому (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 294): „О Сегеліелѣ, кажется задумалась Цензура—Но я не очень имъ доволенъ; къ тому же какъ отрывокъ онъ въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія“. Очевидно, Пушкинъ хотѣлъ отклонить печатаніе „Сегеліеля“ въ „Современникѣ“, и отрывокъ увидѣлъ свѣтъ лишь въ „Сборникѣ на 1838 годъ“ (А. Ѳ. Воейкова и В. А. Владиславлева), стр. 89—104, подъ заглавіемъ „*Сегеліелъ. Донъ-Кихотъ XIX столѣтія. Сказка для старыхъ дѣтей. (Отрывокъ изъ 1-й части)*. (1832 г)“. Подпись: „*К. В. О.*“ Въ переплетѣ 80 находятся два экземпляра „Сегеліеля“ изъ „Сборника на 1838 годъ“.

свое произведеніе чрезвычайно широко. Онъ хотѣлъ въ немъ, такъ сказать, связать небо и землю, перебросить между ними мостъ. По той или другой причинѣ Одоевскому не удалось осуществить своего плана во всей полнотѣ. Но все же «Сегеліель» настолько характерное для Одоевскаго произведеніе, что мы считаемъ нужнымъ подробнѣе остановиться на его содержаніи.

Дѣйствіе начинается прологомъ въ небесныхъ сферахъ въ моментъ паденія ангеловъ, т.-е. въ тотъ моментъ, который мистики дѣлаютъ исходнымъ пунктомъ своего ученія.

Въ «Сегеліелѣ» Одоевскій какъ бы пытается воспроизвести всю мистическую концепцію исторіи человѣчества [1]).

«Безконечное пространство между свѣтилами. Низверженные духи падаютъ въ безпрерывномъ круженіи. Уже несчетные тысячи вѣковъ длится ихъ паденіе. Гдѣ пролетаютъ они, тамъ тухнутъ солнца, планеты сбиваются съ круговъ своихъ. Об-

---

Черновые оригиналы разныхъ частей этого отрывка „Сегеліеля" сохранились въ переплетѣ 25, л. 25—26, 27—32, 33—46. На л. 46 подпись: „*Безгласный*" и дата: „1832". Тотъ же отрывокъ былъ затѣмъ перепечатанъ въ Р. Арх. 1881 г., кн. II, стр. 477—485, съ предисловіемъ Я. О. О-ва подъ заглавіемъ: „Четыре статьи князя В. Ѳ. Одоевскаго". Авторъ предисловія—Я. О. Орелъ-Ошмянцевъ, одно время стоявшій довольно близко къ кн. Одоевскому, бывшій секретаремъ московскаго Славянскаго Комитета и умершій въ 1893 г. Имъ же издана была „Музыкальная грамота" Одоевскаго. Въ бумагахъ 1869 г. есть письмо Краевскаго къ Одоевскому отъ 16 іюля (очевидно, 1837 г.), гдѣ между прочимъ читаемъ: „Пошлите отъ себя къ Никитенко записку о Сегеліэлѣ".

[1]) Въ переплетѣ 80, л. 27—34, автографъ, мы и находимъ этотъ прологъ подъ заглавіемъ: „*Сегеліель или Донъ-Кихотъ XIX-го столѣтія*", съ двумя эпиграфами: а) изъ III пѣсни „Ада" Данте:

...quel cattivo coro
Degli angeli che non furon' ribelli
Ne fur fedeli a Dio, ma per se foro.
Dante—Inferno Canto III.

Этотъ эпиграфъ повторенъ и на л. 28. б) „Когда свѣтъ проницаетъ тьму, то она еще не есть собственно зло, но претворяется въ зло тогда, когда свѣтъ ее уже совершенно оставляетъ, какъ можно сіе видѣть на Луциферѣ, который теперь совсѣмъ лишенъ свѣта и содѣлался основаніемъ тьмы и зла. Мистики XVI-го вѣка". См. текстъ этого пролога въ приложеніи. Наброски того же текста, но, повидимому, въ болѣе ранней редакціи и между прочимъ безъ заглавія и безъ конца, читаемъ въ переплетѣ 55, л. 21—26, автографъ. Затѣмъ въ переплетѣ 25, л. 47—55, автографъ, опять тотъ же прологъ, что въ переплетѣ 80 (л. 27—34), но въ редакціи болѣе ранней.

ломки планетъ, горы, моря, кометы, вся геенна вихремъ несется вмѣстѣ съ низверженными. Вѣчная тьма, не освѣщаемая даже горящими кометами». Вотъ обстановка, при которой происходитъ прологъ этой «Психологической Комедіи», какъ говорится въ подзаголовкѣ на л. 27 переплета 80, или «Земной комедіи», какъ авторъ предпочелъ выразиться въ отрывкѣ на л. 90 переплета 25. Среди падающихъ духовъ находится самъ Луциферъ и преданный ему Сегеліель.

Въ одномъ рукописномъ отрывкѣ Сегеліель былъ названъ раньше *Аббадоною* (переплетъ 80, л. 35, автографъ). Очевидно, образъ Сегеліеля слагался не безъ вліянія «Мессіады» Клопштока, откуда отрывокъ подъ заглавіемъ «Аббадона» былъ переведенъ Жуковскимъ еще въ 1814 г. Въ напечатанномъ отрывкѣ «Сегеліеля» даже прямо говорится о «Мильтоновомъ Луциферѣ» [1]. И, дѣйствительно, Сегеліель во многомъ напоминаетъ падшаго серафима Аббадону и существенно отличается отъ Луцифера. Гордый и непримиримый Луциферъ продолжаетъ бросать дерзкіе вызовы Создателю и творить зло. Онъ съ хохотомъ сталкиваетъ пятою блуждающую комету, и она падаетъ на одну изъ планетъ. А Сегеліель жалѣетъ о гибели звѣзды. «Какъ свѣтло, какъ тихо сіяла она посреди тверди небесной! какъ стройная арфа [2], носилась она по трепещущимъ волнамъ ѳеира! въ ней голосъ Поэта сливался порой съ созвучіемъ стихій природы! и струны благородныхъ металловъ, какъ жилы живыя, имъ вторили въ нѣдрахъ ея!—и замолкло святое!—взыграли въ ней грубыя силы,—другъ друга онѣ одолѣли,—все живое исчезло, и самая смерть для нее потерялась!—О за чемъ погубилъ ты ее и за чемъ сотворилъ ее Вышній?»

Луциферъ издѣвается надъ слабостью Сегеліеля и иронически совѣтуетъ ему вернуться и пасть съ раскаяньемъ на ко-

---

[1]) Тѣмъ же именемъ и эпизодомъ воспользовался и П. А. Полевой въ извѣстной своей повѣсти „Аббадонна" (1834). Въ примѣчаніи къ письмамъ Пушкина въ Р. Арх. 1864 г., стр. 821, по поводу „Сегеліеля" сказано: „Сегеліель одинъ изъ духовъ, созданныхъ воображеніемъ неоплатониковъ и кабалистовъ. Въ сочиненія, о коемъ идетъ рѣчь, онъ представленъ падшимъ вслѣдствіе своего негодованія на зло, существующее въ мірѣ". Иногда въ рукописяхъ Одоевскаго, вѣроятно, по ошибкѣ пишется „Селегіель".

[2]) Вспомнимъ „Музыкальный инструментъ" въ разсказѣ о кардіадахъ и эфиридахъ.

лѣна «тамъ». Сегеліель однако не можетъ уже вернуться: вѣчный грѣхъ соединилъ его съ Луциферомъ. «Я привязанъ къ тебѣ», говоритъ Сегеліель, «я покоренъ тебѣ, какъ планета высокому солнцу! Я скорблю о тебѣ... я ропщу на Творца за терзаніе твари!—я скорблю о тебѣ, я ропщу на Творца за неполную власть надъ тобою». Сегеліель не могъ примирить существованія въ мірѣ зла съ идеей Бога, власти Луцифера съ властью Творца вселенной. Ему были чужды тѣ теодицеи, которыя придумывали люди, и онъ возропталъ на Бога и отпалъ отъ него. Значитъ, мотивъ его паденія—не личная гордыня, а, такъ сказать, философское сомнѣніе въ всемогуществѣ и благости Творца. Луциферъ гордо противопоставляетъ свое могущество власти Бога и въ пламенной тирадѣ говоритъ о своихъ безконечныхъ страданіяхъ: «Власть надо мною? ему? Малодушный! Нѣтъ, не тебѣ мое чувство постигнуть! Пусть творитъ онъ міры! Пусть каждый міръ будетъ мнѣ новымъ страданіемъ! Что ваша мука въ сравненіи съ моею? Сколь выше я васъ, столь и мука сильнѣе! я стражду страданьемъ вселенной, страданьемъ послѣдняго червя на послѣдней планетѣ—и все я тотъ же, какъ былъ я въ минуту паденья—паденья! нѣтъ не паденье то было—то было возстанье! съ той гордой минуты не надъ всѣмъ Его власть во вселенной! есть мѣсто, гдѣ его власть притупилась! однаго онъ не могъ побѣдить и побѣдить никогда не возможетъ и это одно—моя воля! Пусть свѣтомъ онъ блещетъ—я лучи его тьмой застилаю! Пусть онъ творитъ—я творенье его разрушаю» (л. 30 и об.).

Хотя Сегеліель и раздѣляетъ участь Луцифера, но онъ ждетъ для земли наступленія «великой субботы» (выраженіе мистиковъ), а для самого Луцифера желалъ бы раскаянья.

За такія мысли и чувства Луциферъ низвергаетъ Сегеліеля на землю, къ людямъ, «въ ихъ пепельный міръ», и заставляетъ его облечься «въ ихъ скудельное тѣло»: «ихъ умъ и сердце да будетъ твоимъ жалкимъ удѣломъ. Я казню тебя казнію горшею въ мірѣ—полъ-казнью моею!»..

Съ радостью принимаетъ Сегеліель эту казнь за свою жалость къ людямъ и за скорбь о самомъ Луциферѣ. Онъ надѣется, что это избавитъ его отъ геенны и послужитъ ему очищеніемъ. «Сегеліеля сильно тянетъ къ землѣ». Вотъ, наконецъ, онъ и на землѣ, въ образѣ юноши лѣтъ 14-ти. Съ высокой

скалы, нависшей надъ пропастью, созерцаетъ онъ раннимъ утромъ землю. Въ душѣ его «сладкое спокойствіе»; прошлое забыто безслѣдно. Сегеліель радуется «гармоніи тишины» земного утра и привѣтствуетъ восходящее солнце. Онъ восторгается красотой земли, ея несмѣтными богатствами, скрытыми глубоко въ ея нѣдрахъ. На тысячу верстъ тянутся золотыя жилы; чудные алмазы, рубины и сапфиры образуютъ блестящую пещеру. Люди еще не догадываются объ этомъ. Среди нихъ еще царятъ грѣхи и слабости; они еще въ власти злыхъ духовъ, и не скоро достигнутъ они «царскаго вѣнца своего» [1]). Любовь къ людямъ сильнѣе прежняго заговорила въ Сегеліелѣ. «Одно предо мною... я здѣсь... я живу... я хочу, я могу жить... но съ чего начать?..» спрашиваетъ себя недоумѣвающій Сегеліель. Первый его дебютъ на землѣ, о которомъ говорится въ томъ же прологѣ, былъ однако не особенно удаченъ: онъ указалъ подпаску, гдѣ находится заблудившееся стадо; мальчикъ пошелъ по указанному направленію, но попалъ въ «бездонную тину». На помощь ему спѣшитъ отецъ, пастухъ, но тоже увязаетъ въ трясинѣ. Сегеліель бросился спасать ихъ, но было уже поздно: болото всосало обоихъ несчастныхъ. «Сегеліель закрываетъ лицо руками».

Этимъ прологъ и заканчивается. Онъ написанъ въ торжественномъ тонѣ; языкъ мѣстами приближается къ стихотворной рѣчи; ему нельзя отказать въ цѣльности и возвышенности идеи. Передъ нами поставлена мистическая проблема о происхожденіи зла, о борьбѣ Луцифера съ Творцомъ. Человѣкъ оказался во власти злыхъ духовъ; земныя трясины угрожаютъ ему гибелью. Какъ человѣку бороться со зломъ? можетъ ли онъ вынести эту борьбу?

Въ одномъ отрывкѣ, который, очевидно, можно связать съ тѣмъ же «Сегеліелемъ» [2]), авторъ переноситъ читателя въ небесныя сферы, гдѣ «въ таинственномъ величіи, въ лучезарномъ свѣтѣ сидѣлъ Ахаръ на своемъ высокомъ престолѣ». Ахаръ, или Невидимый съ скорбью смотритъ на созданную имъ вселенную, гдѣ такую власть пріобрѣлъ Луциферъ. О томъ же

---

[1]) Это выраженіе, взятое опять изъ языка мистиковъ, употреблено въ переплетѣ 25, л. 53.

[2]) Переплетъ 25, л. 70—75, автографъ. См. въ приложеніи.

бесѣдуютъ Индра (ранѣе Монсасуръ, Израиль), Вишну (ранѣе— Брама) и Израиль. Вишну «посѣщалъ міръ вещества», онъ знаетъ жизнь людей и готовъ разсказать своимъ собесѣдникамъ о происхожденіи, смыслѣ и концѣ борьбы Луцифера съ Невидимымъ, а главное—о роли человѣка въ этой борьбѣ. Но эта тайна столь ужасна, что она можетъ потрясти «всѣ міры», и Вишну приглашаетъ товарищей на «перегорѣвшую планету», гдѣ уже нечего болѣе разрушать. Тутъ Вишну и повѣдалъ имъ великую тайну: «Въ человѣкѣ скрыта высочайшая изъ силъ—сила равная творческой силѣ Ахара (ранѣе—Невидимаго). Онъ посредникъ въ спорѣ между Силою блага и Силою зла, отъ его рѣшенія зависитъ уничтоженіе того или другаго». Луциферъ, первый изъ серафимовъ, зналъ это и рѣшилъ сдѣлать человѣка союзникомъ своихъ преступныхъ замысловъ противъ Вѣчнаго. Чтобы успѣшнѣе склонить на свою сторону колебавшагося человѣка, онъ «проникнулъ всю Природу и заразилъ всѣ зародыши жизни». Вслѣдствіе этого человѣкъ имѣетъ ложное представленіе о мірѣ и о своей собственной силѣ. «До сихъ поръ человѣкъ въ нерѣшимости, до сихъ поръ не преклоняется ни на ту ни на другую сторону—и борьба длится, свѣтъ горній тускнѣетъ, Невидимый скорбитъ, взирая на свое созданіе».

Значитъ, исходъ борьбы со зломъ въ сущности зависитъ отъ человѣка; только бы онъ сумѣлъ постичь скрытую въ немъ силу, и тогда никакіе духи ему не опасны [1]).

Для Одоевскаго (какъ и для Жуковскаго) характерно то, что его творческое вниманіе привлекъ не гордый и мятежный Луциферъ (какъ это видимъ у Байрона), а любвеобильный Сегеліель - Аббадона. Сегеліель — падшій ангелъ, изгнанный на землю—сюжетъ разсказа Л. Н. Толстого «Чѣмъ люди живы». Сегеліель также будетъ учить людей тому, чѣмъ они могутъ быть живы.

Итакъ, Сегеліель на землѣ. Въ отрывкѣ переплета 55 Луциферъ именуетъ Сегеліеля уже «Господиномъ Докторомъ» (л. 25), «ученнымъ Докторомъ» (л. 26), т.-е. чѣмъ-то въ родѣ Фауста [2]).

[1]) Такъ же понимается отношеніе человѣка къ духамъ въ „Іорданѣ Бруно“ (см. выше на стр. 626).

[2]) Мы не считаемъ возможнымъ сближать „Сегеліеля“ съ гетевскимъ „Фаустомъ“, но не можемъ не отмѣтить сходства въ отношеніи Сегеліеля и Фауста къ

На земле Сегеліель переживаетъ рядъ метаморфозъ. Въ одномъ отрывкѣ [1]) говорится, что Сегеліель «скитается по свѣту» и является въ видѣ «Саванароля, Леонардо да Винчи, Аббата, хотѣвшаго летать, дикаря (условіе съ матерью, посвятившею его фетишу)», честнаго человѣка, «изобрѣтателя, котораго изобрѣтенія всегда открываюся прежде другими». «Характеръ его—потребность дѣятельности и невозможность дѣйствовать».

Въ другомъ отрывкѣ [2]) авторъ набрасываетъ планъ жизни Сегеліеля въ условіяхъ современной эпохи: «Періодъ 1-й. Жизнь семейная. Періодъ 2-й. Жизнь общественная, служебная, свѣтская, ученая. Періодъ 3-й. Жизнь внутренняя. Conclusium». Этотъ планъ разработанъ затѣмъ то въ видѣ программъ, не совсѣмъ, впрочемъ, согласованныхъ между собою, то въ видѣ отдѣльныхъ сценъ съ участіемъ Сегеліеля, при чемъ въ его жизнь все время вмѣшивается и Луциферъ съ товарищами [3]). Предполагалась также сцена съ алхимикомъ: «Луциферъ является для мира съ Сегеліелемъ и увѣряетъ его, Алхимика, что человѣкъ былъ бы равенъ Богу, если бы соединился съ Луциферомъ—Мистическія мечты» [4]).

«Сегеліель пріемышъ, непомнящій родства; какъ онъ разсказываетъ все, что видитъ, чего не видятъ другіе; его признаютъ сумасшедшимъ». [4]) Сегеліель сближается съ людьми, искренно любитъ ихъ, дѣлаетъ много добра, но люди не понимаютъ его и считаютъ «ложнымъ филантропомъ», тогда какъ они же готовы признать истиннымъ филантропомъ Луцифера, который только наружно исполняетъ свои обязанности къ ближнему [5]). Съ помощью Луцифера Сегеліель изобрѣтаетъ какую-то машину, отъ которой разоряется цѣлое селеніе. Зани-

---

духамъ. Въ „Русскихъ письмахъ" Одоевскаго, произведеніи уже средины 40-хъ годовъ (переплетъ 92, л. 146), въ числѣ эпиграфовъ имѣется такой: „Что ты можешь дать мнѣ, демонъ? Постигалъ-ли когда кто изъ тебѣ подобныхъ духъ человѣка и его возвышенные порывы? Фаустъ. Ч. I—Lehrzimmer".

[1]) Переплетъ 80, л. 35, автографъ. См. приложеніе.

[2]) Переплетъ 25, л. 90, автографъ. См. приложеніе.

[3]) Переплетъ 25, л. 90, 47 и об., 89, 68 об., 69, 13—24, 62—66 + 68, автографъ; л. 76—87 (то же въ копіи—переплетъ № 1, л. 123—128); л. 56—61; переплетъ 55, л. 18, автографъ. См. приложеніе.

[4]) Переплетъ 25, л. 47.

[4]) Ibid., л. 90.

[5]) Ibid., л. 47.

мается Сегеліель и алхиміей вмѣстѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и много терпитъ отъ послѣдняго [1]). Далѣе Сегеліель влюбляется въ княжну Лидію и женится на ней. Но въ него влюбилась замужняя женщина (или вдова); «за нею волочится молодой человѣкъ—отъ етаго дуель—Луциферъ Секундантомъ—Сегеліель отказывается отъ дуели и возбуждаетъ всеобщее презрѣніе» [2]). Сегеліель переживаетъ и рядъ другихъ приключеній; Луциферъ старается вредить ему [3]).

Великосвѣтскимъ похожденіямъ Сегеліеля посвящены три сцены или, точнѣе, три варіанта одной сцены на балу [4]). Кромѣ Сегеліеля, на балу появляются Луциферъ, Астаротъ, Асмодей и другіе духи, принявшіе человѣческій обликъ. Духи, особенно Луциферъ, стремятся мѣшать Сегеліелю и всячески вредятъ людямъ; въ Лидіи Луциферъ хочетъ подорвать вѣру въ добро, въ могущество Бога и загробную жизнь. Сегеліель, не раскрывая людямъ «нездѣшней тайны», предупреждаетъ ихъ объ опасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь своими встрѣчами на балу, онъ старается вліять то на богача, не знающаго, «какъ употребить свое несмѣтное богатство», то на важнаго государственнаго мужа, строгія мѣры котораго болѣе произво-

---

[1]) Переплетъ 25, л. 47 и об.

[2]) Переплетъ 25, л. 90 и 47 и об.—По отрывку въ переплетѣ 25, л. 68 об., мужъ замужней женщины вызываетъ Сегеліеля на поединокъ и убиваетъ его. На л. 69 приведены и мысли Сегеліеля „передъ дуелемъ“.

[3]) Переплетъ 25, л. 47 и об.

[4]) а) Переплетъ 25, л. 13—24, съ заглавіемъ: „*Сегеліель. Часть 1-я*“ и съ эпиграфомъ: „Жесточайшимъ страданіемъ для Луцифера (ранѣе было: „Сегеліеля“) служатъ свѣтъ и любовь разлитыя во вселенной. Мистики XV вѣка“.— б) Ibid., л. 62—66 + 68. Здѣсь Луциферъ между прочимъ изумляетъ Лидію своимъ умѣньемъ вальсировать и, когда она замѣтила ему это, онъ, „смотря на нее выразительными глазами“, воскликнулъ: „О! Вальсъ есть мой обыкновенный... мой любимый танецъ“... Особый смыслъ этихъ словъ раскрывается въ отрывкѣ переплета 25, л. 70—75: Луциферъ „оглянулся вокругъ себя“ и въ его преступномъ умѣ зародилась мысль овладѣть могуществомъ Вѣчнаго, но Вѣчная десница низвергла его съ престола, и онъ „полетѣлъ въ неизмѣримую бездну, безпрестанно кружася, въ воспоминаніе перваго своего преступнаго движенія“ (л. 73, 74). Точно также постоянно „вертится“ въ вальсѣ и заставляетъ „вертѣться“ свою даму—демонъ Асмодей (Астаротъ). О мистическомъ значеніи вальса говорится и въ повѣсти „Янтина“.—в) Переплетъ 25, л. 76—87, автографъ = переплетъ 1, л. 123—128, копія; заглавіе: „*Сегеліель, или Донъ-Кихотъ XIX-го столѣтія. (Отрывокъ изъ 2-й части)*“.

дятъ зла, чѣмъ добра. На публичномъ гуляньѣ свѣтскіе люди обсуждаютъ странное поведеніе Сегеліеля, и единодушно порицаютъ его, называя «предурнымъ человѣкомъ», «педантомъ», «gettatore (по-итальянски—тотъ, у кого «дурной глазъ»), «интриганомъ», хитрымъ честолюбцемъ и въ лучшемъ случаѣ пустымъ мечтателемъ.

Вслѣдъ за этимъ идетъ сценка въ «Публичномъ саду». Сегеліель съ жаромъ убѣждаетъ двухъ молодыхъ людей не отказываться отъ какого-то дѣла и произноситъ такую характерную реплику [1]): «Да! Времени мало—ето правда,—но отъ того и надобно спѣшить—надобно бросить ето убійственное равнодушіе ко всему, которое заражаетъ новыя поколѣнія; вѣрьте мнѣ: одна наука обьясняетъ другую, такъ помогаетъ одна другой и облегчаетъ такъ путь человѣку, что тотъ въ сотеро больше узнаетъ, чей взоръ не заключенъ въ тѣсныя предѣлы какого-нибудь однаго отдѣльнаго предмета, однаго оторваннаго члена Природы... Надобно только прилѣжаніе, прилѣжаніе доходящее до ентузіазма, или ентузіазмъ, доходящій до прилѣжанія». Въ разговоръ вмѣшивается Луциферъ и доказываетъ, что дѣло не въ прилежаніи, а въ талантѣ и вдохновеніи; что незачѣмъ и учиться наукамъ и искусствамъ, что талантъ замѣняетъ все. Луциферъ не видитъ пользы въ наукѣ, которая только «притупляетъ умъ и холодитъ сердце». «Надобно брать жизнь, какъ она есть»,—учитъ онъ: «ничего не знать, ничего не испытывать, ни къ чему не стремиться и всѣмъ наслаждаться». Не удивительно, что вокругъ Сегеліеля толпа мало-по-малу разсѣялась, и всѣ переходятъ къ Луциферу [2]).

Итакъ, добро (Сегеліель) и зло (Луциферъ) борются въ жизни людей. Міръ земной и міръ духовъ находятся въ постоянномъ соприкосновеніи. Люди не сознаютъ этого «двоемірія». Желая

---

[1]) Переплетъ 25, л. 85.

[2]) Въ небольшомъ отрывкѣ (переплетъ 55, л. 18, автографъ) авторъ заставляетъ Сегеліеля такъ размышлять о „благотвореніи“, о вопросѣ, который всю жизнь занималъ Одоевскаго: „Что ни дѣлаешь, за что ни принимаешься, первое невольно входитъ въ голову какъ бы изъ етаго извлечь пользу людямъ; желаешь власти, богатства чтобъ благотворить; но для чего желаешь благотворить? если только для того чтобы угодить себѣ благодарностію облаготвореннаго? Етаго чувства не отдѣлишь отъ благотворенія—и отъ того благотвореніе не чисто“.

быть болѣе полезнымъ людямъ, Сегеліель поступаетъ на службу, дѣлается русскимъ чиновникомъ. Падшій духъ въ роли русскаго чиновника... Эта идея легко можетъ вызвать улыбку, но Одоевскій относился къ ней вполнѣ серьезно: онъ былъ полонъ вѣры въ великое значеніе государственной службы, лелѣялъ въ своей душѣ идеалъ чиновника, энциклопедически образованнаго и беззавѣтно преданнаго благу людей. Этотъ идеалъ бюрократическаго филантропизма и воплощенъ въ Сегеліелѣ.

Уже въ сценахъ на балу Сегеліель рекомендуется, какъ чиновникъ, не упускающій случая подѣйствовать на вліятельныхъ бюрократовъ, на графовъ и князей.

Особая сцена [1]) изображаетъ намъ Сегеліеля въ бесѣдѣ съ «Вельможей» (ранѣе «Государственнымъ человѣкомъ»), къ которому онъ желаетъ поступить на службу, чтобы быть полезнымъ своимъ ближнимъ. На вопросъ вельможи, какъ онъ хочетъ быть полезнымъ человѣчеству, Сегеліель отвѣчаетъ пространнымъ profession de foi: «Я имѣю нѣкоторыя свѣденія въ наукахъ—я бы хотѣлъ имѣть средства приложить ихъ къ самому дѣлу, передать другимъ что я знаю; я замѣтилъ что въ етой землѣ люди далеко еще не достигли до совершенства, завѣщаннаго человѣчеству; о многихъ вещахъ они имѣютъ очень странныя понятія, а о многихъ никакого; я замѣтилъ что въ вашей землѣ одни не понимаютъ благонамѣренныя указанія Правительства; другимъ мѣшаетъ отсутствіе благороднаго стремленія, раздѣлять его усилія; просвѣщеніе еще не сдѣлалось внутреннимъ глубокимъ влеченіемъ духа; отъ того нивы ваши не приносятъ десятой части плодовъ своихъ; сокровища природы оставляются въ небреженіи; машинъ у васъ немного и тѣ дурно устроены; вообще почти всѣ вѣтьви промышленности въ етой землѣ находятся совершенно въ младенчествѣ; опыты въ Агрономіи, въ Физикѣ, въ Медицинѣ не направлены къ настоящей цѣли; Философскія системы противорѣчатъ одна другой; ваша нравственность есть наборъ словъ, потерявшихъ свое значеніе; Правовѣденіе служитъ только средствомъ для удовлетворенія корыстолюбію; ваша Литература въ рукахъ монополистовъ, которые въ ней видятъ лишь свои личныя

[1]) Переплетъ 25, л. 56—61, автографъ. Заглавіе: „Кабинетъ Вельможи".

выгоды, и отъ того она вмѣстѣ съ Искусствомъ не имѣетъ никакого благородства и вышла изъ своей возвышенной сферы... все ето можетъ быть приведено къ своему естественному назначенію и...»

Вельможа прерываетъ пылкаго энтузіаста и обращаетъ его вниманіе на необычайно широкій кругъ дѣятельности, какой онъ считаетъ для себя возможнымъ. Но Сегеліель защищаетъ себя ссылкой на то, что «въ мірѣ все связано одно съ другимъ». «Я увѣренъ, что человѣчество погибнетъ, если не соединитъ во едино всѣхъ своихъ знаній, раздробленныхъ по частямъ и отъ того потерявшихъ все свое значеніе». Иногда достаточно одного какого-нибудь свѣдѣнія изъ другой области знанія, чтобы спасти человѣка отъ серьезнаго заблужденія. «Ето чувство терзаетъ меня», говоритъ Сегеліель, «и я до тѣхъ поръ не буду спокойнымъ, пока не буду въ состояніи передать людямъ то, что мнѣ случилось узнать по особеннымъ обстоятельствамъ моей жизни. Я твердо убѣжденъ—что ето возможно, ибо нѣтъ ничего невозможнаго для человѣка». Вельможа, на основаніи собственнаго опыта, понимаетъ несбыточность увлеченій Сегеліеля, но онъ самъ когда-то питалъ подобныя мечты, знаетъ, насколько дорого въ молодомъ чиновникѣ такое настроеніе и—беретъ Сегеліеля на службу. Вельможа и «правительство» выступаютъ здѣсь въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Отрывокъ, напечатанный въ «Сборникѣ на 1838 годъ», служитъ продолженіемъ только что изложенной сцены: онъ знакомитъ насъ съ переживаніями Сегеліеля-чиновника [1]).

Сегеліель — не обычный чиновникъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самая обстановка его кабинета: «столъ съ кипами бумагъ, книгами, рисунками; кругомъ музыкальные инструменты, физическіе и химическіе снаряды». Сегеліель подавляетъ въ себѣ жажду личнаго счастья и весь отдается службѣ. За одну ночь ему нужно приготовить разомъ нѣсколько докладовъ для представленія своему начальнику (графу): поддержать проектъ благотворительнаго заведенія, дать отзывъ о примѣненіи одного медикамента, разсмотрѣть представленіе разныхъ лицъ къ наградамъ. Онъ не только вдумчиво относится къ каждому дѣлу, но и подвергаетъ его философскому обсу-

[1]) См. выше примѣчаніе 2-е на стр. 667—668

жденію, стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ постигнуть смыслъ своего существованія.

«Не для наслажденій посланъ я на землю...», говоритъ онъ въ своемъ монологѣ (477—478): «но зачѣмъ? Что меня ожидаетъ? Что значили слова Луцифера? О! Кипріяно! Кипріяно! вспоминаю тебя! [1]) Помню, какъ въ моей первой жизни я насмѣхался надъ тобою, въ угодность Луциферу... Я испытываю твои терзанія: все вижу, все понимаю въ настоящую минуту,— но прошедшее, будущее—кто разрѣшитъ васъ?.. Злополучный, я все вижу, все понимаю—для того только, чтобы не видать конца страданіямъ человѣка, увѣряться въ тщетѣ моихъ усилій... Если бы за нихъ была мнѣ награда? Если бы могъ я вѣрить, что мои мысли — добро, что я страдаю не напрасно, что когда-нибудь мои страданія принесутъ добрый плодъ людямъ? Нѣтъ и этой увѣренности!.. А чувство любви къ человѣчеству пылаетъ въ душѣ моей, мучитъ меня... О судьба! судьба! Зачѣмъ ты вложила въ меня это терзающее, это безконечное чувство? Всю-бы вселенную хотѣлъ я обхватить въ мои объятія, всѣхъ людей хотѣлъ бы прижать къ моему сердцу—простираю руки и обнимаю одно облако. Зачѣмъ не могу я, подобно другимъ людямъ, назначить предѣлы моему чувству, спокойно избрать предметъ и спокойно заниматься имъ, забывая о вселенной».

Чтобы прогнать сонъ, Сегеліель принимаетъ опіумъ и берется за дѣла. Но съ чего начать? Люди такъ заблуждаются, и наука ихъ находится въ такомъ младенчествѣ, что каждый вопросъ требуетъ цѣлаго изслѣдованія. Съ лихорадочнымъ безпокойствомъ переходитъ онъ отъ одной работы къ другой. «Въ это время Мильтоновъ Луциферъ [2]) и другіе падшіе духи проносятся надъ Сегеліелемъ». Луциферъ съ злорадствомъ подсмѣивается надъ рвеніемъ Сегеліеля, забывшаго, что на немъ «человѣческая одежда». Демонъ распростираетъ надъ нимъ свои крылья, страдалецъ засыпаетъ глубокимъ сномъ. Духи съ хохотомъ уносятся прочь. Прилетаютъ другіе духи, «собратья» Сегеліеля: Духъ Полуночи

---

[1]) Кипріано — дѣйств. лицо въ „Импровизаторѣ“, который печатался въ альманахѣ „Альціона“ на 1833-й годъ и затѣмъ вошелъ въ „Р. Ночи“.

[2]) Въ черн. оригиналѣ переплета 25, л. 31, эпитета „Мильтоновъ“ нѣтъ.

и Духъ Полудня. «Это собратъ нашъ, но въ мертвенной оболочкѣ», говоритъ Духъ Полуночи. Сегеліель живетъ любовью, любовью онъ и умеръ, разсуждаютъ духи: «Онъ любитъ все въ этомъ мірѣ; но любитъ и Луцифера. Чудное дѣло! Любовь, сострадание къ людямъ влечетъ его въ вѣчную бездну. Несчастный, растерзанный зломъ человѣка ропщетъ на благость Творца и, безумный, Его обвиняетъ!..» Неизвѣстно, что ожидаетъ Сегеліеля: спасеніе или конечная гибель. А земля лишь на мгновеніе подвинулась къ солнцу. Эту бесѣду добрыхъ духовъ Сегеліель слышитъ во снѣ. Онъ просыпается лишь въ полдень [1]).

Является секретарь графа, чтобы взять доклады Сегеліеля, а особенно представленія къ наградамъ. Доклады—не готовы, а на послѣдній Сегеліель какъ разъ всего менѣе обратилъ вниманія. Секретарь въ изумленіи и развиваетъ свой взглядъ на дѣлопроизводство. «Тутъ дѣло не въ совѣсти», между прочимъ поучаетъ онъ Сегеліеля, «а въ томъ, чтобы сбыть бумагу съ рукъ поскорѣе — вотъ чѣмъ отличается дѣятельный чиновникъ». — «И вы не боитесь такъ безсовѣстно обманывать правительство?» спрашиваетъ Сегеліель внѣ себя отъ негодованія и выбѣгаетъ вонъ изъ комнаты. Просмотрѣвъ его бумаги и найдя среди нихъ «Записку о предложеніи доктора и проч. Часть 1-я о дѣйствіи первоначальныхъ стихій на организмъ человѣка», секретарь объявляетъ Сегеліеля безпокойнымъ человѣкомъ, сумасшедшимъ и глупцомъ, и обѣщается «свернуть шею этому невѣжѣ».

«Сегеліель»—одно изъ самыхъ характерныхъ для Одоевскаго

---

[1]) Въ переплетѣ 25, л. 9—10+88, автографъ, находимъ сцену, параллельную только что изложенной. Протекли вѣки. Израиль посѣщаетъ спящаго Сегеліеля. Послѣдній въ образѣ человѣка невыносимо страдаетъ. И его мучитъ вопросъ, зачѣмъ онъ страдаетъ, а главное зачѣмъ страдаютъ люди. Израиль поясняетъ Сегеліелю, что люди сами виновны въ своихъ страданіяхъ, что они не понимаютъ цѣли своей жизни вслѣдствіе слабости разсудка и недостатка смиренія. Сегеліель задаетъ Израилю вопросъ за вопросомъ, желая все же найти смыслъ въ человѣческомъ страданіи. Наконецъ, онъ спрашиваетъ: „За чемъ слабъ ихъ разсудокъ?“ Тогда Израиль покинулъ своего прежняго собрата со словами: „О Сегеліель—еще далека минута твоего искупленія!“—(Имя Іезреель встрѣчаемъ у Пордэча). Сегеліель близокъ къ раскаянію и смиренію, но его соблазняетъ Луциферъ, поселяя въ его душу сомнѣнія относительно благости Бога, допускающаго существованіе зла на землѣ. См. въ приложеніи.

произведеній. Мистическое происхожденіе сюжета не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Въ основѣ лежитъ идея «двоемірія», употребляя терминъ самого Одоевскаго. Жизнь человѣка—арена борьбы добра и зла. Цѣль существованія—подготовить побѣду добра, вернуть человѣку познаніе истины. Начавшись въ видѣ библейской мистеріи, «Сегеліель» постепенно превращается въ *филантропическую* и даже *бюрократическую* мистерію. Въ Сегеліелѣ Одоевскій воплотилъ свои лучшія стремленія и самыя глубокія страданія, какъ мыслителя и дѣятеля. Падшій духъ, проникнутый любовью къ людямъ, Сегеліель одновременно и русскій Фаустъ и идеальный русскій чиновникъ, какъ понималъ его Одоевскій. Въ условіяхъ николаевской эпохи онъ, дѣйствительно, былъ не чѣмъ инымъ, какъ «Донъ Кихотомъ XIX в.». Но Одоевскій былъ безконечно далекъ отъ того, чтобы въ чемъ-нибудь обвинять «правительство», которое онъ послѣдовательно и рѣшительно отличаетъ отъ чиновничества, исполняющаго предначертанія правящей власти.

Въ автобіографическомъ значеніи и субъективныхъ чертахъ Сегеліеля нѣтъ никакого сомнѣнія [1]). Доказательствомъ этого служитъ вся его дѣятельность (особенно въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ). Одоевскій не разъ характеризовалъ себя почти словами Сегеліеля, говоря о своемъ энциклопедизмѣ, «омнитонизмѣ» и о конечныхъ цѣляхъ своей служебной дѣятельности [2]).

---

[1]) Объ этомъ между прочимъ говоритъ и Я. О. Орелъ-Ошмянцевъ въ предисловіи къ „Четыремъ статьямъ князя В. Ѳ. Одоевскаго" (Р. Арх. 1881, кн. II, стр. 475).

[2]) Такого содержанія замѣтка есть, напр., въ переплетѣ 40. Текстъ перепечатанъ въ приложеніи къ Отчету И. П. В. за 1884 г., стр. 28—29, и затѣмъ повторенъ Р. Архивомъ, 1897, № 2, стр. 327. — Настоящимъ комментаріемъ къ рѣчамъ Сегеліеля звучатъ слѣдующія строки, которыя находимъ въ переплетѣ 95, л. 72—75, автографъ: „Смѣются надо мною что я всегда занятъ! Вы не знаете Господа, сколько дѣла на семъ свѣтѣ; надобно вывести на свѣтъ тѣ поэтическія мысли, которыя являются мнѣ и преслѣдуютъ меня; надобно вывести тѣ философскія мысли, которыя открылъ я послѣ долгихъ опытовъ и страданій; у народа нѣтъ книгъ, — у насъ нѣтъ своей музыки, своей Архитектуры; Медицина въ цѣлой Европѣ еще въ дѣтствѣ; старое забыто, новое неизвѣстно;—наши народныя сказанія теряются; древнія открытія забываются; надобно двигать впередъ науку; надобно выкапывать изъ подъ праха вѣковъ ея сокровища. Тамъ юноши не знаютъ прямой дороги, здѣсь старики

«Сегеліель» существеннымъ образомъ дополняетъ разсужденія Гомозейки объ идеальныхъ основахъ жизни, особенно подчеркивая идею служенія благу людей.

Печать обратила нѣкоторое вниманіе на это произведеніе и дала, какъ и естественно было ожидать, весьма противоположныя оцѣнки.

тянутъ въ болото, надобно ободрить первыхъ, вразумить другихъ. Вотъ сколько дѣла! Чего! я исчислилъ только тысячную часть. Могу ли послѣ етаго я видѣть хладнокровно, что люди теряютъ время на карты, на охоту, на лошадей, на чины, на лѣность и проч. и пр. Тотъ, кто хладнокровно смотритъ на жизнь, въ комъ не потрясаютъ сердца открытія въ наукахъ, новое въ искусствахъ, истинное въ Религіи, кому все равно провести день въ бездѣльи, или ощутить мысль и чувство, для кого все равно подвигается ли человѣчество къ своей возвышенной цѣли или гніетъ въ застоѣ — тотъ недостоинъ имени человѣка, того Богъ не благословилъ сердцемъ, тотъ не наслѣдуетъ царствія Небеснаго.— Ето понятно.

Дѣлать зло—грѣхъ; зло есть ложь; добро — истина; гдѣ нѣтъ добра—тамъ зло; что мы знаемъ то и дѣлаемъ; кто мало знаетъ истинъ, тотъ знаетъ много лжи—и потому много дѣлаетъ зла; кто ничего не знаетъ—тотъ знаетъ одну ложь—и потому дѣлаетъ одно зло;—кто не хочетъ ничего знать—тотъ хочетъ дѣлать зло; — незнаніе, или невѣжество первый грѣхъ; отъ него происходятъ всѣ прочія, какъ листья отъ корня. — Еслибы мы все знали, не было бы и грѣха на свѣтѣ; такимъ знаніемъ обладалъ первый безгрѣшный человѣкъ; первый грѣхъ его—была первая лѣнь, первая безпечность; онъ забылъ о законѣ ему данномъ, забылъ для чувственнаго минутнаго наслажденія, изъ беззаботной покорности женщинѣ—символу чувственности.

На меня нападаютъ еще за то что я вдругъ занимаюсь многими предметами и Философіей, и Музыкою и Химіею и Медицинною и Живописью... да помилуйте развѣ нѣтъ между вами людей которые прекрасно играютъ и въ вистъ и въ екарте и въ шахматы, славно ѣздятъ верьхомъ и прекрасно танцуютъ всѣ роды танцевъ; да сверьхъ того—погодите, Господа—1-е въ самомъ ли дѣлѣ ето многіе предметы или одинъ и тотъ-же? а 2-е кто вамъ сказалъ что я занимаюсь всеми етими предметами — можетъ быть я занимаюсь своею мнѣ собственно принадлежащею наукою, у которой покамѣстъ нѣтъ имени,— виноватъ ли я что нѣкоторыя части моей безымянной науки похожи на вашу Химію, на вашу Музыку, на вашу Философію и проч.—Мнѣ кажется, что каждый человѣкъ долженъ имѣть въ такомъ родѣ свою науку; можетъ ето и есть на самомъ дѣлѣ. Я не знаю чему же учился человѣкъ который не знаетъ что находится подъ его собственною кожею, который не умѣетъ записать на бумагѣ музыкальной мысли, перенести на бумагу мѣстоположеніе которое ему хочется удержать въ памяти—ето все вспомогательныя знанія, механическое подспорье, необходимое для совершенствованія своей главной науки, которыя относятся къ ней какъ очинка пера, умѣнье держать его въ рукахъ, умѣнье составлять буквы—относятся къ *сочиненію*".

Булгаринъ въ грубомъ тонѣ обрушился на «Сегелієля» [1]). Съ пошлыми выходками критикъ «С. Пчелы» издѣвается надъ добрымъ и благороднымъ чортомъ, который яко бы все знаетъ, а не умѣетъ правильно говорить по-русски (слѣдуетъ рядъ стилистическихъ и орфографическихъ придирокъ), не знаетъ, что опіумъ не можетъ усыпить и т. п. Невѣроятно смѣшнымъ кажется Булгарину то, что «Сегелієль разсуждалъ и почивалъ въ тяжелой одеждѣ, вѣроятно въ волчьей шубѣ, дурно выдѣланной, потому что она тяготила его». Все произведеніе, по мнѣнію критика, это—сказка, «уже не *пестрая*, а *черная*, въ родѣ ужасной мелодрамы». «Сегелієль», какъ и все, что пишетъ Одоевскій, произведеніе подражательное, хотя авторъ всячески силится быть оригинальнымъ. «Сегелієль, добрякъ, нѣженка и страстный любовникъ, есть чортъ—ни болѣе, не менѣе. Что за идея, скажете вы. Вы знаете, что почтенный авторъ употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобъ казаться оригинальнымъ, что онъ въ *Пестрыхъ сказкахъ* не подражалъ Бальзаку, въ *Княжнѣ Мими* не копировалъ Марлинскаго, и въ фантастическихъ своихъ повѣстяхъ вовсе не подражаетъ Гофману; слѣдовательно, это должно быть что то оригинальное. Тѣ, которые не вѣрятъ въ оригинальность почтеннаго автора, поступаютъ несправедливо, въ чемъ и мы крѣпко виноваты, и обвиняемъ въ томъ нашу скучную память—злодѣйку!—Мы не смѣемъ сказать, что Сегелієль есть копія Клопштокова Аббадонны, потому что хотя Аббадонна также кающійся злой духъ, съ зародышемъ добра, но онъ говоритъ такъ умно, по-Нѣмецки, у Клопштока, и такъ краснорѣчиво въ переводѣ Жуковскаго, что мы признаемъ Сегелієля оригиналомъ, а не копіей Аббадонны». Въ заключеніе Булгаринъ заступился за оклеветаннаго секретаря. «Не тотъ хуже чорта, который сознается въ грѣхахъ, а тотъ, кто разыгрываетъ роль добродѣтельнаго, цѣнителя всего высокаго, и дѣлаетъ зло исподтишка. Вотъ-то чортъ! Оканчиваемъ стихомъ Грибоѣдова: «Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»

«Литер. Прибавленія къ Р. Инв.», въ которыхъ весьма близ-

---

[1]) Сѣверная Пчела, 1838, № 76 и 77. Отзывъ о „Сборникѣ на 1838 годъ". Объ Одоевскомъ говорится въ № 77.

кое участіе принималъ самъ Одоевскій, выступили на защиту автора «Сегеліеля» [1]). Рецензентъ «Лит. Приб.» высказалъ столь интересное сужденіе о главной идеѣ произведенія, что, конечно, отъ него не отказался бы и самъ Одоевскій.

«Основная мысль этого романа», говорится въ рецензіи, «отличается оригинальностію и съ тѣмъ вмѣстѣ простотою. Авторъ хотѣлъ изобразить положеніе въ обществѣ существа, проникнутаго любовію къ человѣчеству, доведенною до крайности; хотѣлъ слить въ одинъ фокусъ всѣ филантропическія мечты нашего вѣка и противоположить ихъ дѣйствительнымъ условіямъ жизни; словомъ, сдѣлать для филантропіи, этого *рыцарства нашего времени* то, что сдѣлалъ Сервантесъ для рыцарства, *филантропіи своего вѣка*, изобразивъ его благородную и смѣшную стороны. Для полноты предмета авторъ начинаетъ жизнь этого существа еще до появленія его въ свѣтъ (для чего онъ очень удачно воспользовался мыслію Шведенборгистовъ, изобразивъ падшаго духа въ образѣ человѣка); вина сего духа одна: «несчастный» какъ говоритъ авторъ «растерзанный зломъ человѣка, ропщетъ на благость творца и, безумный, Его обвиняетъ...» Дѣйствительно въ этихъ словахъ заключается высшая мысль, до которой только можетъ дойти филантропія. Здѣсь мы не можемъ оставить безъ вниманія замѣчательное нововведеніе: въ сценахъ фантастическихъ (каково напр. появленіе духовъ полудня и полуночи, играющихъ столь важную роль у кабалистовъ) дѣйствующія лица говорятъ *метрическою* прозою. Вотъ ея образчикъ: «Вникай: въ эту ночь» и т. д. (приводится цитата изъ стр. 96 и 97). «Мы подождемъ появленія въ свѣтъ всего романа, чтобы посмотрѣть, какъ авторъ выдержитъ эту попытку, и тогда скажемъ о ней свое мнѣніе. Но, обращаясь къ роману вообще, нельзя не согласиться, что основная мысль его почерпнута изъ глубины души человѣческой, которая недостижима для литературной черни, и представляетъ обширное поле воображенію и чувству. Въ отрывкѣ, помѣщенномъ въ «Сборникѣ», изображена только одна сторона жизни рыцаря-филантропа, и именно его бореніе съ канцелярскою работою и съ рутинистами службы, и намъ

[1]) Литер. Прибавленія къ Р. Инв. на 1838, № 16, стр. 310—312. Разборъ „Сборника на 1838 годъ".

кажется, что въ этомъ отрывкѣ, несмотря на его краткость, вполнѣ развивается общій характеръ всего произведенія» [1]).

Изъ рецензіи «Лит. Приб.» между прочимъ видно, что Сегеліель не спроста названъ Донъ Кихотомъ XIX в.: современный Фаустъ и филантропъ обреченъ разыгрывать роль Донъ Кихота и не можетъ не прослыть за сумасшедшаго [2]). Люди, отдавшіеся высшимъ исканіямъ, носители великихъ идеаловъ альтруизма кажутся толпѣ не болѣе, какъ безумцами. Безумцами были Джордано-Бруно, дѣдушка, разсказывающій объ эфиридахъ, кардіадахъ и музыкѣ небесныхъ сферъ,Ириней Мод. Гомозейко и Сегеліель. Типъ «сумасшедшихъ», которому предшествовалъ типъ любомудра—«педанта» (по опредѣленію толпы), какъ нельзя болѣе былъ понятенъ Одоевскому: это — его родныя души. Философско-мистическое настроеніе углубляетъ его интересъ къ «сумасшедшимъ» людямъ, и онъ тщательно зарисовываетъ различныя ихъ разновидности, имѣя въ виду собрать ихъ вмѣстѣ и поселить въ одномъ «*Домѣ Сумасшедшихъ*».

Сюда необходимо отнести дѣйствующихъ лицъ въ разсказахъ: «Сильфида», «Саламандра» и «Косморама».

У Одоевскаго было намѣреніе писать «Повѣсти о томъ, какъ опасно человѣку водиться съ стихійными духами» [3]). Осуществленіемъ этого плана и являются повѣсти «Сильфида» и «Саламандра», разсказывающія объ общеніи человѣка съ міромъ стихійныхъ духовъ.

---

[1]) Остальная часть рецензіи занята полемикой съ „Сѣв. Пчелой".—Небезынтересно сужденіе Ф. Ф. Вигеля въ письмѣ къ Одоевскому отъ 27 марта 1838 г. (переплетъ 97; напечатано П. А. Бычковымъ въ Р. Ст. 1904, іюль, стр. 156). Въ „Сегеліелѣ" Вигель „узналъ человѣка, который хочетъ выдать себя за bon diable, тогда какъ одно только прилагательное ему прилично".—Изъ новѣйшихъ изслѣдователей на „Сегеліелѣ" останавливались В. А. Лезинъ въ „Очеркахъ изъ жизни и литер. дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго" (Харьковъ. 1907. Стр. 92—95) и И. И Замотинъ въ книгѣ „Романтическій идеализмъ" (Спб. 1908. Стр. 395—396).

[2]) Нелишне при этомъ вспомнить, что еще для романа о Дж. Бруно Одоевскій избралъ эпиграфомъ слова Сервантеса, которыя такъ нравились ему, что ими онъ хотѣлъ воспользоваться и въ предисловіи ко второму изданію собранія своихъ сочиненій.

[3]) Переплетъ 92, л. 298, автографъ. Здѣсь же приведены заглавія повѣстей „Сильфида" и „Саламандра" и программа „Саламандры".

«*Сильфида*» задумана еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Первоначальный планъ этой повѣсти находится въ переплетѣ 20, л. 82 (автографъ), вмѣстѣ съ программой «Пестрыхъ сказокъ» [1]).

Въ первый разъ повѣсть «Сильфида» была напечатана въ «Современникѣ» Пушкина за 1837 г., кн. I (цензурная помѣта еще отъ 11 ноября 1836 г.). Затѣмъ она вошла въ собраніе сочиненій Одоевскаго (ч. II), въ серію «Домашніе разговоры», подъ заглавіемъ «Сильфида (Изъ записокъ благоразумнаго человѣка)», съ датой 1837 г. и посвященіемъ Анас. Серг. П—вой (т.-е. Пашковой) [2]).

Весьма интересный по сюжету и хорошо написанный разсказъ «Сильфида» построенъ на антитезѣ разсудочно-прозаическаго міропониманія и «поэтическихъ» стремленій въ иной, высшій міръ. На мысль о важности «поэзіи» должны были наводить уже самые эпиграфы, въ которыхъ говорится о различномъ пониманіи роли поэзіи—у Платона, въ преданіяхъ сѣверныхъ бардовъ, «одной изъ промышленныхъ компаній XVIII вѣка»

---

[1]) „*Сильфида*. (Ранѣе: „Женщина въ стеклѣ“). Письмо 1-е. Молодой человѣкъ прочитавши въ Кабалистическихъ книгахъ (онъ видитъ въ нихъ много глубокаго), что если пить ежедневно воду, бывшую на солнцѣ, то можно видѣть Елементарныхъ духовъ. Онъ для шутки дѣлаетъ етотъ опытъ—потомъ забываетъ, занимается своими дѣлами, влюбляется, женится.—2-е. Предполагаетъ, что многія знанія для насъ потерялись—вдругъ вспомнивъ о графинѣ—видитъ въ немъ прекрасный драгоцѣнный камень опалъ; показываетъ его женѣ, думая, не она ли положила его, потомъ на мѣстѣ опала цвѣтокъ, потомъ золотую рыбку, наконецъ, женщину въ видѣ младенца. Онъ влюбляется въ нее, хочетъ ее оставить, но уже поздно, она не оставляетъ его—требуютъ себѣ безсмертія и уноситъ его на воздухъ“. На поляхъ противъ послѣднихъ строкъ написано: „(3-е Находитъ возможнымъ призываніе духовъ посредствомъ утонченности чувствъ примѣръ водородъ въ соединеніи съ платиной)“. Мѣсто этой вставки не указано. Какъ видимъ, разсказъ долженъ былъ состоять изъ трехъ писемъ Въ бумагахъ Одоевскаго уцѣлѣло два отрывка, предназначенныхъ для „Сильфиды“, но не вошедшихъ въ печатный текстъ: а) въ переплетѣ 49, л. 117, автографъ (карандашомъ) съ помѣткой: „въ Сильфидѣ“;б) въ переплетѣ 54, л. 51 и об. автографъ (карандашомъ), съ тою же помѣткой: „Въ Сильфидѣ“. Второй отрывокъ мы приводимъ ниже. Въ тридцатыхъ годахъ большой популярностью пользовался балетъ „Сильфида“, въ которомъ пожинала лавры знаменитая Тальони. Между прочимъ ей посвящено было нѣсколько статей въ „Лит. Приб. къ Р. Инв“ 1837 г. См. Н. В. Соловьева „Марія Тальони“ (Спб. 1912) и статью Свѣтлова въ „Нивѣ“ 1912, № 3 и 4.

[2]) Во французскомъ письмѣ отъ 13 апр. 1837 г. Пашкова благодаритъ Одоевскаго за посвященіе ей „Сильфиды“ (Бумаги 1869 г).

и, наконецъ, XIX вѣкомъ, мнѣніе котораго могло быть выражено только вопросительными и восклицательными знаками.

Далеко вокругъ расположился несмѣтной сѣрой массой русскій обыватель, деревенскіе помѣщики (между прочимъ отъ всей души подсмѣивающіеся надъ тѣми умниками, «которые на зло разсудку заводятъ въ своихъ деревняхъ картофель, молотильни, крупчатки и другія разныя вычурныя новости»). Словомъ, это—люди, изображенные Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» или Гоголемъ. Недаромъ въ одномъ мѣстѣ разсказчикъ вспомнилъ гоголевскаго Ив. Фед. Шпоньку (109).

Типичными представителями провинціальнаго общества являются помѣщикъ Гаврила Софроновичъ Рѣженскій (вспомнимъ вообще г. Рѣженскъ) и его дочка, Катенька, «ангелъ», по мнѣнію окрестныхъ жителей, одна изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя «всегда имѣютъ большую склонность выдавать замужъ, если не себя, такъ другихъ» (113). Рѣженскій желаетъ выдать дочь за Михаила Платоновича [1]), отъ имени котораго ведется разсказъ. Катя стремится къ тому же. Молодые люди объявлены женихомъ и невѣстой.

Но Михаилъ Платоновичъ—человѣкъ изъ другого міра, чѣмъ его невѣста и будущій тесть. Подобно Онѣгину, онъ страдаетъ разочарованіемъ и «сплиномъ»; по совѣту докторовъ, изъ города онъ бѣжитъ въ деревню. Михаилъ Платоновичъ—своего рода Фаустъ Рѣженскаго уѣзда. Книги болѣе не удовлетворяютъ его; въ нихъ онъ находитъ одни «мыльные пузыри», и чтеніе вызываетъ въ немъ «то ужасное чувство, котороо испытали всѣ ученые отъ начала вѣковъ до нынѣшняго года включительно: искать и не находить!» (106). Онъ пришелъ къ выводу, что «лучше ничего не знать, нежели знать столько, сколько знаютъ наши ученые» (107).

Сосѣди—помѣщики, дѣйствительно, ничего не знали, и были счастливы. Слиться съ ними нашъ Фаустъ, конечно, не могъ. На примѣрѣ деревенскихъ помѣщиковъ авторъ лишній разъ иллюстрируетъ разницу между малокультурнымъ обществомъ и истинно образованными людьми.

«Я понялъ, наблюдая вблизи этихъ господъ», говоритъ Михаилъ Платоновичъ (110, 111), «отъ чего безнравственность

---

[1]) Въ концѣ повѣсти (на 140 стр.) авторъ, по забывчивости, назвалъ своего героя Платономъ Михайловичемъ. Не подъ вліяніемъ ли Грибоѣдова?

такъ тѣсно соединена съ невѣжествомъ, а невѣжество съ несчастіемъ: христіанство не даромъ призываетъ человѣка къ забвенію здѣшней жизни; чѣмъ болѣе человѣкъ обращаетъ вниманія на свои вещественныя потребности, чѣмъ выше цѣнитъ всѣ домашнія дѣла, домашнія огорченія, рѣчи людей, ихъ обращеніе въ отношеніи къ нему, мелочныя наслажденія, словомъ всю мелочь жизни—тѣмъ онъ несчастливѣе». [1])

Неудивительно, что Михаилу Платоновичу тяжко стало въ обществѣ сосѣдей, и онъ, какъ Онѣгинъ, ищетъ средствъ побѣдить свою скуку: сталъ рисовать—«вышла гадость», принялся за стихи—«вышелъ, по обыкновенію, скучный споръ между мыслями, стопами и рифмами»; началъ было пѣть—и тутъ ничто не налаживалось. Тогда ему «взгрустнулось по книгамъ». Въ полномъ отчаяніи отъ невозможности наполнить свою жизнь, Михаилъ Платоновичъ распечатываетъ библіотеку своего дядюшки. Оказалось, что дядюшка, проживпій въ деревнѣ безвыѣздно въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, былъ «большимъ мистикомъ». «Шкафы были наполнены сочиненіями Парацельсія, графа Габалиса, Арнольда Виллановы, Раймонда Луллія и другихъ алхимиковъ и кабалистовъ» (112).

Нашъ герой сталъ читать эти мудреныя книги, и его, какъ Иринея Мод. Гомозейко, поразили гигантскіе замыслы средневѣковыхъ мудрецовъ, ихъ вѣра въ возможность достигнуть «до послѣднихъ предѣловъ человѣческой силы». На этой высотѣ смиряется безпокойная мысль человѣка и изливается въ «благодарную, простосердечную молитву Всевышнему. Невольно вѣришь знанію такого человѣка; одинъ невѣжда можетъ быть атеистомъ, какъ одинъ атеистъ невѣждою». Авторъ не удержался, чтобы не подчеркнуть еще разъ значенія средневѣковой мудрости и противопоставить ее наукѣ «гордыхъ промышленниковъ XIX вѣка» (116—117).

И вотъ Михаилъ Платоновичъ, просвѣщенный человѣкъ XIX вѣка, засѣлъ за огромные фоліанты и со всеусердіемъ сталъ читать разсужденія «о первой матеріи, о всеобщемъ электрѣ, о душѣ солнца, о сѣверной влажности, о звѣздныхъ духахъ и о прочемъ тому подобномъ». Найдя въ алхимическихъ книгахъ рецепты для вызыванія «элементарныхъ ду-

---

[1]) Ср. ту же мысль и тѣ же выраженія въ автобіографіи Гомозейки (стр. 656).

ховъ», онъ пожелалъ видѣть Сильфиду. Михаилъ Платоновичъ приступилъ къ дѣлу почти шутя, но постепенно увлекся и сумѣлъ достигнуть своей цѣли. Передъ нимъ на днѣ вазы, съ которой онъ производилъ опытъ, въ лепесткахъ розы явилась Сильфида, «существо удивительное, невыразимое, неимовѣрное—словомъ, женщина, едва примѣтная глазу» (124). Теперь онъ получаетъ возможность сноситься съ «другимъ, новымъ, таинственнымъ міромъ». Сильфида, какъ тургеневская Эллисъ, уноситъ его далеко отъ земли.

Михаилъ Платоновичъ сталъ вести журналъ своимъ мистическимъ переживаніямъ [1]), и мы можемъ до нѣкоторой степени пріобщиться открытыхъ ему тайнъ.

«Отрывки изъ Журнала Михаила Платоновича» (129—135)—блестящія страницы, проникнутыя высокой поэзіей мистицизма. «У насъ вѣетъ солнце, звучатъ цвѣты, благоухаютъ звуки», говоритъ Сильфида въ духѣ романтическаго синкретизма ощущеній (129). Тамъ «жители прозрачнаго міра празднуютъ жизнь свою радужными цвѣтами». Тамъ «воздухъ, солнце, жизнь—вѣчный свѣтъ». Тамъ «на возвышенномъ тронѣ возсѣдаетъ мысль человѣка, отъ всего міра тянутся къ ней золотыя цѣпи,—духи природы преклоняются въ прахъ передъ нею». «Въ нашемъ мірѣ», продолжаетъ Сильфида, «нѣтъ страданія: оно удѣлъ лишь несовершеннаго міра,—созданіе существа несовершеннаго!» (133). Его нѣтъ тамъ, гдѣ прекращается власть «грубой, презрѣнной природы». Здѣсь «невозможное желаніе будетъ вѣчно-возможной существенностію», и «самая мысль сливается съ желаніемъ». Здѣсь «жизнь поэта—святыня! здѣсь поэзія—истина!»

---

[1]) Въ рукописномъ отрывкѣ переплета 54, л. 51 и об. (автографъ карандашомъ) Сильфида протестуетъ противъ этой „темницы" слова и вообще земныхъ способовъ выражать невыразимое. Мы читаемъ здѣсь: „Въ Сильфидѣ. За чемъ ты вызывалъ меня,—когда не хочешь разстаться съ землянымъ твоимъ братомъ—ты записываешь мои чувства, мои мысли,—за чемъ ето ты не можешь себѣ вообразить, какое страданіе для мысли ета темница вашихъ словъ, звуковъ, красокъ,—вы думаете что производите вы только заключаете живое воздушное существо въ мертвеяную оболочку,—оно терзается, оно рыдаетъ въ вашихъ звукахъ, въ вашихъ картинахъ, а вы радуетесь и хвалите искуство тюремщика. Вы злые люди хотѣли бы перенести свои земляныя страданія въ наше свѣтлое жилище, вы хотѣли бы создать насъ по своему подобію, иные даже жалѣютъ объ насъ за чемъ у насъ нѣтъ страданій".

Отсюда, съ вышины, земля кажется пылинкой; все ея зло, горе и страданія сливаются въ «сладостную гармонію»: «здѣсь ваша пылинка не страждущій міръ, но стройное орудіе, кото раго гармоническіе звуки тихо колеблютъ волны эѳира» [1]).

Въ сущности Сильфида всегда находится съ человѣкомъ. Она соприсутствуетъ ему «въ дыханіи вѣтерка, въ лучахъ весенняго солнца, въ капляхъ благовонной росы, въ неземныхъ мечтаніяхъ поэта» (133). Словомъ, она—тамъ, гдѣ поэзія, она является тогда, когда человѣкъ чувствуетъ свое духовное превосходство надъ вещественной природой.

Михаилъ Платоновичъ познатъ рѣдкое для человѣка счастье жить въ поэтическомъ общеніи съ Сильфидой. Ему удалось освободить въ себѣ инстинктуальное чувство, отростить крылья мысли, развернуть ихъ во всю ширь и унестись съ Сильфидой за грани видимаго и конкретнаго.

Рѣженскій и докторъ, конечно, признали его больнымъ, почти «сумасшедшимъ». Мечтателя посадили «въ бульйонную ванну», угощали разными микстурами и—вылѣчили. Недавній Фаустъ женился на Катѣ Рѣженской и превратился въ «благоразумнаго», «порядочнаго» человѣка, хорошаго помѣщика; словомъ, сталъ «человѣкъ, какъ другіе». Но, прежде чѣмъ эта метаморфоза окончательно совершилась, Михаилъ Платоновичъ протестовалъ противъ того счастья, какое навязывали ему «благоразумные люди». Онъ жаловался, что, вылѣчивъ его, они «загрубили» его чувства, «покрыли ихъ какою-то непроницаемою покрышкою».

Когда пріятель, обозвавши Михаила Платоновича поэтомъ, посовѣтовалъ ему писать стихи, онъ съ жаромъ заговорилъ (II, 139—140): «А можетъ быть, я художникъ такого искусства, которое еще не существуетъ, которое не есть ни поэзія, ни музыка, ни живопись,—искусства, которое я долженъ былъ открыть и которое, можетъ быть, теперь замретъ на тысячу вѣковъ: найди мнѣ его! можетъ быть оно утѣшитъ меня въ потерѣ моего прежняго міра!»

Это былъ уже «послѣдній припадокъ» Михаила Платоновича [2]).

«Сильфида», по нашему мнѣнію, лучшій изъ мистическихъ разсказовъ Одоевскаго. Въ немъ выразились самыя цѣнныя

---

[1]) См. выше на стр. 636 „Музыкальный инструментъ“.

[2]) Нельзя не отмѣтить нѣкотораго сходства въ замыслѣ и формѣ между „Сильфидой“ Одоевскаго и „Чернымъ монахомъ“ Чехова.

свойства Одоевскаго, какъ бытописателя и идеалиста. Не нарушая психологической и художественной правды, авторъ раздвинулъ передъ взоромъ читателя предѣлы видимаго міра и далъ почувствовать ему красоту золотой мечты человѣка.

Разумѣется, не каждый человѣкъ могъ поддаться чарамъ Сильфиды. Даже Пушкинъ безъ особенной охоты помѣщалъ этотъ разсказъ въ «Современникѣ», отдавая предпочтеніе «Княжнѣ Зизи» [1]).

Бѣлинскій прочиталъ «Сильфиду» «съ удовольствіемъ» [2]); лишь потомъ, въ 1844 г., въ своемъ разборѣ сочиненій Одоевскаго, онъ осудилъ въ «Сильфидѣ» все то, что вытекало изъ «какого-то страннаго фантазма» автора, и скептически отнесся къ «идеалу одного изъ тѣхъ *высокихъ безумцевъ*, которыхъ внутреннему созерцанію (будто бы) доступны сокровенныя и превыспреннія тайны жизни» [3]).

Въ самой непосредственной связи съ «Сильфидой» находится другой разсказъ изъ міра стихійныхъ духовъ *«Саламандра»*. Подъ заглавіемъ «Саламандра» извѣстны теперь два разсказа: 1) Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія (посв. графинѣ Эмиліи К-нѣ Мусиной-Пушкиной). 2) Эльса (посв. графу В. А. Соллогубу).

---

[1]) Пушкинъ одновременно ждалъ для своего „Современника" двухъ произведеній Одоевскаго- „Княжну Зизи" и „Сильфиду". Въ октябрѣ-ноябрѣ 1836 г. онъ писалъ Одоевскому (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, 397): „Конечно Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нежели Сильфида—Но всякое даяніе Ваше благо. Кажется письмо тестя—холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ (?)—Оно показалось мнѣ не вразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфиду-ли, Княжну-ли, но оканчивайте и высылайте. Безъ Васъ пропалъ Современникъ". Письмо тестя Рѣженскаго, какъ заявляетъ самъ Одоевскій, „въ послѣдствіи было передѣлано по замѣчаніямъ А. С. Пушкина" (Р. Арх. 1864, стр. 821). Не безынтересенъ отзывъ о „Сильфидѣ" матери Одоевскаго, Е. А Сѣченовой. 26 марта (очевидно, 1838 года) она писала ему (бумаги 1869 г.): „Читала твою *Сильфиду* мысль высокая тонкая, но не для всякаго понятная, и я спрятала для того, что будутъ просить читать и не понимать, а не мудрено заключить, что ты писалъ о сумасшедшемъ" Письмо это мы относимъ къ 1838 г потому, что вслѣдъ за приведеннымъ отзывомъ о „Сильфидѣ" идетъ разсужденіе о разсказѣ „Сирота" изъ „Записокъ гробовщика", который былъ напечатанъ въ „Альманахѣ на 1838 годъ".

[2]) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред С. А. Венгерова Т III, стр. 293.

[3]) Ibid., т. IX, стр. 17.

Первоначальный планъ «Саламандры» былъ иной. Въ общихъ чертахъ онъ соотвѣтствовалъ содержанію одной «Эльсы», но безъ территоріальной связи съ Финляндіей. Напротивъ, есть отголоски романа «Іорданъ Бруно» (упоминаніе о папѣ Львѣ X)[1]). Въ 1838 г. «Саламандра» (впослѣдствіи «Эльса»), несомнѣнно, уже писалась и готовилась для «От. Записокъ» Краевскаго[2]).

Къ тому же приблизительно времени относится и разсказъ

---

[1]) Въ переплетѣ 92, л. 298, автографъ, читаемъ: „*Саламандра:* Лабораторія Алхимика; прошло 230 дней, онъ поручаетъ молодому адепту смотрѣть въ огонь и наблюдать, чтобы онъ всегда былъ одного цвѣта; засыпаетъ; въ срединѣ калильнаго жара лицо улыбается юношѣ, увѣряетъ его, что старецъ ничего не сдѣлаетъ,—полюби меня и я тебѣ открою тайну дѣлать золото съ условіемъ, если откроешь я погибну и тебя погублю. Люди могутъ открыть наши тайны двумя способами: трудомъ но долго, но любовью въ одно мгновеніе. Юноша соглашается—(XVI-й вѣкъ), богатѣетъ онъ въ Римѣ—богатство его привлекаетъ вниманіе инквизиціи,—его допрашиваютъ—онъ не сказываетъ, огонь его не палитъ, его желаетъ видѣть Левъ X-й, и приказываетъ оставить, какъ сумасшедшаго. Онъ скрывается въ Германію—новыя преслѣдованія—во Францію. Тамъ онъ влюбляется въ одну изъ любовницъ Франциска она назначаетъ ему свиданіе—въ эту минуту онъ открываетъ ей, но Саламандра удушаетъ ихъ обоихъ—съ тѣхъ поръ надъ домомъ носятся вопли и стоны". На поляхъ въ самомъ началѣ приписка: „NB. Дѣйствіе начать въ Москвѣ (ранѣе: „въ Петербургѣ") въ домѣ, гдѣ слышны по ночамъ вопли перенести во времена Петра Великаго; адепта соблазняетъ невинная дѣвушка, по совѣту отца".

[2]) Краевскій 5 марта 1838 г. между прочимъ писалъ Одоевскому (Р. Ст. 1904, іюнь, стр. 573; оригиналъ письма въ переплетѣ № 97): „Здорова ли „*Саламандра*"? Нельзя-ли ее поскорѣе доставить въ мои супружескія объятія?.. Больно нужно. У меня всѣ переводныя повѣсти запрещены!" Въ другой недатированной запискѣ Краевскаго читаемъ: „Я былъ у васъ вчера и не засталъ. Пожалуйте продолженіе *Саламандры:* очень нужно, Христа ради" (Бумаги 1869 г.).—Напечатана „Саламандра" лишь въ 1841 г. (Отеч. Зап., т. XIV, отд. III, стр. 1—38, подпись: *К. В. О.*). Оригиналъ въ переплетѣ 42, л. 38—53, автографъ (карандашомъ). Заглавіе было *Саламандра,* потомъ зачеркнуто (л. 39), а на л. 38 об. написано еще какое-то заглавіе, потомъ тщательно замазанное. Эпиграфъ—только одинъ—изъ Ioannes Pontanus. Текстъ соотвѣтствуетъ 218—226 страницамъ печатной редакціи (во II т. собранія сочиненій) и обрывается на словахъ: „...теперь прибавьте къ етому ехо производимое наклоненными рамами—и тогда увѣрнтесь, что пискъ какой-нибудь крысы покажется въ этомъ акустическомъ". Непосредственное продолженіе находимъ уже въ переплетѣ 30, л. 64 и об., автографъ (карандашомъ). Начинается такъ: „микроскопѣ покажется похожимъ на вопль человѣка". Отрывокъ кончается словами: „Я измучился ходя по галлереѣ". Значитъ, онъ передаетъ дальнѣйшій текстъ на стр. 226, II т.

«Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія», но все же, вѣроятно, задуманъ позднѣе, подъ вліяніемъ статей Я. К. Грота въ «Современникѣ» 1839—1840 гг. [1]). Рѣшивъ перенести дѣйствіе «Саламандры» (въ ея первоначальномъ видѣ) во времена Петра Великаго, Одоевскій сблизилъ оба сюжета, объединилъ ихъ общимъ заглавіемъ «Саламандра», а первый разсказъ назвалъ «Эльсой», сдѣлавъ его второю частью всей повѣсти [2]).

Въ основу сюжета «Саламандра» (въ ея окончательной редакціи) положены финскія преданія и повѣрія. Русская литература заинтересовалась Финляндіей еще въ александровскую эпоху, съ самаго момента присоединенія этой страны къ Россіи (1807). Сентиментализмъ и въ частности оссіанизмъ подготовили поэтическій ореолъ для страны тысячи озеръ. Она плѣняла нашихъ поэтовъ (Батюшкова, Баратынскаго, Пушкина и др.) суровой поэзіей природы и непосредственной простотой народнаго быта [3]).

Одоевскій зналъ Финляндію по непосредственнымъ наблюденіямъ [4]). Но своимъ знаніемъ духовной жизни Финляндіи онъ обязанъ главнымъ образомъ Я. К. Гроту. Въ примѣчаніи къ «Саламандрѣ» Одоевскій прямо ссылается на «переводчика тегнеровой *Саги о Фритіофѣ*, съ такою пользою посвятившаго труды свои Финляндіи». Въ «Современникѣ» за

---

1) „Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія“ былъ напечатанъ въ альманахѣ В. Владиславлева „Утренняя Заря“ на 1841 годъ. Подпись: *К. В. О.*

2) „Саламандра“ въ ея новомъ составѣ вошла во II т. собранія сочиненій, въ серію „Домашние разговоры“, съ датой 1841 г. Въ примѣчаніи на стр. 141—143 Одоевскій говоритъ о трудахъ Я. К. Грота по изученію Финляндіи.

3) Мы касались этого вопроса въ очеркѣ „Литературныя теченія въ александровскую эпоху“ (Исторія рус. литературы въ XIX в., изд. т-ва „Міръ“, т. I, стр. 75). См. статью П. А. Плетнева „Финляндія въ Русской поэзіи“ въ „Альманахѣ въ память 200-лѣтняго юбилея Имп. Александровскаго университета“, изданномъ Я. Гротомъ (Гельсингфорсъ, 1842).

4) У Одоевскаго была въ Финляндіи даже мыза-дача „Ронгасъ“, около Выборга, правда, пріобрѣтенная уже позднѣе. Для обитателей этой дачи онъ между прочимъ составилъ юмористическіе законы подъ названіемъ „Законы XII-ти таблицъ или Ронгасское Уложеніе—Code-Rongas“ (1861 г.); напечатано въ Р. Ст. 1892, апр., 138—140; см. также въ переплетѣ 93, л. 317—319, автографъ (карандашомъ) = л. 336—340 — копія, и въ переплетѣ 101, автографъ. Изъ бумагъ Одоевскаго видно, что онъ усердно изучалъ финскій языкъ.

1839—1840 гг. Гротъ сообщилъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній «о характерѣ и преданіяхъ финновъ, столь разительно отличающихся отъ преданій всѣхъ другихъ народовъ» [1]). У финновъ Одоевскій находитъ врожденную страсть къ чудесному и «сильный поэтическій элементъ». Они большіе разсказчики, и факты дѣйствительности легко претворяются у нихъ въ мифы. Финны стоятъ близко къ природѣ, знаютъ свойства травъ и кореньевъ; «имъ извѣстны даже таинства животнаго магнетизма». Колдовство и знахарство у нихъ сильно распространены. «Вообще, Финновъ можно назвать народомъ древности, перенесеннымъ въ нашу эпоху». Ихъ бытъ, преданія и повѣрія «суть неоцѣненное сокровище для литературныхъ произведеній».

Для Одоевскаго въ его теперешнемъ настроеніи эти сокровища были сущимъ кладомъ, и онъ не замедлилъ ими воспользоваться въ повѣсти «Саламандра» [2]).

«Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія» — можно назвать историческимъ романомъ изъ временъ Петра В. Интересъ — въ столкновеніи русской культуры съ первобытной культурой финновъ. Финнъ Якко, по волѣ русскаго царя, получаетъ образованіе въ Голландіи и становится однимъ изъ его помощниковъ, какъ знаменитый Ибрагимъ («Арапъ Петра В.»), а Эльса оказалась не въ состояніи ассимилироваться съ новой средой: она вернулась на родину и тамъ пріобрѣла славу колдуньи (колдуномъ былъ и ея дѣдъ). Якко уже настолько проникся европейскимъ духомъ, что готовъ считать Эльсу просто больной, но приглашенный имъ врачъ, нѣмецъ Иванъ Христіановичъ, съ его Цельзіусомъ и опіумомъ, потерпѣлъ полную неудачу.

---

1) Статьи о Финляндіи Гротъ помѣщалъ также въ дѣтскомъ журналѣ А. О. Ишимовой „Звѣздочка“ за 1842 и 1843 гг.—Въ „Современникѣ“ 1843 г. Гротомъ были напечатаны статьи о Кастренѣ, Леиротѣ и „Листки изъ скандинавскаго міра“.

2) Въ неоконченной повѣсти „Семейная переписка“, о которой вскорѣ будемъ говорить, Одоевскій однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ дѣлаетъ образованнаго финна Нордмана. Отмѣтимъ кстати, что Одоевскій написалъ даже комедію, осмѣивающую русскихъ туристовъ по Финляндіи, подъ заглавіемъ „Какъ бы пообѣдать? Дорожное происшествіе“. Она была напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, 1857, № 2, съ датой „1856“ и подписью: „———•———“. Печатный текстъ находится въ переплетѣ 80, л. 83—85, а оригиналъ въ переплетѣ 23, л. 75—136.

Второй разсказъ («Эльса») написанъ уже въ мистическихъ тонахъ. Колдовство Эльсы, финское преданіе о сокровищѣ Самло, чудеса алхиміи (съ появленіемъ Саламандры), таинственныя метаморфозы алхимика Якко и странные вопли, которые слышались уже въ XIX в. въ домѣ купца, прежде принадлежавшемъ князю—все это представляло одинъ запутанный клубокъ событій, смыслъ которыхъ легко былъ понятенъ дядюшкѣ, вѣрившему въ алхимію, и оставался совершенно темнымъ для племянника, воспитаннаго въ новыхъ научныхъ понятіяхъ.

Дядюшкѣ Одоевскій приписалъ во многомъ свои собственныя черты. Онъ человѣкъ «съ умомъ, сердцемъ и образованностію,—а въ этихъ трехъ вещахъ, говорятъ, скрывается секретъ никогда не старѣться» (218). Передъ нимъ прошли три поколѣнія людей, «и онъ понималъ языкъ каждаго». Онъ слѣдилъ за ходомъ жизни, за развитіемъ науки; «новизна его не пугала, потому что ничто не было для него ново». Въ молодости дядя «перебывалъ членомъ всѣхъ возможныхъ мистическихъ обществъ» и былъ увѣренъ, что «въ старину люди были хуже насъ, но гораздо больше насъ знали», и что, напр., «никогда знанія человѣческія не достигали до такой обширности, какъ передъ потопомъ» (219). Обо всемъ этомъ онъ всегда говорилъ какимъ-то загадочнымъ тономъ, и важнымъ и насмѣшливымъ вмѣстѣ. Дядюшка убѣжденъ, что едва ли есть «что-нибудь ясное для человѣка на семъ свѣтѣ» (225). Онъ—врагъ разсудочности и практицизма; его возмущаетъ сухая логика XIX в. Политика съ ея мелкими страстями и преступленьями, по его мнѣнію, удаляетъ человѣка «отъ внутренней, таинственной, настоящей его жизни» (228). Къ числу наиболѣе глубокихъ явленій жизни дядюшка относитъ тотъ фактъ, что сила преступной мысли, преступнаго чувства, преступнаго слова или дѣла создаетъ вокругъ себя болѣзненную атмосферу, дѣйствіе которой ощущается на далекомъ протяженіи во времени и пространствѣ. Онъ считаетъ достовѣрнымъ, «что есть мѣста, къ которымъ какъ бы привязано все прошедшее, на которыхъ таинственными буквами начертаны для людей, отдаленныхъ отъ насъ столѣтіями, ихъ мысли, ихъ воля» (230—231). Вотъ почему событіе, имѣвшее мѣсто въ эпоху Петра В., пригодилось для объясненія того, что происходило теперь въ княжескомъ домѣ.

Племянникъ — человѣкъ новаго поколѣнія. Онъ и самъ не

знаетъ, какое его философское credo: заразъ онъ и «шеллингистъ» и «гегелистъ», «а, можетъ быть, ни то ни другое» (221). Но настроенъ онъ раціоналистически, читаетъ французскія политическія газеты, которыя устремляли его вниманіе «на этотъ положительный европейскій міръ съ его дѣятельностію, промышленностію, страстями, паровыми машинами» (232).

Племянникъ такъ и не сумѣлъ стать на точку зрѣнія дяди. «Признаюсь», заканчиваетъ онъ свой разсказъ (286), «я до-сихъ-поръ убѣжденъ, что все это выдумка, что дядѣ хотѣлось пошутить надо мною, и всѣ эти крики, тѣни не иное что, какъ фантасмагорія. Надѣюсь, что всякій благоразумный читатель въ этомъ согласится со мною».

Для характеристики соціальныхъ взглядовъ Одоевскаго типичны разсужденія о старомъ барствѣ и среднемъ классѣ. Когда-то у барства были сильны родовыя традиціи; жили широко и умѣли приносить пользу другимъ: старымъ княземъ кормился цѣлый околодокъ, съ его щедрой руки пошло въ гору нѣсколько купцовъ, «которыхъ дѣти теперь мильйонеры». Вообще «нынѣшнему богатству московскаго средняго класса и разрастающейся промышленности первое начало было положено тогдашнею боярскою даровитостью[1]) (sic), которая однакожъ умѣла не проживаться» (222). Наслѣдники оказались недостойными своихъ отцовъ. Они промотали достояніе предковъ, и княжескій домъ перешелъ въ руки купца, «который въ боярскихъ палатахъ хочетъ завесть какую-то прядильную фабрику». Съ тяжелымъ чувствомъ описываетъ разсказчикъ нѣкогда славный «старобоярскій домъ». «Ситецъ и набойка! Стоите ли вы этого? Подъ вашими станами исчезаетъ память о древнемъ добрѣ нашихъ предковъ, исчезаетъ исторія!» (224). Въ этомъ кабинетѣ старый князь, можетъ быть, думалъ, «на какое новое добро бросить свое золото» — «и сердце мое сжалось при мысли, что грубая механическая работа заступитъ мѣсто высокихъ нравственныхъ дѣяній» (224).

Эти мысли такъ хорошо гармонируютъ съ общимъ взглядомъ автора-идеалиста на «положительный» XIX вѣкъ.

Бѣлинскій съ большой похвалой отозвался о повѣсти «Южный берегъ Финляндіи въ началѣ XVIII столѣтія». «Повѣсть князя

---

[1]) Вѣроятно, надо читать: „тароватостью“.

Одоевскаго», писалъ онъ [1]), «отличается теплотою и свѣжестью чувства, превосходнымъ разсказомъ и тѣмъ «гуманическимъ» созерцаніемъ, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ произведеній этого писателя». О «Саламандрѣ» (=«Эльсѣ») которая печаталась въ «Отеч. Зап.», Бѣлинскій умолчалъ, но, какъ видно изъ письма къ Боткину, она ему не понравилась [2]). Въ своемъ болѣе позднемъ отзывѣ о «Саламандрѣ» критикъ отнесся совершенно отрицательно къ фантастическому элементу повѣсти (какъ и въ «Сильфидѣ»), выразивъ свое «глубокое и твердое убѣжденіе, что такія пружины для возбужденія интереса въ читателяхъ уже давно устарѣли, и ни на кого не могутъ дѣйствовать», что «теперь вниманіе толпы можетъ покорять только сознательно-разумное, только разумно-дѣйствительное, а волшебство и видѣнія людей съ разстроенными нервами принадлежатъ къ вѣдѣнію медицины, а не искусства» [3]). Это—уже голосъ человѣка сороковыхъ годовъ.

Серію повѣстей о стихійныхъ духахъ, въ составъ которой вошли «Сильфида» и «Саламандра», предполагалось пополнить еще одной повѣстью «*Ундина*»; отъ нея сохранились лишь наброски плана и одинъ отрывокъ [4]). Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ долженъ былъ выступать ученикъ *Эккартсгаузена:* у него просятъ порошку для вызыванія духовъ. Рядомъ съ Ундиной появляется и дядя Струй, совершающій рядъ проказъ; между прочимъ онъ любитъ Петербургъ (на болотѣ), петербургскіе салоны («потому что въ нихъ много воды»), а также Англинскую нравственность и Философію» (вѣроятно, по той же причинѣ).

Можетъ быть, идея повѣсти «Ундина» подсказана Одоевскому «Ундиной» Ламоттъ-Фуке, которая въ 1831 г. появилась въ переводѣ Ал. Влидге [5]), а въ 1833—1836 гг.—въ переводѣ В. А. Жуковскаго. И это обстоятельство было бы однимъ изъ фак-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 505. Критикъ выписываетъ цѣликомъ всю финскую легенду о Петрѣ В.—Ср. отзывъ—ib., VII т., стр. 59.

[2]) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, II, 90.

[3]) Ibid., т. IX, стр. 17—18.

[4]) Переплетъ 30, л. 64 и об., автографъ (на томъ же листкѣ, гдѣ отрывокъ изъ „Саламандры") + переплетъ 20, л. 69, автографъ. Отрывокъ въ переплетѣ 20, л. 104, автографъ. См. въ приложеніи.

[5]) Ундина, волшебная повѣсть. Сочиненіе де-ла-Мотъ-Фуке. Переводъ Ал. Влидге. Спб. 1831. Отзывъ въ Лит. Газетѣ, 1831, № 23. Гр. В. А. Соллогубъ (Сочиненія, т. IV) написалъ оперу „Ундина" (музыка А. Ѳ. Львова).

товъ, доказывающихъ литературное родство Жуковскаго и Одоевскаго.

Типично мистическій мотивъ находимъ въ поэтическомъ разсказѣ «*Душа женщины*» [1]).

Душа умершей женщины покинула тѣло и поднимается «въ отрадную вышину», все болѣе и болѣе приближаясь къ райскимъ обителямъ. «Вокругъ нея воздушныя степи, свѣтъ безъ тѣней, ни шороха, ни движенія, ни звука, ни цвѣта, ни образа; ничто не тускнетъ, ничто не шелеститъ, ничто не мелькаетъ,— свѣтло, тихо, безбрежно... душа тянется все дальше и дальше»... (III, 82). Земля—далеко внизу. Оттуда долетаютъ «то нестройные, то гармоническіе звуки, которые иногда сливаются со звуками живыхъ райскихъ ключей» (88). Геній-хранитель, сопровождающій душу, разъясняетъ важное значеніе земли, «этой пылинки для смертнаго взора», но въ сущности «чуднаго посредника между свѣтомъ и тьмою» (88).

Передъ самыми «кристальными вратами», у края мрачной бездны, душа вмѣстѣ съ геніемъ-хранителемъ припоминаетъ всю свою жизнь. Покойница была идеальной женщиной. Она не поклонялась «демону самости и расчета», она «любила любоваться произведеніями природы, искусства»; при жизни ее украшали кротость, незлобіе, всепрощеніе, терпѣніе, любовь, супружеская вѣрность, милосердіе и т. п. добродѣтели. Ея грѣхи, казалось, были ничтожны въ сравненіи съ ея добродѣтелями; охваченная порывомъ искренняго раскаянія, душа припоминала всѣ свои земныя слабости, но забыла одинъ, оказавшійся самымъ тяжкимъ грѣхомъ—«*гордость смиренія*». На

---

[1]) Вошелъ въ III ч. Собранія сочиненій, въ серію „Опыты разсказа о древнихъ и новыхъ преданіяхъ“, съ датой 1841 г. и посвященіемъ княгинѣ Маріи Алекс. Волконской. Первоначально напечатанъ въ изданіи: „Русская Бесѣда. Собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ, издаваемое въ пользу А. Ф. Смирдина“. (Томъ II. Спб. 1841). Заглавіе здѣсь: „*Душа женщины. (Перотское мистическое преданіе)*“. Къ разсказу сдѣлано примѣчаніе: „Предки жителей предмѣстія Перы, какъ извѣстно, суть выходцы изъ Италіи и внутренней Европы. Въ жизни Перотовъ, какъ въ ихъ преданіяхъ встрѣчается замѣчательное сочетаніе восточныхъ понятій съ западными“. Подпись: „*Е. В. О.*“ Дата: „1838“.— Рукопись (первая половина—черновой оригиналъ, вторая—копія съ поправками автора) находится въ переплетѣ 21, л. 55—71. Видно, что авторъ долго выбиралъ подходящее заглавіе и эпиграфы. На поляхъ перечень грѣховъ: „Гордость, гнѣвъ, ревность, зависть“ и т. д.

него указалъ ей геній-хранитель, и кристальныя врата затворились для души.

Въ это «мистическое преданіе», которое по возвышенности тона можно поставить рядомъ съ «Сильфидой», Одоевскій вложилъ идею, которую развивалъ въ письмѣ къ гр. Ростопчиной (о молитвѣ и смиреніи), и которой въ періодъ мистическаго настроенія придавалъ вообще большое значеніе [1]).

Эта идея составляетъ второй мотивъ мистическихъ разсказовъ Одоевскаго. Первымъ является общеніе съ міромъ духовъ (Сегеліель, Сильфида, Саламандра, Ундина); оно дѣлаетъ людей безумцами, сумасшедшими. Другое настроеніе мистика выражается въ мудромъ смиреніи; оно неизбѣжно для человѣка, постигшаго великую тайну жизни, взглянувшаго въ темныя очи вѣчности. Этотъ второй мотивъ съ особенной полнотой разработанъ въ повѣсти «*Косморама*» (1839), напечатанной въ 1840 г. [2]).

«Косморама»—одинъ изъ лучшихъ мистическихъ разсказовъ Одоевскаго.

Авторъ стремится раскрыть передъ читателемъ всю сложность жизни, которую, по его мнѣнію, нельзя ограничивать земными предѣлами, но которая неразрывно связана съ поту-

---

[1]) Въ житейскомъ обиходѣ философское „*смиреніе*“ принимаетъ форму „*терпимости*“, которую Одоевскій и называетъ „высшей изъ добродѣтелей“ („Сильфида“ въ Собраніи сочиненій, т. II, стр. 111).

[2]) *Косморама*. Отеч. Зап. 1840, т. VIII. Дата: „Ораніенбаумъ. 1839 г.“ Подпись: „*Кн. В. Одоевскій*“. Въ бумагахъ 1869 г. есть двѣ записки Краевскаго, относящіяся ко времени печатанія „Космарамы“. Одна отъ 7 янв. (безъ года); на ней карандашная приписка: „Типографія ждетъ окончанія *Косморамы*“. Вторая—отъ 9 янв. (безъ года). Въ ней между прочимъ говорится: „Что жъ Косморама? Вы не шлете ни конца ея, ни корректуры. Вѣдь это значитъ безъ ножа рѣзать!“ Въ „Предувѣдомленіи отъ издателя“ (стр. 34) сообщается, что пока издается первая часть рукописи, „составляющая отдѣльное сочиненіе“. Эту первую часть Одоевскій, кажется, имѣлъ въ виду издать особо или включить въ собраніе сочиненій 1844 г. Въ переплетѣ 80 находится печатный экземпляръ „Косморамы“ (за подписью „К. В. О.“), вырванный изъ журнала. На приклеенной обложкѣ рукою автора карандашомъ написано: „Отечественныя записки VIII т. 50. Косморама. (Посв. графинѣ Е. П Ростопчиной). Часть первая. Ораніенбаумъ. 1839“. Въ текстъ (также карандашомъ) внесены различныя исправленія. — Въ переплетѣ 20 имѣются въ копіи, но съ поправками автора, два отрывка первой редакціи повѣсти. Именно, на л 145 (=35—36 стр. печатнаго текста) и 146

стороннимъ міромъ. Именно здѣсь употреблено выраженіе *«двоеміріе»*, столь характерное для міропониманія Одоевскаго въ изучаемый періодъ [1]).

Уже самый эпиграфъ настраиваетъ насъ на соотвѣтствующій тонъ: «Quidquid est in externo est etiam in interno. Неоплатоники».

Носительницей мистическаго настроенія является прежде всего Софья. Въ ея альбомѣ оказалось нѣсколько выписокъ изъ одной «небольшой книжки», которую она читала вмѣстѣ съ своей няней-нѣмкой.

Это, во-первыхъ, апологъ о двухъ людяхъ, родившихся «въ глубокой и темной пещерѣ, куда никогда не проникали лучи солнечные; они не могли выйдти изъ этой пещеры иначе, какъ по очень крутой и узкой лѣстницѣ, и, за недостаткомъ дневнаго свѣта, зажигали свѣчи. Одинъ изъ этихъ людей былъ бѣденъ, терпѣлъ нужду, спалъ на голомъ полу, едва имѣлъ пропитаніе. Другой былъ богатъ, спалъ на мягкой постели, имѣлъ прислугу, роскошный столъ. Ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ солнца, но каждый имѣлъ о немъ свое понятіе». Бѣднякъ рвался къ солнцу, представляя его себѣ важной особой, которая можетъ оказать ему разныя милости. Крутизна лѣстницы не испугала его: онъ выбрался-таки изъ пещеры на вольный воздухъ и увидѣлъ солнце и всю красоту неба. Богачъ имѣлъ болѣе правильное понятіе о солнцѣ, но боялся трудностей восхожденія, остался въ пещерѣ при своемъ каминѣ и тусклыхъ свѣчахъ. Вѣра въ солнце спасла бѣдняка (51—52).

Этотъ апологъ взятъ изъ мистика *Пордэча* [2]).

Вотъ одна изъ книгъ, на которыхъ воспиталась Софья. Въ ея альбомѣ оказались и другія выписки, отдѣльныя мысли, какъ будто взятыя «изъ какой-то азбуки», но, по ея мнѣнію, «очень, очень глубокія», напр.: «Чистое сердце есть лучшее богатство. Дѣлай добро сколько можешь, награды не ожидай, это до тебя не касается. Если будемъ внимательно примѣчать за собою, то увидимъ, что за каждымъ дурнымъ поступкомъ

[1]) Переплетъ 20, л. 145. Слово „двоеміріе" и нѣсколько слѣдующихъ потомъ зачеркнутыхъ фразъ написаны рукою Одоевскаго.

[2]) Указаніе на это сдѣлано самимъ авторомъ на экземплярѣ въ переплетѣ 80, на стр. 51, къ строкѣ 4-й снизу. См. у Пордэча въ „Божественной и Истинной Метафизикѣ", изд. 1786 г., стр. 47—51.

рано или поздно слѣдуетъ наказаніе. Человѣкъ ищетъ счастья снаружи, а оно въ его сердцѣ» и пр. т. п. (стр. 52).

Чтó бы ни читала Софья, во всемъ она ищетъ разгадки смысла жизни. Прочитавъ «Гамлета», она подчеркиваетъ фразу: «Да, другъ Горацiо, много въ семъ мiрѣ такого, что и не снилось нашимъ мудрецамъ»[1]). Въ «Фаустѣ» ей особенно понравилась маленькая сцена, «гдѣ Фаустъ съ Мефистофелемъ скачутъ по пустынной равнинѣ» (48). Очевидно, это сцена: «Nacht, offen Feld» въ I ч. Это, разсуждаетъ Софья (49). «самая понятная, самая свѣтлая сцена! Развѣ вы не видите, что Мефистофель обманываетъ Фауста? Онъ боится,—здѣсь не колдовство, здѣсь совсѣмъ другое... Ахъ, если бы Фаустъ остановился!..»

Софья—воплощенное смиренiе и любовь. Гордость сравнивается въ «Косморамѣ» съ «чашей, въ которую вылиты всѣ грѣхи человѣческiе; она блеститъ, звенитъ, манитъ вашъ взоръ своею чудною рѣзьбою и уста ваши невольно прикасаются къ обольстительному напитку» (54).

Безкорыстная, безотчетная любовь къ людямъ должна наполнять человѣческую жизнь. «Гордый человѣкъ XIX вѣка» утратилъ способность любить даже женщину. О любви къ людямъ забыли и думать. Софья считаетъ несправедливой мысль *басни о стрекозѣ и муравьѣ*: «жалко бѣдную стрекозу и досадно на жестокаго муравья». «Я уже многимъ говорила», прибавляетъ она (47), «нельзя ли попросить сочинителя, чтобы онъ перемѣнилъ эту басню, но надо мной всѣ смѣялись». Когда кузенъ сообщилъ Софьѣ, что сочинитель этой басни умеръ еще до французской революцiи, и когда затѣмъ ей разъяснили, въ чемъ состояло «сiе ужасное происшествiе»,—она «со слезами на глазахъ», съ полнымъ убѣжденiемъ произнесла: «То, чтò вы называете французскою революцiею, непремѣнно должно произойти отъ басни «Стрекоза и Муравей» [2]).

Передъ смертью Софья послала кузену листокъ изъ своей записной книжки, на которомъ значились слова: «Высшая любовь страдать за другого» (78). Софья любитъ читать лишь такiя книжки, «что когда ихъ читаешь, то дѣлается жалко людей и хочется помогать имъ, а потомъ захочется умереть» (49).

[1]) См. ссылку на то же изреченiе у Руд. Штейнера въ „Θεοσοφία" (Спб. 1910. Стр. 145).

[2]) См. выше на стр. 574.

Смерти она не только не боится, но ждетъ ее. «На землѣ все недолго, и горе и радость; умремъ, другое будетъ» (67). Больной теткѣ она спокойно говоритъ о предстоящей смерти и старается вызвать у нея слезы: «плакать хорошо, особливо когда не знаешь, о чемъ плачешь» (67). Т. о. мысли Софьи устремлены туда, въ загробный міръ; здѣсь она терпѣливо и любовно несетъ крестъ жизни.

Софья руководится въ жизни не какой-нибудь теоріей—она просто повинуется внутреннему голосу. «Иногда что-то *внутри меня* говоритъ во мнѣ», разсказываетъ она: «я прислушиваюсь и говорю, не думая,—и часто что я говорю, мнѣ самой непонятно» (49). Когда ей сказали, что въ ней есть наклонность къ мистицизму, она съ изумленіемъ спросила: «Что такое мистицизмъ?» (50) [1]) Именно въ силу своей непосредственности, эта простая, скромная, наивная и малообразованная дѣвушка является глашатаемъ высшей мудрости. Недаромъ и имя ея—Софія (Вспомнимъ сочиненіе Пордэча—«Sophia sive detectio coelestis sapientiae de mundo interno et externo»). Она сама обрѣла спокойствіе души и счастье; общеніе съ ней дѣлало и для другихъ жизнь «понятной, свѣтлой, полной тишины и гармоніи».

Такое умиротворяющее дѣйствіе производила Софья и на разказчика, который именуется Владиміромъ Андреевичемъ [2]).

Сфинксъ жизни задалъ Владиміру Андреевичу загадку, и онъ мучится надъ ея разрѣшеніемъ.

Еще пятилѣтнимъ мальчикомъ получилъ онъ отъ доктора Бина игрушку—космораму [3]). Съ нею произошло нѣчто въ родѣ того, что у Гофмана съ Щелкунчикомъ въ сказкѣ «Nussknacker und Mausekönig» (которую въ «Die Serapionsbrüder» разсказываетъ Lothar), и докторъ Бинъ играетъ во многомъ ту же роль, что Pathe Drosselmeier, оказавшійся въ таинственной связи съ мышинымъ царствомъ.

---

[1]) Софья воздерживается отъ споровъ, какъ этому училъ и Пордэчъ въ „Божественной и Истинной Метафизикѣ“.

[2]) Въ отрывкѣ переплета 20, л. 146, первоначально авторъ хотѣлъ назвать его „Владиміромъ *Петровичемъ Рунскимъ*“; а Соня (ранѣе: „Паша“) рекомендуется дочерью князя Миславскаго (двоюроднаго дядюшки Рунскаго).

[3]) Объ устройствѣ косморамы разсказано въ „Дѣтской книжкѣ для воскресныхъ дней“ (1833), изданной В(расскимъ) и О(доевскимъ). Затѣмъ въ путевыхъ замѣткахъ 1847 г. въ Майнцѣ Одоевскій записываетъ: „Въ пароходной каретѣ, англичанинъ и Бельгіецъ не знали какъ управиться съ моей дорожной

Въ косморамѣ мальчикъ видѣлъ свою молодую тетушку, которая обнимала красиваго офицера, цѣловавшаго ея руку. Видѣніе вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Когда мальчикъ сообщилъ старшимъ, что онъ видѣлъ офицера въ косморамѣ, всѣ смѣялись, но докторъ Бинъ, съ загадочной улыбкой, подтвердилъ: «да, точно, Володя, ты тамъ его видѣлъ». Съ этого момента психическая жизнь мальчика пріобрѣтаетъ особый характеръ: реальное перемѣшивается съ образами какой-то иной жизни. «Можетъ быть, въ дѣтствѣ», замѣчаетъ авторъ (39), «мы больше мыслимъ и чувствуемъ, нежели сколько обыкновенно полагаютъ; только этихъ мыслей, этихъ чувствъ мы не въ состояніи обозначать словами, и отъ того забываемъ ихъ» [1]).

Уже взрослымъ человѣкомъ, послѣ того, какъ онъ «успѣлъ наслужиться, испытать голода, холода, сплина, нѣсколько обманутыхъ надеждъ», прибылъ Владиміръ Андреевичъ въ Москву, «съ самымъ байроническимъ расположеніемъ духа и съ твердымъ намѣреніемъ не давать прохода ни одной женщинѣ» (39). Но въ его жизнь неожиданно вторглись такіе элементы, которые разверзли передъ нимъ неисповѣдимую пучину бытія.

Въ старомъ домѣ дядюшки онъ нашелъ свою дѣтскую игрушку—косморамy. Оказалось, что она не утратила своихъ прежнихъ свойствъ. Чудеснѣе всего было то, что, когда утромъ явился докторъ Бинъ, Владиміръ увидѣлъ въ косморамѣ своего собственнаго двойника и двойника доктора. Настоящій Бинъ разсуждалъ, какъ и подобаетъ врачу, и готовъ былъ всѣ видѣнія въ косморамѣ приписать болѣзненному состоянію разсказчика. Но послѣдній явственно слышалъ слѣдующія слова двойника Бина (42): «Не вѣрь ему, или лучше сказать не вѣрь мнѣ въ твоемъ мірѣ. Тамъ я самъ не знаю, что дѣлаю, но здѣсь я понимаю мои поступки, которые въ вашемъ мірѣ представляются въ видѣ *невольныхъ побужденій*. Тамъ я подарилъ тебѣ игрушку, самъ не зная для чего, но здѣсь я имѣлъ въ виду предостеречь твоего дядю и моего благодѣтеля отъ несчастія, которое грозило всему вашему семейству. Я

косморамой; они непремѣнно хотѣли видѣть, смотря въ увеличительное а не на матовое стѣкло" (переплетъ 52, л. 6, автографъ карандашомъ).

[1]) Ср. объ инстинктуальной жизни дѣтей на стр. 473.

обманулся въ разсчетахъ человѣческаго суемудрія; ты въ своемъ дѣтствѣ случайно прикоснулся къ очаровательнымъ знакамъ, начертаннымъ сильною рукою на магическомъ стеклѣ. Съ этой минуты я невольно передалъ тебѣ чудную, счастливую и вмѣстѣ бѣдственную способность; съ той минуты въ твоей душѣ разтворилась дверь, которая всегда будетъ открываться для тебя неожиданно, противъ твоей воли, по законамъ, мнѣ и здѣсь непостижимымъ. Злополучный счастливецъ! ты—ты можешь все видѣть, все, безъ покрышки, безъ звѣздной пелены, которая для меня самого тамъ непроницаема. Мои мысли я долженъ передавать себѣ посредствомъ сцѣпленія мелочныхъ обстоятельствъ жизни, посредствомъ символовъ, тайныхъ побужденій, темныхъ намековъ, которые я часто понимаю криво или которыхъ вовсе не понимаю. Но не радуйся: если бы ты зналъ, какъ я скорблю надъ роковымъ моимъ даромъ, надъ ослѣпившею меня гордостію человѣка; я не подозрѣвалъ, безразсудный, что чудная дверь въ тебѣ разкрылась равно для благаго и злаго, для блаженства и гибели... и, повторяю, уже никогда не затворится. Береги себя, сынъ мой,—береги меня... За каждое твое дѣйствіе, за каждую мысль, за каждое чувство я отвѣчаю наравнѣ съ тобою. Посвященный! сохрани себя отъ роковаго закона, которому подвергается звѣздная мудрость! Не умертви твоего посвятителя!» Видѣніе зарыдало.

Двойникъ Бина предупреждалъ Владимира, что люди будутъ считать его помѣшаннымъ: «Оно такъ и должно быть—у васъ долженъ казаться сумасшедшимъ тотъ, кто въ вашемъ мірѣ говоритъ языкомъ нашего. Ка́къ я страненъ, ка́къ я жалокъ въ этомъ образѣ! и мнѣ нѣтъ силъ научить, вразумить себя,—такъ грубы мои чувства, спеленанъ мой умъ, въ слухѣ звѣздные звуки,—я не слышу себя, я не вижу себя! Какое дерзанье! и еще кто знаетъ, можетъ-быть въ другомъ, высшемъ мірѣ я кажусь еще болѣе страннымъ и жалкимъ. Горе! горе!»

Разными медицинскими средствами Бинъ укрѣпилъ разстроенные нервы Владимира, но не надолго. Роковой даръ все видѣть «безъ звѣздной пелены» внесъ тяжелыя осложненія въ жизнь Владимира. На свое несчастіе, онъ недостаточно оцѣнилъ Софью. Зато въ исторіи своей любви къ Элизѣ онъ испыталъ, какъ чудесно переплетаются нити жизни—современной и про-

шлой, своей и чужой, здѣшней и потусторонней. Вѣщіе сны, пророческія видѣнія (мертвеца, чудовищъ, грядущихъ событій), предчувствія и т. п.—все это перемѣшивается съ реальными событіями, въ которыхъ таинственное участіе принимаетъ и докторъ Бинъ. Временами психическое состояніе Владиміра достигало особенной напряженности. «Какъ будто электрическая искра пробѣжала по моему тѣлу», разсказываетъ онъ однажды (61), «все меня окружающее сдѣлалось прозрачнымъ—стѣны, земля, люди показались мнѣ легкими полутѣнями, сквозь которыя я ясно различалъ другой міръ, другіе предметы, другихъ людей... Каждый нервъ въ моемъ тѣлѣ получилъ способность зрѣнія; мой магическій взоръ обнималъ въ одно время и прошедшее и настоящее, и то, что дѣйствительно было, и что могло случиться; описать всю эту картину нѣтъ возможности, разсказать ее не достанетъ словъ человѣческихъ...» «Въ эту минуту вся исторія нашего міра отъ начала временъ была мнѣ понятна; эта внутренность исторіи человѣчества была обнажена передо мною, и необъяснимое посредствомъ внѣшняго сцѣпленія событій казалось мнѣ очень просто и ясно; такъ, напр., взоръ мой постепенно переходилъ по магической лѣстницѣ, гдѣ нравственное чувство, возбуждавшееся въ добромъ Испанцѣ при видѣ костровъ инквизиціи, порождало въ его потомкѣ чувство корысти и жестокосердія къ Мексиканцамъ, имѣвшее еще видъ законности; какъ наконецъ это же самое чувство въ послѣдующихъ поколѣніяхъ превратилось просто въ звѣрство и полное духовное обезсилѣніе. Я видѣлъ, какъ минутное побужденіе моего собственнаго сердца получало свое начало въ дѣлахъ людей, существовавшихъ до меня за нѣсколько столѣтій... Я понялъ, какъ важна каждая мысль, каждое слово человѣка, какъ далеко простирается ихъ вліяніе, какая тяжкая отвѣтственность ложится за нихъ на душу, и какое зло для всего человѣчества можетъ возникнуть изъ сердца одного человѣка разкрывшаго себя вліянію существъ нечистыхъ и враждебныхъ... Я понялъ, что «человѣкъ есть міръ»—не пустая игра словъ, выдуманная для забавы... Когда-нибудь, въ болѣе спокойныя минуты, я передамъ бумагѣ эту исторію нравственныхъ существъ, обитающихъ въ человѣкѣ и порождаемыхъ его волею, которыхъ только слѣды сохраняются въ мірскихъ лѣтописяхъ» (63—64).

Напрасно Владиміръ пытается подыскать научное объясненіе своимъ видѣніямъ и тѣмъ самымъ освободиться отъ нихъ. Одинъ знакомый призналъ его ясновидящимъ, и онъ принялся изучать книги о магнитизмѣ (Пьюсегюръ, Делёзъ, Вольфартъ, Кизеръ). Въ результатѣ онъ пришелъ къ заключенію, что въ немъ «происходитъ нѣчто подобное очень извѣстному въ Шотландіи, такъ называемому «второму зрѣнію», и онъ началъ было вести такой образъ жизни, который помогъ бы ему отдѣлаться отъ этой «нервической болѣзни». Но все было тщетно. Въ немъ находилось нѣчто роковое, и люди боялись общенія съ нимъ. «Всякій, на кого смотрю», признается онъ, «занемогаетъ; боюсь любоваться цвѣткомъ—ибо цвѣтокъ мгновенно вянетъ предъ моими глазами... Страшно, страшно!.. Скоро-ль, долго-ль пройдетъ мое испытаніе—кто знаетъ! Иногда, когда слезы чистаго, горячаго раскаянія льются изъ глазъ моихъ, когда, откинувъ гордость, я со смиреніемъ сознаю все безобразіе моего сердца, —видѣніе исчезаетъ, я успокоиваюсь, но недолго! Роковая дверь отворена: я, жилецъ здѣшняго міра, принадлежу къ другому, я поневолѣ тамъ дѣйствователь, я тамъ—ужасно сказать,—я тамъ орудіе казни!»

Жизнь разсказчика, такимъ образомъ, была «цѣпью непонятныхъ дивныхъ приключеній». «Я не берусь», говоритъ онъ самъ, «объяснять происшествія, со мной бывшія, ибо непонятное для читателя осталось и для меня непонятнымъ. Можетъ быть, тотъ, кому извѣстенъ настоящій ключъ къ гіероглифамъ человѣческой жизни, воспользуется лучше меня моею собственною исторіею. Вотъ единственная цѣль моя!» (35—6).

Въ «Предувѣдомленіи» доводится до свѣдѣнія читателей, что издатель «непрерывно трудится надъ разборомъ продолженія сей рукописи, къ сожалѣнію, писанной весьма нечетко, и не замедлитъ сообщить ее любознательной публикѣ»; что «продолженіе имѣетъ нѣкоторую связь съ нынѣ печатаемыми листами, но обнимаетъ другую половину жизни сочинителя» (34).

Въ бумагахъ Одоевскаго, дѣйствительно, уцѣлѣли четыре отрывка, которые должны были войти во вторую часть «Космрамы». Здѣсь предполагалось значительную роль отвести духамъ [1].)

---

[1]) Именно мы имѣемъ слѣдующіе отрывки. 1) Въ переплетѣ 20, л. 110, автографъ, съ заглавіемъ: „Тринадцатый часъ (для начала продолженія Космо-

Вторая часть не была написана, и намъ приходится судить лишь о первой.

«Косморама» весьма выгодно выдѣляется среди другихъ фантастическихъ произведенiй Одоевскаго. Ея фантастика органически сплетается съ дѣйствительностью, мистическое мiроощущенiе, охватившее встревоженную душу человѣка, передано здѣсь съ большой выразительностью [1]).

«Сильфида», «Саламандра», «Косморама»—самыя значительныя и наиболѣе отдѣланныя произведенiя мистическаго содержанiя.

Прiотворилась дверь въ царство духовъ; чудесное вторглось въ реальную жизнь, и все покрылось глубокой мистической тайной, отъ которой трепещетъ душа чуткаго человѣка; нездѣшнее заглянуло въ очи человѣка, и онъ прiобщился великаго безумiя избранныхъ.

рамы)". Этотъ часъ послѣ полуночи не отмѣчается земными часами, но его ощущаетъ душа, „ибо она въ этотъ чудный часъ проживаетъ вѣки". 2) Въ переплетѣ 26, л. 140, автографъ (карандашомъ), съ помѣткой „Косморама". Въ этомъ отрывкѣ намѣчена та же самая идея, что во „Взглядѣ на землю съ неба" Жуковскаго, именно, „что безтѣлесныя завидуютъ тѣлеснымъ", ихъ страданiямъ, ихъ радостямъ, ихъ любви, честолюбiю, гордости, постепенному совершенствованiю, ихъ дѣятельности, вообще ихъ жизни. 3) Въ переплетѣ 48, л. 218—219, автографъ, съ помѣткой „Косморама". Развивается мысль о томъ, что благie духи дѣйствуютъ черезъ посредство людей, помогая „одной и той же душѣ оживлять два разныя тѣла, жить двумя жизнями" и внушая человѣку „мысль передавать знанiя имъ прiобрѣтенныя другимъ"; языкъ человѣческiй часто оказывается безсильнымъ для передачи знанiй, тогда прибѣгаютъ къ символамъ, которые съ теченiемъ времени превращаются въ „пустыя формулы, непонятныя потомству". Духи въ степи вокругъ сфинкса горюютъ, что люди не догадываются о существованiи подъ одной изъ лапъ сфинкса храма, „гдѣ таятся самыя важныя и сокровенныя таинства для человѣка". 4) Въ переплетѣ 48, л. 51, автографъ, записано: „Въ Космор. представить олицетворенныя боренiя, которыя испытываетъ отшельникъ, такъ что для него есть поле для самопожертвованiя, для гордости, для скупости и проч. т. п."

[1]) Въ бумагахъ 1869 г. находится 67 писемъ Надежды Николаевны Ланской къ Одоевскому Въ нихъ вообще много сердечнаго, искренняго и умнаго. Въ письмѣ съ датой „Le 5 Vendredi. P—bourg" она между прочимъ говоритъ. „Сегодня, день мой начался съ 5-ти часовъ утра и начался тобою.—Читала твою Косморамy.—Если ты спросишь, нравится-ли мнѣ она? я скажу тебѣ: вѣроятно.—Если бы я могла понять ее, то, конечно, она бы мнѣ очень нравилась, но надо быть г. Растопчиной, чтобы вполнѣ понять ето, on peut bien dire que la pièce est digne de celle à qui elle est dediée!"

Въ разной степени подвержены люди этому безумію. У многихъ оно выражается въ одной необъяснимой тревогѣ души, въ тоскѣ неудовлетворенности, въ «байроническомъ» разочарованіи. Таковъ характеръ, такъ сказать, великосвѣтской мистики. Одоевскій любилъ смущать чопорный покой великосвѣтскихъ гостиныхъ напоминаніемъ о мірѣ мистическихъ явленій. Эта миссія была возложена еще на Иринея Мод. Гомозейку, какъ можно судить по нѣкоторымъ разсказамъ, которые мы отнесли къ его циклу. Повидимому, Одоевскій предполагалъ возложить ту же роль еще на одного изъ своихъ героевъ—великосвѣтскаго «мага» Валкирина. Онъ появляется въ нѣсколькихъ произведеніяхъ, которыя, пожалуй, мы въ правѣ бы назвать *цикломъ Валкирина*, если бы физіономія Валкирина отличалась постоянными чертами [1]).

Сюда относится не вполнѣ осуществленная серія разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «*Бѣснующіеся*». Одержимость—третій мистическій мотивъ въ произведеніяхъ Одоевскаго.

Таковъ, во-первыхъ, сюжетъ разсказа «*Орлахская крестьянка*» (1838) [2]).

Фактическимъ содержаніемъ разсказа послужилъ случай, о которомъ много говорили въ 30-хъ годахъ [3]). Одержимая, по имени Magdalena Grombach (у Одоевскаго—Энхенъ Громбахъ), родилась въ 1812 г. въ мѣстечкѣ Orlach, въ семьѣ честнаго нѣмецкаго крестьянина, лютеранина по вѣроисповѣданію, и умерла въ 1852 г. Одержимость стала проявляться у нея съ двадцатилѣтняго возраста, значитъ, съ 1832 г. Так. обр. разсказъ Одоевскаго написанъ при жизни орлахской бѣсноватой и, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ.

Суть заключается въ томъ, что орлахская дѣвушка сдѣлалась жертвой событія, происшедшаго 400 лѣтъ тому назадъ.

---

1) Вѣроятно, это имя содержитъ намекъ на валкиріи, какъ Рунскій—на руны.

2) *Бѣснующіеся. Орлахская крестьянка.* Отеч Зап. 1842, т. XX. Дата: *1838.* Подпись: *К. В. О.* Эпиграфъ взятъ изъ „Шведенборга“: „Я предвижу, что многіе почтутъ слова мои за выдумку воображенія; я увѣряю, что здѣсь нѣтъ ничего выдуманнаго, но все дѣйствительно бывшее и видѣнное не во снѣ, а на яву“.—Рукопись этого произведенія (въ копіи) находится въ переплетѣ 27, л. 28—44 (за подписью: „*К. В. О.*“).

3) Мы знаемъ его по книгѣ Maximilian Perty „Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur“ (Leipzig und Heidelberg, 1861), S. 330—332.

На ней самымъ чудеснымъ образомъ оправдалась идея «круговой поруки», какъ любилъ выражаться Одоевскіи, или кармы мистиковъ. 22-лѣтняя дѣвушка, родившаяся въ 1412 г., въ одеждѣ повара была увезена монахомъ въ монастырь (значитъ, въ 1434 г.); родила отъ него двоихъ дѣтей; монахъ убилъ ихъ, а черезъ нѣкоторое время и самое мать. Преступникъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ. (Одоевскій, можетъ быть, по цензурнымъ соображеніямъ, говоритъ о замкѣ и о разбойникѣ). Покойники (дѣвушка и монахъ) продолжали и за гробомъ враждовать между собою. Въ концѣ концовъ, въ ихъ отношенія была втянута дочь Громбаха, домъ котораго былъ построенъ на развалинахъ бывшаго монастыря (у Одоевскаго—замка). Духи монаха и убитой имъ дѣвушки разными способами безпокоили семью орлахскаго крестьянина. Наконецъ, въ образѣ Сѣрой женщины духъ дѣвушки прямо просилъ Магдалину (Энхенъ) сломать домъ, потому что только такимъ способомъ она могла бы, наконецъ, освободиться изъ-подъ власти монаха (разбойника). Духъ монаха, въ свою очередь, мѣшалъ исполненію этого плана. Являясь въ черномъ, онъ склонялъ орлахскую крестьянку на свою сторону; временами онъ вселялся въ дѣвушку, мучилъ ее или черезъ нее пророчествовалъ приходившимъ. Однажды ея устами онъ разсказалъ всю свою жизнь. Когда, наконецъ, домъ орлахскаго поселянина былъ сломанъ, одержимость его дочери прекратилась.

Въ разсказѣ Одоевскаго разговоръ объ орлахской крестьянкѣ поднимаетъ баронъ Кейнезейтъ, молодой дипломатъ, только что вернувшійся изъ-за границы, а разсказываетъ исторію графъ Валкиринъ. Онъ много путешествовалъ; былъ въ Турціи, Египтѣ и Индіи. По характеристикѣ хозяйки дома, княгини Рифейской [1]), графъ — «немножко страненъ, но очень милъ и забавенъ». Валкиринъ появляется не разъ въ произведеніяхъ Одоевскаго, какъ мистикъ и человѣкъ, посвященный въ таинства магіи (недаромъ онъ ѣздилъ на Востокъ). Въ этомъ и заключается его «странность». Изъ исторіи орлахской крестьянки графъ Валкиринъ сдѣлалъ заключеніе, «что бываютъ случаи, когда дѣйствительно говоримъ не мы, а кто-то другой говоритъ за насъ» (251). Когда княгиня стала просить его разсказать объ орлахской

[1]) Эта фамилія фигурируетъ въ нѣсколькихъ повѣстяхъ Одоевскаго.

крестьянкѣ, онъ объяснилъ ея желаніе тѣмъ, что въ ней проситъ «далекое внутреннее чувство», которое ей самой не понятно. «О, не смѣйтесь, умоляю васъ», убѣждаетъ онъ (242): «прислушивайтесь къ тѣмъ голосамъ, которые говорятъ внутри васъ: вы услышите чудные звуки; вы скоро можете пріобрѣсти способность отличать одинъ голосъ отъ другаго».

Княгиня и ея гости скептически отнеслись къ разсказу Валкирина; Иванъ Крестьяновичъ Рындинъ, «съ мужиковатостью, которую выдавалъ за откровенность», возмущался такой дичью; молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ пытался объяснить все происшествіе «извѣстными законами природы», и самый магнитизмъ кажется ему уже «извѣстнымъ» (къ изумленію графа). По окончаніи разсказа, однако, «всѣ какъ-то невольно призадумались» (251).

Итакъ, разсказъ «Орлахская крестьянка», несомнѣнно, проникнутъ мистическимъ настроеніемъ [1]).

У Одоевскаго была мысль значительно полнѣе развить сюжетъ «Орлахской крестьянки». Въ переплетѣ 20, л. 52—53 (автографъ), мы имѣемъ программу повѣсти, датированную 1839-мъ годомъ. Заглавія нѣтъ, но, несомнѣнно, здѣсь тотъ же самый сюжетъ, что и въ «Орлахской крестьянкѣ», и тѣ же дѣйствующія лица. Графъ Валкиринъ [2]) прямо называется здѣсь магомъ; магіи онъ обучался въ Каирѣ; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ значится «Кампидольо—магъ въ Каирѣ». «Валкирину грозитъ опасность»—вызывая духовъ, Валкиринъ выпустилъ «самаго злѣйшаго—Пріора и думаетъ, что онъ вселился въ самаго него, а не въ Княгиню и не въ Рындина.—Духи ужасно распространились по землѣ отъ неискуства Маговъ и отъ распространенія магнетизма». Рядомъ съ образованными магами долженъ

[1]) Въ этомъ отношеніи интересна также слѣдующая подробность. Княгиня поставила вопросъ, отчего мы любимъ брильянты. Валкиринъ далъ отвѣтъ въ духѣ *мистиковъ* (240—1): „Повѣрите ли вы мнѣ, когда я скажу вамъ, что наше пристрастіе къ этимъ свѣтящимся камнямъ есть воспоминаніе о чемъ-то давно, давно прошедшемъ?—что было время, когда наше тѣло свѣтилось ярче всѣхъ алмазовъ на свѣтѣ?.. что эти грубые камни, такъ скудно разсыпанные по землѣ, напоминаютъ намъ о нашей прежней свѣтлой одеждѣ... напоминаютъ невольно, ибо намъ сдѣлалось уже непонятно это свѣтлое состояніе!..“ Всѣ захохотали. А между тѣмъ Валкиринъ сказалъ лишь то, что говорили, напр., С. Мартенъ (см. на стр. 402) и Пордэчъ (на стр. 433).

[2]) Раньо нѣсколько разъ названъ Рифейскимъ.

былъ выступить «Савельичъ-колдунъ». Среди дѣйствующихъ лицъ находимъ Софью, племянницу княгини Рифейской; о ней сказано: «дѣвственное чувство во всей чистотѣ». Можетъ быть, это—тотъ же образъ, что въ «Косморамѣ» [1]).

Къ циклу Валкирина (въ условномъ смыслѣ) можно причислить и интересную повѣсть подъ заглавіемъ «*Янтина*». Она писалась еще въ 1836 г. и въ 1839 году предназначалась для «Отеч. Записокъ» [2]).

Одоевскій немало поработалъ надъ «Янтиной», но повѣсть такъ и осталась въ рукописи и въ незаконченномъ видѣ [3]).

---

[1]) Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, можно наблюдать, что одинъ сложный сюжетъ распадается у Одоевскаго на нѣсколько частныхъ.— Повѣсть „Бѣснующіеся" очень понравилась Кольцову. 27 февр. 1842 г. онъ дѣлился съ Бѣлинскимъ своими впечатлѣніями отъ 1-го и 2-го нумеровъ „Отеч. Зап." и между прочимъ писалъ: „Бѣснующійся" Одоевскаго повѣсть глубокая, превосходная и „мастерски разсказанная" (Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ ред. А. І. Лященка. Изданіе Разряда Изящн. Слов. И. Ак. Н. Спб. 1909. Стр. 269).

[2]) Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 28 сент. 1836 г. (бумаги Шевырева въ И. П. Б.) Одоевскій называетъ повѣсть „Янтина" въ числѣ произведеній, которыя были заготовлены для несостоявшагося „Русскаго Сборника". Краевскій надѣялся получить ее для сентябрьской книжки. 9 іюля 1839 г. онъ писалъ Одоевскому: „15-го августа мнѣ необходима повѣсть, которая бы достойно могла красоваться въ сентябрьской книжкѣ. Слѣдственно, нужна *Ентина*... Ради Христа, поторапливайте Ентину!" Оригиналъ письма въ бумагахъ 1869; напечатано И. А. Бычковымъ въ „Р. Ст." 1904, іюнь, стр. 574—5. Въ письмѣ отъ 18 іюля 1839 г. Краевскій снова умоляетъ Одоевскаго: „Ентину, ради Бога, Ентину къ 15-му августа!" И въ припискѣ: „Ради Христа, дописывайте Ентину!" (бумаги 1869 г.).

[3]) Въ переплетѣ 89 мы имѣемъ эту повѣсть въ трехъ экземплярахъ. Во-первыхъ, оригиналъ на л. 159—180; во-вторыхъ, копія на л. 181—191 съ поправками автора и, наконецъ, на л. 192—197 вторая, неполная (сравнительно съ предыдущей) копія (начинается съ того мѣста, которое соотвѣтвѣтствуетъ л. 187 первой копіи); въ нее авторомъ внесены также нѣкоторыя измѣненія, впрочемъ, больше стилистическаго характера. Очевидно, эта вторая копія уже предназначалась для печати. На ея поляхъ рукою автора сдѣлана слѣдующая карандашная приписка. „Вотъ начало или лучше половина моей статьи; если предполагается картинка, то я бы желалъ, чтобы она состояла изъ простаго женскаго портрета, въ костюмѣ, который описанъ на страницѣ 4 и 5, т.-е. съ загнутымъ локономъ съ одной стороны и съ распустившимся съ другой. К. В. Од.". Въ текстѣ на л. 194 об.—195 и 195 об.—196 отчеркнутъ карандашомъ текстъ, относящійся къ упомянутому портрету.—Кромѣ того, въ бумагахъ Одоевскаго сохранились еще три отрывка изъ „Янтины". 1) Въ переплетѣ 92, л. 1—4, автографъ, неотдѣланный отрывокъ подъ заглавіемъ:

Насколько можно судить по отрывку въ переплетѣ 92 (л. 1—4), «Янтина» должна была войти въ серію «*Бѣснующихся*» и имѣть нѣкоторую связь съ Валкиринымъ. Потомъ ее предполагалось включить въ другую серію разсказовъ, подъ названіемъ «*Записки неслужащаго*» [1]).

Повѣсть [2]) начинается съ разговора между авторомъ и его пріятелемъ (имени нѣтъ), только что вернувшимся съ прескучнаго раута. Пріятель былъ «закоренѣлый житель гостиныхъ», бывалъ на всѣхъ балахъ и раутахъ своего круга, не

„*Бѣснующіеся*. Янтина". Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ: *Магъ* и С. Г. Сначала они говорятъ о раутѣ (какъ въ редакціи переплета 80); затѣмъ сообщается, что Магъ выпустилъ чорта и не можетъ его найти (значитъ, тотъ же случай, что у Валкирина въ „Орлахской крестьянкѣ"). Оказалось, что чортъ сидитъ въ Янтинѣ. Чтобы убѣдить въ этомъ, С. Г. начинаетъ свой разсказъ о Янтинѣ. На этомъ отрывокъ и кончается. Въ редакціи переплета 80 (по крайней мѣрѣ, въ сохранившейся главѣ) ни магъ, ни чортъ не упоминаются. 2) Въ переплетѣ 20, л. 84—85, автографъ, второй отрывокъ, начинающійся словами: „Какая жена считаетъ себя обязанною говорить съ своимъ мужемъ на балѣ?" Редакція, повидимому, болѣе ранняя, чѣмъ въ переплетѣ 80. Описывается кавалеръ, съ которымъ танцовала Янтина. Это безличный господинъ, приглашенный лишь въ качествѣ „танцующей машины". По окончаніи танца, Янтина превратилась въ равнодушную свѣтскую даму; поэтическое выраженіе ея лица исчезло. „Янтина по прежнему сдѣлалась прекрасно одѣтою и симметрически причесанною дамою, которую ни что не занимаетъ, ни что не удивляетъ, которая все видѣла, все знаетъ, которая танцуетъ, потому что такъ надобно, и которой всегда бываетъ ни скучно, ни весело". Этимъ отрывокъ и кончается. 3) Въ переплетѣ 56, л. 1—2, автографъ, имѣемъ небольшой черновой набросокъ (потомъ зачеркнутый карандашомъ) того мѣста изъ „*Янтины*", гдѣ друзья разговариваютъ о значеніи раутовъ. Начинается словами: „Ну что ты. тамъ дѣлаешь? добро была бы у тебя любовная интрига" и т. д. Текстъ копіи въ переплетѣ 80, л. 181—191, мы даемъ въ приложеніи.

[1]) Въ переплетѣ 80 повѣсть носитъ заглавіе: „Янтина (Изъ разсказовъ неслужащаго)". „*Записки неслужащаго человѣка*" должны были войти въ несостоявшійся „Русскій Сборникъ" (письмо Одоевскаго къ Шевыреву отъ 28 сент. 1836 г.—бумаги Шевырева въ И. П. Б.). Въ переплетѣ 20, л. 47—48, автографъ, находимъ матеріалы, относящіеся къ „Запискамъ неслужащаго": эпиграфъ изъ Ж. Сандъ (Simon, p. 70. Ed. de Brux.), планъ разсказа „Сосѣдка" (л. 47) и его начало (л. 48). Сосѣдка, по отношенію къ которой воображеніе разсказчика создало цѣлый романъ, оказалась кастратомъ (см. въ приложеніи). Значитъ, сюжетъ—чисто анекдотическій, безъ примѣси мистики. Кромѣ того, на оборотѣ л. 47 записаны еще два сюжета, можетъ быть, для той же серіи, а именно: „*Анекд.* Графа Віелгорскаго Магнетическій сонъ — (правда и то, что у моего хозяина было прекрасное вино).—*Собака*—(Рейхольд)".

[2]) Мы пользуемся текстомъ первой копіи въ переплетѣ 80, л. 181—191.

знаая устали и всегда сохраняя на лицѣ ту степень веселости, «которая позволяется порядочному человѣку». Значитъ, передъ нами, повидимому, типичный «гостиножитель», «фешенеблъ». Однако сегодня нашъ герой грустенъ, молчаливъ и безпокоенъ. Въ раздраженіи онъ принимается ругать петербургскіе рауты, противопоставляя имъ семейныя собранія москвичей. Авторъ, съ своей стороны, нападаетъ и на петербургскіе рауты и на семейные круги Москвы, но все же находитъ, что въ большомъ свѣтѣ много занимательнаго (какъ это думалъ и Гомозейко въ «Пестрыхъ сказкахъ»).—«Ты знаешь», говоритъ онъ своему собесѣднику, «въ свѣтѣ происходятъ странныя и любопытныя вещи: посвященный въ таинства гостинаго міра, который приводитъ въ безплодное отчаяніе нашихъ газетныхъ нравоописателей, я бы для забавы сводилъ мелькавшія предо мною лица, неумолимо вскрывалъ-бы ихъ анатомическимъ ножемъ, снималъ бы съ нихъ искуственную улыбку, искуственную важность, обнажалъ ихъ потаенныя помышленія, приводилъ въ уравненіе ихъ характеры, ставилъ на одну доску ихъ всегдашнія и невольно вырывающіяся слова и нечувствительно бы доходилъ до замѣчаній объ ихъ домашней жизни, объ ихъ *домашнихъ* чувствахъ. Тебѣ извѣстно въ Математикѣ нужно только нѣсколько буквъ, чтобы открыть неизвѣстное; почему знать, можетъ быть какое нибудь мимолетное вычисленіе, продолжавшееся не больше вальсоваго круга, открыло бы тебѣ завѣтныя, роковыя тайны...» (л. 184).

Въ отвѣтъ на скептическія замѣчанія собесѣдника авторъ сталъ развивать и тѣ идеи, съ точки зрѣнія которыхъ онъ освѣщалъ бы тайны гостиныхъ, то, что онъ самъ назвалъ «Апологетикой Поэзіи» [1]). Собесѣдникъ прервалъ обличительныя тирады автора: оказалось, что они вполнѣ солидарны между собою какъ въ оцѣнкѣ достоинства нашихъ нравоописательныхъ очерковъ, рождающихся подъ вліяніемъ французскихъ романовъ, такъ и въ пониманіи жизни гостиныхъ. Оживившійся собесѣдникъ горячо началъ говорить о сложности и глубинѣ души именно великосвѣтскихъ женщинъ, которыя «чисты», «цѣломудренны», «умѣютъ жить, страдать и умирать незамѣтно».

---

[1]) Эта „Апологетика Поэзіи“ подъ заглавіемъ „*Мститель*“ включена авторомъ въ „Русскія Ночи“.

Къ несчастію, женщина еще не понимаетъ своего «истиннаго значенія» и не подозрѣваетъ, какое облагораживающее вліяніе она могла бы имѣть на мужчинъ своего круга. Однажды «въ *тепличной* жизни гостиныхъ» разсказчикъ встрѣтилъ замѣчательную женщину, по имени Янтину. Въ этомъ имени сказалась «причуда прихотливаго свѣта который отрекаясь на словахъ отъ Поэзіи, на самомъ дѣлѣ по непонятному внутреннему влеченію старается окружать себя поэтическими предметами», который «ищетъ какой-то Поэзіи даже въ собственныхъ именахъ». Разсказчикъ, много разъ видавшій Янтину ранѣе, какъ-то особенно былъ пораженъ ея видомъ «въ ту минуту когда она бросилась въ кресла въ томъ лихорадочномъ состояніи, которое обыкновенно слѣдуетъ за вальсовымъ круженіемъ». Чтобы сдѣлать понятиой эту мысль, разсказчикъ распространяется на тему о значеніи танцевъ и въ частности вальса въ духѣ мистическихъ воззрѣній [1]). Вальсъ, по его мнѣнію, того же происхожденія, что круженіе дервишей: «нѣкогда ето было одно изъ средствъ, которымъ падшій человѣкъ старался возвратиться въ свою прежнюю, въ свою естественную вдохновенную жизнь». Во всякомъ случаѣ даже петербургскія дамы подъ вліяніемъ вальса обнаруживаютъ «что-то похожее на откровенное чувство, даже на Поэзію. Въ ету минуту онѣ кажется выходятъ изъ міра той честолюбивой Бухгалтеріи въ которой погрязли ихъ мужья, отцы и братья, перестаютъ раздѣлять несродныя имъ, холодныя ползущія страсти; и становятся тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть т.-е. женщинами». Можетъ быть, поэтому, прибавляетъ разказчикъ, нашъ XIX в. старается отдѣлаться отъ вальса и замѣнить его контрадансомъ.—Янтина болѣе, чѣмъ какая-либо другая дама на описываемомъ раутѣ, была способна испытать на себѣ поэтическое обаяніе вальса. Въ ней было «что-то особенное»; въ ея глазахъ «было чувство, была мысль, было ожиданіе, было что-то похожее на страсть». А рядомъ съ ней стоялъ ея мужъ, безстрастный и холодный, завзятый картежникъ. Повидимому, налицо семейная драма, какія любятъ изображать французскіе писатели: Жоржъ Сандъ, Гюго, Дюма. «Но», спѣшитъ прибавить раз-

---

1) См. выше на стр. 604, прим. 1-е и „Психологическія замѣтки“ (Современникъ, 1843, т. XXXII, стр. 86).

сказчикъ, «какъ я былъ наказанъ за мою романтическую догадку». Янтина какъ-будто нарочно подошла къ своему мужу и, казалось, съ живымъ участіемъ вступила съ нимъ въ какой-то разговоръ. «Не ужъ ли ето притворство? — не ужъ ли ето лицемѣріе? но за чѣмъ?» Этими вопросами и оканчивается то, что мы имѣемъ отъ повѣсти «Янтина».

Задумана повѣсть очень интересно. Искусная завязка, живость изложенія, яркость характеристикъ и интригующе-загадочная психологія героини — все это приковываетъ вниманіе читателя. Можно думать, что въ дальнѣйшемъ развитіи сюжета дѣло не обошлось бы безъ мистическаго налета. На это намекаютъ уже отмѣченныя нами разсужденія о вальсѣ и отрывокъ, сохранившійся въ переплетѣ 92, л. 1—4, съ заглавіемъ: «Бѣснующіеся. Янтина» (обѣщано участіе мага и чорта). Но, разумѣется, возможно, что авторъ отказался бы отъ такого плана, и мистическіе элементы если бы не совершенно вывѣтрились, то подверглись бы сильному ограниченію. Вслѣдствіе этого «Янтина» служила бы переходомъ отъ мистическихъ повѣстей къ чисто великосвѣтской беллетристикѣ.

Валкиринъ еще появится на страницахъ повѣстей Одоевскаго, но уже съ чертами раціоналиста-математика. Это будетъ уже другой Валкиринъ.

Количество мистико-фантастическихъ сюжетовъ не ограничивается разсмотрѣнными произведеніями. Въ бумагахъ Одоевскаго есть еще нѣсколько плановъ, которые относятся къ той же категоріи, но остались не разработанными [1]).

---

[1]) Назовемъ слѣдующіе. а) Въ переплетѣ 80, л. 35 об., автографъ (на томъ же листкѣ, гдѣ планъ „Сегеліеля“), съ заглавіемъ „*Взглядъ*“: Владиміръ обладаетъ „симпатическимъ свойствомъ“ притягивать къ себѣ взоры; говорится также о „гальваническомъ дѣйствіи на мертвое тѣло“. См. Приложеніе.

б) Въ переплетѣ 27, л. 22, автографъ, читаемъ:

„*Заколдованная скрипка.*

Бѣдный музыкантъ.
Молодой человѣкъ его покровитель.
Купецъ (у котораго славная скрипка).

а. Концертъ. Входитъ молодой человѣкъ“.

в) Въ переплетѣ 20, л. 20, автографъ, съ заглавіемъ: „Предметъ для Оперы. „*Чортова пѣсня*“. Авторъ хотѣлъ передать идею С. Мартена о „демонскомъ“ элементѣ въ искусствѣ: музыкантъ сочинилъ свою пѣсню въ пьяномъ видѣ, съ

Итакъ, Одоевскому принадлежитъ рядъ произведеній, которыя носятъ яркую мистическую окраску. Никто изъ современныхъ ему беллетристовъ не выразилъ мистическихъ настроеній тридцатыхъ годовъ съ такой полнотой, какъ онъ. Какъ въ двадцатыхъ годахъ именно у Одоевскаго мы найдемъ литературный типъ любомудра, такъ теперь онъ далъ намъ литературные типы мистиковъ, «безумцевъ», которые должны были населить «Домъ сумасшедшихъ».

Само собой разумѣется, характеръ мистическаго въ беллетристикѣ Одоевскаго обусловливается свойствами его философско-мистическаго идеализма. Существуютъ опредѣленныя границы, далѣе которыхъ Одоевскій не шелъ въ своей мистикѣ, и мы допустили бы серьезный промахъ, если бы настроеніе героевъ въ его мистическихъ повѣстяхъ всецѣло приписали самому автору. Одоевскій самъ предостерегаетъ насъ отъ подобной ошибки. Въ «Письмахъ къ графинѣ Е. П. Р.....й о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ чувствъ, магіи, кабалистикѣ, алхиміи и другихъ таинственныхъ наукахъ» (1839) онъ отчетливо разграничиваетъ двѣ точки зрѣнія—поэтическую и научную. Графиня проситъ у Одоевскаго какой-нибудь повѣсти да пострашнѣе. «Къ сожалѣнію, повѣсти не по моей части: это дѣло одного извѣстнаго вамъ моего пріятеля, который любитъ пугать честной народъ разными небывальщинами»,—отнѣкивается Одоевскій, намекая на Иринея Модест. Гомозейку. Въ настоящее время онъ хочетъ представить «*самый источникъ*, изъ котораго берутся страшныя повѣсти» (307). Этотъ предметъ привлекаетъ его не одной *поэтической* своей стороной, но и *научнымъ* интересомъ; въ этомъ существенная разница между нимъ и пріятелемъ: «Я хочу объяснить всѣ эти страшныя

именемъ бѣса на устахъ; оттого въ ней—„соединеніе внутренняго святаго дара Музыканта съ вліяніемъ демонскимъ“. „Свойствомъ ея дѣлается то, что она всякой благородный порывъ, всякое доброе чувство доводитъ до послѣдняго нельзя и обращаетъ въ преступленіе“. Пѣсня имѣла длинную и роковую исторію. См. въ приложеніи. — г) Неоконченный планъ безъ заглавія въ переплетѣ 30, л. 71, автографъ—о бѣдной дѣвушкѣ, которая, желая сохранить свою жизнь, чтобы быть полезной старушкѣ-благодѣтельницѣ, соглашается принять въ себя духа Азаріеля. См. приложеніе.—д) Въ переплетѣ 49, л. 118, автографъ карандашомъ, набросокъ для какого-то разсказа о чудесныхъ превращеніяхъ (статуи превращаются въ людей, картины—въ садъ, зданія и сады — въ картины, ноты сами звучатъ и т. п.).

явленія, подвести ихъ подъ общіе законы природы, содѣйствовать истребленію суевѣрныхъ страховъ, а онъ, напротивъ, старается увѣрить, что всѣ эти страшилища — сущая правда, и что намъ никогда ихъ не объяснить, не прибѣгая къ чудесному. Что будете съ нимъ дѣлать?» (308—309).

Типичная для Одоевскаго двойственность [1]).

Вводя мистическіе мотивы въ свое беллетристическое творчество, Одоевскій хотѣлъ прежде всего использовать поэтическіе моменты въ мірѣ чудеснаго, таинственнаго и внушить читателямъ болѣе глубокое пониманіе жизни, какъ великой, во многомъ еще невѣдомой людямъ загадки. Только нищіе духомъ могутъ считать жизнь простой и ясной, какъ таблица умноженія. Одоевскому было понятно мистическое міроощущеніе. Были моменты, когда онъ напрягалъ свое зрѣніе, чтобы проникнуть въ невѣдомыя сферы космической мистики, и когда онъ осязательно воспринималъ идею двоемірія [2]). Это наполняло его душу высокими, неземными помыслами.

Земныхъ не бойся сновидѣній,
Въ борьбѣ съ собой не унывай,
И таинства высокихъ наслажденій
Толпѣ безумной не ввѣряй!

Среди молитвы обновленья
Погаснутъ смертные огни;
Души заблещутъ откровенья
Въ горнилѣ вѣры и любви.

---

[1]) Въ переплетѣ 20, л. 82, автографъ (здѣсь же и оглавленіе „Пестрыхъ сказокъ"), набросана программа произведенія подъ заглавіемъ *„Пророкъ въ 19-мъ вѣкѣ"*. Повидимому, въ роли пророка долженъ былъ выступить ученый естествоиспытатель. Между прочимъ въ планѣ читаемъ: „Землетрясенія, огненный дождь — химическій разборъ лавы". Появленіе „пророка" вызываетъ толки въ публикѣ и печати.—Не лишенъ интереса замыселъ произведенія: „О необходимости основательнаго изученія Астрологіи въ наше время. (:Диссертація на степень Доктора Философіи:)" — въ переплетѣ 13, л. 51, автографъ. Имѣемъ только начало въ юмористическомъ тонѣ. Полезно, говоритъ авторъ, составлять коллекцію старыхъ дамскихъ шляпокъ, а также выраженій, „которыя попались въ толпу, выдохлись, затаскались, истерлись — но все еще существуютъ и не могутъ выйти изъ употребленія". Умный человѣкъ, „проходя мимо здѣшняго міра, обронитъ мысль наряженную въ слова", толпа подхватитъ и растащитъ на части, какъ дикари—часы европейца. Ср. аналогичную мысль выше на стр. 328.

[2]) Въ переплетѣ 53, л. 83, находимъ слѣдующія характерныя записи: „Какъ скучны люди которые всему хотятъ знать причину—Кто напишетъ мнѣ безтолковую повѣсть—".

Такъ писалъ Одоевскій въ 1840 г., выразивъ здѣсь общій подъемъ своего мистическаго настроенія [1]).

Мистическое міропониманіе расширяетъ сферу личнаго бытія и границы современнаго. Въ беллетристикѣ Одоевскаго видное мѣсто занимаетъ мотивъ—о зависимости современнаго человѣка отъ людей отдаленныхъ эпохъ. Въ чисто мистическихъ сюжетахъ онъ является въ видѣ кармы [2]). Въ реальной же трактовкѣ это—«круговая порука». Тамъ и здѣсь одна моральная идея о томъ, что каждый поступокъ, каждое слово и каждая мысль человѣка оставляютъ свои слѣдствія въ жизни его современниковъ и потомковъ. Всѣ и все находятся во взаимной зависимости, въ «круговой порукѣ». Отсюда вытекаетъ нравственная отвѣтственность людей другъ передъ другомъ.

Приближая читателя къ иному, лучшему міру, мистически постигаемому, Одоевскій ни на минуту не упускаетъ изъ своихъ глазъ земли. Какъ бы мистиченъ ни былъ его разсказъ, его сюжетъ обязательно развивается въ обычной обстановкѣ нашей земной жизни. Мистическое настроеніе не убиваетъ въ немъ бытописателя: оно опредѣляетъ лишь тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ созерцаетъ и изображаетъ дѣйствительность. Быту отводится немалое мѣсто во всѣхъ «мистическихъ» произведеніяхъ Одоевскаго. «Янтина» находится на границѣ бытовой беллетристики, къ которой мы теперь и переходимъ.

IV.

Бытовая беллетристика Одоевскаго, въ свою очередь, распадается на два отдѣла: изображеніе большого свѣта и изображеніе жизни болѣе демократическихъ низовъ. Чѣмъ ниже спускается авторъ, тѣмъ меньше находитъ онъ «поэтическихъ», идеалистическихъ элементовъ. Міръ гостиныхъ въ этомъ отношеніи сосѣдитъ съ «Домомъ сумасшедшихъ», и сами безумцы мистическихъ разсказовъ по большей части вышли изъ той же великосвѣтской среды и дѣйствуютъ въ ней. Ихъ настроеніе—критерій для оцѣнки окружающей жизни. Достаточно вспомнить разсужденія Гомозейки о гостиныхъ или

---

[1]) Переплетъ 30, л. 61, автографъ. Дата: 1840.

[2]) Ученіе о кармѣ современныхъ мистиковъ—см. въ книгѣ Руд. Штейнера „Θεοσοφία“ (Спб., 1910. Стр. 45 и слл.). Въ буддійскую карму вѣрилъ и Л. Н. Толстой.

«Апологетику Поэзіи» въ «Янтинѣ», чтобы опредѣлить ту идею, которая служитъ, такъ сказать, центральной осью почти всѣхъ бытовыхъ повѣстей Одоевскаго, изображающихъ *«домашнія дѣла»* (по его любимому выраженію) [1]. Внѣ этой идеи онъ не можетъ мыслить жизни, и, хотя онъ не разъ намѣренно подчеркиваетъ «безцѣльность» своихъ разсказовъ, но мы не найдемъ у него произведеній, гдѣ бы бытъ служилъ самодовлѣющей цѣлью, независимо отъ главной идеи, которая такъ безраздѣльно владѣла сознаніемъ автора. Одоевскій всякій разъ какъ бы спрашиваетъ себя, насколько данный фактъ удовлетворяетъ общему идеалу жизни; его преимущественно занимаетъ безъидейность прозаическаго, пошлаго, матеріальнаго существованія, отсутствіе въ немъ идеалистическихъ началъ, «поэзіи».

Во главѣ бытовой беллетристики можно, пожалуй, поставить небольшой, но въ высшей степени содержательный разсказъ: «*Новый годъ* (*Изъ записокъ лѣнивца*)» (1831). Въ немъ такъ просто и правдиво передана исторія постепенной убыли души, скрытая драма идеалиста среди пошлыхъ условій русской жизни. Эта «обыкновенная исторія» написана pro domo sua, и мы уже пользовались ею при выясненіи судьбы кружка любомудровъ [2].

Душа мельчаетъ въ борьбѣ съ грубой дѣйствительностью, утрачиваетъ и тотъ запасъ «поэзіи», которымъ она, можетъ быть, уже располагала. Въ результатѣ — искалѣченное существованіе и въ лучшемъ случаѣ тоска неудовлетворенности, «байронизмъ». Конфликтъ идеалистическихъ началъ и просто живыхъ порывовъ ума и сердца съ общественной средой становится главной темой въ бытовой беллетристикѣ Одоевскаго. До извѣстной степени это является продолженіемъ того, что было начато еще въ апологахъ и очеркахъ 20-хъ годовъ.

Сильную картину великосвѣтской жизни даетъ Одоевскій въ повѣсти «*Княжна Мими*», которая была задумана въ стилѣ «Пестрыхъ сказокъ», но осуществлена въ иныхъ тонахъ. Въ «Пестрыхъ сказкахъ» (въ «Ретортѣ») говорится о продѣлкѣ бѣсенка съ великосвѣтскимъ обществомъ, собравшимся на балъ. Точно также въ нѣкоторыхъ сценахъ «Сегеліеля» на балу появляется не только Сегеліель, уже принявшій образъ

---

[1]) См. выше стр. 656, 687, 712. Ср. о „Домашнихъ разговорахъ" у Бѣлинскаго (Венг., IX, 19).

[2]) См выше на стр. 309—310.

человѣка, но и Луциферъ, Астаротъ и другіе духи. Ихъ поступки и въ этомъ случаѣ нельзя иначе квалифицировать, какъ продѣлки съ великосвѣтскими кавалерами и дамами. Идея общенія двухъ міровъ превращается тутъ въ нѣчто мизерное и комическое. Очевидно, нельзя долгое время безнаказанно вращаться среди людей: въ ихъ пошломъ мірѣ можетъ опошлѣть и бывшій серафимъ. Такую участь авторъ готовилъ даже своему Сегеліелю.

Объ этой метаморфозѣ говоритъ намъ отрывокъ въ переплетѣ 25, л. 11—12 (автографъ). Дѣйствіе происходитъ въ подпольѣ. Эпиграфъ, взятый изъ «русской сказки», гласитъ: «Заглянемъ въ подполье—Въ подпольи черти Востроголовы...» Въ подпольѣ у нечистыхъ духовъ—форменная канцелярія [1]). Въ роли министра (ревизора)—Астаротъ. Сегеліель обычнымъ стилемъ канцелярскихъ бумагъ дѣлаетъ докладъ его превосходительству о томъ, что ему, Сегеліелю, никакъ не удается заставить баронессу Марію (ранѣе и въ другомъ мѣстѣ—Елизу) измѣнить своему мужу, вслѣдствіе чего онъ проситъ «отъ нея отставки». Астаротъ съ негодованіемъ набрасывается на Сегеліеля, упрекаетъ его въ нерадѣніи по службѣ, отказывается донести о его неудачѣ «Министерству (ранѣе—Луциферу)» и категорически объявляетъ Сегеліелю: «если Г-жа Елиза въ самоскорѣйшемъ времени не будетъ представлена въ адъ—вы подвергнетесь жесточайшему взысканію». Сегеліель пробуетъ оправдываться, но Астаротъ не принимаетъ его резоновъ. Эта неоконченная сцена названа «*Прологомъ*» [2]).

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это первый варіантъ пролога къ повѣсти «*Княжна Мими*», гдѣ, дѣйствительно, выступаетъ добродѣтельная баронесса Элиза Дауерталь.

Въ бумагахъ Одоевскаго сохранился второй «Прологъ» къ той же повѣсти (съ тѣмъ же эпиграфомъ изъ Кирши Дани-

---

[1]) Примѣръ бюрократизаціи демонскаго царства подалъ самъ Пордэчъ въ „Трактатцѣ первомъ". Тоже у Фридриха Максимиліана Клингера въ его произведеніи „Жизнь, дѣянія и гибель Фауста" (Переводъ со вступительной статьей и примѣчаніями А. Лютера. Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1913. Стр. 77 и слѣд.). Еще въ „Мнемозинѣ" (ч. III) была напечатана „повѣсть изъ Макіавеля—съ Итальянскаго" подъ заглавіемъ „Вельфегоръ". Здѣсь адъ также изображается, какъ своего рода департаментъ, и Бельфегоръ, „одинъ изъ падшихъ духовъ", командируется на землю, чтобы на собственномъ опытѣ убѣдиться, насколько правы мужья въ своихъ жалобахъ на женъ.

[2]) См. въ приложеніи.

лова о чертяхъ въ подпольѣ). Дѣйствіе происходитъ въ подземельѣ одного дома, гдѣ «жило очень почтенное семейство чертей и занималось изящными искусствами: отецъ пускалъ мыльные пузыри, мать сплетничала, сынъ съ тщаніемъ игралъ въ преферансъ, а дочь съ большимъ выраженіемъ пѣла: Di tanti palpiti» [1]). Словомъ, родители живутъ не хуже старцевъ-младенцевъ (изъ нихъ нѣкоторые вѣдь тоже пускаютъ мыльные пузыри), а дѣти остались на уровнѣ людей съ весьма нетребовательными вкусами. Какъ бы то ни было, семейство было «благовоспитанное». Оно съ осужденіемъ отнеслось къ своему гостю, бѣсу «очень дурного тона»—«какъ будто сейчасъ выскочилъ изъ какой нибудь Русской повѣсти». Дѣлая зло, этотъ чертъ, въ противность чертямъ XIX в., не соблюдалъ приличій и чаще всего руководился расчетомъ; свои превратныя понятія о жизни людей онъ почерпаетъ изъ русскихъ романовъ и повѣстей. Хозяинъ совѣтуетъ ему самому заглянуть въ гостиную. Бѣда однако въ томъ, что такихъ необразованныхъ чертей въ гостиную не пускаютъ. Дочка хозяйки тоже стала просить отца показать ей, наконецъ, гостиную. Такъ какъ, по свѣдѣніямъ гостя, княжна Мими, дочь хозяйки дома, должна нынѣшнюю ночь скоропостижно умереть отъ любви, то для чертей опоражнивалось нужное человѣческое тѣло, и все семейство, а за нимъ и невѣжливый бѣсъ, поднялось сквозь полъ въ спальню княжны и, какъ только она испустила послѣдній вздохъ, засѣли въ ея тѣло.

«На другой день Княжна жаловалась на мигрень и всѣ замѣтили ея дурное расположеніе духа». Этимъ кончается второй «Прологъ» [2]).

Ни тою, ни другою редакціей пролога Одоевскій однако не воспользовался для печати. Ихъ фантастика въ стилѣ «Пестрыхъ сказокъ", память о которыхъ въ 1834 г. была еще такъ свѣжа, была въ сущности ненужной. Это, очевидно, почувствовалъ самъ авторъ и обработалъ повѣсть «Княжна Мими» въ совершенно реалистическомъ духѣ. Существенный фактъ въ исторіи его творчества.

---

[1]) Переплетъ 4, л. 61, автографъ. Di tanti palpiti постоянно фигурируетъ у Одоевскаго, какъ образецъ безвкусія.

[2]) Текстъ „Пролога" см. въ приложеніи. Въ одной сценѣ „Сегеліеля" также разсказывается, что Астаротъ поселился въ мертвомъ тѣлѣ баронессы.

«Княжна Мими» (1834) одинъ изъ лучшихъ бытовыхъ разсказовъ Одоевскаго [1]). Несмотря на нѣкоторый схематизмъ психологическаго анализа, повѣсть производитъ даже сильное впечатлѣніе. Правдиво и безпощадно разоблачаетъ Одоевскій тайны круглаго стола въ гостиной княгини. Эта «добрая, благоразумная и благотворительная дама во всѣхъ отношеніяхъ», пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ, не хуже какой-нибудь Хлестовой (въ «Горѣ отъ ума») ропщетъ на просвѣщеніе (316). Общество княгини, какъ и слѣдовало ожидать, чопорное и бездушное; оно оживляется лишь тогда, «когда дѣло дойдетъ до креста, до чина, до свадьбы, до какой-нибудь домашней тайны или до того, что они выжали изъ своего сухаго мозга подъ именемъ приличія» (335) [2]). Въ ея гостиной собиралась самая пестрая компанія. «Тутъ были и тѣ лица, которымъ самъ Грибоѣдовъ не могъ пріискать другаго характеристическаго имени, какъ г-нъ N. и г-нъ Д.» (311—312). Былъ тутъ и графъ Сквирскій, человѣкъ типа Загорѣцкаго. Цѣлый день онъ занятъ: ему нужно то поздравить кого-нибудь съ именинами, то «купить узоръ для княжны Зизи», то «сыскать собаку для княжны Биби» и т. п. и т. п. (310). Сквирскій защищаетъ просвѣщеніе, но потому, что оно открываетъ дорогу молодымъ людямъ, дѣлающимъ карьеру. Онъ любитъ ораторствовать о нравственности, а самъ вконецъ разорилъ опекаемыхъ имъ племянниковъ. И такого человѣка общество охотно принимаетъ, не находя въ немъ ничего «безнравственнаго».

---

[1]) Собраніе сочиненій, т. II (въ серіи „Домашнихъ разговоровъ").—Въ первый разъ была напечатана въ Библ. для Чтенія, 1834 г., т. VII, кн. 1.—Въ переплетѣ 20, л. 55, автографъ, находимъ перечень дѣйствующихъ лицъ „Княжны Мими" (заглавія нѣтъ; въ составѣ д. лицъ есть отличія) и начало сцены бала, но не въ повѣствовательной формѣ (какъ на стр. 287 печатнаго текста), а въ драматической. На поляхъ подрядъ написаны болѣе 20 фамилій, которыя должны были носить дѣйствующія лица разныхъ произведеній. (Такіе списки встрѣчаются у Одоевскаго не разъ). Изъ нихъ три—Границкій, Сквирскій и Рифейскій—использованы и въ „Княжнѣ Мими". См. приложеніе.—Въ переплетѣ 4, л. 63 об. автографъ, находимъ только названіе I главы „Княжны Мими" („Балъ") и ея французскій эпиграфъ. Въ „Отрывкахъ изъ журнала Маши" (въ сказкахъ дѣдушки Иринея) встрѣчается графиня Мими.

[2]) Въ переплетѣ 55, л. 109, автографъ, находимъ слѣдующую небезынтересную замѣтку: „*Самоваръ*—Вонючій алтарь за которымъ прилежно молятся богу коварства, лицемѣрія, притворства и егоизма".

Но въ томъ же кругу дружно возстаютъ противъ «безнравственности» человѣка, который дастъ волю уму и сердцу, протянетъ руку къ жертвѣ свѣтскихъ предразсудковъ или откажется принимать каждаго встрѣчнаго и поперечнаго (318).

Сквирскій и подобные ему люди—«судьи всему». Они составляютъ какое то безымянное общество, «нравственное сословіе», которое судитъ всѣхъ и вся, «судитъ на жизнь и смерть, и никогда не перемѣняетъ своихъ приговоровъ, если бы они и были противны разсудку» (290). Душою этого общества была старая дѣва, княжна Мими, невѣжественная, надменная и злая сплетница. Прежде чѣмъ осудить Мими, авторъ внимательно и сочувственно вскрылъ тѣ общественныя условія, которыя создаютъ у насъ старыхъ дѣвъ подобнаго типа. «Развращенные нравы нашего общества» ставятъ дѣвушкѣ единственную цѣль —замужество. Къ этому готовятъ ее съ самыхъ малыхъ лѣтъ; объ этомъ заставляютъ ее молиться Богу. «Это предѣлъ и начало ея жизни. Это самая жизнь ея». Естественно, что дѣвушка во всякой женщинѣ готова видѣть личнаго врага, а мужчины расцѣниваются по степени *«удобоженимости»* («Плачьте и проклинайте, — но не бѣдную дѣвушку» (304). А если дѣвушка почему-либо позамедлитъ выходомъ замужъ, на нее обрушивается столько оскорбленій, уничиженій, что ей трудно не превратиться въ «старую дѣву», озлобленную и коварную (293). Это и произошло съ Мими. Она питала «врожденное отвращеніе къ печатнымъ литерамъ, къ искусству, ко всему, что называется чувствомъ въ сей жизни, и вся обратилась въ злобное, завистливое наблюденіе за другими» (293—294).

Жертвой Мими явились три молодыхъ симпатичныхъ существа: Границкій, графиня Лидія Рифейская и баронесса Элиза Дауерталь. Сплетня, какъ извѣстно, играетъ немалую роль въ ходѣ дѣйствія «Горя отъ ума». Одоевскій дѣлаетъ психологическій анализъ слуховъ и сплетенъ, видя здѣсь наличность особаго *«магнетизма*, производящаго въ толпѣ сильное убѣжденіе почти безъ всякой видимой причины» (333—4). Сплетня доходитъ до родственниковъ баронессы. Братъ ея мужа, молодой офицеръ, вызываетъ Границкаго на дуэль. Несмотря на то, что молодой баронъ успѣлъ убѣдиться въ необоснованности вызова, дуэль состоялась, и Границкій

былъ убитъ. Сплетня продолжала дѣлать свое дѣло: она свела въ могилу и невинную баронессу. Молодой баронъ и двое секундантовъ были сосланы и такимъ образомъ оторваны отъ свѣтской жизни, «которая одна могла быть для нихъ счастіемъ» (353). Графиня Рифейская осталась вдовою, но возлѣ нея уже не было любимаго и любящаго человѣка (Границкаго). Словомъ, вокругъ образовалась унылая пустыня. А кн. Мими съ спокойной совѣстью продолжаетъ играть въ карты и попрежнему изрекаетъ нравственный судъ надъ людьми.

«Есть поступки», говоритъ авторъ въ заключеніе, выражая свою задушевную идею (354), «которые преслѣдуются обществомъ: погибаютъ виновные, погибаютъ невинные. Есть люди, которые полными руками сѣютъ бѣдствіе, въ душахъ высокихъ и нѣжныхъ возбуждаютъ отвращеніе къ человѣчеству, словомъ, торжественно подпиливаютъ основанія общества, и общество согрѣваетъ ихъ въ груди своей, какъ безсмысленное солнце, которое равнодушно всходитъ и надъ криками битвы, и надъ молитвою мудраго».

Княжна Мими, съ сознаніемъ своей правоты совершившая въ сущности рядъ тяжкихъ преступленій, служитъ печальнымъ примѣромъ того, во что превращается человѣкъ, убившій въ себѣ поэтическую стихію. Здѣсь—корень зла. Порою даже старая княгиня испытываетъ «невольную тоску», «какое-то отвращеніе къ жизни»; словомъ, и ей не чуждъ «этотъ маленькій байронизмъ» (306). Но въ княгинѣ и въ окружающихъ ее людяхъ эта потребность души почти атрофирована. Въ «ледяномъ обществѣ» заснула совѣсть, умерла поэзія. Молодой баронъ, вызвавшій Границкаго на дуэль, обладалъ отъ природы благородной, пылкой и доброй душой, но всѣ эти хорошіе задатки загубило въ немъ «преступное воспитаніе гнилаго и раздушеннаго вѣка» (337). Баронъ былъ воспитанъ по системѣ раціонализма и утилитаризма, по системѣ, въ которой «помѣстились эпиграмма Вольтера, анекдотъ, разсказанный бабушкою, смѣхъ изъ Парни, нравственно-ариѳметическая фраза Бентама, насмѣшливое воспоминаніе о примѣрѣ для прописи, газетная статья, кровавое слово Наполеона, законъ о карточной чести, и прочее тому подобное, чѣмъ до сихъ поръ пробавляются старые и молодые воспитанники XVIII столѣтія» (337). Оттого молодой Дауерталь такъ легко рѣшился на дуэль и упорно шелъ до конца.

Дуэль (какъ и война) въ глазахъ Одоевскаго — одно изъ самыхъ вопіющихъ проявленій общественнаго одичанія. Такой мотивъ составляетъ содержаніе особаго разсказа «*Свидѣтель*» (1839) [1]. Этотъ небольшой, но прочувствованный разсказъ долженъ былъ получить особое значеніе послѣ недавняго трагическаго событія — смерти Пушкина, погибшаго на дуэли (въ 1837 г.) Ростиславъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, принужденъ былъ взять на себя роль свидѣтеля во время дуэли брата Вячеслава съ Вецкимъ. Искусно набросанъ портретъ «фрачника» Вецкаго: физически онъ казался такимъ тщедушнымъ и слабымъ, но, подъ вліяніемъ полученнаго оскорбленія, обнаружилъ сильную волю и непреклонное самолюбіе. Вецкій — принципіальный противникъ дуэлей, но «предразсудки общества» требовали поединка, и онъ вызвалъ Вячеслава. Вячеславъ былъ убитъ. Ростиславъ уходитъ въ монастырь.

Трогательный по сюжету разсказъ открывается торжественнымъ аккордомъ. Путникъ съ восторгомъ цѣлуетъ родную землю и умиленно слушаетъ звонъ русскаго православнаго колокола на монастырской колокольнѣ. Онъ входитъ въ храмъ, гдѣ только что отошла всенощная. «Его видъ наводилъ тѣ мысли, которыя исчезаютъ среди толпы, въ жизни мятежной, которыхъ не можетъ уловить слово, но которыя такъ внятно говорятъ сердцу» (6). Тамъ, въ храмѣ, путешественникъ находитъ кающагося Ростислава.

«Свидѣтель» дополняетъ впечатлѣніе, которое оставляетъ въ насъ разсказъ о дуэли Границкаго въ «Кн. Мими» [2].

«Княжна Мими» охотно читалась въ обществѣ [3]) и обратила на себя вниманіе критики.

---

1) Собраніе сочиненій, ч. III, въ серіи „Разсказы путешественника“; посвящается А. И. Кошелеву. Первоначально былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“ за 1839 г, т. VII. Въ письмѣ отъ 21 дек. 1838 г. Полевой выражаетъ надежду получить эту „статейку“. Р. Ст. 1904, іюль, стр. 159.

2) Бѣлинскій, къ удивленію, находилъ разсказъ „Свидѣтель“ „вялымъ и скучнымъ“ (Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, 265).

3) Мать кн. Одоевскаго, Е. А. Сѣченова, пишетъ ему въ постскриптумѣ (въ бумагахъ 1869 г, письмо безъ даты): „Прости забыла, при случаѣ пришли мнѣ еще Княжну *Мими* у меня ее затаскали я еще прочла ее и подарила доброму человѣку—но я собираю твоихъ сочиненій пришли пожалуй. P: S:“—Но В. П.

Весьма лестный отзывъ далъ Я. М. Невѣровъ [1]). «Кн. Мими» онъ относитъ къ числу выдающихся произведенiй послѣдняго времени.—«Это произведенiе глубокое, написанное съ отличнымъ знанiемъ свѣта, съ умѣньемъ анатомировать его». Тема «развита художнически: всѣ характеры въ ней оригинальны, вѣрны своему предназначенiю, дѣйствiе занимательно, разсказъ живъ, прекрасенъ—это языкъ лучшаго общества, языкъ, какимъ онъ будетъ говорить, если захочетъ оставить употребляемые имъ иностранные языки».

Высоко ставилъ «Кн. Мими» и Бѣлинскiй. Еще въ «Литературныхъ мечтанiяхъ» (1834) [2]) критикъ, разсуждая о народности въ литературѣ, сослался на «прекрасную повѣсть *Безгласнаго*: Княжна Мими», которая «не множко мѣлка и вяла», но именно потому, что такова сама жизнь: «въ сей повѣсти онъ народенъ въ высочайшей степени». Черезъ десять лѣтъ Бѣлинскiй не измѣнилъ своей оцѣнки. «Превосходный разсказъ, простота и естественность завязки и развязки, выдержанность характеровъ, знанiе свѣта—дѣлаютъ «Княжну Мими» одною изъ лучшихъ русскихъ повѣстей» [3]).

Княжна Мими—отрицательный типъ старой дѣвы. Но мы видѣли, что авторъ главную отвѣтственность возлагаетъ не на личность, а на общественную среду. Желая какъ бы парализовать возможность превратныхъ взглядовъ на старую дѣву, Одоевскiй рядомъ съ озлобленной сплетницей Мими рисуетъ намъ княжну Зизи, тоже старую дѣву, но любящую и самоотверженную натуру.

Повѣсть «*Княжна Зизи*» (1839) [4]) служитъ своего рода коррективомъ къ «Княжнѣ Мими», какъ въ «Пестрыхъ сказкахъ»

Титовъ остался не совсѣмъ доволенъ (письмо изъ Москвы отъ 24 ноября, безъ года; въ бумагахъ 1869 г.): „Твоя Княжна Мими мнѣ понравилась бы совершенно, если бы въ ней по менѣе было сплину“.

[1]) Я. Невѣровъ. Обозрѣнiе русскихъ газетъ и журналовъ по части изящной словесности. Ж. М. Н. Пр. 1835, iюль. Перепечатано въ Лит. Приб. къ Р. Инв. 1835, № 73—76 (отзывъ о „Кн. Мими“—въ № 74, стр. 590).

[2]) Полное собранiе сочиненiй, подъ ред. С. А. Венгерова. Т. I, 384.

[3]) Ibid, IX, 17.

[4]) Предназначавшаяся первоначально для „Русскаго Сборника“ (бумаги Шевырева въ И. П. Б, письмо Одоевскаго отъ 28 сент. 1836 г.),—повѣсть была напечатана въ „От. Зап.“ 1839, т. I, отд. III, 3—70, подъ заглавiемъ: „Княжна Зизи (Домашнiе разговоры). (Посв. Е. А. С—ъ)“. Подпись. *Кн. В. Одоев-*

сказка объ очнувшейся куклѣ вноситъ поправку въ сказку о дѣвушкахъ на Невскомъ проспектѣ.

«Княжна Зизи» едва ли не лучшій разсказъ во всей серіи «Домашнихъ разговоровъ». Женскій вопросъ, затронутый уже въ «Княжнѣ Мими», получилъ здѣсь новую постановку.

Интересъ разсказа главнымъ образомъ сосредоточивается на личности и судьбѣ Зизи, княжны Зинаиды. Ея имя опять заставляетъ вспомнить о «Горѣ отъ ума». Да и самъ разсказчикъ, услыхавши это имя, говоритъ (II, 359): «Оно напомнило мнѣ неподражаемаго Грибоѣдова, заставило подумать, какъ безполезны ваши, гг. сочинители, насмѣшки надъ страннымъ обычаемъ коверкать имена» [1]). Но княжна Зизи у Одоевскаго—совсѣмъ иной типъ, чѣмъ у Грибоѣдова.

Княжна Зизи воспиталась на русской литературѣ и особенно любила Жуковскаго и Пушкина. «Нечувствительно чтеніемъ расширился кругъ ея понятій, твердѣлъ ея умъ и крѣпло сердце» (403). Новыя мысли поднимались изъ глубины ея души; новыя чувства волновали ея сердце и «наводили магическій свѣтъ на все, ее окружавшее» (ib.). Въ ней зарождается «могучая гордость, эта сила и болѣзнь человѣка»: ей хочется выйти изъ тѣснаго круга; «она мечтаетъ быть супругою, матерью, хочетъ жить, дѣйствовать» (ib.).

Дѣятельность, къ которой стремится Зизи, не носитъ еще общественнаго характера. Объ этомъ не мечтаетъ для женщины и самъ авторъ. «Слова женщины», взятыя какъ эпиграфъ къ повѣсти, гласятъ (355): «Иногда въ домашнемъ кругу нужно больше героизма, нежели на самомъ блистательномъ поприщѣ

скій. Потомъ съ тѣмъ же посвященіемъ Е. А. Сухозанетъ включена во II ч. собранія сочиненій. Программа повѣсти въ переплетѣ 20, л. 102 об.—103 об., автографъ. См. приложеніе. Оригиналъ находится въ переплетѣ 24 и представляетъ нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста. Рукопись оказалась въ разныхъ мѣстахъ переплета. А именно: эпиграфъ (= 355 стр. печатнаго) — на л. 78 об.; л. 33—40 = стр. 355—360 печатнаго (до словъ: „Очень бы хорошо *сдѣлала—замѣтила тетушка*“); л. 63—78 = стр. 360—370 (до словъ: „Она какъ ни въ чемъ не бывало! Ей“); л. 109 — 110 (большею частію въ копіи) = стр. 370—1 + 375—6 (до словъ: „что на меня возложено званіе матери“). Так. обр. рукописный текстъ относится не ко всей повѣсти.

[1]) Между прочимъ Евпраксію Николаевну Вульфъ также звали Зизи (Пушкинъ, ред. Ефремова, IV, 137).

жизни. Домашній кругъ—для женщины поле чести и святыхъ подвиговъ. Зачѣмъ немногія это понимаютъ?..»

Княжна Зизи и совершаетъ эти «святые подвиги» въ домашнемъ кругу.

Любовь къ мужу сестры, Вл. Лукьян. Городкову, создаетъ для нея почти такое же положеніе, какъ для Анфисы Л. Андреева; она мучительно борется съ своимъ чувствомъ и не только побѣждаетъ его, но находитъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы начать судебный процессъ противъ мошенника Городкова, и взять подъ свою опеку осиротѣвшую племянницу.

Въ гостиныхъ никакъ не могли понять поведенія Зизи и приписывали ей самыя эгоистическія стремленія. Разсказчикъ же вмѣстѣ съ авторомъ видитъ въ ней «необыкновенную женщину, которая въ маломъ семейномъ кругѣ умѣла показать болѣе благородства и твердости души, нежели многіе мужчины на поприщахъ болѣе возвышенныхъ» (431—2).

Трезвый идеализмъ выгодно отличаетъ Зизи отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Она выше и сентиментализма въ духѣ m-me Жанлисъ (362) и того мечтательнаго романтизма, который былъ свойственъ Радецкому. Его «слишкомъ романическій характеръ» Зизи, правда, не безъ вліянія Городкова, находила смѣшнымъ (380), называла его «размазней» (ib.) и разъ прямо сказала ему (384): «я знаю, теперь въ модѣ у молодыхъ людей играть роль страдальцевъ, твердить объ увядшей молодости, о потерянныхъ надеждахъ; вы не можете себѣ представить, какъ все это смѣшно». Въ раздраженіи она назвала Радецкаго даже «Чайльдъ-Гарольдъ manqué» (397) [1].

Одоевскій рекомендуетъ различать истинный и поверхностный романтизмъ. Слова *Байрона* о ненависти къ жизни, о презрѣніи къ людямъ поражаютъ насъ, но тѣ же слова пошлы въ устахъ «какого-нибудь журнальнаго риемотворца». Книга *Сильвіо-Пеллико*, повидимому, наполнена всѣмъ извѣстными мыслями, но ее «нельзя читать безъ особеннаго чувства». «Что̀ можетъ быть выше мысли, заключающейся въ сихъ словахъ «для истины я готовъ пожертвовать жизнію»? И что̀ можетъ

[1]) Между прочимъ въ повѣсти есть ироническій намекъ на архивныхъ юношей (360).

быть смѣшнѣе этого выраженія, когда оно встрѣчается въ нашихъ газетныхъ нравоописательныхъ статейкахъ?» (400). Авторъ не прочь взять подъ свою защиту и «романтическую школу, которая тогда журналистамъ служила мишенью для холостыхъ зарядовъ, какъ нынѣ искренность, благородство, безкорыстіе и прочее, тому подобное» (399). Хороши всѣ формы идеализма, если они глубоки и искренни.

Носителемъ житейскаго благоразумія, переходящаго въ низкій карьеризмъ и подлость, служитъ parvenu Городковъ. Классикъ по своимъ литературнымъ симпатіямъ (390, 373, 382), Молчалинъ въ великосвѣтскомъ кругу (389),—Городковъ—ловкій дѣлецъ, для котораго одинъ кумиръ—деньги.

Другимъ представителемъ практицизма, но въ болѣе тонкой формѣ, является самъ разсказчикъ. Нѣкогда идеалистъ и элегическій поэтъ, онъ измѣнилъ принципамъ своей юности ради матеріальныхъ благъ; онъ принадлежалъ «къ новой породѣ фешёнеблей-индустріялистовъ» (356) и болѣе всего интересовался игрой на биржѣ. Только временами сбрасываетъ онъ съ себя «промышленную, разсчетливую оболочку», и тогда обнаруживается, что у него есть и душа и сердце, и что биржа сочеталась у него съ своеобразнымъ байронизмомъ (356)[1].

Богатая содержаніемъ, повѣсть «Княжна Зизи» обладаетъ немалыми литературными достоинствами [2]). Пушкинъ называлъ ее «славной вещью» и находилъ въ ней «болѣе истины и занимательности», нежели въ «Сильфидѣ» [3]).

---

[1]) Благотворное дѣйствіе въ этомъ смыслѣ между прочимъ производитъ на него *вино*. „Вино - великое дѣло; это единственная поэтическая сторона нашего вѣка", говоритъ трезвый Одоевскій (358). Гомеопаты считаютъ его вреднымъ въ физическомъ отношеніи, но оно необходимо въ нравственномъ. „Отнимите у насъ вино—мы будемъ хуже Китайцевъ и Американцевъ" (358). Ту же мысль высказалъ Одоевскій и въ „Свидѣтелѣ" (III, 13).

[2]) Психологія Зизи потребовала отъ автора большого искусства, особенно когда приходилось изображать моменты страсти. Мало мотивированной и неестественной кажется намъ быстрая и безповоротная перемѣна Зизи по полученіи письма изъ Казани, компрометтирующаго Городкова (416—419); а еще болѣе неправдоподобнымъ является прозрѣніе глупой и легкомысленной Лидіи (413—414). Много искусственнаго въ моментѣ смерти Городкова, которая понадобилась автору, чтобы развязать узелъ дѣйствія.

[3]) Переписка, подъ редакціей В. И. Саитова, т. III, стр. 397. См. выше на стр. 690, прим. 1-е.

«Княжна Зизи» кн. Одоевскаго», писалъ Бѣлинскій [1]), «читается съ наслажденіемъ, хотя и не принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ его пера». Онъ находилъ даже извѣстную невыдержанность въ характерахъ княжны и Городкова. Въ 1844 г. Бѣлинскій ставитъ «Княжну Зизи» ниже «Княжны Мими», «что однакожъ», прибавляетъ онъ, «не мѣшаетъ и ей быть интересною и занимательною» [2]).

Тотъ практицизмъ, который такъ отталкиваетъ въ Городковѣ, въ свѣтскихъ людяхъ иногда принимаетъ облагороженную форму т. н. индустріализма, на англійскій манеръ. Въ статьѣ «Англоманія» и примыкающихъ къ ней замѣткахъ Одоевскій далъ полную оцѣнку англійской культуры, особенно ея просвѣщенія. Въ самой непосредственной связи съ этими мыслями объ Англіи задумана повѣсть «*Черная перчатка*» [3]). Это, такъ сказать, беллетристическая иллюстрація къ «Англоманіи», литературный экспериментъ надъ достоинствомъ англійскихъ стихій, произведенный въ условіяхъ русской жизни.

Психологическая сторона сюжета основана на хорошо намъ знакомой идеѣ Одоевскаго о важности поэзіи и ирраціональныхъ движеній души. Воспитаніе, «систематическое, на *практическихъ* правилахъ основанное», быстро обнаруживаетъ свою несостоятельность, такъ какъ оно не покрываетъ всѣхъ запросовъ души и не въ состояніи предусмотрѣть возможныхъ отклоненій человѣческой психики.

---

1) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, 276—277.

2) Ibid., т. IX, стр 17

3) „*Черная перчатка*" первоначально была напечатана въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." на 1838 годъ, № 1, стр. 1—5 и № 2, стр. 21—26, съ посвященіемъ Юл. Мих. К—й. Подъ произведеніемъ стояла подпись: „*К. В. О.*" и дата „*1835*". Перепечатанная во II ч. собранія сочиненій, въ серіи „Домашнихъ разговоровъ", повѣсть помѣчена уже 1838 г. (т.-е. годомъ напечатанія); въ посвященіи имя дамы названо полностью: „Посв. Юл. Мих. Дюгамель (Козловской)".— Ко времени печатанія „Черной перчатки" относятся слѣдующія записки Краевскаго (въ бумагахъ 1869 г.). Изъ письма отъ 30 мая (1837 г.): „Да благословитъ Богъ продолженіе *Черной Перчатки* и *Живописца*. О первой не хлопочите, что якобы она велика: упрячемъ". 19 декабря: „Пришлите же, пожалуйста, *Черную Перчатку*: очень, очень нужна мнѣ она теперь; ею начнется первый нумеръ, и слѣдов. мнѣ завтра же нужно установить по ней шрифтъ и размѣръ строкъ для новаго формата Лит. Приб.". Въ запискѣ безъ даты: „Пришлите, пожалуйста, теперь же *Черную Перчатку*"

Акинеій Вас. Езерскій—типъ русскаго англомана и бентамита. Хорошей стороной его англоманіи является то, что онъ завелъ усовершенствованное хозяйство и, «на зло безграмотнымъ сосѣдямъ, безграмотнымъ повѣстямъ и комедіямъ, удесятерилъ свои доходы» (19). Но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ «онъ перенесъ къ себѣ отростки этого сухаго методизма, который болѣе или менѣе отзывается во всей англійской жизни и убиваетъ въ ней всякую поэзію». «Въ торопяхъ, онъ прочелъ Бентама, и мысль о *пользѣ* была ослѣпительнымъ солнцёмъ для Езерскаго; она навела темныя пятна на его собственныя мысли; человѣкъ показался ему машиною, которая тогда только счастлива, когда дѣйствуетъ въ урочные часы и для извѣстной цѣли; поэзія ему показалась вздоромъ, воображеніе—демономъ, котораго надобно избѣгать; всякій неразсчитанный порывъ сердца—едва ли не прегрѣшеніемъ» (19—20).

Къ «бентамову индустріялизму» присоединилось вліяніе старыхъ англійскихъ писателей, особенно Томсона и Палея [1]). «Четыре времени года» Томсона навели его на мысль о красотѣ природы; онъ восхищался природой и все въ ней находилъ совершенствомъ. Езерскій нерѣдко толковалъ о необходимости жить «сообразно природѣ» и самую смерть считалъ «необходимымъ и благодѣтельнымъ закономъ природы» (27—28). Естественно, что Акинеій Васильевичъ ненавидѣлъ Байрона, «потому что Байронъ проклялъ Англію, которая для Акинеія Васильевича, вмѣстѣ съ его системою, была образцомъ совершенства» (20). Словомъ, личность Езерскаго представлена въ томъ свѣтѣ, въ какомъ изображена любимая имъ страна въ статьѣ Одоевскаго «Англоманія».

Строго по своей системѣ Езерскій воспитываетъ графа Владимира и графиню Марію; онъ былъ ихъ общимъ опекуномъ, и молодые люди росли вмѣстѣ. Только за мѣсяцъ до брака воспитатель позволилъ имъ прочесть «Кларису Гарло» Ричардсона. Можно было залюбоваться молодой парочкой: «въ нихъ обоихъ было нѣчто неизъяснимо-невинное, неизъяснимо-ребяческое», но чувствовалось, что «въ эти прекрасныя созданія уже положено сѣмя той нравственной ариѳметики, надъ которою такъ горько плакалъ Байронъ» (22). Езерскій сочеталъ Вла-

[1]) О Палеѣ —см. выше на стр. 580.

димира и Марію бракомъ. Казалось, они созданы были другъ для друга. «равно молоды, равно полны жизни, равно прекрасны собою, оба хорошей фамиліи и, чудная вещь! оба равно богаты» (17). Опекунъ позаботился составить для нихъ подробный планъ жизни. Но экспериментъ бентамита не удался. Мало того, что воспитатель не предугадалъ склонностей Владимира и Маріи; не развилъ въ нихъ запросовъ высшаго порядка и тѣмъ лишилъ ихъ жизнь духовнаго содержанія; онъ самъ же первый положилъ начало ихъ несчастью своимъ испытаніемъ посредствомъ черной перчатки (позаимствовавъ эту выдумку изъ романа В. Скотта «Редгонтлетъ».) Ирраціональная и поэтическая стихіи души заговорили въ молодыхъ людяхъ, потребовали удовлетворенія и, такъ какъ Езерскій исковеркалъ ихъ психику и создалъ для нихъ искусственныя условія существованія, то отъ мнимаго счастья не осталось и слѣда. Жизнь ихъ пошла «наизнанку» и была совершенно разбита, къ ужасу все еще недоумѣвавшаго Акинѳія Васильевича.

Неудача Езерскаго служитъ предвѣстницей тѣхъ великихъ несчастій, которыя переживутъ бентамиты, обитатели «Города безъ имени» (въ «Русскихъ Ночахъ»).

Одоевскій привѣтствуетъ сельскохозяйственное новаторство Езерскаго; онъ самъ мечтаетъ о томъ «блаженномъ времени, когда Россію пересѣкутъ во всѣхъ направленіяхъ желѣзныя дороги, чего съ нетерпѣніемъ ожидалъ не одинъ Акинѳій Васильевичъ, несмотря на мудрыя толкованія нѣкоторыхъ философовъ, которые воображаютъ, что съ желѣзными дорогами истребится столь смиренный и трудолюбивый классъ ямщиковъ» (29). Но своей «Черной перчаткой» онъ напоминаетъ читателямъ, что человѣкъ не машина, функціи которой точно урегулированы разсудкомъ и направляются къ одной неизмѣнной цѣли—къ пользѣ, что, наоборотъ, у человѣка есть еще воображеніе, сердце, есть стремленіе къ поэзіи и счастью неутилитарному.

Среди дѣйствующихъ лицъ «Черной перчатки» обращаетъ на себя вниманіе еще *Викторъ Воротынскій*, которымъ увлеклась Марія, не удовлетворенная своимъ мужемъ. Это—молодой человѣкъ печоринскаго типа, русскій байронистъ. Его портретъ, удачно нарисованный авторомъ, достоинъ занять мѣсто рядомъ съ «Героемъ нашего времени». Таинственнымъ не-

знакомцемъ предсталъ Воротынскій передъ графиней Маріой, въ своихъ черныхъ перчаткахъ и съ загадочными словами, что онъ носитъ трауръ по самомъ себѣ. Черные кудрявые волосы обрамляли его блѣдное, холодное лицо, съ безжизненными чертами; «лишь иногда какой-то минутный огонь сверкалъ въ его глазахъ и потухалъ въ ту же минуту» (44). Онъ умѣлъ смѣяться не улыбаясь и плакать безъ слезъ. «Ни одно чувство не выходило у него наружу, ни одно движеніе не измѣняло непонятной тайнѣ души его» (43). Искусно, «словомъ недоговореннымъ», «мыслью необъясненною», раскрылъ онъ передъ графиней тревоги своей одинокой души,—разсказалъ ей «*о несчастіи быть счастливымъ*», и о «тѣхъ тайныхъ, необъяснимыхъ несчастіяхъ, которыя тяготятъ душу человѣка съ умомъ и чувствомъ, какъ, напримѣръ: несчастіе слушать хорошую музыку, несчастіе смотрѣть на хорошую картину, несчастіе читать хорошіе стихи, вообще несчастіе жить» (45).

Для Одоевскаго Воротынскій человѣкъ другого поколѣнія, много въ его настроеніи чуждо ему; но все же онъ понимаетъ его и объективно изображаетъ его переживанія. Увлеченіе Маріи Воротынскимъ мотивировано именно тѣмъ, что этотъ молодой человѣкъ неизмѣримо выше «людей богатыхъ, здоровыхъ, краснощекихъ, довольныхъ собою, для которыхъ несчастіе состояло въ проигранной партіи виста».

Изъ сферы тѣхъ же общественныхъ и идейныхъ настроеній взятъ Одоевскимъ сюжетъ необработаннаго романа въ письмахъ, гдѣ долженъ былъ фигурировать старый нашъ знакомый Валкиринъ.

Сохранилось нѣсколько набросковъ и отрывковъ съ именемъ Валкирина (кромѣ тѣхъ произведеній, о которыхъ шла рѣчь раньше). Въ однихъ онъ—поэтъ, не понятый любимой женщиной; слѣдовательно, сохраняетъ черты Валкирина-мага. Въ другихъ Валкиринъ изображенъ раціоналистомъ, математикомъ и долженъ уступить любимую женщину «байронисту» финну Нордманну.

Повѣсть съ первымъ сюжетомъ должна была называться «*Двѣ жизни*» и сохранилась лишь въ видѣ программы [1].

---

[1]) Переплетъ 20, л. 2 и об., автографъ, заглавіе „Двѣ жизни (Посв. Бекъ)“. Соперникомъ поэта Валкирина является графъ Радецкій—„смѣсь казармы, картъ,—прикрытая свѣтскимъ пустословьемъ“. Княжна Б., отдавшая Радецкому

Валкиринъ съ чертами раціоналиста выводится въ романѣ «*Семейная переписка*». Отъ него мы имѣемъ программу и нѣсколько большихъ главъ-писемъ [1]). Планы и отрывки не согласованы между собой, есть колебанія въ именахъ, но все-же возможно уловить основное содержаніе сюжета въ его послѣдней редакціи.

Въ «Предисловіи къ Семейной перепискѣ» авторъ увѣряетъ читателя, что «въ этой простой повѣсти—нѣтъ никакой цѣли—даже такъ называемой нравственной; на то есть догматика, дидактика и если угодно политика; цѣль разсказа—всегда должна быть цѣль историческая въ пространномъ смыслѣ сего слова; исторія должна разсказывать какъ дѣло было,—читатель воленъ извлекать изъ него какія угодно выводы» [2]). Съ нѣкотораго времени Одоевскій усиленно проповѣдуетъ эту литературную теорію о «безцѣльности» творчества, но какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ онъ далекъ отъ художественной непосредственности.

предпочтеніе передъ Валкиринымъ, со временемъ убѣждается въ своей ошибкѣ, но „жизнь уже потеряна для нее". На л. 24 и об. того же переплета набросана программа произведенія, совершенно тожественнаго съ „Двумя жизнями", хотя дѣйствующія лица называются: Лидія, Имярекъ (=Радецкій) и Поетъ (=Валкиринъ). См. обѣ программы въ приложеніи.

[1]) а) Переплетъ 26, л. 136 об.—137, автографъ—программа, при чемъ произведенію послѣдовательно давались заглавія: *Три Семейства, Три Сестры, Семейная Переписка.* Имена сестеръ: Софія, Маша, Лиза (а ранѣе: Софія, Лиза, Маша). Въ программѣ прослѣживается судьба каждой сестры и данъ планъ перваго письма (Маши).—б) Переплетъ 20, л. 11, автографъ, съ заглавіемъ *Семейная Переписка* и эпиграфомъ: „Nulla forma syllogistica tenet in terminis divinis. Marthin Luther 99. Propos. Op. lat. I. 56". Начато изложеніе судьбы Софіи, Маши, Лизы.—в) Переплетъ 3, л. 60 и об., автографъ, съ заглавіемъ *Семейная Переписка* и эпиграфомъ: „Alteri vivos oportet, si vis tibi vivere. Seneca. Ep. 48. De Ira I. 5". Программа излагаетъ по двумъ эпохамъ жизнь графа Виктора Валкирина и финна Валерія Карловича Нордманна.—г) Переплетъ 3, л. 77, автографъ, программа, содержащая изложеніе жизни графини Ел. Ив. Валкириной, Маши Аврайской, Горича Платона Михайловича и Ермолая Кондратича Байбакова.—д) Переплетъ 3, л. 61, автографъ—„*Предисловіе къ Семейной перепискѣ*".—е) Переписка дѣйствующихъ лицъ въ переплетѣ 3, л. 62—68, автографъ=л. 69—76, копія (исправленная авторомъ)+л. 78—90 об., автографъ=л. 91—108, копія (исправленная авторомъ)+л. 109—117, автографъ=въ переплетѣ 6, л. 47—56, копія.—Въ переплетѣ 3, на поляхъ л. 92, есть дата „1838 годъ". См. приложеніе.

[2]) Переплетъ 3, л. 61, автографъ.

Знакомясь съ матеріалами, относящимися къ «Семейной перепискѣ», мы убѣждаемся, что въ этотъ романъ авторъ хотѣлъ вложить цѣлый циклъ своихъ излюбленныхъ идей, въ томъ числѣ и такія, которыя найдутъ себѣ развитіе на страницахъ «Русскихъ Ночей»: тутъ вопросы и о семейномъ счастьѣ, и о сравнительномъ достоинствѣ разныхъ міросозерцаній, славянофильство и западничество, вопросъ о просвѣщеніи народа, проблема человѣческаго счастья вообще и т. п.

Графъ Викторъ Валкиринъ—«Математикъ и Малтусистъ». «Его основное убѣжденіе что должно заниматься одною математикою, потому что она одна вѣрна и есть правительница міра; естественныя науки посредствомъ математики должны усовершенствовать общество, но до тѣхъ поръ оно само виновато, если страждетъ; люди должны страдать и погибать по закону природы, какъ погибаютъ животныя, истребляя одно другое» [1]). Мышленіе Валкирина насквозь пропитано математическими формами; ихъ онъ ищетъ всюду, не исключая и искусства. Обозрѣвая Дрезденскую галлерею, онъ,—жалуется на него жена,—«все высматриваетъ на картинахъ какія-то кривыя линіи, онъ не шутя увѣряетъ, что лицо Рафаелевой Мадонны можно вычислить посредствомъ уравненія» [2]). Къ практической жизни Валкиринъ совершенно не пригоденъ: какія-то неудачныя предпріятія разстроили его финансы; заниматься сельскимъ хозяйствомъ онъ не въ состояніи; «хочетъ отпустить людей на волю»—прибавляетъ авторъ, очевидно, видя и въ этомъ черту крайней неподготовленности къ жизни. Въ деревнѣ Валкиринъ едва не спился. Хорошо еще, Нордманнъ убѣдилъ его ѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ и занялся снова математикой и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что его работы печатались французской академіей въ «Mémoires des etrangers». [3])

Злополучная односторонность, которая такъ дорого обошлась Валкирину, была совершенно чужда финну Нордманну [4]). Зе-

---

[1]) Переплетъ 3, л. 60 об., автографъ.

[2]) Ibid., л. 103, копія.

[3]) Въ этомъ портретѣ Валкирина есть черты М. С. Волкова.

[4]) Появленіе финна въ числѣ дѣйствующихъ лицъ позволяетъ отнести „Семейную переписку“ къ концу 30-хъ—къ началу 40-хъ годовъ (ср. „Саламандру“). Съ этимъ совпадаетъ и хронологическая дата на одномъ отрывкѣ.

мъякъ алхимика Якко и колдуньи Эльсы, Нордманнъ — европейски образованный человѣкъ, стремится къ гармонической полнотѣ существованія, и вслѣдствіе этого страдаетъ байронизмомъ, сплиномъ. Онъ не разыгрываетъ «роли *непонятаго*», не кокетничаетъ своимъ сплиномъ и не предается лѣнивой безпечности. Напротивъ, со стороны онъ кажется «человѣкомъ весьма сухимъ, равнодушнымъ и даже расчетливымъ». Онъ дѣятельно занимается своими хозяйственными дѣлами, продолжаетъ работать по ботаникѣ и не покидаетъ музыки. «Но», признается онъ въ письмѣ къ графинѣ Валкириной [1]), «посреди всѣхъ удобствъ, посреди успѣховъ положительной жизни, посреди науки, искусства—меня схватываетъ пароксизмъ тоски невыносимой, и, что еще хуже, тоски безпредметной, то есть тоски самой смѣшной, по крайней мѣрѣ самой осмѣянной». По убѣжденію Нордманна, «въ жизни есть страданія неизглаголанныя», и его безпредметная грусть есть «естественная потребность чего-то такого, что еще человѣкомъ не открыто» [2]). Во всѣ періоды исторіи люди знали эту великую потребность, и тоска до тѣхъ поръ останется неустранимой, пока не откроютъ того таинственнаго нѣчто, что предощущаетъ душа человѣка. Хорошо тому, кто сумѣлъ «гармонизировать свою жизнь», живетъ интересами науки, искусства, знаетъ и счастье любви, кто удовлетворилъ всѣ потребности своего ума и сердца, кто живетъ «полною жизнію», кто заслуживаетъ имени «епикуреецъ» [3]).

Какъ видимъ, еще раньше Фауста (въ «Р. Ночахъ») Одоевскій поручилъ Нордманну высказать свои высшіе идеалы. Его же устами авторъ подвергъ оцѣнкѣ вопросъ о русской самобытности и европейскомъ просвѣщеніи, о чемъ будетъ итти рѣчь въ эпилогѣ «Р. Ночей».

Нордманнъ восторгается своеобразной красотой московскаго кремля; онъ понимаетъ, что именно здѣсь, въ Москвѣ, могла особенно окрѣпнуть идея русской самобытности; онъ видитъ положительную сторону въ развитіи національнаго чувства среди московскихъ ученыхъ и литераторовъ, но съ неопровержимыми фактами въ рукахъ убѣдился въ полной ошибоч-

1) Переплетъ 3, л. 109 об., автографъ.

2) Ibid., л. 109 об.—110.

3) Ibid., л. 110 об.—111.

ности мнѣнія о существованіи «какого-то Русскаго, чуть не допотопнаго просвѣщенія;» ему кажется какой-то «пустой фантасмагоріей» попытка отрицать историческую заслугу Петра Вел. «Нѣтъ сомнѣнія», увѣренно пишетъ онъ гр. Валкирину, «что весь этотъ чадъ пройдетъ; можетъ быть, для будущихъ успѣховъ Россіи и нужно такое странное одностороннее направленіе умовъ—c'est reculer pour mieux sauter, и одна [эта] мысль миритъ меня съ твоими старовѣрами науки» [1]).

Для оттѣненія мысли Нордманна о важности европейскаго просвѣщенія выведенъ невѣжественный степнякъ, помѣщикъ Байбаковъ, который хотя и поздно, но взялся-таки за умъ: сталъ читать дѣтскія книжки и календари, нашелъ тамъ много поучительнаго для себя, какъ въ этическомъ, такъ и общежитейскомъ смыслѣ. Байбаковъ проникается такимъ уваженіемъ къ наукѣ, что не только поручаетъ воспитаніе своего сына молодому человѣку съ университетскимъ образованіемъ, но и приходитъ къ мысли, что нужно учить русскаго мужика; отъ этого онъ будетъ и умнѣе и нравственнѣе. Байбаковъ (и авторъ) не склоненъ идеализировать мужика: Кирюшка-бурмистръ старается сбыть въ солдаты родного сына, чтобы тотъ не мѣшалъ его снохаческимъ вожделѣніямъ [2]).

По характеристикѣ Валкирина, Нордманна и Байбакова можно судить, каковъ идейный и общественный фонъ «Семейной переписки». Онъ до извѣстной степени опредѣляетъ и развитіе самой романической интриги. Графиня Валкирина, «умная женщина, съ затаенными страстями», не удовлетворена узкой односторонностью своего мужа, и влюбляется въ Нордманна, который давно уже любитъ ее. Потомъ Валкиринъ увлекся сестрой графини, Машей, женщиной, романически настроенной,

---

[1]) Переплетъ 3, л. 103—106 об. (все письмо Нордманна къ Валкирину).

[2]) Ibid., л. 69—76, копія (все письмо Байбакова къ гр. Валкирину). Въ переплетѣ 3, л. 77, автографъ, въ программѣ, относящейся къ Байбакову, читаемъ: „Мужики жалуются, что нѣтъ порядка, что ни въ чемъ его не обмани"—а вотъ камердинеръ сервизъ разбилъ—такъ баринъ слова не молвилъ".—Интересно отмѣтить для характеристики соціальныхъ взглядовъ Одоевскаго слѣдующее мѣсто, которое въ оригиналѣ зачеркнуто и въ копію не включено (переплетъ 3, л. 63): „Вотъ на прошедшей недѣлѣ Микуличъ мужика въ солдаты безъ зачета отдалъ, а за что,—за то у мужика (сестра) жена хороша, барину приглянулась,—такъ говоритъ, пусть ее такъ въ деревнѣ поживетъ". Очевидно, Одоевскій призналъ неудобнымъ говорить о такомъ фактѣ барскаго произвола.

которая сентиментальной и назойливой любовью замучила своего ничтожнаго мужа, брата Платона Михайловича Горича (изъ «Горя отъ ума» [1]). Нордманнъ женится на Горичъ [2]). Судьба третьей сестры только намѣчена. Исторія двухъ браковъ— Валкириныхъ и Горичъ—должна показать, что для прочности семейнаго счастья нужно духовное родство супруговъ, полнота интересовъ и признаніе за каждымъ необходимой свободы дѣйствій.

Галлерею женскихъ типовъ предполагалось пополнить оригинальнымъ образомъ баронессы, экстравагантной и свободолюбивой, соединившей въ себѣ Сильфиду и Люцифера. «Первый женскій пахитосъ закурился въ Москвѣ Баронессою; она первая рѣшилась ѣздить въ саняхъ безъ лакея, или въ кабріолетѣ съ грумомъ; первая приказала молодымъ людямъ пріѣзжать къ ней на вечеръ въ сертукахъ» [3]).

Изъ нашего изложенія видно, что, будь «Семейная переписка» доведена до конца, она заняла бы одно изъ первыхъ мѣстъ среди произведеній Одоевскаго. Во всякомъ случаѣ она многое уясняетъ намъ въ его «Русскихъ Ночахъ» [4]).

---

[1]) Въ программѣ переплета 3, л. 77, автографъ, самъ Платонъ Михайловичъ названъ мужемъ Маши и охарактеризованъ такъ: „Военный Хлестаковъ съ примѣсью плантаторства... Скалозубъ, но въ траншею не засядетъ“.

[2]) Вторая сестра графини, Маша (то Горичъ, то Аврайская), не дорисована, и ея романъ съ Нордманномъ не совсѣмъ понятенъ, если имѣть въ виду его взгляды на женщину. Въ частности Нордманнъ любитъ музыку, а Маша „ненавидитъ“ ее, „потому что она никакого сюжета не представляетъ,“ зато зачитывается сентиментальными и нравственными романами. Въ своемъ женихѣ она находитъ заразъ соединение Вертера и Малекъ Аделя.

[3]) Переплетъ 3, л. 111—117 об., автографъ.

[4]) По первоначальному плану „Трехъ сестеръ“ („Трехъ семействъ“) можно было подумать, что вопросъ о бракѣ будетъ на первомъ планѣ, что задумана повѣсть въ родѣ „Семейства Холмскихъ“ Бѣгичева. — Такъ какъ частое употребление имени Валкирина заставляетъ обращать на него особое вниманіе, отмѣтимъ, что Валкиринъ дѣйствуетъ не только въ качествѣ мага, поэта и математика, но и просто въ роли свѣтскаго человѣка, занятаго любовными похожденіями (впрочемъ, въ повѣсти „Попросту“ мы снова увидимъ Валкирина въ благородной роли). Во-первыхъ, въ переплетѣ 3, л. 162—166, автографъ (=переплетъ 7, л. 274—279, копія) находится начало повѣсти „*Старинная легенда*“. Въ оригиналѣ это заглавіе (извѣстное между прочимъ по отрывку „Цецилія“) однако зачеркнуто и замѣнено другимъ: *Фантазія Листа, переписанная съ нездѣшняго* (ранѣе: „музыкальнаго“) *языка на грубый житейскій.* Alegro con brio“. Можно разобрать и третье, также зачеркнутое

Изъ великосвѣтской жизни взятъ еще сюжетъ повѣсти въ письмахъ «*Мостъ*», которую можно датировать началомъ 40-хъ годовъ [1]).

Графиня Розенштейнъ живетъ въ деревнѣ и ждетъ къ себѣ князя Воротынскаго, но онъ не могъ пріѣхать: его задержалъ мостъ, остановила рѣка. Графиня упрекаетъ его за не-

заглавіе: „*Прокаженный*". Дѣйствіе начинается въ маскарадѣ. Графъ Ростиславъ Валкиринъ объясняется съ княгинией Лидіей, ревнуя ее къ офицеру. На третій день послѣ маскарада онъ встрѣчаетъ того же офицера въ домѣ княгини, которая рекомендуетъ его Валкирину княземъ Нулинымъ, своимъ родственникомъ.—Во-вторыхъ, въ переплетѣ 27, л. 50 об —51+52—59, автографъ, оказалась программа произведенія, въ которомъ дѣйствующими лицами намѣчены графиня, ея племянница Софья, Валкиринъ, Амалія Петровна, молодой офицеръ и другъ Валькирина Та часть, которая помѣщена на л. 52—59, носитъ заглавіе „*Амалія Петровна*". Можетъ быть, это и есть названіе всего произведенія. Сюжетъ вначалѣ напоминаетъ сюжетъ „Старинной легенды" („Фантазіи Листа") Особый интересъ представляетъ Амалія Петровна, за которой ухаживаетъ Валкиринъ, чтобы отомстить графинѣ Она—того же типа, что баронесса въ „Семейной перепискѣ". Авторъ называетъ ее „страннымъ существомъ", похожимъ на „падающаго Люцифера". Она то страстно ласкаетъ Валкирина, то плачетъ и убѣждаетъ его не приближаться къ окну, такъ какъ *онъ* можетъ убить Валкирина. Затѣмъ сама она подходитъ къ окну и высовывается въ него такъ, что едва не упала. Валькиринъ удерживаетъ ее и на его вопросъ, зачѣмъ она дѣлаетъ это, говоритъ, что это нужно было для того, чтобы *онъ* успокоился. Этотъ таинственный *онъ* оказался какимъ-то калѣкой на костыляхъ, жившимъ vis-à-vis. Амалія умоляетъ Валкирина опасаться *его*, не раздражать *его* и, къ удивленію Валкирина, рѣшаетъ немедленно пойти къ *нему*: „онъ теперь плачетъ"... „Онъ тотъ кого вы всѣ не стоите мизинца".. Гордо и вмѣстѣ нагло Амалія протянула руку. Валкиринъ далъ ей 25-рублевую бумажку, и она побѣжала къ нему. Валкиринъ остался въ ея комнатѣ и въ окно могъ наблюдать, какъ „дикарь" лежалъ на креслахъ безъ чувствъ, а Амалія, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, цѣловала ему руки, какъ послѣ оживленнаго разговора онъ прижалъ ее къ своей груди, и какъ Амалія послала служанку за шампанскимъ, давъ ей 25-рублевую бумажку. „Я не хотѣлъ долѣе наблюдать, и смущенный удивленный, съ чувствомъ стыда и досады побѣжалъ домой", говоритъ Валкиринъ. Амалія и ея дикарь-калѣка живо напоминаютъ эпизодъ съ *Феррагюсомъ Бальзака* (Histoire des treize)

[1]) Переплетъ 10, л. 13—14 об., рука не Одоевскаго, подъ заглавіемъ: „*Письмо*. Графиня Розенштейнъ къ князю Воротынскому;" ib., л. 15—17 об., рука не Одоевскаго, подъ заглавіемъ: „Письмо 3-е. Отъ Гр. Никольскаго Князю Воротынскому;" ib., л 18 (= тому же, что на л. 16, но съ нѣкоторыми отличіями въ текстѣ), л. 18 об. (продолженіе предыдущаго); переплетъ 13, л. 131—132, конецъ письма за подписью Графа Никольскаго и датой: „*8 января 1841*. С.-Петербургъ".—Въ переплетѣ 20, л. 4, автографъ (карандашомъ), читаемъ слѣдующее.

достатокъ энергіи и, слѣдовательно, за слабость чувства къ ней. Впрочемъ,—неискренно прибавляетъ графиня,—она рада, что князь не пріѣхалъ: у нея сейчасъ очень дурное настроеніе. Деревенская жизнь нездорова ея «умственному существу», такъ какъ усыпляетъ мысли и возбуждаетъ нервы. Князь Воротынскій предлагаетъ графинѣ «писать вдвоемъ романъ». Она не чувствуетъ въ себѣ достаточнаго таланта, отказывается отъ сотрудничества и проситъ, чтобы онъ одинъ написалъ романъ и посвятилъ ей. Вмѣстѣ съ тѣмъ она признается въ своемъ пристрастіи къ новымъ *французскимъ романистамъ*: Бальзаку, Евгенію Сю, Фредерику Сулье и Ж. Сандъ. «Я люблю романы», пишетъ графиня Розенштейнъ: «но только тѣ, которые читаю— и хитросплетенныя, обстоятельныя монографіи остроумнаго Бальзака, и рѣзкіе, драматическіе разсказы Евгенія Сю, и лихорадочныя, увлекательныя, адомъ диктованныя откровенья Фредерика Сулье,—и даже,—да простятъ мнѣ добродѣтельныя ханжи, мудрыя тетушки, и нравоблюстительные критики!— и даже съ искреннымъ, удивленнымъ наслажденіемъ читаю вдохновенныя возванья Жоржа Занда, ея бурныя, краснорѣчивыя нападки на то, что есть, въ защиту того, что должно и могло быть» [1]).

Изъ письма третьяго мы узнаемъ, что кн. Воротынскій застрялъ въ деревнѣ и, хотя не очень долюбливалъ графиню Розенштейнъ, но проводитъ время главнымъ образомъ въ ея обществѣ. Графъ Никольскій разсказываетъ объ этомъ влюбленной въ князя Александринѣ и возбуждаетъ ея ревность. Графъ совѣтуетъ князю поскорѣе пріѣзжать, если онъ не желаетъ потерять Александрину.

Главное содержаніе писемъ гр. Никольскаго составляютъ разныя новости, свѣтскія и литературныя. «Объ себѣ честь имѣю

„*Мостъ.* Графиня Розенштейнъ—Павлова. К. Воротынскій—Одоевскій". Отсюда мы заимствуемъ заглавіе повѣсти. Затѣмъ отсюда же, пожалуй, можно заключить, что прототипомъ для графини Розенштейнъ послужила Каролина Карл. Павлова, рожд. Янишъ, авторъ стихотвореній и романовъ, въ кн. Воротынскомъ изображенъ самъ Одоевскій, а подъ графомъ Никольскимъ, соединяющимъ въ себѣ литератора и свѣтскаго человѣка, можетъ быть, нужно разумѣть— гр. В. А. Соллогуба, съ которымъ Одоевскій былъ весьма близокъ. Читатель попадаетъ въ среду великосвѣтскихъ писателей.

[1]) Переплетъ № 10, л. 14.—Въ романѣ К. Павловой „Двойная жизнь" (М, 1848)—упоминаются Ал. Дюма (стр. 129) и Ж. Сандъ (184).

доложить», пишетъ онъ Воротынскому [1]), «что я веду все прежній родъ жизни, литератора между свѣтскими людьми и свѣтскаго человѣка между литераторами. Оно, по моему, весьма покойно. Я люблю большой свѣтъ и литературу, но люблю, какъ человѣкъ лѣнивый, который не хочетъ повиноваться вполнѣ никакимъ узаконеніямъ и требованіямъ». Званіе литератора спасаетъ отъ многихъ условностей свѣта, а слава свѣтскаго человѣка, въ свою очередь, спасаетъ его «отъ прикосновеній литературныхъ барышниковъ, терзающихъ литератора, но имѣющихъ къ свѣтскому сословію и къ свѣтскому блеску лакейское почтеніе». Слова Никольскаго въ значительной степени могъ бы примѣнить съ себѣ и кн. Воротынскій (Одоевскій). Сообщая свѣтскія новости, гр. Никольскій жалуется на распущенность дамъ, которыя съ нѣкотораго времени усвоили себѣ привычку въ обществѣ говорить разныя «неприличности», нерѣдко совершенно неостроумныя и всегда непріятныя въ устахъ женщины. Переходя къ литературѣ, графъ сѣтуетъ, что истинные литераторы, люди съ дарованіемъ, слишкомъ пассивны, что на ихъ глазахъ гибнетъ литература, а они бездѣйствуютъ, какъ мужики на пожарѣ. Жалуется графъ и на то, что «журналовъ нѣсколько, а книги не одной». Однако онъ хвалитъ альманахъ «Утреннюю Зарю», гдѣ помѣщены произведенія кн. Вяземскаго и Подолинскаго («Могила солдата») [2]). Сочувственно также говоритъ гр. Никольскій о стихотвореніяхъ Лермонтова и о беллетристикѣ Одоевскаго. «Одоевскій пишетъ повѣсти по своему обыкновенію прекрасныя,—но пора бы ему потрудиться надъ чѣмъ нибудь позначительнѣе да побольше» [3]). Интересенъ этотъ самопризывъ. Для Одоевскаго онъ имѣлъ тотъ смыслъ, что какъ разъ въ это время онъ былъ занятъ планомъ своихъ «Русскихъ Ночей».

Гр. Никольскій не скрываетъ своей близости къ Одоевскому: онъ сообщаетъ, что, по примѣру Одоевскаго, завелъ у себя литературныя среды (у Одоевскаго были субботы) и совмѣстно

---

[1]) Переплетъ 10, л. 15 об.—16.

[2]) Слѣдовательно, рѣчь идетъ объ „Утр. Зарѣ“ на 1841 годъ, гдѣ между прочимъ напечатаны двѣ главы изъ работы Вяземскаго о Фонвизинѣ, три его стихотворенія, упомянутое стихотвореніе Подолинскаго и „Южный берегъ Финляндіи“ самого Одоевскаго.

[3]) Переплетъ 13, л. 131—132.

съ нимъ задумалъ писать романъ въ письмахъ, хотя и опасается, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ.

Повѣсть «Мостъ» сохранилась въ столь незначительныхъ отрывкахъ, что судить о ней опредѣленно не рѣшаемся. Признаемся даже, что самое ея происхожденіе кажется намъ загадочнымъ [1]).

Совершенно исключительное мѣсто среди беллетристическихъ произведеній Одоевскаго занимаетъ разсказъ «*Imbroglio* (*Изъ записокъ путешественника*)» (1835 г.) [2]). Къ циклу разсказовъ путешественника принадлежали также «Привидѣніе» и «Свидѣтель», но «Imbroglio» ничего общаго съ ними по характеру сюжета не имѣетъ. По мѣсту дѣйствія разсказъ примыкаетъ къ итальянскому циклу. Одинъ русскій путешественникъ совершенно неожиданно испыталъ въ Неаполѣ рядъ самыхъ невѣроятныхъ приключеній, что, какъ потомъ оказалось, находилось въ связи тоже съ весьма сложнымъ преступленіемъ, совершоннымъ въ высшемъ обществѣ [3]).

Разсмотрѣнными до сихъ поръ произведеніями ограничивается тотъ отдѣлъ бытовой беллетристики, въ которомъ дѣйствіе пріурочено къ великосвѣтскому кругу.

Теперь разсмотримъ тѣ произведенія, въ которыхъ Одоевскій пытается изображать жизнь *средняго и низшаго классовъ*, иногда въ ихъ соприкосновеніи съ высшимъ.

Въ этомъ отношеніи небезынтересна повѣсть подъ заглавіемъ *Бабушка, или пагубныя слѣдствія просвѣщенія»* [4]).

[1]) Точно также къ числу dubia приходится относить отрывокъ изъ романа, писанный неизвѣстной рукою и озаглавленный: „*Письмо Гр. Вельскаго къ Н. И. Неизвѣстному въ С.-Петербургъ*“ (переплетъ 9, л. 43—46). Здѣсь два письма гр. Владимира Вельскаго со „станціи“ и изъ „села“. При переѣздѣ черезъ *мостъ*, экипажъ Вельскаго провалился въ рѣку, и онъ, мокрый до нитки, находитъ убѣжище въ имѣніи графини *Розенштейнъ*, гдѣ встрѣтилъ также гр. *Воротынскаго*. Дается характеристика и графини и графа. См. приложеніе.

[2]) Собраніе сочиненій, т. II, въ серіи „Домашніе разговоры“. Imbroglio (итал.) значитъ „недоразумѣніе“, „путаница“.

[3]) Мысли объ одиночномъ заключеніи (79) ср. съ сказаннымъ въ „Р. Ночахъ“ (I, 209—210). Объ итальянскихъ разбойничьихъ сюжетахъ см. въ статьѣ А. И. Яцимирскаго по поводу повѣсти Пушкина „Дубровскій“ (Пушкинъ, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV).

[4]) Въ переплетѣ 83, л. 20, автографъ, написано и потомъ синимъ карандашомъ зачеркнуто заглавіе этого произведенія. Здѣсь же, на л. 21—37,

До нѣкоторой степени повѣсть можно назвать исторической: дѣйствіе ея начинается еще до нашествія французовъ. Дается прекрасная въ бытовомъ отношеніи картина патріархальной московской жизни въ незнатной дворянской семьѣ майора Миницкаго. Миницкій умеръ отъ ранъ, полученныхъ во время Отечественной войны. Вдова, Дарья Петровна, и ея сестра, старая дѣвушка, усердно принялись за воспитаніе сына Миницкаго, Васеньки. Воспитаніе шло совершенно по тому же методу, что и у Простаковой. Васенька росъ невѣжественнымъ и изнѣженнымъ маменькинымъ сынкомъ, безъ малѣйшей думы о какой-нибудь полезной работѣ. Наступилъ 1812 годъ. Дарья Петровна на первыхъ порахъ не обнаруживаетъ особеннаго безпокойства; она раздѣляла «общую тогда увѣренность, что въ Москвѣ бояться нечего; дѣйствительно не знала и не хотѣла знать о грозѣ, висѣвшей надъ Россіею; по прежнему она занималась сохраненіемъ здоровья своего Васиньки, приготовляла на зиму соленья и варенья, а Васинька утѣшался, смотря на проходившихъ по улицамъ молодыхъ людей, затянутыхъ въ изящное платье и гремѣвшихъ блестящими саблями, а вечеромъ спокойно ложился въ постельку съ своею Маменькою, думая развѣ о кренделяхъ, съ которыми онъ будетъ кушать чай завтрашнимъ утромъ». Но вскорѣ Дарьѣ Петровнѣ пришлось убѣдиться, что опасность угрожаетъ и Москвѣ.

На этомъ моментѣ разсказъ обрывается, и мы не можемъ сказать, въ чемъ выразятся «пагубныя слѣдствія просвѣщенія». Эпиграфъ первой редакціи ссылкой на басню «Стрекоза и Муравей» позволяетъ догадываться, что будетъ итти рѣчь о просвѣщеніи XVIII в.

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что сохранилась неоконченная программа произведенія *«Бабушка»*, которое, правда, мы не

текстъ статьи „О враждѣ къ просвѣщенію“ съ датой: „Ревель. 1835. Іюль“. Это до нѣкоторой степени опредѣляетъ хронологію „Бабушки“. Текстъ представляетъ только начало повѣсти въ двухъ редакціяхъ: а) переплетъ 7, л. 218—227, съ эпиграфомъ: „Отъ чего такъ нравилась басня La Cigale et la Fourmie“ (Ср. объ этой баснѣ въ „Косморамѣ“ — выше на стр. 700); б) л. 228—232, съ эпиграфомъ: „Прокляну того ребенка, который что-нибудь переймѣтъ у басурмана. Скотининъ — въ Недорослѣ Фонъ-Визина“. См. приложеніе.

имѣемъ безспорнаго основанія отожествлять съ предыдущей повѣстью, но которое не можемъ не поставить съ нею въ ближайшую связь [1]).

«Воспитаніе прошлаго вѣка; молодаго человѣка учатъ вздору — вздоръ и выходитъ; онъ пьетъ, играетъ», — читаемъ здѣсь. Затѣмъ, подъ вліяніемъ Слова Григорія Назіянзина Василію Великому, онъ образумливается, начинаетъ учиться и трудиться. Женится; у него родится сынъ. Жена стоитъ ниже мужа по образованію, не понимаетъ его идей и вмѣстѣ съ бабушкой портитъ сына. Послѣдній «дѣлается корыстолюбивъ, честолюбецъ, егоистъ, начинаетъ презирать все святое въ мірѣ». Мать и сынъ совершаютъ подлые поступки; это отца «повергаетъ въ гробъ — онъ умираетъ, проклиная просвѣщеніе». «Сынъ лишь при кончинѣ отца начинаетъ раскаяваться—но отецъ умираетъ, не узнавши объ етомъ. Сужденія свѣта...»

Таковы пагубныя слѣдствія ложнаго просвѣщенія—въ жизни средняго дворянства, гдѣ образованность часто сосѣдитъ съ полнымъ невѣжествомъ.

Характернымъ во многихъ отношеніяхъ является произведеніе: «*Катя, или исторія воспитанницы. (Отрывокъ изъ Романа)*» [2]).

---

[1]) Переплетъ 20, л. 20 об. + л. 94, автографъ, съ заглавіемъ „*Бабушка*“ (въ отчетѣ И. П. Б. этотъ отрывокъ ошибочно отнесенъ къ „Предмету для оперы“). На отрывкѣ л. 94, сверху, еще написано: „Домашняя Бухгалтерія или Приложеніе Макіявеля къ семейственой жизни“. См. приложеніе.

[2]) Напечатано въ сборникѣ „Новоселье“, ч. II (Спб. 1834), за подписью: „*ъ. г. й. Безгласный*“. Въ переплетѣ 80 имѣется печатный экземпляръ этого произведенія съ весьма существенными поправками и дополненіями автора, очевидно, сдѣланными тогда, когда предполагалось включить „Катю“ въ Собраніе сочиненій. Далѣе въ переплетѣ 20, л. 100 (автографъ) находимъ интересную хронологическую канву романа съ заглавіемъ: „Старый Графъ и Владиміръ. (Катя)“, важную, какъ для пониманія общаго содержанія задуманнаго романа, такъ и для характеристики писательскихъ пріемовъ Одоевскаго (см. приложеніе). Первая редакція отрывка, потомъ напечатаннаго въ „Новосельѣ“, сохранилась въ переплетѣ 43, л. 22—64 (автографъ; за исключеніемъ л. 62—64, все карандашомъ). См. приложеніе. — Отрывки, соотвѣтствующіе печатному тексту, находимъ, во-первыхъ, въ переплетѣ 13, л. 12—13, автографъ; заглавіе „Катя, или Исторія Воспитанницы“, и далѣе то, что въ „Новосельѣ“ занимаетъ стр. 369—371, кончая словами: „Къ етому кружку присоединился и я“ (л. 13); дальнѣйшій текстъ на л. 13 и об. въ рукописи зачеркнутъ; въ немъ есть разсужденіе

Сюжетъ взятъ изъ жизни великосвѣтскаго общества, но захватываетъ и т. н. *крѣпостную интеллигенцію*. Въ центрѣ старый графъ и его семья, а съ нею связана судьба нѣсколькихъ лицъ неаристократическаго происхожденія: Владимира, прижитаго графомъ съ крѣпостной, воспитанницы Кати, дочери одного изъ графининыхъ официантовъ, и Бориса Павлинова, сына графскаго управителя и потомка итальянскаго выходца Паулино, переименованнаго въ Россіи въ Осипа Ивановича Павлинова (служившаго у графа сначала не то секретаремъ, не то камердинеромъ). Благодаря этому соприкосновенію гостиной и лакейской, сюжетъ «Кати» пріобрѣтаетъ важное соціальное значеніе.

Въ концѣ скучнаго великосвѣтскаго раута гости, «перескакивая отъ предмета къ предмету по всегдашней логикѣ гостиныхъ», въ разговорѣ коснулись между прочимъ «до впечатлѣній которыя оставляютъ въ насъ разныя происшествія нашего дѣтства», порождая иногда странныя отвращенія то къ насѣкомымъ, то къ цвѣтамъ и проч. и проч.

Вдругъ одинъ молодой человѣкъ провелъ рукою по лицу и сказалъ: «Ахъ, что вы мнѣ напоминаете—бѣдная Катя, бѣдная Катя!» Такъ начинается разсказъ въ рукописной редакціи (переплетъ 43, л. 22—23). Подобно этому, въ печатномъ текстѣ (Новоселье, II, 371) читаемъ: «Зашла, не знаю какъ, рѣчь о

о гостиныхъ со ссылкой на мнѣніе *Иринея Модестовича Гомозейки*, высказанное имъ „въ неизданной своей Біографіи“. Во-вторыхъ, переплетъ 13, л. 70 и об., копія (съ поправками автора); начало: „Бога съ каждымъ днемъ исчезаютъ; и это одно можетъ служить противъ обвинителей нынѣшняго вѣка важнымъ доказательствомъ, что мы лучше нашихъ дѣдовъ“; конецъ: „Онъ сдувалъ карточные домики, которые мы съ нею строили, заливалъ чернилами мои любимыя картины и мою милую Катю называлъ не иначе какъ Катькой—послѣ моего несчастнаго“; слѣдовательно, этотъ второй отрывокъ = 384—386 стр. печатнаго текста. Третій отрывокъ въ переплетѣ 13, л. 31, автографъ; именно только слѣдующія строки, соотвѣтствующія печатному тексту на 371 стр.: „Въ подобныхъ обстоятельствахъ надъ кружкомъ людей соединяющихся въ гостиной силою симпатіи, обыкновенно нѣсколько времени еще носится удушливый воздухъ раута“. Четвертый отрывокъ—въ переплетѣ 87, л. 161—163, автографъ; начинается словами: „Кто не испыталъ етаго чуднаго чувства прозелитизма, которое тревожитъ юную душу полную жизни и дѣятельности?“ т.-е. то, что читаемъ на стр. 399 печатнаго текста; и далѣе до конца напечатаннаго въ „Новосельѣ“ отрывка.

предчувствіяхъ, о таинственныхъ отвращеніяхъ и пристрастіяхъ»; говорили о слѣпой ненависти къ бабочкамъ, собакамъ, водѣ и пр.; естественно коснулись впечатлѣній дѣтства, оставляющихъ иногда неизгладимый слѣдъ. «Тогда я замѣтилъ на лицѣ одного молодаго человѣка, до тѣхъ поръ не принимавшаго участія въ разговорѣ, легкое судорожное движеніе, которое было смѣсью досады на самаго себя и какого-то раскаянія». Оказалось, онъ вспомнилъ одно простое происшествіе своего дѣтства, когда еще шестилѣтнимъ мальчикомъ онъ оскорбилъ воспитанницу Катю, десятилѣтнюю дѣвочку, отказавшись на дѣтскомъ маскарадѣ танцовать съ «холопкою». Такое обращеніе барчука никого не удивило; «большіе» даже похвалили благоразумнаго мальчика. Ребенокъ однако почувствовалъ уже тогда стыдъ, упреки «тайнаго невнятнаго голоса». Съ теченіемъ времени разсказчикъ понялъ всю жестокость своего поступка; жизнь Кати была потомъ полна несчастій, и первое «уничиженіе» ей было нанесено имъ. Эта мысль превратилась для него въ жесточайшій укоръ, и онъ, по его словамъ, не можетъ себя разувѣрить, «чтобы когда-нибудь Провидѣніе не наказало меня за это въ сей или будущей жизни» (381). Происшествіе съ Катей заставляетъ его подозрѣвать, что въ его собственномъ характерѣ есть какое-то врожденное жестокосердіе. Это сознаніе гнететъ его: онъ боится роковой вспышки своего жестокосердія, боится совершить какое-нибудь преступленіе, и потому вѣчно насторожѣ. Мало того, разсказчикъ опасается, что его дурной поступокъ усилилъ злое начало въ мальчикѣ Бобо (въ Борисѣ Павлиновѣ): онъ сталъ больше прежняго издѣваться надъ Катей, называя ее холопкой: «почему знать, можетъ я моею безсмысленною фразою посѣялъ въ тяжеломъ мозгу его такія мысли, которыя безъ того не пришли бы ему въ голову» (идея *«круговой поруки»*).

Такимъ образомъ, разсказанная молодымъ человѣкомъ исторія иллюстрируетъ силу нравственнаго инстинкта, совѣсти, значеніе той ирраціональной сферы, къ которой относятся «предчувствія, таинственныя отвращенія и пристрастія».

Признанія молодого человѣка пріобрѣтаютъ особенный смыслъ еще и потому, что онъ принадлежитъ къ типу *байроническихъ* героевъ, въ родѣ Воротынскаго (въ «Черной перчаткѣ») и Нордманна (въ «Семейной перепискѣ»).

Авторъ сдѣлалъ «физіономическое наблюденіе» надъ разсказчикомъ, и вотъ какимъ онъ показался ему. «Это было одно изъ тѣхъ странныхъ лицъ, которыя иногда встрѣчаются въ свѣтѣ между людьми новаго поколѣнія; ничто не выражается въ этомъ лицѣ, но оно васъ останавливаетъ; видите самодовольную улыбку, а въ васъ рождается невольное состраданіе; въ этой физіономіи выговаривается что-то прекрасное, неоконченное, смѣшное, страдающее — какой-то романъ безъ развязки; она напоминаетъ вамъ и піитическія мгновенія Донъ-Кихота, и растеніе, заморенное Химикомъ въ искусственной атмосферѣ, Гетевы слова о Гамлетѣ, и тѣ странныя существа, которыхъ насмѣшливая природа производитъ на свѣтъ, какъ будто лишая способности къ жизни» [1]). Такіе люди не бываютъ обижены природою. Напротивъ они родятся «съ сильными мыслями, съ сильными чувствами», «но одно какое-нибудь чувство разовьется, поглотитъ жизнь всѣхъ другихъ, осиротѣлое само завянетъ, и душа сдѣлается похожею на нѣмую карту: видны очерки мѣстъ, но нѣтъ имъ названія—все безмолвно!» Рѣдко ихъ душу охватываетъ сильное движеніе, но разъ такая минута наступила, они «стараются вмѣстить въ нее все, что когда-то загоралось въ ихъ сердцѣ, все, что пережило въ немъ потихоньку отъ людей» (373.)

Итакъ, переживанія байрониста служатъ завязкой разсказа. Самый же романъ долженъ былъ представить исторію всей жизни Кати въ тѣсной связи съ судьбой той аристократической семьи, гдѣ она жила въ качествѣ воспитанницы.

«Катя» даетъ хорошее изображеніе барской жизни; рисунокъ живой и правдивый. Мелькомъ выступаетъ передъ нами самъ старый графъ, но ему приданы вполнѣ типичныя черты человѣка, воспитаннаго въ духѣ XVIII в., бонвивана, «философа» и якобинца (384—5), въ головѣ котораго «страннымъ образомъ уживалась высочайшая филантропія съ совершеннымъ нерадѣніемъ о своихъ дѣтяхъ и самая глупая барская спѣсь съ самымъ рѣшительнымъ якобинизмомъ» (384). Мы лучше, хотя и несчастливѣе нашихъ дѣдовъ, утверждаетъ по этому поводу разсказчикъ (384, 385). Графиня также была добрымъ, но безвольнымъ существомъ. Словомъ, это былъ

[1]) Новоселье, II, 372—373.

хорошій графскій домъ; всѣ отношенія, казалось, были основаны на гуманности и корректности.

По заведенному изстари обычаю, въ каждомъ московскомъ порядочномъ домѣ должны были быть воспитанницы, взятыя изъ бѣдныхъ дворяночекъ или изъ крѣпостныхъ. «Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ», сказалъ Грибоѣдовъ, и эти слова Одоевскій хотѣлъ взять эпиграфомъ къ «Катѣ» [1]). Воспитанницы—«самыя несчастныя существа въ мірѣ» (376). Ихъ воспитываютъ вмѣстѣ съ барскими дѣтьми, а потомъ ставятъ въ унизительное положеніе приживалокъ и горничныхъ. Воспитанница «должна угождать всему дому, не имѣть ни желаній, ни воли, ни своихъ мыслей; одѣвать барышень, работать для нихъ и за нихъ; носить собачку; со смиреніемъ вытерпливать дурное расположеніе духа своей, такъ называемой, благодѣтельницы» (376—7) и т. д. Она осуждена на вѣчное дѣвство или, въ лучшемъ случаѣ, ее выдавали замужъ за какого-нибудь чиновника 14-го класса, грубаго и необразованнаго. «Вы не знаете, что такое жизнь нашего средняго класса,—она очень любопытна»,говоритъ Одоевскій: «жаль, что еще никто изъ Авторовъ не обращалъ на нее вниманія» (377—8). Въ двухъ-трехъ словахъ Одоевскій набрасываетъ картину жизни какого-нибудь канцеляриста, получающаго не болѣе тысячи рублей жалованья.

Положеніе Кати, хотя и любимой воспитанницы графини, было тяжелымъ. Въ дѣтствѣ ей напоминали, что она «холопка». А затѣмъ постоянная опека со стороны благодѣтельницы, женщины, повидимому, не злой, исковеркала ея личную жизнь.

Вмѣстѣ съ Катей воспитывался и Владиміръ, прижитый графомъ съ одной изъ его крѣпостныхъ. Графиня относилась къ нему ласково и гуманно, но опять-таки по-своему. Владиміръ получилъ хорошее образованіе. Изъ университета, какъ подобаетъ, онъ вышелъ съ настроеніемъ идеалиста-эстета. Владиміръ и Катя сблизились между собою и полюбили другъ

---

[1]) Переплетъ 43, л. 26. Кстати отмѣтимъ, что и въ печатномъ текстѣ (Новоселье, II, 385) Одоевскій въ одномъ мѣстѣ воспользовался выраженіемъ Грибоѣдова: „Еще до своей женитьбы Графъ Жано вывезъ изъ Италіи *для замысловъ какихъ-то непонятныхъ* нѣкоего юношу, котораго звали Паулино“.

друга. Владимиръ писалъ ей унылые романтическіе стихи [1]) и старался перенести ее «въ свой міръ мечтаній», передать ей «тотъ міръ мыслей и чувствъ, который ежеминутно рождался и исчезалъ въ его сердцѣ» (401). «Кто не испыталъ этого чуднаго чувства прозелитизма», говоритъ авторъ (399), «которое тревожитъ юную душу *полную* жизни и дѣятельности? всѣмъ бы подѣлился, все бы передалъ, что есть на умѣ и на сердцѣ». Холодные или устарѣлые люди смѣются надъ этимъ чувствомъ: они забыли, что когда-то и имъ оно было знакомо въ какой-нибудь формѣ [2]).

У Владимира оказался талантъ къ живописи. Онъ снялъ копію съ «*Карло-Долчевой Цециліи*»; «онъ рисовалъ эту картину съ жаромъ: онъ думалъ видѣть въ ней сходство съ Катею; небесный взоръ Цециліи, святое выраженіе ея лица, органъ, который казалось звучалъ подъ ея пальцами, все это изображало ему тихую гармонію души его любезной, это спокойствіе Христіанскаго смиренія, это увѣренное въ себѣ самоотверженіе, эту грусть умнаго человѣка, это понявшее себя уныніе. Онъ хотѣлъ, чтобы Цецилія была идеаломъ для его Кати, чтобы она высказывала ей то, чего не могли выразить слова его, и Катя поняла его» (402).

Образъ Цециліи, какъ мы знаемъ, сильно занималъ воображеніе Одоевскаго въ 30-хъ гг. Съ нимъ мы встрѣтимся еще на страницахъ «Русскихъ Ночей». Въ ней воплощенъ его высшій идеалъ. «Аббатъ Ламенне», говоритъ онъ (397), «написалъ Опыты о равнодушіи въ дѣлахъ Вѣры, бѣдный Аббатъ! ты не зналъ общества! я хочу помочь твоей близорукости и написать для гостиннаго употребленія цѣлую коллекцію такихъ опытовъ, какъ-то: Опытъ о равнодушіи въ дѣлѣ Искусства,

---

[1]) Въ переплетѣ 43, л. 54—55 и 69—70 Одоевскій пытался даже набросать стихи, которые Владиміръ ухитрился положить Катѣ въ ридикюль. Вотъ ихъ начало:

Когда измученный на плахѣ бытія
Я въ гробъ сойду съ кровавой укоризной
Ты отдохнешь, какъ рѣзвое дитя
Отъ скучнаго избавившись надзора и т. д.

Стихи эти Одоевскимъ потомъ зачеркнуты. Сочинены они въ тонѣ стиховъ Влад. Ленскаго.

[2]) Ср. въ переплетѣ 80, л. 301—302.

Опытъ о равнодушіи въ дѣлѣ наукъ, Опытъ о равнодушіи въ дѣлѣ правды, въ дѣлѣ ума, въ дѣлѣ несчастія, въ дѣлѣ чести, въ дѣлѣ подлости, въ дѣлѣ лести, коварства, грабежа и проч. и проч.».

Владиміръ жилъ въ мірѣ чистыхъ мечтаній и творческихъ думъ.

Но счастье молодыхъ людей не могло быть прочнымъ. По разнымъ соображеніямъ графиня мѣшала ихъ сближенію, и самый талантъ былъ косвенной причиной несчастья: графъ приказалъ своему незаконному сыну отправиться въ Италію, и такимъ образомъ влюбленные были разлучены.

На этомъ кончается отрывокъ, напечатанный въ «Новосельѣ». У читателя остается впечатлѣніе, что авторъ на сторонѣ Кати и Владиміра, что его возмущаетъ деспотическая власть (хотя и облеченная по наружности въ мягкія формы) господъ надъ крѣпостной интеллигенціей. Катя и Владиміръ страдаютъ потому, что не въ правѣ распорядиться своей судьбою.

Но весь планъ романа заставляетъ приходить къ инымъ заключеніямъ. Изъ хронологической канвы въ переплетѣ 20 и изъ приписки на печатномъ экземплярѣ въ переплетѣ 80, мы узнаемъ, что авторъ намѣревался сдѣлать Катю женой Павлинова; «холопка» превращается въ «откупщицу-милліонершу» и грубо мститъ дочерямъ графини [1].

«Холопка» съ самой непривлекательной стороны обнаружила свой характеръ. Образованіе, полученное ею въ домѣ графини, и усилія Владиміра поднять ее до себя,—ничто не измѣнило ея натуры.

---

[1] Вотъ что мы читаемъ на обложкѣ печатнаго экземпляра „Кати“ (въ переплетѣ 80): „Одна изъ Графинь выходитъ за мужъ—тогда узнаетъ Графиня что они разорились. Царство Павлинова—Графиня оставляетъ ему своихъ дочерей—онъ ради лицемѣрія ихъ воспитываетъ. Волочится за Катей—ея родные хотѣли бы чтобъ она была его любовницей,—она его обращаетъ въ мужа—она торжествуетъ надъ Графинями и надъ дочерью—Маріей (ранѣе было „Юліей“)—Марія ищетъ утѣшенія въ теткѣ, та только ее мучаетъ. Катя Павлинова видитъ въ ней признаки ея матери и мститъ на ней.—Дитя замученное умираетъ. Катя откупщица-милліонерша“. Въ переплетѣ 20, л. 103 об., автографъ, находимъ еще слѣдующую замѣтку: „Катя=(*Альм. Серчевскаго*) А. В. видитъ въ Катѣ женщину занимающуюся переносомъ вѣстей и интрижкой, какъ обыкновенно бываютъ компаньонки“. Слова „Альм. Серчевскаго“ написаны карандашомъ.

Во Владимирѣ было больше благородства. Недаромъ въ его жилахъ текла частица и графской крови. Среди крѣпостныхъ интеллигентовъ онъ занимаетъ особое мѣсто, такое же, какъ Дмитрій Калининъ, герой юношеской драмы Бѣлинскаго. Но и Владимиръ, по замыслу автора, долженъ былъ погибнуть въ грязной пучинѣ жизни. По возвращеніи изъ Италіи, очевидно, въ качествѣ крѣпостного, онъ становится слугой Павлинова, мужа Кати; Катя нѣкоторое время его любовница. Онъ пьетъ; наконецъ, излѣчивается. Передъ смертью Владиміръ встрѣчается съ Катей. Та «протягиваетъ ему руку,—онъ отдергиваетъ свою». Какъ видимъ, ненаписанная часть романа представляла бы для насъ весьма большой интересъ.

Судьба Павлиновыхъ, особенно Бориса Павлинова, еще болѣе оттѣняетъ воззрѣнія автора: Борисъ служитъ только культу денегъ и дѣлается откупщикомъ. Мимоходомъ авторъ провелъ характерную параллель между образованными и необразоваными людьми въ нравственномъ отношеніи. Необразованные люди, по его мнѣнію, злѣе образованныхъ. Это не можетъ быть иначе! «Человѣкъ образованный, чувствуя въ себѣ потребность выкинуть свою желчь, старается дать ей опрятный видъ благовоспитанной эпиграммы, потомъ любуется ею, разноситъ ее, а это требуетъ времени, развлекаетъ и нечувствительно въ такъ называемомъ зломъ человѣкѣ остается столь же мало злости, какъ въ сатирическомъ Поэтѣ; простолюдину не нужны эти усилія, онъ злится просто, безъ обиняковъ,—что онъ ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все хорошо, лишь бы только въ томъ было злое намѣреніе; и отъ того ему наслажденіе злиться гораздо приступнѣе, нежели для насъ» (391—392) [1]).

---

[1]) Изъ одного зачеркнутаго въ рукописи мѣста видно, что авторъ „Кати" принялся за работу съ тѣми же думами о гостиной, какъ и Гомозейко. Въ переплетѣ 13, л. 13 об. читаемъ: „Многіе изъ нашихъ Писателей, какъ весьма основательно замѣчаетъ мой почтенный пріятель Ириней Модестовичъ Гомозейко въ неизданной своей Біографіи,—а съ ними и я, ихъ ревностный Подражатель, очень любятъ нападать на гостиныя. Ето занятіе очень легко и очень выгодно. Вы браните гостиныя—всякій подумаетъ, что вы человѣкъ кабинетный. А все вздоръ! Байронъ и въ гостиной Байронъ, Господинъ А, В, С, D, и въ кабинетѣ Господинъ А, В, С, D. Такъ нѣтъ! учредили законъ: если ты ученый, если ты Философъ, то не заглядывай въ гостиную; если ты человѣкъ свѣтской, то не заглядывай въ кабинетъ. Отъ етаго похвальнаго постановленія всѣ люди, а иногда одинъ и тотъ же человѣкъ раздѣлились на двѣ половины,

Въ «Катѣ» Одоевскій коснулся одного изъ большихъ явленій русской жизни въ крѣпостную эпоху [1]). Онъ успѣлъ показать уголокъ той повседневной драмы, какая могла происходить въ домѣ даже «гуманныхъ» господъ. Въ этомъ немалая его литературная заслуга. Но, несмотря на всю гуманность и идеализмъ автора, въ «Катѣ» явственно видна аристократическая тенденція, идея о несомнѣнномъ превосходствѣ высшаго общества передъ людьми средняго класса и передъ «холопами». Идеалистъ даетъ жизни лишь отвлеченную оцѣнку примѣнительно къ своему абсолютному критерію, не вникая въ соціальный смыслъ явленій, которыя онъ намъ изображаетъ [2]).

Тою же тенденціею проникнуты въ значительной степени «*Записки гробовщика*». Идея этого цикла повѣстей возникла у Одоевскаго очень рано.

Въ «Запискахъ гробовщика», напечатанныхъ въ «Альманахѣ на 1838 годъ» (В. Владиславлева), Одоевскій между прочимъ писалъ (228—9 стр.): «Мнѣ давно уже хотѣлось посмотрѣть на жизнь съ исключительной точки зрѣнія двухъ классовъ людей, присутствующихъ рѣшительнымъ минутамъ нашего существованія: врача и гробовщика. Сначала я хотѣлъ было заняться первымъ, но вслѣдствіе нашей Сѣверо-Азіатской привычки: «не дѣлать того сегодня, что можно сдѣлать завтра»,— одинъ англійскій писатель въ прошедшемъ году предупредилъ

изъ которыхъ одна другую не понимаетъ; что дѣлается въ кабинетѣ, надъ тѣмъ смѣются въ гостиной; что дѣлается въ гостиной, о томъ не знаютъ въ кабинетѣ; къ чему приготовляетъ воспитаніе, то избѣгается въ свѣтѣ; что читается въ книгахъ,—то въ книгахъ и остается; между наукою и жизнію, между искусствомъ и жизнію, между Религіею и жизнію—цѣлая бездна. И каждая половина". Здѣсь рукопись обрывается.

[1]) См. нашу статью „Крѣпостная интеллигенція" въ изданіи „Великая реформа 19 февраля", подъ ред. А. К. Джпвелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета, т. III. Здѣсь мы разсматриваемъ и разныя литературныя произведенія посвященныя положенію крѣпостной интеллигенціи.

[2]) Молва 1834 г., № 22 и 23, разбирая II часть альманаха „Новоселье" (Спб. 1834), говорила о „Катѣ" слѣдующее (№ 23, стр. 350): „Изъ всѣхъ прозаическихъ статей *Новоселья* это, неоспоримо, лучшая. Не знаемъ, каковъ будетъ цѣлый романъ, отъ котораго она оторвана: но — ex ungue leonem! Отрывокъ сей показываетъ въ авторѣ и наблюдательную внимательность подробностей, и философическій взглядъ на цѣлость жизни, и твердый навыкъ въ языкѣ: всѣ стихіи, необходимыя для романиста!" Рецензентъ дѣлаетъ намекъ, что Безгласный и авторъ, подписывающійся „ь. ъ. й." — одно и то же лицо.

меня; и какъ никто не пойдетъ справляться съ напечатаннымъ мною въ Литературной газетѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, Журналомъ Доктора, то боясь, чтобы забывчивые писатели не обвинили меня въ такъ называемомъ подражаніи, я оставилъ первое намѣреніе, а до времени ограничиваюсь вторымъ».

Упомянутый здѣсь англійскій писатель, несомнѣнно, есть *Гаррисонъ*, авторъ «Записокъ доктора». Его разсказами (вначалѣ анонимными) очень интересовались русскіе журналы тридцатыхъ годовъ [1]). Въ 1835 году вышло у насъ отдѣльное изданіе «Записокъ» Гаррисона въ 9 частяхъ. Но и послѣ этого его разсказы продолжаютъ появляться на страницахъ русскихъ журналовъ [2]). Отсюда видно, насколько популярны были у насъ произведенія этого англійскаго писателя, хотя, конечно, и второстепеннаго.

Изъ цитированнаго выше мѣста «Записокъ гробовщика», во-первыхъ, можно заключить, что онѣ писаны еще въ 1836 г. («одинъ англійскій писатель *въ прошедшемъ* году предупредилъ меня»), а лѣтъ за шесть передъ тѣмъ Одоевскій, по его словамъ, напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» — «Журналъ Доктора».

Въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., въ № 17, стр. 131—3, дѣйствительно, находимъ «*Отрывки изъ журнала Доктора*» за подписью: *Гр.* [3]).

Идея произведенія весьма интересна. Въ формѣ дневника Одоевскій хотѣлъ изобразить рядъ картинокъ изъ жизни, на-

1) Въ „Телескопѣ“, напр., находимъ слѣдующіе переводы: а) Изъ записокъ медика (съ англ.). Государственный человѣкъ (1831, № 22); б) Страшная гроза (изъ Blackwood's Magazine) (1833, № 3 и 4); в) Богатый и бѣдный (изъ Blackwood's Magazine) (1833, № 22); г) Дуэль (изъ Blackwood's Magazine) (1834, ч. 19).—Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (1835, X): Записки покойнаго доктора. Жена баронета (The Baronets bride. The Diary of a late Physician).—Въ „Литер. Приб. къ Р. Инв.“ (1835 г., № 22; перев. съ франц. Ал. Ф—ръ): „Собака-призракъ (изъ Mémoires d'un médecin, par le docteur Harisson)“.—Въ „Библіотекѣ романовъ и историческихъ записокъ“, издаваемой Ф. Ротганомъ, на 1835 годъ. Государственный человѣкъ, Страшная гроза, Богатый и бѣдный, Вдова Клапа и др.

2) Дочь купца. Изъ новыхъ записокъ медика (Blackwood's Magazine). Телескопъ, 1836, ч. 34.—Конторщикъ (The Merchant's clerk.). Б. для Чт. 1836, т. 19 (изъ Blackwood's Magazine). Послѣдняя глава „Записокъ доктора“ (Гаррисона) Обольститель (изъ Blackwood's Magazine). Б для Чт. 1837, т. 25.

3) См. приложеніе.

сколько онѣ отразились въ наблюденіяхъ и переживаніяхъ врача-философа. «Ахъ! какъ разнообразна жизнь доктора», читаемъ въ одномъ мѣстѣ дневника (стр. 132). «она столь исполнена происшествій, что едва ли въ этомъ не превосходитъ жизнь Стряпчаго, или Журналиста. Это изображеніе жизни цѣлаго міра, Шекспирова трагедія въ миніатюрѣ: сколько сценъ важныхъ, комическихъ, плачевныхъ, скучныхъ, ужасныхъ, веселыхъ, отвратительныхъ, милыхъ—и всѣ онѣ такъ странно между собою перемѣшаны, такъ скоро одна за другою слѣдуютъ» (132). «Никогда такъ нельзя узнать сердца человѣческаго, какъ въ состояніи Доктора, ибо никому болѣе не открывается самыхъ сокровенныхъ тайнъ. И палаты и хижина, и театръ и училище,—все находится подъ вѣдѣніемъ Доктора: часто непонятное въ хижинѣ объясняется ему въ великолѣпныхъ чертогахъ, а чаще непонятное въ чертогахъ объясняется въ хижинѣ» (ib). «Каждый Докторъ непремѣнно долженъ быть Философомъ; никто чаще Доктора не видитъ обѣихъ сторонъ предмета» (ib).

Но то, чтѝ нашъ докторъ успѣлъ занести въ свой дневникъ, ни въ литературномъ, ни въ общественномъ смыслѣ большого значенія не имѣетъ. «Отрывки изъ журнала Доктора»—не кончены. «Продолженіе когда-нибудь», написано подъ статьей. Авторъ однако или забылъ о своемъ сюжетѣ, или пересталъ интересоваться имъ. И вспомнилъ лишь тогда, когда передъ нимъ уже лежала книга Гаррисона.

Въ предисловіи Гаррисона къ «Запискамъ доктора» мы находимъ развитіе какъ разъ тѣхъ самыхъ мыслей, которыя въ 1830 г., совершенно независимо отъ англійскаго писателя, побудили Одоевскаго взглянуть на жизнь глазами наблюдательнаго врача [1]).

[1]) „Не могу безъ гордости подумать“,—пишетъ Гаррисонъ (ч. I, стр. II—III), „что большая часть тайныхъ пружинъ, двигающихъ людьми; тысячи довѣренностей, не открытыхъ самымъ искуснымъ духовникамъ и самымъ искреннимъ друзьямъ; таинственныя обстоятельства, любопытныя происшествія, удивительныя откровенія сердца человѣческаго, принадлежали мнѣ, и безъ сомнѣнія мнѣ одному“. „Семейственныя картины, драмы домашняго быта, сцены ужасныя, горестныя, утѣшительныя, при которыхъ я присутствовалъ; призраки всѣхъ этихъ существъ, виновныхъ, невинныхъ, преступныхъ, добродѣтельныхъ, которыхъ я видѣлъ на одрѣ страданія, явились передо мной во всей ихъ дѣйствительной и ярко выраженной существенности: и мнѣ захотѣлось начертать эти воспоминанія“ (IV—V). Здѣсь сама жизнь, какова она есть, „обломки истины,

42 разсказа, изъ которыхъ состоятъ «Записки доктора» въ изданіи 1835 г., удостовѣряютъ, что автору удалось осуществить свое намѣреніе, и мы вполнѣ понимаемъ интересъ, который могли питать у насъ къ Гаррисону въ тридцатыхъ годахъ, когда реальная повѣсть пробовала свои силы въ борьбѣ съ романтическимъ идеализмомъ [1]).

Гаррисонъ напомнилъ Одоевскому его старую идею. Конкурировать съ нимъ онъ не сталъ и принялся за серію разсказовъ—«Записки гробовщика» [2]).

Въ переплетѣ 20, л. 38—45 (автографъ), сохранилась программа «Записокъ гробовщика». Изъ нея видно, что въ эту серію предполагалось включить тринадцать разсказовъ: 1) Емигрантъ, 2) Студентъ Анатоміи, 3) Сирота, 4) Богатыя похороны, 5) Вѣсти на похоронахъ, 6) Невѣрная жена, 7) Семейство во время холеры, 8) Проснувшійся чудакъ [3]), 9) Живописецъ, 10) Прекраснѣйшій человѣкъ, 11) Мартингалъ (ранѣе «Игроки»), 12) Танцмейстеръ и 13) Смерть самого Гробовщика. При №№ 4, 5, 8 и 13 стоятъ только одни заглавія, въ остальныхъ случаяхъ имѣемъ и планъ разсказовъ [4]). Изъ числа задуманныхъ

совсѣмъ нагой, съ ея безчисленными, разнообразными подробностями, съ ея неслыханными горестями; прекрасными, погребенными въ забвеніи, дѣлами; съ ужасами болѣе трагическими, чѣмъ всѣ трагедіи вмѣстѣ; съ тайнами и чудесами человѣчества, выведенными мною на сцену съ вѣрностію добросовѣстнаго свидѣтеля" (V—VI).

1) „Записки доктора",—восторгается, напр., Бѣлинскій (Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, 438),—„прелесть, наслажденіе, очарованіе!"

2) Мысль о запискахъ не только врача, но и гробовщика, по показанію автора, явилась у него еще въ началѣ 30-хъ годовъ. Можетъ быть, нѣкоторое вліяніе на замыселъ имѣли и пушкинскій „Гробовщикъ" (1830) и холера 1831 г. О послѣдней Одоевскій такъ писалъ кн. Г. П. Болконскому (изъ архива М. А. Веневитинова, Барсуковъ, Погодинъ, III, 328—29: „Городъ былъ весьма любопытенъ въ это время и олицетворилъ для меня Бокачіево описаніе язвы. Блѣдныя испуганныя лица во фракахъ, съ губками и стклянками, возлѣ церквей толпы женщинъ и мужчинъ, которые нашли искусство сдѣлать набожность отвратительною, на улицахъ гробовыя дроги и на нихъ веселыя лица гробовщиковъ, считающихъ деньги на гробовыхъ подушкахъ, все это было Вальтеръ-Скотовъ романъ въ лицахъ, и все это такъ было для меня любопытно, что я почти не могъ ничего ни читать, ни писать".

3) Сбоку на томъ же листѣ 41 об. вмѣстѣ съ тѣмъ набросанъ планъ разсказа „Соленая нога".

4) См. приложеніе.

разсказовъ Одоевскій успѣлъ написать и напечатать только три: *Сирота* (въ «Альманахѣ на 1838 г.»), *Живописецъ* («От. Зап.» 1839 г., т. VI) и *Мартиналъ* (въ «Петерб. Сборникѣ» Некрасова 1846 г.).

Моментъ смерти, трагически озаряющій жизнь каждаго человѣка, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, всегда будетъ возбуждать творческую мысль художниковъ. Одоевскій въ своихъ произведеніяхъ не разъ приводитъ людей на очную ставку съ смертью, когда обнажается вся душа человѣка, порою просыпается запоздалая совѣсть, и протекшая жизнь возстаетъ въ новомъ свѣтѣ. Нашъ писатель любитъ пользоваться этими мгновеніями, чтобы показать людямъ ничтожество ихъ существованія, напомнить имъ о забытомъ смыслѣ жизни. Такъ и теперь онъ задумалъ развернуть передъ читателемъ картинки жизни при зловѣщихъ факелахъ смерти. «Vivos voco, mortuos plango»,— ставитъ онъ эпиграфъ къ «Запискамъ гробовщика» [1]).

Къ сожалѣнію, художественная сторона разсказовъ ниже замысла. Въ сюжетахъ много анекдотическаго и «сочиненнаго». Самая позиція разсказчика-гробовщика недостаточно выгодна для наблюденій, во всякомъ случаѣ менѣе выгодна, чѣмъ могла бы быть позиція доктора. Авторъ чувствовалъ это, и придумалъ довольно искусственную біографію гробовщика: онъ—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и художникъ по натурѣ, наблюдательный и склонный къ «философическимъ мечтаніямъ».

Съ личностью гробовщика мы подробно знакомимся изъ введенія къ разсказу «*Сирота*» [2]). Знакомство автора съ гробовщикомъ происходитъ при необычныхъ условіяхъ.

---

[1]) Альманахъ на 1838 г. См. „Das Lied von der Glocke“ Шиллера и эпиграфъ въ „Колоколѣ“ А. И. Герцена.

[2]) *Записки гробовщика*. Альманахъ на 1838 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. Спб. 1838, стр. 221—288. Подпись: „*К. В. О.*“. Посредникомъ между Одоевскимъ и Владиславлевымъ былъ Краевскій. Въ его запискахъ отъ 13 ноября (безъ года) между прочимъ читаемъ (бумаги 1869 г.): „Вотъ вамъ *Гробовщикъ*. Владиславлевъ униженно проситъ поторопиться: за вашею повѣстію остановилась типографія“. Оригиналъ введенія къ „Запискамъ гробовщика“— въ переплетѣ 24, л. 43—58, а рукопись самаго разсказа „Сирота“ (но безъ конца)—въ переплетѣ 42 (автографъ карандашомъ), л. 1—37+54—72 (кончается словами „сироты“: „Я ету исторію хорошо знаю, потому что Тетушка нѣсколько разъ разсказывала ее пріѣзжавшимъ къ ней знакомымъ и разумѣется

Впавшій въ меланхолію, молодой человѣкъ уныло бродилъ въ дождливый день по улицамъ Петербурга. Дождь сталъ усиливаться, и онъ рѣшилъ переждать подъ «выдавшейся крышкой» [1]). Взглянувъ вверхъ, онъ увидѣлъ вывѣску гробовщика и, «по какому-то невольному чувству», немедленно вошелъ въ его квартиру, которая оказалась очень комфортабельной, была украшена картинами и портретомъ Гете. Гробовщикъ понялъ душевное состояніе молодого человѣка и попросилъ свою Энхенъ спѣть что-нибудь. Она подъ аккомпаниментъ фортепьяно «прекраснымъ чистымъ голосомъ запѣла извѣстную Шубертову арію Das Glöcklein» (227). Это пѣніе въ обстановкѣ «какого-то недоконченнаго кладбища» «составляло одно изъ тѣхъ мгновеній, которыя рѣдко встрѣчаются въ жизни, которыя ловитъ живописецъ, которыя надолго остаются въ душѣ поэта, и свѣтятся для него посреди мрака ежедневной жизни» (227—228). Гробовщикъ и молодой человѣкъ познакомились и сдѣлались друзьями.

Гробовщикъ обстоятельно разсказываетъ, какъ онъ пришелъ къ мысли заняться теперешнимъ своимъ ремесломъ. Онъ—русскій нѣмецъ, по имени Григорій Мартынычъ; учился въ университетѣ на богословскомъ факультетѣ, но его влекло искусство, особенно скульптура. Григорій Мартынычъ надѣялся «быть Христофоромъ Колумбомъ въ этомъ мірѣ статуй». Но жизнь разбила мечты начинающаго художника: его «задавили домашнія нужды». Передъ нимъ уже носилась блестящая идея—«изсѣчь Фидіаса, трудящагося надъ недоконченною статуею». Но средствъ на мраморъ не было, и ему пришлось работать на булочника и аптекаря; для перваго онъ слѣпилъ «его самого, въ колпакѣ, трудящагося надъ недоконченною квашнею, а для втораго—анатомическую фигуру, называемую ecorché» (232). Венеры и Аполлоны оказались «слишкомъ неблагопристойными» на вкусъ жителей небольшого городка Остзейскаго края, и доходъ нашему скульптору доставляли только алебастровыя кошки съ вертящимися головами да статуэтки Наполеона, которыя, для

при мнѣ"). „Записки гробовщика". Одоевскій сначала хотѣлъ печатать въ своемъ „Русскомъ Сборникѣ" (бумаги Шевырева въ И. П. Б., письмо Одоевскаго отъ 28 сент. 1836 г.).

[1]) Такая завязка встрѣчается еще въ разсказахъ „Нищій" и „Пятиклассная Лотерея".

удовольствія покупателей, онъ долженъ былъ раскрашивать. Наконецъ, его талантомъ рѣшилъ воспользоваться мѣстный гробовщикъ: онъ сталъ заказывать ему «разныя рѣзныя изображенія, обыкновенно бывающія на Лютеранскихъ гробахъ». Съ теченіемъ времени Григорій Мартынычъ женился на дочери своего заказчика, унаслѣдовалъ его фирму и сталъ зажиточнымъ гробовщикомъ. «Правда, прибавилъ гробовщикъ (233), «ремесло мое печально; но чего не превозможетъ привычка?—я даже нашелъ въ немъ своего особаго рода занимательность:—оно невольно дѣлаетъ человѣка наблюдательнымъ, если онъ имѣетъ малѣйшую къ тому способность; иногда,—сказать безъ самолюбія,—мнѣ удается не быть безполезнымъ человѣкомъ въ этомъ мірѣ; иногда происшествія, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ, возбуждаютъ во мнѣ—не смѣйтесь!—рядъ самыхъ философическихъ мечтаній, а довольно часто въ этихъ происшествіяхъ есть своя особеннаго рода забавная сторона».

Наблюденіями гробовщика и рѣшилъ воспользоваться нашъ авторъ.

Исторія самого Григорія Мартыныча, дѣйствительно, не лишена занимательности и «философическаго» смысла. Но уже какимъ-то натянутымъ анекдотомъ и притомъ плохо разсказаннымъ является «*Сирота*», которой дебютируетъ гробовщикъ.

Къ Григорію Мартынычу вбѣгаетъ дѣвочка и со слезами на глазахъ зоветъ его къ мамѣ, которая вчера заснула и сегодня не можетъ проснуться. Понявъ въ чемъ дѣло, гробовщикъ быстро послѣдовалъ за дѣвочкой въ огромный пятиэтажный домъ, типичный пріютъ петербургской бѣдноты. Въ одномъ изъ коечно-каморочныхъ помѣщеній онъ находитъ покойницу. Хозяйка и жильцы требуютъ, чтобы какъ можно скорѣе увезли тѣло. Григорій Мартынычъ, съ опытностью гробовщика, всматривается въ лицо покойницы и приходитъ къ убѣжденію, что она мнимо-умершая (въ состояніи катаплазма). Послѣ многихъ хлопотъ онъ вызываетъ казеннаго лѣкаря и заставляетъ его пустить кровь бѣдной женщинѣ. Когда это было сдѣлано, она ожила. Григорій Мартынычъ беретъ ее къ себѣ на излѣченіе. Оказывается, что больная, числящаяся, по бумагамъ, вдовой чиновницей Безрукиной, происходитъ изъ рода князей Воротынскихъ.

Судьба пожелала вознаградить Безрукину за испытанныя ею

страданія: она получаетъ огромное наслѣдство и съ нимъ возможность вернуться къ тому образу жизни, какой предназначенъ ей самимъ рожденіемъ. «Теперь моя Безрукина богатая дама; у нее домъ и до 3-хъ тысячъ душъ. Она дѣлаетъ много добра; ее любятъ, къ ней ѣздятъ люди большаго свѣта» (287). Прежняя хозяйка приходитъ поздравлять ее съ именинами и днемъ рожденія; Безрукина обыкновенно «высылаетъ къ ней 25-тирублевую бумажку».

Казалось бы, судьба княжны-нищей какъ нельзя болѣе обнаруживаетъ всю несправедливость соціальнаго неравенства, во всякомъ случаѣ выдвигаетъ проблему бѣдности во всей ея ужасающей правдѣ. Читатель ждетъ этого, когда его приводятъ въ «огромное пятиэтажное зданіе, съ верху до низу наполненное жильцами» (237—8). Но участь обитателей угловъ и каморокъ какъ-то не возбудила въ авторѣ состраданія. Онъ рѣзко оттѣнилъ благородство княжны-чиновницы отъ грубости, корыстолюбія и безсердечія «этой сволочи» (242). «Я родилась не въ бѣдности и порокѣ—я родилась Княжною Воротынскою», говоритъ Софья Павловна. Бѣдность и порокъ въ ея глазахъ — синонимы. «Люди нисшаго класса», читаемъ въ «Сиротѣ», «вездѣ удивительно какъ жестоки; страданіе ближняго рѣдко ихъ трогаетъ, и если простолюдину нѣтъ корысти въ помогѣ, онъ руки не протянетъ, и часто просто отъ лѣни, отъ безпечности, отъ проклятаго слова: *живетъ*» (238). «Правду сказать, нигдѣ вы не найдете такихъ деспотовъ, какъ въ нисшемъ классѣ» (244—245), говоритъ въ другомъ мѣстѣ гробовщикъ. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ онъ разсказываетъ случай, какъ небрежно-жестокое поведеніе одного работника стоило жизни его товарищу.—«Это ужасно! отвѣчалъ я;—а повѣрите ли, что теперь въ модѣ у нѣкоторыхъ писателей представлять грубую чернь, какъ образецъ чистыхъ нравовъ, всѣхъ возможныхъ добродѣтелей и видѣть въ ней настоящій народный характеръ» (239).

Въ соотвѣтствіи съ этими антидемократическими тенденціями изображенъ въ «Сиротѣ» «столовой дворецкой» князя Воротынскаго, Сенюша, получившій отпускную и отблагодарившій господъ всевозможными подлостями. Онъ сумѣлъ пріобрѣсти даже имѣніе своего бывшаго господина и теперь самъ сдѣлался «большимъ бариномъ».

Григорій Мартынычъ съ негодованіемъ говоритъ объ уличныхъ нищихъ, этихъ «пообродягахъ», «негодяяхъ», возмущается «неблагоразумной, слѣпой милостыней», которая есть «потворство лѣни и безнравственности». Онъ понимаетъ, что существованіе бѣдности вызываетъ необходимость извѣстныхъ соціальныхъ мѣръ: «похвально чувство благотворительности, но только въ домѣ трудолюбія» (234—235). Это была одна изъ главныхъ соціальныхъ идей самого Одоевскаго, и онъ спѣшитъ прибавить, что въ мысляхъ гробовщика нѣтъ ничего новаго, что «въ высшемъ свѣтѣ» все это давно уже признано непреложной истиной (235). И, дѣйствительно, князь Воротынскій завелъ «фантрапической домъ», по выраженію его невѣжественной родственницы, и приписалъ къ нему «славную Тамбовскую деревню» (271) [1].

Вотъ какъ понимается въ «Сиротѣ» и разрѣшается соціальный вопросъ.

Средину по своему общественному положенію занимаетъ мужъ княжны, чиновникъ Кондр. Өед. Безрукинъ. Авторъ не отказываетъ ему въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ достоинствахъ («онъ былъ учтивъ, скроменъ, одѣвался очень чисто»), но до книгъ и музыки онъ былъ не охотникъ; «его мысли не выходили изъ предѣловъ его канцеляріи»; наконецъ онъ былъ честолюбивымъ карьеристомъ: съ этой цѣлью онъ женился на сиротѣ-княжнѣ, воспользовавшись ея тяжелымъ положеніемъ; съ этой цѣлью онъ игралъ въ карты съ вліятельными людьми; карты были причиной его разоренія и смерти (282—283).

Судьба сироты-княжны дала автору поводъ произвести сравнительную оцѣнку верховъ и низовъ. Свѣтъ и тѣни распредѣлены весьма неравномѣрно.

Бѣлинскій читалъ «Записки гробовщика» «съ большимъ удовольствіемъ» [2]. «Сирота» удостоилась не совсѣмъ заслуженныхъ похвалъ также со стороны дружественнаго органа—

---

[1]) Вѣроятно, это—князь Петръ Ив. Одоевскій, пожертвовавшій болѣе 1000 душъ на учрежденіе богадѣльни въ окрестностяхъ Москвы и устроившій Даріинскій пріютъ въ Москвѣ въ память своей дочери (графини Кенсона). Погодинъ. Рѣчи, стр. 559—560 и прим., а также въ сборникѣ „Въ память о кн. В. Ө. Одоевскомъ“ (М. 1869), стр. 52 и прим. Ср. выше на стр. 94, прим. 1-е.

[2]) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. III, 297.

«Литерат. Прибавленій къ Р. Инв.», но вызвала слегка отрицательную оцѣнку со стороны матери Одоевскаго [1]).

Второй разсказъ «Изъ записокъ гробовщика»—«*Живописецъ*» [2]).

Мотивъ «Живописца» уже былъ затронутъ Одоевскимъ въ исторіи самого гробовщика. Это—одинъ изъ самыхъ популярныхъ сюжетовъ въ нашей литературѣ 30-хъ годовъ—столкновеніе художника съ мѣщанствомъ окружающей среды [3]). И разсказъ гробовщика на эту тему ничего своебразнаго не представляетъ.

Талантливый молодой художникъ (изъ купеческой семьи), Данила Петровичъ Шумскій, умираетъ въ непосильной борьбѣ съ бѣдностью, не успѣвъ осуществить своего художественнаго замысла нарисовать Мадонну («какую-то ладоннную», по словамъ разсказчицы Марфы Андреевны).

Автору вздумалось поручить роль разсказчицы «богатой мѣ-

---

[1]) Лит. Приб. къ Р. Инв. на 1838, № 5, стр. 88. Здѣсь между прочимъ читаемъ: „Эта повѣсть—плодъ таланта и глубокой наблюдательности, проникнута тѣмъ поэтическимъ юморомъ, которымъ отличаются всѣ сочиненія ея автора. Читая статьи его, вы неразъ горько улыбнетесь, видя предъ собою эти образы—типическія физіономіи искаженнаго человѣчества, и грустное чувство останется у васъ на душѣ отъ ихъ говора—крика страстей, порожденныхъ животненностію и возлелѣянныхъ невѣжествомъ".—Мать (Е. А. Сѣченова) въ письмѣ отъ 26 марта (конечно, 1838 г.) вслѣдъ за отзывомъ о „Сильфидѣ" говорила (бумаги 1869 г.): „*Гробовщикъ* мысль мрачная хотя ты перешолъ (sic) сословіи и классы людей въ совершенствѣ ихъ характеровъ, и что ты видишъ беспрестанно, но мнѣ не нравятся те ощущеніи съ которыми ты принялся за перо писать его.—Скажу за сѣкретъ, что *Сирота* имѣитъ большое сходство съ нѣкогда начатымъ мною романомъ, конечно написано слабѣе но чувствъ въ избытки, нарядно изложена связь однакожъ это все безъ конца, а дано названіе *Тщеславіе подъ кровомъ благотворенія*. Мнѣ случалось читать хуже моего написанные романы онъ безъ конца и останется такъ".—Этотъ отзывъ любопытенъ не только самъ по себѣ, но и потому, что мы получаемъ интересныя свѣдѣнія о матери Одоевскаго. Она была весьма умнымъ человѣкомъ и обладала беллетристическимъ талантомъ.

[2]) *Живописецъ*. (*Изъ записокъ гробовщика*). Отеч. Зап. 1839, т. VI, стр. 31—42. Подпись: „*Кн. В. Одоевскій*".—Но уже 30 мая *1837 г.* Краевскій писалъ Одоевскому (бумаги 1869 г.): „Да благословитъ Богъ продолженіе Черной перчатки и *Живописца*". Въ письмѣ отъ 2 окт. (очевидно, 1839 г.) онъ торопитъ автора съ корректурой „Живописца" (бумаги 1869 г.).

[3]) Обзоръ разсказовъ на эту тему дѣлаютъ Н. А. Котляревскій въ книгѣ „Н. В. Гоголь" (гл. VII) и Н. К. Козминъ въ книгѣ „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. Н. А. Полевой" (стр. 167—8). Въ частности отмѣтимъ, что „Живописецъ" Н. А. Полевого былъ напечатанъ уже въ 1833 г. въ „Моск. Тел." и отдѣльно вышелъ въ 1834 г., а въ 1835 г. появляется „Портретъ" Гоголя.

щанкѣ». Это давало ему возможность лучше оттѣнить отношеніе къ художнику мѣщанской среды; но зато въ ея разсказѣ пропали мучительныя переживанія непонятаго художника. Тѣмъ не менѣе и въ этой формѣ драма художника, который принужденъ уже начатый образъ Мадонны передѣлать на вывѣску для лавочника, выступаетъ достаточно рельефно.

Видъ мастерской, описанной, къ счастью, не Марфой Андреевной, лучше всего характеризуетъ жалкое существованіе и разбитыя мечты художника: «Мы вошли. Грустно было смотрѣть на мастерскую художника. Блѣдный трупъ его лежалъ на простыхъ доскахъ; на лицѣ его еще остались слѣды внутренняго, недавно погасшаго огня; черные волосы лентами струились съ прекрасно-образованной головы; но все было искажено, запятнано смертію; его покрывало едва держащееся рубище; вокругъ были разбросаны краски, палитра, кисти, на огромной рамѣ натянутое полотно: оно невольно приковало мое вниманіе, но на холстѣ не было картины, или, лучше сказать, на немъ были сотни картинъ; можно было различить нѣкоторыя подробности, начертанныя вѣрною, живою кистію, но ничего цѣлаго, ничего понятнаго. Отъ нетерпѣнія ли художника, отъ недостатка ли въ холстѣ, но видно было, что онъ рисовалъ одну картину на другой; полустертая голова фавна выглядывала изъ-за готической церкви; на теньеровскомъ костюмѣ набросана фигура Мадонны; сметливый глазъ русскаго крестьянина былъ рядомъ съ египетскою пирамидою; водопады, домашняя утварь, дикіе взоры сражающихся, цвѣты, кони, атласныя мантіи, уличныя сцены, кедры, греческіе профили, каррикатуры—все это было перемѣшано между собою на различныхъ планахъ, въ различныхъ колоритахъ, и углемъ, и мѣломъ, и красками, —и ни въ чемъ не только нельзя было угадать мысли художника, но съ большимъ трудомъ можно даже было уловить какую-либо подробность. Стѣны, окна мастерской, палитра, мёбели были испещрены точно такими же очерками... другихъ картинъ не было» (32—33).

Марфа Андреевна, какъ истая мѣщанка, называла Данилу Петровича «безпутнымъ», а гробовщикъ считалъ его «замѣчательнымъ человѣкомъ». «Такъ! участь этого человѣка быть неизвѣстнымъ», говорилъ онъ (31—32): «но по крайней-мѣрѣ онъ начнетъ жить послѣ смерти; можетъ быть, мнѣ суждено

быть его проводникомъ къ безсмертію. Не ужъ ли и вы не знаете, что мой бѣдный, неизвѣстный Данила Петровичъ былъ, можетъ быть, однимъ изъ первыхъ живописцевъ нашего времени?..»

Неизвѣстно, на чемъ собственно основаны надежды гробовщика. Авторъ тщательно разыскивалъ «предсмертное произведеніе несчастнаго» и въ результатѣ — «на Щукиномъ Дворѣ, посреди ржаваго желѣза отъискалъ наконецъ вывѣску Шумскаго—ее смыло дождемъ!» (42).

Третій разсказъ гробовщика—„*Мартингалъ*"—хронологически нѣсколько выходитъ за предѣлы изучаемаго періода, но все же цѣлесообразнѣе будетъ разсмотрѣть его теперь же, тѣмъ болѣе, что, хотя онъ напечатанъ только въ 1846 г., но задуманъ значительно раньше, еще въ 30-хъ годахъ: его полная программа имѣется въ числѣ другихъ въ переплетѣ 20 [1]). Сюжетъ не лишенъ оригинальности и задуманъ во вкусѣ французскихъ романовъ тридцатыхъ годовъ.

Разсказъ ведется отъ лица самого гробовщика. Ему случилось продать два гроба для живыхъ, и, разумѣется, при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ.

Молодой человѣкъ, сынъ закоренѣлаго картежника, окончательно проигрался. Дядя, суровый чудакъ (кремень, говоритъ лаконически), видитъ одинъ исходъ: онъ, дядя, уже давно отказавшійся отъ игры въ карты, снова соберетъ картежниковъ играть «на мартингалъ»—«двоить», и, если онъ выиграетъ, то долгъ племянника будетъ уплаченъ; а если проиграетъ, то они оба кончаютъ жизнь самоубійствомъ. На всякій случай они заранѣе пріобрѣли для себя два гроба. Дядѣ удалось выиграть. Муки, которыя племянникъ долженъ былъ пере-

---

1) *Мартингалъ* (*Изъ записокъ гробовщика*). Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Спб. 1846. Стр. 375—390. Подпись подъ статьей: *К. В. О.*, а на титульномъ листѣ: „*Князя В. Ѳ. Одоевскаго*".—Корректурный экземпляръ находится въ переплетѣ 80 (подписи автора нѣтъ).—Оригиналъ—въ переплетѣ 92, л. 62—74 (подпись: „*К. В. О*").—Промежутокъ, отдѣляющій „Мартингалъ" отъ „Живописца", все же столь значителенъ, что автору пришлось заново рекомендовать читателямъ своего гробовщика (примѣчаніе на стр. 380).—

Мартингалъ (фр. martingale—терминъ, употребляемый въ карточной игрѣ, и обозначаетъ двойную ставку; jouer à la martingale=играть на квитъ. „Мартингалъ—двойки въ 17-й разъ", сказано въ программѣ (переплетъ 20, л. 44 об.); и на поляхъ произведено соотвѣтствующее вычисленіе.

жить въ роковые часы, совершенно излѣчили его отъ страсти понтировать.

Интересны въ разсказѣ дѣтскія воспоминанія молодого человѣка объ игрѣ отца (381—2). Но главный интересъ сосредоточивается на психологіи игрока, что нѣсколько напоминаетъ соотвѣтствующій эпизодъ въ романѣ Бальзака «Peau de chagrin». Впрочемъ, Одоевскій воздерживается отъ подробнаго анализа, подъ предлогомъ, что «вы найдете это описаніе въ любомъ романѣ» (389) [1]).

Бѣлинскій, вообще хорошо отзывавшійся объ Одоевскомъ, и на этотъ разъ нашелъ, что «Мартингалъ» «исполненъ интереса и по содержанію и по изложенію». Но форма разсказа отъ имени гробовщика ему не нравится (замѣчаніе Бѣлинскаго въ этомъ случаѣ можно отнести ко всѣмъ «Запискамъ гробовщика»). «Можно замѣтить только», говоритъ онъ, «что этотъ разсказъ былъ бы естественнѣе, еслибы въ него не былъ вмѣшанъ гробовщикъ, которому, несмотря на то, что онъ Нѣмецъ и ученъ, едва ли бы молодой человѣкъ сталъ открывать свои завѣтныя и страшныя тайны, готовясь, можетъ быть, умереть насильственною смертію»... [2]). Но Шевыревъ отнесся къ «Мартингалу» довольно отрицательно [3]).

Суровый славянофильскій критикъ, К. С. Аксаковъ, не хотѣлъ признавать за «Мартингаломъ» никакого значенія. «Г. Одоевскій», писалъ онъ [4]), «любитъ иногда пошутить въ своихъ повѣстяхъ, да кажется, онъ любитъ подшутить и надъ читателемъ; по крайней мѣрѣ, нельзя объяснить этой повѣ-

---

[1]) Не лишена значенія деталь: молодой человѣкъ „самымъ романтическимъ образомъ (тогда еще романтизмъ только что входилъ въ моду)" (379) шагалъ по набережной Мойки. Точь въ точь какъ у Бальзака Raphael ходитъ по набережной Сены.

[2]) Сочиненія В. Бѣлинскаго. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Часть X. Стр. 359. („Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Спб. 1846").

[3]) Москвитянинъ, 1846, № 2, критика. На стр. 182 читаемъ: „Князь Одоевскій передаетъ намъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ разсказа, странный анекдотъ изъ Записокъ Гробовщика... Если этотъ фактъ дѣйствительно случился—онъ замѣчателенъ психологически—и жаль, что Авторъ не объяснилъ его... Эти игроки родъ свой ведутъ отъ Гоголевыхъ, но куда какъ переродились!" Ср. въ письмѣ Шевырева—Р. Ст. 1904, май, 374—375.

[4]) Московскій Сборникъ на 1847 годъ. Отдѣлъ критики. Три критическія статьи Г-на Имрекъ. Стр. 39.

сти иначе, какъ шуткою надъ читателями, которые прочтутъ повѣсть и не найдутъ въ ней ровно ничего».

Дѣйствительно, «Мартингалъ» далеко не изъ сильныхъ произведеній Одоевскаго. Это—психологическая повѣсть по преимуществу; бытъ, какъ таковой, здѣсь отсутствуетъ.

«Живописецъ» и «Сирота», особенно послѣдняя, хорошо знакомятъ насъ съ той точкой зрѣнія, которой держится Одоевскій при изображеніи жизни средняго и низшаго классовъ. Типична въ этомъ отношеніи также повѣсть «*По-просту*».

Отъ нея сохранилось нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ набросковъ и плановъ [1]).

«Извѣстно, что Петербургъ раздѣленъ на нѣсколько обществъ и рѣдко люди однаго встрѣчаются въ другомъ; каждое изъ етихъ обществъ живетъ особою жизнею, особо развивается, получаетъ особые законы, или особыя причуды»,—говорится въ повѣсти «По-просту», въ главѣ «Свадьба канцелярскаго чиновника (богатаго) [2]). По внѣшности судя, на первый взглядъ нѣтъ никакой разницы между гостиной великосвѣтскаго дома съ гостиной какого-нибудь богатаго чиновника: «демократическая рука маляра и обойщика наводитъ на всѣ домы одинаковый колоритъ». Но при большемъ вниманіи можно разсмотрѣть въ обстановкѣ характерныя особенности: у людей средняго класса въ расположеніи мебели видна «какая-то холодная стройность», «ничего безполезнаго, ничего излишняго, ни одной изъ етихъ прихотей свѣта, такъ сказать, *поэтическихъ* [3]), ибо они столь же безполезны, какъ Поезія въ Природѣ, для которыхъ (sic) также нельзя пріискать достаточной причины, какъ для музыкальнаго произведенія, но которыя незамѣтно для человѣка оживляютъ жизнь его».

Въ этой непоэтической обстановкѣ собирается грубо прозаическое общество: канцелярскіе чиновники, умѣющіе ловко «очищать нумера» и дѣлать карьеру; своего рода канцелярскія знаменитости; изъ нихъ нѣкоторые считаются за знатоковъ фи-

---

1) Переплетъ 26, л. 2—8; переплетъ 54, л. 72—73; переплетъ 26, л. 9—12; Ib., л. 19—23, 13—17, 18. Переплетъ 20, л. 95 об., 106 об.—107; 106. Вторымъ заглавіемъ повѣсти предполагалось: „*Наталья (Катерина) Гавриловна*". См. въ приложеніи.

2) Переплетъ 26, л. 9.

3) Курсивъ нашъ.

нансоваго дѣла: «ето были прожектеры, предлагавшіе умножить милліонами Государственные доходы — посредствомъ подати на фрачную пуговицу и обиженные непринятіемъ своихъ основательныхъ плановъ» [1]); были здѣсь далѣе разбогатѣвшіе купцы «во фракахъ и пестрыхъ галстукахъ», отставные военные, «люди посѣдѣвшіе надъ бухгалтеріей и пріемомъ пакетовъ», литераторы, обсуждающіе послѣднюю статью о нравахъ въ «Сѣв. Пчелѣ» (значитъ, статью Булгарина) или разсуждающіе о томъ, «что статьи о нравахъ Господъ А. Б. В. уже слишкомъ ѣдки». Все люди чиновные, важные, щеголяющіе орденами и испорченнымъ французскимъ языкомъ.

Среди гостей были также люди, «объявлявшіе изъ предосторожности въ Газетахъ, что хотя дѣти ихъ не подали никакого повода, но что они неотдѣльные и чтобы потому никто имъ не чинилъ довѣрія». Этотъ странный родительскій поступокъ, повидимому, и положенъ въ основу сюжета повѣсти «По-просту».

Отставной титулярный совѣтникъ Андрей Досифѣевъ сынъ Цейхвартовъ [2]), видя, что его сынъ, Владиміръ (разъ названъ Евгеніемъ) Андреевичъ, гвардіи офицеръ, проводитъ время въ обществѣ графовъ и князей, своихъ товарищей по военной службѣ, и опасаясь, что тотъ ведетъ съ ними распутный образъ жизни (хотя сынъ, по заявленію самого же отца, не подалъ ни малѣйшаго повода къ упреку въ легкомысліи), нашелъ нужнымъ опубликовать въ газетахъ, что онъ проситъ довѣрія его сыну не чинить. Цейхвартовымъ, такимъ образомъ, руководитъ предубѣжденіе противъ аристократовъ. Авторъ повѣсти, наоборотъ, хочетъ показать, насколько эта среда выше Цейхвартовыхъ.

Поступокъ отца столь удручающимъ образомъ подѣйствовалъ на Владиміра, что онъ хочетъ подавать въ отставку. Товарищи, охваченные поэтическимъ чувствомъ братства, на-

---

1) Съ такимъ проектомъ выступалъ и Герасимъ Евстафьевичъ Ляпиновъ въ „Сценѣ изъ домашней жизни" (1838). Это совпаденіе между прочимъ опредѣляетъ и хронологію повѣсти „По-просту".

2) Ранѣе были фамиліи — Рущуковъ, Рудбековъ. Послѣдняя фамилія произведена отъ Рудбекъ, упоминаемаго Нордманомъ въ „Семейной перепискѣ". Въ начаткѣ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ (переплетъ 26, л. 18). Цейхвартовъ названъ отставнымъ штыкъ-юнкеромъ.

перерывъ стараются засвидѣтельствовать ему свое полное довѣріе, между прочимъ предлагаютъ ему «хоть 25 тысячъ безъ росписки», и уговариваютъ не выходить въ отставку. Тѣмъ не менѣе Владимиръ пересталъ бывать въ великосвѣтскихъ гостиныхъ и чаще сталъ посѣщать рестораны. Да и сами сослуживцы, какъ оказалось, старались избѣгать его общества «изъ уваженія къ свѣтскимъ приличіямъ» (переп. 20; л. 95 об.). Отверженный товарищами и обезчещенный отцомъ, Вл. Цейхвартовъ сближается съ трактирнымъ завсегдатаемъ, Лямкинымъ (въ другомъ мѣстѣ—Шулеровымъ)—«homme avec le mepris de la mort et le mepris de l'honneur», какъ сказано въ одномъ наброскѣ (переплетъ 20, л. 105). Владиміру грозитъ окончательное паденіе [1]).

Въ его судьбѣ великодушно принимаетъ участіе товарищъ, графъ Викторъ Рифейскій (въ другомъ мѣстѣ Рудбековъ). Владимиръ влюбился въ Наталью Гавриловну, дочь купца, и проситъ ея руки. Ему отказываютъ, какъ обезчещенному. Графъ ѣдетъ къ отцу Цейхвартова и доказываетъ ему, что онъ долженъ взять назадъ свое опрометчивое объявленіе; тотъ однако не соглашается. Тогда графъ уговариваетъ Наталью, «воспламененную романами», бѣжать съ Цейхвартовымъ, но тутъ отказывается уже самъ Владимиръ.

Далѣе ходъ дѣйствія представлялся автору двояко. По одной версіи Наталья, похоронивъ отца, выходитъ замужъ за бѣднаго человѣка, живетъ несчастливо и готова броситься въ объятія прежнему жениху, но онъ уже окончательно палъ, выгнанъ изъ службы и сдѣлался картежникомъ. Этотъ планъ, впрочемъ, зачеркнутъ [2]). По другой версіи [3]) Рудбековъ (т.-е. тотъ же Рифейскій), «думающій видѣть въ Натальѣ образецъ истинной поэтической любви — наскучавшій свѣтомъ», самъ предлагаетъ ей руку. Бракъ состоялся, несмотря на предостереженіе друзей. Графъ пренебрегъ «разстояніемъ между нимъ и Натальею», находилъ въ ней «Русской простой умъ» и

---

[1]) Можетъ быть, какъ разъ къ этому моменту повѣсти относятся слѣдующія строки (въ переплетѣ 54, л. 4, автографъ карандашомъ): „Влад. пораженный нещастіемъ начинаетъ вѣрить тѣмъ людямъ которыхъ онъ презиралъ, упрекать себя и искать въ нихъ утѣшенія".

[2]) Переплетъ 20, л. 95 об.

[3]) Ibid., л. 106 об.—107.

желчно отзывался о свѣтѣ. Скоро однако графъ убѣдился въ своей роковой ошибкѣ. Ему не удалось стереть съ Натальи грубую кору демократизма: она заводитъ нечистоту въ домѣ и себя держитъ крайне неопрятно. «Въ Графѣ рождается отвращеніе къ ней — шумъ между родственниками — процессъ». Графъ разводится съ женой. Таковъ финалъ mesalliance'а.

Симпатіи автора всецѣло на сторонѣ высшаго свѣта. Жизнь средняго класса идетъ «по-просту», но въ концѣ-концовъ какая это грубая и даже жестокая жизнь! Въ этой средѣ даже образованность прививается крайне слабо: прирожденный плебей такъ или иначе проявитъ себя. Авторъ убѣжденно пишетъ [1]): «Хотя нынче въ модѣ демократія и бюрократія—но я твердо увѣренъ, что образованность, первое основаніе аристократіи, переходитъ къ сыну — съ кровью и имѣетъ вліяніе даже на наружность (Примѣръ Пугачева, который не повѣрилъ одному, что онъ дворянинъ, по его рожѣ); простолюдина труднѣе образовать или аристократизировать, и онъ все сбивается на природное влеченіе».

Неудивительно поэтому, что среди общества, изображеннаго въ повѣсти «По-просту», такъ выгодно выдѣляется графъ Викторъ Рифейскій [2]). «Графъ Рифейскій», читаемъ въ переплетѣ 54, л. 72—73, «былъ не такой человѣкъ, которыхъ часто изображаютъ наши *Лакеи-Романисты* [3]) подъ названіемъ людей моднаго тона, но принадлежалъ къ тому обществу, гдѣ вы не встрѣтите человѣка опозореннаго своею жизнію и общимъ мнѣніемъ, гдѣ всякой имѣетъ равное право на уваженіе, гдѣ даже непримиримые враги уважаютъ другъ друга, гдѣ человѣкъ останавливается, когда замѣчаетъ что его слова вамъ непріятны, гдѣ васъ выслушиваютъ, не перебиваютъ вашихъ словъ, гдѣ отъ отца къ сыну переходитъ естественная непринужденная терпимость ко всякому мнѣнію, если подъ нимъ не скрывается какое-нибудь неблаговидное грубое побужденіе, гдѣ толстый кошель не имѣетъ права на наглость, гдѣ вы можете быть увѣрены что вошедшіе въ комнату люди оставили за порогомъ всѣ выраженія буйныхъ страстей, и гдѣ вы можете сидѣть безъ ножа за пазухой, словомъ онъ принадлежитъ къ тому

[1]) Переплетъ 20, л. 106.

[2]) Эта фамилія также довольно часто употребляется Одоевскимъ.

[3]) Курсивъ нашъ.

обществу которое называютъ *хорошимъ, высшимъ*, въ отличіе отъ того, откуда изгоняется всякое человѣческое достоинство, гдѣ золотой кошель нахальствуетъ, гдѣ вы всякую минуту должны быть готовы биться на кулачки, или быть свидѣтелями такого зрѣлища».

Но графъ Рифейскій пресытился свѣтской жизнью, балами и раутами, гдѣ «цѣлый день онъ говорилъ не то, что думалъ, думалъ не то, что говорилъ» [1]. «Не страсти, не буйство сердца» надломили его душу, а «пустота существованія»; его жизнь не отцвѣла, а поблекла, оцѣпенѣла въ какомъ-то нравственномъ маразмѣ. А было время, когда онъ вѣрилъ въ искусство, когда любовь не казалась ему «романтическою выдумкою». «Все оборвала, все затоптала нелѣпая жизнь—его музыкальное чувство растлилось въ безчувственныхъ романсахъ, его живопись растлилась альбомами, его мысли растлились ежедневными фразами». Много тяжелаго передумалъ молодой человѣкъ, возвращаясь домой въ три часа утра. Жуткое впечатлѣніе производили на него петербургскія улицы ночью. «Странное кладбище—снаружи тишина смерти, внутри живое терзаніе». Графъ томится тоской и сознаніемъ неудовлетворенности. Вспомнились ему и романы, въ которыхъ такъ много *дурного* говорится о *хорошемъ* обществѣ, въ которыхъ научаютъ читателей, «что всякій Графъ или Князь есть мотъ и невѣжда, всякая Графиня—распутная женщина, и всякая женщина, которая не умѣетъ одѣваться, не читаетъ книгъ, не поетъ Итальянскихъ арій и имѣетъ щастіе не быть ни Княгиней ни Графиней, въ которой нѣтъ вычуръ, а божественная простота — есть образецъ совершенства» [2]. Графъ увидѣлъ для себя какую-то «обѣтованную землю» въ жизни средняго круга и, какъ мы уже знаемъ, по одной версіи повѣсти, женится на дочери купца, Натальѣ Гавриловнѣ; горькимъ опытомъ убѣждается онъ, какъ ничтожна цѣна той «божественной простоты», которой онъ было увлекся. Авторъ еще разъ говоритъ (переплетъ 54, л. 73): «*Демократическій духъ Европы* [3]) произвелъ всѣ ети восклицанія противъ хорошаго общества, и даже нападали на него тѣ, которые къ нему принадлежали, ибо видѣли въ немъ только собраніе денегъ,

[1]) Переплетъ 26, л. 2.

[2]) Переплетъ 54, л. 72 об.

[3]) Курсивъ нашъ.

звѣздъ и шитыхъ мундировъ, не замѣчая того что *въ немъ одномъ* [1]) можетъ существовать необходимое условіе общаго спокойствія — *терпимость*» [2]).

Повѣсть «По-просту» не закончена, но идея вполнѣ ясна.

Если «лакеи-романисты» чернятъ большой свѣтъ, то авторъ-аристократъ выдвигаетъ грубыя стороны въ жизни малокультурныхъ слоевъ. Высшіе классы сильны уже одной своей образованностью. Въ ней великая облагораживающая сила. Безъ просвѣщенія и «поэзіи» нѣтъ настоящей жизни, и люди похожи на какіе-то живые трупы, на «живыхъ мертвецовъ». Такъ и называется одинъ разсказъ Одоевскаго [3]).

Повѣсть «*Живой мертвецъ*» была напечатана лишь въ 1844 г., но написана въ 1838 г. [4]). Форма произведенія — фантастичс-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Небезынтересно отмѣтить любопытное совпаденіе: въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." 1835, № 53, напечатано произведеніе К. Домонтовича подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Живой мертвецъ" (о полицейскомъ чиновникѣ Г. К.).

[4]) *Живой мертвецъ* (*Посв. графинѣ Е. П. Ростопчиной*). Отеч. Записки, 1844, т. 32, Словесность, стр. 305—332. Дата: 1838. Подпись· „*К. В. О*"; въ оглавленіи тома фамилія автора напечатана полностію. Въ бумагахъ 1869 г. сохранились записки А. А. Краевскаго, въ которыхъ онъ по обыкновенію торопитъ съ присылкой „Живого мертвеца". 15-го января (1844 г.) Краевскій писалъ: „Сегодня 15-е число, и я являюсь къ вамъ, какъ чортъ за душою. Пришлите, Бога ради, *Живаго Мертвеца*. Если онъ, въ противность вашимъ обѣщаніямъ, не готовъ еще весь, то пришлите хоть то, что есть, и оканчивайте остальное. Повторяю: вы погубите меня, если опоздаете!" Черезъ три дня новая записка· „Что же, отецъ мой? Вы приводите меня въ судорожное состояніе! Ужь 18-е число, а у меня нѣтъ ни строчки Живаго Мертвеца. Бога ради, пришлите. Иначе, мнѣ плохо будетъ. Пришлите хоть что-нибудь". 27 января (см. въ Р. Ст. 1904, іюнь, стр. 583) Краевскій проситъ поскорѣе прочитать корректуру „Мертвеца" и умоляетъ замѣнить „Безгласный псевдонимъ" своей настоящей фамиліей. При этомъ Краевскій между прочимъ замѣчаетъ: „Подъ статьею стоитъ *1838 годъ*". Въ III ч. Собранія сочиненій произведеніе перепечатано съ датой 1839 г. и посвященіемъ гр. Е. П. Ростопчиной. Письмо Ростопчиной — см. Р. Ст. 1904, іюль, 162—163. — Въ переплетѣ 20, л. 61 (автографъ карандашомъ), набросанъ планъ „Живого мертвеца", хотя заглавіе еще отсутствуетъ, и главный герой именуется „Василій Кузмичъ Протогеновъ", а ранѣе — „Василій Ивановичъ Паутинкинъ". Въ печатномъ текстѣ „Живого мертвеца" Василій Кузьмичъ Протогеновъ (Паутинкинъ) названъ уже Аристидовымъ. Въ программѣ „Живого мертвеца" Василію Кузьмичу приписано разночинское происхожденіе: „Семинаристъ. Жилъ въ бѣдности, вышелъ въ люди". Плебеемъ изображается и Аристидовъ. Нѣкоторыми деталями программа отличается отъ

ская [1]). Крупный чиновникъ, Василій Кузьмичъ Аристидовъ, умеръ и мертвецомъ навѣщаетъ мѣста, гдѣ протекала его служебная и личная жизнь, прислушивается къ разговорамъ о себѣ и узнаетъ, какъ люди оцѣниваютъ его дѣятельность и личность. Мертвецъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что видитъ и слышитъ, и—просыпается. Все пережитое мертвецомъ было сонъ. Василій Кузьмичъ сумѣлъ даже объяснить, отъ чего ему могъ привидѣться такой «глупый сонъ»: «да! вчера я поужиналъ немного небережно, да еще лукавый дернулъ меня прочесть на сонъ грядущій какую-то фантастическую сказку» (ч. III, 140). Аристидовъ негодуетъ на «сказочниковъ», которые никогда не напишутъ чего-нибудь «полезнаго, пріятнаго, усладительнаго», а «всю подноготную въ землѣ вырываютъ», наводятъ обывателя на разныя мысли и не даютъ спокойно спать. Такъ точно роптала и «закоснѣлый Волтерьянецъ» «Привидѣнія» на романтическія повѣсти модныхъ сочинителей (III, 29). Аристидовъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые погрязли въ прозаическихъ и матеріальныхъ интересахъ жизни. Онъ жилъ, какъ всѣ, считался образцовымъ чиновникомъ, но въ сущности былъ опаснымъ злодѣемъ. Человѣкъ незнатнаго происхожденія, разночинецъ, Аристидовъ искусно сумѣлъ подняться до высокаго мѣста и составилъ себѣ довольно значительный капиталецъ. Чины и деньги были единственнымъ предметомъ его стремленій. «Жилъ я умненько, учился на желѣзные гроши, въ наслѣдстао получилъ мѣдные, а дѣтямъ оставилъ кòку-съ-сокомъ... изъ ничего вышелъ въ люди и все самъ собою» (101—102). «Знаешь ли ты, что такое деньги?» поучалъ онъ сына (119): «не знаешь?—я тебѣ скажу: деньги то, чѣмъ мы дышемъ; все на свѣтѣ пустяки, все вздоръ, все дребедень... одна вещь на свѣтѣ: *деньги*! помни это, Петруша,—съ этимъ далеко «пойдешь...»—Василій Кузьмичъ сознательно изгонялъ изъ жизни всякія «поэтическія бредни». Музыки онъ никогда не любилъ (125); онъ уничтожаетъ старинную живопись на стѣнахъ (131) и продаетъ на пудъ важные историческіе документы (130); да и научнаго образованія не цѣнилъ.

плана печатнаго текста. Во снѣ, читаемъ въ рукописномъ планѣ, „Паутинкинъ улетаетъ въ другое полушаріе", переносится во „2-е столѣтіе" и видитъ „вражду между потомками Паутинкина и Кузьминыхъ". См. приложеніе.

[1]) Ср. выше на стр. 221 очеркъ *„Разговоръ двухъ покойниковъ"*.

Дѣтей училъ только «важнѣйшему—*какъ жить на свѣтѣ*» (101), т.-е. какъ сдѣлаться «благоразумными людьми». На службѣ и вообще въ жизни Василій Кузьмичъ не сдѣлалъ ничего формально криминальнаго, однако не только его поступки, но и его мысли, чувства, слова, короче, все, въ чемъ только выражалось его существованіе, имѣло рядъ пагубныхъ послѣдствій. Горькіе плоды его вліянія самымъ осязательнымъ образомъ сказались на сынѣ Петрѣ, грубомъ корыстолюбцѣ. Второй сынъ, Гриша, былъ «философъ» и поэтъ; онъ хотѣлъ жить по совѣсти и съ болью сердца говорилъ о власти золота. Онъ сочинилъ даже «два славные стиха для элегіи: «О золото! металлъ презрѣнный! Насъ дочего доводишь ты?»

«Мертвымъ» Аристидовъ понялъ грѣхъ своей жизни и услышалъ, наконецъ, «свой собственный голосъ: «охъ! это совѣсть, совѣсть! какое страшное слово! какъ оно странно звучитъ въ слухѣ! оно кажется мнѣ совсѣмъ инымъ, нежели какимъ тамъ казалось; это какое-то чудовище, которое давитъ, душитъ и грызетъ мнѣ сердце» (138). Некому и не за что помянуть его добромъ. Напротивъ, или смѣются надъ нимъ или ругаютъ и проклинаютъ его. Ахъ, какъ мало люди думаютъ о смерти!

Но исправленіе для Аристидова оказалось невозможнымъ: проснувшись, онъ излилъ свое негодованіе на фантастическія сказки и пошелъ искать развлеченія у Каролины Карловны или Натальи Казимировны. По своей натурѣ разночинецъ Аристидовъ былъ неспособенъ къ возвышеннымъ стремленіямъ.

Низменныя качества души Аристидова оттѣняются благородствомъ *Вячеслава Валкирина*, очевидно, родственника другихъ Валкириныхъ. Это—«бѣдный», но благородный молодой человѣкъ; онъ защищаетъ права Лизы, которую ограбили кузены, сыновья Василія Кузьмича, и желаетъ только одной награды—ея руки. Онъ готовъ теперь же жениться на ней и, слѣдовательно, повторить ошибку Рифейскаго (въ разсказѣ «По-просту»), но Лиза— благоразумна, не хуже какой-нибудь Софьи въ «Семействѣ Холмскихъ» Бѣгичева: она боится, что отецъ Вячеслава не согласится на бракъ, когда ни у жениха ни у невѣсты нѣтъ средствъ, она не хочетъ вызывать семейнаго раздора, не хочетъ пользоваться «самоотверженіемъ» влюбленнаго Вячеслава и даже боится унизить себя: «теперь

твое предложеніе—почти милостыня, въ которой я буду упрекать себя;—будь доволенъ тѣмъ, что моя рука, моя любовь принадлежатъ тебѣ... Богъ все устроитъ—и тогда ничто не помѣшаетъ нашему счастію» (129). Плутъ Филька замѣшиваетъ Лизу въ воровское дѣло. Она невиновна, но ее обвиняютъ въ сношеніяхъ съ воромъ. Идеально честный Валкиринъ безстрастно отталкиваетъ отъ себя свою невѣсту.

«Живой мертвецъ», какъ видимъ, развиваетъ, во-первыхъ, идею о значеніи идеализма въ жизни людей, а во-вторыхъ, идею о нравственной отвѣтственности передъ потомствомъ. Въ жизни все «зацѣпляется одно-за-другое» (133). Иного человѣка и въ глаза не видалъ, а разберешься, и окажется, что онъ страдаетъ по твоей винѣ. Люди связаны между собою закономъ «*солидарности* (solidaritas)» или (въ приблизительномъ русскомъ переводѣ) «*круговой поруки*». Въ эпиграфѣ къ разсказу «Живой мертвецъ», какъ бы взятомъ «изъ романа, утонувшаго въ Летѣ», онъ такъ формулируетъ эту идею (98): «Мнѣ бы хотѣлось выразить буквами тотъ психологическій законъ, по которому ни одно слово, произнесенное человѣкомъ, ни одинъ поступокъ не забываются, не пропадаютъ въ мірѣ, но производятъ непремѣнно какое-либо дѣйствіе; такъ-что отвѣтственность соединена съ каждымъ словомъ, съ каждымъ, повидимому, незначащимъ поступкомъ, съ каждымъ движеніемъ души человѣка. Объ этомъ надобно написать цѣлую книгу». Какъ своего рода pendant къ закону сохраненія матеріи, Одоевскій провозглашаетъ законъ сохраненія идей и духовной энергіи. Къ этому закону онъ возвращался много разъ, оставаясь ему вѣренъ всю жизнь и на немъ строилъ свою соціологію въ 40—50-хъ годахъ.

Въ литературномъ отношеніи разсказъ «Живой мертвецъ» очень слабъ; нудная сочиненность чувствуется здѣсь на каждомъ шагу. Бѣлинскій ставилъ его значительно ниже «Бригадира», гдѣ тотъ же сюжетъ и та же идея [1]).

---

[1]) Полное собраніе сочиненій, подъ ред С. А. Венгерова, т. IX, стр. 15. Среди писемъ, хранящихся въ бумагахъ 1869 г., есть анонимное письмо къ Андрѣю Александровичу (конечно, Краевскому), съ неграмотной орфографіей. Сверху карандашомъ рукою Одоевскаго „Изъ Порѣчья. Пол. Марта 16. 1844“. Авторъ негодуетъ на помѣщеніе въ журналѣ (въ февралѣ 1844 г.) „статьи подъ самымъ глупымъ заглавіемъ *живой мертвецъ*. Заглавіе „никуда не годиться,

Василій Кузьмичъ Аристидовъ служитъ представителемъ обширной семьи чиновниковъ изъ разночинцевъ, разныхъ homines novi, жадныхъ до денегъ и чиновъ, такъ сказать, антиподовъ Гомозейки (въ качествѣ чиновника) и Сегеліеля.

Эта чиновничья среда дала Одоевскому матеріалъ для нѣсколькихъ его произведеній. Получилась цѣлая серія чиновничьихъ пьесъ (въ дополненіе къ тому, что имѣется въ «Пестрыхъ сказкахъ» и біографіи Гомозейки).

Вотъ—«*Сцена изъ домашней жизни*» [1]).

Разговоръ происходитъ на *купеческомъ* балу. Собесѣдники расхваливаютъ двухъ выдающихся, по ихъ мнѣнію, чиновниковъ. Одинъ—Герасимъ Евстафьевичъ Лянсиновъ. «Онъ красно писать не умѣетъ о цвѣточкахъ василечкахъ—знасте—да онъ дѣло разумѣетъ» (III, 226). Онъ не написалъ ни одного сочиненія по финансовымъ вопросамъ, но придумалъ «геніальный» проектъ, какъ увеличить государственный доходъ на однѣхъ чиновничьихъ пуговицахъ (227) [2]). Такихъ проектовъ рожда-

---

но статья еще глупей и гаже заглавія". Одоевскій называется Маракинымъ, „Живой Мертвецъ" признается слабѣе „Фантастическихъ повѣстей Бар. Брамбеуса" и произведеній Булгарина.

[1]) Собраніе сочиненій, ч. III, отдѣлъ „Смѣсь", съ датой—*1838 г.* Оригиналъ находится въ переплетѣ 92, л. 196—203. Первоначальное заглавіе было: „*Сцена изъ комедіи: Настоящіе недовольные*". Потомъ дано было другое заглавіе: „*Сцена изъ ежедневной жизни*", а въ скобкахъ замѣчаніе: „L'article qui portait autrefois le titre de *Домашній Разговоръ*". Наконецъ, на л. 197—окончательное заглавіе „*Сцены изъ домашней жизни*".—Изъ зачеркнутыхъ строкъ на л. 200 видно, что авторъ хотѣлъ ввести въ число дѣйствующихъ лицъ еще *Рифейскаго.*—Первоначальное заглавіе, какъ мы сказали, было: „Настоящіе недовольные". Вѣроятно, объ этомъ произведеніи и идетъ рѣчь въ письмѣ Пушкина къ Одоевскому отъ апрѣля 1836 г. (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, 294): „Разговоръ Недовольныхъ непомѣстилъ я потому что уже Сцены Гоголя были у меня напечатаны — и что Вы могли другъ другу повредить въ ефектѣ". Сцены Гоголя—это „Утро дѣлового человѣка", напечатанное въ первомъ нумерѣ „Современника". Тогда Одоевскій направилъ свое произведеніе къ Краевскому, въ „Лит. Приб. къ Р. Инв.", гдѣ оно и было напечатано въ 1837, № 17, подъ заглавіемъ „*Сцены изъ ежедневной жизни*" за подписью „*В. Безгласный*". (При этомъ имя одного чиновника—не Герасимъ Евстафьевичъ Лянсиновъ, а Герасимъ Евстихѣевичъ Лянсинный). Значитъ, произведеніе правильнѣе датировать *1836—1837-мъ* годомъ.—Въ оригиналѣ на л. 196 сверху (къ правому углу) написано: „Б. Г.", что несомнѣнно, нужно читать „Біографія Гомозейки". Слѣдовательно, „Сцена изъ домашней жизни" имѣетъ нѣкоторое право принадлежать къ *циклу Гомозейки.*

[2]) Ср. выше на стр. 765.

ется немало въ его изобрѣтательной головѣ, да ихъ не умѣютъ цѣнить тамъ, наверху. Другой представитель бюрократіи той же масти—Ив. Андр. Карпенко, доведшій свою бумажную дѣловитость до идіотской аккуратности (228—230), за что «и велѣли ему выйти въ отставку».

Въ самой непосредственной связи съ «Сценой изъ домашней жизни» стоитъ пьеса *«Хорошее. жалованье, приличная квартира, столъ, освѣщеніе и отопленіе. (Домашняя драма)»* [1]).

Это—цѣлая драма въ трехъ актахъ.

Какъ драматургъ, Одоевскій не обнаруживаетъ большого таланта. И данная пьеса, по архитектоникѣ и психологіи дѣйствующихъ лицъ, весьма примитивна, но по темѣ и типамъ представляетъ извѣстный интересъ [2]). Появившись вскорѣ послѣ «Ревизора» (1836) [3]), по сюжету она служитъ предтечей «Доходнаго мѣста» Островскаго.

Пьеса Одоевскаго изображаетъ міръ дѣльцовъ-карьеристовъ, идеалъ которыхъ весь выраженъ въ заглавныхъ словахъ пьесы.

Первый дѣлецъ—Емельянъ Андреяновичъ Сыромятниковъ [4]). Сыромятниковъ — грубо-невѣжественный человѣкъ; ученье въ его глазахъ вздоръ, но въ силу необходимости онъ готовитъ

---

[1]) III ч. Собранія сочиненій, отдѣлъ „Смѣсь“, съ датой *1838 г.* Оригиналъ—въ переплетѣ 2, л. 67—78, но безъ конца (до 282 стр. печатнаго текста), съ пропусками и перепутанными листами. Въ рукописномъ текстѣ есть небольшія отличія отъ печатнаго. Между прочимъ подзаголовокъ читается не „Домашняя драма“, а *„Домашніе разговоры“*; вмѣсто фамиліи Сыромятникова первоначально въ рукописи была фамилія *Тряпишникова.* Отрывокъ, содержащій конецъ II явленія (со словъ: „своею довѣренностію... *Сердоб.* Слишкомъ много чести“ и т. д.), попалъ въ переплетъ 13, л. 146 (автографъ). Первоначально пьеса была напечатана въ „Литер. Приб. къ Р. Инв.“ на 1837 г., № 33, за подписью *„Безгласный“*. Значитъ, опять правильнѣе относить „Хорошее жалованье“ къ *1837 г.*

[2]) Бѣлинскій однако приглашалъ читателей „насладиться произведеніемъ, столь прекраснымъ по мысли, сколько и по выполненію. Это одно изъ лучшихъ произведеній князя Одоевскаго“ (Полное собраніе сочиненій подъ ред. С. А. Венгерова, т. IX, 23 стр.).

[3]) Можетъ быть, постановка „Ревизора“ послужила извѣстнымъ стимуломъ и для Одоевскаго. Тряпишниковъ въ этимологическомъ родствѣ съ Тряпичкинымъ.

[4]) Эта фамилія заставляетъ вспомнить слова туфли въ „Пестрыхъ сказкахъ“ (109): „у насъ жизнь сыромятная“. Выдѣлку сыромятныхъ издѣлій Плакунъ Горюновъ считаетъ достойнымъ занятіемъ Булгаринымъ (ср. выше на стр. 642—3, прим. 3-е).

своего сына къ поступленію въ университетъ, однако «какъ-нибудь», «чтобъ только онъ могъ экзаменъ выдержать» (237). Какъ Аристидовъ, онъ—homo novus, выбравшійся всѣми правдами и неправдами наверхъ бюрократическаго міра. Его опошляющее вліяніе сказалось на всемъ строѣ семейной жизни: жена—легкомысленная кокетка, сынъ (Ваничка)—развращенный мальчишка, который не хочетъ учиться, а предпочитаетъ «ѣздить верхомъ, пить водку и волочиться за женщинами» (246—7).

Въ семью Сыромятникова, въ качествѣ домашняго учителя, вступаетъ г. Измовъ. Его карьера и составляетъ главное содержаніе пьесы. Изъ робкаго бѣдняка и идеалиста, мечтающаго создать эпическую поэму, Измовъ постепенно превращается въ безпринципнаго и циничнаго карьериста; съ помощью «кабинетнаго гостя», И. И. Сердоболина, нѣкоего Лихвинзона и даже высокопоставленнаго чиновника Максима Петровича [1]), Измовъ превращается въ крупнаго капиталиста и вліятельнаго человѣка. Чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше и меньше испытываетъ онъ колебаній. Его самолюбію льститъ, что теперь передъ нимъ, богатымъ и сильнымъ человѣкомъ, всѣ преклоняются, что даже знать добивается его благосклонности. «Что взяли, господа аристократы? видно понадобился пестрединный халатъ... то-то же...!» (278), торжествующе восклицаетъ вчерашній плебей.

Авторъ однако не хочетъ оставить насъ подъ впечатлѣніемъ, что чиновничество состоитъ изъ плутовъ и мошенниковъ, какъ въ «Ревизорѣ». Появленіе жандарма съ извѣстіемъ, что прибылъ настоящій ревизоръ изъ Петербурга и что всѣхъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ ожидаетъ нелицепріятная кара закона, должно помирить зрителя съ бюрократическимъ строемъ вообще. Островскій въ «Доходномъ мѣстѣ» будетъ уже опираться на силу общественнаго мнѣнія. Одоевскій стоитъ на точкѣ зрѣнія Гоголя и какъ бы дополняетъ его комедію. Онъ вѣритъ въ справедливость и силу правительственной власти. «Нынче видите строго» (269), заставляетъ онъ жаловаться «кабинетнаго гостя», предваряя Островскаго. Кромѣ того, у правительства есть уже и честные сотрудники. Это *чиновники-литераторы* изъ хорошихъ фамилій. Характерная для Одоевскаго идея!

Измовъ и его компанія именно въ чиновникахъ-литераторахъ

---

1) Можетъ быть, опять реминисценція изъ „Горя отъ ума“.

видятъ своихъ главныхъ враговъ. «Нынче же по судамъ развелись философы, да литераторы, которымъ собственной пользы не втолкуешь», сѣтуетъ тотъ же «кабинетный гость» (260). Борется съ «литераторами и философами», съ «филантропомъ-литераторомъ» и Лихвинзонъ. «Это наши сущіе враги», говоритъ онъ (281): «имъ никакъ не втолкуешь ихъ настоящаго интереса, все на амбиціи, да на деликатности,—то и дѣло ввернутъ и совѣсть, и честь, и пятое, и десятое—съ ними никакъ пива не сваришь». Чиновники-литераторы—народъ опасный: они заняли видныя мѣста и «дѣло знаютъ, злодѣи». Тягаться съ ними нелегко. Для борьбы съ ними Измовъ и Лихвинзонъ предполагаютъ даже обратиться къ содѣйствію одного литератора, въ которомъ нетрудно узнать *Булгарина* (282—3).

Идеальнымъ представителемъ людей, соединяющихъ въ себѣ литературные интересы съ готовностью свято выполнять долгъ чиновника, является молодой графъ Александръ Рельскій. Авторъ именно ему поручилъ выразить свои мысли о *службѣ* и *литературѣ*. Рельскій сочиняетъ повѣсти «сатирическія, фантастическія»; и между прочимъ написалъ повѣсть «Взяточникъ» (287). Содержаніе для своихъ произведеній Рельскій беретъ изъ дѣйствительной жизни, но не переноситъ лицо живымъ на бумагу («такая копія литературно невозможна»), а художественно претворяетъ дѣйствительность. «Вы знаете», разъясняетъ онъ Измову процессъ литературнаго творчества (288): «матеріалы сказочника вездѣ: на улицѣ, въ воздухѣ,—а всего больше въ его собственной душѣ,—а она въ нѣкоторыя минуты получаетъ чудную силу навѣрное угадывать то, чего и не видала». Творчествомъ Рельскаго однако руководитъ опредѣленная идея: «Я хотѣлъ представить въ лицахъ очень простую истину: что безсовѣстный человѣкъ не можетъ быть ни добрымъ супругомъ, ни добрымъ отцомъ семейства» (289). «Честная литература—точно брандвахта, аванъ-постная служба посреди общественнаго коварства» (290—291). Развивая свою нравственную идею, Рельскій съ жаромъ говоритъ о томъ злѣ, которое сѣетъ вокругъ себя безчестный человѣкъ, о томъ, какъ злодѣй подготовляетъ себѣ позорную старость и возмездіе въ лицѣ испорченнаго потомства (идея «круговой поруки»). Честная же литература можетъ заставить его во-время одуматься, ужас-

нуться грозящихъ послѣдствій, почувствовать угрызеніе совѣсти и, можетъ быть, исправиться (та же мысль въ «Янтинѣ»).

Подобныя «честныя» книги временами попадали въ руки и Измова и смущали его покой (277). Теперь горячія рѣчи Рельскаго оставили серьезный слѣдъ въ душѣ Измова, пробудивъ въ немъ прежнія «мечты» (291, 292, 293). Авторъ заставляетъ его мучиться сомнѣніями, испытывать горькое чувство отчужденности отъ собственныхъ дочерей, которыя знакомы съ произведеніями Рельскаго (275—6, 294—6), заставляетъ его пережить унизительную сцену съ Сердоболинымъ (297—305) и, наконецъ, подвергнуться карѣ закона (305). Какъ Вышневскій въ «Доходномъ мѣстѣ», Измовъ не переживаетъ позора. Развязки у Островскаго и Одоевскаго—сходны. Измовъ—законный предокъ Вышневскаго.

Къ тому же циклу, что «Хорошее жалованье», относится неоконченная пьеса, сохранившаяся въ рукописяхъ Одоевскаго, подъ заглавіемъ *«Господинъ Тряпишниковъ, или кого держаться»*.

Сыромятниковъ драмы «Хорошее жалованье» въ рукописи, какъ мы знаемъ, первоначально именовался Тряпишниковымъ. Очевидно, тотъ же образъ Одоевскій имѣлъ въ виду и въ пьесѣ «Господинъ Тряпишниковъ». Въ первомъ произведеніи главная роль отдана Измову, а здѣсь герой — Тряпишниковъ [1]).

Карпъ Карповичъ Тряпишниковъ, человѣкъ демократическаго происхожденія (повидимому, изъ купцовъ), подвизался ранѣе въ Курскѣ, нажилъ нечестными средствами большой капиталъ (300 тыс. дохода) и взялъ жену изъ родовитой фамиліи. Наталья Алексѣевна пошла на такой mesalliance съ условіемъ,

---

[1]) Пьеса „Господинъ Тряпишниковъ“ не окончена, не отдѣлана и по времени, можетъ быть, даже предшествовала „Хорошему жалованью“. Въ переплетѣ 40, л. 63, находимъ перечень дѣйствующихъ лицъ и самое начало плана I дѣйствія. Авторъ колебался въ выборѣ именъ и между прочимъ Тряпишникова готовъ былъ назвать Паутинкинымъ. Затѣмъ, въ томъ же переплетѣ 40-мъ, на 66 листахъ (почти исключительно карандашомъ) имѣются два новыхъ перечня дѣйствующихъ лицъ и наброски самой пьесы. Болѣе отдѣланный текстъ находится въ переплетѣ 10, л. 78—80, автографъ первыхъ трехъ явленій + л. 47—77—копія, съ заглавіемъ „Господинъ Тряпишниковъ, или кого держаться“. Этой редакціи соотвѣтствуетъ второй планъ въ переплетѣ 40-мъ. Кромѣ того, въ переплетѣ 20, л. 49 (автографъ, карандашомъ) есть небольшой отрывокъ пьесы.

Дѣйствіе пьесы не закончено [1]. Но идея уже вполнѣ успѣла выясниться. Какъ въ «Хорошемъ жалованьи» Сыромятниковъ и Измовъ карьеристы - плуты изъ плебеевъ, такъ и Тряпишниковъ изъ грязи пробирается въ князи. Измовъ съ злорадствомъ относится къ аристократамъ. То же чувство плебейской вражды приписываетъ авторъ и Тряпишникову. Этотъ выскочка съ удовольствіемъ читаетъ «Сѣверную Пчелу», гдѣ такъ, по его мнѣнію, остроумно отдѣлываютъ князей да графовъ «и всегда выставляютъ въ примѣръ людей, которые подобно мнѣ безъ Университетовъ и Лицеевъ, сами собою дошли до извѣстныхъ степеней» (переплетъ 40, л. 5). Онъ мечтаетъ, что, когда сдѣлается важнымъ лицомъ, то будетъ выдвигать не графовъ и князей, а чиновниковъ изъ вольноотпущенныхъ, изъ мѣщанъ и поповичей: «сердце къ нимъ лежитъ, они кланяются низко, они честятъ Ваше Превосходительство, въ комнату войдетъ не сядетъ, скажешь дурака—не обидится,—а уже ети мнѣ аристократы—все на вѣжливостяхъ, да на учтивостяхъ, да въ границахъ закона, да въ предѣлахъ пристойности—погодите я переверну Васъ»... (л. 14—15).

Судя по плану въ переплетѣ 40, Тряпишниковъ терпитъ фіаско. Князь отказывается дать мѣсто неграмотному человѣку [2].

Подлости не всегда удаются, Одоевскій вѣритъ въ бдительное и правое око высшаго начальства. Мошенничаютъ Сыромятниковы, Измовы и т. п. люди, но честные и образованные чиновники блюдутъ правду, и рано или поздно кривда будетъ обличена. Положеніе чиновника, пойманнаго въ плутняхъ, весьма печально. Лишившись мѣста, онъ падаетъ со ступеньки

---

[1] Рукопись обрывается на сценѣ, гдѣ должны бесѣдовать Валкиринъ и Лиза, а говоритъ пока одинъ только Валкиринъ.

[2] Очевидно, въ тѣсной связи съ тѣмъ же сюжетомъ стоитъ планъ написать произведеніе о камергерѣ Милашкинѣ и камер-юнкерѣ Тряпишниковѣ. Въ переплетѣ 20, л. 98 об (автографъ), отъ него сохранилось слѣдующее: „*Господинъ Милашкинъ и его супруга, или за чемъ пойдешь, то и найдешь*. Дѣйств. л. Камергеръ Милашкинъ. Его супруга. Камер-юнкеръ Тряпишниковъ Церемоніймейстръ Разрумяновъ и Коврижкинъ. Графъ. Его секретарь. Князь. Его секретарь“. Къ той же серіи сюжетовъ можно отнести и проектъ комедіи „*Добрый человѣкъ*“—въ переплетѣ 20, л. 9 об, автографъ. Здѣсь—только перечень дѣйствующихъ лицъ. Среди нихъ видимъ: Добраго человѣка, Кабинетнаго гостя, Члена благотворительнаго Комитета и т. п.

на ступеньку и нерѣдко попадаетъ на дно, дѣлается нищимъ. Одоевскаго сильно интересовалъ вопросъ о нищенствѣ (вспомнимъ «Сироту» въ «Запискахъ гробовщика»). Уясненію этого общественнаго явленія въ связи съ судьбой безчестныхъ чиновниковъ посвященъ разсказъ: *«Нищій. Изъ записокъ чиновника Крошкина. Изданіе Н. Зарницына»* [1]).

Скромный чиновникъ Крошкинъ попалъ въ какую-то непріятную исторію и, желая себя реабилитировать, начинаетъ разсказывать, какъ было дѣло. На Невскомъ, когда онъ вмѣстѣ съ другими прохожими укрывался отъ дождя [2]), Крошкинъ былъ свидѣтелемъ встрѣчи двухъ бывшихъ сослуживцевъ, занимающихся теперь профессіональнымъ нищенствомъ. Одинъ изъ нихъ, Ермолай Петровичъ, разсказываетъ Марку Ивановичу, когда-то, повидимому, его начальнику по службѣ, исторію своего паденія: какъ онъ выкралъ документы для купца Тимофея Игнатьевича Охапкина, какъ его прогнали за это со службы, какъ купецъ скаредно вознаградилъ его за «трудъ», и онъ постепенно сталъ бѣднѣть и попалъ въ среду ловкихъ профессіональныхъ нищихъ, и въ концѣ-концовъ самъ сталъ заниматься тѣмъ же ремесломъ [3]).

О дѣлѣ и судьбѣ Крошкина мы однако ничего не узнаёмъ.

Сходенъ по завязкѣ съ «Нищимъ» и разсказъ *«Пятиклассная Лотерея»*, рисующая маленькаго петербургскаго чиновника, который гонится за легкой наживой [4]). Разсказъ задуманъ въ фантастической формѣ. Чиновникъ Арнимовъ идетъ въ канцелярію. Его захватилъ дождь, и онъ сталъ подъ крышку [5]). Обернувшись, онъ видитъ нумера выигрышныхъ билетовъ и

---

[1]) Переплетъ 80, л. 141—157 об. (автографъ). Сначала авторъ хотѣлъ назвать чиновника (а не издателя) Зарницынымъ, потомъ Зерничковымъ, Зерничкинымъ (ср. Зернушкина въ „Исторіи о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ“).

[2]) Такое же начало въ „Запискахъ гробовщика“.

[3]) Между прочимъ Крошкинъ попутно полемизируетъ съ тѣми, кто открылъ гоненіе противъ „сей“, „оный“ и „ибо“. Этимъ между прочимъ опредѣляется и хронологія „Нищаго“ (тридцатые годы). Есть и типичная для Одоевскаго тирада противъ петербургскихъ дворниковъ и проектъ замѣнить дворниковъ привратниками

[4]) „Пятиклассная Лотерея“ предназначалась для „Литер. Приб. къ Р. Инв.“ на 1838 г. (см. письмо Краевскаго отъ 15 сент. 1838 г въ бумагахъ 1869 г). Но въ бумагахъ сохранилась лишь программа—въ переплетѣ 20, л. 21—22 об, автографъ.

[5]) См. такое же начало въ „Запискахъ гробовщика“ (см. стр. 140) и „Нищемъ“

мечтаетъ о счастьѣ получить «всѣ большіе куши». Какой-то «коричневый человѣкъ», какъ Мефистофель, помогаетъ ему осуществить свое желаніе, но цѣною преступленій и несчастія другихъ. Цѣль достигнута, но счастливымъ Арнимовъ не сталъ. Мораль—ясна: богатство, нечестно добытое, ведетъ къ «совершенно животной жизни» и не можетъ дать полнаго счастья, которое заключается въ добросовѣстномъ исполненіи обязанностей, въ соблюдени «правилъ жизни».

Къ компаніи столичныхъ чиновниковъ должно присоединить Ивана Артемьевича (въ другомъ мѣстѣ названнаго Андреемъ Артемьевичемъ) *Щиколкина* и его брата, Карпа Артемьевича—провинціальныхъ чиновниковъ, которые служатъ лицамъ, а не дѣлу, подличаютъ и мошенничаютъ. Одоевскій началъ было рисовать ихъ портреты, но не окончилъ [1]).

Плебейскую среду хотѣлъ Одоевскій изобразить еще въ одномъ произведеніи, тоже оставшемся въ рукописи и даже не получившемъ заглавія. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ видимъ *Марка Иваныча*, тезку того Марка Иваныча, который выведенъ въ «Нищемъ» Въ переплетѣ 9, л. 79 (автографъ) сохранилась неоконченная программа этой повѣсти, а въ переплетѣ 1, л. 159—165—начало повѣсти [2]).

Мѣсто дѣйствія—Москва; на сценѣ—Агафонъ Ѳерапонтычъ Подлапкинъ, выслужившійся приказный, Иванъ Андреяновичъ Дягилевъ, сынъ дьячка, семинаристъ, ищущій невѣсты; Ѳедоръ Богданычъ Кроликовъ, «метродотель знатнаго дома»; чиновникъ Четверкинъ, его дядя по матери, Анкудимовъ, «служащій у попечителя Богоугоднаго заведенія»; булочникъ, нѣмецъ Адамъ Адамычъ Бродманъ и пр. Среди этихъ москвичей очутился одинъ пріѣзжій изъ Петербурга, Василій Василичъ Набойкинъ, прибывшій въ Москву за наслѣдствомъ и прожившій его здѣсь. Суть дѣйствія, повидимому, сводится къ грубой борьбѣ изъ-за лакомаго кусочка, какимъ является Наташа, дочь Подлапкина. На Марка Иваныча, старенькаго учителя музыки, возлагаютъ роль свата и посредника, хотя и третируютъ его, какъ шута.

Насколько можно судить по написанной части, повѣсть обѣщала быть интересной въ бытовомъ отношеніи: Маркъ Иванычъ и Дягилевъ очерчены правдиво и типично; автору хо-

[1]) Переплетъ 23, л. 137—138, автографъ.

[2]) То и другое см. въ приложеніи.

рошо удалось изобразить и внѣшнюю обстановку Марка Иваныча. Тепломъ и жизнью вѣетъ отъ симпатичнаго Марка Иваныча, музыкальнаго генія Замоскворѣчья, который трогательно радуется, что его клавикорды имѣютъ такой тихій и пріятный тонъ. Искусно передалъ авторъ первую бесѣду Марка Иваныча съ Дягилевымъ. Этотъ семинаристъ добивается женитьбы на дочери разбогатѣвшаго Подлапкина и строитъ свой планъ на простодушіи Марка Иваныча, который обучаетъ Наташу музыкѣ. Дягилевъ мечтаетъ (л. 165 об.): «Только бы удалось мнѣ подхватить коку съ сокомъ [1]), а тамъ—кто знаетъ? времени много впереди, въ Петербургѣ въ Министерство, а тамъ, а тамъ вѣдь и не мнѣ чета, далеко ушли, а я въ 25 лѣтъ всю Поезію и Философію кончилъ,—сюда хвостомъ, да туда хвостомъ, все дѣло въ умѣньи только бы за что-нибудь прицѣпиться».

Слѣдовательно, Дягилеву предстояло увеличить собою галлерею чиновниковъ-карьеристовъ изъ разночинцевъ съ негромкими фамиліями—Паутинкиныхъ, Тряпишниковыхъ, Сыромятниковыхъ, Протогеновыхъ, Измовыхъ.

Въ бумагахъ Одоевскаго находится еще немалое количество литературныхъ проектовъ, плановъ, набросковъ и т. п., свидѣтельствующихъ о желаніи автора возможно шире охватить типическія явленія жизни разныхъ слоевъ общества. Видно, что въ запасѣ Одоевскаго было еще много интересныхъ наблюденій. Такъ, задумалъ онъ изобразить очень сложный типъ человѣка, который по наружности кажется весьма почтеннымъ, но—«ложь съ головы до ногъ» [2]); а рядомъ съ нимъ и другой, родственный типъ—человѣка, соединившаго въ себѣ суевѣріе съ вольнодумствомъ, благотворительность съ эгоизмомъ, трусость съ злобой [3]); хотѣлъ дать портреты «Комедіантовъ» разныхъ общественныхъ положеній, т.-е. людей, достигающихъ своей цѣли съ помощью лжи, обмана, лести и т. п., а вслухъ твердящихъ о благородствѣ и честности [4]); намѣтилъ цѣлую серію другихъ типовъ: филантропа; старушку-сплетницу; че-

---

[1]) То же выраженіе Одоевскій употребилъ въ разсказѣ „Живой мертвецъ" (154 стр.).

[2]) Переплетъ 30, л. 55—57, автографъ, съ заглавіемъ „*Мастерство XIX вѣка*" (ранѣе: „Кунстъверкъ", „Мейстеръштюкъ").

[3]) Переплетъ 20, л. 31, автографъ, съ заглавіемъ „*Три жизни*".

[4]) Переплетъ 30, л. 37—40, частью копія, частью автографъ (карандашомъ). Неоконченный набросокъ.

ловѣка, желающаго прослыть индустріалистомъ, матеріалистомъ, «утилитаріетомъ» и пр.; мнимаго взяточника; «Поета, который никакъ не хочетъ быть Поетомъ»; «Не-поета, который хочетъ увѣрить себя, что онъ Поетъ и еще меланхоликъ»; безцвѣтную дамочку, поклонницу французскихъ романистовъ; «дѣвушку, которая читаетъ Русскіе романы и восхищается ими»; «помѣщика-критика, который читаетъ «Сѣверную Пчелу» [1]); женщину-«полухарактеръ», готовую расточать свою любезность, чтобы пріобрѣсти какой-нибудь пустякъ (пару перчатокъ и пр.) [2]). Предполагался разсказъ изъ жизни ревельскихъ моряковъ-офицеровъ [3]). Были намѣчены беллетристическое произведеніе въ письмахъ изъ жизни великосвѣтскихъ дѣвицъ [4]), разсказъ «*Двойная любовь* (*Дневникъ Г.*)» [5]), «*Происшествіе въ Маскерадѣ*» [6]), сатирическая повѣсть «*Письма отца къ сыну*», направленная противъ пошлаго житейскаго благоразумія и карьеризма, [7]) и т. д. [8]).

---

[1]) Переплетъ 20, л. 87 об.—88, автографъ.

[2]) Переплетъ 27, л. 22, автографъ.

[3]) Въ переплетѣ 2, л. 57—64, автографъ—„*Новыя варіаціи на старую тему или отрывки изъ Путевыхъ записокъ по дорогѣ къ Ревелю*". Въ переплетѣ 23, л. 4—8 + л. 139, автографъ,—отрывки изъ „*Ревельскихъ Записокъ*". А въ переплетѣ 20, л. 107 об. + ib., л. 106 + переплетъ 23, л. 147, автографъ,—программа разсказа изъ жизни морскихъ офицеровъ (Корецкой и Пинецкій). — Отмѣтимъ, что „С. Бахъ", напечатанный въ „Моск. Набл." 1835 г., имѣетъ дату: „Ревель, 1834"; точно такъ же и статья „О враждѣ къ просвѣщенію" (въ переплетѣ 83, л. 21—37) датирована: „Ревель. 1835 г. Іюль".

[4]) Переплетъ 1, л 14—17, автографъ. *Письмо Лизы изъ Петербурга въ Италію къ Надинькѣ*. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста въ теченіе 9 лѣтъ Лиза жила въ Италіи, и теперь, несмотря на окружающую ее роскошь въ петербургскомъ домѣ ея отца, важнаго чиновника, мысленно она живетъ въ Италіи.

[5]) Переплетъ 20, л. 92, автографъ, съ эпиграфомъ· „Есть въ *сердцѣ человѣческомъ* тайны, любезный Гораціо, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ". Ср. въ „Космoрамѣ" (84 стр.). Набросаны программа (но очень краткая) и нѣсколько начальныхъ строкъ.

[6]) Переплетъ 20, л. 5—7, автографъ. Начало повѣсти. Въ утреннихъ грезахъ молодой человѣкъ переживаетъ свои маскарадныя впечатлѣнія. Просиувшись, находитъ на столѣ дюжину записокъ.

[7]) Переплетъ 21, л. 16—25, автографъ. Заглавіе: „Письма отца къ сыну, содержащія въ себѣ нравственныя наставленія о семейныхъ обязанностяхъ и должностяхъ и о томъ, какъ молодому человѣку должно вести себя въ свѣтѣ, чтобы предохранить себя отъ вредныхъ заблужденій и опасностей, коимъ подвергается неопытный умъ; избранныя изъ дѣйствительно бывшей переписки и издаваемыя для пользы отцевъ и матерей семействъ и въ особенности дѣтей ихъ". Предисловіе и два письма къ сыну Андрюшѣ.

[8]) Въ переплетѣ 19, л. 36, автографъ,—начало „Главы І-ой. *Вечеръ передъ*

Итакъ, бытовая беллетристика Одоевскаго можетъ быть названа весьма богатой какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Наибольшее вниманіе авторъ удѣляетъ жизни высшаго общества. Ее онъ лучше знаетъ, къ ней питаетъ наибольшія симпатіи, какъ къ своей родной сферѣ, и, естественно, ее лучше всего изображаетъ. Среди беллетристовъ 30-хъ годовъ Одоевскаго по праву можно назвать романистомъ большого свѣта по преимуществу. Онъ имѣлъ основаніе упрекать тѣхъ авторовъ, которые, по своему демократическому происхожденію, лишены были возможности непосредственно наблюдать жизнь гостиныхъ, нерѣдко не понимали психологіи людей высшаго свѣта и не знали его языка. Съ другой стороны, самъ Одоевскій оказывался въ томъ же невыгодномъ положеніи по отношенію къ среднему и низшему классамъ. Правда, ему была извѣстна эта среда, особенно по канцеляріямъ и комитетамъ, по разнымъ дѣловымъ связямъ [1]. Но все же здѣсь онъ былъ чужой человѣкъ. И это отражалось какъ на тонѣ изображенія, такъ и на литературныхъ достоинствахъ его повѣстей. При обзорѣ литературныхъ произведеній тридцатыхъ годовъ мы не разъ могли убѣждаться въ томъ, что авторъ, аристократъ по происхожденію и идеалистъ по настроенію, не скрываетъ своего принципіально отрицательнаго отношенія къ среднему и низшему сословіямъ. На демократическое общество Одоевскій смотритъ сверху внизъ, и его разсказы въ этомъ случаѣ не согрѣты чувствомъ непосредственной симпатіи и любви къ изображаемому быту. А безъ любви не можетъ быть и полной художественной правды.

свадьбою"; французскій эпиграфъ,—тотъ самый, какой находимъ въ „Балѣ" (въ „Русскихъ Ночахъ"—I, 80), только ссылка (вымышленная) сдѣлана на другой источникъ, а именно: „*Etude physiologique de l'homme*". Дѣйств. лица—Ростиславъ и Эмилія. — Въ переплетѣ 24, л. 41—42, автографъ, — отрывокъ (мысли на балѣ о дѣвушкѣ, которая готова отдать свою руку „убійцѣ", „палачу").— Въ переплетѣ 20, л. 83, автографъ, — перечень д. лицъ какого-то произведенія изъ великосвѣтской жизни. — Въ переплетѣ 13, л. 77—78, почеркъ не Одоевскаго (м. б., копія)—отрывокъ изъ 11-ой главы какой-то повѣсти; д. лицо—корнетъ Задонскій (молодой человѣкъ изъ „необѣдающихъ" по недостатку средствъ) Въ перечнѣ фамилій на поляхъ рукописи „Кн. Мими" (переплетъ 20, л. 55) есть и Задонскій.

[1]) Изображая мошенниковъ-дѣльцовъ, Одоевскій очень часто говоритъ о безчестныхъ опекунахъ, о плутняхъ съ имуществомъ, о запутанныхъ судебныхъ процессахъ и т. п. Всего этого было достаточно какъ въ его собственной жизни, такъ и въ жизни его матери.

V.

Особое мѣсто занимаютъ два произведенія кн. Одоевскаго на историко-культурныя темы; именно: «*Дѣтская сказка для взрослыхъ дѣтей*» и утопія «*4338 годъ*».

«*Дѣтская сказка для взрослыхъ дѣтей*» сохранилась въ рукописи, въ нѣсколькихъ отрывкахъ [1]).

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что на этотъ сюжетъ Одоевскаго навели работы Шлецера по первобытной культурѣ, которыя въ началѣ 30-хъ годовъ выходили и въ русскомъ переводѣ [2]). Въ «Дѣтской сказкѣ» есть даже прямая ссылка на «старика Шлецера» (переплетъ 24, л. 117).

Въ формѣ отдѣльныхъ сценъ Одоевскій хотѣлъ прослѣдить важнѣйшіе моменты въ исторіи человѣческой культуры, начиная съ изобрѣтенія огня и кончая толками въ гостиной «о Англійскихъ ремесленникахъ, истребляющихъ машины».

«Дѣтская сказка» направлена противъ «старыхъ малютокъ», противъ «взрослыхъ дѣтей», значитъ, въ сущности, противъ тѣхъ же «старцевъ-младенцевъ», которымъ Одоевскій бросилъ вызовъ еще въ повѣсти «Старики, или островъ Панхаи». Старыя малютки съ недовѣріемъ встрѣчаютъ все новое, ропщутъ на успѣхи цивилизаціи. Такъ было искони вѣковъ, на протяженіи всей культурной исторіи человѣчества. Этотъ моментъ борьбы стараго поколѣнія съ новыми изобрѣтеніями и подчеркивается главнымъ образомъ въ сценахъ «Дѣтской сказки».

Именно ее имѣетъ въ виду въ самомъ началѣ «Русскихъ Ночей» (стр. 2—3) Ростиславъ. Онъ перебираетъ въ своей памяти отдѣльные эпизоды изъ сказки своего пріятеля; и это даетъ намъ право догадываться, что Одоевскимъ были написаны и другія сцены, кромѣ тѣхъ, которыя уцѣлѣли въ его

---

1) Переплетъ 24, л. 115—123, автографъ; переплетъ 24, л. 120 (зачеркнутыя строки) + переплетъ 20, л. 56—7, автографъ; переплетъ 20, л. 82, автографъ (здѣсь же и программа „Пестрыхъ сказокъ“). См. приложеніе.

2) Начало человѣческаго образованія посредствомъ изобрѣтенія Механическихъ искусствъ. (Отрывокъ изъ II части Шлецерова Введенія въ Исторію). М. Вѣстн. 1830, ч. II, № 5 и 6, стр. 35—56+151—173. Подпись: М. П. (т.-е. Погодинъ). На стр. 173 между прочимъ сообщается, что II часть Шлецерова Введенія на-дняхъ поступитъ въ продажу.—„Отрывокъ изъ Шлецерова введенія въ Исторію для дѣтей“ былъ напечатанъ еще въ „В. Евр.“ 1825, окт. О ней вспомнили собесѣдники въ „Р. Ночахъ“ (I, 316)

бумагахъ: изобрѣтеніе шалаша, печи, глинянаго горшка и пр.

Нашъ идеалистъ горячо ратуетъ за культурный прогрессъ и выступаетъ апологетомъ человѣческой науки и искусства. «Просвѣщенію» онъ придаетъ существенно важное значеніе въ жизни человѣка, какъ силѣ, съ помощью которой человѣкъ побѣждаетъ природу. Эта любимая его идея положена въ основу утопіи *«4338 годъ»*.

Утопическая картина Россіи въ 44 столѣтіи составляетъ какъ бы завершеніе цѣлой серіи историческихъ картинъ. Въ 30-хъ годахъ, особенно въ началѣ, Одоевскій, видимо, подумывалъ объ *историческомъ романѣ*. Сюда относится планъ романа «Іорданъ Бруно и Петръ Аретино», отчасти, пожалуй, «Саламандра» и «Бабушка или пагубныя послѣдствія просвѣщенія». Кромѣ этого, въ бумагахъ сохранилось еще нѣсколько плановъ историческихъ романовъ.

Одоевскому, повидимому, хотѣлось написать историческую *трилогію*: въ первой части должна быть изображена эпоха Петра В., во второй—«наше время», т.-е. тридцатые годы, а въ третьей—Россія черезъ 4000 лѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ программы въ переплетахъ 26 и 20.

Въ переплетѣ 26, л. 233—234 (автографъ карандашомъ), послѣ нѣсколькихъ зачеркнутыхъ строкъ, находимъ слѣдующій планъ историческаго романа: «Во врем. Петра великаго у бывшаго Стольника — сынъ, котораго отецъ хочетъ спасти отъ службы въ Петербургѣ и отъ всякаго ученья — въ ето время носятся слухи о чудесахъ Графа Брюса—распаленный злобою на чародѣя (котораго по мнѣнію стольн. должно бы сжечь) и думая что свирепствующія болѣзни имъ наведены молодой сынъ его рѣшается убить Графа Брюса — входитъ въ его домъ, но пораженный раскаяніемъ все открываетъ Графу Брюсу, который старается ему обьяснить что онъ не чародѣй и порождаетъ въ немъ страсть къ наукамъ, везетъ въ Петербургъ—Молодой Иванъ Зотовъ попадаетъ чрезъ Брюса въ милость къ Царю, а отецъ его проклинаетъ и лишаетъ наслѣдства— Царь даетъ ему земли въ Ингерманландіи, потомъ слѣдуютъ войны Зотову нѣкогда заниматься своимъ имѣніемъ—онъ убитъ въ сраженіи съ Турками оставя малолѣтнему Петру своему сыну извѣстіе, что у него есть земли; мать Петра женщина простая, не хочетъ выѣхать изъ Москвы тамъ и умираетъ,—

Петръ вовросши хочетъ воспользоваться етимъ имѣніемъ—но его купилъ Баронъ Мондшейнъ — ето происходитъ во время Бирона [1]). Всѣ усилія Петра тщетны процессъ продолжается въ жизнь Петра и въ жизнь его сына Владим(іра) [2]).

Епоха нашего времен(и). Вечеславъ Зотовъ сынъ Владиміра знаетъ мелькомъ объ етой тяжбѣ, отправляется на службу въ Петербургъ; но Викторъ роясь въ Архивахъ отыскиваетъ бумаги его отцевъ и по частямъ пересылаетъ ихъ ему. Вечеславъ [3]) влюбляется въ княжну Воротынскую дочь своего Начальника; знаетъ что онъ не можетъ жениться на ней если онъ не будетъ въ чинахъ. Воротынская прежде въ Италіи была влюблена въ Музыканта (NB. ея двойныя письма: какъ невинной дѣвушки-ребенка и въ тоже время какъ женщины испытанной страстями)—они были въ связи—онъ измѣнилъ ей ревнуя ее къ другому)—любовь Вечеслава (ранѣе: «Владиміра») ей кажется сначала слабой копіей любви Итальянца, а потомъ она просто заражается Петербуржскимъ воздухомъ,—она честолюбива—но мало по малу ея поетическій характеръ беретъ верьхъ; она чувствуетъ цѣну любви Вечеслава; но въ то время уже Вечеславъ испыталъ сладость честолюбія—онъ выигрываетъ свой процессъ и уже нехочетъ знать объ бѣдной Княжнѣ которой отецъ уже не министромъ [4]).

Епоха 4000 лѣтъ послѣ насъ. Орлій сынъ Орлія Поета не можетъ жениться на своей любезной, если не ознаменуетъ своей

---

[1]) Послѣ этихъ словъ помѣчено: „См. въ концѣ кн.“. Но „продолженіе плана“ оказалось уже въ переплетѣ 20, л. 142—144, автографъ карандашомъ, откуда мы и приводимъ его.

[2]) Ранѣе стояло: „Григорія“.

[3]) Ранѣе: „Владиміръ“.

[4]) На листѣ 232 об. переплета 26 (автографъ карандашомъ) набросаны слѣдующія строки:

„Дѣйствующ.
въ наше время-Вечеславъ Гротъ-Марселевъ
Викторъ его другъ
Князь Воротынскій
Княжна Воротынская
Капитанъ Гротъ-Марселевъ дѣдъ Вечеслава во врем. Петра Вел.“.

Слѣдовательно, этотъ перечень дѣйств. лицъ также относится ко второй части трилогіи.

жизни важнымъ открытіемъ въ какой-либо отрасли познаній—онъ избираетъ Исторію—его Археологъ доставляетъ ему рукописи за 4000 лѣтъ которыя никто разобрать не можетъ. Его комментаріи на сіи письма».

Этими словами и оканчивается программа.

Какъ видимъ, планъ далеко не обработанъ, но ясно, что задумана именно *трилогія*, при чемъ послѣдняя часть пріурочена даже ко времени черезъ 4000 лѣтъ послѣ насъ, т.-е. къ 59-му столѣтію. Потомъ авторъ найдетъ болѣе цѣлесообразнымъ говорить о 44-мъ вѣкѣ.

Первая часть трилогіи, можетъ быть, и не была написана [1]).

---

[1]) Впрочемъ, въ переплетѣ 20, л. 101 и об., автографъ, есть слѣдующій отрывокъ о гаданіи царевны Софьи у ученаго нѣмца, относящійся къ историческому роману о Петрѣ Великомъ: „Около 16 . . . года въ комнату Нѣмецкаго Металлурга и Врача входитъ закрытая фатою женщина—ты ученый нѣмецъ говоритъ она ему, ты все знаешь—отгадай кто я и за чемъ я къ тебѣ пришла—какъ не узнать ты (онъ произноситъ нѣсколько словъ шопотомъ)—Женщина вскрикиваетъ: если ты нѣмецъ кому-либо откроешь мое посѣщеніе—тебя не спасетъ твоя наука—(я знаю что меня ожидаетъ и знаю какъ избѣжать но даю слово быть скромнымъ—ты пришла ко мнѣ спросить—выходить ли тебѣ за мужъ?—ты отгадалъ—тебѣ хочется имѣть сына? Ты все знаешь чародѣй—Ты бы хотѣла знать его и твою участь?—Онъ утверждаетъ, что его хиромантія вѣрна потому что основана на Астрологіи всегда неизмѣнной. (Астрологическо-Хиромантико-Кабалистическая сцена)—Звѣздочетъ: Онъ родится будетъ на престолѣ—будетъ любимъ, въ урнѣ судебъ брошено преобразованіе Россіи—не знаю кому суждено будетъ произвести его—онъ введетъ ученье, призоветъ нѣмцевъ—захочетъ владѣть самъ—(вся исторія Петра Великаго)—Царевна Софія съ ужасомъ убѣгаетъ по ее выходѣ звѣздочетъ: я ошибся въ вычисленіи (неразборчиво еще два слова), что уже етотъ человѣкъ родился и жребій уже совершенъ".

Кстати отмѣтимъ, что Одоевскій брался и за другіе сюжеты изъ русской исторіи. Такъ, въ переплетѣ 20, л. 82 об, автографъ, находимъ планъ произведенія. „Трилогія (ранѣе: „Романъ во вр.“). Россія и Монголы". Планъ содержитъ три части; послѣ него идутъ разсужденія о вліяніи татарскаго ига на наши преданія, нравы и обычаи, а затѣмъ слѣдующія строки: „У молодаго образованнаго человѣка, желающаго воспитать своихъ дѣтей сообразно съ разумомъ, ро". Точно также въ переплетѣ 20, л. 96, автографъ, набросанъ планъ историч. романа „Вельможа“ изъ временъ Елизаветы Петровны. Мать вельможи, игравшая роль при Биронѣ, а теперь впавшая въ немилость, хочетъ воспользоваться положеніемъ сына для своихъ интригъ, не останавливаясь даже передъ доносомъ на сына императрицѣ, но его спасаетъ сама Елизавета Петровна. — На томъ же листкѣ передъ программой „Вельможи“ — нѣсколько строкъ изъ какого-то разсказа о фальшивыхъ отношеніяхъ между мужемъ и женой.

Зато вторая и третья получили литературную обработку—подъ общимъ заглавіемъ. «*Петербургскія письма*».

Въ «Моск. Наблюд.» 1835 г., ч. I, стр. 55—69, за подписью «В. Безгласный», Одоевскій напечаталъ «*Петербуржскія письма*» съ сюжетомъ изъ «нашего времени». Ихъ черновой автографъ находится въ переплетѣ 1, л. 3—11 [1]). Статья «М. Наблюдателя» оканчивается словами: «обѣщано продолженіе». Продолженія въ печати не было, а въ названной рукописи есть продолженіе на л. 12 и 13.

Это—переписка Вечеслава и Виктора: три письма Вечеслава къ Виктору, одно письмо Виктора и опять письмо (четвертое) Вечеслава.

Трудно сомнѣваться въ автобіографическомъ характерѣ переживаній Вечеслава, причемъ его другъ Викторъ, московскій журналистъ, отчасти напоминаетъ намъ Шевырева.

Передъ нами—юноша, восторженный поэтъ-идеалистъ. Изъ Москвы онъ ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы поступить на службу подъ начальство кн. Воротынскаго, по протекціи своего дядюшки, также крупнаго чиновника.

Москву Вечеславъ покинулъ безъ сожалѣнія. «Я радъ душою что вырвался изъ нашей мачихи, или какъ ее называютъ нашей матушки Москвы; я вздохнулъ свободнѣе когда выѣхалъ за заставу и вспомнилъ что оставляю за собою цѣлый строй моихъ тетушекъ и дядюшекъ, ихъ имянинные обѣды, приторное радушіе, бостонъ, гранъ-пасіянсы и безконечныя совѣты и увѣщанія» [2]). Ѣхалъ Вечеславъ въ самомъ приподнятомъ настроеніи «Наконецъ я вышелъ изъ пеленокъ! думалъ я: наконецъ я человѣкъ! наконецъ я буду дѣйствовать! [3]). Наконецъ общество почу(в)ствуетъ приливъ новаго человѣка съ свѣжими чувствами съ свѣжими мыслями съ твердымъ намѣреніемъ и можетъ быть способностью дѣйствовать» [4]).

Мысли его были въ Петербургѣ; онъ не замѣчалъ дороги. Мало того, онъ боялся расшевелить въ себѣ «лукаваго бѣса

---

1) Одинъ отрывокъ (объ отношеніи дядюшки къ „литературнымъ подвигамъ" Вечеслава)—въ переплетѣ 13, л. 152, автографъ; сверху карандашомъ: „о Князѣ Воротынскомъ".

2) Переплетъ 1, л. 3 = М. Набл., 55

3) Этихъ фразъ въ печатномъ текстѣ нѣтъ.

4) Переплетъ 1, л. 3 и об. = Моск Набл., 56.

Поезіи, которому дай волю, такъ не угомонишь;—я же твердо рѣшился оставить Литературу—я хочу служить—и служить въ полномъ смыслѣ этого слова; дорогою на просторѣ я еще болѣе убѣдился во всегдашней моей мысли, что *служба*—у насъ въ Россіи есть *единственный способъ быть полезнымъ Отечеству* [1]). Толкуй мнѣ что хочешь про почтенное высокое званіе Поета, Ученнаго, про его обширный кругъ дѣйствія — все ето справедливо, да не у насъ. Что у насъ Литература?—вѣдь охота же писать для тѣхъ, которые ничего не читаютъ. Будь хоть семи пяденей во лбу — твое сочиненіе не перейдетъ за кругъ твоихъ пріятелей и тѣхъ еще надобно заставить тебя слушать, или подарить имъ по екземпляру; у насъ нѣтъ врожденнаго, непроизвольнаго стремлѣнія къ просвѣщенію;—скажи кто у насъ заводитъ школы? Правительство; кто заводитъ фабрики, машины? Правительство. Кто даетъ ходъ открытіямъ— Правительство. Кто поддерживаетъ компаніи—Правительство и одно Правительство—Частнымъ людямъ всѣ ети вещи и въ голову не приходятъ. Правительству нужны люди для его предпріятій—отдаляться отъ него значитъ удаляться отъ того чемъ движется, живетъ, чемъ дышетъ вся Россія» [2]).

Вечеславъ не боится неудачъ и огорченій на службѣ. Онъ заранѣе ихъ предвидитъ, какъ предвидитъ и возможность дурныхъ чиновниковъ и ихъ злоупотребленій по службѣ. Но онъ вѣритъ, что дѣльный и образованный чиновникъ рано или поздно будетъ оцѣненъ начальствомъ; онъ готовъ поэтизировать свою будущую службу, гдѣ онъ будетъ работать «безкорыстно и съ ентузіазмомъ».

Вотъ Вечеславъ и въ Петербургѣ. Сѣверная столица привела его въ восхищеніе. Это—огромный *европейскій* городъ, и Вечеславъ рѣшительно рекомендуетъ себя *западникомъ*. На Исаакіевской площади онъ «чуть было не сталъ на колѣни предъ величественнымъ монументомъ Петра-исполина». Ему пріятно было сознавать, что этотъ европейскій городъ—русскій. «Ето соединеніе двухъ ощущеній еще болѣе увеличивало мой восторгъ» [3]).

Петербургская родня приводитъ Вечеслава въ новый восторгъ. Хотя онъ и допустилъ нѣкоторую невѣжливость — бро-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Ibid., л. 3 об.—4 об. = М. Набл., 557—8.

[3]) Ibid., л. 6 об. = М. Набл., 61

сился осматривать городъ, прежде чѣмъ сдѣлалъ визитъ дядѣ,— но ему это простили очень скоро. Тетушка была рада узнать, что ея племянникъ—литераторъ, и что онъ пишетъ на русскомъ языкѣ. Хотя разговоръ велся по-французски, но тетушка похвалила Вечеслава, что онъ пишетъ «en Russe», и прибавила, «что терпѣть не можетъ когда Русскіе презирая свой языкъ, принимаются писать на иностранномъ».—«Что сударь? каково? найди мнѣ хотя одну Московскую даму разумѣется пожилую которая бы рѣшилась произнести такое сужденіе?—Что ни говори—а Петербургъ сотнею лѣтъ обогналъ Москву»,—торжествующе замѣчаетъ Вечеславъ [1]).

Дядюшка принялъ Вечеслава весьма благосклонно и повезъ его къ кн. Воротынскому, чтобы опредѣлить его на службу въ канцелярію. Отсюда начинаются разочарованія Вечеслава. Уже самъ Воротынскій произвелъ на Вечеслава тяжелое впечатлѣніе. «Представь себѣ», писалъ онъ, «высокаго сухощаваго старика; лице важное до равнодушія, взоръ спокойный до нечувствительности; размѣренныя движенія; безцвѣтныя слова; не улыбку — но какое-то желаніе улыбаться» [2]). Секретарь князя, Ив. Гавр. Глинцевъ, которому князь на первыхъ порахъ поручилъ Вечеслава, оказался льстивымъ и въ то же время сухимъ чиновникомъ. Первыя впечатлѣнія въ княжеской канцеляріи поддерживали то же невыгодное мнѣніе Вечеслава о петербугскихъ бюрократахъ.

Викторъ, московскій журналистъ съ самобытническимъ оттѣнкомъ, не раздѣляетъ восторговъ своего друга передъ Петербургомъ и пророчитъ ему полное разочарованіе въ службѣ: онъ, Вечеславъ, не созданъ для канцелярій, и скоро это почувствуетъ. Хотя, нужно замѣтить, и Викторъ сознаетъ «пользу и необходимость служить», и прибавляетъ: «если бы не мои больные глаза, то вѣрно-бы промѣнялъ теперешнія мои занятія на какое-либо мѣсто, гдѣ-бы я дѣятельнѣе могъ быть полезнымъ Государю и Отечеству» [3]). Вечеславъ, по мнѣнію Виктора, другое дѣло: ему трудно быть чиновникомъ. «Дай Богъ», пишетъ Викторъ [4]), «чтобы мое пророчество

1) Ibid., л. 8 = Моск. Набл., 62.
2) Ibid., л. 9 = М. Набл., 65.
3) Ibid., л. 10 об. = Моск. Набл., 67.
4) Ibid., л. 11 об = Моск. Набл., 68—69.

не сбылось,—я могу ошибаться ибо знаю свѣтъ только по наслышкѣ,—но одно въ чемъ я увѣренъ, ето то, что твое отступничество отъ Поезіи не долго продлится, и сверьхъ всего того что я выше говорилъ,—я нахожу доказательство въ самомъ твоемъ послѣднемъ письмѣ; находясь въ Петербургѣ, ты вообразилъ себѣ, что ты въ иностранномъ городѣ и ну восхищаться;—помилуй! такая дребедень прилична-ли важному хладнокровному чиновнику?—Смотри, душа, чтобы ето чувство не отразилось и въ твоихъ занятіяхъ по службѣ, чтобы ты о Русскихъ дѣлахъ не сталъ судить Нѣмецкимъ умомъ—русскія правила подгонять подъ нѣмецкіе принципы и Русскій духъ не сдѣлался тебѣ непонятенъ потому что ты будешь искать въ немъ Нѣмецкаго—космополизмъ (sic), моя душа, хорошъ въ филантропической диссертаціи, а въ службѣ не только никуда не годится, но даже вреденъ...» [1]).

Вечеславъ отвѣчаетъ Виктору слѣдующимъ письмомъ [2]): «Наконецъ на мои три письма я получилъ въ отвѣтъ *одно* твое—и еще какое? Я чуть не разорвалъ его съ досады. Хотьбы словечко утѣшительное!—А право я имѣлъ нужду въ ободреніи послѣ моего знакомства съ Княземъ Воротынскимъ и съ Г. Блинцевымъ [3]).—Что касается до рѣшительности моей служйть и служить дѣльно—я не скажу ничего и не могу ничего сказать—ибо мою рѣшительность можетъ доказать только время. Но за чемъ вскинулся на меня за мое Европейство? Етаго я тебѣ простить не могу. Великая бѣда—зачемъ Петербургъ мнѣ понравился потому, что онъ похожъ на иностранный городъ. Прочитавъ твои возгласы о вредѣ происходящемъ отъ привязанности ко всему иноземному, я так и ждалъ, что ты разскажешь мнѣ какой-нибудь поучительный анекдотъ въ родѣ нашихъ описателей нравовъ, которымъ если надобно представить негодяя, шалуна, развратника, то непремѣнно пошлютъ его во Францію, или дадутъ ему въ Воспитатели какого-нибудь аббата, или представятъ, что онъ начитался Нѣмцевъ и довольно—Герой испеченъ—нѣтъ преступленія на которое бы онъ не былъ способенъ! Ети Господа и ты съ ними вмѣстѣ (не сердись за сообщество—самъ виноватъ) вы

---

[1]) Здѣсь печатный текстъ кончается.

[2]) Переплетъ 1, л. 12—13.

[3]) Переправлено изъ „Глинцевымъ“.

не замѣчаете того только, что такіе выходцы изъ за моря принадлежатъ уже къ древней Исторіи, что тѣ молодые люди, которые нѣкогда гнушались Отечественнымъ языкомъ и всѣмъ Отечественнымъ давно уже выросли, женились, завели дѣтей и посѣдѣли, что если нынче и встрѣчаются еще иные Русскіе, которые получивъ воспитаніе въ чужихъ краяхъ не умѣютъ слова сказать по Русски, то ужъ они не хвастаются етимъ, а стыдятся, негодуютъ за то на своихъ Воспитателей, и что если нынѣ есть между молодежью развратники празднолюбцы, то ужъ вѣрно не отъ иноземнаго воспитанія, а развѣ отъ противнаго. Впрочемъ, будемъ справедливы, ты я знаю ты совсѣмъ другое, ты Формалистъ ты размѣстилъ умъ человѣческій и всю Природу по ящикамъ и очень радъ; въ одинъ ящикъ запряталъ Филантропію, въ другой службу, въ третій Рускій духъ, въ четвертый англинскій фракъ». На этомъ рукопись оканчивается.

Изъ «Сегеліеля» мы знаемъ, какъ тяжело было положеніе чиновника-идеалиста, стремившагося къ синтетической полнотѣ своей дѣятельности [1]).

Авторъ не успѣлъ прослѣдить всей судьбы Вечеслава. Программа предусматривала любопытную метаморфозу идеалиста-чиновника: въ Петербургѣ онъ заражается ядомъ честолюбія и практицизма. Съ нимъ задолго до гончаровскаго Адуева происходитъ «обыкновенная исторія», причемъ посредникомъ между Вечеславомъ и бюрократическимъ міромъ является также

---

[1]) Въ переплетѣ 49, л 115, автографъ, карандашомъ, находимъ отрывочныя замѣтки, несомнѣнно, относящіяся къ „Петербургскимъ письмамъ"; онѣ также показываютъ, какія испытанія должны были выпасть на долю юноши названнаго здѣсь, впрочемъ, не Вечеславомъ, а Викторомъ (что можно объяснить довольно обычной у Одоевскаго путаницей именъ дѣйствующихъ лицъ). Вотъ эти отрывки „Викторъ попадаетъ въ бѣду отъ того что не различалъ въ письмѣ Нач. Отд. отъ Директ. и называлъ перваго Превосх.; Дядя надъ нимъ насмѣхается—и ему отъ того плохо

Матушка мнѣ говорила—въ тебѣ что то дикое, въ тебѣ нѣтъ ничего пріятнаго, милаго—

— — — —

За чемъ вы не играете въ карты. Не умѣю—что же дурнаго?—„Дурнаго нѣтъ а все не хорошо, замѣтятъ—спросятъ *что же вы* дѣлаете—не хорошо".

положительный дядюшка [1]). Программа второй части осталась невыполненной и въ другомъ отношеніи: нѣтъ романа Вечеслава и княжны Воротынской. Княжна ранѣе любила итальянскаго музыканта и только постепенно поняла цѣну любви Вечеслава, но было уже поздно: зараженный честолюбіемъ и разбогатѣвшій Вечеславъ отвернулся отъ нея.

Можетъ быть, осуществленіемъ этой части романа нужно считать то, что̀ находится въ переплетѣ 30, л. 41—54 (автографъ), подъ заглавіемъ «*Петербургскія письма. Психологическія задачи Хартина*». Молодой человѣкъ называется Хартинымъ (имени нѣтъ), героиня—Юлія (безъ фамиліи). У нея въ сердцѣ «двѣ полуугасшія любви»—къ Людовико, значитъ, итальянцу, и къ Хартину, который любитъ ее и старается спасти отъ недостойной ея страсти къ Людовико. Хартинъ сравниваетъ своего соперника Людовико съ *Молчалинымъ*. Людовико—пустой и глупый человѣкъ, способный только на чувственную любовь. Юлія—семейная женщина, человѣкъ «ума обширнаго, мужскаго, жаднаго къ впечатлѣніямъ высокимъ», тѣмъ не менѣе не можетъ побороть въ себѣ страсти къ Людовико, несмотря на помощь Хартина. Ея чувства—психологическая загадка, которую тщательно, но безрезультатно анализируетъ Хартинъ [2]). Ситуація здѣсь существенно иная, чѣмъ въ программѣ «Петербургскихъ писемъ». Но трудно отказаться отъ мысли, что и «Психологическія задачи Хартина» относятся къ тому же сюжету; какъ будто это продолженіе того, на чемъ остановилась программа: княжна, любившая сначала итальянца (Людовико), потомъ Вечеслава (Хартина), выходитъ за кого-то замужъ, но бросаетъ мужа ради старой любви къ итальянцу, а Вечеславъ (Хартинъ) беретъ на себя роль исправителя и посредника. Сюжетъ и самая его обработка напоминаютъ стиль французскихъ романовъ.

Третья часть трилогіи есть собственно *утопія*.

Въ бумагахъ Одоевскаго сохранились отъ нея довольно многочисленные и разнообразные отрывки. Часть утопіи была обработана для печати и помѣщена въ альманахѣ В. Владиславлева

---

[1]) Метаморфоза Вечеслава „Петербургскихъ писемъ“ соотвѣтствуетъ судьбѣ, которая постигла идеализмъ Вечеслава въ „Новомъ годѣ“. Ср. также карьеру идеалиста Измова въ пьесѣ „Хорошее жалованье“.

[2]) См приложеніе.

«Утренняя Заря» на 1840 годъ (стр. 307—352), подъ заглавіемъ *«4338-й годъ. Петербургскія письма. Отъ Ипполита Цунгіева, студента Главной Пекинской школы, къ Лингину, студенту той же школы»*. Подпись: «Кн. В. Одоевскій» [1]).

---

[1]) Программа переплета 20 (л. 143—144) переноситъ насъ черезъ 4000 лѣтъ и содержитъ коротенькое извѣстіе о молодомъ историкѣ Орліи, сынѣ поэта Орлія. — Текстъ, соотвѣтствующій печатной редакціи, въ копіи находится въ переплетѣ 80, л. 91 — 136 об. — Въ переплетѣ 20, л. 58, автографъ (карандашомъ) — самое начало произведенія подъ заглавіемъ „4838-й годъ. (Петербургскія письма). Письмо 1-е. Отъ Ипполита Цунгіева" и т. д., кончая словами: „ночью, когда дома освѣщены внутри, его блестящія ряды кровель представляетъ (sic) волшебный видъ, и сверьхъ того—это обыкновеніе очень полезно,—не такъ какъ у насъ въ Пекинѣ гдѣ ночью".—Въ переплетѣ 92, л. 79—86,— черновой автографъ письма 2-го = тексту „Утр. Зари" на стр. 314 — 323, кончая словами: „Ты можешь себѣ предоставить, какъ я радъ что познакомился съ такимъ основательнымъ ученымъ".—Въ переплетѣ 13, л. 120—125 (частью въ копіи, порядокъ листовъ долженъ быть такой: 122, 120 и об., 124, 125): на л. 122 и 120 об.—„Письмо 3-е"=тексту „Утр. Зари" на стр. 323—326.—Тотъ же переплетъ 13, л. 119, автографъ (карандашомъ) = стр. 334 — 335 „Утр. Зари" (начало: „дѣйствіе етой Музыки, какъ бы выходившей изъ недостижимой глубины водъ"; конецъ: „а хорошій не заставляетъ себя упрашивать. Впрочемъ").— Тотъ же переплетъ 13. л. 112 — 113, автографъ = стр. 338 — 340 „Утр. Зари" (начало: „хотя мнѣ и очень стыдно просить васъ объ етомъ"; конецъ: „оно очевидно невозможно; однакоже дипломаты по долгу").— Переплетъ 13, л. 27 и об., автографъ = 350—352 стр. „Утр. Зари" (начало: „О, не спрашивайте лучше", отвѣчалъ Хартинъ". Конецъ: „и только увеличиваютъ каждый день общее къ нимъ презрѣніе"). — *Болѣе ранняя редакція* начальныхъ главъ — въ переплетѣ 26, л. 235 — 249, автографъ (карандашомъ) (начинается: „Въ началѣ 4837-го года"...), а продолженіе въ переплетѣ 20, л. 121, 120 и 119 (въ переплетѣ листы перепутаны), автографъ (карандашомъ). Но все это въ отрывкахъ.— Переплетъ 92, л. 87—107, автографъ (частью карандашомъ) и переплетъ 13, л. 124—125, автографъ, дополняютъ другъ друга и также даютъ текстъ болѣе ранній сравнительно съ текстомъ „Утр. Зари". А именно: 1) переплетъ 92, л. 87, начинается зачеркнутымъ текстомъ, къ которому относится выносный знакъ на л. 124 въ переплетѣ 13 („образуются въ особомъ Государственномъ училищѣ, откуда вообще выходятъ люди для занятія первыхъ мѣстъ въ Имперіи" и т. д.), при чемъ двѣ выноски этого текста оказываются на оборотѣ л. 125 въ переплетѣ 13; послѣ этого читаемъ: „Нынѣшній Министръ Примиреній вполнѣ достоинъ своего высокаго званія; онъ еще молодъ, но безпрестанныя занятія уже состарили его и онъ съ виду похожъ на 40 лѣтняго человѣка, хотя ему не болѣе 25-ти". Это — конецъ главы 3-й, по другой редакціи, чѣмъ печатная, послѣ чего (л. 87—101, переплета 92) идетъ „Письмо 4-е= стр. 327 — 341 „Утр. Зари", но съ нѣкоторыми отличіями въ текстѣ (между прочимъ „первый министръ" именуется „министромъ примиреній") и съ пропусками а) между листами 92 и 93 (= стр. 334—335 „Утр. Зари") и б) между

Утопическіе, или такъ наз. государственные романы (Staats-romane) имѣютъ весьма важное историко-культурное значеніе. Являясь, повидимому, плодомъ «химерической формы воображенія» (по терминологіи французскаго психолога Рибо [1]), они рождаются изъ глубокаго стремленія людей отъ сущаго восходить къ должному, выражаютъ ихъ завѣтные мечты и идеалы. Отъ времени до времени человѣкъ чувствуетъ потребность какъ бы подняться на гору, чтобы однимъ взглядомъ окинуть путь пройденный и путь предстоящій. Появленіе утопій обыкновенно служитъ симптомомъ назрѣвающаго соціальнаго кризиса. Утописты, говоря словами Людвига Штейна [2]), суть «герольды, возвѣщающіе о наступленіи новаго времени, т.-е. высшей ступени развитія» (264). Они, такъ сказать, буревѣстники исторіи. Вершина утопіи можетъ уходить далеко за облака, но подошва ея тѣмъ не менѣе покоится на твердой землѣ; утопическій романъ столько же опредѣляетъ идеалы эпохи, сколько характеризуетъ настоящее положеніе вещей.

Въ западныхъ литературахъ извѣстно очень много утопическихъ романовъ — разныхъ вѣковъ и странъ. Промежутокъ

98—99 л. (= стр. 338—340 „Утр. Зари“). 2) Въ переплетѣ 92, л. 102—105, начинается „Письмо 5-е“ совсѣмъ другого содержанія, чѣмъ въ „Утр. Зарѣ“, продолжается на л. 124—125 переплета 13 и затѣмъ опять въ переплетѣ 92, л. 106—107. Въ переплетѣ 80, л. 138—140 (копія)—варіантъ къ стр. 350—352 „Утр. Зари“.—Предисловіе, отсутствующее въ „Утр. Зарѣ“, находимъ въ переплетѣ 20, л. 17 об.—17, автографъ (не окончено) и въ переплетѣ 80, л. 86—90 (копія съ поправками автора; полностью, за подписью: „*Кн. В. Одоевскій*“). Въ переплетѣ 1, л. 23—25, автографъ, имѣемъ начало утопіи подъ заглавіемъ: „*Петербургскія письма (Соч. князя В. Ө. Одоевскаго). Отъ Ипполита Цунгіева студента Главной Пекинской школы къ Лингину студенту той же школы*“. Письмо помѣчено: „*Константинополь. 27-го Декабря 4337-го года*“. Это, очевидно также одинъ изъ раннихъ набросковъ. Примѣчаніе гласитъ: „Отрывокъ изъ сего романа былъ напечатанъ тому лѣтъ шесть; здѣсь онъ будетъ изданъ вполнѣ“. Подъ „отрывкомъ“, полагаю, надо разумѣть то, что издано въ „Моск. Набл.“ 1835 г.—Наконецъ, небольшіе отрывки и замѣтки, относящіеся къ нашей утопіи, имѣются 1) въ переплетѣ 22, л. 214, литера *И*, автографъ; 2) въ переплетѣ 23, л. 140, автографъ; 3) Ib, л. 141, автографъ; 4) въ переплетѣ 26, л. 231—232 об; автографъ.

[1]) Т. Рибо Творческое воображеніе. Переводъ съ французскаго Е. Предтеченскаго и В. Ранцева. Спб. 1901. Стр. 262 и слл.

[2]) Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи Людвига Штейна. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Николаева. М. 1899

между революціями 1830 и 1848 годовъ характеризуется сильнымъ напряженіемъ соціальной мысли; ея творчество выразилось въ созданіи разныхъ системъ утопическаго соціализма и между прочимъ въ формѣ утопическаго романа («Voyage en Jcarie» Кабэ).

Русская литература, вообще говоря, весьма бѣдна утопическими романами. Отъ XVIII в. мы имѣемъ только «Путешествіе въ Офирскую землю» кн. Щербатова да нѣсколько страницъ въ «Россійской Памелѣ» Павла Львова (въ духѣ руссоизма; см. ч. II, стр. 125—131). Въ первой трети XIX в. форма утопическихъ разсказовъ была довольно популярна. Ею пользовался, напр., Ѳ. Булгаринъ, возбуждаемый примѣромъ французовъ и нѣмцевъ [1]). Можно указать еще Вельтмана съ его «3448 годомъ» [2]). А затѣмъ уже прямо приходится называть романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?» (1863 г.).

Въ виду сказаннаго особеннаго вниманія заслуживаетъ попытка Одоевскаго написать русскій утопическій романъ, изобразить *Россію XLIV столѣтія*. Къ сожалѣнію, подобно многимъ другимъ произведеніямъ Одоевскаго, онъ остался незаконченнымъ.

Одоевскій могъ знать тѣ утопическіе романы, на которые указывалъ Булгаринъ (въ частности романъ руссоиста Мерсье «L'an 2440, rêve s'il en fut jamais», и по заглавію напоминающій произведеніе Одоевскаго) [3]), могъ знать и другія подобныя

---

[1]) *Ѳ. Б.* Правдоподобныя небылицы или странствованіе по свѣту въ двадцать девятомъ вѣкѣ. Литер. Листки, 1824, сентябрь, № XVII, стр. 133—150; № XVIII, 173—192; октябрь, № XIX и XX, 12—27; декабрь, № XXIII и XXIV, 129—145. См. то же въ VI т. Собранія сочиненій Булгарина. Здѣсь же и въ т. VII— другіе его очерки въ формѣ утопіи. Ср. и полемическія его утопіи противъ любомудровъ (выше, ч. I, стр. 289—292). Булгаринъ самъ ссылается на романы Мерсье и Юлія фонъ-Фосса.

[2]) 3448 годъ, или рукопись Мартына Задеки. Романъ Вельтмана. 3 части. М. 1833. Дѣйствіе въ фантастическомъ царствѣ Босфораніи. Авторъ представилъ „судьбу честолюбія, дошедшаго до высшей степени самобытности, которое и создаетъ само себя и само себя разрушаетъ",—какъ сказано въ рецензіи .. М... въ „Молвѣ" 1834, № 5, стр. 77—78. Былъ отзывъ и въ „Библіотекѣ для Чтенія" (т. II), на который Вельтманъ отвѣчалъ въ № 9 той же „Молвы" (стр. 141—142).—Можно, пожалуй, вспомнить еще „драматическую шутку" гр. В. А. Соллогуба „Ночь передъ свадьбой или Грузія черезъ 1000 лѣтъ" (Сочиненія, т. IV).

[3]) См. въ книгѣ М. Н. Розанова: „Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в." Т. I. М. 1910. Стр. 283 и слд.

произведенія, но прямого вліянія съ чьей-либо стороны мы не наблюдаемъ [1]): содержаніе его утопіи ни у кого не позаимствовано и вполнѣ вытекаетъ изъ его собственнаго міровоззрѣнія.

Сначала авторъ хотѣлъ изображать эпоху черезъ 4000 лѣтъ отъ своего времени; въ двухъ набросках (переплетъ 22, л. 214, и переплетъ 23, л. 140) говорится уже о періодѣ въ 2000 лѣтъ; наконецъ, авторъ остановился на 4338 годѣ, воспользовавшись толками о кометѣ 4339 года.

Время написанія утопіи съ увѣренностью можно отнести къ 1837—1839 годамъ [2]).

Въ ненапечатанномъ предисловіи [3]) авторъ разсказываетъ, какимъ образомъ ему стала извѣстна русская жизнь черезъ 2500 лѣтъ. «Петербургскія письма» доставлены ему однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ.

«Занимаясь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ месмерическими опытами, онъ дошелъ до такой степени въ семъ искусствѣ, что можетъ по произволу впадать въ сомнамбулическое состояніе; любопытнѣе всего то, что онъ заранѣе можетъ опредѣлить для себя предметъ, на который должно устремиться его магнетическое зрѣніе, и такимъ образомъ переноситься въ страну, въ вѣкъ, въ какое-либо лице безъ всякихъ усилій. Пришедши въ сіе состояніе, онъ иногда разсказываетъ, иногда записываетъ все что представляется его фантазіи; вышедши изъ сомнамбулизма онъ забываетъ все съ нимъ бывшее; — и тогда написанное имъ представляется ему въ видѣ чужаго

---

1) Н. П. Сидоровъ напомнилъ намъ о „Тоскѣ по отчизнѣ“ (ч. IV) Юнга-Штиллинга. Это—очень цѣнное указаніе. Одоевскій, несомнѣнно, зналъ Юнга-Штиллинга (см. выше въ I ч. на стр. 391). Но непосредственнаго вліянія на Одоевскаго и съ этой стороны не было: Солима непохожа на Россію 44-го в.

2) Это доказывается слѣдующими соображеніями: 1) цензурное разрѣшеніе на „Утр. Зарю“ получено 14 октября 1839 г.; 2) 1839-й годъ названъ въ предисловіи (въ переплетѣ 20, л. 17, и въ переплетѣ 80, л. 86 об.), въ вычисленіяхъ на л. 231 переплетъ 26 и въ примѣчаніи въ „Утр. Зарѣ“ на стр. 307; 3) въ нѣкоторыхъ рукописныхъ отрывкахъ время утопіи пріурочивалось къ *4837* году, что можетъ указывать на 1837 годъ, какъ годъ составленія романа; 4) въ переплетѣ 1, л. 23, письмо Цунгіева датировано 4337-мъ годомъ, а все дѣйствіе происходитъ черезъ 2500 лѣтъ послѣ нашего времени, т.-е. послѣ 1837 г.

3) Переплетъ 80, л. 86—90, копія съ поправками автора. Заглавіе: „Предисловіе [это слово—карандашомъ]. 4338-й годъ Петербургскія письма“. Неоконченный оригиналъ въ переплетѣ 20, л 17 об.—17, подъ заглавіемъ „4338-й годъ, (Петербургскія письма)“

произведенія» [1]). Объясненіе, какъ видимъ, придумано совершенно въ духѣ 30-хъ годовъ, когда такъ много говорили о магнитизмѣ, сомнамбулизмѣ, месмеризмѣ и т. п. явленіяхъ.

Толчокъ для сомнамбулическихъ переживаній неизвѣстнаго лица былъ данъ разговорами о кометѣ Вьелы (Белы) [2]). Астрономы вычислили, что «въ 4339 году, т.-е. 2500 лѣтъ послѣ насъ, комета Вьелы должна непремѣнно встрѣтиться съ землею». Эта мысль заинтересовала нашего сомнамбула. «Ему захотѣлось провѣдать, въ какомъ положеніи будетъ находиться родъ человѣческій за годъ до этой страшной минуты; какіе объ ней будутъ толки, какое впечатлѣніе она произведетъ на людей, вообще какіе будутъ тогда нравы, образъ жизни, какую форму получатъ сильнѣйшія чувства человѣка: честолюбіе, любознательность,—любовь» [3]).

Подобная идея уже не въ первый разъ увлекаетъ Одоевскаго. Вспомнимъ его «Два дни въ жизни земнаго шара» (1825), произведеніе, напечатанное подъ псевдонимомъ «Каллидоръ» въ «Моск. Вѣстникѣ» за 1828 г. (см. выше въ I ч. на стр. 187—189 [4]).

---

[1]) Переплетъ 20, л. 17 об.

[2]) Называется она у Одоевскаго также Галлеевой кометой. Въ бумагахъ Одоевскаго, хранящихся въ Моск. Истор. музеѣ (Чертк. Т. I $^{1}/_{20}$, л. 75—80), находится статья „La Comête de Halley". См. описаніе. Уже въ 1833 г. вышелъ альманахъ „Комета Бѣлы" (Спб.) съ произведеніемъ Одоевскаго (см. выше на стр. 23). Въ 1835 г. знаменитая Галлеева комета проходила черезъ перигелій. См. „Моск. Набл." 1835, ч. I — „Небесныя явленія 1835 года"; „Л. Пр. къ Р. Инв." 1835, № 28 — 29, стр. 228 (по поводу книги вѣнскаго астронома Литтрова)—„Галлеева комета".

[3]) Переплетъ 80, л. 86 об.— 87. — Въ „Литер. Прибавленіяхъ къ Р. Инв." на 1839, № 23 (отъ 10 іюня), въ смѣси, на стр. 499, помѣщена замѣтка, можетъ быть, принадлежащая даже самому Одоевскому, подъ заглавіемъ: „Комета Візлы въ нынѣшнемъ 1839 году". „Эта невидимая комета, пигмей между всѣми своими собратіями", уже не разъ пугала человѣчество: не разъ опасались, что она столкнется съ землей. Такъ было въ 1826 г., въ 1832 г., 1839 г. „По новѣйшимъ, самымъ строгимъ исчисленіямъ, она непремѣнно должна наткнуться на нашу землю... въ 4339 г., т.-е. двѣ-тысячи-пятьсотъ лѣтъ послѣ насъ. Мы тогда не преминемъ сообщить нашимъ читателямъ всѣ подробности о семъ замѣчательномъ происшествіи. Въ ожиданіи того, мы считаемъ неизлишнимъ предъувѣдомить нашихъ читателей, что предположеніе объ этой катастрофѣ, подало мысль одному изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ написать романъ, подъ названіемъ: 4338 годъ; отрывки изъ него будутъ помѣщены въ альманахѣ „Утренняя Заря", издаваемомъ г. Владиславлевымъ на 1840 г."

[4]) На стр. 187 ч. I, въ прим. 3-мъ, мы упоминаемъ водевиль Н. Ф. Павлова. Онъ былъ напечатанъ въ „Молвѣ" 1832 г., № 8. Этой справкой мы обязаны Н. Л.

Теперь также по поводу толковъ о кометѣ любознательный сомнамбулъ Одоевскаго погрузился въ продолжительный сонъ, а когда очнулся, то «увидѣлъ предъ собою исписанные листы бумаги, изъ которыхъ узналъ, что онъ во время сомнамбулизма былъ Китайцемъ 44-го столѣтія, путешествовалъ по Россіи и очень усердно переписывался съ своимъ другомъ, оставшимся въ Пекинѣ» [1]). Что же оказалось въ сомнамбулическихъ откровеніяхъ автора писемъ? [2]).

Въ 44-мъ столѣтіи центромъ всемірнаго просвѣщенія будетъ Россія. Вся земля подѣлится на двѣ части между Китаемъ и Россіей [3]). Но Китай будетъ подчиненъ Россіи въ культурномъ отношеніи и станетъ тянуться въ хвостѣ за своей счастливой соперницей. Отъ нѣмцевъ, «Дейчеровъ», сохранится всего нѣсколько отрывковъ изъ произведеній ихъ поэта Гёте. Ученые 44-го вѣка толкомъ не будутъ даже и знать, кто такіе были эти нѣмцы. Англичане обанкротятся, продадутъ свои острова съ публичнаго торга, и купитъ ихъ все та же Россія [4]). По-

Бродскому.—Интересно отмѣтить, что въ „Альманахѣ на 1838 г.“ была повѣсть П. П. Каменскаго „*Конецъ міра*“. Дѣйствіе происходитъ въ 1000-мъ году по Р. Х., когда вся Зап. Европа ждала конца міра. Отзывъ объ этой повѣсти — въ Лит. Приб. къ Р. Инв. 1838, № 5, стр. 88—89.

[1]) Переплетъ 80, л. 87.

[2]) Содержаніе разсматриваемаго романа мы уже излагали въ статьѣ „Русская Икарія“, напечатанной въ „Современникѣ“, 1912, кн. 12.

[3]) Будущіе историки установятъ такое дѣленіе исторіи на періоды: „Древняя отъ Начала міра до Р. Х. Средняя отъ Р. Х. до раздѣленія міра на Китай и Россію—и отъ раздѣленія міра до нашихъ временъ“ (переплетъ 26, л. 232). Китай представлялся Одоевскому страной также весьма могущественной, во всякомъ случаѣ юной, которой еще предстоитъ дальнѣйшее развитіе. Въ переплетѣ 22 есть рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ о Китаѣ; многое со словъ извѣстнаго синолога о. Іакинфа Бичурина. Одоевскій былъ знакомъ не только съ его сочиненіями, но и съ нимъ лично. Въ одной замѣткѣ (переплета 22) Одоевскій высказываетъ мысль, что, получивши просвѣщеніе, Китай можетъ обрушиться на Европу, и прибавляетъ, что эту мысль о китайской опасности раздѣляетъ и о. Іакинфъ.—По журналамъ 30-хъ годовъ было немало статей о Китаѣ. Такъ, въ „*Моск. Набл.*“ за 1837 г., ч. XIII, находимъ: „Китай. La Chine, par J. F. Davis, Китай, описанный Девисомъ“. Но еще въ 20-хъ годахъ большую популярность пріобрѣлъ китайскій романъ „Ю-Кіао-Ли или Двоюродныя сестры“, который на франц. языкъ перевелъ Абель Ремюза (Abel Rémuzat. Iu-kiao-li, ou les deux cousines. Paris, 1826, 4 vol.), а на русскій (отрывки) Н. Р (ожалинъ) въ „М. Вѣстн.“ 1827 г., ч. III, № IX, 121—148. Ср. у Колюпанова въ „Біографіи А. И. Кошелева“, т. I, ч. II, 328, прим. 28, и 322, прим. 14.

[4]) Переплетъ 26, л. 232 об.

добная участь ожидаетъ и Америку. Ипполитъ Цунгіевъ говоритъ о жалкихъ, «одичавшихъ Американцахъ, которые, за недостаткомъ другихъ спекуляцій, продаютъ свои города съ публичнаго торгу, потомъ приходятъ къ намъ (т. е. въ Китай) грабить, и противъ которыхъ мы одни въ цѣломъ мірѣ должны содержать войско» [1]).

Нѣтъ, Китай 44-го вѣка не будетъ завидовать этимъ умирающимъ народамъ. Лѣтъ за 500 передъ симъ великій Хунъ-Гинъ «пробудилъ, наконецъ, Китай отъ его вѣковаго усыпленія или, лучше сказать, мертваго застоя». Цунгіевъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что китайцы народъ еще молодой, и культура ихъ юная. Не то, что Россія, гдѣ «просвѣщеніе считается тысячелѣтіями».

Китай 44-го в. будетъ находиться въ такихъ же отношеніяхъ къ Россіи, въ какихъ Россія 19-го ст. находилась къ З. Европѣ, и авторъ не удержался отъ намека на закоснѣлыхъ самобытниковъ николаевскаго времени [2]).

У Россіи 44-го столѣтія, дѣйствительно, есть чему поучиться. Во-первыхъ, ей удалось блистательнымъ образомъ разрѣшить вопросъ, который такъ мучилъ людей XIX в.

Хартинъ, ординарный историкъ при первомъ поэтѣ Орліи, знакомитъ Ипполита Цунгіева съ тѣмъ, какъ организована въ Россіи научная работа [3]). Издавна слышались жалобы «на излишнее раздробленіе наукъ», издавна знаменитые мужи употребляли усилія «для соединенія всѣхъ наукъ въ одну». Цѣлостное знаніе, какъ извѣстно, было идеаломъ всѣхъ любомудровъ, и нѣмецкая идеалистическая философія привлекала какъ разъ тѣмъ, что она давала своимъ адептамъ единую и великую аксіому, въ которой былъ ключъ ко всѣмъ тайнамъ жизни и знанія. Хартинъ сообщаетъ намъ, что «особливо замѣчательны въ семъ отношеніи труды 3-го тысячелѣтія по Р. Х.». Но задача все же оставалась неразрѣшенной. «Десятки вѣковъ протекли, и всѣ опыты соединить ихъ (т.-е. науки) оказались тщетными—ничто не помогло—ни упрощеніе методъ, ни классификація знаній; человѣчество не могло выдти изъ сей ужасной дилеммы: или его знаніе было односторонне, или поверхностно». Русскіе 44-го ст. нашли, однако, выходъ изъ затрудненія.

---

1) „Утренняя Заря“ на 1840 годъ, стр. 312.

2) Ibid., 313.

3) Переплетъ 26, л. 249 + переплетъ 20, л. 121, 120 и 119.

«Царствующему у насъ Государю, который самъ принадлежитъ къ числу первыхъ Поетовъ нашего времени», разсказывалъ Хартинъ, пришла слѣдующая счастливая мысль. Онъ видѣлъ, что общество естественно распадается на сословія историковъ, географовъ, физиковъ, поэтовъ, и рѣшился, «слѣдуя сему естественному указанію, соединить эти различныя сословія не одною ученою, но и гражданскою связью». Мысль, повидимому, очень простая, но всѣ великія мысли просты. «Можетъ быть, при этомъ первомъ опытѣ нѣкоторыя сословія не такъ классифицированы—но этотъ недостатокъ легко исправится временемъ. Теперь къ удостоенному званія Поета или Философа опредѣляется нѣсколько ординарныхъ Историковъ, Физиковъ, Лингвистовъ и другихъ ученыхъ, которые обязаны дѣйствовать по указанію своего начальника или приготовлять для него матеріалы; каждый изъ историковъ имѣетъ въ свою очередь подъ своимъ веденіемъ нѣсколькихъ Хронологовъ, Филологовъ, Антикваріевъ, Географовъ» и т. д. «Отъ такого распредѣленія занятій всѣ выигрываютъ: недостающее знаніе одному, пополняется другимъ, какое либо изысканіе производится въ одно время со всѣхъ различныхъ сторонъ; Поетъ не отвлекается отъ своего вдохновенія, Философъ отъ своего мышленія—матеріальною работою. Вообще, обществу это единство направленія ученой дѣятельности принесло плоды неимовѣрные; явились открытія неожиданныя, усовершенствованія, почти сверхъестественныя—и сему то единству въ особенности мы обязаны тѣми блистательными успѣхами, которые ознаменовали наше отечество въ послѣдніе годы».

Ученые образуютъ «Постоянный ученый Конгрессъ», распадающійся на нѣсколько академій по спеціальностямъ. Кромѣ еженедѣльныхъ засѣданій, ученые почти ежедневно собираются въ залу Конгресса. «Сюда приходятъ и физикъ, и историкъ, и поэтъ, и музыкантъ, и живописецъ; они благородно повѣряютъ другъ другу свои мысли, опыты, даже и неудачные, самые зародыши своихъ открытій, ничего не скрывая, безъ ложной скромности и безъ самохвальства; здѣсь они совѣщаются о средствахъ согласовать труды свои и дать имъ единство направленія» [1]...

---

[1]) „Утренняя Заря“, 342.

Въ распоряженіи ученыхъ—рядъ вспомогательныхъ учреждений. На самой срединѣ Невы высится гигантское зданіе, имѣющее видъ цѣлаго города. «Многочисленныя арки служатъ сообщеніемъ между берегами; изъ оконъ видѣнъ огромный водометъ, который спасаетъ приморскую часть Петербурга отъ наводненій» [1]). Это зданіе—Кабинетъ рѣдкостей. «Ближній островъ, который въ древности назывался Васильевскимъ, также принадлежитъ къ Кабинету. Онъ занятъ огромнымъ садомъ, гдѣ растутъ деревья и кустарники, а за рѣшетками, но на свободѣ, гуляютъ разные звѣри». Этотъ садъ—есть чудо искусства! Онъ представляетъ «сокращеніе всей нашей планеты; исходить его то же, что сдѣлать путешествіе вокругъ свѣта». Въ срединѣ зданія, посвященнаго Кабинету, на самой Невѣ, устроенъ огромный бассейнъ, въ которомъ содержатъ рѣдкихъ рыбъ и земноводныхъ различныхъ породъ; по обѣимъ сторонамъ находятся залы, наполненныя сухими произведеніями всѣхъ царствъ природы.

Наука пользуется въ Россіи всеобщимъ уваженіемъ. Зала Ученаго Конгресса едва можетъ вмѣщать постороннихъ посѣтителей, желающихъ попасть на засѣданія.

Чтобы выдвинуться въ обществѣ и даже чтобы пріобрѣсти благосклонное вниманіе дѣвушки, молодой человѣкъ долженъ ознаменовать себя «важнымъ открытіемъ въ какой-либо отрасли познаній» [2]).

Наука достигнетъ въ Россіи такой высокой степени разви-

---

1) Ibid., 314.

2) Переплетъ 20, л. 113—114 (въ планѣ о молодомъ историкѣ Орліи). Молодой человѣкъ, не сдѣлавшій ученаго открытія, считается „недорослемъ" (Утр. Заря, 340—341). Разумѣется, на этой почвѣ должны были возникать цѣлыя драмы. Молодой Орлій (въ отрывкѣ переплета 23, л. 140, гдѣ онъ названъ также поэтомъ, какъ и его отецъ), чтобы заслужить руку любимой женщины, долженъ разобрать древній манускриптъ, найденный въ развалинахъ. По этому манускрипту онъ опредѣляетъ, что Россія нѣкогда была „только частію міра", что тогда люди употребляли для своихъ сношеній письма, что „въ музыкѣ учились играть, а не умѣли съ перваго раза читать ее". Казалось бы, достаточно важныя и вѣрныя открытія. Но на л. 141 того же переплета читаемъ такой отрывокъ: „Судіи находятъ, что Поетъ не нашелъ истины и что всѣ изъясненія его суть игра воображенія; что хотя онъ и прочелъ нѣсколько имянъ, но что это ничего не значитъ. Отчаяніе молодаго Поета. Онъ жалуется на свой вѣкъ и пишетъ къ своей любезной, что его не понимаютъ и спрашиваетъ хочетъ ли она любить его просто какъ не Поета?—"

тія, что человѣкъ пріобрѣтетъ почти полную власть надъ природой. Съ помощью сложной системы «теплохранилищъ», устроенныхъ на экваторѣ и въ каждомъ городѣ русскаго государства, русскіе сумѣли видоизмѣнить суровый климатъ сѣвернаго полушарія. Кромѣ того, «посредствомъ различныхъ химическихъ соединеній почвы, найдено средство нагрѣвать и расхолаживать атмосферу—для отвращенія вѣтровъ придуманы вентиляторы» [1]). Впрочемъ, когда нашъ герой, утомленный всѣми впечатлѣніями дня, возвращался отъ перваго министра домой, его застала мятель и вьюга, «и, не смотря на огромныя отверзтія вентилатёровъ, которые безпрестанно выпускаютъ въ воздухъ огромное количество теплоты», онъ долженъ былъ плотно закутываться въ свою епанчу [2]).

Русскіе ученые съ спокойной увѣренностью ждутъ приближенія кометы. Они «рѣшительно говорятъ, что если только рабочіе не потеряютъ присутствія духа при дѣйствіи снарядами, то весьма возможно будетъ предупредить паденіе кометы на землю: нужно только знать заблаговременно, на какой пунктъ комета устремится; но астрономы обѣщаютъ вычислить это въ точности, какъ скоро она будетъ видима въ телескопъ» [3]).

И мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ успѣхѣ русскихъ ученыхъ. Вѣдь удалось же имъ установить сообщеніе съ луной. «Она», читаемъ въ рукописной замѣткѣ [4]), «необитаема и служитъ только источникомъ снабженія земли разными житейскими потребностями, чѣмъ отвращается гибель, грозящая землѣ по причинѣ ея огромнаго народонаселенія. Ети експедиціи чрезвычайно опасны, опаснѣе, нежели прежнія експедиціи вокругъ свѣта; на ети експедиціи единственно употребляется войско. Путешественники берутъ съ собой разные газы для составленія воздуха, котораго нѣтъ на лунѣ».

Все свидѣтельствуетъ о томъ, что русская наука достигла

---

[1]) Переплетъ 26, л. 232 Въ переплетѣ 92, л. 239, копія, съ помѣткой „Р. Н.", находимъ слѣдующія строки: „Нельзя сомнѣваться, чтобы люди не нашли средства *превращать климаты* или по крайней мѣрѣ улучшать ихъ. Можетъ быть огнедышащія горы въ хладной Камчаткѣ (на южной сторонѣ этого полуострова) будутъ употреблены какъ постоянные горны для нагрѣванія сей страны".

[2]) „Утр. Заря", 340.

[3]) Ibid., 311.

[4]) Переплетъ 26, л. 231 об.

поразительной высоты, и естественно, что она преобразовала весь внѣшній бытъ Россіи [1]).

Объ ѣздѣ на лошадяхъ остались лишь смутныя воспоминанія: лошади выродятся въ маленькихъ животныхъ, и дамы будутъ держать ихъ въ комнатахъ «вмѣстѣ съ постельными собачками». Желѣзныя дороги у русскихъ также отойдутъ въ область далекаго преданія; онѣ сохранятся еще у однихъ китайцевъ. Люди 44 вѣка станутъ изумляться неосторожности и смѣлости своихъ предковъ, которые рѣшались садиться на чудовищъ-лошадей или пользовались для ѣзды силой пара. Самый безопасный и совершенный способъ передвиженія это—ѣзда на электроходахъ и летаніе на гальваностатахъ и аэростатахъ. Теперь эти аппараты во всеобщемъ употребленіи. Люди избороздили землю туннелями, по которымъ съ быстро-

---

[1]) Но и на „русскомъ солнцѣ" оказались „пятна" (Утр. Заря, 352). Выйдя изъ зданія Конгресса, Цунгіевъ увидѣлъ „на ближней платформѣ толпу людей, которые громко кричали, махали руками и, кажется, бранились" (ibid., 350). Хартинъ даетъ поясненія, какъ будто заимствованныя изъ полемическихъ статей 30-хъ годовъ (350—1): „Эта толпа—одно изъ самыхъ странныхъ явленій нашего вѣка. Въ нашемъ полушаріи просвѣщеніе распространилось до низшихъ степеней; отъ того многіе люди, которые едва годны быть простыми ремесленниками, объявляютъ притязаніе на ученость и литераторство, эти люди почти каждый день собираются у передней нашей Академіи, куда, разумѣется, имъ двери затворены, и своимъ крикомъ стараются обратить вниманіе проходящихъ. Они до сихъ поръ не могли постичь, отъ чего наши ученые гнушаются ихъ сообществомъ, и, въ досадѣ, принялись ихъ передразнивать, завели также нѣчто похожее на науку и на литературу, но, чуждые благородныхъ побужденій истиннаго ученаго, они обратили и ту и другую въ родъ ремесла: одинъ лѣпитъ нелѣпости, другой хвалитъ, третій продаетъ, кто больше продастъ—тотъ у нихъ и великій человѣкъ; отъ безпрестанныхъ денежныхъ сдѣлокъ у нихъ безпрестанныя ссоры, или, какъ они называютъ, партіи: одинъ обманетъ другаго—вотъ и двѣ партіи, и чуть не до драки; всякому хочется захватить монополію, а болѣе всего завладѣть настоящими учеными и литераторами; въ этомъ отношеніи они забываютъ свою междоусобную вражду и дѣйствуютъ согласно; тѣхъ, которые избѣгаютъ ихъ сплетней, промышленники называютъ аристократами, дружатся съ ихъ лакеями, стараются вывѣдать ихъ домашнія тайны, и потомъ взводятъ на своихъ мнимыхъ враговъ разныя небылицы". Впрочемъ, особеннаго успѣха эта толпа не имѣетъ; она пользуется общимъ презрѣніемъ. И неудивительно: она состоитъ по большей части изъ „пришельцевъ", явившихся „изъ разныхъ странъ свѣта"; „незнакомые съ русскимъ духомъ, они чужды и любви къ русскому просвѣщенію: имъ бы только нажиться—а Россія богата". Хартинъ увѣряетъ, что эти Булгарины 44-го вѣка исчезнутъ вмѣстѣ съ „большимъ распространеніемъ просвѣщенія".

тою молніи движутся электроходы. Ипполитъ Цунгіевъ мчится сквозь Гималайскій и Каспійскій туннели. Сѣдой Каспій шумитъ надъ его головой [1]). «Теперь,—теперь,—слушай и ужасайся!» продолжаетъ онъ описывать свое путешествіе по Россіи: «Я сажусь въ Русскій гальваностатъ!—Увидѣвъ ети воздушные корабли, признаюсь, я забылъ и увѣщанія дѣда Орлія, и собственную опасность,—и всѣ наши понятія объ етомъ предметѣ. Воля твоя—летать по воздуху есть врожденное чувство человѣка.—Конечно, наше правительство поступило основательно, запретивъ плаваніе по воздуху; въ состояніи нашего просвѣщенія еще рано было намъ и помышлять объ етомъ; несчастные случаи, стоившіе жизни десяткамъ тысячъ людей, доказываютъ необходимость рѣшительной мѣры, принятой нашимъ правительствомъ. Но въ Россіи совсѣмъ другое; если-бы ты видѣлъ, съ какою усмѣшкою русскіе выслушивали мои опасенія, мои вопросы о предосторожностяхъ... Они меня не понимали! Они такъ вѣрятъ въ силу науки и въ собственную бодрость духа, что для нихъ летать по воздуху то же, что намъ ѣздить по желѣзной дорогѣ».

Гальваностатъ («воздушный шаръ, приводимый въ движеніе гальванизмомъ») или аеростатъ подлетаетъ къ «платформѣ высокой башни, находившейся надъ *Гостиницей для прилетающихъ*». Почтальонъ закидываетъ нѣсколько крюковъ къ кольцамъ платформы, спускаетъ лѣстницу, пассажиръ сходитъ на платформу, дергаетъ за шнурокъ и вмѣстѣ съ платформой тихо опускается въ общую залу гостиницы [2]).

Жилища въ 44-мъ вѣкѣ будутъ верхомъ роскоши и комфорта. Разныя техническія усовершенствованія превратятъ дома въ міръ чудесъ. «На богатыхъ домахъ», описываетъ Цунгіевъ [3]), «крыши всѣ хрустальныя, или крыты хрустальною же бѣлою черепицею, а имя хозяина сдѣлано изъ цвѣтныхъ хрусталей. Ночью, когда дома освѣщены внутри, эти блестящіе ряды кровель представляютъ волшебный видъ; сверхъ того, сіе обыкновеніе очень полезно—не такъ, какъ у насъ, въ Пекинѣ, гдѣ ночью сверху никакъ не узнаешь дома своего знакомаго,—надобно спускаться на землю».

---

[1]) Переплетъ 1, л. 23—24 об.

[2]) Переплетъ 26, л. 235.

[3]) „Утр. Заря", 308.

Разсказчикъ ведетъ насъ въ домъ перваго министра. У него «прекрасный крытый садъ, который служилъ министру пріемною. Весь садъ, засаженный рѣдкими растеніями, освѣщался прекрасно сдѣланнымъ электрическимъ снарядомъ, въ видѣ солнца. Мнѣ сказали, что оно не только освѣщаетъ, но химически дѣйствуетъ на дерева и кустарники; въ самомъ дѣлѣ, никогда мнѣ еще не случалось видѣть такой роскошной растительности» [1]. Виртуозъ-садовникъ путемъ скрещиванія умѣлъ выращивать самые причудливые виды плодовъ.

Одежду носятъ изъ «еластическаго стекла», изъ «тонкаго паутиннаго сукна» и другихъ оригинальныхъ тканей. «Дамы были одѣты великолѣпно, большею частью въ платья изъ эластическаго хрусталя разныхъ цвѣтовъ; по инымъ струились всѣ отливы радуги, у другихъ въ ткани были заплавлены разныя металлическія кристаллизаціи, рѣдкія растенія, бабочки, блестящіе жуки. У одной изъ фешіонабельныхъ дамъ въ фестонахъ платья были даже живыя, свѣтящіяся мошки, которыя въ темныхъ аллеяхъ, при движеніи, производили ослѣпительный блескъ; такое платье, какъ говорили, здѣсь стоитъ очень дорого, и можетъ быть надѣто только одинъ разъ, ибо насѣкомыя скоро умираютъ» [2]. Такъ какъ ждали появленія кометы, то «нѣкоторыя изъ дамъ носили уборки à la comète; онѣ состояли въ маленькомъ електрическомъ снарядѣ, изъ котораго сыпались безпрестанныя искры. Я замѣтилъ, какъ эти дамы изъ кокетства старались чаще уходить въ тѣнь, чтобы пощеголять прекрасною электрическою кистью, изображавшею хвостъ кометы, и которая какъ бы блестящимъ перомъ украшала ихъ волосы, придавая лицу особенный оттѣнокъ» [3].

Пища также совершенно не похожа на современную. Путешественникъ, только что прибывшій на гальваностатѣ, заказываетъ себѣ такой обѣдъ [4]: «Дайте мнѣ: хорошую порцію крахмальнаго екстракта на спаржевой ессенціи; порцію сгущеннаго азота à la fleur-d'orange, ананасной ессенціи и добрую бутылку углекислаго газа съ водородомъ...» «Между тѣмъ къ еластическому дивану на золотыхъ жердяхъ опустили съ потолка

---

1) Ibid., 327.
2) Ibid., 329—330.
3) Ibid., 331.
4) Переплетъ 26, л. 238—240.

опрятный столъ изъ рѣзнаго рубина, накрыли скатертью изъ еластическаго стекла; подъ рубиновыми колпаками поставили питательныя ессенціи, а кислоугольный газъ въ рубиновыхъ же бутылкахъ съ золотыми кранами, которые оканчивались длинною трубкою». Цунгіевъ видѣлъ въ саду перваго министра небольшіе графины съ золотыми кранами; гости брали эти графины, отворяли краны и втягивали въ себя содержавшуюся въ нихъ ароматную смѣсь возбуждающихъ газовъ. «Эти газы совершенно безвредны, и ихъ употребленіе очень одобряется медиками; этимъ воздушнымъ напиткомъ здѣсь въ высшемъ обществѣ совершенно замѣнились вина, которыя употребляются только простыми ремесленниками, никакъ не рѣшающимися оставить своей грубой влаги» [1]).

Къ услугамъ людей будутъ «магнетическіе телеграфы, посредствомъ которыхъ живущіе на далекомъ разстояніи разговариваютъ другъ съ другомъ», цвѣтная фотографія, стеклянный папирусъ взамѣнъ теперешней писчей бумаги. Будутъ устроены «часы изъ запаховъ», такъ что станутъ говорить: «часъ кактуса, часъ фіалки, резеды, жасмина, розы, геліотропа, гвоздики, мускуса, ангелики, уксуса, еѳира» [2]).

Общественныя развлеченія, разумѣется, получатъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ теперь. Съ этой цѣлью, во-первыхъ, будетъ использованъ животный магнитизмъ. Хозяинъ приглашаетъ гостей въ особое помѣщеніе, гдѣ находится «магнетическая ванна». Одинъ становится у ванны, другіе берутся за шнурокъ, и магнетизація начинается: кто впадаетъ въ «простой магнетическій сонъ», кто доходитъ до степени сомнамбулизма. Въ этомъ состояніи участники игры начинаютъ наперерывъ высказывать «свои самыя тайныя помышленія и чувства». Немудрено, что сомнамбулизмъ служитъ причиной «свадебъ, любовныхъ интригъ, а равно и дружбы». «Иногда одни мужчины магнетизируются, а дамы остаются свидѣтелями; иногда, въ свою очередь, дамы садятся въ магнетическую ванну и разсказываютъ свои тайны мужчинамъ. Сверхъ того, распространеніе магнетизаціи совершенно изгнало изъ общества всякое лицемѣріе и притворство: оно очевидно невозможно; однако

[1]) „Утр. Заря“, 336—337.

[2]) Названіе для двѣнадцатаго цвѣтка-часа въ замѣткѣ (переплетъ 26, л. 231) не придумано, но прибавлено: „у богатыхъ расцвѣтаютъ самые цвѣты“.

же, дипломаты, по долгу своего званія, удаляются отъ этой забавы, и отъ того играютъ самую незначительную роль въ гостиныхъ» [1]). Такимъ образомъ, магнитическія ванны ведутъ къ поднятію духовной культуры общества. Той же цѣли достигаетъ и усовершенствованіе френологіи: «лицемѣріе и притворство уничтожаются; всякій носитъ *своя внутренняя* въ формѣ своей головы» [2]).

Источникомъ высшихъ духовныхъ наслажденій попрежнему будетъ служить искусство.

Нѣкоторыя грубыя формы искусства совершенно исчезнутъ. Такъ, перестанетъ существовать театръ. Повторяя мысль французскаго мистика Сенъ-Мартена, авторъ говоритъ: «Увеличившееся чувство любви къ человѣчеству достигаетъ до того, что люди не могутъ видѣть трагедій, и удивляются, какъ мы могли любоваться видомъ нравственныхъ несчастій, точно такъ же, какъ мы не можемъ постигнуть удовольствія древнихъ смотрѣть на гладіаторовъ» [3]).

Зато музыка, этотъ высшій видъ искусства, получитъ небывалое развитіе. Въ саду перваго министра въ разныхъ мѣстахъ по временамъ раздавалась «скрытая музыка, которая однако-жъ играла очень тихо, чтобы не мѣшать разговорамъ. Охотники садились на резонансъ, особо устроенный надъ невидимымъ оркестромъ». Дальше Цунгіева и насъ ожидаетъ еще большее чудо. «Проходя по дорожкѣ, устланной бархатнымъ ковромъ», пишетъ онъ своему другу, «мы остановились у небольшого бассейна, который тихо журчалъ, выбрасывая брызги ароматной воды; одна изъ дамъ, прекрасная собою и прекрасно одѣтая, съ которою я какъ-то больше сошелся, нежели съ другими, подошла къ бассейну, и въ одно мгновеніе журчаніе превратилось въ прекрасную, тихую музыку: такихъ странныхъ звуковъ мнѣ еще никогда не случалось слышать; я приблизился къ моей дамѣ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что она играла на клавишахъ, придѣланныхъ къ бассейну: эти клавиши были соединены съ отверстіями, изъ которыхъ по-временамъ вода падала на хру-

[1]) „Утр. Заря“, 339—340. Въ одной замѣткѣ (переплетъ 26, л. 232) читаемъ: „Модная гимнастика состоитъ изъ Аеростатики и Животнаго Магнитизма; въ обществахъ взаимное магнетизированіе дѣлается обыкновенною забавою“.

[2]) Переплетъ 26, л 232 об.

[3]) Ibidem.

стальные колокола и производила чудесную гармонію... Этотъ инструментъ называется гидрофономъ: онъ недавно изобрѣтенъ здѣсь и еще не вошелъ въ общее употребленіе... Вскорѣ къ звукамъ гидрофона присоединился чистый, выразительный голосъ дамы, и словно утопалъ въ гармоническихъ переливахъ инструмента. Дѣйствіе этой музыки, какъ-бы выходившей изъ недостижимой глубины водъ; чудный магическій блескъ; воздухъ, напитанный ароматами; наконецъ прекрасная женщина, которая, казалось, плавала въ этомъ чудномъ сліяніи звуковъ, волнъ и свѣта, — все это привело меня въ такое упоеніе, что красавица кончила, а я долго еще не могъ прійти въ себя, что она, если не ошибаюсь, замѣтила». Пѣвица произвела на всѣхъ чарующее впечатлѣніе, но никто не апплодировалъ и не говорилъ ей комплиментовъ: «это здѣсь не въ обычаѣ» [1]).

Высшее общество ведетъ разумный и гигіеническій образъ жизни. Китайцы любятъ обращать ночь въ день, а здѣсь вечеръ начинается въ пять часовъ пополудни, въ восемь часовъ ужинаютъ и въ девять уже ложатся спать; зато встаютъ въ четыре часа и обѣдаютъ въ двѣнадцать [2]).

Худощавость и блѣдность считаются признакомъ невѣжества и дурного воспитанія; дамы здѣсь — «вообще прекрасныя и особенно свѣжія».

Въ началѣ и въ срединѣ года для всѣхъ полагается обязательный «мѣсяцъ отдохновенія»: «въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ всѣ дѣла прекращаются, правительственныя мѣста закрываются, никто не посѣщаетъ другъ друга. Это обыкновеніе мнѣ очень нравится: нашли нужнымъ опредѣлить время, въ которое всякій могъ бы войти въ себя и, оставивъ всю внѣшнюю дѣятельность, заняться внутреннимъ своимъ усовершенствованіемъ или, если угодно, своими домашними обстоятельствами».

Все предыдущее достаточно обрисовываетъ намъ состояніе матеріальной и духовной культуры Россіи въ 44 вѣкѣ.

Какъ видимъ, рѣчь идетъ главнымъ образомъ о высшемъ обществѣ, о людяхъ науки и о правительствѣ. Предполагаемый

---

1) „Утр. Заря“, 332—334.

2) Прежній идеалъ Одоевскаго въ этомъ отношеніи былъ другой: см. выше на стр. 27.

соціальный строй далеко не можетъ быть названъ демократическимъ. Вся утонченная роскошь, всѣ матеріальныя блага, всѣ завоеванія науки пойдутъ главнымъ образомъ на пользу немногихъ счастливцевъ.

Попрежнему въ Россіи будутъ высшія и низшія сословія, богатые и бѣдные, хозяева и слуги, заказчики и бѣдняки-ремесленники, которые все еще станутъ тянуть грубое вино. Въ высшемъ обществѣ найдутся и праздные люди, которые только «для тона» будутъ утромъ запирать свои двери. Трудъ не составляетъ обязательной нормы новой жизни. О соціальномъ и экономическомъ равенствѣ нѣтъ и помину.

Правда, въ одной рукописной замѣткѣ [1]) авторъ намѣревался порадовать своихъ читателей чѣмъ-то въ родѣ русскаго коммунизма. Когда путешественникъ въ гостиницѣ для прилетающихъ спросилъ себѣ обѣдъ, трактирщикъ вѣжливо освѣдомился объ его общественномъ положеніи, затѣмъ подошелъ къ стѣнѣ, «на которой висѣли нѣсколько прейскурантовъ подъ различными надписями — Поэты, Историки, Музыканты, Живописцы, и проч. и проч.». Такъ какъ путешественникъ былъ «ординарнымъ историкомъ при дворѣ Американскаго Поэта Орлія» [2]), то ему и поданъ былъ «Прейскурантъ для Историковъ». Американецъ вспомнилъ, что въ русскомъ полушаріи для каждаго званія полагается свой обѣдъ, тѣмъ не менѣе онъ не могъ скрыть своего удивленія. «Судьба нашего отечества, — возразилъ, улыбаясь, трактирщикъ, — состоитъ, кажется, въ томъ, что его никогда не будутъ понимать иностранцы. Я знаю, многіе Американцы смѣялись надъ этимъ учрежденіемъ—отъ того только, что не хотѣли въ него вникнуть. Подумайте немного, и вы тотчасъ увидите, что оно основано на правилахъ настоящей нравственной математики: прейскурантъ для каждаго званія соображенъ съ тою степенью пользы, которую можетъ онъ принести человѣчеству». По своему прейскуранту каждый получаетъ кушанья даромъ; если же лицо пожелаетъ взять себѣ блюдо изъ высшаго прейскуранта, то оно обязано платить.

---

[1]) Переплетъ 26, л. 235—238.

[2]) Имя Орлій (вѣроятно, отъ слова „орелъ“) въ отрывкахъ приписывается разнымъ лицамъ: то русскому, то американскому поэту. Упоминается также сынъ поэта, историкъ или поэтъ Орлій.

Но идея этого русскаго коммунизма осталась неразвитой. Русская «Икарія» не обѣщаетъ сколько-нибудь существенныхъ соціальныхъ перемѣнъ [1]).

Политическая организація Россіи 44-го вѣка задумана также въ чисто русскомъ стилѣ. Во главѣ стоитъ государь. Онъ самъ первый поэтъ въ странѣ. Мы уже знакомы съ оригинальнымъ продуктомъ его творчества—съ организаціей ученой работы въ государствѣ. Трудъ государя по управленію страной раздѣляютъ министры. Будутъ министръ философіи, министръ изящныхъ искусствъ, министръ воздушныхъ силъ и т. п. А во главѣ стоитъ первый министръ, или министръ примиреній; онъ же и предсѣдатель государственнаго совѣта.

Министръ примиреній есть первый сановникъ въ имперіи. Его должность самая трудная и скользкая. Подъ его вѣдѣніемъ состоятъ «Мирные судьи» во всемъ государствѣ, избираемые изъ почетнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы предупреждать всѣ семейныя несогласія, всѣ распри и тяжбы и склонять къ миролюбивому соглашенію тяжущихся. Министръ примиреній есть первый судья," и на него лично возложено «согласіе въ дѣйствіяхъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, ему равнымъ образомъ ввѣрено наблюденіе за всѣми учеными и литературными спорами; онъ обязанъ наблюдать, чтобы этого рода споры продолжались столько, сколько это можетъ быть полезно для совершенствованія науки, и никогда не обращались на личность» [2]). Первые министры рѣдко живутъ долго: непомѣрные труды убиваютъ ихъ силы. Нынѣшній министръ примиреній, сообщаетъ намъ китайскій студентъ, «вполнѣ достоинъ своего званія; онъ еще молодъ, но волосы его уже посѣдѣли отъ безпрерывныхъ трудовъ» [3]).

Въ кабинетѣ перваго министра между прочимъ хранится большая рѣдкость — «Сводъ Русскихъ Законовъ, изданный

---

[1]) Характерна слѣдующая мысль въ замѣткѣ переплета 26, л. 232: „Магнетическая симпатія и антипатія даютъ поводъ къ порожденію новаго рода фешенебельности, и по мѣрѣ того, какъ Государства слились въ одно и тоже, частныя общества раздѣлились болѣе яркими чертами, производимыми етою внутреннею симпатіею или антипатіею, которая обнаруживается при магнетическихъ дѣйствіяхъ“.

[2]) Переплетъ 92, л. 104 + переплетъ 13, л. 124—125.

[3]) Переплетъ 92, л. 106

въ половинѣ 19-го столѣтія по Р. Х.;. многіе листы истлѣли совершенно, но другіе еще сохранились въ цѣлости; эта рѣдкость, какъ святыня, хранится подъ стекломъ въ драгоцѣнномъ ковчегѣ—на которомъ начертано имя Государя, при которомъ этотъ сводъ былъ изданъ». «Это одинъ изъ памятниковъ, — сказалъ мнѣ хозяинъ, — Русскаго законодательства; отъ измѣненія языка, въ теченіе столь долгаго времени многое въ семъ памятникѣ сдѣлалось нынѣ совершенно не объяснимымъ, но изъ того, что мы до сихъ поръ могли разобрать, видно, какъ древне наше просвѣщеніе! такіе памятники должно сохранять благодарное потомство» [1]).

Этотъ штрихъ прекрасно завершаетъ общую картину русской «Икаріи».

Утопія Одоевскаго въ разныхъ отношеніяхъ представляетъ типичное явленіе для русской жизни тридцатыхъ годовъ.

Во-первыхъ, въ «4338 году» нашло себѣ мѣсто широко распространенное убѣжденіе нашихъ идеалистовъ, что Россіи предназначена міровая роль, что ей предстоитъ выполнить великую общечеловѣчную *миссію*. Одоевскій вѣритъ, что именно Россія станетъ во главѣ всемірнаго просвѣщенія.

Во-вторыхъ, утопія завершаетъ развитіе главной идеи, лежащей въ основѣ всей трилогіи — идеи о культурномъ значеніи просвѣщенія, начавшагося у насъ со времени Петра Вел. Будущее рисуется нашему автору, какъ полная *побѣда человѣка надъ природой*. Прогрессъ человѣчества выразится почти исключительно въ успѣхахъ науки. Въ этомъ смыслѣ произведеніе Одоевскаго похоже на романы Жюль Верна. Одоевскій не забылъ сказать о магнитизмѣ и френологіи, о чемъ такъ много толковали въ тридцатыхъ годахъ, но все же главное его вниманіе сосредоточено на изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ въ области точныхъ наукъ. Въ тридцатыхъ годахъ интересъ къ авіаціонной проблемѣ, видимо, сильно оживился [2]). Въ библіотекѣ Одоевскаго (Рум. муз. $S\frac{20}{16}$) оказалась книга Георга Ребенштейна (1837 г.) спеціально объ аэростатахъ [3]). Журналы (напр., «Моск.

1) Ibid, л. 106—107.

2) О воздушныхъ шарахъ говоритъ и Булгаринъ въ своей утопіи. Одоевскій еще въ „Пестрыхъ сказкахъ“ (7—8) жаловался на медленность въ развитіи воздухоплаванія.

3) Вотъ заглавіе этой книги: „Основанное на новѣйшихъ опытахъ искусство плавать по воздуху и совершать дальнѣйшія путешествія по всѣмъ на-

Наблюдатель» 1837, ч. XII, смѣсь, 133—134) сообщали о разныхъ усовершенствованіяхъ въ этомъ дѣлѣ, въ частности о томъ, что одинъ женевецъ сталъ примѣнять къ аэростатамъ паръ жидкой угольной кислоты. Въ «Русскихъ Ночахъ» (316, 339, 390) и въ рукописныхъ замѣткахъ Одоевскій не разъ говоритъ о томъ, какой переворотъ можетъ произойти въ человѣческой жизни, если будетъ разрѣшена проблема воздухоплаванія [1]). — Точно также уже въ тридцатыхъ годахъ было извѣстно объ изобрѣтеніи эластическаго стекла и объ изготовленіи матеріи изъ стекла («Моск. Набл.», 1836, ч. X, смѣсь, 246. Ср. въ «Р. Ночахъ», 335). Подоспѣло къ этому времени и изобрѣтеніе электрическаго телеграфа («Моск. Набл.», 1837, ч. XII, смѣсь, стр. 131—132, и «Лит. Приб. къ Р. Инв.», 1837, № 36, стр. 356) и т. п. Принимая во вниманіе всѣ эти факты, нельзя не согласиться съ авторомъ, что въ его научныхъ мечтаніяхъ нѣтъ ничего такого, «существованіе чего не могло бы естественнымъ образомъ быть выведено изъ общихъ законовъ развитія силъ человѣка въ мірѣ природы и искусства». «Слѣдственно», говоритъ онъ (переплетъ 80, л. 90), «не должно слишкомъ упрекать мою фантазію въ преувеличеніи». Поскольку рѣчь шла о человѣческой наукѣ вообще, дѣйствительно, нѣтъ основанія упрекать автора въ излишествѣ надеждъ, но наличныя условія русской жизни николаевской эпохи, безъ сомнѣнія, слишкомъ мало оправдывали мечты Одоевскаго о томъ, что Россія сдѣлается центромъ всемірнаго просвѣщенія.

Въ-третьихъ, сравнительно съ блестящей перспективой на-

правленіямъ съ помощію и безъ помощи воздушныхъ шаровъ, а также поднимать огромнѣйшія тяжести на произвольную высоту и перемѣщать ихъ по воздуху изъ одного мѣста въ другое съ чрезвычайною быстротою и въ самое кратчайшее время".

[1]) Сюда относятся замѣтки: а) Въ переплетѣ 55, л. 96, автографъ, подъ заглавіемъ „Аэростаты и ихъ вліяніе". „Продолженіе условій нынѣшней жизни", писалъ здѣсь Одоевскій, „зависитъ отъ какого-нибудь колеса, надъ которымъ теперь трудится какой-нибудь неизвѣстный механикъ, — колеса, которое позволитъ управлять аэростатомъ. Любопытно знать, когда жизнь человѣчества будетъ въ пространствѣ, — какую форму получитъ торговля, браки, границы, домашняя жизнь, законодательство, преслѣдованіе преступленій и проч. т. п — словомъ все общественное устройство?". б) Въ замѣткахъ болѣе позднихъ годовъ — переплетъ 63, л. 124, автографъ (на франц. языкѣ); переплетъ 80, л. 246—248, автографъ; замѣтка 60-хъ гг. „Настоящій моментъ" въ „Р. Арх." 1874, № 7, стр. 47 („Изъ бумагъ князя Одоевскаго").

учнаго прогресса, необычайно блѣдной оказалась картина *соціальной и политической жизни* Россіи 44-го вѣка. Утопія Одоевскаго навѣяна ожиданіемъ не соціальной, а космической катастрофы. Все дѣло—въ борьбѣ съ природой, а не въ формахъ жизни. Эта черта особенно рѣзко бросается въ глаза, если вспомнить знаменитую утопію того же времени, принадлежащую французскому коммунисту Кабэ. Его «Voyage en Icarie» (1840) всецѣло построенъ на идеѣ народнаго суверенитета и соціальнаго равенства, тогда какъ русская «Икарія» почти совершенно обходитъ соціальный и политическій вопросы. Если не считать «коммунистическаго» меню, основаннаго «на правилахъ настоящей нравственной математики», то въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ Россія 44-го ст. ничѣмъ существеннымъ не разнится отъ Россіи тридцатыхъ годовъ XIX в. Авторъ и самъ предчувствовалъ, что многое въ его утопіи можетъ показаться «слишкомъ обыкновеннымъ». Въ качествѣ оправданія онъ говоритъ [1]: «люди всегда останутся людьми, какъ это было съ начала міра»; останутся тѣ же страсти, тѣ же побужденія; вообще измѣняются только «формы ихъ мыслей и чувствъ, а въ особенности ихъ физическій бытъ».

Картина Россіи 44-го столѣтія написана Одоевскимъ въ спокойныхъ и свѣтлыхъ тонахъ. Онъ полонъ вѣры въ Россію, науку и человѣчество. Будущее открыто передъ нами, какъ пронизанная солнцемъ лазурная даль [2].

---

[1]) Переплетъ 80, л. 87 об.

[2]) Одоевскій еще въ 1825 г. написалъ свои „Два дня въ жизни земнаго шара“, напечатанные въ „Моск. Вѣстникѣ“ за 1828 годъ. Тонъ здѣсь торжественно-свѣтлый. Точно также нѣтъ и тѣни пессимизма въ романѣ „4338-й г.“. Только въ „Послѣднемъ самоубійствѣ“ (въ „Р. Ночахъ“) дана страшная картина гибели людей и земли, если восторжествуетъ законъ Мальтуса. Но самъ Одоевскій, вообще говоря, былъ настроенъ иначе. Впрочемъ, одинъ отрывокъ (переплетъ 22, л. 214, литера *И*, автографъ) показываетъ, что онъ хотѣлъ внести пессимистическую ноту въ картину будущаго, которое ждетъ людей черезъ двѣ тысячи лѣтъ. Человѣчество почувствуетъ ограниченность природныхъ силъ своего организма, познаетъ „несостоятельность орудій человѣка—въ сравненіи съ тою цѣлію, мысль о которой выработалась умственною дѣятельностію“. Отсюда—общее „безнадежное уныніе—человѣчество въ своемъ общемъ составѣ занемогаетъ предсмертною болѣзнію“. Но эта идея настолько противорѣчитъ общему міровоззрѣнію Одоевскаго и его настроенію (скорѣе оптимистическому, чѣмъ пессимистическому), что онъ поступилъ правильно, отказавшись отъ развитія приведенной мысли.

Но даль эта находится не на такомъ безконечномъ разстояніи, чтобы ее нельзя было непосредственно вывести изъ настоящаго. Въ этомъ случаѣ къ Одоевскому можно примѣнить то, что было имъ сказано по поводу романа: «The last man» [1]). «Сочинитель романа: «The last man», писалъ Одоевскій, [2]) «думалъ описать эпоху міра и описалъ только ту, которая началась черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ самаго сочинителя. Это значитъ, что онъ чувствовалъ уже въ себѣ тѣ начала, которыя должны были развиться не въ немъ, а въ послѣдовавшихъ за нимъ людяхъ. Вообще рѣдкіе могутъ найти выраженіе для отдаленнаго будущаго, но я увѣренъ, что всякій человѣкъ, который, освободивъ себя отъ всѣхъ предразсудковъ, отъ всѣхъ мнѣній, въ его минуту господствующихъ, и отсѣкая всѣ мысли и чувства, порождаемыя въ немъ привычкою, воспитаніемъ, обстоятельствами жизни, его собственными и чужими страстями, предастся внутреннему, свободному влеченію души своей—тотъ въ послѣдовательномъ ряду своихъ мыслей найдетъ непремѣнно тѣ мысли и чувства, которыя будутъ господствовать въ близкую отъ него эпоху». Именно въ близкую, а не черезъ $2^1/_2$ тысячи лѣтъ. Воображеніе Одоевскаго не слишкомъ далеко унеслось за предѣлы николаевскаго государства. Его идеальная Россія сохраняетъ въ полной неприкосновенности классовый принципъ, существующее неравен-

---

1) *The Last man*, Послѣдній человѣкъ, соч. Автора Франкенштейна. Лондонъ. 1826 г. 3 части in 8-ю д. Рецензія въ М. Вѣст. 1827, ч. III, стр. 179—181. „Сей романъ приписываютъ *Мистрисъ Шеллей*, вдовѣ поэта сего имени“ (180, прим.). „Этотъ романъ, разумѣется, есть *предсказательный*: въ немъ говорится о концѣ нашего рода; дѣйствіе происходитъ съ 2070 по 2100 годъ“ (181). Рецензентъ находитъ, что автору недостало таланта, чтобы справиться съ своимъ сюжетомъ. „Совершенное уничтоженіе рода человѣческаго, произведенное ужаснымъ переворотомъ, чувствованія, впечатлѣнія и тоска несчастнаго, который остается одинъ на землѣ! Безъ сомнѣнія такое содержаніе само по себѣ занимательно и высоко. Оно бы величественно развилось подъ перомъ Байрона, Гете, Жанъ-Поля; авторъ разбираемаго нами произведенія не могъ сего исполнить. Кажется, работа для него была слишкомъ велика и хотя онъ показываетъ иногда истинное дарованіе въ описаніяхъ, но въ цѣломъ исполненіе весьма неудачно. Характеры безъ истины, дѣйствіе продолжительное, положенія утомительныя по своему однообразію, наконецъ излишняя декламація: вотъ недостатки сего романа“ (180—181).

2) Психологическія замѣтки, стр. 325—326 = переплетъ 55, л. 86—87, автографъ (карандашомъ).

ство, бюрократическую организацію и монархизмъ. Въ этомъ случаѣ Одоевскій далеко не былъ одинокъ среди тогдашней русской интеллигенціи. Уже въ сороковыхъ годахъ Гоголь съ искреннимъ лиризмомъ опоэтизировалъ тотъ же монархическій и бюрократическій строй своего времени. Николаевская Россія болѣе всего способна была создать бюрократическую утопію, утопію безъ соціальныхъ реформъ и безъ народа, какъ главнаго агента исторіи.

«Икарія» Кабэ, опиравшаяся на сильное возбужденіе соціальныхъ чувствъ въ Европѣ, нашла себѣ послѣдователей. Какъ извѣстно, въ Америкѣ возникли колоніи икарійцевъ. Русская «Икарія» не затрогивала никакихъ соціальныхъ инстинктовъ и, если обратила на себя вниманіе, то не болѣе какъ всякая остроумная выдумка.

«Сынъ Отечества», хотя и не забылъ напомнить читателямъ, что у Одоевскаго были русскіе предшественники (въ томъ числѣ Ѳ. В. Булгаринъ), но призналъ, что «истинное дарованіе всегда найдетъ нѣкоторыя новыя стороны, даже и въ старомъ предметѣ» [1]). Бурачекъ [2]) съ наслажденіемъ прочиталъ произведеніе Одоевскаго: въ немъ онъ нашелъ «сближеніе учености съ поэзіей, которое составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей «Маяка». Это, говоритъ онъ, «торжество учености поэта, одѣтой въ самую увлекательную фантастическую форму» [3]). Критикъ жалѣетъ только о двухъ вещахъ: «зачѣмъ авторъ не прибавилъ еще писемъ пять-шесть, и не развилъ другихъ сторонъ будущаго, вѣроятнаго, Русскаго быта», а другое— зачѣмъ онъ на послѣднихъ страницахъ заговорилъ о двухъ литературныхъ партіяхъ—«аристократической и популярной».

Съ отзывомъ Бурачка на этотъ разъ нельзя не согласиться, хотя, конечно, трудно сойтись съ нимъ въ пониманіи идеала «будущаго, вѣроятнаго, Русскаго быта» [4]).

---

1) „Сынъ Отечества“, 1840, т. I. Новыя книги, стр. 171—173. Приведенный отзывъ на стр. 172.

2) „Маякъ“, 1840, ч. II, гл. IV, стр. 32.

3) „Чудеса“ утопіи не особенно удивляютъ Бурачка. Ему самому не разъ приходила въ голову мысль, какъ хорошо бы воспользоваться паденіемъ капель воды на звучащія тѣла, „какъ легко изобрѣсть новый инструментъ — и вотъ ужъ онъ существуетъ“.

4) Одоевскій любилъ думать и мечтать о будущемъ состояніи человѣчества. Къ времени „Пестрыхъ сказокъ“ относится „1100 ая глава Гулливерова путе-

Въ утопическомъ романѣ Одоевскій выразилъ свои культурные идеалы. Они прекрасно оттѣняютъ характеръ его идеализма, сильную и слабую стороны его міровоззрѣнія. Сопоставляя между собой все, что говорилось нами до сихъ поръ объ идейномъ содержаніи литературныхъ произведеній Одоевскаго въ періодъ философско-мистическаго идеализма, мы видимъ, что его настроеніе было чистымъ и возвышеннымъ, что высоко надъ землей парила мысль автора, но что вмѣстѣ съ тѣмъ абстрактность его мышленія сопровождается слабымъ развитіемъ соціально-политическихъ идей. Идеалистическое міропониманіе оказывается мало воспріимчивымъ къ вопросу о значеніи соціальныхъ и политическихъ формъ жизни. Одоевскій въ этотъ періодъ прежде всего—отвлеченный мыслитель. Синтезъ своихъ идей онъ представилъ намъ въ «Русскихъ Ночахъ».

VI.

«*Русскія Ночи*»—самое значительное литературное произведеніе кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Въ немъ подведены итоги всѣмъ его идейнымъ исканіямъ перваго и второго періода; въ него онъ вложилъ самыя завѣтныя свои думы, самыя интимныя свои чувствованія. Здѣсь—весь Одоевскій тридцатыхъ годовъ.

Исторія созданія «Русскихъ Ночей» была довольно сложной и самымъ неразрывнымъ образомъ сплетается съ исторіей другого произведенія Одоевскаго, его «*Дома сумасшедшихъ*». Мысль

шествія" (см. выше на стр. 30). Въ третьемъ періодѣ онъ пишетъ „L'homme de l'avenir" и размышляетъ о грядущихъ успѣхахъ человѣка—въ переплетѣ 80 л. 242—248. На л. 78 переплета 54, автографъ (большею частью карандашомъ) имѣются коротенькія замѣтки; изъ нихъ нѣкоторыя также утопическаго содержанія. Относятся онѣ, можно думать, во второй половинѣ 40 хъ годовъ.

„Сравнительную Статистику Россіи въ 1900-мъ году.—Нервометръ, Психометръ—J. Hygien. t. II й. — Зеленые люди на аэростатѣ спустились въ Лондонъ.—Изобрѣтеніе книги, въ которой посредствомъ машины измѣняются буквы въ нѣсколько книгъ.—Петербургъ въ разные часы дня.—Разборъ. Сочин. Бул., Греча и Сенков. въ 1847-мъ году. — Машина для Романовъ и для отечеств. Драмы, 18-й томъ Исторіи Русскаго Народа. — Письма изъ луны". Имѣя въ виду эту черту Одоевскаго, И. И. Панаевъ (Литер. воспоминанія. Изд. 3-ье. Стр. 98) говоритъ: „Писатель фантастическихъ повѣстей, онъ до-сихъ-поръ (т.-е до 1839 г.) смотритъ на все съ фантастической точки зрѣнія, и прогрессъ человѣчества воображаетъ въ томъ, что черезъ тысячу лѣтъ люди будутъ строить, вмѣсто мраморныхъ и кирпичныхъ, стеклянные дворцы (см. его повѣсти)".

о сооруженіи «Дома сумасшедшихъ» родилась у него очень давно. Въ предисловіи къ «Пестрымъ сказкамъ» (1833) В. Безгласный уже заявлялъ, что онъ возьметъ на себя «изданіе давно обѣщаннаго Дома сумасшедшихъ» [1]).

Матеріалы, дѣйствительно, заготовлялись и даже весьма дѣятельно; отъ времени до времени самъ авторъ поддерживалъ надежды читателей получить «Домъ сумасшедшихъ». Видимо, идея неотвязчиво стучалась въ сознаніе автора и настойчиво требовала воплощенія. Она, такъ сказать, напрашивалась сама собою, потому что все вокругъ говорило о своевременности и важности такого сюжета. Кличка сумасшедшаго такъ легко раздавалась людямъ, которые въ томъ или другомъ отношеніи выдѣлялись изъ толпы, раздавалась неофиціально и официально [2]).

Самое названіе «Домъ сумасшедшихъ» уже было употреблено *А. Ѳ. Воейковымъ* еще въ 1814 г., къ которому относится первая редакція его памфлета, впервые появившагося въ печати однако только въ 1857 г. [3]). Впрочемъ, идея воейковскаго «Дома сумасшедшихъ» совершенно иная, чѣмъ идея

---

1) Н. А. Полевой въ своемъ отзывѣ о „Пестрыхъ сказкахъ“ (Моск. Телегр. 1833, № 8, стр. 572) не скрылъ своего разочарованія, что вмѣсто „Дома сумасшедшихъ“ онъ получилъ „Пестрыя сказки“. Друзья Одоевскаго усиленно ждали „Дома сумасшедшихъ“. Гоголь сообщалъ И. И. Дмитріеву 30-го ноября 1832 г., что „Князь Одоевскій скоро порадуетъ насъ собраніемъ своихъ повѣстей“, и что „онѣ выйдутъ подъ заглавіемъ „Домъ сумасшедшихъ“ (Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Т. І, 228—229). О томъ же со словъ Гоголя писалъ Плетневъ Жуковскому (Сочиненія П. А. Плетнева, т. III, стр. 522). Къ письму А. И. Кошелева отъ 26 іюня 1833 г. изъ Москвы (бумаги 1869 г.) сдѣлана приписка, что тамъ „ждутъ Дома Сумашедшихъ и Жизни Г. Гомозейки“. Въ письмѣ отъ 1 окт. 1833 г. (ibid.) Кошелевъ снова спрашиваетъ: „Скоро ли издастся жизнь почтеннѣйшаго Гомозейки? А домъ сумасшедшихъ?“

2) Чацкіе кажутся Фамусовымъ настоящими сумасшедшими. Каченовскій видѣлъ въ Шеллингѣ достойнаго кандидата для дома сумасшедшихъ (В. Евр. 1817, № 20, стр. 259). Булгаринъ то же самое говорилъ о любомудрахъ (см. въ I ч., 291 стр.). Николаевское правительство въ качествѣ оригинальной кары не разъ объявляло сумасшедшими людей, которые мыслили и жили не такъ, какъ хотѣлось правительству, и систематически примѣняло къ нимъ режимъ желтаго дома. Случай съ Чаадаевымъ общеизвѣстенъ, и онъ далеко не былъ единственнымъ. Любопытно, что и самъ Одоевскій охотно примѣнилъ къ Чаадаеву эпитетъ „сумасшедшій“ (I ч., стр. 612).

3) Новое изданіе вышло въ 1911 г. въ „Универсальной библіотекѣ“ В. Антика и К°, подъ редакціей И. Н. Розанова и Н. П. Сидорова. Ср. разсказъ И. И. Панаева о томъ, какъ читали „Домъ сумасшедшихъ“ Воейкова въ присутствіи Жуковскаго и Вяземскаго (Литер. воспоминанія. Изд. 3-ье. Стр. 89—91).

Одоевскаго. Заслуживаетъ упоминанія также очеркъ *Н. А. Полевого* «Сумасшедшіе и не-сумасшедшіе», предвосхищающій идею герценовскаго «Доктора Крупова» (1847) [1]).

Интересно далѣе, въ качествѣ матеріала для сопоставленія, произведеніе *Гёрреса:* «Домъ сумасшедшихъ и идеи объ искусствѣ и помѣшательствѣ ума» [2]). Къ нему приложенъ снимокъ съ картины Каульбаха, изображающей домъ сумасшедшихъ. Статья Гёрреса состоитъ изъ трехъ частей: въ первой говорится о задачахъ искусства; во второй—объ общихъ причинахъ сумасшествія, какъ болѣзни; въ третьей—истолковывается картина Каульбаха. Взгляды Гёрреса на искусство тѣ самые, какіе вообще можно было встрѣтить въ эстетикѣ мистиковъ, въ частности у С. Мартена [3]).

Искусство занимается изображеніемъ «вѣчныхъ, божественныхъ идей», проявленія Бога въ природѣ и особенно въ человѣкѣ. «Человѣкъ палъ, и съ нимъ пала вся природа; ликъ, подобный лику Божьему, обезобразился, исказился; вмѣсто прежнихъ свѣтозарныхъ, вѣчныхъ лучей красоты нетлѣнной, на униженномъ челѣ его глубоко врѣзалась печать грѣха, тлѣнія,

---

[1]) Новый Живописецъ общества и литературы, составленный Николаемъ Полевымъ. Ч. III М. 1832. Стр. 47—67.

[2]) Моск. Наблюдатель, 1835 г., ч. IV, стр 5—33 + 157—190.

[3]) „Цѣль искусства", разсуждаетъ Гёрресъ, „есть стремленіе къ чему-то болѣе высокому, чѣмъ одна внѣшняя, тѣлесная красота, изъ которой не свѣтится ни искорки красоты вѣчной, состоящей въ чистотѣ и святости Истинная красота соединяется только съ нравственностію и истиной, которымъ придаетъ непомрачаемую прелесть' Истинная красота, какъ нравственность, какъ истина, есть отблескъ самого Бога" (9). „Если художникъ не возведетъ горѣ очей своихъ, если Богъ, источникъ всего прекраснаго, гармоническаго, не озаритъ его своимъ сіяніемъ, не снидетъ на него въ зиждительномъ вдохновеніи, то онъ не будетъ въ силахъ произвести ничего истинно художественнаго" (9). „Истинная задача художника состоитъ въ представленіи вѣчной идеи въ томъ видѣ, какъ она воплощена всѣми созданіями, особенно же человѣкомъ, этимъ подобіемъ Божіимъ, со всей ея чистой, блестящей красотой И такъ все искусство есть не иное что, какъ священная символика; во всей природѣ искусство должно отыскивать черты Вездѣсущаго, и потому-то духъ художника неминуемо и безпрерывно долженъ возноситься къ источнику своему, въ область жизни горней, вѣчной. Вся природа составляетъ одно великое художественное произведеніе, тоже есть и исторія и жизнь каждаго человѣка въ особенности; и художникъ, желая воспроизвесть въ твореніи своемъ такое произведеніе природы и жизни, долженъ краски для этого почерпать въ глубинѣ своей собственной чистой, гармонически налаженной души".

смерти» (10) Жизнь падшаго человѣчества—какъ бы сплошное безуміе, временами проявляющееся особенно рѣзко. На картинѣ Каульбаха представлены различные типы сумасшедшихъ, какъ продуктъ европейской жизни съ ея политическими авантюристами (въ родѣ Наполеона), съ ученіемъ о свободѣ и равенствѣ, съ революціонными движеніями, съ меркантилизмомъ и биржевымъ ажіотажемъ, съ проституцieй и т. п. [1]). Въ сторонѣ отъ группы сумасшедшихъ видна жирная фигура надсмотрщика, равнодушно взирающаго на безумцевъ. «Этимъ надзирателемъ», комментируетъ Гёрресъ, «выражается холодная, эгоистическая философія, равнодушно и безчувственно взирающая на чужія бѣдствія» (190). Ему хотѣлось бы, чтобы художникъ тутъ же помѣстилъ и сестеръ милосердія, какъ представительницъ христіанской любви.

Такъ нѣмецкій мистикъ понялъ картину Каульбаха. Изображая падшаго человѣка, христіанское искусство, по его мнѣнію, «должно безпрерывно напоминать человѣку о его высокомъ происхожденіи, предостерегать его, наказывать и устрашать, утѣшать когда онъ скорбитъ, пробуждать когда дремлетъ, одушевлять къ побѣдѣ, указуя на лучезарный вѣнецъ, его ожидающій» (11).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Одоевскій въ тридцатыхъ годахъ раздѣлялъ идеи мистика Гёрреса о паденіи человѣка и смыслѣ его жизни, а также и его взглядъ на искусство. Но свой «Домъ сумасшедшихъ» онъ все же строилъ не для тѣхъ, кто изображенъ на картинѣ Каульбаха, а для сумасшедшихъ иной категоріи, для тѣхъ безумцевъ, чьи переживанія такъ интересовали нѣмецкаго романтика Гофмана. Кто же его сумасшедшіе? Этотъ вопросъ Одоевскій разрѣшаетъ въ особой статьѣ, которая имѣетъ характеръ введенія къ «Дому сумасшедшихъ» [2]).

Статья «*Кто сумасшедшіе?*» снабжена эпиграфомъ изъ Данте:

Nel mezzo del cammino di nostra vita,
Mi ritrovai, per una selva oscura,
Che la diritta via era smarrita [3]).

---

[1]) Эти разсужденія были почти повторены П. М. Ястребцовымъ въ 1837 г. (Исповѣдь, 233—239). Ср. также вышеназванный очеркъ Полевого, разсужденія о сумасшествіи и сумасшедшихъ въ „Мѣщанинѣ“ А. Башуцкаго (Спб. 1840. Ч. II, стр. 210 и слл.) и произведеніе Герцена „Докторъ Круповъ“ (1847).

[2]) *Кто сумасшедшіе?* Библ. для Чтенія, 1836 г., т. XIV, стр. 50—64. Подпись: „*Безгласный*“.

[3]) Это одинъ изъ эпиграфовъ и „Р. Ночей“.

т. е.: «На половинѣ пути нашей жизни, я замѣтилъ, идучи темнымъ лѣсомъ, что прямая дорога потеряна».

Въ послѣдніе дни XVIII столѣтія, разсказываетъ авторъ, въ одномъ европейскомъ городѣ жили два друга, отличавшіеся необыкновенной пытливостью духа. Еще въ дѣтствѣ они забрасывали своихъ учителей разными мудреными вопросами, а когда они прошли грамматику, исторію и поэзію и приступили къ философіи, то тутъ друзья принялись ставить вопросъ за вопросомъ, все подвергая анализу и смѣло выставляя свои desiderata. Кто знаетъ, сумѣютъ ли искатели истины достигнуть своей цѣли. «Кто знаетъ! Быть-можетъ насмѣшливая толпа, гордая своимъ равнодушіемъ, умножитъ число сумасшедшихъ моими пылкими юношами. Быть-можетъ,—что еще горестнѣе,—сумасшедшіе оттолкнутъ ихъ, какъ людей съ здравымъ смысломъ».

Какъ бы то ни было, авторъ обѣщаетъ собрать «ихъ наблюденія, чувства, мечты, порожденныя въ слезахъ надежды и въ мукахъ опасенія», и «похоронить ихъ въ печати, этомъ печальномъ кладбищѣ всѣхъ человѣческихъ мыслей» [1]). «Можетъ быть, иные призадумаются надъ ихъ надгробнымъ камнемъ, другіе посмѣются, третьи спросятъ: зачѣмъ смѣшивать ума лишенныхъ съ сумасшедшими?..» (63—64) [2]). Таковы были намѣренія автора, и редакторъ журнала «Б. для Чт.» нашелъ нужнымъ сдѣлать примѣчаніе: «Кажется, что это обѣщаніе, къ общему удовольствію читателей статьи, сбудется очень скоро. Намъ извѣстно, что Г. Безгласный въ самомъ дѣлѣ издаетъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Домъ сумасшедшихъ», въ составъ котораго, вѣроятно, войдетъ и эта статья» [3]).

---

[1]) Одно изъ любимыхъ сравненій Одоевскаго.

[2]) „Добрый Одоевскій“, вспоминалъ Бѣлинскій въ 1847 г. (Пыпинъ, Бѣлинскій, II, 274), „разъ не шутя увѣрялъ меня, что нѣтъ черты, отдѣляющей сумасшествіе отъ нормальнаго состоянія ума, и что ни въ одномъ человѣкѣ нельзя быть увѣреннымъ, что онъ не сумасшедшій“.

[3]) Среди подготовительныхъ замѣтокъ къ „Дому сумасшедшихъ“ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія три. а) Въ переплетѣ 20, л. 10 и об., автографъ, находимъ отрывокъ подъ заглавіемъ „*Сумасшедшій (Посв. кн. Ел. А. Бѣлосельской)*“. Въ обществѣ цѣнятъ такихъ людей, изъ которыхъ можно извлечь ту или другую выгоду. „Человѣкъ не случайный, не танцующій, не играющій въ карты, не ищущій невѣсты; литераторъ“ (послѣднее слово потомъ зачеркнуто) не встрѣтитъ въ обществѣ ни радушія, ни сочувствія; его несчастію радуются; „поскользнулся—нѣтъ пощады; упалъ—добивать до смерти, борется—

Одоевскій, дѣйствительно, исполнилъ свое обѣщаніе, но уже въ формѣ «*Русскихъ Ночей*», куда въ переработанномъ видѣ включена и статья «Кто сумасшедшіе».

«Русскія Ночи» состоятъ изъ отдѣльныхъ частей, писавшихся разновременно.

А именно, въ теченіе тридцатыхъ годовъ были напечатаны отдѣльно или, по крайней мѣрѣ, написаны слѣдующія произведенія, вошедшія потомъ въ составъ «Р. Ночей».

1) На стр. 2—3 Ростиславъ припоминаетъ «сказку» одного своего пріятеля, «которая начинается, кажется, со временъ изобрѣтенія огня» и т. д. Это — «*Дѣтская сказка для взрослыхъ дѣтей*» (см. выше на стр. 169—170).

2) Фаустъ во второй ночи (стр. 19—39) лишь слегка передѣлалъ статью «*Кто сумасшедшіе*» которая, какъ мы уже знаемъ, должна была служить введеніемъ для «*Дома сумасшедшихъ*» [1]). Эпиграфъ изъ Данте также перенесенъ въ «Русскія Ночи».

3) Разсказъ «*Opere del Cavaliere Giambatista Piranesi*» («Р. Ночи», стр. 41—55) — первоначально былъ напечатанъ въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1832 г. [2]).

пахалъ и якобинецъ". б) Въ переплетѣ 54, л 41 и об. автографъ, съ помѣткой: „Къ И. Д. Сум." — разсужденіе о томъ, что источникъ нашихъ земныхъ страданій—въ самой природѣ человѣка, и что сознаніе этого служитъ „убѣдительнѣйшимъ знакомъ того, что человѣчество приближается къ какому-то важному кризису". в) Неоконченный отрывокъ на французскомъ языкѣ съ русскимъ заглавіемъ „*Бѣснующіеся*" въ переплетѣ 95, л. 111, автографъ—о стремленіи человѣка къ абсолютному счастью.

1) Въ приложеніи мы указываемъ всѣ важнѣйшія измѣненія, внесенныя Одоевскимъ въ статью „Кто сумасшедшіе" при включеніи ея въ составъ „Р. Ночей".

2) Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ. Спб. 1831. Ценз. разрѣшеніе 9 октября 1831 года. Стр. 47 — 65. Подпись: *ъ, ъ, й*. Текстъ въ „Р. Ночахъ" подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ „Сѣв. Цвѣтахъ" разсказъ начинается словами: „Кто изъ васъ, друзья, испытывалъ наслажденіе: поутру рано, въ поношенномъ сюртукѣ" и проч. Кромѣ того, разсказъ снабженъ слѣдующимъ эпиграфомъ, который опущенъ въ „Р. Ночахъ": „Cet artiste, n'ayant pu trouver à exercer les rares talents dont il était doué, a pris plaisir à dessiner les édifices imaginaires, à mettre fabrique sur fabrique et à présenter des masses d'architecture à l'érection desquelles les travaux de plurieurs siècles et les revenus de plusieurs empires n'auraient pu suffire. Roscoe. *Vie de Léon X*". Вспомнимъ романъ о Дж. Бруно.—Наконецъ, въ „Сѣв. Цвѣтахъ" разсказъ посвященъ А. С. Хомякову (въ изданіи „Р. Ночей" это посвященіе также отсутствуетъ). По свидѣтельству Гилярова-Платонова (Изъ пережитого, т. I, 309) прототипомъ для

4) «*Бригадиръ*» («Р. Ночи», 67—79) впервые появился въ сборникѣ «Новоселье», ч. I (Спб. 1833. Подпись: *ъ, з, й*, а въ оглавленіи: «*О. К. В. Ѳ.*» Посвящено И. С. Мальцеву. Въ текстѣ «Р. Ночей» посвященія нѣтъ [1]).

5) «*Балъ*» («Р. Ночи», стр. 80—84) появился вмѣстѣ съ «Бригадиромъ» въ той же I части «Новоселья» (1833) съ посвященіемъ «Г. А. Ѳ. 3-й». (Подпись: «*ъ, з, й*», а въ оглавле-

Пиранези въ нѣкоторомъ отношеніи послужилъ А. С. Хомяковъ, но свойствами Пиранези отличался особенно его отецъ. Вѣрнѣе, можетъ быть, думать, что Одоевскому просто вспомнилось извѣстное сходство Хомяковыхъ съ Пиранези, и онъ посвятилъ разсказъ А. С. Хомякову. Указаніемъ на данное мѣсто въ книгѣ Гилярова-Платонова мы обязаны Н. П. Сидорову.—Нѣкоторыя части этого произведенія сохранились и въ рукописи. Во-первыхъ, въ переплетѣ 13, л. 8—9, автографъ, подъ заглавіемъ: „Opere del Cavaliere Giambatista Piranesi“. Подъ заглавіемъ было написано, а потомъ зачеркнуто: 1) „Отрывокъ 1-й“; 2) эпиграфъ: „Nullum est magnum ingenium sine mixtura dementiae. Seneca“. Это первая редакція разсказа о Пиранези. Данный отрывокъ соотвѣтствуетъ стр. 41—45 „Р. Ночей“. Но въ началѣ изложеніе болѣе сокращенно сравнительно съ печатной редакціей. Со словъ же (на стр. 42): „Узнавъ о цѣли нашего путешествія — онъ улыбнулся“ — существенныхъ отмѣнъ нѣтъ. Интересно отмѣтить (принимая во вниманіе первоначальный планъ „Дома сумасшедшихъ“), что въ данномъ отрывкѣ молодые люди говорятъ именно о „*сумасшедшихъ*“: ихъ они ищутъ. На л. 8-мъ читаемъ: „Мы не прочь отъ етаго — отвѣчалъ одинъ изъ насъ; когда намъ удастся наше путешествіе—тогда можетъ быть мы доберемся и до нашихъ народныхъ сумасшедшихъ, т.-е. сумасшедшихъ въ нашемъ смыслѣ. — Но начать съ чужихъ кажется учтивѣе и скромнѣе, сверхъ того такіе сумасшедшіе, которыхъ мы имѣемъ въ виду, принадлежатъ всѣмъ народамъ вмѣстѣ“ и т. д. Ср. „Р. Ночи“, стр. 42.—Во-вторыхъ, есть небольшой отрывокъ, соотвѣтствующій стр. 46—47 „Р. Ночей“, въ переплетѣ 13, л. 71 и об., въ копіи (съ поправками автора). Мѣсто встрѣчи здѣсь не обозначено (предполагалось вписать потомъ), и Пиранези первоначально прохаживался „по улицамъ Петербургскимъ“ (потомъ по Неаполю). Для исторіи „Дома сумасшедшихъ“ не лишено значенія примѣчаніе автора къ „Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi“ въ „Сѣв. Цвѣтахъ“: „Для тѣхъ, которые найдутъ сходство между предметомъ сей статьи и статьи, напечатанной въ „Сѣв. Цвѣт.“ 1831 года, подъ названіемъ: *Послѣдній квартетъ* Беетговена,—считаемъ нужнымъ замѣтить, что онѣ суть отрывки изъ одного и того же сочиненія, лишь нѣсколько округленные“.

[1]) Первоначальное заглавіе „Бригадира“ было: „*Русской Пиранези*“. Такъ именно озаглавленъ черновой оригиналъ въ переплетѣ 43, л. 3—21 (карандашомъ). Въ альбомѣ Юрія Никитича Бартенева, стр. 221—239, имѣется также автографъ разсказа „Русской Пиранези“ за подписью: „Кн. Вл. Одоевскій. Москва. 1832. Сентября 21-е“. (Б. Л. Модзалевскій. Альбомъ Юрія Никитича Бартенева. Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1910, т. XV, кн. 4, стр. 215).

ніи: «*О. К. В. Ө.*». Въ текстѣ «Р. Ночей» посвященія опять нѣтъ [1]).

6) «*Мститель*» въ «Р. Ночахъ» (стр. 85—86) представляетъ отрывокъ изъ неоконченной повѣсти «*Янтина*», гдѣ онъ называется «*Апологетикой Поэзіи*» (см. выше на стр. 96).

7) «*Насмѣшка мертвеца*» («Р. Н.», стр. 87—99) была напечатана въ альманахѣ Максимовича «Денница» на 1834 г. [2]).

8) «*Послѣднее самоубійство*» (Р. Ночи, 100—111)—повидимому, ранѣе не было напечатано.

9) «*Цецилія*» («Р. Ночи», 112—114). Въ бумагахъ Одоевскаго есть неоконченное произведеніе подъ тѣмъ же заглавіемъ (см. выше на стр. 12—17), но въ сохранившихся отрывкахъ «Цециліи» нѣтъ того, что вошло въ «Р. Ночи». Внутренняя связь между Цециліей «Р. Ночей» и Цециліей перваго рукописнаго отрывка (о Виченціо-монахѣ) — несомнѣнна.

10) «*Городъ безъ имени*» («Р. Н.», 117 — 141) былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1839, т. 13 [3]).

---

1) Готовя въ 1862 г. второе изданіе своихъ сочиненій, Одоевскій предполагалъ подвергнуть „Балъ" существенной переработкѣ (см. печатный экземпляръ „Р. Ночей" въ переплетѣ 67); между прочимъ написано совершенно новое начало. Въ переплетѣ 19, л. 30—31, находимъ подъ заглавіемъ „Балъ въ Русскихъ Ночахъ" два отрывка: а) начало, похожее на редакцію переплета 67 и б) объ игрѣ оркестра (съ отличіями какъ отъ редакціи 1844 г., такъ и отъ редакціи 1862 г).

2) Денница на 1834 годъ. М. 1834. Ценз. разрѣшеніе 24 октября 1833 года. Стр. 218 — 240. Заглавіе: „*Насмѣшка мертваго* (*отрывокъ*)". Подпись: ***. Имя красавицы не Лиза, а Марія. — На стр. 87 „Р. Ночей" произведеніе озаглавлено сначала „Насмѣшка Мертваго" (какъ въ „Денницѣ"), а потомъ „Насмѣшка Мертвеца".—Черновой оригиналъ разсказа находится въ переплетѣ 55. а) на л. 71 — 85 = стр 87 — 92 „Р. Н" (но безъ заглавія и съ отличіями въ текстѣ); б) л 120—128 (карандашомъ) = стр. 93—99 „Р Н." (но съ именемъ княгини Маріи и въ значительно болѣе сжатой редакціи); порядокъ листовъ въ рукописи долженъ быть слѣдующій: 126, 127, 128, 120, 121, 122, 124, 125, 123.

3) Въ бумагахъ сохранилось нѣсколько набросковъ: а) въ переплетѣ 20, л. 32 и об., автографъ, съ заглавіемъ „*Городъ безъ имени*" (а ранѣе: „*Городъ Кейнъ-штейнъ*"); б) въ переплетѣ 48, л. 160, автографъ съ помѣткой: „*Въ Городѣ безъ имени*". Наброски (въ несвязной формѣ) соотвѣтствуютъ тому, о чемъ разсказывается на стр. 130—133 „Р. Ночей". „Городъ безъ имени" также предназначался для „Русскаго Сборника" (письмо къ Шевыреву отъ 28 сент. 1836 г. — въ бумагахъ Шевырева И. П. Б.).

11) «*Послѣдній квартетъ Бетховена*» («Р. Ночи», 157—168) былъ напечатанъ въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1831 г. [1]).

12) «*Импровизаторъ*» («Р. Ночи», стр. 173—196) былъ напечатанъ въ альманахѣ «Альціона» на 1833 г. [2]).

13) «*Себастіянъ Бахъ*» («Р. Ночи», стр. 211—273) былъ напечатанъ въ «Моск. Наблюдателѣ» 1835, ч. II, май, стр. 55—112, съ датой: «Ревель, 1834», за подписью «*Безгласный*» и съ примѣчаніемъ: «Изъ неизданной книги, *Домъ сумасшедшихъ*». Посвящается графу Мих. Ю. Віелгорскому и князю Гр. Петр. Волконскому. Этого посвященія въ текстѣ «Р. Ночей», нѣтъ [3]).

---

1) Сѣверные Цвѣты на 1831 годъ. Спб. 1830. Ценз. разр. 18 дек. 1830 г. Стр. 101—119. Заглавіе: „*Послѣдній квартетъ Беетговена*“. Подпись: ъ, ъ, й. Эпиграфъ изъ Гофмана есть. См. выше—примѣчаніе къ „Пиранези“.

2) Альціона на 1833-й годъ. Издаваемая Барономъ Розеномъ. Спб 1833. Ценз. разрѣшеніе 18 окт. 1832 г. Стр. 51—86. Подпись: ъ, ъ, й Произведеніе посвящено В. И. Ланской (въ „Р. Н.“ посвященія нѣтъ), и сопровождается примѣчаніемъ: „Изъ книги, подъ названіемъ: *Домъ сумасшедшихъ*, которая въ непродолжительномъ времени будетъ выдана“ Имена доктора Сегеліеля и Кипріяно, особенно перваго, связываютъ „Импровизатора“ съ „Сегеліелемъ“. Сегеліель появляется въ „Р. Ночахъ“ еще разъ въ сценѣ судилища (293—294 стр.).

3) Нѣтъ здѣсь и двухъ французскихъ эпиграфовъ, которыми снабженъ „Себ. Бахъ“ въ „М. Набл.“: а) „Il avoit un doigté particulier; contre l'usage des musiciens de son tems, il se servoit beaucoup du pouce.—Méthode pour apprendre facilement à jouer du piano“. б) Il reste à dire ce qu'on croit savoir et qu'on ignore; quels hommes c'etoient qu'Annibal et César! — Michelet“. Эпиграфы въ примѣчаніи переведены и по-русски. Въ текстѣ „М. Набл.“ есть небольшія отличія отъ текста „Р. Ночей“. Отправляя „С. Баха“ въ Москву, Одоевскій писалъ (бумаги Шевырева въ И. П. Б; письмо безъ даты): „Посылаю вамъ, любезная моя редакція М. Наблюдателя. Себастіяна Баха, написаннаго con amore, котораго соблаговолите тиснуть. Это почти единственная новая статья которую я готовилъ для изданія всего *Дома Сумасшедшихъ* и потому я не могу дать ее вамъ даромъ“ и т. д. (Письмо это будетъ напечатано нами въ приложеніи). Въ переплетѣ 20, л. 8, автографъ, читаемъ слѣдующее: „Въ *Себ. Бахѣ* (въ разсказѣ Альбрехта). Слово не выражаетъ души, внутренность души выражается музыкою; когда мы слышимъ музыку — она намъ нравится, — но это сладкое чувство происходитъ отъ того что въ ту минуту музыкальные звуки долетаютъ въ горнія селенія, и произносятъ тѣ тайныя мысли и чувства, для которыхъ недостаточенъ языкъ человѣка“. Эти мысли развиваются Альбертомъ на стр. 247—250 „Р. Ночей“. —Кстати отмѣтимъ, что среди позднихъ руко-

Кромѣ рукописей, которыя относятся къ отдѣльнымъ произведеніямъ и упомянуты нами въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, въ бумагахъ Одоевскаго уцѣлѣли еще отрывки какъ первой, такъ и нѣкоторыхъ другихъ «Ночей». Одни изъ нихъ совпадаютъ съ печатнымъ текстомъ, другія сближаются съ нимъ только по содержанію [1]).

Итакъ, за исключеніемъ «Послѣдняго самоубійства», всѣ составныя части «Р. Ночей» (именно разсказы) существовали отдѣльно. Изъ нихъ пять произведеній («Кто сумасшедшіе», «Пиранези», «Послѣдній квартетъ Бетховена», «Импровизаторъ» и «Себ. Бахъ) предназначались для «Дома сумасшедшихъ». Это обстоятельство — очень важно. Между «Р. Ночами» и «Домомъ сумасшедшихъ» существуетъ несомнѣнная преемственная связь. Она доказывается еще слѣдующими частными фактами.

писей Одоевскаго, именно въ переплетѣ 41, л. 123 (автографъ), есть замѣтка о славянскомъ происхожденіи Баха со ссылкой на книгу Гильгенфельдта „Sebastian Bach's Biographie — 1850". Въ этомъ почти не сомнѣвался Одоевскій и ранѣе: см. стр. 217—218 „Р. Ночей".

1) а) Въ переплетѣ 92, л. 285, автографъ, читаемъ: „Нѣкто Raucourt (Mem. Enc. 1836, № 66 — p. 335) предлагаетъ новую науку: La physique phylosophique de l'homme — посредствомъ которой онъ увѣренъ дѣйствовать на *нравственность людей знаніемъ*.—Въ етомъ духѣ есть Журналъ подъ покров. Префекта Сенскаго Депар.—подъ назв. *Educateur*". Этой замѣткой воспользовался въ „Р. Ночахъ" Викторъ (стр. 171—172). Между прочимъ отсюда же видно, что разсужденія Ночи шестой писаны не ранѣе 1836 г.

б) Въ переплетѣ 21, л. 32—46, автографъ, находимъ оригиналъ Ночи седьмой, соотвѣтствующій стр. 196 — 210 печатнаго текста (начало: „— Измѣна, господа, вскричалъ Вечеславъ" и т. д.). На рукописи имѣется подпись цензора Никитенка. Изъ письма Никитенка къ Одоевскому отъ 9 сентября 1843 г. (бумаги 1869 г.) видно, что рукопись поступила къ нему не ранѣе сентября 1843 г. Одно мѣсто, именно на л. 41 об.—42 (= стр. 206 „Р. Ночей"), гдѣ рѣчь идетъ о баснѣ „Стрекоза и Муравей" и отрицается ея негуманная идея, повидимому, вызвало особыя цензорскія сомнѣнія: на поляхъ написано: „Пропущено".

в) Три отрывка изъ Эпилога: во-первыхъ, въ переплетѣ 20, л. 131, автографъ, самое начало, но въ нѣсколько иной редакціи; во-вторыхъ, въ переплетѣ 27, л. 27, автографъ, отрывокъ = стр. 311 — 312 „Р Н.," но опять въ нѣсколько иной редакціи; въ-третьихъ, въ переплетѣ 20, л. 71 и об., автографъ, текстъ второго примѣчанія на стр. 387—388, также съ отличіями.

г) Въ переплетѣ 53, л. 44 и об., автографъ, отрывокъ, представляющій особую редакцію разговора Фауста и Виктора (ихъ имена обозначены инипіалами) о спеціализаціи въ наукѣ. Мы приводимъ его ниже.

Во-первыхъ, Одоевскій готовилъ для «Дома сумасшедшихъ» замѣтку о взглядахъ президента С.-Америк. Соединенныхъ Штатовъ, фанъ-Бурена, выраженныхъ имъ въ прокламаціи 4-го марта 1837 г. (см. въ I ч., на стр. 582) [1]). Этой замѣткой, оказалось, онъ воспользовался въ эпилогѣ «Р. Ночей» (стр. 321).

Во-вторыхъ, въ переплетѣ 53, л. 78, находится замѣтка, развивающая идею о томъ, что «обрусѣвшая Европа должна снова, какъ новая стихія, оживить старую одряхлѣвшую Европу». Она также должна была войти въ *эпилогъ* «Дома сумасшедшихъ»; теперь тѣ же мысли содержатся въ эпилогѣ «Р. Ночей» [2]).

Въ-третьихъ, возражая въ письмѣ къ Шевыреву (1836 г.) противъ философическаго письма Чаадаева, Одоевскій опять ссылается на *эпилогъ* «Дома сумасшедшихъ», который былъ написанъ уже въ 1834 г. и, судя по содержанію, можетъ быть, отожествленъ съ эпилогомъ «Р. Ночей» [3]).

Слѣдовательно, несомнѣнно, что матеріалы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, заготовлявшіеся для «Дома сумасшедшихъ», пошли на «Р. Ночи». Мало того, можетъ возникнуть вопросъ: не являются ли «Р. Ночи» просто «Домомъ сумасшедшихъ»— подъ другимъ названіемъ?

Въ теченіе всѣхъ тридцатыхъ годовъ (начиная съ 1831 г.) думалъ Одоевскій о «Домѣ сумасшедшихъ». Работа шла «инстинктуально»: писалась повѣсть за повѣстью по поэтическому инстинкту и только современемъ авторъ понялъ ихъ внутреннюю философскую связь. Такъ объясняетъ самъ Одоевскій процессъ своего творчества [4]): «Инстинктуальная *поэтическая* дѣятельность духа отлична отъ разумной въ образѣ своихъ дѣйствій но въ существѣ своемъ одинакова. Такъ безсознательно развивались во мнѣ одна за другою Повѣсти

---

1) Переплетъ 53, л. 54—55, автографъ. Заглавіе: „Слѣд. Матеріялизма. Въ примѣчаніи къ „Дом. Сумасш.". А на оборотѣ карандашомъ: „Экон.". „Эти карандашныя помѣтки дѣлались Одоевскимъ уже тогда, когда онъ собиралъ матеріалъ для „Р. Ночей".

2) Переплетъ 53, л. 78, автографъ. Заглавіе: „Елементы народные. Къ Епилогу Д. Сум.". А на оборотѣ листа карандашомъ: „Эпил.". Ср. въ I ч., 594.

3) См. въ I ч., стр. 612. Упоминаемыя тутъ же „Русскія Ночи" — то, что напечатано подъ этимъ названіемъ въ „Моск. Наблюдателѣ" 1836 г.

4) Переплетъ 53, л. 33, автографъ. Заглавіе: „Наука инстинкта". На оборотѣ карандашомъ: „Эпил. объясн. теоріи".

Дома Сумасшедшихъ и уже окончивши ихъ я замѣтилъ, что они имѣли между собою стройную философскую связь». Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности пріурочить эту замѣтку къ опредѣленному году. Но Одоевскій, какъ видимъ, сообщаетъ о томъ, что онъ успѣлъ «окончить» циклъ повѣстей для «Дома сумасшедшихъ»; въ вышеприведенной замѣткѣ переплета 53, л. 78, и въ письмѣ къ Шевыреву говорится даже объ эпилогѣ «Дома сумасшедшихъ». Значитъ, въ 1836 г. «Домъ сумасшедшихъ» какъ будто былъ совершенно законченъ. Но въ печати въ цѣломъ видѣ онъ не появился, и мы не знаемъ въ сущности ни его общаго плана, ни состава [1]).

Съ увѣренностью можно утверждать лишь одно, что «Р. Ночи» унаслѣдовали литературный матеріалъ и отчасти самую идею «Дома сумасшедшихъ».

Къ этому основному матеріалу авторъ «Русскихъ Ночей» присоединилъ и другіе: во-первыхъ, отдѣльные разсказы, не предназначавшіеся для «Дома сумасшедшихъ», и, во-вторыхъ, замѣтки (преимущественно въ переплетѣ 53), которыя въ 1843 г. были напечатаны подъ заглавіемъ «Психологическія замѣтки» [2]).

Отдѣльно существовавшіе разсказы Одоевскій связалъ въ одну цѣпь (подвергнувъ ихъ, конечно, необходимой переработкѣ), и звенья этой цѣпи скрѣпилъ бесѣдой четырехъ лицъ: Фауста, Вячеслава, Виктора и Ростислава. И получились «Русскія Ночи».

Когда и какъ это произошло?

Еще въ 1837 году Одоевскій продолжаетъ думать о «Домѣ сумасшедшихъ». Но рядомъ съ этимъ, не позднѣе средины 1836 года оформливается у него идея «Русскихъ Ночей». По крайней мѣрѣ, въ VI ч. «*Моск. Наблюдателя» за 1836 годъ* (стр. 5—15) за подписью «Безгласный» Одоевскій печатаетъ «*Русскія Ночи.* Ночь 1-я». «Ночь 1-я» здѣсь появляется уже въ той самой редакціи, какую мы имѣемъ въ общемъ текстѣ

---

[1]) Гоголь, впрочемъ, сообщалъ И. И. Дмитріеву (30 ноября 1832 г.), что „Домъ сумасшедшихъ" составится изъ ранѣе напечатанныхъ и вновь написанныхъ повѣстей, и что „ихъ будетъ около десятка" (Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Т. I, 228).

[2]) На многихъ изъ нихъ есть помѣтки, указывающія на намѣреніе автора включить ихъ въ „Р. Ночи". См. выше въ I ч. на стр. 437. Дѣйствительно, онъ воспользовался ими, хотя и не буквально.

«Р. Ночей». Въ концѣ читатель «М. Набл.» увѣдомлялся: «Продолженіе обѣщано». Но другихъ «Ночей» отдѣльно въ журналахъ не печаталось»[1]). Если эпилогъ «Дома сумасшедшихъ», дѣйствительно, былъ перенесенъ въ «Русскія Ночи», то, на основаніи дважды уже цитированнаго нами письма Одоевскаго къ Шевыреву (см. ч. I, стр. 612), его написаніе слѣдовало бы отнести къ 1834 г., но ссылки на стр. 305 и 375 «Р. Ночей» (съ годами 1838, 1841) заставляютъ думать о перерерaботкѣ эпилога, хотя бы въ формѣ дополненій. Окончательный свой видъ «Р. Ночи» получили не позднѣе осени 1843 года, когда онѣ были представлены въ цензуру. Цензоромъ былъ профессоръ Никитенко. Въ письмѣ отъ 9 сент. 1843 г. онъ сообщалъ автору о своей готовности принять на себя чтеніе «Р. Ночей»[2]).

Вотъ факты, лежащіе, такъ сказать, на поверхности. Конечный предѣлъ обозначенъ безспорно. Но начальный моментъ въ исторіи «Р. Ночей» и постепенный ходъ развитія ихъ идеи еще требуютъ дальнѣйшихъ поясненій. Нѣкоторый свѣтъ на эту исторію проливаютъ рукописные матеріалы.

Въ предисловіи ко второму изданію «Русс. Ночей» Одоевскій подробно разсказалъ, какъ возникла у него первая мысль о «Р. Ночахъ»[3]).

---

[1]) Небезынтересно отмѣтить любопытное совпаденіе, что въ той же VI ч. „М. Набл." за 1836 годъ были помѣщены въ переводѣ „Флорентинскія ночи" Г. Гейне (Ночь первая).

[2]) См. приложеніе.— Н. В. Путята читалъ „Р. Ночи" въ листахъ и писалъ Одоевскому, по прочтеніи первыхъ двухъ листовъ: „Ваши Русскія ночи прекрасны и для меня *совершенная новость*" (бумаги 1869 г.).

[3]) Второе, несостоявшееся изданіе собранія сочиненій задумано было въ 1862 г. (условіе съ издателемъ Ѳ. Т. Стелловскимъ было заключено 1-го ноября 1862 г.— см. въ переплетѣ 101).—Текстъ общаго предисловія сохранился: а) въ переплетѣ 79, л. 144—160, автографъ; б) здѣсь же, л. 161 — 168 + 169 — 184 — двѣ копіи (текстъ первой копіи только до постскриптума); в) отрывокъ въ копіи—переплетъ 13, л. 147—151; г) отдѣльныя замѣтки въ переплетѣ 22, литера И, л. 212, автографъ, + листокъ между л. 213 и 214. Предисловіе къ „Р. Ночамъ" подъ заглавіемъ: „Примѣчанія къ Русскимъ Ночамъ" — въ переплетѣ 79, л. 1—34, автографъ, и въ переплетѣ 2, л. 14—20, копія. Предисловіе общее было напечатано въ Р. Арх. 1874, кн. I, 311—320; предисловіе къ „Р. Ночамъ" Б. А. Лезинымъ въ „Очеркахъ изъ жизни и литерат. дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго" (Харьковъ, 1907. Стр. 64 — 66; по тексту переплета 2-го). Мы цитируемъ по оригиналу переплета 79. — Кромѣ того, въ переплетѣ 32, литера Р,

Задумывались «Русс. Ночи», по свидѣтельству автора, еще въ 20-хъ годахъ, въ періодъ любомудрія. «Частію по логическому выводу, частію по природному настроенію духа» Одоевскій пришелъ тогда къ мысли, что новѣйшая драма напрасно устранила тотъ элементъ, который въ античныхъ пьесахъ былъ представленъ хоромъ и который служитъ для выраженія понятій самихъ зрителей. Абсолютная пассивность зрителя въ театрѣ кажется ему противоестественной. Воскресить древнюю форму хора уже невозможно, но желательно такъ или иначе «ввести въ нашу немилосердую драмму хоть какого-нибудь адвоката со стороны зрителей или лучше сказать адвоката господствующихъ въ тотъ моментъ времени понятій». Этими соображеніями подсказана идея ввести дѣйствующихъ лицъ, которыя какъ бы со стороны наблюдаютъ жизнь и судятъ о ней.

Что касается содержанія, то оно вытекало изъ тогдашнихъ философскихъ интересовъ Одоевскаго и прежде всего изъ ученія Платона [1]).

Діалоги Платона произвели на любомудра-Одоевскаго, по его словамъ, «глубокое впечатлѣніе, до сихъ поръ сохранившееся, какъ всякое сильное впечатлѣніе юности». «Въ его разговорахъ судьба той или другой *идеи* возбуждала во мнѣ почти то же участіе, что судьба того или другаго человѣка въ драмѣ, или въ поемѣ». Изученіе Платона привело къ мысли, что задача жизни не рѣшена человѣчествомъ потому, что слова не выражаютъ вполнѣ нашихъ идей, но что возможно всѣ философскія мнѣнія привести къ одному знаменателю. «Юношеской самонадѣянности представлялось доступнымъ изслѣдовать каждую философскую систему порознь (*въ видѣ Философскаго Словаря*) [2]), выразить ее строгими, однажды навсегда принятыми, какъ въ Математикѣ, формулами и потомъ всѣ эти системы

автографъ, находится набросокъ Послѣсловія, а въ переплетѣ 67 — печатный экземпляръ „Р. Ночей" съ измѣненіями, какія авторъ предполагалъ внести во 2-е изданіе, и очень цѣнными примѣчаніями (въ переплетѣ 68 — II часть сочиненій, въ переплетѣ 69—III часть).

[1]) Одоевскій читалъ его по-гречески, „руководствуясь въ трудныхъ мѣстахъ русскимъ или точнѣе сказать славянорусскимъ переводомъ Пахомова, который въ нашей Словесности тоже, что Аміотовъ переводъ Плутарха во Французской".

[2]) Курсивъ нашъ.

свести въ *огромную драмму* [1]), гдѣ бы дѣйствующими лицами были всѣ Философы міра отъ Элеатовъ до Шеллинга или лучше сказать ихъ ученія, — а предметомъ или, вѣрнѣе, основнымъ анекдотомъ была бы ни болѣе, ни менѣе какъ *задача человѣческой жизни*». Трудъ оказался «не по силамъ». «Но сопряженіе всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ и почти безпрестанная о нихъ мысль *невольно* отразились во всемъ, что я писалъ и въ особенности въ «Русскихъ Ночахъ», но въ другой обстановкѣ». Вмѣсто Ѳаллеса, Платона и проч. явились современные типы, и «Р. Ночи» захватили все то, чѣмъ жила молодежь 20—30-хъ годовъ.

Это драгоцѣнное показаніе самого Одоевскаго позволяетъ сдѣлать заключеніе, что въ періодъ любомудрія въ его умѣ родилась идея философской драмы. Драматическая или, по крайней мѣрѣ, діалогическая форма вѣдь была такъ обычна въ философской литературѣ (Платонъ, Шеллингъ, Зольгеръ,— чтобы назвать имена, имѣющія отношеніе къ Одоевскому). Но это былъ своего рода эмбріонъ, который еще далеко не опредѣлился. Дальнѣйшія условія существенно видоизмѣнили его; философская субстанція («задача человѣческой жизни») осталась, но литературная форма — иная, взяты иные типы, использованы литературные матеріалы и даже идея другого параллельнаго плана («Дома сумасшедшихъ»), исключительно философское содержаніе осложнилось другими темами.

Слѣдовательно, относить возникновеніе «Р. Ночей» къ періоду любомудрія можно лишь весьма условно, лишь въ самомъ общемъ смыслѣ. Строго говоря, «Русскихъ Ночей», какъ таковыхъ, пока еще нѣтъ.

Болѣе опредѣленное представленіе о конкретномъ содержаніи замысла собственно «Русскихъ Ночей» даетъ статья въ переплетѣ 24, л. 79—94, автографъ, которая должна была служить введеніемъ и носитъ такое заглавіе: «*Русскія Ночи или о необходимости новой Науки и новаго Искусства*». Первоначальное заглавіе, впрочемъ, было просто: «Опытъ о необходимости новой Науки и новаго Искусства». Въ бумагахъ оказалось еще особое разсужденіе на ту же тему подъ аналогичнымъ заглавіемъ: «*О необходимости и возможности новой*

[1]) Курсивъ нашъ.

Науки и новаго Искусства» (переплетъ 27, л. 22 об., автографъ). Въ этихъ статьяхъ, особенно, конечно, въ первой, уже намѣчаются тѣ идеи, которыя составятъ содержаніе «Русскихъ Ночей».

Послѣ приведеннаго выше заглавія въ переплетѣ 24 имѣется фраза, служащая какъ бы эпиграфомъ: «Два труда предлежатъ человѣку въ сей жизни: понять то, что существуетъ и что должно существовать». Опредѣленіемъ сущаго и должнаго, дѣйствительно, и занимается авторъ «Р. Ночей».

Въ исторіи народовъ есть одинъ чрезвычайной важности вопросъ, трудно однако поддающійся разрѣшенію. Это — вопросъ о гибели народовъ, о томъ, «какимъ образомъ въ теченіи вѣковъ являются народы, процвѣтаютъ, наполняютъ всю землю своею славою и гибнутъ безъ возврата» [1]). Много предлагалось объясненій этого историческаго явленія, но ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ автора. Ему кажется, что истинная причина роста и паденія народовъ заключается въ томъ, правильно или ложно понята народомъ жизнь. Народъ, какъ и отдѣльный индивидуумъ, обладаетъ свободной волей. Въ этомъ случаѣ между личностью и народомъ существуетъ полная аналогія. Какъ судьба индивидуума зависитъ отъ него самого, такъ и судьба народа зависитъ отъ самого народа, судьба человѣчества—отъ самого человѣчества. «Очевидно, что точно также какъ одинъ человѣкъ силою своей воли творитъ добро и зло на землѣ, продолжаетъ или сокращаетъ свое бытіе и самъ долженъ нести отвѣтственность за жизнь свою,—такъ равно бѣдствія и блаженство всего человѣчества, его образованность или невѣжество находится въ самомъ человѣчествѣ и отъ него самаго зависитъ избрать ту или другую дорогу» [2]). Въ чемъ же внутренняя сила человѣка и общества? *какія стихіи* составляютъ эту силу?

Всякое тѣло, продолжаетъ разсуждать авторъ, существуетъ въ природѣ до тѣхъ поръ, пока не разрушены составныя его стихіи. Поэтому, «если мы найдемъ стихіи человѣчества, и условія ихъ разрушенія, тогда найдемъ причины паденія и возвышенія народовъ» (л. 82 об.). Какъ явствуетъ уже изъ

---

[1]) Переплетъ 24, л. 80.
[2]) Ibid: л. 81—82.

предыдущаго, стихіи человѣчества въ концѣ-концовъ тѣ же, что стихіи человѣка.

«Жизнь человѣка есть безпрерывное бореніе: бореніе съ Природою, бореніе съ самимъ собою, бореніе съ другими людьми» (л. 82 об.). Для борьбы съ природой человѣкъ создаетъ «*науку* въ обширномъ значеніи». «Слѣдственно, первое условіе бытія общества есть побѣда надъ Природою, другими словами: Наука» (л. 84).— «Человѣкъ, истощенный въ трудной борьбѣ съ Природою — изнемогаетъ и отъ того становится въ новое противоборство—въ противоборство съ самимъ собою. Его потребности, неудовлетворяемыя наукою, ищутъ ненаходимаго въ семъ мірѣ; сей міръ становится для него тѣсенъ; ему нуженъ другой міръ, удаленный отъ грубой, грозной Природы, міръ, въ которомъ вопреки обыкновенному міру Природа побѣждена— гдѣ человѣкъ не только властвуетъ надъ Природою, но творитъ ее по своему образу и подобію: гдѣ онъ Царь, а не воинъ, гдѣ онъ отдыхаетъ, а не борется — ето міръ *Искусства или Поэзіи*» (л. 84—85). Поэзія такъ же нужна обществу, какъ отдыхъ человѣку. Безъ поэзіи общество разрушится также, какъ и безъ науки, «но по другой причинѣ, по недостатку оживляющаго чувства» (л. 85).—Побѣда надъ природою и самое наслажденіе побѣдою лучше достигаются въ союзѣ съ другими людьми. Индивидуумъ неизбѣжно встрѣчаетъ противоборство со стороны другихъ людей, и потому третьимъ необходимымъ условіемъ или третьей стихіей общества является *любовь*. «Сія любовь не ограничивается однимъ человѣкомъ — но простирается на все человѣчество» (л. 85). Альфой и омегой предыдущихъ трехъ стихій является четвертая, именно *вѣра*. Чтобы успѣшно осуществлять три первыя условія, человѣкъ долженъ *вѣрить* въ то, что онъ можетъ побѣдить природу, значитъ, вѣрить въ свою науку, долженъ вѣрить и въ свою творческую способность въ искусствѣ и, наконецъ, въ свою способность любить,—«словомъ, вѣрить въ свое совершенствованіе, въ свою силу, въ свое достоинство» (л. 86). Слѣдовательно, прежде всего это — вѣра человѣка въ самого себя. Безъ вѣры человѣкъ ничего не можетъ начать. А въ концѣ своихъ научныхъ или иныхъ стремленій человѣкъ обрѣтаетъ уже высшій объектъ вѣры—Творца, Провидѣніе. Вѣра врождена человѣку, ее онъ находитъ на всѣхъ ступеняхъ своего совер-

шенствованія, особенно на послѣднихъ. «Совершеннѣйшее выраженіе сего чувства вѣры — находится въ Откровеніи. Здѣсь начинается міръ *религіознаго чувства*, связывающаго Науку и Искусство—въ Единство Жизни» (л. 86—87).

Итакъ, наука, искусство, любовь и вѣра — вотъ четыре основныхъ стихіи общества. Ихъ предугадывали и древніе въ своемъ ученіи о четырехъ стихіяхъ міра.

Отъ того, въ какомъ состояніи находятся эти стихіи, и зависитъ судьба народовъ. Исторія человѣчества до сихъ поръ не представляла еще картины полнаго и гармоническаго ихъ развитія. До Гомера наблюдается развитіе лишь одной стихіи— науки; съ Гомера до христіанства къ наукѣ присоединилась еще поэзія; съ христіанства до нашего времени прибавилась еще новая стихія — любовь, явившаяся прежде всего въ мученикахъ. Нынѣ всѣ свои дѣйствія человѣкъ невольно обращаетъ на пользу человѣчества; «ето дошло до того, что Бентамъ нашелъ любовь къ человѣчеству даже въ расчетахъ своекорыстной пользы». Четвертый моментъ, характеризуемый господствомъ четвертой стихіи, только что начинается. «Теперь начинается заря Вѣры; отъ того видимъ торжество умозрительныхъ системъ—и стремленіе къ Христіянству».

По мѣрѣ того, какъ появлялись въ исторіи новыя стихіи, положеніе прежнихъ существенно измѣнялось. «Въ наше время Вѣра должна истребить науку, искуство и любовь, чтобы возстановить ихъ въ новой формѣ» (л. 88 об.). Вотъ почему нашъ мыслитель считаетъ возможнымъ говорить о *новой наукѣ и новомъ искусствѣ*.

Одоевскій понимаетъ исключительную трудность поставленнаго вопроса.

«Нынѣшнее состояніе историческихъ и философскихъ наукъ и собственныя наши силы въ связи съ разными обстоятельствами», говоритъ онъ (л. 92), «не позволяютъ намъ дать нашимъ наблюденіямъ строгой логической формы: мы просимъ читателей смотрѣть на сей опытъ, какъ на матеріялы для сочиненія, которое, можетъ быть, никогда не будетъ написано». Авторъ хочетъ быть только общепонятнымъ, онъ станетъ говорить «языкомъ разговорнымъ со всею его неточностію и однакоже понятностію». Пора заполнить пропасть «между школою и жизнію», пора сблизить кабинетъ съ гостиной.

Покончивъ со введеніемъ, Одоевскій приступаетъ къ разсужденію о томъ, что такое просвѣщеніе, что такое наука (л. 94), но это разсужденіе только начато.

Повидимому, и теперь Одоевскій еще не напалъ на форму «Русскихъ Ночей». Пока какъ будто задумано лишь научно-популярное разсужденіе объ основныхъ стихіяхъ человѣческой жизни въ духѣ философско-мистическаго идеализма [1]).

Постепенно, можетъ быть, въ интересахъ той же понятности и занимательности для гостиной, авторъ форму монологическаго разсужденія замѣнилъ формой бесѣды.

На 79 л. переплета 24 подъ извѣстнымъ намъ заглавіемъ и эпиграфомъ находимъ уже слѣдующій перечень дѣйствующихъ лицъ:

«Фаустъ — наука,
Викторъ — искусство,
Вечеславъ — любовь,
Владиміръ — вѣра.
Я — Русской скептицизмъ».

Вотъ какъ предполагалось распредѣлить роли: каждая стихія представлена особымъ лицомъ, безъ точной квалификаціи идейнаго направленія; самъ авторъ хотѣлъ стоять на точкѣ зрѣнія «русскаго скептицизма» (изъ «Русскихъ Ночей» мы увидимъ, въ чемъ заключается этотъ русскій скептицизмъ). Затѣмъ, какъ мы знаемъ, Одоевскій воздержался отъ личнаго выступленія; оставилъ только четырехъ собесѣдниковъ, замѣнивъ при этомъ Владимира — Ростиславомъ. Имена: Викторъ, Вечеславъ и Ростиславъ употреблялись Одоевскимъ нерѣдко въ произведеніяхъ 30-хъ годовъ. Намекъ на Фауста былъ уже въ «Сегеліелѣ» (см на 56 стр.).

Въ бумагахъ Одоевскаго сохранилось нѣсколько набросковъ, связанныхъ съ первоначальнымъ планомъ «Р. Ночей», гдѣ участвуетъ и самъ авторъ.

Вотъ характерный отрывокъ въ переплетѣ 27, л. 26, автографъ. «*Русскія Ночи.* Ночь 1-я. Воетъ сѣверный вѣтеръ и вздымаетъ мятелицу снѣгъ крутится будто въ бездонной пучинѣ и хлопьями засыпаетъ окно бѣло и мрачно въ унылой

[1]) Ср. въ I ч., стр 563. и сл.

долинѣ—простолюдинъ вьюгою пробужденный посреди животнаго сна своего пугается—и снова засыпаетъ въ надеждѣ что завтра стихнетъ вѣтеръ, улягутся сугробы, взойдетъ вчерашнее солнце и снова освѣтитъ житейскія нужды. Философъ преклоняетъ колѣна и благодаритъ Бога, что въ душѣ его есть сила владѣющая Природою, что въ душѣ его есть солнце помрачающее собою то свѣтило, которое какъ рабъ ежедневно выходитъ на измѣренный путь свой».

Картина вьюги должна напоминать человѣку объ его грозномъ врагѣ — природѣ. Аналогичной картиной начинается и «Цецилія». Вспомнимъ также мысли Одоевскаго во время путешествія, когда его застала вьюга (см. ч. I, стр. 458—459) [1]).

Есть въ бумагахъ (переплетъ 20, л. 99, автографъ карандашомъ) еще коротенькій планъ «Ночи второй». Въ немъ характерно то, что предполагалась «сцена между духами въ духовномъ мірѣ» и «огрубѣлое» соотвѣтствіе ей «въ мысляхъ бодрствующаго Поета», «въ мірѣ Политика» и «въ мірѣ сна человѣка, заснувшаго отъ пресыщенія» (т.-е., какъ «метафоры Природы»).

«Ночь 3-я» должна была носить заглавіе «Оппозиція». Сохранившійся отрывокъ (переплетъ 24, л. 59—62, автографъ) говоритъ о «людяхъ безъ жизни», которые радуются всякой неудачѣ человѣчества, всякой ошибкѣ науки, вступаются за Мальтуса и ненавидятъ «всѣхъ такъ называемыхъ прожектеровъ» и которые, наконецъ, единственнымъ признакомъ дѣльнаго человѣка считаютъ «сидѣть сложа руки, или употреблять ихъ для наполненія своего кармана». «Смотря на етихъ людей, дѣйствительно можно подумать, что въ свѣтѣ существуетъ демонское навожденіе, которое влечетъ людей противъ истины

---

[1]) То же явленіе природы взято и съ другой стороны. Въ переплетѣ 92, л. 300, автографъ, читаемъ:

„О душевномъ и тѣлесномъ здравіи".

(Изъ Русскихъ Ночей).

Вьюга замолкла — луна ослѣпительнымъ блескомъ освѣтяла снѣжныя равнины оцѣпенѣлой Невы — Вечеславъ стоя у окошка любовался етимъ зрѣлищемъ, „Ахъ!" вскричалъ онъ „хоть и совѣстно, а нельзя не повторять къ сожалѣнію уже пошлаго выраженія: какъ прекрасна Природа". И въ теперешнемъ своемъ видѣ дѣйствіе „Р Ночей" начинается въ зимнюю ночь.

и ихъ собственнаго щастія». «Каждый вѣкъ производилъ ету оппозицію противъ здраваго смысла, етотъ хладнокровный мятежъ противъ щастія человѣка, брошенный Луциферомъ въ чашу созданія». Если бы не было подобныхъ людей, если бы всѣ вѣрили въ знаніе, стремились побѣдить природу посредствомъ знанія и познать ея гармонію, «если бы каждый вѣрилъ, что полное знаніе есть полное щастіе — не было бы нещастія на землѣ, ибо человѣкъ есть то, чему онъ вѣритъ». Къ пріобрѣтенію знаній для покоренія природы и должны быть направлены совокупныя усилія всѣхъ народовъ и всѣхъ людей.

Общая концепція мысли носитъ мистическій отпечатокъ (отношеніе человѣка къ природѣ, демонское навожденіе, Луциферъ) [1].

Кромѣ приведенныхъ отрывковъ, которые пріурочены къ опредѣленнымъ «Ночамъ», въ бумагахъ есть и еще три отрывка (изъ нихъ одинъ весьма значительнаго объема, два — съ помѣтой «Р. Н.»), тоже связанные съ первоначальнымъ планомъ «Русскихъ Ночей». Въ одномъ — начало рѣчи автора («я») къ Фаусту, очевидно, въ духѣ «русскаго скептицизма» [2]. Второй отрывокъ (переплетъ 53, л. 44) представляетъ разговоръ между Фаустомъ и Викторомъ о спеціализаціи въ наукѣ: его мы приведемъ дальше, при изложеніи этого вопроса. Третій [3]) содержитъ думы автора также отъ перваго лица. Въ зимнюю лунную ночь изъ окна своего дома смотритъ онъ на снѣжную равнину Невы [4]). «Я одинъ — на душѣ легко и грустно — но о чемъ грустить душа моя?» «Такъ бы улетѣлъ изъ етой жизни, такъ бы стряхнулъ ее, какъ свинцовую ношу—откуда то чув-

---

[1]) Въ духѣ „Оппозиціи" разсуждаетъ Фаустъ (Р. Н., 288—289), характеризуя людей, „для которыхъ всякая неудача есть истинное наслажденіе". Сюда же примыкаетъ отрывокъ въ переплетѣ 28, л. 1 — 5, копія, о „дѣтяхъ тьмы", которые „съ восхищеніемъ" указываютъ на преступленія дѣтей и юношей (см. выше, I ч., стр. 566, прим.)

[2]) Переплетъ 92, л. 261, автографъ, съ помѣткой „Р. Н.": „Ты странный человѣкъ, Фаустъ", сказалъ я ты вѣришь въ то, что ты говоришь—тебя можно показывать за диковинку".—

[3]) Переплетъ 48, л. 203—213, автографъ карандашомъ.

[4]) Одоевскій жилъ тогда въ помѣщеніи Румянцевскаго музея, который находился на набережной Невы.

ство неизъяснимое?» «Гдѣ же я? можетъ быть, теперь я тамъ, въ невѣдомомъ пространствѣ между звѣздами, можетъ быть, тамъ я ношусь на вольныхъ радужныхъ крыльяхъ въ сонмѣ свѣтлыхъ собратій, можетъ быть, тамъ мнѣ все ясно, понятно, свѣтло, можетъ быть, тамъ я тоскую о другой моей половинѣ, прикованной къ земной жизни, которая не слышитъ утѣшительныхъ словъ моихъ свѣтлыхъ собратій, не слышитъ моихъ собственныхъ словъ... а между тѣмъ здѣсь ноша жизни давитъ меня, сквозь легкія поэтическія видѣнія мнѣ являются грубые, неумолимые образы земной жизни, они оковываютъ, умерщвляютъ мои видѣнія и на ихъ мѣсто выводятъ цѣлый рой житейскихъ потребностей, они напоминаютъ мнѣ о жизни тѣла». Не спитъ и *котъ*, свернувшись клубкомъ около камина. И онъ о чемъ-то задумался. Ужъ не о томъ ли, что ему хотѣлось бы быть человѣкомъ. Такое желаніе должно быть у животнаго. Котъ можетъ желать быть человѣкомъ, но имѣетъ о немъ «такое же темное понятіе, какъ мы объ нашихъ свѣтлыхъ собратіяхъ, таже тьма вокругъ насъ». Тяжела грусть, испытываемая авторомъ, но онъ не хочетъ промѣнять ее на покой и индифферентизмъ положительныхъ практическихъ людей. Для него это и не было бы возможно: «или я иначе организированъ, или есть какой-либо нервъ въ моемъ мозгѣ, который заставляетъ меня видѣть въ предметѣ то, чего другіе не видятъ, грустить, о чемъ не грустятъ другіе,—и грустить, ежеминутно, носить жизнь въ груди, какъ глухую боль, которая томитъ и пугаетъ...»

Прекрасныя лирическія страницы, навѣянныя «русскимъ скептицизмомъ». Человѣкъ живетъ на землѣ, занятъ земными интересами, но духомъ онъ между двухъ міровъ: выше него, «тамъ, въ невѣдомомъ пространствѣ между звѣздами», носятся его свѣтлые собратія; а ниже—природа, съ которой человѣку нужно вести борьбу. Отсюда—острая и возвышенная грусть тонко-организованной натуры, которая на землѣ томится по другому міру; это—тоска двоемірія, проявившаяся уже въ мистическихъ разсказахъ Одоевскаго.

Вотъ въ какомъ настроеніи задуманы собственно «Русскія Ночи».

Изъ изложеннаго видно, что «Р. Ночи» должны были выразить думы автора объ основныхъ стихіяхъ жизни и его

субъективно-мистическія переживанія. Не исключена была возможность и участія духовъ. Постепенно однако онъ отказался отъ этой «фантастической» формы, отъ привлеченія духовъ и т. п. Мы знаемъ, что во второй редакціи «Психологическихъ замѣтокъ» нерѣдко стирались первоначальныя мистическія краски; точно также устраненъ мистическій элементъ и изъ нѣкоторыхъ повѣстей (напримѣръ, изъ повѣсти «Княжна Мими»). Такъ поступилъ авторъ и по отношенію къ «Русскимъ Ночамъ». Онъ удалилъ духовъ, изъялъ даже себя съ своимъ мистическимъ «скептицизмомъ», и избралъ болѣе объективную форму.

Остановившись на этой формѣ, Одоевскій набрасываетъ второе предисловіе, которое въ неоконченномъ видѣ сохранилось въ переплетѣ 13, л. 10—11+14—15, автографъ, съ тѣмъ латинскимъ эпиграфомъ изъ Сенеки, который читается теперь на заглавномъ листѣ первой части его сочиненій [1]).

Предисловіе, начинающееся (какъ и предисловіе къ роману «Іорданъ Бруно» въ переплетѣ 1, л. 186 об.: см. выше на стр. 7, прим.) съ цитаты изъ Сервантеса о трудности писать предисловія, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя мысли pro domo sua и разсужденіе о формѣ «Русскихъ Ночей».

Предисловіе бываетъ тяжелой обязанностью для автора, который вынужденъ опровергать судей, произвольно перетолковывающихъ мысли и намѣренія автора или видящихъ подражаніе тамъ, гдѣ его нѣтъ («они въ описаніи народнаго повѣрья не всѣмъ извѣстнаго видѣли подражаніе Гофману»). Въ данномъ случаѣ автору тѣмъ болѣе необходимо вступить въ предварительную бесѣду съ читателями, что онъ «сбрасываетъ съ себя покрывало псевдонима, впрочемъ, уже изстрелянное намеками Журналистовъ», и что теперь ему придется соединять въ одно цѣлое части, которыя въ свое время благосклонно принимались журналами. «Соединеніе частей моей книги будетъ ли для нихъ представляться въ видѣ того живаго организма, въ которомъ мнѣ оно представлялось? — Ети вопросы имѣютъ все право тревожить самолюбіе Автора — и они, признаюсь, преимущественно до сихъ поръ останавливали

---

1) Въ рукописи эпиграфъ этотъ написанъ карандашомъ, и текстъ — неточенъ.

появленіе книги, давно задуманной, давно обѣщанной и давно почти оконченной».

Болѣе всего нападокъ авторъ ожидаетъ именно на *форму* произведенія, и онъ считаетъ необходимымъ оправдать свой выборъ формы.

«Ета форма очень проста и сама собою развилась вмѣстѣ съ основною мыслію». Основная мысль сводится къ тому, что все въ мірѣ связано между собою, что есть «сродство между явленіями по виду разнородными». Есть связь между жизнью людей, раздѣленныхъ между собою пространствомъ и временемъ и часто не знавшихъ другъ о другѣ. Есть связь между отдѣльными видами наукъ, между отдѣльными мыслями людей. «Каждая мысль, каждая жизнь есть только буква въ общемъ доселѣ неразгаданномъ уравненіи». Нерѣдко цѣлая жизнь одного человѣка служитъ отвѣтомъ на жизнь другого. Эту идею всеобщаго единства, къ сожалѣнію, забыла современная наука, раздробившаяся на обособленныя вѣтви; та же страсть къ дробленію обнаруживается и въ искусствѣ, въ самыхъ его формахъ. «Отдѣльная страсть одного человѣка сдѣлалась предметомъ Художника. Отдѣльное происшествіе обдѣлывается безъ связи съ другимъ». Такъ поступаютъ романисты и драматурги, всѣ эти авторы историческихъ и нравоописательныхъ повѣстей, романовъ и драмъ. Новое пониманіе жизни требуетъ и новой формы. Идея единства можетъ быть выражена лишь въ формѣ, представляющей, такъ сказать, «высшій синтезъ» прежнихъ формъ. Романъ и драма, взятые въ отдѣльности, «суть изданія неполныя»; ихъ синтезомъ можетъ быть *«романическая драма»*, въ которой «главнымъ Героемъ можетъ быть не одинъ человѣкъ, но мысль, естественно развивающаяся въ безчисленныхъ разнообразныхъ лицахъ», а «драматическій разговоръ» состоитъ «въ самомъ бытіи людей, такъ, чтобы не рѣчь, но цѣлая жизнь однаго лица служила вопросомъ или отвѣтомъ на цѣлую жизнь другаго». Между выведенными лицами нѣтъ внѣшней связи, «но, какъ въ духовной природѣ, есть лишь связь внутренняя». «Разскащики» образуютъ нѣчто, соотвѣтствующее хору древней драмы.

Предисловіе, къ сожалѣнію, обрывается на полфразѣ. Какъ видно, изъ печатнаго предисловія къ «Р. Ночамъ» (VIII стр.),

авторъ призналъ излишнимъ входить въ подробное объясненіе насчетъ формы произведенія: «сочиненія, имѣющія притязаніе на названіе эстетическихъ, должны сами отвѣчать за себя, и преждевременно защищать ихъ полнымъ догматическимъ изложеніемъ теоріи, на которой онѣ основаны, было бы напраснымъ оскорбленіемъ правъ художника». Поэтому авторъ ограничился лишь самыми общими замѣчаніями (стр VII), совпадающими съ мыслями рукописнаго предисловія.

Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что Одоевскій въ «Русскихъ Ночахъ» пытается создать новую литературную форму, «романическую драму», сдѣлать нѣкоторый шагъ по направленію къ новому искусству, что составляетъ, по его мнѣнію, сущность современныхъ стремленій человѣчества, сознавшаго возможность и необходимость новой науки и новаго искусства.

Безусловно новой назвать форму, избранную Одоевскимъ для «Р. Ночей», все же нельзя. И въ западноевропейской, и въ русской литературѣ можно указать произведенія, написанныя въ видѣ цѣпи разсказовъ, связанныхъ разсужденіями дѣйствующихъ лицъ.

Не говоря уже о томъ, что прецеденты были извѣстны въ глубокой древности, — у индусовъ, у арабовъ въ «Тысячѣ и одной ночи», — изъ европейскихъ писателей мы найдемъ ее у Боккачіо въ «Декамеронѣ», у Гете въ его «Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten» (1795), «Die guten Weiber» (1800), у Виланда въ «Das Hexameron von Rosenhain» (1805), у Тика въ «Phantasus» (1810), у Гофмана въ его «Die Serapionsbrüder» и т. д.

Въ русской литературѣ интересующая насъ форма уже примѣнялась до «Р. Ночей»: напр., въ «Разсказахъ Лужницкаго старца» П. Л. Яковлева (1828), но особенно Погорѣльскимъ въ его «Двойникѣ или вечерахъ въ Малороссіи» (1828). Отдѣльные разсказы, изъ которыхъ составился его «Двойникъ», также ранѣе существовали отдѣльно [1]).

«*Пестрыя сказки*» самого Одоевскаго въ сущности принадлежатъ къ тому же типу. Онъ вообще любилъ пріемъ цикли-

[1]) Пожалуй, умѣстно вспомнить тутъ же „Деревенскіе вечера“ Карамзина „Дѣтское Чтеніе“, 1788—1789 гг., ч. IX—XV), являющіеся передѣлкой сочиненія Жанлисъ „Les Veillés littéraires“.

заціи, въ чемъ мы имѣли достаточно поводовъ убѣдиться. Да циклизація, можно сказать, была въ ходу въ нашей литературѣ тридцатыхъ годовъ: вспомнимъ «Повѣсти Бѣлкина» и «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Циклическая форма оказывалась какъ нельзя болѣе пригодной для передачи дружескихъ кружковыхъ споровъ; уже самый фактъ существованія идейныхъ кружковъ долженъ былъ наталкивать Одоевскаго на эту форму и, такъ сказать, санкціонировать ее.

Какъ бы то ни было, избранную форму Одоевскій призналъ наиболѣе подходящей для того философскаго содержанія, которое онъ хотѣлъ вложить въ «Р. Ночи».

Въ печатномъ предисловіи авторъ снова, но въ самыхъ общихъ выраженіяхъ намѣчаетъ свою задачу. «Во всѣ эпохи», пишетъ онъ (стр. III), «душа человѣка стремленіемъ необоримой силы, невольно, какъ магнитъ къ сѣверу, обращается къ задачамъ, коихъ разрѣшеніе скрывается въ глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ жизнь духовную и жизнь вещественную». Ничто не можетъ остановить этого стремленія. Оно переживаетъ всю пеструю смѣну историческихъ событій и бытовыхъ явленій на протяженіи ряда вѣковъ. Оно переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Чудной загадкой стоятъ передъ человѣкомъ эти «таинственныя стихіи». «Теченіе вѣковъ разнообразитъ имена ихъ, измѣняетъ и понятіе объ оныхъ, но неизмѣняетъ ни ихъ существа, ни ихъ образа дѣйствія; вѣчно-юныя, вѣчномощныя, онѣ постоянно пребываютъ въ первозданной своей дѣвственности, и ихъ дивная гармонія внятно слышится посреди бурь, столь часто возмущающихъ сердце человѣка. Для объясненія великаго смысла сихъ великихъ дѣятелей, естествоиспытатель вопрошаетъ произведенія вещественнаго міра, сіи символы вещественной жизни, историкъ — живые символы внесенные въ лѣтописи народовъ, поэтъ — живые символы души своей» (стр. IV). Исторія знаетъ лица и происшествія вполнѣ символическаго значенія, т.-е. такія, которыя служатъ символами «внутренней исторіи данной эпохи всего человѣчества». Историка дополняетъ поэтъ. Въ глубинѣ своей внутренней жизни онъ находитъ «свои символическія лица и происшествія», которыя то совпадаютъ съ историческими, то дополняютъ ихъ.

Поэтическіе символы всегда полнѣе и цѣлостнѣе историческихъ, ибо живутъ «жизнію безграничною, въ безконечномъ царствѣ поэта». Но и тѣ и другіе «хранятъ внутри себя подъ нѣсколькими покровами завѣтную тайну, можетъ быть недосягаемую для человѣка въ сей жизни, но къ которой ему позволено приближаться». Никто еще не видалъ лица Изиды. Это относится ко всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности [1]. «Вотъ теорія автора». Вотъ онъ — *«русскій скептицизмъ»*, прибавимъ мы отъ себя, скептицизмъ, какъ сознаніе невозможности для человѣка пока овладѣть абсолютной истиной. Человѣку остается только стремиться къ истинѣ, приближаться къ ней.

Печатное предисловіе написано въ тонѣ загадочныхъ намековъ, и читателю нелегко сразу понять, о какихъ «таинственныхъ стихіяхъ», о какой «завѣтной тайнѣ», недоступной человѣку въ сей жизни, идетъ рѣчь.

Сопоставляя это, послѣднее по времени предисловіе «Русск. Ночей» съ изложеннымъ выше, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы относительно идейнаго замысла «Р. Ночей».

Во-первыхъ, первая идея «Русск. Ночей» родилась въ атмосферѣ философскаго раздумья надъ «задачей человѣческаго существованія». Эта проблема остается доминирующей и въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда «Р. Ночи» уже совершенно опредѣлились въ своемъ содержаніи.

Во-вторыхъ, въ основу «Р. Ночей» кладется философская идея всеобщаго единства и космической символики въ мірѣ (одно есть символъ другого). Этой идеей мотивируется и самая форма «Р. Ночей».

Въ-третьихъ, существенно важнымъ признается опредѣленіе главнѣйшихъ стихій человѣческой жизни и содержанія новой науки и новаго искусства.

Въ-четвертыхъ, «Р. Ночи» поглотили собою идею «Дома сумасшедшихъ».

Какъ сочетались между собой всѣ названныя идеи, покажетъ дальнѣйшій анализъ «Р. Ночей».

Собесѣдниками въ «Русск. Ночахъ» являются Фаустъ, Вик-

---

[1] Во второмъ эпиграфѣ къ „Р. Ночамъ", взятомъ изъ „Wilhelm Meisters Wanderjahre" Гете, также говорится о важности „gleichnissweise reden".

торъ, Ростиславъ и Вечеславъ. Главная роль принадлежитъ Фаусту и Виктору. Первоначально Одоевскій хотѣлъ вывести только представителей отдѣльныхъ стихій (науки, искусства, любви и вѣры). Затѣмъ онъ сталъ индивидуализировать типы. Въ «Примѣчаніяхъ» къ «Р. Н.» онъ самъ даетъ такую квалификацію дѣйствующимъ лицамъ (въ переплетѣ 79): «Вмѣсто Ѳаллеса, Платона и проч. на сцену явились современные тогда типы: Кондилльякистъ, Шеллингіанецъ и наконецъ Мистикъ (Фаустъ) — всѣ трое въ струѣ рускаго духа. Послѣдній (Фаустъ) подсмѣйвается надъ тѣмъ и другимъ направленіемъ, но и самъ не высказываетъ своего рѣшенія, можетъ быть, потому, что оно для него также не существуетъ, какъ для другихъ — Фаустъ удовлетворяется символизмомъ» [1]).

Значитъ, по словамъ самого Одоевскаго, въ «Р. Ночахъ» представлены три философскихъ направленія: мистика (Фаустъ), шеллингіанство (Ростиславъ) и кондилльякизмъ, раціонализмъ (Викторъ).

Ростиславъ чаще всего оказывается солидарнымъ съ Фаустомъ, такъ что его самостоятельное значеніе въ «Р. Н.» невелико. Въ качествѣ индивидуальной черты Ростиславу приписывается разсѣянность: «вошелъ молодой Ростиславъ, всегда разсѣянный, всегда далекій отъ настоящей минуты» (275).

Вечеславъ еще болѣе безличенъ. Онъ не представляетъ собою никакого особаго направленія, а выступаетъ обыкновенно какъ alter ego Виктора. О немъ вообще мы знаемъ весьма немногое.

---

[1]) Есть еще (къ сожалѣнію, неоконченная) характеристика собесѣдниковъ „Р. Ночей", относящаяся приблизительно къ тому же времени.

Въ переплетѣ 22, литера И (приклеено къ л. 224) мы читаемъ слѣдующее:
„*Ростиславъ* — выраженіе неопредѣленнаго стремлѣнія онъ видитъ и доброе и худое, но не ясно различаетъ черту проходящую между ними; оттѣнокъ *славянофильства*.

Викторъ — зародышъ философа съ положительнымъ направленіемъ. Тайный не сознавшій себя протестъ *противъ абсолютныхъ метафизическихъ теорій*.

Фаустъ — уединенный философъ",

На этой запятой замѣтка и обрывается. Судя по подчеркнутымъ нами выраженіямъ, она могла быть написана только въ третій періодъ (періодъ научнаго реализма).

Уже въ самомъ началѣ бесѣды Вечеславъ откровенно заявилъ: «мнѣ наскучили всѣ эти безплодныя философствованія, всѣ эти вопросы о началѣ вещей, о причинѣ причинъ. Повѣрьте мнѣ, все это пустошь въ сравненіи съ хорошимъ бифштексомъ и бутылкой лафита; они мнѣ напоминаютъ лишь басню Хемницера «Метафизикъ» (11). Въ его глазахъ порывъ человѣческаго духа къ «райскимъ селеніямъ»—простая глупость (12). Когда Фаустъ предложилъ друзьямъ выслушать повѣсть исканій двумя его пріятелями смысла жизни, «Вечеславъ насмѣшливо наклонился на столъ и принялся рисовать каррикатуры» (16). Онъ твердо держится мнѣнія, что «надобно человѣку ограничиваться возможнымъ» и ссылается на авторитетъ Вольтера (169). Вольтера онъ вообще считаетъ геніальнымъ человѣкомъ (302). Люди, по его мнѣнію, прежде всего должны заботиться о матеріальной пользѣ (142—143). Онъ беретъ подъ свою защиту Мальтуса (115). Словомъ, Вечеславъ—человѣкъ положительный и раціоналистъ. Въ спорахъ онъ обыкновенно принимаетъ сторону Виктора.

Лицомъ къ лицу стоятъ собственно Викторъ и Фаустъ, хотя участіе перваго въ бесѣдѣ все же менѣе значительно, чѣмъ второго. Идеалистическая философія въ глазахъ Виктора никакого значенія не имѣетъ: Фаустъ знаетъ, что его не убѣдишь ссылкой на такіе авторитеты, какъ Гегель, ему подавай факты положительные (60). Викторъ убѣжденъ, что вопросъ, который тревожитъ Ростислава, «что такое мы»,—или не можетъ существовать вовсе, или имѣетъ «самый простой» отвѣтъ (10—11). По его мнѣнію, людямъ вообще «надобно искать возможнаго—и не гоняться попусту за невозможнымъ» (156). Свое время онъ называетъ «эпохой дѣйствительности, очевидности и правды», и считаетъ ея достоинствомъ то, что она всюду требуетъ «точности, цифръ, фактовъ» (317). Онъ рекомендуетъ изученіе природы съ помощью «чистаго, простого наблюденія» (170). Произведенія природы ставитъ выше произведеній человѣка (198). Психическимъ переживаніямъ Викторъ спѣшитъ давать физіологическое объясненіе (151). Одной изъ «самыхъ дѣльныхъ попытокъ нашего времени» онъ считаетъ «физіологическую философію, или философическую физику, которой цѣль: дѣйствовать на нравственность посредствомъ знанія» (171—2). Онъ готовъ сказать, что—«главное—цѣль, а не средства» (323).

Викторъ—врагъ всего «безполезнаго»; онъ—«утилитарій»; онъ возмущается «ребяческимъ тщеславіемъ» предковъ, которые тратили сокровища и труды на постройку «безполезныхъ зданій»; теперь, слава Богу, деньги идутъ на желѣзныя дороги (56); онъ предпочитаетъ «пользу съ наименьшей пропорціей поэзіи» (59). Понятно, что Викторъ—поклонникъ политической экономіи, особенно «великаго Адама Смита, отца всей политической экономіи нашего времени, образовавшаго школу, прославленную именами Сея, Рикардо, Сисмонди» (146). На Западъ онъ смотритъ совсѣмъ иными глазами, чѣмъ Фаустъ и его славянофильствующіе друзья: на Западѣ онъ не только не видитъ признаковъ паденія, погибели, наоборотъ, «все въ немъ движется» (315); Викторъ — горячій западникъ. Фаустъ безъ колебаній причисляетъ Виктора къ «господамъ эмпирикамъ, господамъ фактистамъ, людямъ положительнымъ» (322—323).

Какъ видимъ, Одоевскій придалъ совершенно другой обликъ дѣйствующимъ лицамъ «Р. Ночей», чѣмъ предполагалось въ перечнѣ на л. 79 переплета 24: Викторъ долженъ былъ представлять собою интересы «искусства», а Вечеславъ—«любви».

Во главѣ стоитъ Фаустъ; именно ему авторъ передалъ всѣ свои права и идеи, не исключая и «русскаго скептицизма».

Фаустъ «имѣлъ странное обыкновеніе держать у себя черную кошку, по нѣскольку дней сряду не брить бороды, разсматривать въ микроскопъ козявокъ, дуть въ плавильную трубку, запирать дверь на крючокъ и по цѣлымъ часамъ прилежно заниматься, кажется, обтачиваніемъ ногтей, какъ говорятъ свѣтскіе люди» (стр. 7). Фаустъ ведетъ оригинальный образъ жизни (8—9) и, между прочимъ, готовитъ чай «въ машинѣ à pression froide». Таковъ этотъ странный философъ, любившій проводить время въ обществѣ своей черной кошки. Вспомнимъ кота самого автора, о которомъ онъ разсуждалъ въ приведенномъ выше отрывкѣ «Р. Н.». Загадочная, но не злая насмѣшка рѣдко покидала лицо «добраго чудака» (274). Викторъ относитъ Фауста къ «господамъ идеологамъ», летающимъ по поднебесью (146). Самъ Фаустъ рекомендуетъ себя *эпикурейцемъ*, потому что онъ ищетъ, «гдѣ находится наибольшая сумма наслажденій для человѣка», и, пожалуй, *естествоиспытателемъ*, даже *эмпирикомъ*, «только съ тою разни-

цею», оговаривается онъ, «что не ограничиваюсь наблюденіемъ однихъ матеріальныхъ фактовъ, но нахожу необходимымъ разлагать и духовные» (204). Отклоняетъ онъ отъ себя только эпитеты *идеалиста* и *мистика* (204). Но они какъ разъ ближе всего опредѣляютъ Фауста, съ присоединеніемъ, впрочемъ, еще эпитета—*„русскій скептикъ"* [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, каково отношеніе Фауста къ нѣмецкой философіи и мистикѣ?

Идеалисты въ глазахъ Фауста выше матеріалистовъ уже по одному тому, что они всегда могутъ согласиться между собою, «ибо всѣ они тянутся къ центру», тогда какъ каждаго матеріалиста тянетъ къ какой-нибудь точкѣ на окружности, и пути ихъ вѣчно расходятся (205). Но Шеллингова философія для Фауста *пережитая стадія*. По поводу вопроса, зачѣмъ живемъ мы, Фаустъ вспомнилъ двухъ пріятелей своей молодости. «Это было *давно* [2]), въ самый разгаръ Шеллинговой философіи. Вы не можете себѣ представить, какое дѣйствіе она произвела *въ свое время* [3]), какой толчокъ она дала людямъ, заснувшимъ подъ монотонный напѣвъ Локковыхъ рапсодій» (15). Какъ Христофоръ Колумбъ открылъ неизвѣстную часть свѣта, такъ и Шеллингъ въ началѣ XIX в. открылъ человѣку «неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія—*его душу!* Какъ Христофоръ Коломбъ, онъ нашелъ не то, чего искалъ; какъ Христофоръ Коломбъ, онъ возбудилъ *надежды неиспол-*

---

[1]) Фаустъ называетъ себя эпикурейцемъ совершенно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Нордманнъ назвалъ эпикурейцемъ графиню Валкирпну (въ „Семейной перепискѣ"; см. выше на стр. 119), подчеркивая гармоническую полноту ея жизни.—Въ переплетѣ 95, л. 111, автографъ, есть замѣтка на франц. языкѣ, но съ русскимъ заглавіемъ „Бѣснующіяся". „Avant tout je suis Epicurien"— говорится въ самомъ ея началѣ. Человѣкъ есть существо несчастное, но въ немъ живетъ чувство абсолютнаго счастья. Это чувство реализуется въ разныхъ формахъ (фурьеризмъ, христіанство). „Tout moyen pour réaliser ce sentiment est bon en lui-même". И жизнь человѣка была бы невыносима, если бы у него не было надежды покинуть ее (si l'homme n'a pas l'esperance d'en sortir). Очевидно, этими разсужденіями авторъ хотѣлъ вскрыть также психологическую основу „эпикуреизма". См. еще употребленіе термина „эпикуреизмъ" въ переплетѣ 89, л. 742.—Ср. у Шеллинга „Epikurisch Glaubenbekentniss Heinz Widerporstens" (Куно Фишеръ, 42—43, 507).

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Курсивъ нашъ.

нимыя [1]). Но, какъ Христофоръ Коломбъ, онъ далъ новое направленіе дѣятельности человѣка!» (15). Такимъ образомъ, Шеллингъ сыгралъ роль могучаго катализатора, указалъ путь въ невѣдомую часть человѣческаго міра, но вполнѣ надеждъ не оправдалъ. Уже молодые пріятели Фауста не ограничивались однимъ Шеллингомъ: учителя принесли имъ—кто Баумейстера, кто Локка, кто Дюгальда, кто Канта, кто Фихте, кто Шеллинга, кто, наконецъ, Гегеля [2]). «Какое раздолье!» Юноши переживали «минуты восхитительныя, минуты небесныя» (19). «Счастливыя мгновенія, предвѣстницы рая! Зачѣмъ такъ скоро вы улетаете?», восклицаетъ Фаустъ, уже не способный болѣе отдаваться такому беззавѣтному, юному энтузіазму (20). Стремленія и воззрѣнія двухъ своихъ пріятелей Фаустъ считаетъ принадлежностью «одной изъ тѣхъ эпохъ въ исторіи дѣятельности человѣческой, чрезъ которую каждый проходитъ, но каждый своею дорогою» (40). «Мои молодые друзья были люди своего времени», говоритъ уже значительно позже (306) Фаустъ. Они—тоже «мечтатели» и «жертвы слова». «Имъ принадлежитъ одна честь: они открыли врага—но побѣдить его было не ихъ дѣло, и, можетъ быть, и не наше». Ясно, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать Фауста исключительно шеллингіанцемъ. Разумѣется, это не мѣшаетъ ему цѣнить не только историческую заслугу Шеллинга, но и характеръ его метода, который долженъ былъ спасти науку «отъ того камня, который швыряется ей подъ ноги скептицизмомъ и догматизмомъ»: «Шеллингъ, въ первый годъ текущаго столѣтія, бросилъ въ міръ одну глубокую мысль, какъ задачу для юнаго вѣка, задачу, которой разработка должна наложить на него характерическую (sic) печать, и гораздо вѣрнѣе выразить его внутреннее значеніе въ эпохахъ міра, нежели всѣ возможные паровики, винты, колеса и другія индустріальныя игрушки. Онъ отличилъ безусловное, самобытное, свободное самовозрѣніе души—отъ того возрѣнія души, которое подчиняется, напримѣръ, математическимъ, уже *построеннымъ* фигурамъ; онъ призналъ основу всей философіи—во внутреннемъ чувствѣ, онъ назвалъ первымъ знаніемъ—знаніе того акта нашей души, когда она обращается на самую себя

1) Курсивъ нашъ.

2) Въ статьѣ „Кто сумасшедшіе“ (Б. для Чтенія 1836, т. XIV, стр. 51) упоминанія о Гегелѣ не было.

и есть вмѣстѣ и предметъ, и зритель, словомъ, онъ укрѣпилъ первый, самый трудный шагъ науки на самомъ неопровержимомъ, на самомъ явномъ явленіи и тѣмъ, какъ бы по предчувствію, положилъ вѣчную преграду для всѣхъ искусственныхъ системъ, которыя, подобно гегелизму, начинаютъ науку не съ дѣйствительнаго факта, но, напримѣръ, съ *чистой* идеи, съ *отвлеченія отвлеченія*" (283—285). Свое изложеніе метода Шеллинга Фаустъ подкрѣпляетъ цитатой изъ «System des transcendentalen Idealismus» (§ 4, Tübingen, 1800). Шеллингъ для него все еще остается «великимъ мыслителемъ», у котораго онъ находитъ рядъ великихъ мыслей (285—288) [1]. Фаустъ вѣрить не хочетъ, чтобы «великій мыслитель нашего вѣка» перемѣнилъ свою теорію, какъ сообщилъ было Вечеславъ; всѣ толки о новой системѣ Шеллинга онъ считаетъ не болѣе, какъ «оптическимъ обманомъ» и даетъ слово доказать это, «какъ скоро явится въ свѣтъ новая лекція Шеллинга» (289). А слухи о новой системѣ въ это время какъ разъ проникли въ кружки русской интеллигенціи и вызывали немало толковъ [2].

Хотя Фаустъ уже не шеллингіанецъ, но все же онъ ближе къ Шеллингу, чѣмъ къ Гегелю. «Несмотря на все мое уваженіе къ Гегелю», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (60), «я не могу не сознаться, что отъ темноты ли человѣческаго языка, отъ нашей ли неспособности вникать въ таинственную связь умозаключеній знаменитаго германскаго мыслителя, но въ его сочиненіяхъ встрѣчаются часто на одной и той же страницѣ мѣста, которыя, повидимому, находятся въ совершенномъ противорѣчіи». Въ качествѣ примѣра Фаустъ ссылается на университетскую рѣчь Гегеля 1837 г., напечатанную въ «Моск. Наблюдателѣ» 1838, № 1,—гдѣ ему кажутся противорѣчивыми разсужденія философа о многосторонности и односторонности. Фаустъ готовъ поставить Гегелю въ упрекъ то, что чуть ли онъ не предпочитаетъ односторонность общности и многосторонно-

---

[1] Между прочимъ, на стр. 152 Фаустъ сочувственно цитируетъ „небольшое, но изумительное по глубинѣ и учености сочиненіе Шеллинга: Ueber die Gottheiten von Samothrace, p. 12. Stuttgart. 1815". Еще разъ вспоминаетъ Фаустъ Шеллинга (на стр. 352) по поводу вопроса о тожествѣ электричества, гальванизма и магнитизма.

[2] Ср. выше въ I ч., стр. 330 и слл. См. замѣтку въ переплетѣ 53, л. 65.

сти, а съ этимъ Фаустъ, конечно, согласиться не могъ бы. Но, главное, «гегелизмъ», по его мнѣнію, принадлежитъ къ тѣмъ «искусственнымъ» системамъ, которыя «начинаютъ науку не съ дѣйствительнаго факта, но, напримѣръ, съ *чистой* идеи, съ *отвлеченія отвлеченія*». И дѣлается ссылка на «Hegel's Encyclopedie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse § 19 и § 24. Tübingen, 1827» (284—285). Строгій логизмъ Гегеля не удовлетворялъ того, кто воспиталъ свою мысль на романтической философіи Шеллинга. Логика, говоритъ Фаустъ, «престранная наука; начни съ чего хочешь: съ истины, или съ нелѣпости, она всему дастъ прекрасный, правильный ходъ, и поведетъ зажмуря глаза, пока не споткнется» (114).

Коротко говоря, Фаустъ относился къ Шеллингу и Гегелю совершенно такъ же, какъ самъ Одоевскій въ этотъ періодъ (см. выше въ I ч. на стр. 388—389).

Приступая къ рѣшенію вопроса, зачѣмъ живемъ мы, зачѣмъ живутъ другіе,—Фаустъ исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій беретъ исканія шеллингіанцевъ. Но дѣло не въ одномъ Шеллингѣ: философское міропониманіе Фауста явно проникнуто *мистическимъ идеализмомъ*.

Собесѣдники да и самъ Фаустъ, повидимому, тщательно удаляютъ изъ своихъ разсужденій все мистическое, но нѣтъ-нѣтъ да и заговорятъ о мистикѣ. Слушая споръ Фауста и Ростислава, Викторъ съ злорадствомъ замѣтилъ, что господа идеалисты спорятъ не менѣе, чѣмъ «бѣдные слуги грубой матеріальной природы», и дѣлаетъ отсюда выводъ (204): «Слѣдственно, идеальный мистическій міръ не есть еще царство мира». Въ отвѣтъ на это, Фаустъ торопится заявить, что онъ—«не идеалистъ и не мистикъ». Тутъ онъ говоритъ правду: Фаустъ, дѣйствительно, не идеалистъ и не мистикъ, но то и другое вмѣстѣ, и мистикъ больше, чѣмъ идеалистъ (понимая подъ идеалистомъ адепта идеалистической философіи). Фаустъ избѣгаетъ называть имена мистиковъ (С. Мартена и Пордэча), хотя и пользуется ихъ мыслями. По объясненію, которое даетъ намъ самъ Одоевскій въ примѣчаніяхъ къ новому изданію «Р. Н.» (1862)[1],—Фаустъ «боится упрека въ мистицизмѣ и въ томъ, что онъ поддался вліянію не Нѣмецкаго Философа, что въ эту эпоху ка-

---

1) Переплетъ 67, примѣчаніе къ стран. 13, строка 9 снизу.

залось непростительнымъ. Эпоха, изображенная въ Русскихъ ночахъ,—есть тотъ моментъ XIX вѣка, когда *Шеллингова Философія перестала удовлетворять искателей истины* [1]), и они разбрелись въ разныя стороны». Свое дѣйствительное направленіе Фаустъ весьма характерно выдалъ въ разговорѣ по поводу вопроса, поставленнаго Ростиславомъ въ началѣ Ночи шестой (151): «отчего и ты, и мы всѣ любимъ полуночничать? Отъ чего ночью вниманіе постояннѣе, мысли живѣе, душа разговорчивѣе?..» Вечеславъ склоненъ объяснять это общей тишиной ночи, Викторъ—физіологической причиной, появленіемъ около полуночи въ организмѣ особаго нервнаго возбужденія, похожаго на лихорадку. Фаустъ подходитъ къ дѣлу иначе. Онъ занимаетъ двойственную позицію, но нетрудно видѣть, какому объясненію онъ самъ отдаетъ предпочтеніе. «Если бъ я былъ изъ ученыхъ», говоритъ Фаустъ (152), «я бы тебѣ сказалъ съ Шеллингомъ, что съ незапамятной древности ночь почиталась старѣйшимъ изъ существъ и что недаромъ наши предки Славяне считали время ночами; если бъ я былъ мистикомъ, я объяснилъ бы тебѣ это явленіе весьма просто». На послѣднемъ, болѣе «простомъ» объясненіи, Фаустъ и останавливается. Человѣку приходится бороться съ «враждебной силой», съ злыми духами. «Ночь есть царство враждебной человѣку силы; люди чувствуютъ это, и чтобъ спастись отъ врага, соединяются, ищутъ другъ въ другѣ пособія; отъ-того ночью люди пугливѣе, отъ-того разсказы о привидѣніяхъ, о злыхъ духахъ, ночью производятъ впечатлѣніе сильнѣе, нежели днемъ...» (152) [2]). Насмѣшливое замѣчаніе Вечеслава, что поэтому-то люди и стараются картами убить враждебную силу, и что карселева лампа безъ труда разгоняетъ домовыхъ, не остановило Фауста; напротивъ, и игрѣ въ карты по ночамъ онъ даетъ обширное мистическое истолкованіе. Враждебная сила, чтобы лучше овладѣть человѣкомъ, сама помогаетъ ему забыть объ ея существованіи. Къ такимъ средствамъ забвенія принадлежатъ и карты. Съ другой стороны, враждебная сила очень заинтересована въ томъ, чтобы поселить въ человѣкѣ гордое стремленіе къ равенству, чтобы «сровнить людей между собою

---

1) Курсивъ нашъ.

2) О дѣйствіи ночи—ср. у Веневитинова (Проза, 37). Романтики (Тикъ, Новалисъ, Гофманъ) также не мало говорятъ о мистикѣ ночи.

какъ можно ближе, такъ сплотить ихъ, чтобы не могла выставиться ни одна голова, ни одно сердце» (153). И въ этомъ случаѣ карты—превосходное средство: «за картами всѣ равны: и начальникъ, и подчиненный, и красавецъ, и уродъ, и ученый, и невѣжда, и геній, и нуль, и умный человѣкъ, и глупецъ». «Это якобинизмъ въ полной красотѣ своей». Наконецъ, немалое значеніе для враждебной силы имѣетъ и то, что за картами поддерживаются почти всѣ порочныя чувства человѣка: зависть, злоба, корыстолюбіе, мщеніе, коварство, обманъ. Вечеславъ снова проситъ избавить его «отъ мистицизма». Фаустъ соглашается прекратить разговоръ въ начатомъ тонѣ, но тотчасъ же пытается освѣтить его путемъ аналогіи съ внѣшней природой. Нѣтъ ни одного момента, когда бы на всемъ земномъ шарѣ была ночь: каждую минуту извѣстная часть его обитателей, какъ очередной часовой, бодрствуетъ, стоитъ на стражѣ. Провидѣніе недаромъ устроило такимъ образомъ. Было бы опасно всю землю отдавать во власть природы ночью, когда ея вліянія становятся особенно вредными для организма человѣка. Ночью природа дѣйствуетъ въ союзѣ съ врагомъ человѣка, а солнце—символъ его свѣтлаго союзника; оттого, можетъ быть, человѣкъ такъ крѣпко и довѣрчиво засыпаетъ подъ утро [1]). Если же солнечный зной бываетъ иногда несносенъ для человѣка, то это потому, что онъ дѣйствуетъ на насъ «чрезъ грубую атмосферу земли»; воздухоплаватели въ верхнихъ слояхъ воздуха не чувствуютъ солнечнаго зноя. «Это для меня важная указка», заключаетъ Фаустъ (155): «чѣмъ выше мы отъ земли, тѣмъ слабѣе на насъ дѣйствуетъ ея природа». «Для меня», съ своей стороны замѣчаетъ единомышленникъ Фауста, Ростиславъ (156), «этотъ фактъ, кажется, выговариваетъ настоящую и трудную задачу человѣка: подниматься отъ земли, не оставляя ея». Вечеславъ истолковалъ этотъ выводъ по-своему: «То есть, другими словами, надобно искать возможнаго—и не гоняться попусту за невозможнымъ». Неудивительно, что Фаустъ на это мнѣніе уже ничего не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Онъ не могъ передъ Викторомъ и Вечеславомъ развивать свои мистическія

[1]) Ночь вторая заканчивается слѣдующими словами Фауста (40): „тамъ, въ недостижимой глубинѣ неба—и свѣтъ, и тепло, будто жилище души,—и душа невольно тянется къ этому символу вѣчнаго свѣта“...

идеи во всей ихъ глубинѣ и полнотѣ. Въ этомъ отношеніи онъ всегда сдерживаетъ себя, только слегка приподнимая завѣсу въ мистическій міръ, и, такъ сказать, прорывается въ разговорѣ [1]).

Когда Вечеславъ сталъ превозносить геніальность Вольтера, Фаустъ не утерпѣлъ сказать: «Я знаю существо, у котораго еще менѣе можно отнять право на геніальность... Его называютъ иногда Луциферомъ» (302). «Я не имѣю чести его знать», отшучивается Вечеславъ. «Тѣмъ хуже», отвѣчаетъ Фаустъ: «мистики говорятъ, что онъ больше всего знакомъ съ тѣми, которые его не знаютъ»... «Былъ уговоръ: безъ мистицизма», прерываетъ его Вечеславъ. Но Фаусту нелегко сдержать этотъ «уговоръ». То онъ броситъ вскользь загадочную (но понятную съ точки зрѣнія мистики) мысль о томъ, что можетъ существовать «наука, невыражаемая словами» (301), то онъ распространится не хуже Иринея Модестовича Гомозейки или героя «Сильфиды» о значеніи средневѣковыхъ таинственныхъ наукъ. Фаустъ трудится надъ книгой, въ которой напомнитъ людямъ «о позабытыхъ знаніяхъ»—«нѣчто въ родѣ сочиненія Панцироля: De rebus deperditis». Онъ докажетъ, «что всѣ наши физическія знанія были извѣстны, во-первыхъ, алхимикамъ, магамъ и другимъ людямъ этого разбора, далѣе въ элевзинскомъ храмѣ, а еще далѣе у жрецовъ египетскихъ» (334). Развитію этой идеи Фаустъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, и рѣшается даже утверждать, что «мы не двинулись ни на шагъ въ знаніи природы со времени бѣдственнаго направленія наукъ, произведеннаго Бэкономъ Веруламскимъ, а еще болѣе его послѣдователями» (336). Дивныя открытія древнихъ были «произведеніемъ не кропотливой чувственной экспериментаціи, но такого взгляда на природу, который намъ и не снится въ томъ мышиномъ горизонтѣ, въ который мы попали благодаря Бэкону Веруламскому» (340). Фаустъ явно заимствовалъ у Иринея Модестовича не только идеи, но и выраженія («мышиный горизонтъ»). Подобно послѣднему, онъ высоко ставитъ древнихъ и въ частности алхимиковъ именно за то, что они

---

[1]) Въ томъ же томѣ освѣщаются отношенія между человѣкомъ и природой и въ „Desiderata“ (32—33). „Громко и безпрерывно природа взываетъ къ силѣ человѣка: безъ силы человѣка нѣтъ жизни въ природѣ“ (33).

«знали, куда они идутъ», что «матеріальный опытъ былъ для нихъ послѣднею ступенькою въ изъисканіи истины» (342).

Очевидно, мы имѣемъ право охарактеризовать міровоззрѣніе Фауста тѣмъ же терминомъ, что и міровоззрѣніе автора: это былъ *философско-мистическій идеализмъ.* Въ эту сторону въ сущности направляются и исканія его друзей молодости. Передъ молодыми «духоиспытателями», не удовлетворенными настоящимъ, вставали «видѣнія прошедшаго», образы «святыхъ мужей, заклавшихъ жизнь свою на алтарѣ безкорыстнаго знанія», и они спрашивали себя (34): «Не-уже-ли труды, бдѣнія, жизнь этихъ мужей, были пустою насмѣшкою судьбы надъ человѣчествомъ? Сохранились преданія: когда человѣкъ былъ въ самомъ дѣлѣ царемъ природы; когда каждая тварь слушалась его голоса, потому-что онъ умѣлъ назвать ее; когда всѣ силы природы, какъ покорные рабы, пресмыкались у ногъ человѣка: не-уже-ли въ самомъ дѣлѣ человѣчество совратилось съ истиннаго пути своего и быстро, своевольно стремится къ своей погибели?» Юноши не впали въ отчаяніе и скептицизмъ. «Въ истертыхъ листкахъ одной старой забытой книги, юношамъ встрѣтилось наблюденіе, сильно ихъ поразившее» (17). Фаустъ вынулъ изъ стараго портфеля листокъ и прочелъ содержавшееся въ немъ разсужденіе о существованіи «истины полной, безусловной». Для счастія человѣка нужна «свѣтлая обширная аксіома, которая обняла бы все и спасла бы его отъ муки сомнѣнія». У человѣка есть непреодолимое предчувствіе такой безусловной истины, неутолимая потребность въ ней. И уже одно это служитъ доказательствомъ существованія искомой истины. Человѣкъ имѣетъ понятіе объ истинѣ, «хотя не можетъ себѣ отдать въ ней отчета». «Иначе, откуда бы этому желанію пробраться въ его душу?» (17) «Равное объемлется равнымъ; если существуетъ влеченіе, то долженъ быть и предметъ привлекающій, предметъ одного сродства съ человѣкомъ, къ которому тянется душа человѣка, какъ предметы земной поверхности притягиваются къ центру земли» (18). Каждый предметъ грубой природы способенъ достигать возможной для него степени совершенства. «Не-уже-ли высшая сила лишь человѣку дала одно безотвѣтное желаніе, не удовлетворимую потребность, безпредметное стремленіе?» (18). Ужъ не ошиблись ли люди въ выборѣ пути къ истинѣ? можетъ быть, они

знали его, да забыли? (19). Вся эта тирада на стр. 17—18 представляетъ почти буквальный переводъ изъ предисловія *С. Мартена* къ сочиненію «De l'esprit des choses» [1]).

При современномъ направленіи человѣческихъ знаній люди уподобляются глухонѣмому слѣпцу-нищему, который потерялъ данную ему добрымъ человѣкомъ золотую монету и никакъ не можетъ найти ее, тогда какъ она закатилась къ нему за пазуху. «Кто мы, если не такіе же глухіе, нѣмые и слѣпые отъ рожденія? Кого мы спросимъ, гдѣ наша монета? Какъ поймемъ, если кто намъ и скажетъ, гдѣ она? Гдѣ наше слово? Гдѣ слухъ нашъ? Между-тѣмъ, усердно мы шаримъ вокругъ себя на землѣ и забываемъ только одно: посмотрѣть у себя за пазухой» (14—15) [2]). Картина въ чисто меттерлинковскомъ стилѣ. «Слѣпые» съ жуткой тревогой вопрошаютъ: гдѣ мы? кто скажетъ намъ, гдѣ мы? И нѣтъ отвѣта. Одоевскій совѣтуетъ поискать отвѣта «у себя за пазухой», въ нѣдрахъ собственной души.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что Фаустъ, какъ и Одоевскій, сочеталъ идеи философскаго и мистическаго идеализма [3]).

Мистическій налетъ лежитъ на всемъ тонѣ «Р. Ночей»; за всѣми разговорами собесѣдниковъ чувствуется глубокій мистическій фонъ.

Мы уже знаемъ, какія проблемы занимаютъ автора «Русскихъ Ночей». Онъ желаетъ опредѣлить *сущность и цѣнность основныхъ стихій человѣческой жизни*—науки, искусства, любви и вѣры, чтобы отсюда вывести свой *идеалъ* человѣческой жизни и опредѣлить *задачу* человѣческаго существованія. Съ этой цѣлью онъ подвергаетъ анализу современное состояніе науки,

---

1) См. выше въ I ч. на стр. 414—415. Это отмѣтилъ и самъ Одоевскій въ примѣчаніи 1862 г. (переплетъ 67, печатный экземпляръ „Р. Н.", стр. 18). Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія пользоваться этими словами для характеристики шеллингіанства Одоевскаго, какъ это обычно дѣлается.

2) Ср. въ „Косморамѣ" апологъ о людяхъ, не знавшихъ солнца, апологъ, заимствованный у Пордэча (стр. 83).

3) Прибавимъ еще деталь. На стр. 205 Фаустъ разсуждаетъ о квадратурѣ круга. Одоевскій въ примѣчаніи 1862 г. (переплетъ 67) говоритъ: „Должно вспомнить, что въ мистическихъ теоріяхъ кругъ есть символъ вещественнаго міра, а квадратъ, треугольникъ—духовнаго". Подобное же примѣчаніе о мистикѣ чиселъ сдѣлано Одоевскимъ (ibidem) по поводу термина „интегрированіе", употребляемаго Фаустомъ (на 287 стр.).

искусства, любви (какъ фактора соціальной жизни) и вѣры; опредѣляетъ, слѣдовательно, современное состояніе европейской культуры, европейскаго «просвѣщенія» и получаетъ возможность взвѣсить сравнительное значеніе отдѣльныхъ народовъ, а особенно взаимоотношенія Запада и славянскаго Востока. Въ конечномъ итогѣ—предчувствіе новой науки, новаго искусства и новой жизни [1]).

То, что было изложено нами въ предыдущей главѣ, служитъ прекраснымъ идейнымъ комментаріемъ къ «Р. Ночамъ». Мы передадимъ сейчасъ только сущность концепціи и основной ходъ идей въ разбираемомъ произведеніи и особенно подчеркнемъ тѣ дополнительные штрихи, которые еще болѣе уясняютъ общее міровоззрѣніе Одоевскаго въ періодъ философско-мистическаго идеализма.

Въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ и живыхъ образахъ «Р. Ночи» раскрываютъ содержаніе двухъ типичныхъ міропониманій: идеалистическаго и матеріалистическаго. Фаустъ и Викторъ, духоиспытатели и «экономисты», Россія и Европа—вотъ идейные антагонисты, полярные представители двухъ жизнепониманій. Качественная разница между ними обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, какъ понимаетъ та и другая сторона психологію человѣка и природу его познанія въ особенности (признаніе ирраціональныхъ, инстинктуальныхъ силъ или строгій логизмъ), во-вторыхъ, тѣмъ, въ какомъ соотношеніи другъ къ другу находятся основныя стихіи жизни—наука, искусство, любовь и вѣра. Атрофія нѣкоторыхъ стихій (всего поэтическаго: вѣры, любви, чистаго искусства и чистой науки) характеризуетъ матеріалистическую культуру; полнота и гармонія ихъ развитія типичны для идеалистическаго.

Обыкновенно Одоевскій различаетъ четыре стихіи: науку, искусство, любовь и вѣру [2]). Фаустъ формулируетъ это и нѣсколько иначе, въ терминахъ С. Мартена. «По моему», говоритъ онъ (380), «эти четыре элемента называются очень про-

---

[1]) Недаромъ въ рукописномъ введеніи къ „Р. Ночамъ" (переплетъ 24) эпиграфомъ взяты слова: „Два труда предлежатъ человѣку: понять то, что существуетъ и что должно существовать". Тотъ же эпиграфъ повторенъ въ рукописномъ разсужденіи о наукѣ—въ переплетѣ 89, л. 362.

[2]) О стихіяхъ см. выше въ I ч., стр. 438—444 и 563—569. Ср. также ученіе о союзѣ ефиридовъ съ карліадами (II ч., стр. 19).

ето: потребностію истины, любви, благоговѣнія и силы или власти» (ср. и на стр. 18—съ цитатой изъ С. Мартена). Разумѣется, было бы странно думать, что Фаустъ забылъ объ искусствѣ, такъ что вторая формула въ сущности обнимаетъ то же содержаніе: наука (потребность истины), любовь, вѣра (потребность благоговѣнія) и творчество; а потребность силы или власти вытекаетъ изъ стремленія личности сохранить и проявить свое «я» (между прочимъ въ наукѣ и искусствѣ). Въ статьѣ «Опытъ о педагогическихъ способахъ при первоначальномъ образованіи дѣтей (1844) Одоевскій ту же идею выразилъ еще въ третьей формѣ. Онъ говоритъ о «двухъ основныхъ потребностяхъ человѣка, которыя являются нераздѣльно въ каждую минуту его существованія,—потребностяхъ: *любви* и *истины,* которыя одна безъ другой быть не могутъ. Потребность любви является подъ формами *благоговѣнія* и *изящества,* потребность истины подъ формами *знанія* и *силы»* [1]).

Каково содержаніе названныхъ стихій, и какъ проявляется творческое «я» человѣка въ наукѣ, искусствѣ, религіи и жизни?

Грѣхъ современной науки заключается прежде всего въ томъ, что она бредетъ путемъ «кропотливой чувственной экспериментаціи», что она, со временъ Бэкона Веруламскаго, замкнулась въ «мышиномъ горизонтѣ». «Я никогда не отвергалъ необходимости опыта вообще, и важности чувственныхъ опытовъ», говоритъ Фаустъ (373): «хорошо, если человѣкъ можетъ увѣриться въ истинѣ всѣми тѣми органами, которые ему для сего даны Провидѣніемъ, — даже рукою. Весь вопросъ въ томъ: всѣ ли эти органы мы употребляемъ?». Кромѣ чувственныхъ опытовъ, есть опытъ психическій, повѣрка внѣшнихъ чувствъ душою [2]). Отрицать эту «психологическую экспериментацію» нельзя. Своихъ покойныхъ пріятелей Фаустъ име-

---

[1]) Отеч. Зап. 1845, т. 43, стр. 146. Въ переплетѣ 20, л. 131, на поляхъ Одоевскій записалъ: „Оглавленіе. Жить. Полнота жизни. Елементы жизни вообще. Елементы одинакіе въ растеніи и человѣкѣ — они *необходимость* — но въ человѣкѣ есть *воля*. Елементы народные“.

[2]) Здѣсь (374—375) Фаустъ цитируетъ между прочимъ доктора Ястребцева, его книгу „Исповѣдь, или собраніе разсужденій“ (Спб., 1841, стр. 232 и 233). Фаусту вообще хочется доказать, что „чистый“ опытъ есть въ сущности фикція, „оптическій обманъ“: человѣкъ не можетъ совершенно отдѣлить отъ себя „всѣ

нуетъ «*духо*испытателями», какъ существуютъ «*естество*испытатели», и подчеркиваетъ, что свои наблюденія они ведутъ по той же строгой системѣ, какъ и послѣдніе (41, 141). «Великое дѣло понять свой инстинктъ и чувствовать свой разумъ! въ этомъ, можетъ быть, вся задача человѣчества» (376), повторяетъ онъ буквально сказанное въ «психологическихъ замѣткахъ» (I ч., 481).

Успѣхи даже прикладныхъ наукъ, по глубокому убѣжденію Фауста, зависятъ отъ характера метафизическихъ предпосылокъ даннаго ученаго, отъ характера усвоенной имъ философіи и метода. «Въ храмѣ философіи, какъ въ вышнемъ судилищѣ», говоритъ Фаустъ (340), «опредѣляются тѣ задачи, которыя въ данную эпоху разрабатываются въ низшихъ слояхъ человѣческой дѣятельности. Нельзя не замѣтить явнаго параллелизма между самыми отвлеченными метафизическими положеніями вѣка и движеніемъ прикладныхъ наукъ, которыя образуютъ всю общественную, семейственную и индивидуальную жизнь человѣка въ томъ вѣкѣ».

Бэконъ далъ новое направленіе философіи, за нимъ пошла толпа послѣдователей—отъ Локка до Кондильяка. Бэконъ выдвинулъ значеніе опыта, фактовъ, находящихся передъ глазами; на нихъ хотѣлъ онъ основать «познаніе причинъ и началъ». Такимъ образомъ, онъ «пріучилъ изслѣдователей останавливаться на *случайныхъ, второстепенныхъ* причинахъ, оставляя въ сторонѣ *внутреннюю сущность* явленій» (341). «Отъ безвѣрія въ возможность общихъ началъ, отъ навыка довольствоваться второстепенными, случайными причинами, отъ непривычки къ высшему движенію духа, произошли два зла» (345).

«Первое зло—увѣренность, что всякое ощущеніе души только тогда дѣйствительно существуетъ, когда можетъ быть выражено словами; такимъ образомъ то, что не подходитъ подъ ту или другую матеріальную форму, названо мечтою; эта увѣренность такъ сильна, что ее не могутъ поколебать ежедневныя явленія, ее видимо отрицающія» (345). Фаустъ, наобо-

---

свои собственныя мысли и чувства, всѣ свои *воспоминанія* такъ, чтобы ничто отъ его *я* не примѣшалось къ его наблюденію" (170). Значитъ, употребляя новѣйшее выраженіе, мы могли бы сказать, что Фаустъ отстаиваетъ субъективный методъ въ наукѣ.

ротъ, не перестаетъ доказывать, что слово не можетъ служить эквивалентомъ мысли. «Раздоръ между мыслію и словомъ» играетъ необыкновенно важную роль въ жизни человѣчества. Въ зависимости отъ времени и мѣста существенно иначе понимаются слова: изящество, добродѣтель, равенство, свобода, нравственность, долгъ, мужество, честь (297). А между тѣмъ, именно словамъ люди придаютъ фатальное значеніе. «Загляните въ исторію, въ это кладбище фактовъ [1])—и вы увидите, что значатъ одни слова, когда смыслъ ихъ не опирается на внутреннее достоинство человѣка. Что значатъ всѣ эти скопища людей, эти домашніе раздоры, мятежи—какъ не споръ о словахъ, не имѣющихъ значенія, какъ, напримѣръ, хоть форма общественная» (305). Кровавый примѣръ дала французская революція: люди возстали «противъ деспотизма, какъ они его называли», пролили рѣки крови, осуществили мечты Руссо и Вольтера, добились республики, а съ ней—Робеспьера и «другихъ господъ того же разбора». «Вотъ шутки, которыя разыгрываются на свѣтѣ по милости словъ! Ими живетъ царство лжи!» (305—6). Вотъ, скажемъ мы, типичный образецъ историческихъ воззрѣній нашего идеалиста.

«Основное положеніе» философіи во всякомъ случаѣ «не можетъ быть вполнѣ выражено словомъ, ибо какъ бы слово ни было совершенно, между имъ и мыслію будетъ всегда minimum разницы, которое дифферентируется смотря по философскому органу, о которомъ говоритъ Шеллингъ; довести сей minimum разницы до нуля—есть въ настоящую минуту высшая задача философіи» (285—286) [2]).

Философія должна начинаться съ изученія процесса выраженія мыслей (282) [3]). Первоначальное знаніе есть «знаніе

---

[1]) Это выраженіе въ разныхъ варіаціяхъ встрѣчается у Одоевскаго: печать—„печальное кладбище всѣхъ человѣческихъ мыслей" (въ статьѣ „Кто сумасшедшіе"); библіотека—„великолѣпное кладбище человѣческихъ мыслей" (переплетъ 80, л. 242, „Путешествіе вокругъ моихъ креселъ"); міръ—„печальное кладбище человѣческихъ мыслей" (переплетъ 9, л. 397, копія). Ср. въ „Пестрыхъ сказкахъ" (выше на стр. 31) и въ „Сильфидѣ" (стр. 72, прим. 1-е. Еще въ I ч., стр. 436).

[2]) См. о словѣ, какъ орудіи мысли, еще на 279—283 стр.

[3]) Ср. и стр. 13 „Р. Ночей" —На стр. 283 въ связи съ изложеннымъ разсужденіемъ приведенъ примѣръ того, какъ „простое слово: „впередъ", произнесенное опытнымъ полководцемъ, дѣйствуетъ на воиновъ сильнѣе самой лучшей диссертаціи". Этимъ примѣромъ Одоевскій воспользовался и въ одной

внутреннее, инстинктивное, не извнѣ, но изъ собственной сущности души порожденное»; «таковы должны быть и всѣ знанія человѣка» (286). Наука на каждомъ шагу употребляетъ отвлеченныя понятія: въ математикѣ — безконечность, величины безконечно великія и безконечно малыя, математическая точка, равенство; въ химіи — сродство, катализисъ, простое тѣло и т. п. или такія «неопредѣленныя» слова, какъ «единство», «предметъ» (277). Въ природѣ неорганической человѣкъ не найдетъ основанія для этихъ понятій. Напр., «въ природѣ человѣкъ можетъ найти лишь *сходство*, но *равенства* — никогда; эта идея безусловно существуетъ въ человѣкѣ» (299 — 300). «Словомъ, если мы имѣемъ идею равенства, красоты, совершеннаго добра и проч. и т. п.—то они существуютъ въ насъ сами собою, безусловно, и мы лишь какъ мѣрку прикладываемъ ихъ къ видимымъ предметамъ. Это говорилъ еще Платонъ и я не постигаю какъ можно до сихъ поръ толковать о дѣлѣ столь ясномъ» (301).

Иными словами, человѣкъ обладаетъ *врожденными идеями* [1]).

Итакъ, первое зло современной науки — ея грубый эмпиризмъ [2]).

Второе зло современной науки — это «гибельная *спеціальность*, которая нынѣ почитается единственнымъ путемъ къ знанію» (346), это — раздробленіе науки, ея измельченіе, «оремесленіе» (340 — 341). Теперь изслѣдователи «идутъ, что говорится—на пропалую, сами не зная куда и зачѣмъ» (342). Современная спеціализація «обращаетъ человѣка въ камеръ-об-

---

замѣткѣ. См. выше въ I ч. на стр. 491, прим. 5-е. Свои воззрѣнія на слово Одоевскій почерпалъ и изъ Платона (о чемъ говоритъ самъ въ „Примѣчаніяхъ къ Русскимъ Ночамъ“), и изъ Дежерандо, и изъ мистиковъ. На стр. 13 „Р. Н.“ онъ писалъ. „Неоспоримо, что словомъ исправляется слово; но для того дѣйствующее слово должно быть чисто и откровенно,—а кто поручится за полную чистоту своего слова?“ Къ этимъ строкамъ самъ Одоевскій въ 1862 г. сдѣлалъ примѣчаніе: „Мысль, почерпнутая Фаустомъ изъ сочиненій Пордеча и Philosophe inconnu“ (переплетъ 67, печатный экземпляръ „Р. Ночей“, стр. 13).

1) Ср. у Куно-Фишера—Шеллингъ, 548—550

2) Отрицательная характеристика науки — въ „Desiderata“ пріятелей Фауста (23 и слл.) и въ эпилогѣ (стр. 308—309). Съ другой стороны, Фаустъ-Одоевскій усиленно рекомендуетъ работы физіолога Каруса, въ которыхъ „глубокая положительная ученость соединяется съ... поэтическимъ элементомъ (145, прим.). О Карусѣ—выше, ч. I, стр. 488—9.

скуру, вѣчно наведенную на одинъ и тотъ же предметъ; цѣлые годы она отражаетъ его безъ всякаго сознанія, зачѣмъ и для чего и въ какой связи этотъ предметъ съ другими?» (346). Отсюда эти спеціалисты-«немогузнайки» (347 — 352). Фаустъ уважаетъ труды ученыхъ спеціалистовъ [1]), тѣмъ болѣе скорбитъ онъ «объ этой безмѣрной и напрасной тратѣ раздробленныхъ силъ» (355); скорбитъ о томъ, что «мы еще не вышли изъ пеленокъ восемнадцатаго вѣка, что еще не сбросили съ себя постыднаго ига энциклопедистовъ и матеріалистовъ, что общая, живая связь наукъ потерялась и что истинное начало знанія все болѣе и болѣе забывается» (356) [2]). Нѣкоторыя науки даже и не заслуживаютъ такого наименованія. Исторія, напр., какъ наука, еще вовсе не существуетъ. Фаустъ рекомендуетъ историкамъ испробовать при-

---

1) „Какъ не уважать ученыхъ!“ восклицаетъ Фаустъ (355): „... Ученый для меня то же, что воинъ; я даже собираюсь написать прелюбопытную книгу: „*о мужествѣ ученыхъ*“, начиная съ смиреннаго антикварія или филолога, который каждый день, мало-по-малу, впиваетъ въ себя всѣ зародыши болѣзней, грозящихъ его затворнической жизни—до химика, который, не смотря на всю свою опытность, никогда не можетъ поручиться, что онъ выйдетъ живой изъ лабораторіи“; начиная отъ Плинія-Старшаго до Рикмана, Дюлона, Парана Дюшателе, до Александра Гумбольдта и проч. Въ бумагахъ Одоевскаго, дѣйствительно, имѣется нѣсколько замѣтокъ съ заглавіемъ „Мужество ученыхъ“: переплетъ 26, л. 164, автографъ; переплетъ 54, л 77, автографъ; переплетъ 48, л. 154, автографъ, Ср. выше, ч. I, на стр. 485, прим.

2) Въ связи съ этими разсужденіями находится слѣдующій разговоръ Фауста и Виктора особой редакціи (переплетъ 53, л. 44 и об., автографъ):

„Ф. Если бы люди не были такъ увѣрены что словами все изъяснить можно, они бы не ударились въ спеціяльность, которая, заставляя забывать смыслъ присвоенный общимъ выраженіямъ, пригоняетъ его подъ смыслъ спеціяльный. Чего ожидать отъ науки, когда одинъ знаетъ только червяковъ, другой бабочекъ, третій одно Електричество.

В. Но развѣ не соединяются нынѣ науки?

Ф. Чего ты ждешь отъ етой свадьбы труповъ? Люди разошлись по сферѣ познаній, каждый съ своею цѣлію, каждый съ своимъ аршиномъ, каждый идетъ не зная за чемъ ходятъ другіе.

В. Но какъ иначе узнать предметы?

Ф. Если не существуетъ другаго способа какъ мѣрить разными аршинами, тогда нѣтъ надежды на человѣчество — наука вздоръ.

В. Но собранное многими по частямъ соединяются въ одну общую Теорію.

Ф. Т.-е. кто-нибудь спохватится о бѣдныхъ странникахъ, соберетъ ихъ замѣчанія, случайно они могутъ падать на предметы близкіе, объясняющія другъ

мѣненіе «аналитической методы», какой съ такимъ успѣхомъ пользуются химики. Съ этой цѣлью можно бы образовать «прекрасную науку, съ какимъ-нибудь звучнымъ названіемъ, на-примѣръ «*Аналитической Этнографіи*» (370) [1]).

Да, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, говоритъ Фаустъ, «міру человѣческому не достаетъ многихъ наукъ» (369—370).

Новая наука должна стать философичной, «поэтичной», должна быть цѣлостной системой знаній. Это будетъ *наука самихъ предметовъ* и притомъ наука *индивидуальная.*

Въ природѣ нѣтъ ни физики, ни химіи, ни математики: «въ каждомъ предметѣ соединяются всѣ науки, существующія нынѣ подъ безчисленными названіями; каждая изъ нихъ ограничивается одною стороною предмета; кто знаетъ только одну науку, тотъ знаетъ одну сторону предмета — самый же предметъ остается для него недоступнымъ» [2]). «Должна быть система, наука *Естественная*, т.-е. основанная не на собраніи однихъ сторонъ предмета,— наука самихъ предметовъ» [3]).

Но и на этомъ остановиться нельзя. «Наука самихъ предметовъ» неизбѣжно должна индивидуализироваться сообразно способу воззрѣній каждаго человѣка. Въ сущности «столько наукъ, сколько людей — и ето дѣйствительно такъ дѣлается, хотя съ перваго взгляда кажется невозможнымъ» [4]). Каждый составляетъ для себя «какую-то особенную науку, которая есть ни Философія, ни Исторія, ни Математика, въ которой, говоря по нынѣшнему, оторваны части изъ сихъ наукъ для соста-

---

друга, все остальное хаосъ, изъ етаго хаоса Теоретикъ изберетъ что ему вздумается, забудетъ остальное и учредится Теорія, пока кто-нибудь не найдетъ прорѣхи; эта Теорія (потому что человѣку нельзя прочесть все) легче читается, дѣлается господствующею мыслію и заставляетъ забыть самыя необходимыя открытія. Отъ того такъ много потерялось открытій; отъ того каждое новое есть только воспоминаніе о старомъ".

[1]) См. на стр. 370—372. Ср. въ „Психологическихъ замѣткахъ", 76—77 стр., у Шеллинга—К. Фишеръ—606—607, 608—609; 628—631 и С.-Мартена—Claassen, 110.

[2]) Переплетъ 9, л. 180—181, автографъ.

[3]) Переплетъ 27, л. 22 об., автографъ, подъ заглавіемъ: „О необходимости и возможности новой Науки и новаго Искусства". Связь съ рукописнымъ введеніемъ къ „Р. Н " въ переплетѣ 24—несомнѣнная, а данная замѣтка, въ свою очередь, связана съ только что цитированной замѣткой переплета 9.

[4]) Ibid.

вленія новаго цѣлаго. Что происходитъ ежедневно естественнымъ образомъ,—то человѣкъ долженъ образовать *искусственно*. Должна быть составлена Система наукъ, которая бы относилась къ каждому человѣку такъ, какъ нынѣшняя Система относится къ каждому предмету въ особенности» [1]). Такая наука, можетъ быть, нѣкогда была извѣстна человѣку; можетъ быть, въ этомъ и заключается высшій смыслъ астрологіи, хиромантіи, физіогномики и разныхъ каббалистическихъ наукъ. «Точно также какъ сжимаются алгебраическія формулы въ одну, точно также какъ въ физикѣ разнообразныя явленія подводятся въ теченіи времени подъ одинъ законъ (Елек. Маг. Гальванизмъ), разнородные виды животныхъ подъ одинъ родъ, такъ могутъ сжаться и всѣ науки въ одну» [2]).

Ученіе Адама Смита и Беккаріи о раздѣленіи труда (см. Телескопъ 1833, № 15, ч. XVI, стр. 297), разсуждаетъ Одоевскій въ рукописной замѣткѣ [3]), соблазнило многихъ; ученые послѣдовали тому же принципу, разрабатывая каждый свою спеціальную науку. «Отъ сего произошло наружное совершенство, полезное для *всего человѣчества*, какъ Смитово раздѣленіе техническихъ работъ полезно для *цѣлаго Государства*, но не для *каждаго*». Одоевскій (какъ впослѣдствіи Герценъ и особенно Н. К. Михайловскій) ведетъ «борьбу за индивидуальность», распространяя эту идею не только на область техническихъ работъ, но и научныхъ занятій. Христіанство, разсуждаетъ онъ тамъ же, обращается не къ обществу, а къ отдѣльному лицу, въ предвѣдѣніи, что только изъ частныхъ совершенствованій рождается совершенствованіе общее, «изъ временныхъ или настоящихъ *вѣчное*». Такъ и наука должна быть индивидуальной.

То, что теперь называютъ философіей, исторіей, химіей, физикою, это, говоритъ Фаустъ («Р. Н.», 286—287), «оторван-

---

[1]) Переплетъ 89, л. 362—369, автографъ и копія. Заглавіе „Наука". Эпиграфъ: „Два труда предлежатъ человѣку: понять то, что существуетъ и что должно существовать",— т.-е. тотъ эпиграфъ, что и въ рукописномъ введеніи къ „Р. Н." въ переплетѣ 24. Поэтому мы и ставимъ данную замѣтку въ ближайшую связь съ „Р. Ночами". Ср. на ту же тему замѣтку въ переплетѣ 55, л. 68—70, автографъ карандашомъ, съ заглавіемъ „Наука въ народѣ".

[2]) Ibid. Ср. „Р. Ночи", 352 (о тожествѣ электричества, гальванизма, магнитизма).

[3]) Ibid.

ныя, изуродованныя части одного стройнаго организма, одной и той же науки, которая живетъ въ душѣ человѣка и которой форма должна разнообразиться, смотря по его философскому органу, или, другими словами, по сущности его духа». «Словомъ, каждый человѣкъ долженъ образовать свою науку изъ существа своего индивидуальнаго духа» (287). Изученіе наукъ «должно состоять въ постоянномъ *интегрированіи* духа, въ возвышеніи его, другими словами, въ увеличеніи его самобытной дѣятельности» (287) [1]. До какой степени и какъ это возможно,—на эти вопросы Фаустъ пока не можетъ дать полнаго отвѣта. Но вслѣдъ за Шеллингомъ онъ думаетъ только, что самобытная дѣятельность духа, долженствующая создать новую, индивидуальную науку, возбудится не какимъ-нибудь отдѣльнымъ фактомъ или силлогизмомъ, но «можетъ быть возбуждена, между-прочимъ, путемъ *эстетическимъ*», путемъ непосредственнаго *вдохновенія* (287—288) [2].

Знаніе можетъ доставить человѣку высокое удовлетвореніе и служить стимуломъ къ творческой работѣ лишь при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, если оно бываетъ плодомъ внутренней самодѣятельности человѣческаго духа, рождается извнутри человѣка, а не извнѣ вкладывается въ него, какъ въ порожній сосудъ; во-вторыхъ, если анализъ соединяется съ синтетическимъ воспріятіемъ цѣлаго, если человѣкъ постигаетъ міръ не однимъ разумомъ, но и непосредственнымъ чувствомъ.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ судьба импровизатора, безъ труда получившаго всю полноту знаній и способность творить.

Въ «*Импровизаторѣ*» передъ нами знакомая фигура доктора Сегеліеля [3].

---

[1]) Ср. въ „Психолог. замѣткахъ", 76—77 и примѣчаніе выше на стр. 65.

[2]) Въ замѣткѣ „О необходимости и возможности новой Науки и новаго Искусства" (переплетъ 27, л. 22 об., автографъ) Одоевскій началъ было доказывать, но не окончилъ такую мысль: „Помочь сему должно, сообразовавъ науки съ іерархіею общества и съ іерархіею природы. Сіе будетъ понятно, когда сіи двѣ іерархіи сольются" (со ссылкой на Галя и Шнурргейма). Ср. въ утопіи Одоевскаго организацію ученыхъ.

[3]). Имя Кипріяно встрѣчаемъ и въ „Сегеліелѣ"; въ одномъ отрывкѣ „Іордана Бруно" (переплетъ 1, л. 224—227), именно въ „Письмѣ Джіордана къ Игнацію" выступаетъ *Чипріяно*, типъ фривольнаго разсказчика.— Что касается типа поэта-импровизатора, то въ тридцатыхъ годахъ говорили объ этомъ немало; импровизаторами выступали больше итальянцы (поэтому и Одоевскій назвалъ

Сохранивъ свою таинственную связь съ нездѣшнимъ міромъ, онъ на этотъ разъ исполненъ какихъ-то непріятныхъ чувствъ къ людямъ: какъ будто разочаровавшись въ нихъ, онъ мститъ имъ за потерю своихъ надеждъ; его добро всегда сопровождается какимъ-нибудь зломъ [1]). Бездарному и бѣдному поэту Кипріяно, похожему отчасти на пушкинскаго Сальери (175), онъ даетъ «способность *производить безъ труда*» и даръ «*все видѣть, все знать, все понимать*» (186; ср. 188—189).

Кипріяно сдѣлался блестящимъ импровизаторомъ, имѣлъ колоссальный успѣхъ и могъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ. Но даръ Сегеліеля оказался коварнымъ. «Все въ природѣ разлагалось предъ нимъ, но ничто не соединялось въ душѣ его. онъ *все видѣлъ, все понималъ*, но между имъ и людьми, между имъ и природою была вѣчная бездна; ничто въ мірѣ не сочувствовало ему» (191). Всевѣдѣніе парализовало его творчество. Микроскопизмъ мучилъ его, убивалъ въ немъ способность не-

---

своего героя итальянскимъ именемъ). Вспомнимъ импровизатора-итальянца въ „Египетскихъ ночахъ" Пушкина. О 13-лѣтнемъ итальянскомъ импровизаторѣ, Карлѣ Паче, сообщалось въ „Атенеѣ", 1828, ч. III, № 9, смѣсь, стр. 120.— „Италіянскіе импровизаторы В. а. d. G." Телескопъ, 1834, № 50.—Въ началѣ 40-хъ годовъ большой славой пользовался импровизаторъ Джустиніани (ученикомъ его былъ Регальди). Имъ увлекался Шевыревъ· см. его статью „Взглядъ русскаго на образованіе Европы" (Москвитянинъ, 1841, № 1, стр. 232); замѣтку — ibid., ч. II, № 4, стр. 593 — 594 „Прибытіе Джустиніани въ Москву и его будущая импровизація"; ibid., въ прибавленіи: „Марія на Голгоѳѣ. Лирическая пѣснь Джустиніани" (за подписью С. Ш.); двѣ статьи въ „Моск. Вѣд." 1840 г., №№ 76 и 87; наконецъ письмо къ Одоевскому отъ 21 ноября 1840 (бумаги 1869 г.; „Р. Ст." 1904, май, 372—373) съ просьбой принять „подъ свое покровительство бѣднаго поэта". Одоевскій исполнилъ просьбу Шевырева, какъ это видно изъ записки Жуковскаго отъ 1841 г. (бумаги 1869; „Р. Ст." 1904, іюль, 153). — Отмѣтимъ кстати: „Импровизаторъ, или Молодость и Мечты Италіянскаго Поэта. Романъ датскаго писателя Андерсена. Переводъ съ шведскаго. 2 ч. Спб. 1844". Переводъ, первоначально печатавшійся въ „Современникѣ" 1844 г., былъ сдѣланъ Розой Карловной Гротъ подъ наблюденіемъ ея брата, Я. К. Грота (Матеріалы для жизнеописанія Я. К. Грота. Хронологич. обзоръ его жизни и дѣятельности. Составилъ К. Я. Гротъ. Спб. 1912. Стр. 14.) Отзывъ о немъ въ „Отечеств. Зап." 1845, т. 38, библ. хр., 3—4.—Даромъ импровизаціи обладалъ и Мицкевичъ. Ср. о немъ разсказъ Кс. Полевого (Записки, ч. I; Спб. 1860, стр. 214 и слл.).

[1]) Авторъ и тутъ не забылъ поиронизировать надъ просвѣщенными людьми, которые, зная Локка, Канта или атомистическую химію, не хотятъ и вѣрить тому, что разсказываютъ о чудесномъ Сегеліелѣ (184).

посредственныхъ переживаній, способность наслаждаться природой, любовью, искусствомъ, жизнью вообще. Жалкимъ скитальцемъ, шутомъ-приживальщикомъ кончаетъ свою жизнь Кипріяно [1]).

Лишь узкіе «защитники настоящаго времени» могутъ торжествовать, что прежняя «магическая восторженность» превратилась теперь «въ болѣзнь, излечимую хорошо-разсчитанными микстурами». Нѣтъ, уже молодые пріятели Фауста эпиграфомъ для своихъ «Desiderata» избрали мысль: «Humani generis mater nutrixque profecto *dementia* est». Безуміе, «магическая восторженность» нужны и теперь человѣку, стремящемуся отыскать истину. Гдѣ дѣйствительные сумасшедшіе? можно ли провести «вѣрную, опредѣленную черту между здравою и безумною мыслію?» (35) [2]). «Состояніе сумасшедшаго не имѣетъ ли сходства съ состояніемъ поэта, всякаго генія-изобрѣтателя?» (36). То, что мы часто называемъ «безуміемъ, экстатическимъ состояніемъ, бредомъ, не есть ли иногда высшая степень умственнаго человѣческаго инстинкта, степень столь высокая, что она дѣлается совершенно-непонятною, неуловимою для обыкновеннаго наблюденія?» (38). Всѣ эти вопросы духоиспытатели

---

[1]) Разбирая альманахъ „Альціону“ на 1833 годъ, „Моск Телеграфъ“ (1833, № 1, стр. 152—153) нашелъ въ „Импровизаторѣ“ — „нѣчто несообразное съ истиною поэзіи“. Рецензентъ выразился прямо: „Мнѣ кажется, онъ просто сумасшедшій, вашъ Кипріяно! За всѣмъ тѣмъ, этотъ разсказъ достоинъ вниманія, и мы совѣтуемъ прочесть его“. — „Молва“ (1833, № 5, стр. 18—19) отнеслась къ „Импровизатору“ гораздо сочувственнѣе. По ея мнѣнію, этотъ разсказъ, „родъ философической фантазіи“, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнѣе всѣхъ другихъ произведеній, вошедшихъ въ „Альціону“. Предполагая (и не безъ основанія), что „Импровизаторъ“ вмѣстѣ съ „Послѣднимъ квартетомъ Бетховена“ и „Піранези“ суть части „Дома сумасшедшихъ“, критикъ откладываетъ окончательное сужденіе до выхода всей книги. „Скажемъ только предварительно“, говоритъ онъ, „что въ немъ изобличается оригинальный сгибъ ума, могущественная фантазія и мастерство разсказа. Если неизвѣстный авторъ выдержитъ себя вездѣ, то мы заранѣе поздравляемъ нашу словесность съ зарею *Философической Повѣсти*, гостьи у насъ еще небывалой“. Бѣлинскій въ 1844 г. слѣд. образомъ понялъ это произведеніе (подъ ред. С. А. Венгерова, IX, 15—16): „Въ „Импровизаторѣ“ прекрасно развита мысль о безплодности и вредѣ знанія, пріобрѣтеннаго безъ труда и усилій, какъ источникѣ самаго пошлаго и тѣмъ не менѣе мучительнаго скептицизма, результатомъ котораго всегда бываетъ искреннее примиреніе съ пошлостью внѣшней жизни“.

[2]) Примѣры на стр. 35—36 — въ духѣ герценовскаго доктора Крупова.

склонны рѣшать въ положительномъ смыслѣ. Не даромъ они поставили себѣ цѣлью изслѣдовать прежде всего тѣхъ людей, «которые, живя между другими, въ большей мѣрѣ пользуются названіемъ великихъ, или названіемъ сумасшедшихъ» (39).

Первымъ лицомъ, о которомъ повѣствуетъ рукопись, былъ какъ разъ безумный архитекторъ, считавшій себя за Піранези и мучившійся невозможностью осуществить свои творческіе замыслы [1]).

«Творчество, вдохновеніе, если угодно, поэзія» — одна изъ тѣхъ замѣчательныхъ «указокъ», которыми «какая-то добрая нянюшка» снабдила людей, этихъ «разсѣянныхъ, вѣтренныхъ дѣтей», «чтобы мы рѣже принимали одно слово за другое» (376).

Отсюда высокое значеніе *искусства* — этой второй стихіи человѣческой жизни. Искусство утратило нынѣ свою былую силу, оно не уноситъ болѣе человѣка въ иной, «чудесный міръ»; поэтъ пересталъ быть вдохновеннымъ судіею человѣчества. Художникъ смѣшался съ толпой, и холодный, мертвящій анализъ вторгся въ область искусства [2]). Истинное искусство—плодъ непосредственнаго вдохновенія, цѣлостно охватывающаго душу творца; такое искусство есть высшая форма воспріятія міра; оно соединяетъ въ себѣ, какъ въ высшемъ синтезѣ, двѣ другія стихіи—любовь и вѣру.

Два типа истинныхъ художниковъ изображены въ разсказахъ «*Послѣдній квартетъ Бетховена*» (съ эпиграфомъ изъ

---

[1]) *Opere del Cavaliere Giambatista Piranesi*, какъ и все разсужденіе о сумасшедшихъ, служатъ особенно очевиднымъ пунктомъ соприкосновенія „Русскихъ Ночей“ и „Дома сумасшедшихъ“. Родъ безумія архитектора тотъ же, что и орлахской крестьянки.—Въ „Пиранези“ Одоевскій, по его словамъ въ письмѣ къ Краевскому по поводу критики От. Зап. 1844 г. (И. П. Б., бумаги Краевскаго, б, № 24, а), хотѣлъ выразить психологическое состояніе, когда мысль, самопроизвольно родившаяся, начинаетъ мучить его, „разрастаясь безпрестанно въ матеріяльную форму“. „Телескопъ“ (1832, № 2, рецензія о „Сѣв. Цвѣтахъ“ на 1832 г., стр. 300) отозвался объ „Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi“ „неизвѣстнаго“ такъ: „прекрасный разсказъ, котораго впрочемъ истинный смыслъ угадать довольно трудно“. — Показаніе Гилярова-Платонова и самое посвященіе разсказа заставляютъ искать связи Пиранези съ Хомяковымъ.— Выраженіе „книга моихъ темницъ“ (52) намекаетъ на Сильвіо Пеллико.

[2]) О томъ, въ какихъ предѣлахъ художнику нужна наука—см. на стр. 172 „Р. Ночей“. Ср. выше, ч. I, на стр. 500—501 и Психолог. зам., 312—313, 318—9.

Гофмана, именно изъ его «Die Serapionsbrüder») и «*Себастіанъ Бахъ*».

Если Кипріяно напомнилъ намъ Сальери, то Бетховена самъ авторъ сближаетъ съ Моцартомъ (158—159). Геніальный музыкантъ уже лишился слуха, онъ живетъ въ страшной бѣдности, но творческій даръ не покидаетъ его. Онъ чувствуетъ себя способнымъ произвести величайшую реформу въ музыкальномъ творчествѣ. Бетховенъ вѣритъ, что искусство выработаетъ себѣ новыя формы и новые инструменты, и что «исчезнетъ наконецъ нелѣпое различіе между музыкою писанною и слышимою» (165). Этого не понимаютъ профессора музыки, какъ не понимаютъ они «силы соприсутствующей художническому восторгу». «Я холоднаго восторга не понимаю!» восклицаетъ Бетховенъ (166): «Я понимаю тотъ восторгъ, когда цѣлый міръ для меня превращается въ гармонію, всякое чувство, всякая мысль звучитъ во мнѣ, всѣ силы природы дѣлаются моими орудіями, кровь моя кипитъ въ жилахъ, дрожь проходитъ по тѣлу и волосы на головѣ шевелятся...» Люди толпы не въ состояніи понять, что «мысль, принявшая на себя понятный имъ образъ, есть звѣно въ безконечной цѣпи мыслей и страданій; что минута, когда художникъ нисходитъ до степени человѣка, есть отрывокъ изъ долгой болѣзненной жизни неизмѣримаго чувства; что каждое его выраженіе, каждая черта—родилась отъ горькихъ слезъ Серафима, заклепаннаго въ человѣческую одежду, и часто отдающаго половину жизни, чтобъ только минуту подышать свѣжимъ воздухомъ вдохновенія» (166—167).

Великосвѣтская толпа, занятая толками «о какомъ-то спорѣ, случившемся между кѣмъ-то, во дворцѣ какого-то нѣмецкаго князя», съ холоднымъ равнодушіемъ встрѣтила вѣсть о смерти «театральнаго капельмейстера Бетховена», котораго не на что даже и похоронить.

Въ «Послѣднемъ квартетѣ Бетховена» въ связи съ «Импровизаторомъ» Одоевскій раскрываетъ таинственную сущность творческаго процесса. Духъ человѣческій, говоритъ Ростиславъ, творитъ «самопроизвольно, безусловно» (200); ни о какомъ подражаніи природѣ, хотя бы и «изящной», тутъ не можетъ быть и рѣчи. «Близость къ природѣ» въ искусствѣ есть своего рода оптическій обманъ. «Дагерротипъ какъ-бы нарочно появился въ нашу эпоху, чтобъ показать различіе между механи-

ческимъ и живымъ произведеніемъ». Предметы внѣшняго міра «мертвы въ дагерротипѣ, и оживаютъ лишь подъ рукою художника» (201). Никто изъ насъ не видалъ того событія, которое изобразилъ Брюловъ (на картинѣ «Послѣдній день Помпеи»); между тѣмъ мы не сомнѣваемся въ ея правдивости, и самые обыкновенные предметы, изображенные на ней, пріобрѣтаютъ какую-то особую прелесть. Здѣсь тайна искусства. «Живописецъ», говоритъ съ своей стороны Фаустъ (202), «срисовывая съ *натуры* — лишь *питается* ею, какъ человѣческій организмъ питается грубыми произведеніями природы» (202). «Жизненная сила» организма претворяетъ получаемыя вещества. «Бѣда художнику, если внутреннее его горнило не въ силахъ расплавить грубую природу и превратить ихъ въ существо болѣе возвышенное. Это необходимо во всѣхъ встрѣчахъ человѣка съ природою: горе ему, если онъ преклонится предъ нею (203) [1]).

Ростислава въ разсказѣ о Бетховенѣ поразило одно: «это — неизглаголанность нашихъ страданій». «Дѣйствительно, самыя жестокія, самыя ясныя для насъ терзанія — тѣ, которыхъ человѣкъ передать не можетъ» (169) [2]). И Фаустъ признается, что музыка Бетховена болѣе, чѣмъ какая-либо другая, поднимаетъ въ душѣ «всѣ забытыя, самыя тайныя страданія и даетъ имъ образъ»; музыка Бетховена всегда «раздражаетъ: сквозь ея чудную гармонію слышится какой-то нестройный вопль; вы слушаете его симфонію, вы въ восторгѣ, — а между тѣмъ у васъ душа изныла. Я увѣренъ, что музыка Бетховена должна была его самого измучить» (170—171). Онъ никогда не былъ въ состояніи написать духовной музыки, какъ Гайднъ, и это оттого, что «Бетховенъ не вѣрилъ тому, чему вѣрилъ Гайднъ» (171).

Въ душѣ самого Бетховена не было гармоніи и полноты, отсюда его страданія и мучительный характеръ его творчества. Геніальному музыканту недоставало одной стихіи — *вѣры*. Это — такая же односторонность, какъ та, отъ которой страдалъ Кипріяно. У Кипріяно преобладала стихія — *знаніе*, безъ дара художественной интуиціи. У Бетховена былъ даръ

---

1) Ср. выше въ I части, стр. 499—500. Психол. Замѣтки, 316. Ср. у Шеллинга, К. Фишеръ, 577—581.

2) Ср. въ „Семейной перепискѣ" (слова Нордманна), въ письмѣ къ Ростопчиной и др. (на стр. ч. II, 119; ч. I, 454 и слд.).

художественнаго *творчества*, но не было вѣры. Если, говоритъ Фаустъ, никто не пригласитъ къ постели больного медика, который извѣстенъ за отъявленнаго атеиста, тѣмъ болѣе вѣра нужна истинному художнику.

Эта третья стихія нашла себѣ полное выраженіе въ творчествѣ *Себастіана Баха.*

Нелегко въ «святилищѣ звуковъ» найти музыканта, равнаго вѣчно-юному Баху. «Чувство религіозное и любовь къ гармоніи свыше осѣнили семью Баховъ» (218), но благодать особенно почила на Сабастьянѣ Бахѣ. Одоевскій даетъ цѣлую біографію Баха, исторію «святой жизни художника» на фонѣ ремесленнаго отношенія къ искусству большинства окружающихъ [1]). Учителемъ Баха былъ Албрехтъ. Онъ стремился «проникнуть въ таинства гармоніи» (239), которыя заложены «далеко, далеко въ душѣ человѣка, какъ въ закрытомъ сосудѣ» (242). Албрехтъ упорно трудился надъ усовершенствованіемъ своего любимаго инструмента—органа: «говорятъ, что онъ хотѣлъ соединить въ немъ представителей всѣхъ стихій міра: земли и воздуха, воды и огня» (251). Естественно, что Албрехтъ не находилъ словъ для выраженія своихъ мыслей: «онъ былъ принужденъ искать во всей природѣ предметовъ, которые могли бы облечь его чувство, недоговариваемое словомъ» (247). «Было время», думаетъ Албрехтъ (247—248): «отъ котораго намъ не осталось ни звука, ни слова, ни очерка: тогда *выраженіе* было не нужно человѣчеству; сладко покоилось оно въ невинной, младенческой колыбели и въ безпечныхъ снахъ понимало и Бога и природу, настоящее и будущее. Но... всколыхалась колыбель младенца; нѣжному, неоперенному, какъ мотыльку въ едва раздавшейся личинкѣ, предстала природа грозная, вопрошающая; тщетно юный алкидъ хотѣлъ въ свой младенческій лепетъ заковать ея огромныя, разнообразныя формы; она коснулась главою міра идей, пятою — грубаго инстинкта кристалловъ, и вызвала человѣка сравниться съ собою. Тогда родились два постоянные, вѣчные, но опасные, вѣроломные союзника души человѣка: *мысль* и *выраженіе.*»

Не успѣлъ человѣкъ побѣдить природы, какъ явился передъ

---

1) Одоевскій считаетъ ложнымъ общепринятый методъ составленія біографій: стр. 216—217.

нимъ новый противникъ—«*онъ самъ*»; передъ нимъ встали страшные вопросы о жизни и смерти, о волѣ и необходимости, о движенiи и покоѣ. «Человѣчество погибло бы, если бы небо не послало ему новаго поборника: *искусство!* Эта могучая, ничѣмъ необоримая сила, отблескъ Зиждителя, скоро покорила себѣ и природу, и человѣка; какъ Эдипъ, она угадала всѣ символы двуглаваго сфинкса—и это торжественное мгновенiе жизни человѣчества люди назвали Орфеемъ, покоряющимъ камни силою гармонiи» (249). Въ дивныхъ созданiяхъ искусства человѣкъ «сомкнулъ таинственныя силы природы и души своей». «Но есть еще высшая степень души человѣка, которой онъ не раздѣляетъ съ природою»,—«та степень, гдѣ душа, гордая своею побѣдой надъ природою, во всемъ блескѣ славы, смиряется предъ Вышнею Силою, съ горькимъ страданiемъ жаждетъ перенести себя къ подножiю Ея престола, и, какъ странникъ среди роскошныхъ наслажденiй чуждой земли, вздыхаетъ по отчизнѣ; чувство, возбуждающееся на этой степени, люди назвали *невыразимымъ*» (249—250).

Этого чувства не передадутъ ни рѣзецъ ваятеля, ни пламенныя строки поэта. «Единственный языкъ сего чувства—*музыка*: въ этой высшей сферѣ человѣческаго искусства, человѣкъ забываетъ о буряхъ земнаго странствованiя; въ ней, какъ на высотѣ Альповъ, блещетъ безоблачное солнце гармонiи; одни ея неопредѣленные, безграничные звуки обнимаютъ безпредѣльную душу человѣка; лишь они могутъ совокупить воедино стихiи грусти и радости, разрозненныя паденiемъ человѣка,—лишь ими младенчествуетъ сердце и переноситъ насъ въ первую невинную колыбель перваго невиннаго человѣка» (250).

Слова Албрехта западали въ отзывчивую душу Себастьяна; непосредственнымъ чувствомъ постигалъ онъ ихъ таинственный смыслъ. Его спокойная, величественная душа выливалась въ торжественныхъ мелодiяхъ; онъ самъ сдѣлался «церковнымъ органомъ, возведеннымъ на степень человѣка» (259). «Тихимъ огнемъ» горѣло въ немъ вдохновенiе; всегда и всюду былъ онъ «вѣренъ святынѣ искусства, и никогда земная мысль, земная страсть не прорывались въ его звуки» (259). Его музыка была возвышенной молитвой, «и слушатели выходили изъ храма съ освѣженною, съ воззванною къ жизни и любви душою» (260).

Достоинства музыки Баха авторъ оттѣняетъ сравненiемъ съ

итальянской музыкой Россини и его послѣдователей (Кариссими, Чести, Кавалли) [1]).

Искусство всѣхъ вѣковъ и народовъ есть «одно и то же гармоническое произведеніе»: мысль, начатая великимъ поэтомъ, часто договаривается посредственнымъ; «чаще поэты, раздѣленные временемъ и пространствомъ, отвѣчаютъ другъ другу какъ отголоски между утесами: развязка «Иліады» хранится въ «Комедіи» Данте; поэзія Байрона есть лучшій коментарій къ Шекспиру; тайну Рафаэля ищите въ Альбертѣ Дюрерѣ; страсбургская колокольня—пристройка къ египетскимъ пирамидамъ; симфоніи Бетховена — второе колѣно симфоній Моцарта...» (213).

Искусство всего міра есть единый живой организмъ. Высокой задачей человѣка является изученіе «*внутренняго* языка искусствъ», «таинственнаго языка, доселѣ почти неизвѣстнаго, но общаго всѣмъ художникамъ» (212).

Въ молодости, очарованный органомъ, Бахъ однажды пробрался въ помѣщеніе соборнаго органа и здѣсь въ священномъ экстазѣ увидѣлъ «безконечное, дивное зданіе, котораго на яву описать не можетъ бѣдный языкъ человѣческій. Здѣсь таинство зодчества соединялось съ таинствами гармоніи» (232).

---

[1]) О ложномъ направленіи музыки подъ вліяніемъ духа времени говоритъ Фаустъ на стр. 364—366. „А между тѣмъ, живетъ старый Бахъ! живетъ дивный Моцартъ!“ (366). Итальянская музыка сыграла роковую роль въ личной жизни Баха. Молодой итальянецъ Франческо увлекъ его жену, Магдалину, дѣйствуя на нее обаяніемъ чувственной музыки новой итальянской школы. Этотъ эпизодъ, закончившійся смертью Магдалины, открылъ Баху глаза на то, что „въ своемъ семействѣ онъ былъ лишь профессоръ между учениками“, что онъ не зналъ простой человѣческой любви, что „половина души его была мертвымъ трупомъ“ (272).—Самъ Одоевскій намекалъ А. И. Кошелеву, что въ „С. Бахѣ“ отразилось его личное „горе“. „Одинъ разъ я позволилъ себѣ увлечься горемъ, и „Бахъ“ есть слабый отпечатокъ того, что происходило въ душѣ моей. Пожалѣй обо мнѣ: фактически часть моей жизни растерзана, глубокое чувство подавлено, а отъ этой борьбы, что ни говори, душа всегда остается въ потерѣ: на такую борьбу она истрачиваетъ лучшія свои силы, и это ослабленіе я чувствую“ (Н. Колюпановъ. Біографія А. И. Кошелева. Т. I, ч. II, стр. 102). Въ бумагахъ Одоевскаго (1869 г.) есть разорванное на мелкіе куски письмо Надежды Никол. Ланской (ср. выше, на стр. 90, прим. 1-е.). Не имѣетъ ли оно отношенія къ подавленному „глубокому чувству“ Одоевскаго? Ч. Вѣтринскій предполагаетъ здѣсь „отголосокъ личныхъ отношеній князя Одоевскаго въ его семьѣ“ (Въ сороковыхъ годахъ, стр. 302).

Видѣніе какъ бы воплощало искомое, *новое искусство*—результатъ гармоническаго *синкретизма* [1]) отдѣльныхъ искусствъ (232): «надъ обширнымъ, убѣгающимъ во всѣ стороны отъ взора помостомъ, полныя созвучія пересѣкались въ образѣ легкихъ сводовъ и опирались на безчисленныя ритмическія колонны; отъ тысячи курильницъ восходилъ благоухающій дымъ, и всю внутренность храма наполнялъ радужнымъ сіяніемъ... Ангелы мелодіи носились на легкихъ облакахъ его, и исчезали въ таинственномъ лобзаніи; въ стройныхъ геометрическихъ линіяхъ воздымались сочетанія музыкальныхъ орудій; надъ святилищемъ восходили хоры человѣческихъ голосовъ; разноцвѣтныя завѣсы противозвучій свивались и развивались предъ нимъ, и хроматическая гамма игривымъ барельефомъ струилась по карнизу... Все здѣсь жило гармоническою жизнію, звучало каждое радужное движеніе, благоухалъ каждый звукъ,—и невидимый голосъ внятно произносилъ таинственныя слова религіи и искусства...»

Это видѣніе было такимъ же предощущеніемъ новаго искусства, какое на мгновеніе было доступно герою «Сильфиды» [2]).

Бахъ представляетъ собой болѣе совершенный типъ художника, чѣмъ Бетховенъ, главнымъ образомъ потому, что его вдохновляетъ живая вѣра [3]).

---

[1]) Между прочимъ на стр. 308 и 316 Одоевскій употребляетъ терминъ „синкретизмъ“, но въ смыслѣ явленія, отрицательнаго.

[2]) Герценъ изъ вятской ссылки восторгался статьей „Себастіанъ Бахъ“: „Что за прелесть! Она сильно подѣйствовала на меня“ (П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892. Стр. 12). Бѣлинскій въ 1844 г., когда онъ уже эмансипировался отъ „эксцентрическихъ Нѣмцевъ“ и ихъ воззрѣнія на искусство, признавалъ „поэтическую біографію Себастіана Баха“ „до того мастерски изложенною, до того живою и увлекательною, что ее нельзя читать безъ интереса даже людямъ, которые недалеки въ знаніи музыки“ (Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IX, 16).

[3]) Въ переплетѣ 92, л. 295, автографъ (вѣроятно, 30-хъ годовъ) есть замѣтка о наилучшемъ построеніи фуги со ссылкой на авторитетъ Баха, а изъ замѣтки Одоевскаго о предстоящемъ концертѣ г-жи Ингеборкъ Штаркъ, датированной 15 февр. 1858 г., видно, что Одоевскій не переставалъ и теперь съ восторгомъ относиться къ твореніямъ геніальнаго Себ. Баха (переплетъ 9, л. 78, автографъ).—Въ переплетѣ 22, литера А, л. 113 об., автографъ, находимъ біографическія данныя о Бахѣ на нѣм. языкѣ со ссылкой на „Bitter-Iohann Sebastian Bach—Berlin 1865“. О музыкальныхъ интересахъ Одоевскаго и въ частности объ его отношеніи къ Баху немало говорится въ Запискахъ А. О. Смирновой (I, 15, 57, 273, 285; II, 32—33, 36, 37, 39).

Вѣра составляетъ третью стихію въ жизни человѣка. Вѣра нужна человѣку и въ смыслѣ низшемъ, какъ довѣріе, и въ смыслѣ высшемъ, какъ религія. Человѣкъ долженъ вѣрить въ нѣчто высшее; это необходимое условіе его дѣятельности и самой жизни. Религія возвышаетъ человѣка, поднимая весь тонъ его нравственной жизни. Воплощеніемъ религіознаго чувства, какъ небесной гармоніи, является *Цецилія*. Ея образъ перенесенъ на страницы «Р. Ночей», чтобы напомнить людямъ о высшемъ началѣ ихъ жизни [1]).

Въ храмѣ св. Цециліи все ликовало; «лучи заходящаго солнца огненнымъ водометомъ лились на образъ покровительницы гармоніи, звучали ея золотые органы и, полные любви, звуки радужными кругами разносились по храму» (113). Подъ сводами каждаго храма раздаются «завѣтныя слова любви, вѣры, надежды» (84). Религія больше всего учитъ людей братской любви.

Любовь—четвертая, важная стихія человѣческой жизни. Она придаетъ смыслъ и поэзію какъ индивидуальному существованію, такъ и жизни общественной. Она рождаетъ необходимый въ общежитіи *альтруизмъ*.

Наука, искусство, а тѣмъ болѣе вѣра и любовь своими корнями уходятъ въ ирраціональныя глубины души, въ область инстинктуальнаго. Совокупность этихъ стихій образуетъ то, что можно назвать *поэзіей жизни* въ широкомъ смыслѣ этого слова.

«Поэзія есть одинъ изъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ *древо жизни* должно было бы исчезнуть; отъ-того даже въ промышленномъ предпріятіи человѣка есть *quantum* поэзіи, какъ, наоборотъ, въ каждомъ чисто-поэтическомъ произведеніи есть *quantum* вещественной пользы; такъ, напр., нѣтъ сомнѣнія, что страсбургская колокольня вмѣшалась невольно въ акціонерскіе разсчеты, и была однимъ изъ магнитовъ, которые притянули желѣзную дорогу къ городу» (58—59).

Желѣзныя дороги,—продолжаетъ разсуждать Фаустъ, «дѣло важное и великое». Это одно изъ орудій, которымъ человѣкъ побѣждаетъ время и пространство, побѣждаетъ природу. Одна

[1]) Въ „Себ. Бахѣ“ (Р. Ночи, 249) вспоминается „Цецилія Дюрера“ рядомъ съ „Венерой Медичейской“. Готфридъ Веберъ издавалъ музыкальный журналъ „Цецилія“. Одоевскій нѣсколько разъ ссылается на него въ Р. Ночахъ“ (стр. 161, 221).

мысль объ этомъ пробуждаетъ въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства, а «въ этомъ чувствѣ, можетъ быть, воспоминаніе о его прежней силѣ и о прежней рабѣ его—природѣ», говоритъ мистически Фаустъ [1]). Не менѣе другихъ дорожитъ онъ матеріальными успѣхами человѣка и положительной наукой. «Но сохрани насъ Богъ», предостерегаетъ онъ (59), «сосредоточить всѣ умственныя, нравственныя и физическія силы на одно матеріальное направленіе, какъ бы полезно оно ни было: будутъ ли то желѣзныя дороги, бумажныя прядильни, сукновальни или ситцевыя фабрики. Односторонность есть ядъ нынѣшнихъ обществъ, и тайная причина всѣхъ жалобъ, смутъ и недоумѣній; когда одна вѣтвь живетъ на счетъ цѣлаго дерева—дерево изсыхаетъ». Рядомъ съ полезнымъ человѣку нужно и притомъ не въ меньшей степени также и безполезное. Въ безумномъ архитекторѣ Пиранези, по выраженію Фауста, «плачетъ человѣческое чувство о томъ, что оно потеряло, о томъ, что, можетъ быть, составляло разгадку всѣхъ его внѣшнихъ дѣйствій, что составляло украшеніе жизни—*о безполезномъ*» (58) [2]).

Къ счастью своему, человѣкъ не можетъ «совершенно оскотиться»; повидимому, онъ весь погрязъ въ чувственности, а между тѣмъ «грусть нежданная, непонятная» закрадывается въ сердце, душа проситъ иной жизни, «и смущенный, стыдли-

---

[1]) Роль вопроса о желѣзныхъ дорогахъ въ опредѣленіи „духа времени"—см. въ I ч., стр. 571. — Въ „Запискахъ гробовщика", въ разсказѣ „Сирота" (стр. 235), желѣзная дорога именуется „гордой насмѣшкой искусства надъ природой".—Въ „Письмѣ къ бумажному фабриканту" (переплетъ 83, л. 121—122, автографъ 1845 г.) Одоевскій смѣется надъ степнякомъ, „самобытнымъ философомъ", который охотно ѣздитъ въ Павловскъ по жел. дорогѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ропщетъ на выдумки новаго времени.

[2]) Человѣкъ стремится къ поэзіи хотя бы въ той формѣ, какъ дядюшка-библіофилъ, разсказывающій исторію о Пиранези. Промышленный, положительный вѣкъ не можетъ обходиться безъ музыки. Какой-нибудь фабрикантъ тратитъ большія деньги, чтобы научить свою дочь бренчать на фортепьянахъ. Мало того, „пустые филантропы", занимающіеся исправительною системою, наткнулись на неожиданный для нихъ фактъ, что „лишь тѣ изъ преступниковъ склонны къ исправленію, въ которыхъ оказывается расположеніе къ музыкѣ" (363; со ссылкой на Appert—Des bagnes et prisons, 3 vol. и многія другія книги по сей части). Очевидно, заключаетъ Фаустъ на основаніи подобныхъ фактовъ (364), „духъ времени въ вѣчной борьбѣ съ внутреннимъ чувствомъ человѣка", которое „безсознательно угадало высокій смыслъ этого искусства". (Ср. тѣ же данныя и разсужденія выше, ч. I, на стр. 508 и слл.).

вый духъ человѣка снова бьется о непостижимыя двери райскихъ селеній» (12). Даже полное удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей человѣка не исключаетъ «тоски неодолимой, невыносимой». Съ однимъ утилитаризмомъ и экономизмомъ не прожить человѣку.

Мы знаемъ, что эта идея составляетъ душу многихъ произведеній Одоевскаго. Ей принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ и въ «Р. Ночахъ». Авторъ снова выводитъ типъ *«экономиста»*. Молодой человѣкъ, родившійся «съ положительнымъ, даже сухимъ умомъ»; въ разговорахъ онъ постоянно нападалъ «на идеальность, на мечты воображенія, на безотчетное чувство», видя въ этомъ «вину всѣхъ бѣдствій человѣчества». Экономистъ занимался только положительными науками, служилъ по министерству финансовъ, читалъ однихъ экономистовъ, отъ аббата Галіяни до Сэя, и боготворилъ Мальтуса. И вдругъ такой опредѣлившійся, крѣпкій человѣкъ впадаетъ въ задумчивость, переживаетъ какія-то страданія, кажется почти сумасшедшимъ и скоропостижно умираетъ; медики должны были признать, что «физическая причина смерти несчастнаго Б. была неизъяснима». Болѣзнь его нравственная: «логическій умъ несчастнаго Б., преслѣдуя съ жаромъ свои выкладки, нашелъ на концѣ своихъ силлогизмовъ нѣчто такое, что ускользаетъ отъ цифръ и уравненій, чего нельзя передать другимъ, что понимается однимъ инстинктомъ сердца, и къ чему нельзя отнести знаменитаго присловья: что ясно понимается, то ясно и выражается» (65). Это открытіе перевернуло въ его глазахъ весь міръ; въ немъ проснулось «чувство, существующее въ каждомъ человѣкѣ—чувство поэзіи-утѣшительницы» (65).

«Символическая исторія» пережитыхъ экономистомъ страданій и передана въ нѣсколькихъ разсказахъ, якобы написанныхъ имъ самимъ.

Первый—«*Бригадиръ*», называвшійся въ рукописи, какъ мы знаемъ, «Русскимъ Пиранези». Этотъ разсказъ представляетъ параллель «Живому мертвецу» и по темѣ напоминаетъ «Смерть Ивана Ильича» Толстого или «Скучную исторію» Чехова. Больше полувѣка прожилъ Бригадиръ обычной, пустой жизнью средняго человѣка. Правда, временами и на него находила «хандра», но онъ приписывалъ ее геморрою. Только передъ лицомъ

смерти онъ ужаснулся своей жизни и почувствовалъ въ себѣ «жажду любви, самосвѣдѣнія и дѣятельности» (70).

«О, какимъ языкомъ выразить мои страданія»! восклицаетъ мертвецъ (78): «Я началъ *думать*! Думать—страшное слово послѣ шестидесятилѣтней безсмысленной жизни! Я понялъ *любовь*! любовь—страшное слово послѣ шестидесятилѣтней безчувственной жизни!» Прослушавъ скорбную исповѣдь бригадира, экономистъ долго молился на его могилѣ и плакалъ.

Неудовлетворенный своими теоріями и выкладками, экономистъ бросается въ вихрь свѣтской жизни. Результаты пережитыхъ имъ впечатлѣній выразились въ разсказахъ «*Балъ*» и «*Мститель*».

Въ первомъ произведеніи авторъ съ удивительной экспрессіей передалъ жуткое впечатлѣніе отъ великосвѣтскаго бала, гдѣ люди кружатся въ сладострастномъ безуміи, гдѣ атласные башмаки красавицъ скользятъ по паркету, обагренному кровавыми слезами, гдѣ въ звукахъ музыки чуткое ухо различаетъ всѣ муки человѣчества, проклятіе природѣ и ропотъ на Провидѣніе. Этой безумной картинѣ въ чудномъ контрастѣ противопоставляется благоговѣйная тишина храма и высокое настроеніе евангельскаго ученія — «огненная гармонія любви и вѣры» (84). [1])

«*Мститель*», представляющій отрывокъ изъ неоконченной повѣсти «Янтина», говоритъ людямъ объ ихъ нравственной отвѣтственности передъ жизнію и потомствомъ. Злодѣй найдетъ себѣ мстителя въ лицѣ поэта, который выставитъ на общее позорище «образъ нравственнаго чудовища» (85). И мнимый счастливецъ-злодѣй «познаетъ весь ужасъ безплоднаго раскаянія».

Экономистъ влюбляется, но любовь принесла ему «горькіе плоды», о чемъ онъ и разсказалъ въ «*Насмѣшкѣ Мертвеца*»; въ кошмарной картинѣ наводненія обнажилась ничтожность

---

[1]) „Телескопъ" (1835, № 5, разборъ „Новоселья", стр. 106) касается разсказовъ „Балъ" и „Бригадиръ". Рецензентъ находитъ въ нихъ „юморъ", „но юморъ, не отравленный мѣлкой сатирической желчью, а задумчиво-унылый, вдохновенно-мечтательный, въ родѣ *Жан-Полевскаго*. Кто-бы ни былъ К—ъ В—ъ О—й, коего сигнатура появляется теперь не рѣдко подъ многими, одного и того же характера, произведеніями, мы признаемъ въ немъ талантъ, весьма много обѣщающій для Русской философической повѣсти"

свѣта, и благоразумная красавица почувствовала недолгое раскаяніе [1]).

Измученнымъ вырвался юный экономистъ изъ свѣтскаго вихря и отдался прежнимъ своимъ трудамъ. Но, такъ какъ онъ былъ въ сущности на ложномъ пути, то къ «болѣзни оскорбленной любви» присоединилась «болѣзнь неудовлетвореннаго разума», и это страшно мучительное состояніе его организма «излилось на бумагу, въ видѣ чудовищнаго созданія, которому онъ самъ далъ названіе: *Послѣдняго Самоубійства*» (99). Это, по характеристикѣ Фауста, «вмѣстѣ и горькая насмѣшка надъ нелѣпыми выкладками англійскаго экономиста, и вмѣстѣ образъ страшнаго состоянія души, привыкшей почитать *вѣру* [2]) дѣломъ необходимымъ лишь въ политическомъ отношеніи» (99).

«Послѣднее самоубійство» служитъ «примѣромъ, до чего могутъ довести простыя, опытныя знанія, не согрѣтыя вѣрою въ провидѣніе и въ совершенствованіе человѣка; какъ растлѣваются всѣ силы ума, когда инстинктъ сердца оставленъ въ забытьи и не орошается живительною росою откровенія; какъ мало даже одной любви къ человѣчеству, когда эта любовь не истекаетъ изъ горняго источника!» (100).

Разсказъ написанъ по «экспериментальному методу» и представляетъ доведеніе ad absurdum одной главы изъ *Мальтуса*, «откровенное, не прикрытое хитростями діалектики» развитіе его идеи о томъ, что наступитъ грозный для человѣчества часъ, когда потеряется «соразмѣрность между произведеніями природы и потребностями человѣчества» (100) [3]).

Ужасная картина «Послѣдняго самоубійства» явилась въ разстроенномъ воображеніи экономиста незадолго передъ его

---

1) „Молва“ (1834, № 1, отзывъ о „Денницѣ“ на 1834 г., стр. 13) выдѣляетъ изъ прозаическихъ статей этого альманаха „въ особенности: *Ледяную Статую*, отрывокъ изъ новаго романа *Лажечникова; Насмѣшку Мертваго*, подписанную ***; да *Опалъ*, волшебную сказку *И. К...*“ „Вторая, родъ поэтической фантасмагоріи“, говоритъ рецензентъ, „изобличаетъ въ неизвѣстномъ сочинителѣ кипѣніе мыслей и затѣйливость воображенія. Третьей главное достоинство состоитъ въ высокомъ урокѣ, попадающемъ прямо въ сердце, чрезъ хрустальную призму восточнаго иносказанія“. Ср. отзывъ объ „Опалѣ“ выше въ I ч., стр. 243, примѣчаніе.

2) Курсивъ нашъ.

3) А. Ѳ. Кони въ идейномъ отношеніи сближаетъ „Послѣднее самоубійство“ съ идеями Гольбаха и Шопенгауера (Очерки и воспоминанія. Спб., 1906, стр. 60).

смертью. «Къ счастію, онъ не остался въ этомъ неестественномъ состояніи души». Его послѣднее настроеніе выразилось въ отрывкѣ «*Цецилія*».

«Кто успокоитъ стонъ мой? Кто дастъ разумъ сердцу? Кто дастъ слово духу?» вопрошалъ страдалецъ. Полный покой онъ могъ обрѣсти лишь въ храмѣ св. Цециліи, покровительницы гармоніи. Ему еще не дано было проникнуть въ сіяніе этого храма, постигнуть несшіеся оттуда звуки. До него доходили лишь неясный отблескъ и смѣшанный отголосокъ. «Онъ вѣрилъ, что за голубымъ отблескомъ есть сіяніе, что за неяснымъ отголоскомъ есть гармонія, и будетъ время, мечталъ онъ—и до меня достигнетъ сіяніе Цециліи, и сердце мое изойдетъ на ея звуки,—отдохнетъ измученный умъ въ свѣтломъ небѣ очей ея и я познаю наслажденіе слезами вѣры выплакать свою душу... Между тѣмъ, жизнь его вытекала капля за каплею и въ каждой каплѣ были ядъ и горечь!».. (113—114).

Символическая исторія внутренней жизни экономиста нужна была молодымъ «изъискателямъ», какъ иллюстрація ложныхъ путей въ жизни. Въ частности они и сами въ «Desiderata» выразили негодованіе противъ Мальтуса (27—29). Ихъ возмущаетъ то, что «мысли Мальтуса, основанныя на грубомъ матеріализмѣ Адама Смита, на простой ариѳметической ошибкѣ въ разсчетѣ, — съ высоты парламентскихъ каѳедръ, какъ растопленный свинецъ, катятся въ общество, пожигаютъ его благороднѣйшія стихіи и застываютъ въ нижнихъ слояхъ его» (ссылка на рѣчь лорда Брума въ засѣданіи парламента 16 дек. 1819 г.). Утѣшительно во всемъ этомъ лишь одно — «Мальтусъ есть послѣдняя нелѣпость въ человѣчествѣ. По этому пути дальше идти невозможно» (29).

Теорія Мальтуса произвела на Одоевскаго глубокое впечатлѣніе, но онъ отвергалъ ее какъ по чувству гуманности, такъ и по убѣжденію, что люди сумѣютъ найти новые источники для поддержанія своей жизни, не прибѣгая къ жестокимъ мѣрамъ самоистребленія [1]).

[1]) О Мальтусѣ говорится еще на стр. 333 подъ именемъ „одного добраго чудака“.—Въ рукописной замѣткѣ, предназначавшейся для романа „4338-й годъ“, Одоевскій однако какъ бы принимаетъ во вниманіе предостереженія Мальтуса: съ цѣлью полученія средствъ для пропитанія русскіе люди XLIV вѣка будутъ совершать экскурсіи на луну (см. выше на стр. 188).

Въ ученіи Мальтуса есть однако идея, которая повторяется и у другихъ экономистовъ и соціологовъ Запада: интересы общества ставятся выше интересовъ живой личности, все приносится «въ жертву фантому общества». Исходя изъ этой идеи, европейскіе мыслители утверждали, что счастіе всѣхъ невозможно, а возможно лишь счастіе большинства. «И люди приняты за математическія цифры; составлены уравненія, выкладки, все предвидѣно, все расчислено; забыто одно,—забыта одна глубокая мысль, чудно уцѣлѣвшая только въ выраженіи нашихъ предковъ: счастіе *всѣхъ* и *каждаго*» (26—27).

Мы видѣли, что, даже говоря о наукѣ, Одоевскій проповѣдуетъ «индивидуализмъ». Тѣмъ болѣе въ сферѣ соціальныхъ отношеній. Человѣкъ—не средство, а цѣль. Личности принадлежитъ самодовлѣющее значеніе; она автономна и не можетъ быть приносима въ жертву «фантомамъ»[1]. Идеалъ Одоевскаго—примиреніе интересовъ индивидуума и общества, счастье всѣхъ и каждаго (какъ и у Герцена). Съ этимъ идеаломъ, какъ съ крестомъ спасенія, ополчается онъ противъ «нравственной бухгалтеріи» Запада. Мальтусъ, правда, смягчилъ выводы изъ своей теоріи въ слѣдующихъ изданіяхъ своей книги, но «нелѣпость осталась та же» (115).

Въ родствѣ съ мальтузіанствомъ находятся воззрѣнія другихъ «логическихъ философовъ», особенно *Бентама* съ его проповѣдью эгоизма и утилитаризма. Новый экспериментальный разсказъ, *«Городъ безъ имени»*, показываетъ, какая участь ожидаетъ послѣдовательныхъ бентамитовъ [2]).

По мнѣнію Фауста, «наибольшую роль играетъ во всей вселенной именно то, что менѣе осязаемо или что менѣе полезно» (145). Политическая экономія, разсуждаетъ онъ,—«существуетъ, она первая изъ наукъ, въ ней, можетъ быть, всѣ науки нѣкогда должны найдти свою осязаемую опору, но только скажу тебѣ словами Гоголя, она существуетъ — съ *другой стороны*» (150). Т.-е., хочетъ сказать Фаустъ, политическая

---

[1]) „Жить сообразно *своей* природѣ есть цѣль всѣхъ тварей, отъ человѣка до кристалла“, говорилъ Одоевскій еще въ „Цециліи“ (выше, на стр. 16).

[2]) Относительно идеи „Города безъ имени“ ср. въ I части, на стр. 582.— Въ первомъ своемъ отзывѣ Бѣлинскій (подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, 212) нашелъ „фантазію“ Одоевскаго „прекрасной, полной мысли и жизни“; въ отзывѣ 1844 г. (ib., IX, 15) основная ея мысль признается „нѣсколько-односторонней“.

экономія должна быть основана не на утилитаризмѣ и эгоизмѣ, а на любви, на принципѣ «счастье *всѣхъ* и *каждаго*», въ который онъ твердо увѣровалъ еще въ молодые годы (ч. I, 297).

Какъ для художника гибельнымъ является грубое подражаніе природѣ, такъ и соціальный мыслитель впадетъ въ грубую ошибку, если въ основу своей доктрины положитъ законы природы. «Какъ скоро человѣкъ», говоритъ Фаустъ въ Эпилогѣ (299), «хочетъ подражать природѣ,—онъ всегда ниже ея; но онъ всегда выше, когда творитъ своей внутреннею силою». Во внѣшней природѣ собственно нѣтъ зла, такъ какъ въ ней господствуютъ «постоянные законы». «Внѣшнюю природу не умолишь, ея не тронешь раскаяніемъ, въ ней нѣтъ прощенія» (206). Энциклопедисты XVIII в. и ихъ послѣдователи въ XIX в. вздумали тѣ же «законы» перенести въ область человѣческихъ взаимоотношеній. Съ XVII в. ходитъ по свѣту басня «Стрекоза и Муравей», и она получила огромный успѣхъ именно въ XVIII в., такъ какъ соотвѣтствовала характеру господствовавшихъ тогда теорій [1]). Тѣмъ же духомъ проникнуты теоріи Бентама и Мальтуса. Это «преклоненіе предъ законами вещественной природы» порождаетъ безсмысленныхъ и сухихъ педантовъ, «деревяшекъ», людей, которые никого не любятъ, ничему не сострадаютъ, ни въ чемъ не раскаиваются, но слѣпо слѣдуютъ такъ называемому закону природы (207—208; ср. выше на стр. 734).

Къ типу подобныхъ «деревяшекъ» Фаустъ относитъ и Франклина, несмотря на его высокій филантропизмъ. Франклинъ—хитрый дипломатъ, лицемѣръ, умѣющій скрывать свой эгоизмъ «подъ нравственными апоѳегмами» (208). Отъ Франклина, по прямой линіи, происходитъ «филантропъ-мануфактуристъ», этотъ Тартюфъ нашего вѣка, который, правда, «заботится о довольствѣ и нравственности, даже о религіи своихъ работниковъ, но единственно столько, сколько нужно для безостановочной работы на фабрикѣ» (208—209).

Фаустъ одновременно нападаетъ и на теоріи политико-экономовъ [2]), и на формы экономической жизни на Западѣ: между ними онъ видитъ непосредственную связь.

---

[1]) Ср. въ „Косморамѣ“ (стр. 84).

[2]) См. еще критику Адама Смита, со ссылкой на *Мельхіора Жіойа*, о которомъ едва упоминаютъ англійскіе и французскіе экономисты, но котораго Фаустъ считаетъ глубокомысленнымъ ученымъ (147 и слл.; ср. въ I ч., стр. 439).

Изъ устъ Фауста русскій читатель, можетъ быть, впервые услышалъ горячее осужденіе экономическаго рабства, обличеніе всей лжи соціально-экономическихъ отношеній въ странахъ съ развитой промышленностью, гдѣ царитъ «банкирскій феодализмъ». Въ этой формѣ нашъ мыслитель-идеалистъ смѣло выдвинулъ *соціальный вопросъ*, не подозрѣвая однако, что это—именно вопросъ соціальный. Проповѣдуя любовь и свой давнишній принципъ «счастье всѣхъ и каждаго», онъ попрежнему вовсе не выступалъ съ требованіемъ соціальнаго равенства или какихъ-нибудь соціальныхъ реформъ. Къ этому принципу Одоевскій вернется еще позднѣе, когда соціальный вопросъ будетъ настойчиво тревожить его совѣсть; тогда мы яснѣе увидимъ, какой конкретный смыслъ влагалъ Одоевскій въ формулу «счастье всѣхъ и каждаго», противополагая ее идеямъ соціализма. Теперь, въ «Р. Ночахъ», Фаустъ-Одоевскій горячо и искренно доказываетъ святость любви, какъ четвертой стихіи общества [1]).

Итакъ, западные соціологи не сумѣли разрѣшить роковой антиноміи частнаго и общаго и впали въ двѣ крайности: или проповѣдовали эгоизмъ (Бентамъ) или провозглашали приматъ общества, этого фантома, превращеннаго въ Молоха. Въ томъ и другомъ случаѣ они впадали въ грѣхъ экономизма, въ отрицаніе «поэзіи». Эта односторонность повела къ гибельному искаженію однѣхъ стихій (науки, искусства) и къ утратѣ другихъ (любви, вѣры).

Неполнота развитія той или другой стихіи неминуемо влечетъ за собой страданіе какъ для индивидуума, такъ и для цѣлаго общества. «Человѣкъ и человѣческое общество есть *живой организмъ*», разсуждаетъ Фаустъ (376) [2]). «Для организма необходимо полное развитіе его элементовъ, иначе полнота жизни» (377).

Въ частности Фаустъ отвергаетъ принципъ Ад. Смита „laissez faire, laissez passer", выражающійся въ томъ, что „никто не долженъ вмѣшиваться въ купеческія дѣла, а что должно ихъ предоставить такъ-называемому *естественному ходу* и благородному соревнованію" (149). Ср. и на стр. 331—332. Одоевскій возстаетъ противъ „свободы торговли" и въ позднѣйшихъ своихъ публицистическихъ статьяхъ.

[1]) Попутно Фаустъ коснулся вопроса объ „исправительной системѣ тюремъ", объ „исправительныхъ системахъ *уединенія, молчанія*". Въ нихъ забыто одно—„сила любви, двигающей горами", и въ результатѣ такія системы нерѣдко доводятъ людей до сумасшествія (209—210). Этотъ вопросъ, судя по замѣткамъ, сильно интересовалъ Одоевскаго.

[2]) Ср. въ I ч., стр. 558 и сл. Психол. замѣтки, 324—325 = Р. Н., 379. На 325 стр.—Quetelet.

Пиранези, Экономистъ, Городъ безъ имени, Бетховенъ, Импровизаторъ, Себ. Бахъ и Сегеліель—всѣ предстали предъ лицо «судилища». И оказывается, что жизнь каждаго изъ нихъ въ разныхъ отношеніяхъ была неполна: въ Пиранези гипертрофировано сознаніе своей силы и сосредоточеніе въ самомъ себѣ, вслѣдствіе чего онъ забылъ о людяхъ и не подѣлился съ ними своею жизнію; Экономистъ весь погружался «въ мрачный кладезь науки» и забывалъ о себѣ, о своей душѣ; бентамиты, жители «Города безъ имени», забыли включить въ свое уравненіе одну важную букву—чувство; Бетховенъ «изнемогъ недоговореннымъ чувствомъ» и опять забылъ о себѣ; Импровизаторъ страстно любилъ свою жизнь, но лицемѣрно служилъ наукѣ, искусству и любви; С. Бахъ такъ служилъ искусству, что забылъ о себѣ, не зналъ простыхъ радостей жизни.

Для счастія организма необходимы гармонія стихій и полнота ихъ развитія. «Какъ бы то ни было», говоритъ Фаустъ (382), «когда не существуетъ равновѣсія и гармоніи между элементами,—организмъ страждетъ; и таковъ педантизмъ въ этомъ законѣ, что ничто не спасаетъ отъ сего страданія: ни развитіе воли, ни даръ творчества, ни сверхъестественное знаніе,—будь онъ страною, обладающею всѣми средствами силы, называйся онъ Бетховеномъ, Бахомъ, — организмъ страждетъ, ибо не *выполнилъ полноты* жизни» [1]).

Дальше этого рѣшенія человѣкъ пока пойти не можетъ. Задача человѣческаго существованія, смыслъ жизни — все это пока не имѣетъ «полнаго выраженія» (294). Философія, какъ наука наукъ, по природѣ своей такова, что «ея основное положеніе не можетъ быть вполнѣ выражено словомъ» (285). А вопросъ о смыслѣ человѣческой жизни принадлежитъ къ основнымъ проблемамъ философіи. Каждый постигаетъ ее субъективно для себя. Можетъ быть, говоритъ Фаустъ (13), на вопросъ, зачѣмъ мы живемъ, и «можно отвѣчать однимъ словомъ, но этого слова вы не поймете, если оно само не выговорится въ душѣ вашей». Человѣкъ долженъ рѣшить «настоящую квадратуру круга, разумѣется, не въ геометрическомъ смыслѣ», чтобы найти идеальные пути жизни (205). Одоевскій стоитъ до нѣкоторой степени на почвѣ т. н. *имманентнаго субъективизма* [2]).

---

[1]) Ср. сюжетъ „Чортовой пѣсни“ (стр. 98—99, прим.).

[2]) Идею имманентнаго субъективизма въ послѣднее время развиваетъ у насъ Р. В. Ивановъ-Разумникъ („О смыслѣ жизни“. 2-е изд. Спб. 1910).

Въ концѣ-концовъ, всѣ земные аккорды должны разрѣшиться въ одно торжественное, гармоническое созвучіе. Но человѣку пока доступно лишь слабое предощущеніе абсолютной истины жизни, и то въ счастливыя мгновенія высшаго вдохновенія. Какъ у каждаго индивидуума должна быть *своя* наука, такъ и *свой* отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни.

Самъ Фаустъ далекъ отъ притязаній «на полную, стройную систему философіи». «Мнѣ кажется, мы похожи на странниковъ, зашедшихъ ночью въ незнакомую землю, о которой они имѣютъ свѣдѣнія и неподробныя и неполныя; въ сей землѣ они должны жить и потому изучить ее; но въ эту минуту исканія, всякій систематизмъ былъ бы для нихъ дѣломъ свыше ихъ силъ, и, слѣдовательно, источникомъ заблужденія; все, что они знаютъ объ этой странѣ—это: что они ея не знаютъ. Въ эту минуту, ихъ можетъ скорѣе спасти догадка самопроизвольная, безсознательная, инстинктивная, — до нѣкоторой степени поэтическая, въ эту минуту всего важнѣе—искренность воли; въ-послѣдствіи, они, можетъ быть, примѣтятъ свои заблужденія, оцѣнятъ свои догадки и, можетъ быть, найдутъ, что въ одной изъ нихъ — и скрывается искомая истина» (276). «Прочесть *мою* книгу — невозможно!» говоритъ Фаустъ (369): «въ ней сорокъ томовъ, напечатанныхъ мелкимъ, мучительнымъ шрифтомъ!—читать ее—терзаніе невыносимое, невыразимое: листы въ ней перемѣшаны, вырваны мукой отчаянія,—и, что всего досаднѣе, книга далеко не кончена,—многое еще въ ней осталось неполнымъ, загадочнымъ...» «Русскій скептицизмъ» заставляетъ Фауста съ благороднымъ мужествомъ оставаться пока на распутьѣ.

Въ эпилогѣ «Р. Ночей» Одоевскій свою теорію стихій прослѣживаетъ въ жизни *народныхъ организмовъ* примѣнительно къ Россіи и Западу.

Трудно опредѣлить то, что обычно разумѣютъ подъ «духомъ времени». Фаустъ склоняется къ тому мнѣнію, что духъ времени есть «соединеніе противорѣчій» (366). Онъ сомнѣвается, чтобы «духъ времени», дѣйствительно, былъ «необходимой формой дѣятельности человѣческой». Нужно поискать другого, «болѣе сильнаго дѣятеля». Таковымъ можетъ являться «народный характеръ», свойство народнаго организма (367). (Ср. въ «Псих. зам.», стр. 89).

«Организмъ, смыкаясь въ своихъ элементахъ—знаетъ ихъ однихъ и потому никакъ не можетъ понять возможности другаго элементнаго соединенія» (382). Этотъ общій законъ сказывается въ жизни народныхъ организмовъ, въ ихъ стремленіи сохранить свою самобытность, въ національной замкнутости. Нерѣдко одинъ народъ не можетъ понять жизни другого. Но русскіе подали Европѣ историческій примѣръ правильнаго рѣшенія вопроса о взаимоотношеніи народныхъ организмовъ. Допетровская Русь представляла сильный молодой организмъ, но «этой огромной системѣ силъ не доставало маятника». Поэтому чувство *силы* выражалось въ совершенно азіатской безпечности; «многосторонность духа, выражавшаяся дивною воспріимчивостью и сродная чувству истины, не находила себѣ пищи и вяла въ бездѣйствіи» (383). Зато рядомъ съ этимъ въ русскомъ народномъ организмѣ были иныя стихіи, почти потерявшіяся между другими народами: «чувство любви и единства, укрѣпленное вѣковою борьбою съ враждебными силами», «чувство благоговѣнія и вѣры, освятившее вѣковыя страданія». Иначе говоря, изъ основныхъ стихій древней Руси не хватало духовнаго творчества (науки, искусства) и внѣшней жизнедѣятельности. Петръ Вел. понялъ сильныя и слабыя стороны русскаго народнаго организма; онъ понялъ, что слѣдовало «обуздать чрезмѣрное, возбудить заснувшее». «И великій мудрецъ привилъ къ своему народу тѣ второстепенныя западныя стихіи, которыхъ ему не доставало: онъ умирилъ чувство разгульнаго мужества—строеніемъ; народный эгоизмъ, замкнутый въ сферѣ своихъ повѣрій—расширилъ зрѣлищемъ западной жизни; воспріимчивости—далъ питательную науку» (384).

Прививка была сильна, но могучій организмъ переработалъ ее, «вздохнулъ вольно дыханіемъ жизни, поднялъ надъ Западомъ свою мощную главу, опустилъ на него свои свѣтлыя, непорочныя очи, и задумался глубокою думою».

Россія стала выше Запада: она сохранила все лучшее, что́ было въ ея народномъ организмѣ, и слила это съ лучшими стихіями Запада. Теперь Россія представляетъ для Запада зрѣлище новое и еще неразгаданное: ея историческая жизнь родилась не въ междоусобной борьбѣ между властію и народомъ, а естественно развилась *чувствомъ любви и единства*; ея *законы*—продуктъ медленнаго, самобытно органическаго развитія

страны; она вѣритъ въ *счастье всѣхъ и каждаго*; даже «меньшіе братья» сохранили «чувство *общественнаго единенія»*, котораго тщетно ищутъ западные люди, «взрывая прахъ вѣковъ и вопрошая символы будущаго» (387); она въ первобытной чистотѣ соблюла *религіозныя* вѣрованія; она уже имѣетъ свою богатую литературу (Пушкинъ, Хомяковъ, Лажечниковъ), свое искусство (Глинка), она сохранила свою «всеобъемлющую многосторонность духа»; она родила геніальнаго ученаго и мыслителя Ломоносова. Западъ еще не понимаетъ Россіи, чуждается и опасается ея. Но для него уже наступаетъ моментъ кризиса. Чу́дна была его работа въ прошломъ. Но теперь онъ дошелъ до предѣла возможнаго развитія своихъ стихій. «Западъ произвелъ все, что могли произвести его стихіи,—но не болѣе» (385).

На страницахъ «Р. Ночей» Фаустъ не разъ произносилъ свой судъ надъ Зап. Европой и отъ себя и отъ имени своихъ «молодыхъ друзей». Въ «Эпилогѣ» онъ снова привелъ ихъ глубоко пессимистическую характеристику Запада. Погибаютъ, говорили они, «три главные дѣятели общественной жизни»: наука, искусство и религія: «Западъ гибнетъ!» Время «скоро обгонитъ старую, одряхлѣвшую Европу—и, можетъ быть, покроетъ ее тѣми же слоями недвижнаго пепла, которыми покрыты огромныя зданія народовъ древней Америки—народовъ безъ имени» (310). Не хочется вѣрить такой участи Европы. Давно уже, «вдалекѣ отъ бурь міра»,—Провидѣніе хранитъ народъ, «долженствующій показать снова путь, съ котораго своратилось человѣчество, и занять первое мѣсто между народами». Этотъ народъ—Россія. Европа разъ уже «назвала Русскаго *избавителемъ»*; теперь Россіи предстоитъ спасти не одно тѣло, но и душу Европы. «Другая высшая побѣда—побѣда науки, искусствъ и вѣры, ожидаетъ насъ на развалинахъ дряхлой Европы» (313). «Велико наше званіе и труденъ подвигъ». Его совершитъ, можетъ быть, только новое поколѣніе, которое сумѣетъ углубиться внутрь себя, уединиться въ свою самобытность и развить самостоятельную дѣятельность на основѣ «святаго триединства вѣры, науки и искусства». «Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи!» (314). Въ эту идеологію Фаустъ внесъ существеныя поправки и ограниченія. «Мнѣніе моихъ друзей о Западѣ», говоритъ онъ Виктору (316), «преувеличено; я, собственно, не вижу въ немъ признака близкаго

паденія, но потому только, что не вижу и того высшаго развитія силъ, о которомъ ты говоришь; — подождемъ аеростата, и тогда увидимъ». Фаустъ невысокаго мнѣнія о состояніи европейской науки (332 и слл.). Но величайшее зло современной европейской жизни, по его мнѣнію, «*ложь*, какой еще не бывало въ прежней исторіи міра» (316). Западъ—царство лжи, потому что онъ сохранилъ однѣ формы безъ содержанія, одни хорошія слова, содержаніе которыхъ уже вывѣтрилось. Люди убиваютъ ближняго на дуэляхъ, но, вызывая на поединокъ, увѣряютъ другъ друга «въ своемъ искреннемъ *почтеніи* и *преданности*». Въ представительныхъ учрежденіяхъ толкуютъ о желаніи народа, а въ дѣйствительности имѣютъ въ виду благо нѣсколькихъ спекуляторовъ; «говорятъ: общее благо— всѣ знаютъ, что дѣло идетъ о выгодѣ нѣсколькихъ купцовъ или, если угодно, акціонерскихъ и другихъ компаніи» (319); выбираютъ того, за кого больше заплачено; ораторы на народныхъ собраніяхъ завариваютъ «кровавую кашу», чтобы поживиться самимъ. Миссіонеры идутъ въ далекія страны якобы для просвѣщенія полудикихъ, а дѣло въ сущности въ томъ, «чтобы сбыть бумажные чулки нѣсколькими дюжинами больше» (320). Ложь, ложь—всюду. Ложь раздается съ парламентскихъ кафедръ, ложь проповѣдуютъ присяжный философъ и продажный журналистъ; ложь отравляетъ воздухъ гостиныхъ; ложью скрѣпляется брачный обрядъ и семейный союзъ и пр. и пр. [1].— Кетле (Quetelet, Sur l'Homme, ou Essai de Physique sociale. Bruxelles. 1836, t. I), неоспоримыми статистическими данными доказалъ, что въ промышленныхъ странахъ число преступниковъ и нищихъ больше, чѣмъ въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ (325). Уже сами западные писатели сознали ложь своей жизни; современная литература полна «криковъ отчаянія», «неодолимой тоски (malaise)» и безвѣрья.

Страстное обличеніе явной и скрытой лжи въ европейской культурѣ составляетъ одну изъ самыхъ сильныхъ страницъ «Р. Ночей»: въ своихъ филиппикахъ противъ лживой цивилизаціи Одоевскій возвышается до пафоса Руссо, Герцена, Л. Тол-

---

[1]) О приличіи и лжи—см. въ „Р. Н.“ на стр. 321—3. Карая европейскую ложь, Одоевскій не замѣчаетъ, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ своей *философіей приличій* (см. въ I ч. на стр. 551—552 и во II ч. на стр. 27—28).

стого или Достоевскаго [1]). Искренняя, правдивая натура Одоевкаго всего болѣе не выносила именно лжи. Онъ говорилъ о себѣ [2]): «Ложь въ искусствѣ, ложь въ наукѣ, ложь въ жизни были всегда и моими врагами, и моими мучителями. Всюду я преслѣдовалъ ихъ, и всюду онѣ меня преслѣдовали.»

Равновѣсіе стихій въ организмѣ З. Европы нарушено; «потерялось чувство любви, чувство единства, даже чувство силы, ибо исчезла надежда на будущее» (385); въ своемъ «матеріальномъ опьяненіи», Западъ переживаетъ «внутреннюю болѣзнь», которая внѣшнимъ образомъ выражается «въ смутахъ толпы и въ темномъ, безпредметномъ недовольствѣ высшихъ его дѣятелей».

Теперь Западу нуженъ свой Петръ В., «который бы привилъ ему свѣжіе, могучіе соки Славянскаго Востока», и тогда Западъ сумѣетъ достигнуть «полнаго гармоническаго развитія основныхъ, общечеловѣческихъ стихій» (385). Уже есть симптомы, свидѣтельствующіе о наступленіи такого момента. Западъ чуетъ приближеніе славянскаго духа, еще пугается его, но все же тянется къ нему «невольно и безсознательно, какъ растеніе къ солнцу» (386). Уже нѣкоторые лучшіе умы Запада (Баадеръ, Кёнигъ, Балланшъ, Шеллингъ), «углубляясь въ сокровищницу души человѣческой, нежданно для самихъ себя выносятъ изъ оной тѣ вѣрованія, которыя издавна сіяютъ на славянскихъ скрижаляхъ, имъ невидимыхъ» (387) [3]).

Фаустъ обращается къ западнымъ «братьямъ по человѣчеству» съ теплымъ призывомъ довѣрчивѣе отнестись къ славянскому востоку и вникнуть въ его богатыя стихіи. «Тогда», заканчиваетъ Фаустъ, «вы повѣрите своей темной надеждѣ о *полнотѣ жизни*, повѣрите приближенію той эпохи, когда будетъ *одна наука* и *одинъ учитель*, и съ восторгомъ произнесете слова́, незамѣченныя вами въ одной старой книгѣ: «человѣкъ есть стройная молитва земли!» [4]).

Идея мессіанизма, высказанная русской интеллигенціей уже въ 20-хъ годахъ (главнымъ образомъ любомудрами), сильно занимала Одоевскаго въ теченіе всѣхъ тридцатыхъ годовъ.

---

[1]) Ср. оцѣнку этого мотива у Н. А. Котляревскаго—„Старинные портреты“ (1907), стр. 145 и слл.

[2]) Р. Архивъ, 1874, кн. I, стр. 360.

[3]) См. въ I ч., стр. 594—595.

[4]) Ср. у С. Мартена въ „L'homme de désir“ (Claassen, S. 366—7).

Онъ много и настойчиво думалъ объ этомъ вопросѣ [1]). Впослѣдствіи Одоевскій приметъ живое участіе въ полемикѣ съ славянофилами. Теперь Фаустъ старается спокойно и объективно разобраться въ трудномъ вопросѣ. Мнѣніе молодыхъ друзей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кажется ему преувеличеннымъ. Интересный матеріалъ для исторіи взглядовъ Одоевскаго на всемірную миссію Россіи даютъ двѣ рукописныя замѣтки, мѣстами представляющія текстуальное сходство съ эпилогомъ «Р. Ночей».

Одна датирована 1833-мъ годомъ. Въ ней читаемъ [2]): «Въ Россіи просвѣщеніе началось съ Дворянства и еще важнѣе съ Монарха. Не народъ какъ въ другихъ земляхъ образовалъ Правительство, но напротивъ Правительство выдвинуло народъ на стезю просвѣщенія,—вотъ еще явленіе совершенно противоположное тому что было во всей Европѣ, какъ и все что ни случалось въ Россіи. Какой тайной голосъ говоритъ Европѣ, что Россія виситъ надъ нею какъ туча? не пророчество-ли ето? Любопытно было бы вывести что бы случилось тогда если-бы Россія въ самомъ дѣлѣ завоевала Европу; какое-бы вліяніе имѣли тогда побѣдители на побѣжденныхъ и побѣжденные на побѣдителей? Вопросъ загадочный!—какое бы явленіе произошло отъ соединенія юныхъ свѣжихъ силъ Русскихъ съ замершею въ машинахъ и егоизмѣ Европою? Какое бы явленіе произошло отъ соединенія Русскаго религіознаго чувства, монархизма, надѣющейся на себя дѣятельности — словомъ того, чего не достаетъ Европѣ, съ отчаяніемъ, матеріализмомъ, анархизмомъ и опытностію Европы? Что сдѣлаетъ Россія, непричастная ни одному преступленію Европы [3]), съ етимъ старымъ развалившимся міромъ? Наконецъ кто будетъ побѣдителемъ въ етой неминуемой борьбѣ?—Россія матушка! Тебя ожидаетъ или великая судьба или великое паденіе! Съ твоей побѣдой соединена побѣда всѣхъ возвышенныхъ чувствъ человѣка, съ твоимъ паденіемъ—паденіе всей Европы, такое паденіе которое вѣроятно постигло тѣ безъименные народы которыхъ остатки гаснутъ въ степяхъ Новаго Свѣта.—Не ета-ли мысль вертѣ-

[1]) См. въ III гл. стр. 592—602.

[2]) Переплетъ 43, л. 66 и об., автографъ.

[3]) Ср. въ „Р. Н“, 312 (слова друзей).

лась въ головѣ Императора Александра, когда онъ говорилъ въ 1812 году про Наполеона: Я или онъ, онъ, или я?».

Второй отрывокъ [1]) рѣшаетъ дилемму опредѣленно въ пользу Россіи и въ одномъ мѣстѣ представляетъ текстуальное совпаденіе съ словами друзей Фауста.

«Часто обвиняютъ Русскихъ читателей въ равнодушіи вообще, и ко всему отечественному въ особенности, иностранцевъ въ незнаніи Россіи; мы не будемъ изслѣдовать до какой степени справедливы ети обвиненія и согласимся скорѣе что причина етаго равнодушія находится въ самихъ книгахъ и Журналахъ у насъ издаваемыхъ. Непостижимая воля Провидѣнія измѣняетъ [2]) безпрестанно характеръ текущей Исторіи; великія дѣла совершаются въ нашей отчизнѣ; успѣхи наукъ открываютъ безпрестанно новыя, прежде не виданныя дороги для человѣческаго познанія, юныя свѣжія силы развиваются въ нашей Литературѣ—объ однихъ едва знаетъ Россія, о другихъ не знаетъ Европа. Съ удивленіемъ и досадою замѣчаетъ Наблюдатель, что посреди историческихъ уравненій къ коимъ направлены лучшіе умы Европы, Россія остается забытою, какъ бы несуществующею [3]). Между тѣмъ наша родина поставлена Всевышнимъ на рубежѣ двухъ міровъ: протекшаго и будущаго; Имъ сохраняемая отъ бурь колеблющихъ въ Европѣ развалины старыхъ вѣковъ, она какъ сказалъ одинъ Писатель—непричастна преступленіямъ Европы; она свидѣтель страшной таинственной Драмы совершающейся предъ ея глазами и можетъ быть хранитъ въ глубинѣ своей ея разгадку! [4]).—Прошла пора ожидать иноземнаго вдохновенія,—наступило время отдавать отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ насъ, въ томъ, что мы сами дѣлаемъ, наступило время вносить Русскія мысли въ исторію міра, точно также какъ мечемъ вписала она свое имя въ лѣтопись Европейскихъ побѣдъ и завоеваній».

Содержаніемъ этой замѣтки воспользовались въ эпилогѣ «Р. Ночей» частью друзья Фауста, частью онъ самъ.

Фаустъ знаетъ, что Россія еще не завершила полнаго круга своего развитія, что она еще не вполнѣ вышла «изъ со-

---

[1]) Переплетъ 9, л. 412—413, автографъ.

[2]) Первоначально было: „Великія происшествія измѣняютъ..."

[3]) Здѣсь сдѣланъ выносной знакъ, но примѣчанія не оказалось.

[4]) Весь этотъ абзацъ (отъ словъ „Между тѣмъ") почти буквально читаемъ на стр. 312 эпилога „Р. Н.".

стоянія броженія, которое осталось отъ прививки». Ей еще не худо заняться кое-какими внутренними дѣлами и въ частности передать меньшимъ братьямъ науку, «чтобъ они не зѣвали по сторонамъ»; ей еще не худо позаимствовать кое-что и изъ чужого; «вообще своего не чуждаться, чужаго не бояться» и смотрѣть на вещи сквозь чистыя очки, не затуманенныя какой-нибудь плѣсенью. Но не далека минута, «когда гармонически улягутся всѣ стихіи», и когда мы съ достоинствомъ можемъ принять «дорогихъ гостей,—нашихъ старыхъ учителей». Молодые друзья Фауста, провозгласивъ, что Западъ гибнетъ, и что Россія спасетъ міръ «святымъ тріединствомъ вѣры, науки и искусства», восклицали: «Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи!» (314). Эти слова вспомнилъ Ростиславъ въ заключеніе всей бесѣды; ими заканчиваются «Р. Ночи»; въ нихъ выражены глубокія упованія поколѣнія тридцатыхъ годовъ и самого Одоевскаго; здѣсь, наконецъ, формулирована идея, которая существеннымъ ингредіентомъ войдетъ въ идеологію интеллигенціи сороковыхъ годовъ, особенно славянофиловъ. Но Одоевскій въ «Русскихъ Ночахъ» рѣшительно отдѣляетъ себя отъ людей, «ударившихся въ ультра-славянизмъ» (388, прим.). Его вѣра въ общечеловѣческое значеніе русскихъ стихій соединяется съ культурнымъ европеизмомъ. Смыслъ своей эпохи онъ видитъ въ «сліяніи народности съ общей образованностію» (III, 364) [1]).

Какъ психологическая теорія Одоевскаго, такъ и соціологическая и историческая его концепція носятъ типично идеалистическій характеръ: жизнью управляютъ, въ качествѣ основныхъ стихій человѣческаго организма, истина, поэзія, любовь и вѣра.

Людямъ предстоитъ создать *новую науку, новое искусство, новую жизнь*, основанную на гармоніи и полнотѣ главныхъ общечеловѣческихъ стихій. Какъ въ «Сильфидѣ», такъ и въ «Р. Ночахъ» отрицается мысль, будто удѣлъ человѣка—*страданіе*. «Не-уже-ли удѣлъ совершенства—страданіе?» спрашивали еще пріятели Фауста (31): «Такъ, по вашему, страдаетъ и мудрость міровъ?.. Преступная мысль, внушенная адомъ, трепещущимъ своего паденія! Одно мнимо-поэтическое языче-

[1]) См. также мысли Одоевскаго въ I ч., стр. 592 и сл. + 612 и сл. и во II ч., стр. 45—46 + 119—120 + 174—177. Ср. вылазки противъ китайскаго національзма въ утопіи (стр. 185).

ство могло къ скалѣ приковать Промиѳея». Съ свѣтлой надеждой смотритъ Фаустъ на жизнь: его укрѣпляетъ вѣра въ Провидѣніе и въ человѣка, этого законнаго царя природы, призваннаго побѣдить и возвысить ее самое; его вдохновляетъ философско-мистическій идеализмъ.

«Р. Ночами» Одоевскій подвелъ итогъ своей литературной дѣятельности и своимъ идейнымъ исканіямъ за весь періодъ тридцатыхъ годовъ. Болѣе того. Можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, который въ 1862 г. писалъ: «Въ «Русскихъ Ночахъ» читатель найдетъ довольно вѣрную картину той умственной дѣятельности, которой предавалась Московская молодежь 20-хъ и 30-хъ годовъ, о чемъ почти не сохранилось другихъ свѣденій. Между тѣмъ эта эпоха имѣла свое значеніе; кипѣли тысячи вопросовъ, сомнѣній, догадокъ,—которыя снова, но съ большею опредѣленностію возбудились въ настоящее время; вопросы чисто философскіе, экономическіе, житейскіе, народные, нынѣ насъ занимающіе, занимали людей и тогда, и много, много выговореннаго нынѣ и прямо и вкривь, и вкось, даже недавній славянофилизмъ—все это уже шевелилось въ ту эпоху, какъ развивающійся зародышъ» [1]). Одоевскій говорилъ не только за себя, но и за свое поколѣніе.

Колоссальную задачу поставилъ онъ себѣ въ «Р. Ночахъ»: изобразить драматическую коллизію двухъ міропониманій и конфликтъ двухъ міровъ (восточнаго и западнаго). Въ тридцатыхъ годахъ многіе говорили объ этомъ, но не многіе такъ глубоко сознавали сущность этой проблемы, немногіе такъ интенсивно переживали ея остроту, какъ Одоевскій. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ рядомъ съ И. В. Кирѣевскимъ и Чаадаевымъ. Изъ современниковъ только одинъ Одоевскій былъ въ состояніи дать названной проблемѣ не только философскую и публицистическую, но и художественную обработку. Онъ создалъ оригинальную поэму философскихъ исканій. «Русскія Ночи»—произведеніе sui generis, единственное во всей русской литературѣ, какъ едины «Горе отъ ума» и «Евгеній Онѣгинъ» [2]).

---

[1]) Примѣчанія къ „Русскимъ Ночамъ"—въ переплетѣ 79.

[2]) Изъ всего, что мы говорили въ главѣ III о философско-мистическомъ идеализмѣ Одоевскаго и что сказано нами теперь относительно „Русскихъ Ночей", явствуетъ, что мы не можемъ согласиться съ выводами проф. И. И. Замотина, который полагаетъ, что въ философскомъ міровоззрѣніи Одоевскаго

Но, какъ ни велико значеніе «Р. Ночей», Одоевскій не сказалъ ими своего послѣдняго слова. Люди представляются Фаусту «странниками, зашедшими ночью въ незнакомую землю». Нужно изучить эту землю, а изслѣдованіе требуетъ движенія. Самъ Фаустъ еще находится въ пути. Его «русскій скептицизмъ» исключаетъ полное подчиненіе одной какой-нибудь догмѣ; напротивъ, свидѣтельствуетъ объ его неизмѣнной готовности работать дальше надъ созданіемъ новой жизни. Одоевскій, дѣйствительно, продолжаетъ эволюціонировать въ сторону научнаго реализма.

шеллингіанство доминируетъ (403), и главной его идеей считаетъ „романтическій универсализмъ" (404 и сл.). Въ дѣйствительности, мы находимъ у Одоевскаго всѣ три мотива, которые, по мнѣнію И. И. Замотина, составляютъ сущность романтическаго идеализма, т.-е. индивидуализмъ, націонализмъ и универсализмъ. Послѣдній мотивъ у него какъ разъ наименѣе разработанъ. Авторъ „Романтическаго идеализма" (Спб. 1907) вообще не различаетъ въ идейномъ развитіи Одоевскаго никакихъ періодовъ, и въ главѣ о „Р. Ночахъ" безразлично пользуется матеріалами и позднѣйшихъ годовъ. Исключительно въ свѣтѣ шеллингіанства разсматривалъ „Р. Ночи" и Н. А. Котляревскій въ своей яркой статьѣ, вошедшей въ его сборникъ „Старинные портреты" (Спб. 1907. Стр. 139—144, 148). Такъ понимали дѣло и другія лица, писавшія о „Р. Ночахъ".—Н. А. Котляревскій называетъ „Р. Ночи" — „философскимъ трактатомъ въ лицахъ съ большой примѣсью публицистическаго элемента"; находитъ, что „слишкомъ узокъ былъ сюжетъ и слишкомъ широка философская мысль, которую писатель хотѣлъ заключить въ эту тѣсную рамку". „И все-таки", говоритъ онъ, „это была удивительная книга. Вмѣстѣ съ философскимъ письмомъ Чаадаева и со статьями И. Кирѣевскаго „Русскія ночи" были первымъ плодомъ созрѣвшей философской мысли въ Россіи... „Русскія ночи"—дѣйствительно молитвенная книга... „Русскія ночи" должны были быть философскимъ трактатомъ, поэмой, молитвой, прорицаніемъ..." (139—140). „Прославленный идеализмъ сороковыхъ годовъ не создалъ ничего болѣе красиваго, болѣе продуманнаго и художественно-цѣльнаго, чѣмъ эти „Ночи", которыя поглотили всю мудрость ихъ вѣка. Онѣ насквозь пропитаны романтикой и метафизикой, и никогда эта русская романтика и метафизика не были такъ красивы и краснорѣчивы, какъ наканунѣ своей смерти въ этой книгѣ" (151—152).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Характеристика кн. В. Ѳ. Одоевскаго, какъ писателя.

I. Главныя линіи въ развитіи русской литературы тридцатыхъ годовъ.—II. Свойства таланта и характеръ литературнаго творчества Одоевскаго.—III. Его участіе въ процессѣ созданія русскаго художественнаго реализма; отношеніе къ великимъ писателямъ эпохи.—IV. Нѣмецкая стихія въ творчествѣ Одоевскаго.—V. Его отношеніе къ французскому роману.—VI. Одоевскій и нравоописательная беллетристика.—VII. Одоевскій, какъ журналистъ.—VIII. Общее значеніе литературной дѣятельности Одоевскаго.

I.

«Русскими Ночами» заканчивается второй періодъ литературной дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Вслѣдъ за этимъ наступаетъ новый періодъ въ его идейномъ развитіи; измѣняется и его положеніе въ ходѣ русской литературы. Такимъ образомъ вполнѣ своевременно сейчасъ же подвести важнѣйшіе итоги, выяснивъ характерныя черты Одоевскаго, какъ писателя, и опредѣливъ мѣсто, какое по праву принадлежитъ ему среди нашихъ писателей тридцатыхъ годовъ.

Съ этой цѣлью предварительно набросаемъ картину развитія русской литературы и преимущественно русскаго романа въ эпоху тридцатыхъ годовъ.

Двадцатые годы завѣщали намъ три замѣчательныхъ художественныхъ созданія: «Горе отъ ума», «Бориса Годунова» и «Евгенія Онѣгина». Литература уже успѣла стать искусствомъ съ явной тенденціей въ сторону художественнаго реализма. Критика двадцатыхъ годовъ убѣжденно проводила принципы самобытности и народности. Для Бѣлинскаго уже съ самаго начала было аксіомой положеніе, что «поэзія жи-

ни», «поэзія дѣйствительности» есть истинная поэзія «нашего времени».

Литературное движеніе тридцатыхъ годовъ въ конечномъ своемъ результатѣ стремилось къ укрѣпленію художественнаго реализма и къ созданію соціальнаго романа. Движеніе шло по двумъ русламъ, которыя то сближались, то расходились и въ концѣ-концовъ слились въ одно теченіе. Современная критика отчетливо различала эти двѣ стихіи и дала имъ характерное наименованіе: нѣмецкой и французской.

Уже въ «Обозрѣніи Русской Словесности за 1829 годъ» И. В. Кирѣевскій прекрасно формулировалъ суть дѣла. «Въ составъ нашей литературы», писалъ онъ [1]), «входили двѣ стихіи: умонаклонность Французская и Германская... Литература наша... представляла два борящіяся начала; но и филантропизмъ Французскій и Нѣмецкій идеализмъ совпадались въ одномъ стремленіи: въ стремленіи къ *лучшей дѣйствительности*». Здѣсь охарактеризованы и содержаніе процесса и его конечный результатъ.

Противопоставленіе Франціи и Германіи стало общимъ мѣстомъ въ критикѣ тридцатыхъ годовъ (Надеждинъ, Бѣлинскій, Шевыревъ) [2]), причемъ съ удивительнымъ единодушіемъ предпочтеніе отдавалось нѣмецкой стихіи, и доказывалось, что русской литературѣ болѣе сродни именно духъ нѣмецкаго идеализма. «Всю образованную Россію», писалъ Шевыревъ въ статьѣ «Взглядъ русскаго на современное образованіе Европы» [3]), «можно справедливо раздѣлить на двѣ половины: Французскую и Нѣмецкую, по вліянію того или другаго образованія». «Прежде», по его мнѣнію, «преобладало вліяніе Французское: въ новыхъ поколѣніяхъ осиливаетъ Германское» (ibid.).

---

[1]) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Подъ ред. М. Гершензона. Т. II, стр. 18. Ср. на 28 и 31 стр.

[2]) „Въ нашей литературѣ теперь борятся два начала—французское и нѣмецкое", — писалъ, напр., Бѣлинскій въ 1838 г., проводя обстоятельную параллель между этими началами (подъ ред. С. А. Венгерова, т. IV, стр. 4 и сл.). Въ систематическомъ видѣ Шевыревъ говоритъ объ этомъ въ своемъ курсѣ „Исторія поэзіи" (т. I. М. 1835).—Немногими, но мѣткими штрихами опредѣлилъ сравнительныя особенности французской и нѣмецкой литературы и А. И. Герценъ въ статьѣ „Гоффманнъ" (1834). См. въ изданіи Ф. Павленкова, т. IV, стр. 3—4, 7—8.

[3]) Москвитянинъ, 1841 г., ч. I, стр. 246.

Идеалистическое настроеніе, господствовавшее въ верхнихъ слояхъ нашей дворянской интеллигенціи, выражалось въ философскомъ романтизмѣ нѣмецкаго стиля, въ увлеченіи нѣмецкими писателями романтическаго и вообще идеалистическаго направленія (Шиллеръ, Гете, Жанъ Поль Рихтеръ, Тикъ, Гофманъ и т. д.) и, наконецъ, въ преобладаніи идеалистическаго тона въ нашей литературѣ тридцатыхъ годовъ. Въ извѣстной связи съ этой «умонаклонностью» стоитъ и любовь къ чудесному и фантастическому (Жуковскій, Гоголь, Погорѣльскій, Вельтманъ и многіе другіе второстепенные беллетристы, отчасти Пушкинъ въ повѣстяхъ и Лермонтовъ въ «Демонѣ») [1].

Но рядомъ съ этимъ снизу пробивается другая жизненная струя. На первыхъ порахъ она не играла заманчивыми красками; холодная, однотонная, какъ та почва, которая породила ее, она не имѣла силы высоко подняться надъ землей, но каждая ея капля падала на землю и орошала ее. Дѣйствіе этой струи было тѣмъ значительнѣе, что не изсякалъ питавшій ее источникъ подпочвенныхъ водъ.

Это былъ непосредственный реализмъ. Вообще говоря, реализмъ вѣчно присущъ каждой литературѣ и въ каждый данный моментъ, потому что реализмъ есть одинъ изъ основныхъ элементовъ человѣческаго мышленія и творчества. Въ этомъ смыслѣ «бытъ» въ литературѣ никогда не умираетъ. Но бываютъ историческіе періоды, когда предъявляется особенно усиленный спросъ именно на реализмъ, и когда онъ составляетъ содержаніе литературныхъ идеологій. Начиная съ двадцатыхъ годовъ, на протяженіи всѣхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ

---

[1]) Въ „духѣ времени“ была и мистерія Кюхельбекера: „Ижорскій“. Первая сцена „Ижорскаго“ была напечатана еще въ „Сынѣ Отечества“ 1827, кн. I; затѣмъ отрывки (анонимно) въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ 1828 года и три сцены (анонимно) въ „Подснѣжникѣ“ (Спб. 1829. Стр. 90—113). Въ цѣломъ видѣ мистерія была издана Пушкинымъ (также безъ имени автора) въ 1835 г. Одоевскій читалъ корректуру „Ижорскаго“, и Кюхельбекеръ жаловался, что „ошибокъ типографическихъ бездна“ (Р. Ст. 1884, т. 41, стр. 360—361.—См. также въ книгѣ Дмитрія Кобеко „Импер. Царскосельскій Лицей“, стр. 324—325). Бѣлинскій отнесся къ ней рѣзко отрицательно. Упоминаемъ особо объ этомъ произведеніи Кюхельбекера не только въ виду его близости къ Одоевскому, но и потому, что дѣйствіе происходитъ здѣсь въ сферѣ „двоеміpія“, какъ и у Одоевскаго. Въ виду послѣдняго соображенія, назовемъ еще характерную поэму Печерина „Торжество смерти“, также 30-хъ годовъ (М. Гершензонъ. Жизнь В. С. Печерина. М. 1910. Стр. 71 и слл.).

мыслящая Россія была охвачена напряженнымъ стремленіемъ къ національному *самоопредѣленію.* Этой цѣли нельзя было достигнуть съ помощью одного теоретическаго философствованія. Нужно было осмыслить реальное содержаніе русской народности и, слѣдовательно, изучить и изобразить ее. Эта тенденція была столь властной, что на ней построена и офиціальная идеологія эпохи. Литература отозвалась на задачу національнаго самоопредѣленія и выполняла ее различно, въ зависимости отъ господствовавшихъ настроеній.

Романъ и повѣсть становятся преобладающими формами. Въ тридцатые годы мы наблюдаемъ расцвѣтъ историческаго романа и исторической драмы, какъ выразителей романтическаго національзма. Литература этого періода вплотную подошла и къ будничной жизни, сдѣлавъ ее предметомъ безчисленныхъ нравоописательныхъ очерковъ (Полевой, Булгаринъ), повѣстей и цѣлыхъ романовъ на бытовыя темы. Романами и повѣстями тридцатые годы были чрезвычайно богаты. Достаточно назвать рядъ романистовъ и новеллистовъ, чьи имена въ свое время пользовались большой извѣстностью: Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій, Ушаковъ, Полевой, Вельтманъ, Титъ Космократовъ (В. П. Титовъ), Калашниковъ, Жукова, Каменскій, Погорѣльскій, Степановъ, Бѣгичевъ, Н. Ф. Павловъ, Марлинскій, Квитко, Гребенка, гр. Соллогубъ, Башуцкій, Даль и т. д.[1]).

Если первое теченіе питалось преимущественно соками нѣмецкаго идеализма, то реально-бытовой романъ нерѣдко искалъ себѣ опоры во французской литературѣ, всегда стоявшей ближе къ жизни, чѣмъ нѣмецкая, проникнутой живымъ интересомъ къ соціальнымъ вопросамъ («филантропизмомъ», по выраженію И. Кирѣевскаго). Не говоря уже о старыхъ вліяніяхъ какого-нибудь Жуи съ его многочисленными «Пустынниками», французскій романъ 20—30-хъ годовъ послужилъ неисчерпаемымъ источникомъ для русской беллетристики тридцатыхъ годовъ. Литература «юной Франціи» находитъ у насъ многочисленныхъ читателей. Произведенія В. Гюго, Эж. Сю, А. Дюма, Бальзака, Ж. Сандъ и Поль-де-Кока переводились и распространялись въ огромномъ количествѣ. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ прямыхъ подражаній, и Бѣлинскій уже въ 30-хъ го-

---

[1]) См. общій обзоръ беллетристики 30-хъ годовъ въ книгѣ Н. А. Котляревскаго „Н. В. Гоголь“ (гл. XVII).

дахъ говорилъ о русскихъ бальзачникахъ. Фактъ вліянія французскаго романа былъ столь очевиднымъ и крупнымъ, что журналистика принялась горячо обсуждать его значеніе. Полемика по поводу «неистовой» французской словесности— характерное явленіе тридцатыхъ годовъ [1]). За малыми исключеніями, критика энергично нападала на литературу юной Франціи. Врагами французской словесности были также Пушкинъ и Бѣлинскій (въ срединѣ тридцатыхъ годовъ). Ихъ отталкивала отъ французскаго романа недостаточная его художественность и излишняя близость къ злобамъ дня. Полемика вскрыла знаменательный фактъ, что на французскую словесность нападали и тѣ, кто явно подражалъ ей (напр., Сенковскій). Въ ней видѣли исчадіе іюльской революціи, боялись ея, по крайней мѣрѣ, боялись открыто признать свой интересъ къ ней. А интересъ этотъ, несомнѣнно, былъ значительнымъ. Французская стихія была въ самомъ близкомъ родствѣ съ той русской стихіей, которая выразилась въ нашемъ реально-бытовомъ романѣ, и естественно, что она вошла, какъ важный элементъ, въ развитіе русскаго реальнаго романа тридцатыхъ годовъ.

И. Кирѣевскій предвидѣлъ это еще въ 1830 г. Хотя общія его симпатіи лежали на сторонѣ нѣмецкой стихіи, но онъ не могъ не отдать справедливости и французской литературѣ въ одномъ отношеніи. «Есть однако въ литературѣ Французской», говорилъ онъ [2]), «такое качество, которое отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ, обѣщаетъ много для будущаго, и самимъ подражаніямъ даетъ цвѣтъ оригинальности: это тѣсная связь литературы съ жизнію; но именно этого-то качества не могутъ перенять наши Русскіе подражатели». Въ концѣ-концовъ «Русскіе подражатели» сумѣли перенять это качество, въ чемъ они сами давно уже чувствовали настоятельную потребность.

Французская литература тридцатыхъ годовъ вовсе еще не была чисто реалистической: это былъ періодъ ея романтизма, своеобразнаго, но отразившаго на себѣ также вліяніе Байрона и нѣмецкаго романтизма (въ частности Гофмана) [3]).

---

[1]) См. нашу статью въ V т. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова.

[2]) Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ. Полное собраніе сочиненій II, 28, примѣч.

[3]) См. интересное изслѣдованіе Edmond Estève „Byron et le romantisme français“ (Paris. 1907).

Фантастика царила и во французскомъ романѣ, но была другого, чѣмъ у нѣмцевъ, склада, такъ сказать, болѣе разсудочная. Она, въ свою очередь, нашла себѣ отголоски въ русской повѣсти (особенно у Сенковскаго). Писатели, которыхъ грѣхъ было бы причислить къ фантастамъ, любили дать волю своему воображенію (часто просто для забавы читателя). Но все же французскій романъ отличался болѣе земнымъ направленіемъ, и это обезпечивало ему успѣхъ въ извѣстныхъ кругахъ нашей литературы 30-хъ годовъ.

Нравоописательные очерки и бытовая повѣсть вносили въ литературу не только реализмъ, но и извѣстный *демократизмъ*. Большинство романистовъ 30-хъ годовъ работали въ низахъ литературы, обслуживали средній и даже низшій кругъ читателей; существовала и т. н. «фризовая» литература. Въ большинствѣ случаевъ такимъ писателямъ не хватало ни таланта, ни образованности, чтобы подняться на литературный Олимпъ; въ ихъ рукахъ литература, какъ искусство, представляла нѣчто весьма примитивное; это было вульгаризированное искусство.

Въ литературѣ тридцатыхъ годовъ немало говорили о партіи аристократической и партіи демократической, объ аристократизмѣ и демократизмѣ въ литературѣ [1]). Въ этой полемикѣ было много запутаннаго; понятія употреблялись безъ точнаго значенія. Но все же можно опредѣлить, что предметомъ спора были вопросы о самодовлѣющей святости искусства и объ его нравственной пользѣ («искусство для искусства» и «искусство для жизни»), о томъ, какую цѣну имѣетъ простонародность въ литературѣ, и не слѣдуетъ ли писателямъ ограничиваться жизнью высшихъ классовъ и т. п. Застрѣльщикомъ «демократовъ», къ сожалѣнію, выступалъ Булгаринъ, хотя порою и онъ не прочь былъ похвастаться своимъ аристократизмомъ [2]).

---

1) По поводу извѣстія, что Кирѣевскій приступаетъ къ изданію „Европейца", Погодинъ писалъ Шевыреву: „всѣ *аристократы* у него", разумѣя тутъ Пушкина, Жуковскаго, кн. Одоевскаго, кн. Вяземскаго, А. И. Тургенева, Хомякова, Баратынскаго и Языкова (Барсуковъ, III, 368). О кружкѣ „аристократическихъ литераторовъ" говоритъ и И. И. Панаевъ (Литер. воспоминанія. Изд. 3-е. Стр. 94—95, 302). См. также у Скабичевскаго въ VI гл. статьи „Сорокъ лѣтъ русской критики" (Сочиненія, т. I).

2) По свидѣтельству Смирновой, государь называлъ Булгарина „Аполлономъ гостиннаго двора" (Записки А. О. Смирновой. Ч. I. Спб. 1895. Стр. 131, прим. 4-е и стр. 314).

Его оппонентомъ былъ главнымъ образомъ Пушкинъ. Съ другой стороны боролись Бѣлинскій и Шевыревъ. Пушкинъ дѣйствовалъ не только какъ критикъ и публицистъ, не только выступалъ на защиту историческихъ и спеціально дворянскихъ традицій, но и далъ поэтическую отповѣдь «черни»; его стихотвореніемъ «Поэтъ и чернь» Бѣлинскій пользовался, какъ боевымъ лозунгомъ. По однѣмъ статьямъ Бѣлинскаго уже можно судить о томъ, въ какихъ предѣлахъ велся споръ и какія трудности онъ представлялъ. Не разъ (между прочимъ полемизируя съ Шевыревымъ) Бѣлинскій старался выяснить понятія свѣтскости и аристократизма въ литературѣ и вопросъ объ умѣстности простонароднаго элемента въ литературѣ. Свѣтскость, вообще говоря, Бѣлинскій отрицалъ, но въ аристократизмѣ видѣлъ и цѣнныя стороны [1]) Въ результатѣ критикъ пришелъ къ широкой эстетикѣ, которая примирила его эстетизмъ съ фактомъ существованія беллетристики и даже «фризовой» литературы.

На сторонѣ «аристократовъ», конечно, была вся принципіальная правда искусства. Демократическая волна вмѣстѣ съ хорошимъ несла и много илу. Необходимо было охранять чистоту искусства и святость высокихъ идеаловъ. Но историкъ, наблюдая весь процессъ на разстояніи, не можетъ не видѣть, что демократическій реализмъ дѣлалъ важное дѣло. Даже небольшіе по таланту писатели имѣли ту несомнѣнную заслугу, что они разрыхляли и удобряли почву для истиннаго реализма и для будущаго соціальнаго романа. Реально-бытовой романъ тридцатыхъ годовъ опирался на безспорныя жизненныя потребности, и поэтому продолжалъ неуклонно развиваться и расширять сферу своего вліянія. Реальная проза, видимо, торжествовала.

Оба теченія русской литературы тридцатыхъ годовъ—«нѣмецкое» и «французское»—должны были слиться: идеализмъ должно было оплодотворить соціальными элементами, а реа-

---

[1]) „Мы уважаемъ *благородство* въ литературѣ, но не терпимъ *паркетности*, высоко цѣнимъ *изящество*, но ненавидимъ *щегольство*“, писалъ Бѣлинскій въ статьѣ „О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ Московскаго Наблюдателя“ (1836 г.)—въ изданіи подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, 470. „Художественный“ и „свѣтскій“ не суть слова однозначущія также какъ дворянинъ и благородный человѣкъ. Художественность доступна для людей всѣхъ сословій, всѣхъ состояній, если у нихъ есть умъ и чувство; „свѣтскость“ есть принадлежность касты“ (ib., 508). „Аристократія таланта не есть аристократія общества“ (509). Таковъ принципіальный взглядъ Бѣлинскаго на этотъ спорный вопросъ.

лизмъ надлежало одухотворить началами идеализма. Сочетаніе обѣихъ стихій и дало въ результатѣ то, что мы называемъ художественнымъ реализмомъ.

Пушкинъ близко стоялъ къ представителямъ нѣмецкаго идеализма, но не сливался съ ними; съ другой стороны, онъ, вообще говоря, отрицательно относился къ современной ему французской словесности и нравоописательнымъ романамъ (за малыми, впрочемъ, исключеніями). Но именно Пушкинъ органически соединялъ въ себѣ оба начала: одухотворенный реализмъ былъ основнымъ свойствомъ его личности и творчества. Оттого онъ и стоитъ во главѣ нашего художественнаго реализма. Мало того, со свойственной ему чуткостью Пушкинъ не игнорируетъ и новаго движенія въ русской литературѣ тридцатыхъ годовъ: поэтъ par excellence, онъ принимается за «презрѣнную прозу» и даетъ дивные образцы художественной повѣсти, какъ историческаго, такъ и общественнаго жанра [1]). На тотъ же путь вступаетъ и другой геніальный поэтъ—Лермонтовъ, создавшій общественно-психологическій романъ «Герой нашего времени». Наконецъ, въ тридцатые годы выступаетъ великій прозаикъ-художникъ, Н. В. Гоголь. Если въ Пушкинѣ гармонически слились обѣ стихіи, то въ Гоголѣ происходила непрерывная борьба романтики и реализма [2]). Творческая драма Гоголя—какъ бы символъ всего литературнаго процесса тридцатыхъ годовъ. Его драма не имѣла тихаго, завершающаго аккорда: онъ умеръ съ мучительнымъ сознаніемъ внутренней дисгармоніи. Но для всей русской литературы наступилъ моментъ гармоническаго примиренія въ торжествѣ художественнаго реализма и соціальнаго романа. Таковъ былъ конечный результатъ развитія литературы тридцатыхъ годовъ. Разумѣется, это не значитъ, что художественный реализмъ рѣшительно вытѣснилъ всѣ другіе виды художественнаго творчества, или что все, кромѣ художественнаго

---

[1]) Со свойственнымъ ему историческимъ чутьемъ Пушкинъ рекомендовалъ критикамъ не ограничиваться разборомъ однихъ произведеній, „имѣющихъ видимое достоинство“. „Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочимъ *Иванъ Выжигинъ*), о коихъ критика могла бы сказать много поучительнаго и любопытнаго“. (Статья „О литературной критикѣ“, изд. „Просвѣщенія“, т. VI, стр 34).

[2]) Ср. нашу статью „Солнечный талантъ“ (В. Восп., 1909, № 4).

реализма, утратило всякую цѣну. Къ счастью, художественное творчество никогда не замыкалось въ одну какую-нибудь форму. Существовали и будутъ существовать всевозможные типы творчества, и нѣтъ предѣловъ этому разнообразiю типовъ. Дѣло лишь въ томъ, что въ данный историческiй перiодъ, въ силу опредѣленныхъ его условiй, преобладанiе получаетъ художественный реализмъ, побѣждая романтику; «французская» стихiя возобладала надъ «нѣмецкой».

Этотъ краткiй схематическiй очеркъ намѣчаетъ главныя линiи, по которымъ шло развитiе нашей литературы въ теченiе тридцатыхъ годовъ, и мы можемъ теперь приступить къ характеристикѣ Одоевскаго, какъ писателя.

II.

Одоевскiй былъ убѣжденнымъ проповѣдникомъ идеи о полнотѣ и гармонiи жизни; онъ боялся односторонняго проявленiя одной какой-либо стихiи; синтезъ и гармонiя—его высшiй идеалъ. Стремленiе къ этому идеалу было у него вполнѣ органическимъ: его духовная личность содержала въ себѣ всѣ необходимыя данныя для осуществленiя гармонiи и полноты. Фактически Одоевскiй одновременно жилъ интересами науки, искусства, религiи и любви. Въ этихъ «стихiяхъ» почерпалъ онъ свою «силу или власть», какъ писатель и человѣкъ.

По психологическому типу Одоевскiй принадлежитъ къ такимъ гармоническимъ натурамъ, какъ Гете и Пушкинъ, однако только по типу, но не по силѣ развитiя составныхъ элементовъ психики. Въ своей творческой работѣ Одоевскiй не достигаетъ ихъ генiальной высоты. Въ психологiи даже гармоническихъ натуръ есть своя доминирующая нота, своя faculté maîtresse: иначе гармонiя переходила бы въ какое-то сѣрое безразличiе [1]). Гете и Пушкинъ — художники по преимуществу. Индивидуальная окраска психической гармонiи Одоевскаго—иная. Въ немъ также сочетались мыслитель и художникъ, но въ такой пропорцiи, что мыслитель превалируетъ надъ художникомъ. То же явленiе представляетъ намъ Герценъ. «Главная сила его», писалъ Бѣлинскiй объ Искандерѣ [2]), «не

---

[1]) Ср. разсужденiя Одоевскаго о „гармонистахъ“ въ I ч. на 555 стр.

[2]) Взглядъ на русскую литературу въ 1847 году. Сочиненiя Бѣлинскаго. Изданiе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Ч. XI, стр. 374.

въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполнѣ сознанной и развитой. Могущество этой мысли—главная сила его таланта; художественная манера схватывать вѣрно явленія дѣйствительности—второстепенная, вспомогательная сила его таланта. Отнимите у него первую—вторая окажется слишкомъ несостоятельною для самобытной дѣятельности». Дѣятельность такихъ талантовъ, доказываетъ Бѣлинскій, составляетъ «особенную сферу искусства». Писатель этой категоріи можетъ изображать лишь тѣ стороны жизни, которыя поразили его мысль; въ предметѣ онъ ищетъ прежде всего смысла, и его вдохновеніе «вспыхиваетъ только для того, чтобы черезъ вѣрное представленіе предмета, сдѣлать въ глазахъ всѣхъ очевиднымъ и осязательнымъ смыслъ его. У нихъ стало-быть опредѣленная и ясно сознанная цѣль впереди всего, а поэзія—только средство къ достиженію этой цѣли. Поэтому, доступный ихъ таланту міръ жизни опредѣляется ихъ задушевною мыслію, ихъ взглядомъ на жизнь; это магическій кругъ, изъ котораго они не могутъ выйдти безнаказанно, т.-е. не теряя вдругъ способности изображать дѣйствительность поэтически вѣрно» [1]). Все это примѣнимо и къ Одоевскому, но съ двумя ограниченіями: во-первыхъ, логизмъ Одоевскаго умѣрялся наличностью философско-мистическаго идеализма и, во-вторыхъ, Одоевскій въ бо́льшей степени проявлялъ свой художественный даръ, чѣмъ Герценъ. Но безусловно вѣрно, что въ Одоевскомъ чистое художественное созерцаніе подавлялось работой мысли (какова бы она ни была въ данный моментъ: философское размышленіе, мистическое міровоспріятіе, или научное раздумье надъ жизнью [2]). Исходнымъ моментомъ

---

1) Ibid., 376. Ср. у Бѣлинскаго аналогичную характеристику Ж. П. Рихтера. И его произведенія созданались такъ, что основная идея предшествовала самому акту творчества, и форма служитъ какъ бы средствомъ для выраженія мысли. „Общаго же съ произведеніями художественной поэзіи они (т.-е. произведенія) имѣютъ то, что выходятъ изъ живого и пламеннаго вдохновенія, а не мертваго и холоднаго разсудка, берутъ у поэзіи всѣ ея краски, говорятъ душѣ образами, а не отвлеченными идеями“ (Полн. собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 114).

2) Н. Колюпановъ („Біографія А. И. Кошелева“, т. I, кн. II, стр. 77) держится прямо противоположныхъ взглядовъ.—По его мнѣнію, „по природѣ своей Одоевскій былъ художникъ, а не мыслитель, человѣкъ жившій воображеніемъ, фантазіею, которому кропотливая усидчивость и рѣзко ограниченная и точно

его творчества рѣдко является непосредственный образъ, а чаще мысль, принявшая художественную оболочку, пронизанная поэтическими лучами лиризма. Его творческое воображеніе чаще идетъ не индуктивнымъ путемъ, а дедуктивнымъ. Явленія, о которыхъ мыслитъ Одоевскій, легко представляются ему «въ лицахъ», но рѣдко образы вынашиваются настолько, что пріобрѣтаютъ самодовлѣющее художественное бытіе; обыкновенно въ нихъ явственно проступаютъ свѣжіе слѣды теоретической мысли автора, и нехудожественная лигатура своей тяжестью влечетъ образъ изъ міра чистой красоты въ сферу «житейскаго волненія».

Болѣе того, случается, что лица и фабула прямо придуманы для воплощенія извѣстной идеи. Композиція такихъ сводныхъ произведеній, какъ «Русскія Ночи», не можетъ не отличаться нѣкоторой искусственностью. Одоевскій любитъ создавать произведенія по *экспериментальному методу* [1]). Прежде чѣмъ подъ вліяніемъ Золя заговорили у насъ объ экспериментальномъ романѣ (le roman expérimental), Одоевскій далъ образцы русской экспериментальной повѣсти.

Типична въ этомъ случаѣ, напр., повѣсть «*Черная перчатка*». *Цѣль* эксперимента ясна изъ «идеи» произведенія. Авторъ искусственно ставитъ дѣйствующихъ лицъ въ условія, необходимыя для *опыта*: Владиміръ и Марія случайно ростутъ вмѣстѣ, подъ однимъ и тѣмъ же вліяніемъ Акинѳія Васильевича; онъ ихъ сочеталъ бракомъ, онъ же произвелъ надъ ними опытъ, оставляя въ ихъ спальнѣ черную перчатку и т. д.

Нечего уже говорить о такихъ произведеніяхъ, какъ «Послѣднее самоубійство» и «Городъ безъ имени», или утопія «4338 годъ». Здѣсь извѣстная тенденція и опредѣленная теоретическая идея составляетъ самую сущность замысла.

«Большая часть моихъ повѣстей мнѣ привидѣлась во снѣ», писалъ Одоевскій О. С. Павлищевой значительно позднѣе [2]).

опредѣленная аналитическая работа мысли, создающія мыслителя, были несвойственны". Но см. прекрасныя страницы въ очеркѣ Н. А. Котляревскаго (Старинные портреты, 135—137), гдѣ говорится о сочетаніи въ Одоевскомъ мыслителя и художника.

[1]) См. о „наблюдательномъ и экспериментальномъ методахъ въ искусствѣ" у Д. Н. Овсянико-Куликовскаго (Собраніе сочиненій. Т. VI).

[2]) Переплетъ 79, л. 86 об., автографъ; письмо о столоверченіи и подобныхъ явленіяхъ.

Если даже это свидѣтельство принять безъ всякихъ оговорокъ, то относительно процесса творчества существенный коррективъ вноситъ слѣдующая его замѣтка [1]): «Начинаешь писать сердцемъ, а незамѣтно для тебя самаго шарлатанизмъ ума вмѣшивается въ слова твои!» [2]).

За Одоевскимъ довольно прочно укрѣпилась репутація фантаста, русскаго Гофмана. Но здѣсь скрывается нѣкоторый оптическій обманъ. Да, Одоевскій любилъ пользоваться фантастической формой. Но, если принять во вниманіе весь объемъ его литературной дѣятельности, то окажется, что ни количественно, ни качественно фантастика не преобладаетъ въ его творчествѣ. Въ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ Одоевскаго вы совершенно не видите фантаста, а скорѣе нравоописателя и моралиста; сонъ—обычный у него и, конечно, совершенно шаблонный фантастическій пріемъ; самымъ яркимъ продуктомъ этого фантастическаго творчества являются «Старики». Съ «Пестрыхъ сказокъ» идетъ рядъ, дѣйствительно, фантастическихъ произведеній. Но какова эта фантастика Одоевскаго?

По нашему мнѣнію, въ его фантастикѣ можно различать четыре главныхъ разновидности: во-первыхъ, фантастика, какъ *внѣшняя* форма, какъ игра воображенія; во-вторыхъ, *сказочная* фантастика; въ-третьихъ, *логическая* фантастика типа *утопій;* въ-четвертыхъ, *органическая* (психологическая) фантастика [3]).

---

1) Переплетъ 26, л. 153 об., автографъ.

2) Свойства литературнаго таланта Одоевскаго обнаруживаются и въ нѣкоторыхъ частныхъ пріемахъ его работы. Его мышленіе—методическое по преимуществу; онъ любитъ излагать свои мысли по строгому плану, по параграфамъ. Тѣ же особенности онъ вноситъ и въ литературное творчество. Приступая къ извѣстному произведенію, Одоевскій обыкновенно составляетъ перечень дѣйствующихъ лицъ, планъ или программу, а иногда и цѣлую хронологическую канву дѣйствія, такъ сказать, формуляръ героевъ. См. въ приложеніи матеріалы, относящіеся къ „Запискамъ гробовщика“ и „Катѣ“. Впрочемъ, Ивановъ-Разумникъ предполагаетъ, что то же самое сдѣлалъ Пушкинъ съ „Евг. Онѣгинымъ“. См. въ III т. Сочиненій Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова или въ „Историко-литературной библіотекѣ“ Иванова-Разумника, выпускъ „Евг. Онѣгинъ“.—Характерны также для Одоевскаго его записи подъ заглавіемъ „Ideen Magazin“: складъ идей и именъ героевъ — на всякій случай. Напр., въ переплетѣ 20, л. 80, автографъ, — голый перечень именъ (между прочимъ, Валкиринъ, Рындинъ, Паутинкинъ, Аврайскій, Рельскій). То же passim въ переплетѣ 32, который содержитъ матеріалы уже 60-хъ годовъ.

3) Признаемся, что наша терминологія не особенно удачна.

Первую разновидность типично представляетъ «Реторта» въ «Пестрыхъ сказкахъ». Весь замыселъ этого разсказа есть плодъ досужей и холодной фантазіи. Общество на балу задыхается отъ жары. Разсказчику удается понять причину духоты въ гостиныхъ: оказывается, что «какой-то проказникъ посадилъ весь домъ, мебели, шандалы, карточные столы и всю почтенную публику, и меня съ нею вмѣстѣ, въ стеклянную реторту съ выгнутымъ носомъ»; мало того, «проклятый химикъ подвелъ подъ насъ лампу и безъ всякаго милосердія дистиллировалъ почтенную публику!» [1]) Проказу эту продѣлалъ маленькій чертенокъ. Черезъ узкое горло разсказчикъ выскочилъ изъ реторты, но чертенокъ щипцами поймалъ его и засадилъ въ претолстый латинскій словарь. Пытаясь освободиться изъ этой оригинальной тюрьмы и съ этой цѣлью «протираясь изъ страницы въ страницу», онъ «на дорогѣ встрѣтился съ паукомъ, мертвымъ тѣломъ, колпакомъ, Игошею и другими любезными молодыми людьми, которыхъ проклятый бѣсенокъ собралъ со всѣхъ сторонъ свѣта и заставлялъ раздѣлять мою участь». Отъ долгаго пребыванія въ словарѣ многіе изъ узниковъ «такъ облѣпились словами, что начали превращаться въ сказки». Постепенно и самъ авторъ сталъ превращаться въ сказку [2]). Все это фантастическое приключеніе однако завершилось вполнѣ благополучно. Балъ кончился. Гости, между прочимъ совершенно не подозрѣвавшіе, что они сидятъ въ ретортѣ, стали разъѣзжаться и разбили реторту. Сатаненокъ испугался, побѣжалъ, схватилъ словарь подъ мышку; книга была дурно переплетена, нѣсколько листовъ выпало, и это дало нѣкоторымъ узникамъ, въ томъ числѣ и разсказчику, возможность освободиться. На чистомъ воздухѣ, съ помощью кое-какихъ магическихъ пріемовъ, онъ опять превратился въ человѣка, а своихъ товарищей по заключенію свернулъ въ комокъ и запряталъ въ карманъ, чтобы затѣмъ представить «на благоразсмотрѣніе почтеннаго читателя» [3]). Хотя нетрудно истолковать смыслъ «Реторты», значеніе мертваго тѣла, паука, колпака и т. п.,—но все-же нельзя не видѣть натянутости и

[1]) Пестрыя сказки, 16—17. Къ изданію, при заглавномъ листѣ, приложенъ соотвѣтствующій рисунокъ.

[2]) Ibid., 26.

[3]) Ibid., стр. 27.

сочиненности въ характерѣ такой фантастики. Здѣсь нѣтъ подлинной мистики (хотя и дѣйствуетъ чертенокъ). Это—холодная аллегорія, придуманная для извѣстной цѣли, не связанная ни съ переживаніями самого разсказчика, ни тѣмъ менѣе съ психологіей участниковъ бала. Фантастика здѣсь — внѣшняя форма, какъ реторта внѣшнимъ образомъ обнимаетъ залъ съ танцующими. При малѣйшемъ движеніи вся эта фантастика распадается, какъ разбивается реторта при разъѣздѣ гостей. Тѣмъ же характеромъ отличается сказка «Жизнь и похожденія одного изъ здѣшнихъ обывателей въ стеклянной банкѣ, или Новый Жоко». Это—фантастика маскарада, «причуды воображенія», какъ удачно обмолвился самъ авторъ [1]). На мгновеніе она можетъ тѣшить и читателя, но не можетъ увлечь его воображенія, заразить его тѣмъ же фантастическимъ настроеніемъ; читатель оставался бы совершенно холоднымъ, если бы въ сказкахъ все же не было «горячаго неподкупнаго чувства» (ib.).

Чудесное разсматриваемаго типа навѣяно преимущественно средневѣковой фантастикой кабаллистическихъ книгъ; у Одоевскаго она носитъ разсудочный характеръ: въ авторѣ не чувствуешь человѣка, который, дѣйствительно, находился бы во власти возбужденной фантазіи и мыслилъ бы ирраціональными образами [2]).

Второй типъ фантастики Одоевскаго находится въ родствѣ съ сказочной фантастикой. Иногда это—пересказъ народныхъ легендъ, преданій, сказокъ (восточные апологи, «Игоша» въ «Пестрыхъ сказкахъ», «Необойденный домъ» и пр.); иногда—собственное творчество въ стилѣ сказокъ («Просто сказка» въ «Пестрыхъ сказкахъ», сказки о дѣвушкахъ на Невскомъ проспектѣ, дѣтскія сказки, въ томъ числѣ знаменитый «Городокъ въ табакеркѣ»). Въ передачѣ восточныхъ апологовъ Одоевскому по большей части удается сохранить колоритъ и ароматъ оригиналовъ; въ русскихъ сказкахъ нѣтъ той наивной прелести, того простодушія, какими дышитъ живая народность не только непосредственно въ народной сказкѣ, но и въ литературныхъ обработкахъ, напр., Пушкина и даже Ершова. Возможно, что

---

1) Пестрыя сказки, 144.

2) Ср. выше отзывъ Н. А. Полевого о фантастикѣ „Пестрыхъ сказокъ“ (стр. 32—33).

«Игоша» въ самомъ дѣлѣ народный разсказъ о безрукомъ и безногомъ существѣ, и авторъ слышалъ его отъ нянюшки и народа. Но въ передачѣ Одоевскаго народно-поэтическая фантастика поражаетъ своей бѣдностью, а мораль слишкомъ голо выступаетъ на первый планъ. Чрезвычайно типичны для Одоевскаго дѣтскія сказки дѣдушки Иринея. Изъ нихъ даже тѣ произведенія, которыя онъ самъ готовъ назвать сказками, представляютъ или тотъ же восточный апологъ, или передѣлку народной сказки въ назидательномъ духѣ («Морозъ Ивановичъ»), или, наконецъ, изображеніе въ сказочномъ стилѣ чудесъ науки, какъ въ сказкѣ «Городокъ въ табакеркѣ». Прочія и самъ дѣдушка Ириней относитъ къ категоріи разсказовъ, а не сказокъ. Игривой, свободной, поэтической фантастики въ сказкахъ Одоевскаго трудно найти; онѣ слишкомъ начинены поучительными мыслями о сострадательности, благотворительности, трудолюбіи, честности, любви къ наукѣ и пр. Сказки выкупаются только живостью изложенія, остроуміемъ и юморомъ автора. Что касается фантастики, то она, не отличаясь ни богатствомъ ни изяществомъ, все-же кажется естественной уже потому, что это — сказка [1]).

Третья разновидность фантастики Одоевскаго выражается въ утопическомъ творчествѣ. Это—«химерическій» типъ воображенія, когда оно «сознательно» уносится за границы конкретнаго міра, но такъ, что въ сущности на основаніи логическихъ соображеній протягиваетъ въ безконечную даль линіи реальной дѣйствительности. Логическія умозаключенія изъ существующаго, доведенныя до nec plus ultra, становятся уже фантастическими. Къ такому типу относятся: романъ «4338-й годъ», разсказы «Послѣднее самоубійство», «Городъ безъ имени» и пр. Здѣсь проявляется творческая фантазія мыслителя и

[1]) Современники по большей части высоко ставили сказки Одоевскаго. Такъ, „Молва“ (1834, № 11, стр 169—171), разбирая „Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней“ и сказку „Городокъ въ табакеркѣ“, вышедшую отдѣльно (Спб. 1834), привѣтствовала появленіе въ качествѣ дѣтскаго писателя дѣдушку Иринея, который сродни Гомозейкѣ и принадлежитъ къ „высшимъ слоямъ нашей литературы“. „Сей новый подвигъ возвышаетъ его въ нашихъ глазахъ, не только по благонамѣренности цѣли, но и по литературному достоинству исполненія“. Въ сказкѣ „Городокъ въ табакеркѣ“—„глубокая мысль изложена въ прелестномъ разсказѣ, который, будучи совершенно прииаровленъ къ нѣжнымъ дѣтскимъ понятіямъ, заставитъ и взрослыхъ прочесть себя съ удовольствіемъ“. Бѣлинскій

изобрѣтателя [1]). Какъ извѣстно, Одоевскій, дѣйствительно, былъ гораздъ на разныя выдумки и изобрѣтенія (напр., органъ Себастіонъ); въ его научныхъ работахъ всегда было много оригинальнаго (напр., въ области педагогики и популяризаціи научныхъ знаній). Эта психологія изобрѣтателя, экспериментатора сказывается и въ литературномъ творчествѣ Одоевскаго. Въ подобныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ большой силой мысли онъ обнаруживаетъ довольно богатую фантазію и немало «символическаго прозрѣнія», по его собственному выраженію (Р. Ночи, 142). Но и тутъ мы не видимъ свободной игры воображенія, какъ у какого-нибудь фантаста по природѣ. Фантастика третьей разновидности имѣетъ *логическое* оправданіе и, слѣдовательно, свой смыслъ и значеніе.

Наконецъ, мы находимъ у Одоевскаго фантастику четвертаго типа, которая органически связана съ психологіей дѣйствующихъ лицъ, и потому мы назвали ее органической (психологической) фантастикой. Наименѣе удачной является она въ разсказахъ о мертвецахъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ (какъ «Живой мертвецъ»). Но становится психологически умѣстной, когда приписывается настроенію умирающаго, или человѣка, находящагося въ патологическомъ состояніи, въ мистическомъ экстазѣ и т. п.; словомъ, когда обусловливается нормальной или патологической психологіей человѣка. Такъ, психологически и эстетически пріемлема фантастика въ «Сказкѣ о мертвомъ тѣлѣ» или въ «Сказкѣ о томъ, по какому случаю Коллежскому Совѣтнику Ивану Богдановичу Отношенію не удалось въ Свѣтлое Воскресеніе поздравить своихъ начальниковъ съ праздникомъ». Ирраціональныя начала человѣческой души въ соотвѣтствующихъ условіяхъ патологическаго психоза открываютъ доступъ

восторгается сказками дѣдушки Иринея (подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, 209—212). Въ частности о сказкѣ „Городокъ въ табакеркѣ“ онъ говорилъ (210): „Она принадлежитъ къ разряду фантастическихъ повѣстей: черезъ нее дѣти поймутъ жизнь машины, какъ какого-то живого, индивидуальнаго лица, и подъ нею не странно было бы увидѣть имя самого Гофмана“. Мы болѣе согласны съ отзывомъ Ч. Вѣтринскаго (Въ сороковыхъ годахъ, стр. 310): „Дѣти до сихъ поръ любятъ дѣдушку Иринея, немножко охотника поучать мораль, но добродушнаго и иногда забавнаго разсказчика. Въ русской дѣтской литературѣ, во всякомъ случаѣ, эти сказки были для своего времени самымъ выдающимся явленіемъ“.

[1]) См. въ книгѣ Т. Рибо „Творческое воображеніе“ (Спб. 1901. Ч. III, главы V и VII).

фантастикѣ въ жизнь самыхъ прозаическихъ людей. Высшаго напряженія фантастическое творчество Одоевскаго достигаетъ въ его мистическихъ разсказахъ о «сумасшедшихъ» людяхъ. Обвѣянная поэзіей мистики, фантастика является здѣсь и красивой, и одухотворенной, и органичной. Нѣкоторыя страницы «Сильфиды» и теперь чаруютъ читателя своеобразной прелестью мистическихъ переживаній [1]). Но и въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ, такъ сказать, чистой фантастики, самодовлѣющей и выдержанной въ ея развитіи. Даже въ лучшихъ мистическихъ повѣстяхъ фантастика для автора — болѣе литературный пріемъ, чѣмъ особая форма его міроощущенія. Мы знаемъ дѣйствительное отношеніе Одоевскаго къ «таинственнымъ» явленіямъ разнаго рода; для беллетристики онъ сознательно допускаетъ то, что можно бы назвать поэтической ложью; фантастика это—licentia poetica, необходимая для раскрытія смысла жизни, какъ его понимаетъ авторъ. Въ созданіяхъ Одоевскаго нѣтъ той непринужденности и прихотливаго изящества, какія отличаютъ фантастику нѣмецкихъ романтиковъ (напр., Гофмана); ихъ воздушные образы живутъ полной, самобытной жизнью; они такъ осязательно стоятъ передъ вами, что хочется вѣрить въ ихъ существованіе; съ какой-то непостижимой естественностью романтики-фантасты стираютъ границу, отдѣляющую возможное и невозможное, конкретное и чудесное. Такого эффекта Одоевскій не достигаетъ ни въ одномъ изъ своихъ мистическихъ разсказовъ. Въ его фантастикѣ всегда есть нѣкоторая доля трезвости. Его воображеніе не можетъ быть квалифицировано, какъ «расплывчатое» [2]), и всегда работаетъ подъ бдительнымъ контролемъ ума.

Неслучайно наблюдаемъ мы у Одоевскаго такое явленіе, что, начавъ нѣкоторые сюжеты въ царствѣ духовъ, онъ продолжаетъ ихъ развитіе въ реально-бытовыхъ условіяхъ («Сегеліель», «Княжна Мими» и пр.). Тяга къ земному и реальному была въ немъ слишкомъ сильна, чтобы онъ долго могъ оста-

---

[1]) Н. А. Полевой, восторгаясь „Городомъ безъ имени", „Концертомъ Бетховена" и „Пиранези", восклицалъ: „Вотъ *вашъ* родъ!" Вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой увѣрялъ автора, что повѣсть „Зизи"—„не въ вашемъ родѣ". Бумаги 1869 г. Обрывокъ письма съ датой: „15/I, 1839 г.".

[2]) Анализъ „расплывчатаго воображенія"—см. въ книгѣ Т. Рибо „Творческое воображеніе" (Спб. 1901. Ч. III, гл. II).

ваться въ верхнихъ слояхъ надземной атмосферы. Кромѣ того, чувство литературнаго такта подсказывало Одоевскому непригодность фантастической формы при изображеніи мелкой, обыденной жизни. Характеренъ эпиграфъ къ «Княжнѣ Мими». «Извините», сказалъ живописецъ, «если мои краски блѣдны: въ нашемъ городѣ нельзя достать лучшихъ».

Увлеченіе фантастикой, какое вообще наблюдалось въ нашей повѣсти тридцатыхъ годовъ, Одоевскій вовсе не считаетъ положительнымъ фактомъ. На фантастическій родъ, разсуждаетъ онъ въ 1836 г. [1]), нѣкогда была «мода» въ Европѣ, явились и русскіе подражатели: «Этотъ родъ цѣликомъ перешелъ въ наши произведенія и достигъ до состоянія настоящаго бреда съ тою разницею, что этотъ бредъ не есть бредъ естественный, который все-таки можетъ быть любопытнымъ, но бредъ, холодно перенесенный изъ иностранной книги» [2]). Въ «Психологическихъ замѣткахъ» Одоевскій не только отрицательно отнесся къ «фантастическимъ припадкамъ» Ж. Жанена, но высказалъ и общую мысль, что «фантастическая сказка есть произведеніе воображенія въ похмѣльѣ» [3]).

По его убѣжденію, фантастическій родъ литературы, «можетъ - быть, больше, нежели всѣ другіе роды, долженъ измѣняться по національному характеру, долженствующій соединять въ себѣ народныя повѣрья съ дѣвственною мечтою младенчества» (ibid.). Одоевскій такъ и старался поступать. Фантастика русскаго писателя оказалась болѣе сдержанной и потому болѣе блѣдной, чѣмъ фантастика нѣмецкихъ и французскихъ романтиковъ.

Уже нѣкоторые современники Одоевскаго хорошо понимали, что его нельзя причислить къ чистымъ фантастамъ. Вяземскій еще въ 1833 г. (15 апрѣля) писалъ Жуковскому: «Одоевскій издалъ свои «Пестрыя сказки», фантастическія. Я еще не видалъ ихъ, но изданіе, сказываютъ, очень красивое, кокетное и фантастическое. Кажется, родъ Одоевскаго не фанта-

---

[1]) Въ статьѣ „О враждѣ къ просвѣщенію“ (т. III, 367).

[2]) Изъ контекста статьи можно заключить, что этотъ холодный бредъ Одоевскій видитъ главнымъ образомъ въ фантастическихъ повѣстяхъ барона Брамбеуса.

[3]) Психологическія замѣтки, стр. 312 = переплетъ 49, л. 91 и об. Ср. выше въ I ч., стр. 549, прим. 4-ое.

стическій, т.-е. въ смыслѣ Гофманновскомъ. У него умъ болѣе наблюдательный и мыслящій, а воображеніе вовсе не своенравное и не игривое» [1]). Не даромъ и Пушкину не нравился «Сегеліель», а «Княжну Зизи» онъ предпочиталъ «Сильфидѣ». Здѣсь могли, конечно, сказаться просто симпатіи поэта-реалиста, но, очевидно, выразилась и эстетическая оцѣнка фантастики Одоевскаго [2]).

Итакъ, не станемъ преувеличивать склонности Одоевскаго къ фантастикѣ и будемъ разсматривать его въ плоскости реализма.

Одоевскому больше удается изображеніе статическихъ моментовъ жизни, а не пестрая смѣна явленій. Онъ умѣлъ точно и хорошо зафиксировать отдѣльный моментъ, дать описаніе, характеристику, психологическій портретъ. Словомъ все, что стоитъ неподвижно передъ глазами, ему легче зарисовать, нежели то, что̀ искрится живыми переливами красокъ, непрестанно мѣняя свой обликъ. Поэтому онъ чаще бываетъ разсказчикомъ, чѣмъ художникомъ. Разсказываетъ онъ или отъ перваго лица, или отъ своего alter ego, или иногда отъ имени своего антипода. Но все же разсказъ, описаніе на первомъ планѣ. И дѣйствующихъ лицъ онъ заставляетъ не столько вести разговоръ, сколько разсказывать или писать другъ другу письма. Послѣдній пріемъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ у Одоевскаго. Очевидно, ему труднѣе справляться съ діалогической и драматической формой. Индивидуализація рѣчи не составляетъ замѣтнаго достоинства въ произведеніяхъ Одоевскаго. Правда, онъ брался и за драму, но его пьесы только подчеркиваютъ слабость драматическихъ элементовъ въ его литературномъ дарованіи.

Передъ читателемъ всегда стоитъ самъ разсказчикъ, его мыслящее и наблюдающее «я». Творческому воображенію Одоевскаго нехватаетъ пластическихъ свойствъ, объективной силы воспроизведенія; его образамъ недостаетъ сжатой выпуклости. Мы не всегда *видимъ* героевъ Одоевскаго, а чаще *узнаемъ* ихъ характеръ: герой описанъ, а не изображенъ [3]).

---

[1]) Изъ писемъ кн. Вяземскаго къ Жуковскому. Р. Арх. 1900, т. I.

[2]) Мы не рѣшились бы повторить мнѣніе проф. Н. Ѳ. Сумцова, что „большая часть повѣстей Одоевскаго написаны въ духѣ крайняго романтизма, туманны, фантастичны и скучны" (Князь В. Ѳ. Одоевскій. Харьковъ. 1884. Стр. 44).

[3]) О пластическомъ воображеніи см. соотвѣтствующую главу въ книгѣ Т. Рибо „Творческое воображеніе" (Спб. 1901).

На этотъ именно недостатокъ Одоевскаго, повидимому, и обратилъ вниманіе Пушкинъ, и нашъ писатель старался освободиться отъ него. Въ письмѣ къ Краевскому по поводу статьи Бѣлинскаго о собраніи его сочиненій Одоевскій между прочимъ говорилъ: «Форма ... измѣнилась у меня по упреку Пушкина о томъ, что въ моихъ прежнихъ произведеніяхъ слишкомъ видна моя личность; я стараюсь быть болѣе пластическимъ—вотъ и все». Это сказано было въ 1844 г. Но о своемъ стремленіи къ «пластичности» Одоевскій говорилъ и въ тридцатыхъ годахъ. Такъ, въ одномъ его письмѣ къ Шевыреву читаемъ: «Скажи мнѣ что ты думаешь о Запискахъ Гробовщика? я тутъ хотѣлъ писать въ новомъ для меня родѣ—*пластически;* удалось ли мнѣ ето? — Здѣсь такой городокъ, что не у кого спросить о подобной вещи, и не кому повѣрить» [1]).

Въ предисловіи къ «Семейной перепискѣ» Одоевскій рѣшительно протестуетъ противъ всякой тенденціи, «цѣли» [2]).

Одоевскій хочетъ писать «пластически» и какъ будто съ этою цѣлью ищетъ опоры для своего воображенія въ произведеніяхъ живописи. Превратить поэзію въ музыку, какъ того требовалъ романтическій идеалъ и самого Одоевскаго, онъ, конечно, не могъ. Болѣе былъ достижимъ для него идеалъ пластичности, живописной выразительности. Въ своихъ описаніяхъ Одоевскій стремится теперь или приблизиться къ картинѣ или даже прямо воспроизвести извѣстную картину [3]).

Одоевскаго вообще нельзя назвать большимъ художникомъ, способнымъ создавать образы неувядающей красоты. Но въ немъ жилъ истинный поэтъ. Онъ не только понималъ, что такое художественное произведеніе, но и поэтически ощущалъ красоту и стремился воплотить ее въ своемъ словѣ. Онъ не былъ поэтомъ-художникомъ, но весьма

---

[1]) Бумаги Шевырева въ Имп. П. Б. Письмо безъ даты. Напечатано въ Р. Арх., 1878, кн. II, стр. 55—56, но съ пропусками; между прочимъ опущено и приведенное нами мѣсто.—Курсивъ нашъ.

[2]) См. выше на стр. 117. Ср. эпиграфъ къ „Исторіи о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ" (ч. III, стр. 141).

[3]) Въ „Запискахъ гробовщика", во введеніи къ „Сиротѣ" (Альманахъ на 1838 г., стр. 227—228) картина семейнаго счастья гробовщика сопоставляется съ Альбертъ-Дюреровскими фигурами. Ср. тутъ же о живописцѣ.—Можетъ быть, въ этой связи не лишены значенія и такіе факты, что гробовщика влечетъ къ себѣ скульптура, и что второй его разсказъ посвященъ участи живописца

талантливымъ беллетристомъ [1]). Онъ имѣлъ зоркій глазъ, и наблюденія его правдивы и мѣтки, образы типичны, структура произведеній интересна и часто совершенно своеобразна. Вторыхъ «Русскихъ Ночей» въ нашей литературѣ нѣтъ. Писалъ Одоевскій чистымъ и выразительнымъ языкомъ, а въ счастливыя минуты его рѣчь пріобрѣтаетъ пластическую осязательность или отсвѣчиваетъ яркимъ огнемъ волнующихъ его чувствъ [2]).

---

[1]) Прекрасно выясняетъ сущность и значеніе беллетристическаго творчества вообще Бѣлинскій въ нѣсколькихъ своихъ статьяхъ (напр., Венг. V, 213—214, 219; VI, 305—306; IX, 417—419; Солд. X, 177—181).

[2]) Наши писатели тридцатыхъ годовъ продолжали работать надъ созданіемъ литературнаго языка. Въ этомъ принимали участіе не только геніальные писатели, какъ Пушкинъ и Гоголь, но и второстепенные поэты и беллетристы. Въ ихъ письмахъ и замѣткахъ немало говорится объ языкѣ, и литературная критика, кстати или некстати, но не оставляла безъ замѣчаній недостатковъ языка; между прочимъ это было время полемическихъ споровъ по поводу „сей“ и „оный“. Одоевскій, съ своей стороны, не упускалъ случая дѣлать замѣчанія о литературномъ языкѣ того или другого писателя (чаще всего пресловутаго тріумвирата,—Греча, Булгарина и Сенковскаго, которые къ тому же претендовали на роль блюстителей за чистотой русскаго языка). „Галлицизмы, обороты не свойственные Русской рѣчи, не точныя выраженія—его въ высшей степени оскорбляли, и читая книги, даже газеты, онъ подчеркивалъ такія мѣста, а иногда даже на полѣ ихъ исправлялъ“,—говоритъ А. И. Кошелевъ (Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ. Стр. 6).—Одоевскій любилъ народный языкъ и дорожилъ его простотой и красочностью. Нерѣдко онъ записывалъ понравившіяся ему выраженія и отдѣльныя слова: переплетъ 31, л. 225, автографъ (разговоръ бабъ, подслушанный на Московской улицѣ); переплетъ 89, л. 802, автографъ (тотъ же разговоръ въ другой передачѣ и, кромѣ того, привѣтствіе солдата старому знакомому съ употребленіемъ матерныхъ словъ); переплетъ 22, литера С, л. 323—325, автографъ 60-хъ годовъ + переплетъ 32, литера С, автографъ 50—60-хъ г. + переплетъ 54, лл. 22, 42—44, 45, автографъ, вѣроятно, 40-хъ годовъ—наблюденія надъ народной рѣчью; переплетъ 20, л. 140—141, рука не Одоевскаго — выраженія „воровского языка“ (ср. примѣненіе „афеньскаго языка“ въ III ч. Сочиненій, стр. 113 и слл.); въ переплетѣ 20, л. 80 об., автографъ, записаны слова: „мертвотвореніе“, „одебелить умъ“.—Въ „Пестрыхъ сказкахъ“ (109) Одоевскій стремился путемъ звукоподражанія выразить шопотъ петель колпака.—Графъ В. А. Соллогубъ и Погодинъ подчеркиваютъ правильность и чистоту языка Одоевскаго (Сборникъ „Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ“, стр. 99—100, 55). Шевыревъ („Взглядъ на современную Русскую литтературу. Статья вторая. Сторона свѣтлая. (Состояніе Русскаго языка и слога). Москвитянинъ, 1842, ч. II, № 3, стр. 180—181) говорилъ: „Три писателя воздѣлываютъ у насъ повѣсть, взятую изъ свѣтской жизни, и роднятъ языкъ литературный съ языкомъ лучшаго общества: *Павловъ, Князь Одоевскій*

Къ началу сороковыхъ годовъ Одоевскій выросъ въ крупнаго писателя. Начавши съ традиціонныхъ «характеровъ» въ стилѣ Лабрюйера, мелкихъ нравоописательныхъ очерковъ и философскихъ апологовъ, онъ создаетъ затѣмъ рядъ большихъ беллетристическихъ произведеній и кончаетъ «Русскими Ночами».

Одоевскій имѣетъ свою писательскую индивидуальность. А это много значитъ,—особенно въ эпоху, когда жили Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ. Онъ не затерялся въ лучахъ даже такихъ яркихъ свѣтилъ. Его права на особое мѣсто обусловливаются не только наличностью несомнѣннаго таланта, но преимущественно своеобразіемъ его идейнаго настроенія и, слѣдовательно, характеромъ сюжетовъ и мотивовъ въ его произведеніяхъ.

На всемъ протяженіи литературной дѣятельности Одоевскаго можно было констатировать два главныхъ направленія его творчества: одни его произведенія имѣютъ преимущественно *философское*, другія преимущественно — *общественно-бытовое* содержаніе. Само собою разумѣется, эти два элемента представлены въ весьма разнообразныхъ комбинаціяхъ между собою, но все же такая классификація вполнѣ оправдывается фактами его творчества. Въ первомъ случаѣ преобладаетъ философская идея, во второмъ—общественный бытъ.

Замѣчательно, что природа, какъ самостоятельный предметъ поэтическаго воспроизведенія, почти отсутствуетъ въ произведеніяхъ Одоевскаго. Это можно объяснить, во-первыхъ, тѣмъ, что сюжеты его произведеній по большей части взяты изъ жизни города. Во-вторыхъ, по усвоенному Одоевскимъ міровоззрѣнію природа низведена на степень рабской подчиненности человѣку; онъ смотритъ на нее сверху внизъ, отчасти даже не-

---

и *Графъ Сологубъ*". Фраза кн. Одоевскаго уступитъ фразѣ Павлова „въ щегольствѣ художественной отдѣлки, но возьметъ верхъ простотою и непринужденностью своего наряда. Она всегда мила, граціозна и простодушна, но не такъ глубокомысленна". Вообще, какъ стилистъ, Одоевскій, по мнѣнію Шевырева, занимаетъ средину между Павловымъ и Соллогубомъ, „родня искусство и жизнь въ своемъ слогѣ".—Одоевскій, говоритъ А. Ѳ. Кони (Очерки и воспоминанія. Спб. 1906. Стр. 50), имѣлъ „образный, сильный языкъ, блещущій метафорами и здоровымъ паеосомъ... Можно даже сказать, что въ языкѣ Одоевскаго гораздо болѣе слышится ораторъ, чѣмъ писатель,—чувствуется трибуна, но не спокойный кабинетъ".

пріязненнымъ взглядомъ, какъ на вѣкового врага, съ которымъ нужно вести непрерывную борьбу. Третья и, можетъ-быть, самая главная причина—та, что Одоевскій въ слабой степени былъ надѣленъ чувствомъ природы. Если бы онъ непосредственно ощущалъ красоту природы, чувство побѣдило бы всякую отвлеченную идеологію [1]).

Человѣкъ, его стремленія и жизнь приковали къ себѣ исключительное вниманіе Одоевскаго.

Одоевскій не былъ спокойнымъ, холоднымъ мыслителемъ. Онъ зналъ муки истиннаго философа, для котораго философія не предметъ изученія, а глубокая проблема о смыслѣ жизни. Его идеи быстро пріобрѣтаютъ эмоціональную окраску, заставляютъ вибрировать туго натянутыя струны его души, оттого она звучитъ сильнѣе, звуки окрашиваются ярче и сочетаются гармоничнѣе, идеи претворяются въ живые образы, образы становятся живописнѣе, и весь тонъ творчества—патетичнѣе. Одоевскій доказалъ возможность философской художественной прозы [2]). И критика 30-хъ годовъ не разъ отмѣчала эту заслугу Одоевскаго (см. выше на стр. 251, прим. 1-е, и на стр. 262, прим. 1-е). Его произведенія, насыщенныя напряженной поэзіей идей, заражаютъ и читателя своимъ высокимъ лиризмомъ. Въ художественномъ отношеніи эти произведенія даже выше его бытовыхъ повѣстей [3]).

Творчество Одоевскаго вытекало изъ самыхъ глубинъ его вѣрующаго, идеалистически настроеннаго духа и было религіознымъ въ широкомъ значеніи этого слова. Онъ смѣло брался за основныя проблемы жизни и многаго успѣлъ достигнуть въ этомъ направленіи [4]). Въ его литературныхъ произведеніяхъ

---

[1]) По одному отрывку (см. на 221 стр., прим. 1-е), въ душѣ Вечеслава (какъ Базарова) происходитъ борьба между теоріей и чувствомъ въ отношеніи къ природѣ. Ср. на стр. 114. — Въ русской литературѣ есть интересная работа В. Ѳ. Саводника „Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева“ (М. 1911).

[2]) См. у М. Гюйо въ книгѣ „Современная эстетика“ (ч. I, гл. II. Спб. 1890)—о философскихъ и научныхъ идеяхъ, какъ предметѣ поэзіи.

[3]) Можетъ быть, это самое и хотѣлъ сказать Одоевскій, когда писалъ Ростопчиной: „Къ сожалѣнію, повѣсти не по моей части“.

[4]) Въ обзорѣ литературныхъ произведеній Одоевскаго мы имѣли случай не разъ убѣждаться въ томъ, что въ его творческомъ сознаніи возникали грандіозные планы, но всѣ они (за исключеніемъ „Русскихъ Ночей“) остались не осу-

выразились все міровоззрѣніе русскихъ идеалистовъ 20—30-хъ годовъ и ихъ идейныя исканія. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ сравниться рѣшительно никто изъ русскихъ беллетристовъ того времени. Только у Одоевскаго можемъ мы найти типы любомудра, мистика, вообще искателя истины и правды; только у него найдемъ мы типичный для идеалистовъ судъ надъ жизнью, какъ русской, такъ и европейской. «Поэтическія» начала индивидуальной и общественной психологіи полнѣе всего раскрыты именно Одоевскимъ [1]).

Жизнь людей и въ частности русская жизнь представлялась ему тяжелой драмой. Поэтому лишь изрѣдка бралъ онъ легкій юмористическій тонъ [2]). Чаще облако сосредоточенной думы висѣло надъ его челомъ въ моменты творчества, и скорбная улыбка змѣилась по губамъ. Его юморъ (или «гуморъ»), писалъ Бѣлинскій еще въ 1835 г., «состоялъ не въ веселомъ расположеніи, понуждающемъ человѣка добродушно и невинно подшучивать надо всѣмъ, что ни попадется на глаза, но въ глубокомъ чувствѣ негодованія на человѣческое ничтожество во всѣхъ его видахъ, въ затаенномъ и сосредоточенномъ чувствѣ ненависти, источникомъ которой была любовь». Въ противоположность спокойному и добродушному «гумору» Гоголя, «гуморъ» Одоевскаго—«грозный и открытый», «желчный, ядовитый, безпощадный». Въ доказательство критикъ приводитъ разсказъ «Балъ» [3]).

Беллетристъ то и дѣло превращается въ пророка-обличителя или, по крайней мѣрѣ, въ сатирика. Влеченіе къ сатирѣ, ко-

---

ществленными, лежатъ передъ нами красивыми развалинами. Почему? Можетъ быть, Одоевскому, какъ художнику, выполненіе его замысловъ не всегда оказывалось подъ силу. Но немалую роль сыграли тутъ и внѣшнія обстоятельства, особенно его служебная дѣятельность.

[1]) Мы ни въ коемъ случаѣ не могли бы согласиться съ оцѣнкой Ч. Вѣтринскаго (Въ сороковыхъ годахъ, стр. 300), который называетъ мистическіе разсказы Одоевскаго „невиннымъ родомъ литературы“ и относитъ ихъ „къ извѣстному беллетристическому роду такъ называемыхъ „святочныхъ“ разсказовъ“.

[2]) Зато шутливая юмористическая форма была обычной для Одоевскаго въ его полемическихъ и публицистическихъ статьяхъ, памфлетахъ, шаржахъ и т. п.

[3]) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, 203, 228. Ср. ibid, VII, стр. 517.—Критикъ „Телескопа“ усматриваетъ въ юморѣ Одоевскаго „Жан-Полевскія“ свойства (унылость и мечтательность).

торой онъ вообще придаетъ важное общественно-воспитательное значенiе, обнаружилось въ Одоевскомъ съ самыхъ раннихъ поръ и осталось въ немъ навсегда, являясь не менѣе крупной чертой въ его писательскомъ обликѣ, чѣмъ фантастика. Общественно-бытовая беллетристика Одоевскаго разрабатываетъ нѣсколько очень важныхъ мотивовъ. Психологiя любви, — обычный сюжетъ романовъ и повѣстей,— никогда не занимаетъ у него самостоятельнаго мѣста (какъ и природа); романическая интрига всегда сплетается съ другими интересами общества. Подобно Гоголю, онъ какъ бы хочетъ сказать, что и помимо любви есть могучiя пружины въ человѣческой жизни, которыя могутъ завязывать узелъ дѣйствiя. Личность изображается обыкновенно, какъ часть общественнаго цѣлаго, какъ продуктъ извѣстныхъ влiянiй (ср., напр., «Кн. Мими» и «Кн. Зизи»). Поле зрѣнiя беллетриста-Одоевскаго широкое. Передъ нами разнообразные представители большого свѣта, крупнаго и мелкаго чиновничества; вельможи и разночинцы; столица и провинцiя; салоны и петербургскiе углы. Казалось бы, налицо всѣ данныя, чтобы Одоевскiй сталъ творцомъ соцiальной повѣсти тридцатыхъ годовъ. Но онъ даетъ изображенiе жизни въ особомъ разрѣзѣ, который опредѣляется характеромъ его идеалистическаго мiровоззрѣнiя: онъ смотритъ на вещи глазами идеалиста, а не соцiальнаго мыслителя, и ни одинъ вопросъ въ его обработкѣ не принимаетъ формы соцiальной проблемы. Еще Погодинъ въ слѣдующихъ строкахъ удачно резюмировалъ идейное содержанiе беллетристики Одоевскаго: «Высокое значенiе жизни, сознанiе человѣческаго достоинства, призывъ къ благороднымъ умственнымъ занятiямъ, указанiе идеаловъ добра, науки, просвѣщенiя, а съ другой стороны изображенiе свѣтской пустоты, превратнаго воспитанiя, плачевныхъ слѣдствiй невѣжества, противорѣчiй общественнаго мнѣнiя,—вотъ въ разныхъ образахъ предметы всѣхъ разсказовъ, апологовъ, аллегорiй, повѣстей и отрывковъ» [1]. Непререкаемая цѣнность «поэтическихъ» стихiй—эта идея составляетъ какъ бы центральный мотивъ творчества Одоевскаго. Насколько изображаемое лицо, явленiе или цѣлая общественная среда удовлетворяетъ идеалу—вотъ pensée arrière нашего

[1]) Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ, стр. 54—55.

писателя. Здѣсь — критерій его оцѣнокъ и источникъ его симпатій.

Мы уже отмѣчали, что всѣ изображаемыя Одоевскимъ явленія располагаются, такъ сказать, по тремъ ярусамъ, въ зависимости отъ степени проникновенія идеалистическими началами. На мистическомъ небѣ помѣстились избранники, а ниже, по нисходящимъ ступенямъ пирамиды, представители высшаго и средняго общества (демократическіе низы выступаютъ сравнительно рѣдко). Анализъ явленій внутри каждой группы и взаимоотношенія отдѣльныхъ группъ опредѣляется однимъ и тѣмъ же критеріемъ.

Высшее общество въ массѣ своей далеко не удовлетворяетъ идеальнымъ требованіямъ, какія предъявляетъ къ нему Одоевскій. Хорошимъ комментаріемъ къ бытовой беллетристикѣ служатъ слѣдующія его замѣтки.

Общество страдаетъ «отсутствіемъ всякихъ мыслей и особенно чувствъ», говоритъ Одоевскій [1]). Онъ не знаетъ, «куда дѣваться отъ *блестящей черни гостиныхъ*»: она торчитъ и за зеленымъ столомъ, и въ канцеляріяхъ, она носитъ и толстыя эполеты и женскіе чепчики. «Она давитъ, она душитъ васъ». Вотъ глупый и «неблагопристойный, какъ франц. водевиль» господинъ, но остерегитесь его: «ето человѣкъ, который подписывается: Девствітѣльнай Штацкоі Саветнікъ». «Сплетни заволакиваютъ общество, какъ тиною». Огромныя гадости и подлости снисходительно замалчиваются, но зато «всякой взглядъ, всякое слово замѣчено, осмотрѣно, перетолковано и пущено въ оборотъ. Всякій заботится не о томъ, чтобы самому жить, но о томъ, чтобы помѣшать жить другому. Жалкое, гадкое и глупое общество!» [2]). Вотъ искренній вопль души, которую больно уязвляла эта «блестящая чернь гостиныхъ». «Петербуржское общество», читаемъ въ другой замѣткѣ, [3]) «преслѣдуетъ людей, замѣчательныхъ по странности платья или екипажа, или занятій, словомъ всякаго кто замѣтенъ какъ кочка на

---

[1]) Психол. замѣтки, стр. 119 = перепл. 49, л. 42. Слова „особенно“ въ рукописи нѣтъ.

[2]) Переплетъ 89, л. 149—150, автографъ. Весьма нелестную характеристику гостиныхъ („родъ Китая“) даетъ и Плакунъ Горюновъ (Записки для моего праправнука о русской литературѣ. От. Зап. 1840, т. XIII, отд. III б., стр. 9).

[3]) Переплетъ 48, л. 182, автографъ, вѣроятно, 30-хъ годовъ.

гниломъ болотѣ,—но одѣвайтесь прилично, давайте балы и вы можете отдавать на поруганіе свою жену, предать друга, не платить долговъ, оттягать наслѣдство, подличать сколько угодно, ето все *обыкновенныя, свойственныя человѣку* слабости». Здѣсь имѣютъ совершенно своеобразное пониманіе о томъ, что значитъ «прекраснѣйшій человѣкъ», «дѣловой человѣкъ»; здѣсь не задумаются всѣхъ инако мыслящихъ заклеймить прозвищемъ «якобинецъ, карбонарій, либералъ» [1]). «Я замѣтилъ», поясняетъ Одоевскій въ другомъ мѣстѣ [2]), «что въ Петербургѣ называютъ либералами тѣхъ которые не берутъ взятокъ и не докучаютъ безпрестанно Царю, промотавшись на вздоръ, съ просьбами о пособіи. Да—ето либерализмъ во времена общей безнравственности и безстыдной наглости».

Мало того, Одоевскій—принципіальный врагъ старой барской спеси [3]): «Наши родители воспитывая насъ въ своей барской спѣси имѣли одну цѣль: приготовить для насъ чины и деньги и предостеречь насъ отъ всякаго чувства собственнаго достоинства, отъ всякихъ порывовъ къ Искусству и къ Наукѣ, какъ отъ вещей несообразныхъ съ дворянскимъ званіемъ. Славу Богу ето время прошло—но не совсѣмъ! Искать въ женщинѣ которая съ умомъ сердцемъ образованностію не соединяетъ богатства и породы—казалось дѣломъ величайшей безнравственности».

Въ великосвѣтскихъ салонахъ царитъ женщина. Ея психологіей Одоевскій занимался еще въ самыхъ раннихъ своихъ произведеніяхъ, и тогда уже онъ ставилъ общую проблему о положеніи и значеніи женщины. Въ тридцатыхъ годахъ онъ продолжаетъ много думать о женскомъ вопросѣ. Среди бумагъ Одоевскаго сохранилась большая замѣтка (въ формѣ письма) о женщинахъ, которая хорошо комментируетъ взгляды, проводимые имъ въ беллетристикѣ [4]).

«Ты не знаешь что такое Петербуржскія дамы», пишетъ Одоевскій: «ето средина между Русскими и Француженками; да, средина!

---

[1]) Переплетъ 20, л. 77—79, автографъ 30—40-хъ годовъ.

[2]) Переплетъ 48, л. 165, автографъ, вѣроятно, 30-хъ годовъ. Сверху помѣтка: „П. П.“, потомъ переправленная на „С. П.“ Первое можетъ обозначать „Петербургскія письма“, а второе—„Семейная переписка“.

[3]) Переплетъ 23, л. 142, автографъ, вѣроятно, 30-хъ годовъ.

[4]) Переплетъ 19, л. 2—5, автографъ, вѣроятно, первой половины тридцатыхъ годовъ (времени „Пестрыхъ сказокъ“).

хотя бы имъ очень хотѣлось быть послѣдними; не онѣ виноваты въ етомъ но проклятое воспитаніе, которое онѣ получаютъ отъ своихъ Матушекъ.—Въ Московскихъ дамахъ хоть есть что-то романическое, что-то похожее на чувствительность—у Петербуржскихъ даже нѣтъ претензій на чувство: ето слово не имѣетъ для нихъ никакого значенія—и они понимаютъ его въ смыслѣ какой-нибудь неудачи, неуспѣшнаго покровительства, неполученной мужемъ или братомъ ленты и прочее тому подобное». Религіозность ихъ чисто внѣшняя: къ вопросамъ морали онѣ равнодушны; въ дружбѣ — холодны и расчетливы. «Еще щастіе если какой нибудь болѣе горячій темпераментъ заставитъ уклониться отъ того, что въ Петербургѣ называютъ нравственностію — такая женщина освободившись отъ одной цѣпи ее связывающей въ обществѣ сбрасываетъ и другія и странное дѣло—то что въ другомъ мѣстѣ было бы ужаснымъ, то для Петерб. дамы дѣлается якоремъ спасенія; такая женщина дѣлается и болѣе сострадательною, и болѣе способною понимать изящное, въ ней рождается непринужденность, она осмѣливается иногда говорить и не то, что уже дватцать тысячь разъ было сказано, ея чувства открываются, она болѣе начинаетъ принимать участіе въ ея окружающихъ—но добродѣтельная Петербуржская дама есть самое ужасное произведеніе Природы!—Тутъ не ждите ни откровенности, ни живаго, естественнаго чувства, ни живаго участія, ни состраданія». Разряженная, появляется она въ великосвѣтскихъ салонахъ и говоритъ избитыя слова обо всемъ, слова столь же плоскія и лживыя, какъ приписка «съ глубочайшимъ почтеніемъ» въ концѣ писемъ. Дѣвушкой она—рабыня условностей и приличій. Въ свое время, по примѣру другихъ выходитъ за мужъ—безъ истинной любви къ своему мужу. Жизнь ея течетъ по шаблону, безъ серьезныхъ интересовъ. Подъ старость у ней не останется другихъ воспоминаній, «кромѣ какого нибудь туалета на придворномъ балѣ, какихъ нибудь собственныхъ именъ и проч. т. п.». Новаго поколѣнія она не понимаетъ, и молодежь тяготится ею. Наконецъ, она умираетъ. На похороны соберется множество народа «для изъявленія ей послѣдняго *глубочайшаго почтенія*» [1].

---

[1]) Объ этомъ условномъ выраженіи см. въ „Пестрыхъ сказкахъ“ (стр. 122, 129—131, 145) и въ „Р. Ночахъ“ (стр. 319).

Начиная съ «Элладія» и кончая «Русскими Ночами», Одоевскій упрекаетъ свѣтскую женщину за отсутствіе чистой любви и духовныхъ интересовъ, а порою и за сухую чопорность и злобу (какъ княжну Мими). Но онъ знаетъ и другіе типы: женщины поэтичной и загадочной, какъ сфинксъ (очнувшаяся красавица въ «Пестрыхъ сказкахъ», Янтина и др.), женщины сильной духомъ (какъ княжна Зизи). Онъ способенъ любоваться красивыми проявленіями женскаго чувства, хотя бы и въ неузаконенныхъ формахъ («Кн. Зизи»), но все-же нё посягаетъ на святость брака: вѣрность мужу—безспорная добродѣтель (баронесса Дауерталь и графиня Рифейская въ «Кн. Мими»). Одоевскій негодуетъ на общество, которое калѣчитъ дѣвушку, суживаетъ ея внутренній міръ и даже мѣшаетъ свободному проявленію ея чувствъ, но женскій вопросъ въ его пониманіи не переходитъ въ соціальную проблему. Все дѣло въ томъ, чтобы женщина прониклась идеалистическими стремленіями и умѣла бы проявлять свою личность. Княжна Зизи—типъ положительный.

Мужская половина представителей высшаго общества изображается въ свѣтѣ тѣхъ же идеалистическихъ принциповъ. По большей части лицомъ къ лицу ставятся, съ одной стороны, матеріалисты разныхъ типовъ (безпринципные «существователи» или убѣжденные индустріалисты, бентамиты и пр.) и раціоналисты, вѣрные духу XVIII в., а, съ другой стороны, «духоиспытатели» и люди, убѣжденные, что жизни не выразишь математической формулой, и что нельзя жить по правиламъ нравственной арифметики. Средину между ними занимаетъ интересная разновидность лишняго человѣка, похожаго на Онѣгина и Печорина. Это—или великосвѣтскій молодой человѣкъ, нѣкогда пылкій идеалистъ, съ теченіемъ времени утратившій огонь молодости, «разочарованный»; или это—человѣкъ, почувствовавшій безпредметную тоску, непонятную ему самому неудовлетворенность. Таковы—герой «Новаго года», разсказчикъ «Кати», герой «Янтины», Воротынскій въ «Черной перчаткѣ», Радецкій въ «Кн. Зизи», Рифейскій въ романѣ «Попросту», Нордманнъ въ «Семейной перепискѣ» и т. д. Самъ авторъ иногда сближаетъ такое состояніе духа съ «байронизмомъ» и, хотя не считаетъ его положительнымъ качествомъ человѣка, но и не рѣшается осуждать, понимая, что источникъ его ле-

житъ въ чувствѣ неудовлетворенности и въ высокихъ запросахъ духа. Въ этомъ отношеніи Одоевскій держится теперь существенно иныхъ взглядовъ, чѣмъ въ періодъ любомудрія (см. I ч., стр. 253). Правда, Байронъ не идеалъ для вѣрующаго мистика (ср. въ письмѣ къ Ростопчиной—I ч., 454), но протестъ Байрона все же ему вполнѣ понятенъ (I ч., стр. 577) [1]). Поэтому въ его глазахъ находитъ себѣ оправданіе и русскій байронизмъ, если онъ глубокъ и искрененъ. Еще въ «Новомъ годѣ» (1831) Одоевскій взялъ подъ свою защиту байронизмъ. «Въ юности, когда такъ хочется вѣрить всему высокому и прекрасному», читаемъ здѣсь (II, 8—9), «несправедливость людей поражаетъ сильно и наводитъ на душу невыразимое уныніе. Этому состоянію духа должно приписать тотъ байронизмъ, въ которомъ, можетъ-быть, уже слишкомъ упрекаютъ молодыхъ людей, и въ которомъ бываетъ часто виновата лишь доброта и возвышенность ихъ сердца. Люди бездушные никогда и ни о чемъ не тоскуютъ». Непрочность счастья матеріалистовъ и утилитаристовъ и даже страданія байронистовъ суть слѣдствіе ложности или неполноты стихій ихъ жизни. Страданіе—удѣлъ и избранныхъ натуръ, но это—страданіе высшаго порядка: оно соединяется съ наслажденіемъ постигать небесную гармонію.

Исключительность идеалистической точки зрѣнія особенно рѣзко обнаруживается тамъ, гдѣ Одоевскій изображаетъ чиновничество и средній классъ. Здѣсь по существу беллетристу трудно обходить вопросы политическіе и соціальные. Что же мы видимъ?

Нашъ идеалистъ, во-первыхъ, убѣжденный монархистъ и потому бюрократъ. Систематически различаетъ онъ правительство и чиновниковъ. Правительство—непогрѣшимо, какъ папа, и всегда трактуется, какъ благодѣтельная культурная сила; оно одно насаждаетъ просвѣщеніе и борется съ косностью общества и невѣжествомъ народа. Это говорилъ Одоевскій еще

---

[1]) Сочувственный интересъ къ Байрону мы замѣчаемъ уже въ „Мнемозинѣ" (ч. III и IV). Отголосокъ смерти Байрона въ письмѣ Одоевскаго къ Кюхельбекеру отъ 9 іюня 1823 г. (Р. Ст. 1875, т. XIII, стр. 369). Въ произведеніяхъ второго періода имя Байрона намъ встрѣчалось то и дѣло. Отмѣтимъ еще рукописныя замѣтки съ характеристикой Байрона: въ переплетѣ 26, л. 159, автографъ; въ переплетѣ 23, л. 144, авт.; въ переплетѣ 48, л 230 об. и л. 73, позднѣе въ „Prolegomena" къ „Р. Письмамъ".

въ 20-хъ годахъ (см. стр. 298); тѣхъ же взглядовъ неизмѣнно держится онъ и въ тридцатыхъ (см. стр. 45—46, 174 и 274; ср. въ I ч. стр. 565, 584—5). Государственный строй Россіи 44-го вѣка будетъ тотъ же, что и въ николаевскую эпоху. Это — наиболѣе совершенная форма. Весь вопросъ — въ качествѣ чиновниковъ. Нужны честные и просвѣщенные чиновники; идеалъ—Сегеліель. Такіе чиновники уже и есть; это главнымъ образомъ представители высшаго общества, чиновники-литераторы. Бюрократическая служба есть наилучшій способъ быть полезнымъ отечеству. Въ Россіи нельзя быть даже только помѣщикомъ; служба — необходимое поприще для сознательнаго гражданина (вспомнимъ Владимира въ «Черной перчаткѣ» или Вечеслава въ «Петербургскихъ письмахъ»)[1]. И многіе другіе представители русской интеллигенціи николаевской эпохи видѣли въ службѣ наиболѣе цѣлесообразный способъ реализаціи своихъ идеаловъ. Служить или не служить—этотъ вопросъ ставилъ себѣ каждый изъ нихъ, по выходѣ изъ школы, и, въ виду ограниченности другихъ формъ дѣятельности, по большей части рѣшали его утвердительно[2]. Одоевскій не только пополнилъ гоголевскую галлерею отрицательныхъ чиновничьихъ типовъ, — онъ далъ литературный типъ идеальнаго чиновника (который Гоголь будетъ набрасывать во второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ», и который настоящимъ образомъ появится уже въ литературѣ начала 60-хъ годовъ). Итакъ, проповѣдникъ идеализма, Одоевскій является убѣжденнымъ апологетомъ монархическо-бюрократическаго строя николаевской Россіи.

Говоря о взаимоотношеніи общественныхъ классовъ, Одоевскій правдиво подмѣчаетъ отдѣльные и даже весьма значи-

---

[1]) Однимъ изъ недостатковъ „англійской системы" дядюшки (въ „Черной перчаткѣ") авторъ считаетъ то, что дядюшка стремился сдѣлать изъ Владимира агронома и „владѣльца земли" наподобіе англійскаго лорда или фермера. „Нечего сказать, жизнь прекрасная, но не по насъ", замѣчаетъ авторъ (II, 34). И Владимиръ не могъ обойтись безъ службы и чиновъ.

[2]) Въ качествѣ характернаго анекдота отмѣтимъ, что Погодинъ, по поводу поступленія Веневитинова на службу въ М. Ин. Дѣлъ, записалъ, что и у него самого былъ такой же планъ: „служить, выслуживаться, быть загадкою, чтобы, наконецъ, выслужившись, занять значительное мѣсто и имѣть большой кругъ дѣйствія. Это планъ Сикста V-го" (Барсуковъ, II, 55. Ссылка на Дневникъ 1826, подъ 23 іюля).

тельные факты: онъ говоритъ о возрастающемъ значеніи капитала и индустріализма, о томъ, что старое барство въ нѣкоторыхъ случаяхъ должно сдавать свои позиціи какому-нибудь промышленнику, буржуа; онъ говоритъ о наплывѣ разныхъ parvenus, особенно объ увеличеніи разночинцевъ въ рядахъ чиновничества; онъ рисуетъ намъ жизнь средняго класса; наконецъ, затрогиваетъ, хотя только попутно, мужика и пролетарія. Все сюжеты съ несомнѣннымъ соціальнымъ содержаніемъ. Въ ихъ освѣщеніи нашъ писатель оказывается аристократомъ—консерваторомъ и обнаруживаетъ въ сущности весьма несложное соціальное міровоззрѣніе.

Одоевскій лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ грѣхи высшаго свѣта. Но, обращая свой взглядъ въ другую сторону, въ сторону низовъ, нашъ Ювеналъ тотчасъ же становится адвокатомъ гостиныхъ, ретиво защищая ихъ отъ нападокъ демократическихъ нравоописателей. Самъ Ириней Модестовичъ Гомозейко открылъ эту кампанію, и затѣмъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ Одоевскаго мы не разъ слышали тѣ же самыя разсужденія о превосходствѣ большого свѣта надъ жизнью средняго класса; съ нескрываемой антипатіей характеризуетъ онъ разночинцевъ и мѣщанъ, много нелестнаго говоритъ о «простолюдинѣ», мужикѣ и городскомъ пролетаріи [1]).

Этотъ аристократизмъ Одоевскаго имѣетъ двоякое объясненіе. Во-первыхъ, онъ вытекаетъ изъ основныхъ предпосылокъ его идеологіи; во-вторыхъ, коренится въ глубинѣ его классовой психологіи.

Одоевскій былъ убѣжденъ, что степень образованности обусловливаетъ и степень нравственнаго развитія (ср., напр., въ I ч., стр. 548; во II ч., 70—71). Чѣмъ культурнѣе среда, тѣмъ ближе она къ идеалу; дѣленіе на соціальные классы совпадаетъ съ ступенями просвѣщенія и, слѣдовательно, со степенями приближенія къ идеалу. Чѣмъ дальше отъ земли, тѣмъ ближе къ небу. Свой основной взглядъ на такъ наз. хорошее общество Одоевскій прекрасно выразилъ въ слѣдующей замѣткѣ, которая, по его мысли, должна служить введеніемъ къ какому-то разсказу [2]): «Многіе сомнѣваются суще-

---

[1]) Ср. страницы 142, 134 и прим. 1-е, 148, 151—153.

[2]) Переплетъ 19, л. 15—16, автографъ, вѣроятно, 30-хъ годовъ.

ствуетъ ли такъ называемое хорошее общество. Можно пожалѣть о сихъ людяхъ. Человѣкъ образованный невольно влечется къ атмосферѣ етаго общества ибо въ его условныхъ приличіяхъ онъ замѣчаетъ тайное чувство той высокой терпимости—которое составляетъ единственную прочную основу добродѣтели; въ его причудахъ — успѣхи просвѣщенія развившіеся до ежедневной привычки. Поетъ, Философъ недовольны етимъ обществомъ потому что они все таки выше его—но они не уживутся ни въ какомъ другомъ обществѣ; во всякомъ другомъ они сдѣлаются или тиранами, или проведутъ жизнь въ скучной грубой борьбѣ съ людьми еще болѣе отъ нихъ удаленными. Они родятся членами хорошаго общества; не для него они созданы, но оно для нихъ необходимое перепутье въ земномъ странствованіи. Въ немъ могутъ быть горестныя исключенія, но основаніе онаго возвышенно и благородно, ибо мы смѣемъ думать, что ето общество не есть уклоненіе ума отъ его истинной цѣли, но его побѣда; мы смѣемъ думать, что оно получило начало въ 16-мъ столѣтіи, въ томъ столѣтіи когда родилось, небывалое прежде, соединеніе *ученыхъ* съ *людьми*; сохранить ему сей характеръ, отвратить все запятнавшее его есть по нашему мнѣнію—долгъ всякаго человѣка истинно вѣрящаго въ совершенствованіе человѣчества» [1].

Исторія, по мнѣнію Одоевскаго, не оправдываетъ упрековъ противъ аристократіи. Въ Европѣ просвѣщеніе нѣкогда находилось въ рукахъ духовенства; затѣмъ оно было унаслѣдовано среднимъ сословіемъ и дворянствомъ, но такъ, что среднее сословіе (bourgeoisie) взяло себѣ «вещественную сторону Мудрости», а дворянство «напротивъ удержало у себя религіозныя чувства, ентузіазмъ, терпимость». Хотя дворянство часто злоупотребляло этими качествами и искажало ихъ, но все ж именно они, «какъ духовная сторона мудрости, дѣлаютъ для всякаго болѣе плѣнительнымъ такъ называемое хорошее общество, нежели общество средняго сословія, хотя часто богатое

[1]) Поучительна эволюція взглядовъ Одоевскаго на *приличія*: см. въ I ч., стр. 94, 195, 197; 551—552; во II ч., стр. 27—28. Это не мѣшало Одоевскому рѣзко обличать ложь европейской жизни („Р. Ночи"; см. выше на стр. 272). Лучшимъ признакомъ человѣка изъ хорошаго общества онъ считаетъ вѣжливую *терпимость* къ людямъ (ср. выше на стр. 151—153). Иногда онъ связываетъ эту черту съ мистической добродѣтелью *смиренія*.

познаніями, но грубое, явно разчетливое, до нѣкоторой степени нахальное, не щадящее въ глаза слабостей человѣка—ибо все ето вмѣстѣ составляетъ такъ называемой дурной тонъ». «Въ Россіи просвѣщеніе началось съ Дворянства и еще важнѣе съ Монарха» [1]). Съ тѣхъ поръ дворянство и остается самымъ культурнымъ сословіемъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ лучшія качества «хорошаго общества». Успѣхи буржуазіи, промышленниковъ, «чумазыхъ»—жалкое явленіе. Оно знаменуетъ побѣду грубаго и матеріальнаго надъ благороднымъ и «поэтическимъ». Вспомнимъ элегическія строки въ «Саламандрѣ» (II, 221—225; ср. и выше на стр. 79 и 151—153).

Только въ гостиныхъ возможна вполнѣ культурная жизнь на идеалистическихъ началахъ. Просвѣщеніе можетъ приблизить къ этому уровню и представителей другихъ классовъ. Популяризація науки поэтому есть дѣло первой важности, и будущее человѣчества зависитъ отъ успѣховъ науки (вспомнимъ утопію). Но не всѣ могутъ вмѣстить просвѣщеніе (см. категорическое мнѣніе Одоевскаго на 151 стр.). Даже въ Россіи 44 в. будутъ люди толпы, грубые фальсификаторы науки, которыхъ не пустятъ и на порогъ Ученаго конгресса. Люди всегда будутъ стоять на разныхъ ступеняхъ культуры; между ними невозможно полное пониманіе другъ друга и, слѣдовательно, нравственное равенство (ср. въ I ч., стр. 547).

Равенство людей, вообще говоря, есть нѣчто противоестественное. «Глупые ненавидятъ умныхъ», пишетъ Одоевскій [2]), «по той же самой причинѣ по которой бѣдный ненавидитъ богатаго, голодный сытаго, трусъ храбраго, подлецъ честнаго, невѣжда ученнаго—и изъ сего даже можно вывести доказательства, что неравенство между людьми не есть выдумка человѣка, но естественное состояніе природы» (ср. I ч., 574). Изъ факта природнаго неравенства людей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи Одоевскій дѣлаетъ выводъ о естествен-

---

[1]) Переплетъ 43, л. 65 об. — 66, автографъ съ датой „1833 г.". Ср. всю замѣтку выше на стр. 274. См. объ аристократіи выше въ I ч. на стр. 574 и во II ч., стр. 84 (съ истолкованіемъ басни о стрекозѣ и муравьѣ).—Ср. *Пасси* „Объ аристократіи, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ успѣхамъ образованности" Парижъ, 1826. Резенція въ „Моск. Вѣстн." 1827, ч. III.

[2]) Переплетъ 38, литера С, автографъ, вѣроятно, 30-хъ годовъ, съ заглавіемъ: „*Свѣтъ*".

ности соціальнаго неравенства. Его утопія, какъ мы знаемъ, основана на той же идеѣ отрицанія соціальнаго равенства. Въ «Р. Ночахъ» содержатся горячія филиппики противъ экономическаго рабства на Западѣ; озабоченъ Одоевскій также положеніемъ русскаго мужика и столичной бѣдноты. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не додумывается до настоящихъ соціально-экономическихъ причинъ этихъ явленій; для него здѣсь нѣтъ въ сущности соціальнаго вопроса, какъ такового (ср. въ I ч., 585). Факты, совершенно различные по своему культурному и соціальному значенію, онъ беретъ за одну скобку (I ч., 567). Поэтому и средства, имъ предлагаемыя для устраненія названныхъ явленій, носятъ типично идеалистическій характеръ. Если Западъ усвоитъ себѣ поэтическія стихіи, если онъ сдѣлаетъ себѣ русскую прививку, тогда станутъ невозможны факты, возмущающіе гуманное чувство автора. Въ Россіи зло еще не достигло той же степени, но все же рекомендуется учить мужика и завести дома трудолюбія для борьбы съ пауперизмомъ. Эти соціальныя идеи Одоевскаго пока еще не развиты: ихъ разработкой онъ займется въ слѣдующемъ періодѣ; тогда онъ систематически выскажется по вопросу о соціализмѣ и въ формѣ организованной благотворительности будетъ бороться съ столичной бѣдностью. Благотворительность съ самой пансіонской скамьи онъ привыкъ считать одной изъ высшихъ общественныхъ добродѣтелей, и надѣлялъ ею своихъ положительныхъ героевъ какъ въ 20-хъ, такъ и въ 30-хъ годахъ (см. особенно выше на 67 стр.).

Какъ бы то ни было, Одоевскій смотритъ на соціальное неравенство, какъ на неизбѣжный фактъ, и не испытываетъ никакихъ мукъ отъ сознанія своей классовой вины (ср. его отношеніе къ крѣпостному праву—въ I ч., стр. 586—7; во III ч., стр. 118). Слѣдуетъ помогать людямъ, бѣднымъ и невѣжественнымъ, но никакого соціальнаго вопроса тутъ нѣтъ. Тѣмъ менѣе можно было питать какія-нибудь теплыя симпатіи къ малокультурнымъ классамъ. Ихъ можно жалѣть, но любить не за что. Умъ и сердце идеалиста находятъ свою родную стихію только въ атмосферѣ «хорошаго общества».

Въ этихъ симпатіяхъ, несомнѣнно, сказываются и безсознательныя внушенія классовой психологіи. Теоретически можно отрицать извѣстное явленіе, но трудно подавить свои симпатіи,

обусловленныя кровной связью съ отрицаемыми явленіями. Тургеневъ, напр., ясно *созналъ*, что время Рудиныхъ и Лаврецкихъ прошло, но онъ *чувствовалъ* свою интимную связь съ дворянской интеллигенціей и не могъ не озарить жизни умирающихъ дворянскихъ гнѣздъ свѣтомъ теплой симпатіи [1]). Для писателя—дворянина 30-хъ г., еще совсѣмъ не порвавшаго съ своей средой, критическое отношеніе къ высшему обществу въ гораздо большей степени, чѣмъ у Тургенева, должно было осложняться внушеніями сердца. Взоръ идеалиста, оскорбленный зрѣлищемъ мѣщанской, грубоватой, а порой и чисто животной жизни демократическихъ низовъ, отдыхалъ на красиво убранныхъ гостиныхъ, наполненныхъ фешенебельной публикой, среди которой нерѣдко было встрѣтить людей съ тонкой организаціей, съ сложной внутренней жизнью. Плебей вступалъ въ жизнь съ пустыми руками, сзади него не было богатаго историческаго прошлаго; психологія малокультурнаго человѣка казалась элементарной; всѣ его побужденія и конечныя цѣли—ясны до полной очевидности. Въ «свѣтѣ»—многое интригуетъ, какъ загадка жизни [2]).

Высшее общество Одоевскій больше знаетъ, больше любитъ и потому лучше изображаетъ. Самыя богатыя содержаніемъ и наиболѣе совершенныя въ литературномъ отношеніи—тѣ беллетристическія произведенія Одоевскаго, сюжеты которыхъ взяты изъ жизни «духоиспытателей» и изъ жизни большого свѣта.

Итакъ, какъ писатель, Одоевскій проявляетъ черты типичнаго идеалиста. Наука, идеи преобразуютъ жизнь. Нужно воспитывать идейное міровоззрѣніе людей, все остальное приложится само. Такъ въ 60-хъ годахъ разсуждали люди базаровскаго типа, такъ въ 30-хъ годахъ мыслили наши идеалисты. Идеализмъ вообще очень часто сопровождается нѣкоторой атрофіей соціальнаго мышленія. Вопросъ о соціальныхъ и политическихъ формахъ для нашего идеалиста есть просто споръ о словахъ (см. выше на 244 стр.). Идеализмъ сдѣлалъ Одоевскаго

---

[1]) Ср. нашу статью „Художникъ эпохи перелома" (Вѣстникъ Воспитанія, 1908, VIII).

[2]) Въ переплетѣ 38, лит. Г, автографъ, есть такая замѣтка: „*Гостиныя.* Надобно входить въ жизнь гостиныхъ, какъ Врачъ разсѣкаетъ трупъ дабы узнать внутреннее его устройство и употребить смерть для жизни; но не для удовольствія рѣзать и жить съ окровавленными остатками человѣка".

недостаточно воспріимчивымъ къ соціальнымъ проблемамъ и привилъ ему аристократическое отношеніе къ малокультурнымъ классамъ и простолюдину. Авторъ «Р. Ночей» высокъ въ своей неустанной проповѣди поэтическихъ началъ жизни; онъ правъ въ своей сравнительной оцѣнкѣ культурнаго уровня отдѣльныхъ классовъ и въ защитѣ тѣхъ духовныхъ пріобрѣтеній, какія уже сдѣланы высшимъ классомъ, особенно въ области науки, искусства и общежитія. Но онъ не въ состояніи былъ понять исторической необходимости и соціальной важности того процесса демократизаціи, какой наблюдался въ русской жизни и литературѣ 30-хъ годовъ; онъ не могъ побѣдить чувства антипатіи къ некультурнымъ классамъ, посмотрѣть на вещи ихъ глазами и сознать свою нравственную отвѣтственность за существованіе соціальнаго неравенства и даже крѣпостного права. «Кающійся дворянинъ» еще не появился, и мы пока — въ полосѣ *идеалистическаго аристократизма.*

Сопоставляя сказанное до сихъ поръ о пріемахъ творчества Одоевскаго и о содержаніи его литературныхъ произведеній, мы видимъ, что онъ сочеталъ въ своемъ творчествѣ элементы и «нѣмецкой» и «французской» стихій: одни произведенія самымъ непосредственнымъ образомъ связаны съ идеалистическимъ теченіемъ (философскимъ и мистическимъ), другія примыкаютъ къ реалистическому направленію; третьи, разумѣется, представляютъ соединеніе тѣхъ и другихъ элементовъ. Средняя линія въ его творчествѣ совпадаетъ съ столбовой дорогой художественнаго реализма, развивавшагося преимущественно въ формѣ художественной прозы (романа и повѣсти).

Указанныя нами черты въ литературной дѣятельности Одоевскаго обозначатся еще яснѣе и полнѣе, когда мы разсмотримъ его отношеніе къ отдѣльнымъ теченіямъ и представителямъ нашей литературы тридцатыхъ годовъ.

III.

Искусство всѣхъ временъ и народовъ,—говорилъ Одоевскій въ «С Бахѣ» (см. выше на стр. 257), — есть одно органическое цѣлое.

Точно также, — разсуждаетъ онъ во вступленіи къ «Опытамъ разсказа о древнихъ и новыхъ преданіяхъ»,—литература

представляетъ одинъ стихійный, органическій процессъ. «Каждый самобытный народъ въ цѣлости творитъ свою эпопею болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе сомкнутую. Такая эпопея есть поэтическое воплощеніе всѣхъ элементовъ народа, выраженіе его идеальнаго характера, его быта, его радостей, его печалей, наконецъ, его собственнаго суда надъ самимъ собою» [1]).

Таковы русскія народныя пѣсни, съ безымяннымъ, но вѣчнымъ героемъ-человѣкомъ. Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ есть цѣльность, есть «единство происшествія, т.-е. жизнь человѣка представленная съ различныхъ сторонъ поэтическаго воззрѣнія. Одинъ завелъ пѣсню, другой ее продолжаетъ» (44).

Народная поэзія есть выраженіе «первой эпохи развитія основныхъ элементовъ». Эта эпоха уже «совершилась». Поэтическіе цвѣты, «пригвожденные къ печатнымъ листамъ», вянутъ, но не погибаютъ. Вслѣдъ за ними созрѣваетъ плодъ: ученые комментируютъ народную поэзію, а поэты вдохновляются ею— и поэма народа «продолжается, хотя подъ иною формою» (44). Она творится по частямъ, по эпизодамъ, принимающимъ различный характеръ, «смотря по временамъ: религіозный, сатирическій, философскій и проч.» (45). Еще никто не знаетъ содержанія всей поэмы, творимой народомъ. Но всѣ собираютъ для нея матеріалъ. Здѣсь все пригодно: «и часть дѣйствительнаго событія, и разгадка того, что могло бы случиться; и слѣдствіе глубокой думы и разгульное слово» (45). Все это накапливается и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ «преданіе». «Со временъ *новой* русской поэзіи, т.-е. со временъ Кантемира, эти преданія идутъ двумя путями; одни изъ нихъ— *памяти* сердца: выраженія чистаго, безусловнаго, безсознательнаго, дѣвственнаго развитія жизни; таковы наши лѣтописи, легенды, аскетическіе и военные разсказы; этого рода преданія вошли въ составъ большей части произведеній нашей литературы; другія преданія—*памяти* ума: выраженіе нашего суда надъ самими собою, часто грустное, исполненное негодованія, большею частію ироническое; сего рода преданія послужили матеріалами для произведеній сатирическихъ, которыхъ рѣзкая черта протянулась въ нашей литературѣ отъ Кантемира

[1]) Сочиненія, ч. III, стр. 43.

до Гоголя» (45). Въ обоихъ направленіяхъ одинъ источникъ— «высокая любовь народа къ самому себѣ» [1]).

Въ этихъ немногихъ строкахъ Одоевскій прекрасно выразилъ сущность своихъ историко-литературныхъ воззрѣній [2]).

Народная поэзія стоитъ въ органической связи съ художественной литературой. Вся поэзія извѣстнаго народа есть про-

---

1) Въ бумагахъ Краевскаго въ И. П. Б. (б. № 24, с) находится автографъ Одоевскаго (на 8 листахъ) статьи подъ заглавіемъ „Опытъ о безъимянной поемѣ, скрывающейся подъ Русскими народными пѣснями". Сверху карандашомъ рукою Краевскаго написано: „Кн. Одоевскаго". Эта интересная и горячо написанная (къ сожалѣнію, неоконченная) статья самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ вышеизложенному введенію. Одоевскій старается доказать, что русскія былевыя пѣсни составляютъ единую поэму, можетъ быть, еще не развившуюся, какъ „зародышъ Русской Епопеи". Большое значеніе придается мотиву удальства. „Мимоходомъ будь сказано, ета особенная черта, на которую не хотятъ обратить вниманія наши ревностные подражатели Вальтера Скотта, есть богатый рудникъ, изъ котораго можетъ развиться родъ Романа, истинно Русскаго, истинно самобытнаго".—Въ переплетѣ 54, л. 38, автографъ, есть слѣдующія строки, относящіяся къ той же темѣ: „*Русская Поема въ народѣ* (послѣднее слово неразборчиво). Подъ словомъ народная Поема я разумѣю выраженіе характера народа въ данную минуту. Такъ у Грековъ характеръ Боги и Полубоги—у Среднихъ Вѣковъ рыцарство религіозное; у насъ просто удальство".

2) Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что мысли о русской народной поэзіи внушены Одоевскому прежде всего изданіями Сахарова. „Сказанія Русскаго народа", собранныя И. Сахаровымъ, вышли въ 1836—1837 гг. (Часть первая,—Спб. 1836). Одоевскій принималъ въ этомъ изданіи живѣйшее участіе и даже завѣдовалъ печатаніемъ первой части. Въ бумагахъ И. П. Сахарова (И. П. Б., собраніе П. П. Савваитова; каталогъ, составленный И. А. Бычковымъ, стр. 75) есть 16 писемъ Одоевскаго къ Сахарову (письма къ Сахарову, т. III); изъ нихъ нѣкоторыя относятся къ 1836 г., ко времени печатанія первой части. Въ концѣ одной записки говорится (л. 50 об.): „Отрывокъ изъ Вашей книги мы напечатаемъ въ *Сѣвер. Цвѣтахъ*, которыя издаемъ мы съ *К. Вяземскимъ* на нынѣшній годъ; ето будетъ вмѣстѣ служить объявленіемъ о Вашей книгѣ. Для сего спишите мнѣ *полное* оглавленіе Вашей книги".—Съ тою же цѣлью популяризаціи Сахарова обращался Одоевскій къ Пушкину, какъ къ издателю „Современника" (см. переписку Пушкина подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 270, №№ 964 и 965, и стр. 421). Въ „Литер. Приб. къ Р. Инв." 1837, № 3, стр. 23—24, замѣтка о „Сказаніяхъ" Сахарова; ibid., 1838, № 21, стр. 415—417 — вообще объ изданіяхъ Сахарова и опроверженіе нелѣпой клеветы Булгарина, будто „Лит. Приб. къ Р. Инв." не сумѣли оцѣнить Сахарова (см. ниже — при изложеніи полемики съ Булгаринымъ). Обѣ статьи, вѣроятно, принадлежатъ Одоевскому.—Въ 1842 г. Одоевскій сообщалъ Сахарову, что онъ перевелъ посѣтившему его франц. писателю

дуктъ единаго, коллективнаго, общенароднаго творчества [1]). Осязательнымъ выраженіемъ этого факта служитъ художественная передача мотивовъ народной поэзіи. И, говоря это, Одоевскій, несомнѣнно, имѣетъ въ виду прежде всего Пушкина и Жуковскаго. Самъ Одоевскій также пытался дать литературную обработку народнымъ сказаніямъ еще въ 20-хъ годахъ (въ восточныхъ апологахъ) и теперь въ сказкахъ «Игоша» и «Необойденный домъ» (не считая дѣтскихъ сказокъ). Разсказъ «Игоша» посвященъ А. С. Хомякову [2]), а «Необойденный домъ»— В. А. Жуковскому [3]). Въ «Необойденномъ домѣ» Одоевскій подражаетъ народному стилю. Народная сказка и народная легенда, конечно, могли привлекать его своей вѣрой въ чудесное и религіозностью. Но все же эта простонародная струя не за-

---

Марье нѣсколько мѣстъ изъ „Сказаній“, „отъ чего онъ безъ ума“ (см. указанное выше собраніе писемъ къ Сахарову). Какъ извѣстно, „Сказанія“ Сахарова вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими подобными изданіями вдохновили и Бѣлинскаго на его статьи о народной поэзіи (подъ ред. С. А. Венгерова, т. VI). Ни Бѣлинскій, ни Одоевскій еще не подозрѣвали научной недоброкачественности трудовъ Сахарова (см. у А. Н. Пыпина „Исторія русской этнографіи“, т. I, гл. VIII). Хотя Бѣлинскій уже чувствовалъ какую-то фальшь (IV, 235—236).— О томъ, какъ Сахаровъ, облеченный въ длиннополый гороховый сюртукъ, посѣщалъ салонъ Одоевскаго, разсказываетъ И. И. Панаевъ (Литерат. воспоминанія, изд. 3-ье, стр. 95—96).

[1]) Ср. у Шевырева въ „Исторіи поэзіи“ (т. I. М., 1835. Стр. 102—103) и у Бѣлинскаго въ его статьяхъ о народной поэзіи.

[2]) Такъ въ собраніи сочиненій (ч. III); въ „Пестрыхъ сказкахъ“, гдѣ первоначально появился „Игоша“, никакого посвященія нѣтъ.

[3]) „Необойденный домъ“ сначала былъ напечатанъ въ юбилейномъ сборникѣ Гельсингфорскаго университета (онъ вышелъ и на русскомъ и на шведскомъ языкѣ). 12—24 мая 1841 г. Я. К. Гротъ между прочимъ писалъ Одоевскому изъ Гельсингфорса о „Финляндскомъ альманахѣ“, что всѣ статьи получены и почти всѣ переведены. „Вашу былъ очень удачно перевелъ одинъ студентъ, братъ Цигнеуса, который и самъ помогъ ему“ (письмо въ переплетѣ 97).— Въ переплетѣ 30, л. 7—36, находится оригиналъ „Необойденнаго дома“, озаглавленнаго здѣсь „*Русская легенда*“ и также посвященнаго Жуковскому. За исключеніемъ немногихъ страницъ, рукопись писана рукою Одоевскаго частью карандашомъ, частью чернилами. Есть нѣкоторыя отличія отъ печатнаго текста. Бѣлинскій (подъ ред. С. А. Венгерова, т. VII, 162) сначала нашелъ повѣсть „Необойденный домъ“—„прекрасно разсказанной“, а въ 1844 г. (т. IX, стр. 18), когда вообще фантастика вызывала отрицательное къ себѣ отношеніе со стороны критики, онъ считалъ эту повѣсть уже „странно-фантастической“, непонятной ни образованнымъ людямъ, ни простолюдинамъ, „для которыхъ она писана, и которые, вѣроятно, никогда не узнаютъ о ея существованіи“.

нимаетъ сколько-нибудь виднаго мѣста въ творчествѣ Одоевскаго; романтизмъ народности въ этой формѣ былъ ему чуждъ, и на упомянутыя произведенія можно смотрѣть лишь какъ на слабую дань времени.

Пользуясь формулировкой самого Одоевскаго, можемъ сказать, что его произведенія—главнымъ образомъ, «памяти *ума*», ума сильнаго и вѣрующаго въ святость идеалистическихъ началъ жизни. Его мѣсто—въ кругу тѣхъ писателей, которые творили судъ надъ самими собой и надъ жизнью, которые создавали художественный реализмъ, развивая вѣковую традицію русской литературы (отъ Кантемира).

Въ составѣ нашего художественнаго реализма (въ отличіе отъ натурализма) можно различать два составныхъ элемента: идеализмъ міровоззрѣнія и реализмъ въ пріемахъ письма. Идеализмомъ была обильно насыщена атмосфера 30-хъ годовъ. Былъ писатель, въ которомъ эта стихія выразилась въ ея «чистомъ» состояніи, безъ сочетанія съ реально-бытовыми элементами. Это—*В. А. Жуковскій.*

Творчество Жуковскаго въ 20-хъ и особ. въ 30-хъ годахъ вовсе не было столь изолированнымъ, какъ обычно представляютъ себѣ. Идеализмъ, религіозность, эстетизмъ и самая фантастика Жуковскаго,—все это прекрасно гармонировало съ господствующимъ настроеніемъ въ эпоху философскаго и мистическаго идеализма. Поэтъ, оказавшійся неспособнымъ къ усвоенію глубинъ нѣмецкой философіи и нѣмецкой романтики, тѣмъ не менѣе не былъ чужимъ среди тогдашнихъ идеалистовъ. Такъ трактовали его не только И. В. Кирѣевскій, но и Бѣлинскій [1]). Гегельянецъ Бакунинъ для иллюстраціи идей философскаго оптимизма въ Предисловіи къ «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля (Бѣл. Венг., т. IV, стр. 485) нашелъ наиболѣе умѣстнымъ процитировать именно стихи изъ «Теона и Эсхина».

Въ частности Одоевскій съ юныхъ лѣтъ привыкъ чтить Жуковскаго, какъ поэта (см. въ I гл., на стр. 90—91). Въ 30-хъ годахъ пѣвецъ «Свѣтланы» продолжаетъ сохранять свой ореолъ

---

[1]) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Подъ ред. М. О. Гершензона. Т. II, стр. 18 (въ „Обозрѣніи Русской Словесности за 1829 г.“).—Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 104 и сл. (1840 г.), и въ дальнѣйшихъ статьяхъ (въ томъ числѣ пушкинскихъ).

въ глазахъ Одоевскаго. Между ними устанавливаются, конечно, и личныя связи. «Необойденный домъ» Одоевскій посвящаетъ В. А. Жуковскому. Княжна Зизи воспитывается на «прекрасныхъ стихахъ» Жуковскаго и Пушкина (II, 364). Въ поэзіи Жуковскаго самъ Одоевскій могъ находить теперь нѣкоторые образы и мотивы, которые отвѣчали его общему настроенію. Сегеліель—въ родствѣ съ Аббадонной; а объ Ундинѣ и Одоевскому хотѣлось написать фантастическую повѣсть (стр. 80—81). Статью Жуковскаго «Взглядъ на землю съ неба» мы уже не разъ приводили въ параллель съ идеями Одоевскаго (напр., стр. 20; 90, прим.). Религіозныя думы Жуковскаго и его взглядъ на божественную сущность искусства вѣдь такъ были понятны мистику Одоевскому [1]).

Но все же Одоевскій болѣе цѣнилъ тѣ теченія нашей мысли и литературы, въ которыхъ идеальное, небесное сочеталось съ реальнымъ, земнымъ.

Однимъ изъ достоинствъ русскаго народа, такимъ достоинствомъ, которому долженъ изумляться самъ Западъ, является, по мнѣнію Одоевскаго, тотъ фактъ, что русскій народъ началъ свою литературную жизнь тѣмъ, «чѣмъ другіе кончаютъ—сатирою,—т.-е., строгимъ судомъ надъ самимъ собою, отвергающимъ всякое лицепріятіе къ народному эгоизму» [2]). Въ примѣръ новымъ сатирикамъ Одоевскій ставитъ Фонвизина, Капниста, Грибоѣдова, «ихъ глубокое знаніе современныхъ нравовъ, ихъ вѣрный взглядъ на наши недостатки, ихъ благородное стремленіе» [3]). Въ одной замѣткѣ (вѣроятно, 50-хъ го-

---

[1]) Эстетическія идеи Жуковскаго изложены нами въ статьѣ „Взглядъ Жуковскаго на поэзію“ (В. Восп., 1902, № 5).—Въ переплетѣ 52, л. 142—146, автографъ (карандашомъ), въ путевыхъ замѣткахъ 1847 г. Одоевскій разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Жуковскимъ въ Дюссельдорфѣ.—Въ статьѣ „Значеніе Веймарскаго праздника“, напечатанной въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ 1858 г., Одоевскій превозноситъ переводы Жуковскаго изъ Шиллера.—Въ „Путешествіи вокругъ моихъ креселъ“ (переплетъ 80, л. 242, автографъ) находимъ такую фразу: „Библіотека — великолѣпное кладбище человѣческихъ мыслей! За чѣмъ не дано мнѣ искусство написать о тебѣ Грееву Елегію?“—Наконецъ, въ переплетѣ 95, л. 22, въ копіи—краткая замѣтка о смерти Жуковскаго и о томъ, что „о послѣднихъ минутахъ его есть записка Г. Докучаева—учителя при дѣтяхъ Горчакова въ Штутгардѣ“.

[2]) „Русскія Ночи“, I, 387.

[3]) „О враждѣ къ просвѣщенію“ (Соч., III, 364).

довъ) [1]) Одоевскій выразился: «Русская литература оказала Правительству и Публикѣ четыре услуги, а именно: Недоросль, Ябеда, Горе отъ ума и Ревизоръ» [2]).

Самъ Одоевскій въ сущности началъ тѣмъ же—сатирой, и мы видѣли, что въ первый періодъ наибольшее вліяніе Одоевскій испыталъ со стороны сатириковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Сатира влечетъ Одоевскаго и теперь, и интересъ къ ней не только сохраняется въ третьемъ періодѣ, но даже возрастаетъ.

Въ тридцатыхъ годахъ литературная дѣятельность Одоевскаго наиболѣе близко связана съ именами Грибоѣдова, Пушкина и Гоголя, при чемъ замѣтно, что художественная сатира попрежнему продолжаетъ оказывать на него непосредственное вліяніе.

Поэтому, не считаясь съ хронологіей, для удобства изслѣдованія, мы разсмотримъ отношенія Одоевскаго къ основоположникамъ нашего художественнаго реализма въ такой послѣдовательности: отношенія къ Пушкину, Грибоѣдову и Гоголю.

Начать слѣдуетъ именно съ *Пушкина*, съ истиннаго отца нашего художественнаго реализма.

Въ періодъ «Мнемозины» Одоевскій не умѣлъ еще оцѣнить Пушкина по достоинству (см. выше въ I ч. на стр. 240, прим. 2-е), хотя тогда же авторъ «Моего Демона» (напечатаннаго въ первый разъ въ «Мнемозинѣ», ч. III) вдохновилъ его

---

[1]) Переплетъ 55, л. 58, автографъ.

[2]) Въ переплетѣ 10, л. 7—8, автографъ, находимъ рядъ выписокъ изъ сатиръ Кантемира.—Эпиграфъ къ повѣсти „Бабушка" взятъ изъ „Недоросля" Фонвизина (см. стр. 126, прим.).—Въ 1838 г. справляли 50-лѣтній юбилей И. А. Крылова. Одоевскій былъ въ числѣ распорядителей и произнесъ слово о значеніи крыловской сатиры. Матеріалы, касающіеся этого юбилея, см. въ переплетѣ 5, л. 4—19; ср. въ перепискѣ Краевскаго въ „Р. Ст." 1904, іюнь, 572—573; іюль, 152, 154—156 и въ письмѣ Гоголя (ред. В. И. Шенрока), т. I, 504.—Автографъ привѣтствія Одоевскаго—въ бумагахъ 1869 г., а печатный экземпляръ—въ переплетѣ 85, л. 11. Объ эпизодѣ съ Гречемъ по поводу крыловскаго юбилея Одоевскій говоритъ и въ своемъ анонимномъ разборѣ „Чтеній о Русскомъ языкѣ" Н. Греча (От. Зап. 1840, т. XII, отд. VI, стр. 23). См. о томъ же юбилеѣ въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." № 6 и 7 (на стр. 140—объясненіе по поводу неудовольствія Греча).—По поводу открытія подписки на памятникъ Крылову была анонимная статья „Ив. Андр. Крыловъ" въ „Отеч. Зап.", 1845, т. 38, отд. II, 62—84.—Наконецъ, статью о дѣдушкѣ Крыловѣ Одоевскій напечаталъ въ „Сельскомъ Чтеніи", ч. II.

написать «Новаго демона» (см. въ I ч. на стр. 190—1). Въ 30-хъ годахъ Одоевскій становится восторженнымъ почитателемъ Пушкина и затѣмъ всю жизнь благоговѣйно преклонялся предъ именемъ геніальнаго поэта.

Въ заграничномъ журналѣ кн. П. Долгорукова «Будущность» [1]) были напечатаны клеветническія строки противъ Одоевскаго, и между прочимъ ложно была освѣщена его связь съ Пушкинымъ. «По выходѣ его *Пестрыхъ Сказокъ*», говорилось въ «Будущности», «знаменитый Пушкинъ спросилъ у него: *когда выйдетъ вторая книжка твоихъ сказокъ?—Нескоро*, отвѣчалъ Одоевскій, *вѣдь писать не легко!—А коли трудно, зачѣмъ же ты пишешь?* возразилъ Пушкинъ». Эти инсинуаціи побудили Одоевскаго высказаться болѣе или менѣе полно о своихъ отношеніяхъ къ великому поэту [2]). Одоевскій писалъ: «Съ Пушкинымъ мы познакомились не съ ранней молодости (мы жили въ разныхъ городахъ), а лишь передъ тѣмъ временемъ, когда онъ задумалъ издавать Современникъ и пригласилъ меня участвовать въ этомъ журналѣ; слѣдственно я, что называется, товарищемъ дѣтства Пушкина не былъ; мы даже съ нимъ не были на *ты*—онъ и по лѣтамъ и по всему былъ для меня *старшимъ;* но я питалъ къ нему глубокое уваженіе и душевную любовь и смѣю сказать гласно, что эти чувства были между нами взаимными, что могутъ засвидѣтельствовать всѣ наши тогдашніе знакомые, равно мое участіе въ Современникѣ, письма ко мнѣ отъ Пушкина и проч. т. п.; послѣ горькой его кончины, я вмѣстѣ съ Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ и П. А. Плетневымъ имѣлъ счастіе быть Редакторомъ тѣхъ нумеровъ Современника, которыхъ изданіе было предпринято нами для того только, что бы исполнить обязанность великаго Поэта, какъ издателя,—къ подписчикамъ на его журналъ.—При такой обстановкѣ дѣла анекдотъ, выдуманный безчестнымъ клеветникомъ, ни по времени, ни по характеру нашихъ отношеній съ Пушкинымъ, не могъ существовать ни въ какомъ видѣ, и ни при какомъ случаѣ».

Одоевскій говоритъ здѣсь сущую правду. Личное знакомство

---

[1]) Будущность (L'avenir). 1860. № 1, 15 сентября. Примѣчаніе (на стр. 6) къ статьѣ „Министръ Ланской" (по поводу Ольги Степановны Ланской).

[2]) Переплетъ 85, л. 36—37, автографъ; ib., л. 38—42 об., копія. Цитирую по автографу, л. 36 об.

Одоевскаго съ Пушкинымъ относится только къ тридцатымъ годамъ [1]), но уже въ началѣ этого десятилѣтія поэтъ выдѣлилъ Одоевскаго изъ ряда тогдашнихъ русскихъ писателей. «Пушкинъ весьма доволенъ твоимъ *Квартетомъ Бетговена*», сообщалъ А. И. Кошелевъ 21 февраля 1831 г. [2]): «Онъ говоритъ, что это не только лучшая изъ твоихъ печатныхъ пьесъ (что бы немного значило), но что едва когда-либо читали на русскомъ языкѣ статью столь замѣчательную и по мыслямъ, и по слогу. Онъ бѣсится, что на нее обращаютъ мало вниманія. Онъ находилъ, что ты въ этой пьесѣ доказалъ истину весьма для Россіи радостную; а именно, что возникаютъ у насъ писатели, которые обѣщаютъ стать на-ряду съ прочими европейцами, выражающими мысли нашего вѣка».

Въ періодъ изданія «Современника» Одоевскій сталъ весьма близко къ Пушкину, и поэтъ очень дорожилъ его сотрудничествомъ. Повѣсть «Зизи» онъ называетъ «славной вещью»; жалѣетъ, что въ 1-мъ нумерѣ «Современника» не будетъ ни строчки Одоевскаго, и продолжаетъ: «Думаю 2 № начать статьею вашей, дѣльной, умной и сильной—и которую хочется мнѣ наименовать *о враждѣ къ просвѣщенію;* ибо въ томъ же № хочется мнѣ помѣстить и *Разборъ постоялаго Двора*, подъ названіемъ *о Нѣкоторыхъ Романахъ.*—Разрѣшаете ли Вы?» [3]) И та и другая статья, дѣйствительно, были напечатаны въ «Современникѣ» подъ псевдонимомъ: *С. Θ.*: первая въ 2 № съ заглавіемъ: «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ», а вторая въ 3-мъ № съ заглавіемъ: «Какъ пишутся у насъ романы». Для «Современника», очевидно, предназначался и «Сегеліель», но Пушкинъ остался имъ не очень доволенъ и отклонилъ, ссылаясь между прочимъ и на то, что напечатаніе отрывка можетъ повредить изданію полнаго произведенія; поэтъ сообщаетъ также, что «о Сегіелѣ (sic) кажется

---

[1]) 27 марта 1833 г. Одоевскій уже приглашаетъ къ себѣ Пушкина слушать „Шекспирова Венеціанскаго купца, переведеннаго г. Якимовымъ“ (Переписка, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 15 и 16).

[2]) Бумаги 1869 г.—Напечатано И. А. Бычковымъ въ „Р. Ст.“ 1904, апр., 206.

[3]) Переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 293. Статья Одоевскаго „О враждѣ къ просвѣщенію“ — упоминается въ запискѣ Одоевскаго отъ іюня 1836 г. (Проф. И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб 1903. Стр. 240—241).

задумалась Ценсура» [1]). Не напечаталъ Пушкинъ еще одного произведенія Одоевскаго, о которомъ писалъ: «Разговоръ Недовольныхъ непомѣстилъ я потому что уже Сцены Гоголя были у меня напечатаны — и что вы могли другъ другу повредить въ ефектѣ» [2]). Въ другой запискѣ Пушкинъ торопитъ Одоевскаго доставить какую-нибудь повѣсть: Княжну ли Зизи, Сильфиду ли. «Безъ Васъ пропалъ «Современникъ», прибавляетъ онъ [3]).

По смерти Пушкина, Одоевскій былъ въ числѣ тѣхъ друзей, которые разбирали его рукописи, приготовляя ихъ для новаго изданія сочиненій [4]), и которые взяли на себя трудъ продолжать журналъ «Современникъ» [5]).

Какъ, въ свою очередь, Одоевскій относился къ Пушкину въ 30-хъ годахъ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ 1827 г. Одоевскій сильно интересуется «Борисомъ Годуновымъ» и 29 апрѣля пишетъ Погодину: «Скажите нѣтъ-ли средствъ выпросить у Пушкина его Бориса Годунова — мнѣ ужъ не въ терпежъ хочется прочитать его; я-бы прочелъ и по слѣдующей почтѣ возвратилъ-бы его, никому не показавши:

---

1) Переписка, подъ ред. В. И. Сантова, III, стр. 294.

2) Ibidem. Ср. выше на стр. 157, прим. 1-е.

3) Ibid., 397. Ср. выше, на стр. 74, прим. 1-е. Слѣдуетъ отмѣтить еще неосуществленный проектъ Пушкина и Одоевскаго издать въ 1835 г. „Современный Лѣтописецъ политики, наукъ и литературы" (переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Сантова, т. III, 257—8). Одоевскій помогалъ Пушкину въ составленіи статьи „Французская Академія": см. 1) у проф. И. А. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина" (Спб. 1903. Стр. 240—1, 241, 269); 2) брошюру „А. С. Пушкинъ. Французская Академія", съ послѣсловіемъ Н. О. Лернера (Спб. 1911. Стр. 26); 3) переписку Пушкина, III, 335. Отмѣтимъ еще, что Одоевскій былъ полезенъ Пушкину своими музыкальными познаніями. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать, судя по „Запискамъ" А. О. Смирновой (ч. I, стр. 57 и 273).

4) Труды Я. К. Грота III. Спб. 1901. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 154.

5) Объ этомъ говоритъ самъ Одоевскій въ цитированномъ выше отвѣтѣ журналу „Будущность". Къ періоду редактированія „Современника" относится довольно оживленная переписка Одоевскаго съ кн. П. А. Вяземскимъ. Въ переплетѣ 97 сохранилось вообще 43 записки кн. Вяземскаго къ Одоевскому. См также письма цензора Крылова („Р. Ст." 1904, май, 378) и Краевскаго (ibid., іюнь, 573; іюль, 151; въ бумагахъ 1869 г. письмо отъ 24 дек., вѣроятно, 1837 г.). Объ изданіи „Современника" друзьями Пушкина см. записку В. А. Жуковскаго въ „Р. Арх." 1864, стр. 831—832, съ припиской Одоевскаго, который, видимо, и тутъ принялъ живѣйшее участіе.

я хотѣлъ-было писать къ Пушкину объ етомъ, но я незнакомъ съ нимъ и не знаю, какъ ему ето покажется» [1].

Въ 1828 г. въ журналѣ М. Г. Павлова «Атеней» (№ 4, стр. 76—89) была напечатана непріятная для Пушкина рецензія о IV и V главахъ «Евгенія Онѣгина». Одоевскій въ негодованіи писалъ: «Что за пакость во 2-ой книжкѣ *Атенея!* какъ не стыдно Павлову!» [2].

«Въ «Пестрыхъ сказкахъ» восточный мудрецъ благословилъ русскую красавицу поэзіей Байрона, Державина и Пушкина (стр. 147).

«Капитанская дочка», напечатанная въ «Современникѣ» (1836, кн. 4), вызвала въ Одоевскомъ огромный интересъ: онъ прочиталъ ее два раза сряду, собирался читать и въ третій разъ. «Я не могъ ни на минуту оставить книги, читая ее даже не какъ художникъ, но стараясь быть просто читателемъ, добравшимся до повѣсти»,—дѣлился онъ съ авторомъ своими впечатлѣніями [3]. Одоевскій собирался даже писать о повѣсти Пушкина въ «Лит. Приб. къ Р. Инв.». Къ сожалѣнію, это намѣреніе не было осуществлено, но въ письмѣ къ Пушкину, не желая говорить автору въ лицо комплиментовъ, онъ приводитъ нѣсколько замѣчаній съ точки зрѣнія читателя («критика не въ художественномъ, но въ *читательномъ* отношеніи»). Къ числу важнѣйшихъ недостатковъ повѣсти онъ относитъ слишкомъ быстрое развитіе дѣйствія, эскизность Швабрина, который остается какой-то загадкой. «Савельичъ-чудо! Это лице самое трагическое, т. е. котораго больше всѣхъ жаль въ повѣсти. Пугачевъ чудесенъ, онъ нарисованъ мастерски».

Пушкинъ, по словамъ Одоевскаго, былъ «однимъ изъ немногихъ русскихъ писателей, въ самомъ дѣлѣ знающихъ русскій языкъ» [4].

Еще при жизни Пушкина, но не задолго до его кончины Одоевскій вступилъ въ борьбу съ врагами поэта.

---

1) Архивъ М. П. Погодина въ Рум. музеѣ. Письма, т. I, № 82, стр. 285—288. Н. Барсуковъ (II, 91) напечаталъ лишь конецъ этого письма. Полный текстъ любезно доставленъ намъ М. А. Цявловскимъ.

2) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина II, 184. Ссылка: „Письма, II, 69—72".

3) Переписка Пушкина подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 423.

4) Княжна Мими (1834). Сочиненія, ч. II, 331.

Въ «Сѣв. Пчелѣ» 1836 г., въ № 162, была напечатана статья П. М—скаго по поводу перевода «Полтавы» на малорусскій языкъ Е. П. Гребенкою. Въ ней опредѣленно говорилось объ упадкѣ поэтическаго творчества Пушкина: «Мечты и вдохновенія свои онъ погасилъ срочными статьями и журнальною полемикою, князь мысли сталъ рабомъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы». Эту статью Одоевскій считаетъ «сокращеніемъ всего того, что С. Пчела, Сынъ Отечества и Биб. для Чтенія, подъ разными видами, съ нѣкотораго времени стараются втолковать своимъ читателямъ». Одоевскій вознегодовалъ на клику продажныхъ журналистовъ и выступилъ на защиту Пушкина въ статьѣ *«О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Русскаго поэта Пушкина»*. Статья была написана въ 1836 г., но въ свое время не могла быть напечатана. Появилась она въ печати лишь въ 1864 г. [1]).

Разоблачая истинные мотивы нападокъ на Пушкина со стороны «литературныхъ диктаторовъ» и литературныхъ «негоціянтовъ», Одоевскій попутно показалъ, на какой неизмѣримой высотѣ стоитъ Пушкинъ, «эта радость Россіи, наша народная слава, Пушкинъ, котораго стихи знаетъ наизустъ и поетъ вся Россія, котораго всякое произведеніе есть важное событіе въ нашей литературѣ, котораго читаетъ ребенокъ на

---

[1]) „Р. Арх.“ 1864, стр. 821—831; съ примѣчаніями Одоевскаго. Въ собраніи автографовъ Имп. П. Библіотеки подъ буквой О находится копія этой статьи съ подписью (потомъ тщательно замазанной): *Ѳ. С. Ѳ.* На поляхъ рукою Одоевскаго написано: „Январію Михайловичу Невѣрову для возвращенія Князю В. Ѳ. Одоевскому. Писано не задолго до кончины Пушкина—ни одинъ изъ Журналистовъ не рѣшился напечатать боясь Булгарина и Сенковскаго“. Другая, болѣе поздняя копія—въ переплетѣ 83, л. 1—10. Она исправлена и значительно дополнена авторомъ. Вѣроятно, ее Одоевскій и готовилъ для „Р. Арх.“, но нѣкоторыя примѣчанія въ печати, видимо, сокращены. Изъ письма Одоевскаго къ Шевыреву (безъ даты, но, несомнѣнно, отъ 1837 г.) видно, что та же статья побывала и въ редакціи „Московск. Наблюдателя“. Одоевскій спрашивалъ: „Да отвѣчайте: печатаете ли вы статью о Нападеніяхъ на Пушкина? Насъ съ нею мучаютъ по грѣх. (неразборчиво) Іосифа Прекраснаго и Фиглярина. Скажите да,—или нѣтъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ ее напечатаютъ въ Лит. Приб.“ (Бумаги Шевырева въ И. П. Б.).—„М. Наблюдатель“ не напечаталъ, отказался и редакторъ „Лит. Приб. къ Р. Инв.“. Вѣроятно, объ этой статьѣ идетъ рѣчь въ одной запискѣ Краевскаго (бумаги 1869, карандашомъ и безъ даты), гдѣ лаконически говорится: „Возвращаю статью о Пушкинѣ“.

колѣняхъ матери, и ученый въ кабинетѣ,—Пушкинъ, одинъ человѣкъ, на котораго сама С. Пчела съ гордостію укажетъ на вопросъ иностранца о нашей литературѣ» («Р. Арх.» 1864, стр. 827). Враги лицемѣрно изумляются тому, что Пушкинъ сдѣлался журналистомъ. Одоевскій находитъ болѣе чѣмъ естественнымъ, что именно Пушкинъ взялъ на себя роль руководителя общественнаго мнѣнія. «Если кто-нибудь въ нашей литературѣ имѣетъ право на *голосъ*», говоритъ онъ (828), «то это безъ сомнѣнія Пушкинъ. Все даетъ ему это право, и его поэтическій талантъ, и проницательность его взгляда, и его начитанность, далеко превышающая лексиконныя познанія большей части изъ нашихъ журналистовъ,—ибо Пушкинъ не останавливался на своемъ пути, господа, какъ то случается часто съ нашими литераторами; онъ, какъ Гете и Шиллеръ, умѣетъ читать, трудиться и думать; онъ—поэтъ въ стихахъ, и бенедиктинецъ въ своемъ кабинетѣ; ни одно изъ таинствъ науки имъ не забыто,—и счастливецъ! онъ умѣетъ освѣщать обширную массу познаній своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ!—Ему ли не имѣть голоса въ нашей литературѣ»? [1]).

Но всю силу своего благоговѣнія передъ Пушкинымъ, какъ геніальнымъ жрецомъ истинной поэзіи, Одоевскій выразилъ въ ненапечатанной статьѣ, написанной, повидимому, вскорѣ послѣ смерти поэта, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ этого трагическаго событія [2]).

Красиво и патетически начинается эта статья: «Пушкинъ!—произнесите ето имя въ кругу художниковъ постигающихъ все величіе искусства, въ толпѣ простолюдиновъ, въ толпѣ людей, которые никогда его сами не читали, но слышали его стихи отъ другихъ—и ето имя вездѣ произведетъ какое-то електрическое потрясеніе. Отъ чего его кончина была семейною скорбію для цѣлой Россіи, отъ чего милость Царская сиротамъ Поета была подаркомъ для всякаго Русскаго сердца, нетлѣннымъ алмазомъ въ нетлѣнномъ вѣнцѣ Русскаго Госу-

---

1) Нападокъ на Пушкина со стороны „литературныхъ барышниковъ“ Одоевскій коснулся и въ „Письмѣ къ чулочному фабриканту“ (начала 40-хъ годовъ—въ переплетѣ 80, л. 203 и об.). Иронически онъ говоритъ о томъ, какъ было бы убыточно, если бы, въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ не былъ „великимъ Поетомъ—какъ (sic) у насъ никогда не бывало, да едва ли и будетъ“.

2) Переплетъ 83, л. 11—19, автографъ См. приложеніе.

даря?—Что сдѣлалъ Пушкинъ? изобрѣлъ-ли онъ молотильню, новыя берда для суконной фабрики, или другое новое средство для обогащенія, доставилъ ли вамъ какія удобства въ вещественной жизни? Нѣтъ рука Поэта оставляла другимъ дѣлателямъ подвиги на семъ поприщѣ,—отъ чего же имя его намъ родное, болѣе народное, возбуждаетъ больше сочувствія, нежели всѣ дѣлатели на другихъ поприщахъ, тѣснѣе соединенныхъ съ житейскими выгодами каждаго изъ насъ?»

Отвѣтъ заключается въ обаятельной силѣ искусства. Чтобы дать почувствовать мощь великаго художника, Одоевскій напоминаетъ о томъ впечатлѣніи, какое оставляетъ въ чуткомъ зрителѣ небольшая картина Рафаэля, находящаяся «въ Царскихъ чертогахъ» [1]). Не разбирать нужно геніальное созданіе искусства, а наслаждаться имъ,—говоритъ Одоевскій, повторяя мысль Ваккенродера. Точно также нельзя «разбирать по частямъ» жизнь и творчество художника, какъ обыкновеннаго человѣка. Люди, способные постигать тайны искусства, «благоговѣютъ и безмолвствуютъ». Много писали и судили о Пушкинѣ, но еще больше читали его и безотчетно наслаждались его поэзіей. «Предъ великимъ художникомъ важно и полезно лишь одно чувство: благоговѣніе!» [2]).

---

[1]) О той же картинѣ Одоевскій вспоминалъ, говоря о значеніи поэзіи Жуковскаго по поводу его 50-лѣтняго юбилея въ 1849 г. (переплетъ 13, л. 117, автографъ).

[2]) Статья, очень цѣнная и какъ общій матеріалъ для характеристики эстетическихъ идей Одоевскаго, не окончена и осталась ненапечатанной. Не забудемъ, что вѣдь имя Пушкина долго было запретнымъ. Въ 1838 г. справляли 50-лѣтній юбилей Крылова. Жуковскій въ своей привѣтственной рѣчи упомянулъ Пушкина, и это обстоятельство вызвало серьезное неудовольствіе со стороны министра С. С. Уварова. См записку Одоевскаго къ Краевскому отъ 4 февр. 1838 г. въ бумагахъ 1869 г. (напечатано въ „Р. Ст." 1904, іюнь, стр. 572).—Въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." 1837, № 5, стр. 48, былъ напечатанъ извѣстный краткій некрологъ Пушкина („Солнце нашей поэзіи закатилось!"). Одоевскій принималъ тогда ближайшее участіе въ этомъ журналѣ, и, м. б., этотъ некрологъ написанъ имъ. По крайней мѣрѣ, онъ очень хлопоталъ объ его переводѣ. 14 мая 1837 г. онъ писалъ въ Парижъ Бор. Григ. Глинкѣ-Маврину и между прочимъ черезъ него рекомендовалъ русскому агенту Толстому перевести изъ „Литер. Прибавленій" *строки о смерти Пушкина*, при чемъ предостерегалъ отъ статьи въ „Б для Чт." 1837, № 1, „ибо она написана врагомъ Пушкина Полевымъ и съ большимъ коварствомъ; эти господа, кажется, задумали мало по малу задушить мертваго Пушкина (ибо съ живымъ имъ этаго не удалося) и

Одоевскій, дѣйствительно, благоговѣлъ передъ Пушкинымъ; какъ подсолнечникъ, тянулся онъ къ «солнцу русской поэзіи» и внималъ совѣтамъ геніальнаго учителя поэзіи, въ которомъ художественная интуиція соединялась съ высокой образованностью. Пушкинъ въ такой же степени былъ идеаломъ для Одоевскаго, какъ Гете въ области поэзіи и Карусъ въ области науки: онъ — изъ числа тѣхъ немногихъ, кто приближаетъ наступленіе новаго искусства. О какомъ-либо подражаніи Пушкину со стороны Одоевскаго, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Правда, можно указать нѣкоторыя частности, которыя, повидимому, навѣяны Пушкинымъ или, по крайней мѣрѣ, допускаютъ сближеніе Одоевскаго съ Пушкинымъ [1]). Но суть дѣла не въ этомъ, а въ общемъ вліяніи Пушкина,

---

ета статья есть первый камень этой баттареи. Хорошо бы, если бы Толстой гдѣ нибудь въ Журналѣ сказать: что Журналъ издававшійся Пушкинымъ, продолжается его друзьями и Сочиненія его издаются ими же въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, къ чему, я думаю, можно прибавить (если ему не дано было особаго приказанія не говорить объ этомъ), что Государь далъ на ето около 50,000 р., ибо не знаю за чемъ ето скрывать для людей, которые насъ почитаютъ варварами, а Царя нашего чуть не людоѣдомъ" („Р. Старина", 1880, авг., стр. 805).—Отмѣтимъ, наконецъ, что оригиналъ статьи Даля „Послѣдния сутки жизни Пушкина" находится въ переплетѣ 101, л. 154—155.

[1]) Картина петербургскаго наводненія въ „Саламандрѣ" (II, 210—211) заставляетъ вспомнить о „Мѣдномъ всадникѣ" (1833). Темы гробовщика и импровизатора общія у Одоевскаго и Пушкина („Гробовщикъ"—1830; „Египетскія ночи"—1835). Въ „Семейной перепискѣ" промелькнулъ князь *Нулинъ*. Въ 40—60-хъ годахъ также находимъ у Одоевскаго отдѣльные отголоски Пушкина. Въ „Prolegomena" къ „Русскимъ письмамъ" (переплетъ 92, л. 140—148, автографъ второй половины 40-хъ годовъ; пунктъ 11-й) Одоевскій, продолжая еще развивать идеи философско-мистическаго періода, приглашаетъ прислушиваться „къ разсказамъ поэтическаго предзнанія, возбуждающаго ваше собственное предзнаніе въ поэтическихъ образахъ (примѣръ Нереиды Пушкина—отъ чего она (sic) производитъ такое впечатлѣніе), при музыкѣ Ветговена, при взглядѣ на Рафаелеву Мадонну; вся тайна въ томъ, что они потенцируютъ нашу внутреннюю силу". Характерно для Одоевскаго то, что „Лѣтопись села Горохина" (или, какъ доказалъ С. А. Венгеровъ, Горюхина), напечатанная съ такимъ заглавіемъ въ „Современникѣ" 1837 (кн. VII), произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ примѣчаніяхъ ко второму изданію „Р. Ночей" (1862 г.) онъ шутливо сравниваетъ себя съ помѣщикомъ с. Горохова, который задумалъ написать поэму о Рюрикѣ (переплетъ 79). Но особенно интересенъ слѣдующій фактъ. Въ бумагахъ Одоевскаго, въ переплетѣ 11, л. 67—74 об., копія съ поправками автора, оказалось начало сатирическихъ очерковъ подъ заглавіемъ *Домашнія замѣтки, собранныя старожиломъ*": послѣ вступленія идетъ очеркъ

какъ художника. Одоевскому ни у кого не нужно было учиться высокому пониманію искусства, но непосредственное общеніе съ геніальнымъ поэтомъ должно было придавать бо́льшую осязательность его эстетическимъ идеямъ, помогать осмысленію совершавшагося на его глазахъ литературнаго процесса и во всякомъ случаѣ было чрезвычайно поучительно для самого Одоевскаго, какъ писателя. Пушкинъ цѣнилъ литературный талантъ Одоевскаго и направлялъ его въ сторону реализма и объективности. По собственному признанію Одоевскаго, именно подъ вліяніемъ «упрека Пушкина» онъ старался быть «болѣе пластическимъ» (см. выше на стр. 297—8 и 74, прим. 1-е) [1]).

Больше точекъ непосредственнаго соприкосновенія въ литературной дѣятельности Одоевскаго оказывается съ творчествомъ Грибоѣдова и Гоголя, этихъ представителей нашей художественной сатиры. Вліяніе *Грибоѣдова*, какъ мы знаемъ, было очень давнимъ (см. выше въ I ч. на стр. 244—248, 270—275). Въ 30-хъ годахъ оно сказывается въ рядѣ весьма выразительныхъ фактовъ.

„*Изъ домашнихъ замѣтокъ, веденныхъ въ сельцѣ Мордасахъ*"—о невѣжественномъ помѣщикѣ-спиритѣ, который обзавелся „умнымъ столомъ". Въ с. Мордасахъ проживалъ Иванъ Васильевичъ, герой повѣсти Соллогуба „Тарантасъ" (1845); столоверченіе было въ модѣ въ пятидесятыхъ годахъ (см. выше на стр. 378). Къ 50-мъ годамъ, вѣроятно, и слѣдуетъ отнести „Домашнія замѣтки". Изъ введенія къ нимъ мы узнаемъ, что онѣ представляютъ подражаніе „Исторіи с. Горохина". Авторъ говоритъ намъ слѣдующее: „Вѣроятно, всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ извѣстна Лѣтопись села Горохина, начатая, къ сожалѣнію, не конченная, нашимъ безсмертнымъ поэтомъ Пушкинымъ; эта лѣтопись всегда привлекала особое мое сочувствіе и подавала поводъ къ глубокимъ размышленіямъ; признаюсь, во мнѣ возбуждалось даже желаніе продолжать ее, но, къ счастію, я скоро убѣдился, что во мнѣ не достанетъ ни свѣдѣній, ни таланта, чтобы выдержать сіе любопытное повѣствованіе въ томъ видѣ, который ему былъ данъ поэтомъ; какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, я рѣшился ограничиться лишь подражаніемъ, которое также, если не ошибаюсь, можетъ имѣть относительную пользу". Фраза о подражаніи (л. 67 об.) зачеркнута, но дальше во введеніи все же говорится о подражаніи; при чемъ самъ Одоевскій удачно подмѣтилъ „многословіе" „Домашнихъ замѣтокъ" въ отличіе отъ сжатаго, лапидарнаго стиля „Лѣтописи": лаконизмъ не принадлежалъ къ числу литературныхъ достоинствъ Одоевскаго.

[1]) „Могучая личность Пушкина", говоритъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ (Князь В. Ѳ. Одоевскій. Харьковъ, 1884, стр. 17), „не могла не повліять на Одоевскаго. Пушкинъ побуждалъ Одоевскаго къ литературной дѣятельности и, быть можетъ, нѣсколько регулировалъ его дѣятельность своими совѣтами и указаніями".

Въ началѣ 30-хъ годовъ наблюдается вообще усиленіе и безъ того значительнаго интереса къ «Горю отъ ума»; этому способствовали разрѣшеніе комедіи къ постановкѣ (въ первый разъ въ Москвѣ 25 февр. 1831 г.) и выходъ ея отдѣльнымъ изданіемъ въ 1833 г. Эти обстоятельства имѣли весьма важное значеніе въ исторіи русскаго романа тридцатыхъ годовъ.

«Вмѣстѣ съ «Онѣгинымъ» Пушкина», говорилъ Бѣлинскій о Грибоѣдовѣ [1]), «его «Горе отъ ума» было первымъ образцомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи слова. Въ этомъ отношеніи, оба эти произведеденія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь». Къ этому мы въ правѣ присоединить широкое вліяніе «Горя отъ ума» на второстепенныхъ беллетристовъ тридцатыхъ годовъ [2]).

Въ качествѣ беллетриста, Одоевскій также находился подъ

---

[1]) Сочиненія, изданіе Солдатенкова и Щепкина, т. VIII, 526 (пушкинскія статьи).

[2]) Не имѣя возможности сейчасъ подробно касаться этого интереснаго и въ сущности не обслѣдованнаго еще вопроса, мы ограничимся лишь упоминаніемъ нѣкоторыхъ характерныхъ фактовъ. Мы имѣемъ въ виду: „Слѣдствія комедіи *Горе отъ ума*“ въ „Сирусѣ“ (1827) М. А. Бестужева-Рюмина; повѣсть В. А. Ушакова „Киргизъ-Кайсакъ“ (М. 1830); повѣсть Н. А. Мельгунова „Кто-же онъ?“ (1831) (ср. въ „Очеркахъ по исторіи новой р. литературы“ А. И. Кирпичникова, т. II, стр. 160); романъ Д. Н. Бѣгичева „Семейство Холмскихъ“ (М. 1832); „Вечера г-жи Ладиной“ N. N. въ „Лит. Приб. къ Р. Инв.“ 1834, № 26. Изъ періода 40-хъ годовъ можно отмѣтить „Записки Неизвѣстнаго“ Сергѣя Нейтральнаго въ „От. Зап.“ 1843 г., т. 31 (ср. стр. 297). Сергѣй Нейтральный псевдонимъ С. П. Побѣдоносцева; Ивановъ Разумникъ ошибочно считаетъ его псевдонимомъ Одоевскаго (Сочиненія Бѣлинскаго подъ ред. Иванова-Разумника, именной указатель подъ словомъ „Одоевскій В. Ѳ.“, и въ 1-мъ и во 2-мъ изданіи). Фамилію Чацкій находимъ въ романѣ К. Павловой „Двойная жизнь“ (М. 1848).—Извѣстна близость Булгарина къ Грибоѣдову, и неудивительно обиліе въ его очеркахъ цитатъ и ссылокъ на „Горе отъ ума“. Давно уже отмѣчено, что въ „Литературныхъ призракахъ“ (Литер. листки, 1824, авг., № XVI) въ лицѣ Талантина Булгаринъ изобразилъ Грибоѣдова. Но до сихъ поръ оставался незамѣченнымъ фактъ, что въ „*Памятныхъ запискахъ тит. сов. Чухина*“ подъ именемъ Александра Сергѣевича Свѣтовидова выведенъ тотъ же *Грибоѣдовъ*. Въ одной замѣткѣ (переплетъ 48, л. 38 и об., автографъ, съ заглавіемъ „Романъ“) Одоевскій категорически писалъ: „Я читалъ книгу Булгарина: *Чухина* и читалъ, стараясь забыть о лицѣ Сочинителя. Книга имѣла для меня родъ интереса, ибо въ ней Сочинитель старался изобразить Грибоѣдова и Дашкова“.

обаяніемъ художественной сатиры Грибоѣдова, хотя опять-таки тутъ не могло быть мѣста простому подражанію.

Повѣсти «Княжна Мими» и «Княжна Зизи» связаны съ комедіей Грибоѣдова не только именами героинь [1]). Въ «Княжнѣ Мими» (1834) Одоевскій изобразилъ ту же общественную среду и въ тѣхъ же тонахъ, что и Грибоѣдовъ. Среди пестраго общества, наполняющаго гостиную княгини, были «и тѣ лица, которымъ *самъ* [2]) Грибоѣдовъ не могъ пріискать другого характеристическаго имени, какъ г-нъ N. и г-нъ D.» (стр. 311—312, т. II). Сквирскаго нельзя не породнить съ Загорѣцкимъ, какъ Городкова въ «Княжнѣ Зизи» съ Молчалинымъ. Услыхавъ въ обществѣ имя княжны Зизи, Одоевскій вспомнилъ о «неподражаемомъ Грибоѣдовѣ» (II, 359).

Одоевскій какъ будто взялъ на себя задачу разработать психологію эпизодическихъ лицъ «Горя отъ ума». Такое же впечатлѣніе производитъ и сюжетъ повѣсти «Катя или исторія воспитанницы» (1834). Для этого произведенія онъ предполагалъ взять грибоѣдовскій эпиграфъ: «Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ». Одно грибоѣдовское выраженіе подвернулось автору и въ текстѣ, когда говорится, что гр. Жано вывезъ изъ Италіи Паулино «для замысловъ какихъ-то непонятныхъ» (Новоселье, II, 385). Стихи Грибоѣдова такъ были въ памяти, что отъ нихъ не легко было отдѣлаться, да и не хотѣлось.

Въ «Петербургскихъ письмахъ (Психологическія задачи Хартина)» Людовико надѣленъ чертами Молчалина, при чемъ названо и имя грибоѣдовскаго героя (переплетъ 30, л. 41). Въ драмѣ «Хорошее жалованье» (1838) за кулисами дѣйствуетъ высокопоставленный чиновникъ, Максимъ Петровичъ. Въ неоконченномъ романѣ «Семейная переписка» въ числѣ дѣйствующихъ лицъ намѣчался Горичъ Платонъ Михайловичъ [3]), который рекомендуется читателямъ, какъ «военный Хлестаковъ съ примѣсью плантаторства» и «Скалозубъ, но въ траншею не засядетъ» (переплетъ 3, л. 77).—Въ «Письмѣ къ чулошному фабриканту» (переплетъ 13, л. 37 об.) авторъ возмуща-

---

[1]) Княжна Зизи между прочимъ упоминается уже и въ пов. „Княжна Мими“, на стр. 310.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Въ „Сильфидѣ“ герой именуется Михаилъ Платоновичъ.

ется «индустріяльнымъ мнѣніемъ г-жи Хлестовой въ Горѣ отъ ума:

Я знаю, онъ мошенникъ, воръ...
А мнѣ подарочекъ дай Богъ ему здоровья".

Вотъ тѣ внѣшніе факты, въ которыхъ осязательно выразились отголоски грибоѣдовской комедіи [1]).

По мнѣнію Одоевскаго (II, 331), авторъ «Горя отъ ума» былъ «едва ли не единственнымъ писателемъ, который постигъ тайну перевести на бумагу нашъ разговорный языкъ». И въ этомъ отношеніи Одоевскій могъ многому поучиться у Грибоѣдова, но, главное, конечно, комедія «Горе отъ ума» импонировала ему всею мощью художественнаго реализма и всѣмъ богатствомъ своего общественнаго и идейнаго содержанія. Типы и крылатыя слова Грибоѣдова то и дѣло припоминаются Одоевскому. Ими онъ будетъ пользоваться и въ третьемъ періодѣ своей дѣятельности [2]).

Вслѣдъ за Грибоѣдовымъ можно поставить *Н. В. Гоголя.* Если Пушкинъ могъ влiять на Одоевскаго своими совѣтами и общими свойствами геніальнаго художника, то Гоголь вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ дѣйствовалъ на общественно-бытовое содержаніе его творчества.

Одоевскій сошелся съ Гоголемъ очень рано. По словамъ Погодина [3]), Гоголь «впервые явился на сцену большаго свѣта» въ гостиной Одоевскаго, который встрѣтилъ его «на первыхъ порахъ съ дружескимъ участіемъ». Уже въ 1833 г. Пушкинъ, Гоголь и Одоевскій затѣваютъ альманахъ «Трой-

---

[1]) Намъ кажется натяжкой видѣть „подражаніе Грибоѣдову" въ словахъ героя „Новаго года" (ч. II, 16): „Помнишь, какъ мы живали!—Карету, карету!" или въ фразѣ „Пестрыхъ сказокъ" (ч. III, 196): „Что скажутъ маменьки?"— какъ это дѣлаетъ Б. А. Лезинъ (Очерки изъ жизни и литерат. дѣятельности кн. В. Ѳ. Одоевскаго, 109).

[2]) Заслуживаютъ упоминанія еще два факта. Въ 1838 г. Одоевскій собиралъ біографическія свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ у Жандра и Бѣгичева для „Энциклопедическаго Лексикона" Плюшара. Относящіеся сюда матеріалы—въ бумагахъ 1869 г. Ср. у Н. К. Пиксанова въ изданіи „Горе отъ ума... Жандровская рукопись" (М. 1912. Стр. XXVI). Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, Одоевскій оказывалъ существенное содѣйствіе племяннику и изслѣдователю Грибоѣдова, Д. А. Смирнову. См. его письма въ перендетѣ 97; одно, отъ 3 дек. 1858 г., напечатано И. А. Бычковымъ въ „Р. Ст." 1904, авг., 425—428.

[3]) Въ память о кн В. Ѳ. Одоевскомъ. Стр. 57.

чатка», при чемъ въ самомъ распредѣленіи ролей сказались специфическія особенности каждаго изъ участниковъ. 28 сент. 1833 г. Одоевскій писалъ Пушкину [1]). «Скажите, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что̀ дѣлаетъ нашъ почтенный г. Бѣлкинъ? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панекъ, по странному стеченію обстоятельствъ, описали: первый *гостинную*, второй *чердакъ;* нельзя ли г. Бѣлкину взять на свою отвѣтственность—*погребъ*? Тогда бы вышелъ весь домъ въ три этажа, и можно было бы къ Тройчаткѣ сдѣлать картинку, представляющую разрѣзъ дома въ 3 этажа съ различными въ каждомъ сценами». Одоевскій торопитъ Пушкина, чтобы «Тройчатка» могла выйти къ новому году. Пушкинъ уклонился отъ участія въ альманахѣ, ссылаясь на «головную боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь — барскую, помѣщичью лѣнь», и про̀силъ не дожидаться Бѣлкина [2]). Въ виду этого Одоевскій хотѣлъ издать только «Двойчатку». «Я печатаю — ужасъ что! — съ Гоголемъ «Двойчатку», книгу, составленную изъ нашихъ двухъ новыхъ повѣстей», сообщалъ онъ М. А. Максимовичу въ концѣ 1833 г. [3]). О какихъ повѣстяхъ шла тутъ рѣчь, мы не знаемъ. Предпріятіе не осуществилось. Важенъ однако самый фактъ сотрудничества.

Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь сильно увлекался творчествомъ Одоевскаго. Онъ посвященъ авторомъ въ планъ «Дома сумасшедшихъ» и съ восторгомъ сообщаетъ И. И. Дмитріеву въ письмѣ отъ 30 ноября 1832 г. [4]): «Князь Одоевскій скоро порадуетъ насъ собраніемъ своихъ повѣстей, въ родѣ «Квартета Бетговена», помѣщеннаго въ «Сѣвер(ныхъ) Цвѣтахъ» на 1831. Ихъ будетъ около десятка, и тѣ, которыя имъ написаны теперь, еще лучше прежнихъ. Воображенія и ума—куча! Это рядъ психологическихъ явленій, непостижимыхъ въ человѣкѣ! Онѣ выйдутъ подъ заглавіемъ «Домъ сумасшедшихъ». — 8 февраля 1833 г. Гоголь рекомендовалъ А. С. Данилевскому имѣющія вскорѣ выйти «фантастическія

[1]) Переписка подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 47.

[2]) Ibidem, стр. 56. Ср. у В. И. Шенрока „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. II, 154—5.

[3]) „Кіевская Старина", 1883, т. V, апрѣль, стр. 846. Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу. Сообщ. С. Пономаревъ.

[4]) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Т. I, 228—229.

сцены, подъ заглавіемъ «Пестрыя Сказки»: «очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ» [1]). Послѣдняя деталь сама по себѣ интересна.

Въ 30 и 40-хъ годахъ между Одоевскимъ и Гоголемъ существовала дружеская связь, и авторъ «Ревизора» не разъ обращался къ Одоевскому съ сердечными письмами [2]). Гоголь не только дорожилъ его вліяніемъ въ высокихъ сферахъ, вѣряя ему до извѣстной степени судьбу рукописи своихъ «Мертвыхъ душъ» [3]): его влекла къ Одоевскому несомнѣнная общность настроенія. Сотрудники «Московскаго Наблюдателя» въ глазахъ Гоголя «наши господа», и онъ «сгораетъ желаніемъ приклеить свои труды къ ихнимъ» [4]). Письмо Гоголя къ Одоевскому изъ Рима отъ 15 марта 1838 года—настоящее признаніе въ любви къ родной душѣ [5]). Имя Одоевскаго въ числѣ «немногихъ сладкихъ для сердца именъ,—именъ, унесенныхъ изъ родины», заключено въ завѣтный талисманъ. «Помнятъ ли меня мои родные, соединенные со мною святымъ союзомъ музъ?» спрашиваетъ Гоголь. Онъ хотѣлъ бы услышать ихъ голосъ, чтобы найти отраду среди житейскаго и журнальнаго базара. «Все рынокъ да рынокъ, презрѣнный холодъ торговли да ничтожество! Доселѣ все жила надежда, что снидетъ Іисусъ, гнѣвный и неумолимый, и безпощаднымъ бичемъ изгонитъ и очиститъ святой храмъ отъ торга и продажи, да свободнѣе возлетитъ святая молитва».

Тѣмъ же языкомъ говорилъ и Одоевскій, тѣ же надежды питалъ и онъ [6]). Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ Гоголь и Одоевскій отзывались на мистическія пережи-

---

[1]) Ibid., 241.

[2]) Оригиналы—въ переплетѣ 97: напечатаны въ „Р. Арх." 1864, стр. 838—841, и въ „Письмахъ Н. В. Гоголя", ред. В. И. Шенрока, т. I, 480—1 (15 марта 1838 г.); т. II, 134—5 (янв. 1842 г.), 140—1 (янв. 1842), 141 (27 янв. 1842).—Другія письма, по крайней мѣрѣ, одно, пропали (ib., III, 413).—Письмо отъ 16 марта 1847 г. напечатано И. А. Бычковымъ въ „Р. Ст." 1904, авг., 421—422.

[3]) Письма, II, 134—5, 138, 140—141, 141, 142. См. въ „Матеріалахъ для біографіи Н. В. Гоголя" В. И. Шенрока, т. III, 380—382; т. IV, 46—49.

[4]) Ibid., I, 333.

[5]) Ibid., I, 480—481.

[6]) Статья Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.". (1836) напрашивается на сближеніе со статьями Одоевскаго „О враждѣ къ просвѣщенію" и „О нападеніяхъ петербургскихъ журналовъ на русскаго поэта Пушкина".

ванія другъ друга, но ясно, что взаимное пониманіе между ними было вполнѣ возможно [1]).

Неудивительно, что въ самомъ характерѣ творчества обоихъ писателей найдется нѣчто общее.

Интереснымъ фактомъ въ этомъ случаѣ является сходство повѣсти Гоголя «Старосвѣтскіе помѣщики» и разсказа Одоевскаго «Исторія о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ». Въ обоихъ произведеніяхъ мнительность, возбужденная кошкой, сыграла существенную роль въ идиллической жизни весьма примитивныхъ по своей психикѣ героевъ. Несмотря на комическій исходъ «Исторіи», Одоевскій, какъ мы знаемъ, вложилъ въ нее серьезную идею о значеніи ирраціональныхъ, подсознательныхъ движеній души. Съ другой стороны, изъ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики» видно, что авторъ вовсе не склоненъ съ высоты раціонализма упрекать своихъ героевъ въ невѣжествѣ и суевѣріи: и для него психологія воображенія, «предчувствій и видѣній», «таинственныхъ зововъ» имѣетъ реальную важность. Онъ не скрылъ отъ читателей, что и самъ въ дѣтствѣ часто слышалъ таинственные голоса, явственно произносившіе его имя. Далѣе, «Записки сумасшедшаго» (1834) относятся къ той сферѣ психическихъ явленій, которымъ отведено столь большое мѣсто въ творчествѣ Одоевскаго. Мало того, по предположенію Н. С. Тихонравова, онѣ задуманы въ стилѣ разсказовъ Одоевскаго о сумасшедшихъ музыкантахъ [2]). «Носъ» (1832—1835) Гоголя навѣянъ увлеченіями магнитизмомъ и, слѣдовательно, опять соприкасается съ творчествомъ Одоевскаго [3]). Психологиче-

---

[1]) Гоголь, по крайней мѣрѣ, ждалъ сочувственнаго вниманія къ себѣ отъ Одоевскаго. Въ письмѣ отъ 16-го марта 1847 г. (Р. Ст. 1904, авг.) онъ убѣдительно проситъ Одоевскаго сообщить ему толки о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" и присоединить въ заключенье свое мнѣнье: „Грѣхъ будетъ тебѣ, если ты не исполнишь этого, потому что это дѣло души моей и душа моя требуетъ въ спасенье свое осужденій" (422).

[2]) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Т. V, стр. 610—611. „Клочки изъ записокъ сумасшедшаго" (Изъ книги Гоголя „Арабески") были напечатаны въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." 1835, № 27, а въ № 54 того же журнала находимъ „Листокъ изъ записокъ несумасшедшаго" Е. Г.

[3]) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Т. II, стр. 566—567. Въ 1831 г. большую сенсацію производили въ Петербургѣ магнитическіе сеансы Турчаниновой; между прочимъ ихъ посѣщалъ В. С. Ланской (ibid.). Этотъ фактъ естественно примыкаетъ къ тѣмъ многочисленнымъ фактамъ, которые мы собрали выше, ч. I, стр. 379, прим. 3-е.

ская подпочва творчества обоихъ писателей оказывается близкой: и Гоголь и Одоевскій одинаково интересуются «психологическими явленіями, непостижимыми въ человѣкѣ». Приводя эту паралель, мы не думаемъ утверждать факта «вліянія» съ чьей-либо стороны, а только сходство психологіи [1]).

Далѣе, родственные идеалистическіе мотивы звучатъ у обоихъ писателей, когда они говорятъ объ искусствѣ. Конечно, здѣсь многое объясняется личной психологіей того и другого и особенно единствомъ эстетическихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе «Портретъ» Гоголя подаетъ поводъ къ такимъ параллелямъ, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ (Петромихали и докторъ Сегеліель въ «Импровизаторѣ»; ужасающій характеръ дѣйствительности въ эстетикѣ «Портрета» и мучительный микроскопизмъ въ «Импровизаторѣ») [2]).

Словомъ, Гоголя и Одоевскаго, при всемъ различіи ихъ творческихъ индивидуальностей, несомнѣнно, прежде всего роднитъ, такъ сказать, нѣмецкая стихія (идеализмъ и фантастика), какъ общій тонъ ихъ творчества. Во-вторыхъ, и Гоголь и Одоевскій съ идеализмомъ и фантастикой соединяли склонность къ реализму и сатирѣ. Поскольку рѣчь шла объ идеологіи, болѣе сильной стороной являлся Одоевскій, и возможно (хотя бы отчасти) говорить объ его воздѣйствіи на Гоголя, вообще многимъ обязаннаго кружку «Моск. Вѣстника» и «М. Наблюдателя». Зато тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ непосредственными проявленіями художественнаго таланта, перевѣсъ былъ на сторонѣ Гоголя, и его творчество должно было оставить извѣстные слѣды на произведеніяхъ Одоевскаго.

---

[1]) Возможно, что именно автора „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ" имѣетъ въ виду Одоевскій въ слѣдующихъ строкахъ „Исторіи" (146—7): „Одинъ изъ новѣйшихъ сочинителей описалъ эти нѣмыя минуты семейственнаго счастія, когда въ головѣ не проходитъ ни одной мысли, въ душѣ рождается какое-то тихое, невыразимое чувство".

[2]) Дѣйствіе портрета у Гоголя напоминаетъ дѣйствіе образа Цециліи у Одоевскаго. Выраженіе въ „Портретѣ", что искусство „звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу", не только въ духѣ эстетики Одоевскаго, но и передаетъ его стиль. Между прочимъ картина Брюлова „Послѣдній день Помпеи" вызвала извѣстную статью Гоголя и статью Одоевскаго, сохранившуюся, къ сожалѣнію, въ неоконченномъ видѣ въ переплетѣ 24, л. 111—114, автографъ.—Ср. въ статьѣ Ч. Вѣтринскаго объ Одоевскомъ (Въ сороковыхъ годахъ, 304) и въ книгѣ Н. А. Котляревскаго „Н. В. Гоголь" (гл. VII).

Одоевскій былъ однимъ изъ первыхъ сознательныхъ цѣнителей гоголевскаго генія. По поводу «Миргорода» онъ готовилъ критическую статью, но Гоголь просилъ его «не писать разбора», предпочитая знать отзывъ Шевырева, такъ какъ мнѣніе перваго онъ можетъ слышать «всегда и даже изустно», а Шевырева могъ услышать «только печатно» [1]). Въ бумагахъ Одоевскаго сохранился отрывокъ задуманной имъ статьи, который и въ этомъ видѣ представляетъ несомнѣнный интересъ [2]). «Хорошее во всякомъ родѣ трудно и легко; легко для Генія, трудно для простаго дарованія, которое также можетъ возвышаться до Генія», говоритъ Одоевскій. Романъ, кромѣ «трудности вымысла», сопряженъ съ «трудностью выраженія». Это особенно касается романовъ, составляющихъ, такъ сказать, полюсы по отношенію другъ къ другу: «романа въ нравахъ высшаго общества и самаго низшаго». Человѣкъ высшаго общества въ одномъ, повидимому, «самомъ незначущемъ словѣ» выражаетъ сложныя движенія души. «Сколько усилій потребно Романисту для того, чтобы читатель понялъ значеніе етаго слова». «Человѣкъ низшаго класса также имѣетъ свою скрытность— но въ другомъ родѣ», и его рѣчь по внѣшности похожа на какую-то «безсмыслицу». «Чтобы выразить ету черту, безъ которой характеръ разговора простолюдина будетъ всегда не полонъ, надобно для выраженія сей черты найти такую рѣчь, которая бы соотвѣтствовала и характеру простолюдина и требованіямъ искусства. Ето до сихъ поръ понимали немногіе Романисты—а изъ Русскихъ (извините!) никто, кромѣ Сочинителя Шпоньки [3]), и отъ того у нихъ разговоръ простол.— просто глупъ».—Въ примѣръ приводится разговоръ Ивана Ивановича съ бабой Ивана Никифоровича насчетъ ружья. Слогъ Гоголя вообще кажется Одоевскому «живымъ, геніальнымъ» [4]).

Какъ Пушкину и Грибоѣдову, такъ и Гоголю Одоевскій вмѣняетъ въ достоинство прежде всего правдивость его литературнаго языка, что, разумѣется, предполагаетъ въ писателѣ

---

1) Письма Гоголя, I, 336 (письмо къ С. П. Шевыреву отъ 10 марта 1835 г.).

2) Переплетъ 13, л. 110 и об., автографъ карандашомъ.

3) Ранѣе было написано: „Рудаго Панька".

4) От. Зап. 1840, т. XII, отд. VI, стр. 21; анонимный разборъ „Чтеній о Русскомъ Языкѣ Николая Греча".

хорошее знаніе психологіи изображаемой среды. Замѣчательно, что въ Гоголѣ Одоевскій съ такой опредѣленностью подчеркиваетъ именно бытового художника, и, очевидно (судя по началу статьи), безъ колебанія хотѣлъ причислить его дарованіе къ разряду геніальныхъ.

Укажемъ нѣсколько фактовъ, въ которыхъ возможно видѣть тѣ или другіе отклики на гоголевское творчество.

Герой «Сильфиды», собираясь расшевелить Катеньку, намѣренъ «въ будущее свиданіе начать разговоръ хоть словами несравненнаго Ивана Ѳедоровича Шпоньки: «лѣтомъ-съ бываетъ очень много мухъ», «и посмотрю», прибавляетъ онъ, «не выйдетъ ли изъ этого разговора нѣчто продолжительнѣе бесѣды Ивана Ѳедоровича съ его невѣстою» (II, 109).—«Сказка о мертвомъ тѣлѣ, неизвѣстно кому принадлежащемъ» сопровождается эпиграфомъ изъ «Вечеровъ» Гоголя. Мало того, въ тонѣ изложенія исторіи о приказномъ, въ частности въ употребленіи канцелярскаго стиля и, наконецъ, въ самой фантастикѣ сказки чувствуется нѣчто общее съ малороссійскими повѣстями Гоголя. Въ своемъ мѣстѣ мы высказывали предположеніе, что стимулъ къ написанію чиновничьей драмы «Хорошее жалованье, приличная квартира, столъ, освѣщеніе и отопленіе» (1838) могъ быть данъ «Ревизоромъ» Гоголя (1836). Имя Хлестакова пригодилось Одоевскому для характеристики Горича въ «Семейной перепискѣ». Во всякомъ случаѣ персонажи Гоголя и въ частности его «Ревизора», какъ и дѣйствующія лица «Горя отъ ума», настолько запечатлѣлись въ памяти Одоевскаго, что онъ часто пользуется ихъ образами въ своихъ публицистическихъ и сатирическихъ очеркахъ даже третьяго періода (напр., при обличеніи нашихъ «торіевъ-хлестаковичей»).

Типы Гоголя и Грибоѣдова чаще выступаютъ у Одоевскаго, чѣмъ типы Пушкина: художественная сатира была ему сроднѣе. Творчество Гоголя, посвященное изображенію будничной дѣйствительности, но проникнутое дыханіемъ высокаго романтическаго идеала, было близко и понятно Одоевскому. Гоголь для него «лучшій талантъ въ Россіи», какъ сказано въ статьѣ «О враждѣ къ просвѣщенію» (1836) (III, 368), и онъ негодуетъ на сравненіе Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, допущенное, какъ извѣстно, Сенковскимъ. Автора «Ревизора» онъ считаетъ

завершителемъ того сатирическаго направленія въ русской литературѣ, которое началось съ Кантемира и въ которомъ воплощены «памяти ума» русскаго народа (III, 45).

Совершенно особое отношеніе было у Одоевскаго къ *М. Ю. Лермонтову*, котораго онъ также зналъ лично.

Одоевскій, столь благоговѣвшій передъ Пушкинымъ, не могъ не почувствовать также красоты и силы лермонтовской поэзіи. Въ рукописномъ романѣ «Мостъ» гр. Никольскій съ похвалой отмѣчаетъ стихотворенія Лермонтова. Не могъ Одоевскій не заинтересоваться мятежнымъ настроеніемъ автора «Думы» и «Демона», и господствующимъ въ его произведеніяхъ типомъ байроническаго героя. Онъ настолько зналъ психологію современной ему интеллигенціи, что не усомнился въ искренности лермонтовскаго «байронизма» и, раньше статей Бѣлинскаго, призналъ за байронизмомъ серьезное общественное значеніе (ср. выше на стр. 307—308). Люди печоринскаго типа — нерѣдки въ беллетристическихъ произведеніяхъ Одоевскаго. Они пополняютъ и безъ того значительную галлерею лишнихъ людей. Усматривать здѣсь какое-нибудь опредѣленное воздѣйствіе со стороны Лермонтова мы не можемъ. Все, что мы рѣшаемся утверждать, это то, что личность Лермонтова и его произведенія поддерживали въ Одоевскомъ серьезный интересъ къ «байронизму» и до извѣстной степени мирили его съ этимъ настроеніемъ.

Немногія фактическія данныя, которыми мы располагаемъ, позволяютъ заключить, что Одоевскій, съ своей стороны, пытался вліять на міровоззрѣніе автора «Демона», вступалъ съ нимъ въ религіозные споры и, можетъ быть, боролся съ его разочарованіемъ.

13 апрѣля 1841 г. Одоевскій подарилъ Лермонтову свою «старую и любимую книгу», съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ее самъ всю исписанную. Но подарокъ былъ сдѣланъ слишкомъ поздно: поэтъ успѣлъ использовать только 12 листовъ книги. 30 дек. 1843 г. Ек. Ек. Хостатовъ возвратилъ книгу Одоевскому, а послѣдній въ 1857 г. пожертвовалъ ее въ Публ. Библіотеку. Для насъ интересно сейчасъ то, что книга начинается нѣсколькими выписками, сдѣланными самимъ Одоевскимъ изъ Іоанна и ап. Павла и содержащими въ себѣ мысли о покорности волѣ Божіей и о любви. Въ примѣчаніи, напи-

санномъ Одоевскимъ въ 1857 г., сказано: «Эти выписки имѣли отношеніе къ религіознымъ спорамъ, которые часто подымались между Лермонтовымъ и мною» [1]).

Въ связи съ этими бесѣдами становится понятной и слѣдующая записка Одоевскаго, находящаяся въ XIII тетради автографовъ Лермонтовскаго Музея, на л. 14 об.: «Ты узнаешь кто привезъ тебѣ ети двѣ вещи — одно прекрасное и рѣдкое изданіе мое любимое—читай Его. О другомъ напиши, что почувствуешь прочитавши. Можетъ быть сегодня еще разъ заѣду.— Жена была со мною и кланяется тебѣ, жалѣла что не застали». Можно догадываться («Его»), что рѣчь идетъ о такихъ книгахъ, которыя, по мнѣнію Одоевскаго, должны бы повліять на міровоззрѣніе Лермонтова [2]). Но, къ сожалѣнію, мы не могли бы сказать ничего болѣе точнаго о содержаніи упомянутыхъ споровъ и бесѣдъ.

Въ чисто литературной сферѣ (имѣя въ виду творчество Одоевскаго) мы опять наблюдаемъ интересный параллелизмъ: двоеміріе «Демона» и общественно-психологическій характеръ романа «Герой нашего времени» соотвѣтствуютъ двумъ основнымъ теченіямъ въ литературной дѣятельности Одоевскаго. Послѣдній по мѣрѣ своего таланта отчасти воздѣлывалъ тотъ же литературный участокъ, что и Лермонтовъ [3]).

Итакъ, старый другъ и почитатель Грибоѣдова, Одоевскій въ тридцатыхъ годахъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ, являясь однимъ изъ ближайшихъ спутниковъ этихъ свѣтилъ. По размѣрамъ своего художественнаго таланта онъ стоялъ позади каждаго изъ нихъ, но по силѣ мысли и глубинѣ настроенія онъ въ правѣ занять мѣсто рядомъ съ ними, въ томъ же первомъ ряду. Одоевскій благоговѣлъ передъ Пушкинымъ, глубоко чтилъ талантъ Грибоѣдова, искренно увлекался художественной сатирой Гоголя и любовно слѣдилъ за развитіемъ Лермонтова. Но ни въ комъ изъ нихъ онъ не могъ растворить своего творческаго «я»; Грибо-

---

1) Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія содержатся въ приписках на самой книгѣ.

2) Приведенной выпиской мы обязаны любезности проф. Д. И. Абрамовича, который относитъ эту записку ко времени „не ранѣе 5 авг 1839 г.“.

3) „Фаталиста“ Лермонтова Одоевскій припомнитъ во время своей позднѣйщей полемики съ „Домашней Бесѣдой“ (переплетъ 41, л. 70, автографъ).

ѣдовъ, Пушкинъ и Гоголь — всѣ одинаково признавали въ немъ крупное дарованіе. Идя своей особой дорогой, но параллельно съ великими писателями эпохи, Одоевскій въ концѣ-концовъ совмѣстно съ ними работалъ для созданія русскаго художественнаго реализма.

Опредѣливъ отношеніе Одоевскаго къ главнымъ представителямъ нашей литературы тридцатыхъ годовъ, мы тѣмъ самымъ въ значительной мѣрѣ предрѣшили вопросъ о «вліяніи» на Одоевскаго нѣмецкой и французской стихій, взятыхъ въ ихъ первоисточникѣ, а также и вопросъ объ его отношеніи къ второстепеннымъ романистамъ эпохи.

IV.

«Нѣмецкая» стихія въ Одоевскомъ 20—30-хъ годовъ, безспорно, была очень сильна. Питомецъ философскаго романтизма, въ своей литературной дѣятельности, особенно въ тридцатыхъ годахъ, онъ не былъ однако исключительнымъ послѣдователемъ нѣмецкихъ романтиковъ.

Современники и нѣкоторые позднѣйшіе изслѣдователи не прочь были видѣть въ Одоевскомъ русскаго *Гофмана* (Hoffmann II, по выраженію гр. Е. П. Ростопчиной) [1]; говорить о вліяніи Гофмана на Одоевскаго стало общимъ мѣстомъ въ литературѣ объ авторѣ «Русскихъ Ночей», и намъ необходимо подробнѣе остановиться на этомъ пунктѣ.

Въ методологическомъ отношеніи всякій вопросъ о вліяніи распадается на слѣдующіе четыре момента (кромѣ, разумѣется, элементарнаго требованія—точнаго сопоставленія хронологическихъ датъ): 1) были ли налицо общія условія, при которыхъ фактъ вліянія становится возможнымъ? 2) былъ ли данный писатель непосредственно знакомъ съ произведеніями того автора, чье вліяніе мы предполагаемъ? 3) была ли психологическая почва (конгеніальность) для воспріятія изслѣдуемаго вліянія? 4) имѣло ли мѣсто предполагаемое вліяніе, и каковы его границы? Этими методологическими соображеніями мы и будемъ руководиться при рѣшеніи вопроса о вліяніи Гофмана на Одоевскаго.

---

1) „Р. Арх.“ 1864, стр. 847.

Было бы совершенно невѣроятнымъ предположить, чтобы русскій писатель 30-хъ годовъ не зналъ Гофмана. Переводы изъ Гофмана появляются у насъ уже въ первой половинѣ 20-хъ годовъ [1]) и въ 30-хъ годахъ составляли непремѣнную принадлежность чуть не каждаго журнала. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ самаго начала тридцатыхъ годовъ идутъ статьи о Гофманѣ (по большей части переводныя) біографическаго и критическаго содержанія [2]). Общеизвѣстно далѣе, какимъ уваженіемъ пользовалось имя Гофмана въ литературныхъ кружкахъ 30-хъ годовъ (Станкевичъ, Бѣлинскій, Боткинъ, Герценъ, Грановскій, Катковъ, Кольцовъ и т. д.) [3]).

Болѣе или менѣе установленъ и фактъ непосредственнаго воздѣйствія Гофмана на многихъ русскихъ писателей 30-хъ и даже 40-хъ годовъ (Погорѣльскаго, Мельгунова, Полевого, Олина, Гоголя, Герцена, Достоевскаго и др.) [4]). Общая атмосфера романтизма благопріятствовала у насъ вліянію знаменитаго нѣмецкаго писателя [5]).

Такимъ образомъ, все говоритъ за возможность вліянія Гофмана и на кн. Одоевскаго.

---

1) Насколько намъ извѣстно, первыми переводами изъ Гофмана были а) „Дѣвица Скюдери“ и „Дожъ и догаресса“ въ „Библіотекѣ для чтенія, составленной изъ новѣстей, анекдотовъ и другихъ произведеній словесности“ (ч. III и XII, приложеніе къ „Сыну Отечества“ 1822—1823 гг.), б) Счастье игроковъ („В. Евр.“ 1823 г.); в) Бѣлое привидѣніе („М. Тел.“ 1825, прибавленія); г) Ботаникъ (ib., 1826, VIII); ж) Что нѣна въ водѣ, то сны въ головѣ (М. Вѣсти 1827, III); з) Очарованный бумажникъ (ib., 1829, ч. XXV), и) Сеньоръ Формика въ „Сынѣ Отеч.“ и „Сѣв. Арх.“ (1829, № 13) и пр.

2) Такъ, уже въ „В. Е.“ 1830 г были переведены съ французскаго двѣ статьи. а) О послѣднихъ дняхъ жизни и смерти Гофмана; б) О фантастическихъ повѣстяхъ Гофмана. Въ „Телескопѣ“ (ч. 16) былъ напечатанъ переводъ статьи Кс. Мармье „Гофманъ“.

3) И. И. Панаевъ разсказываетъ о „Серапіоновскихъ вечерахъ“ (Литературныя воспоминанія. Изд. 3-е. Стр. 112).

4) Изъ второстепенныхъ фактовъ, связанныхъ съ вліяніемъ Гофмана, назовемъ: а) Черный паукъ или Сатана въ тюрьмѣ. Фантастическо-волшебная повѣсть небывалаго столѣтія, сочин. Гофмана. Передѣланная съ нѣмецкаго А. Пр—омъ. М. 1836 (Отзывъ у Бѣлинскаго, подъ ред С. А. Венгерова, т. III, 52); б) А. Кончеозерскій. Гофманскій вечеръ. Повѣсть. „Лит. Приб. къ Р. Инв.“ 1835, № 83 и 84.

5) Ср. у П. В. Анненкова въ „Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ“ (отд. III, 301—302) часто цитируемое мѣсто.

При своей широкой литературной начитанности Одоевскій не могъ упустить изъ виду автора «Серапіоновыхъ братьевъ». Изъ его собственныхъ показаній и изъ его произведеній можно почерпнуть данныя, удостовѣряющія его фактическое знакомство съ Гофманомъ.

Въ 20-хъ годахъ Одоевскій зналъ только разсказъ «Майоратъ» [1]). «Послѣдній квартетъ Бетховена» уже въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» (1831) имѣетъ эпиграфъ изъ Гофмана (именно изъ «Die Serapionsbrüder») [2]). Въ «Пиранези», въ редакціи альманаха «Сѣверные Цвѣты на 1832 г.» (на стр. 48), при описаніи книжной лавочки говорится, что случай снесъ здѣсь вмѣстѣ книги всѣхъ изданій и форматовъ, соединилъ «Державина съ Поповскимъ, Фрерона закрываютъ отъ пыли Вольтеромъ, и рядомъ съ благоразумнымъ Лагарпомъ ставятъ Гофмановы Сказки и романы Нодье» [3]). Въ «Себастіанѣ Бахѣ» упоминаются «гофмановскія повѣсти византійскихъ лѣтописцевъ» [4]).

Далѣе, въ рукописныхъ статьяхъ и отрывкахъ 30-хъ годовъ есть не только упоминанія Гофмана, но и его характеристика. Въ большой замѣткѣ по поводу картины Брюлова «Послѣдній день Помпеи» [5]) Одоевскій высказываетъ мысль, что въ моменты чрезвычайныхъ событій въ толпѣ неожиданно появляются самыя странныя и страшныя фигуры, которыхъ нигдѣ послѣ не встрѣтишь. «Подумайте», пишетъ онъ (л. 112), «откуда взялись—всѣ ети старики въ красныхъ плащахъ съ напудренными париками, всѣ ети юноши съ Мефистофелевскою улыбкою, ети глаза безъ ресницъ, етотъ гробовой хохотъ, насмѣшливый скрежетъ зубовъ—конечно, всѣ ети привидѣнія уже потеряли свой интересъ—они затасканы въ Повѣстяхъ новыхъ Сочинителей, но я увѣренъ что когда нибудь всѣ ети существа дѣй-

---

1) Примѣчанія къ „Русскимъ ночамъ“. Переплетъ 79, л. 1—34 или переплетъ 2, л. 14—20. См и у Б. А. Лезина, стр. 64. „Майоратъ“ былъ переведенъ на русскій языкъ въ „М. Тел.“ 1830 г.

2) Переводъ Одоевскаго не совсѣмъ точенъ.

3) Въ текстѣ „Р. Ночей“ приведенной фразы уже нѣтъ.

4) „Р. Ночи“, I, 218.

5) Переплетъ 24, л. 111—114, автографъ. Картина Брюлова была выставлена въ Москвѣ въ январѣ 1836 г.: см. замѣтку въ „М. Набл.“ 1835 г., ч. IV, подъ названіемъ „Брюловъ въ Москвѣ“.

ствительно являлись тѣмъ которые подобно Гофману первые возвѣстили объ нихъ міру».—Какъ ранѣе рядомъ были поставлены Гофманъ и Нодье, такъ и здѣсь его творчество разсматривается въ связи съ «повѣстями новыхъ сочинителей», т.-е. съ произведеніями той же французской школы. За Гофманомъ, какъ видимъ, признается достоинство искренности переживаній. По поводу «Записокъ Чухина» (2 ч. Спб. 1835) Одоевскій между прочимъ выразился, что Булгаринъ лицо доктора хотѣлъ сдѣлать «поэтическимъ, *гофманическимъ*», но оно вышло пошлымъ и нелѣпымъ [1]).

Итакъ, въ тридцатыхъ годахъ Одоевскій не только зналъ Гофмана, но и цѣнилъ его талантъ, опредѣленно отличая его отъ толпы подражателей. Въ 40—60-хъ годахъ это отношеніе къ Гофману остается неизмѣннымъ [2]), и Одоевскій вовсе не считалъ обиднымъ для себя сравненіе съ Гофманомъ. Въ «Примѣчаніяхъ къ Русскимъ Ночамъ» (1862 г.) онъ называетъ нѣмецкаго фантаста «въ своемъ родѣ человѣкомъ геніяльнымъ»: Гофманъ изобрѣлъ «особаго рода чудесное; знаю, что въ нашъ вѣкъ анализа и сомнѣнія довольно опасно говорить о чудесномъ, но между тѣмъ этотъ элементъ существуетъ и понынѣ въ искусствѣ; ...Гофманъ нашелъ единственную нить, посредствомъ которой этотъ элементъ можетъ быть въ наше время проведенъ въ словесное искусство; его

---

[1]) Переплетъ 48, л. 38 об., автографъ.

[2]) Въ письмѣ къ Шевыреву второй половины 40-хъ годовъ (послѣ выхода „Р. Ночей“ и лекцій Шевырева) Одоевскій выразился о себѣ (переплетъ 96, л. 231, автографъ): „безпрестанно нахожусь въ положеніи бѣднаго студента передъ Гофмановымъ Цахомъ“.—Въ переплетѣ 79, л. 185—187, копія, есть драгоцѣнная замѣтка о сношеніяхъ съ „существами нездѣшняго міра“, относящаяся уже къ третьему періоду и отразившая новые научные взгляды Одоевскаго (ею мы воспользуемся во II т.). Разсказъ о таинственныхъ явленіяхъ, пишетъ Одоевскій, вызываетъ въ слушателѣ невольное „содроганіе“, „которымъ, по увѣреніямъ мистиковъ, обозначается присутствіе существа неземнаго“. „Это невольное ощущеніе такъ сильно, что, какъ извѣстно, Гофманъ не могъ оставаться одинъ въ комнатѣ, когда писалъ свои фантастическія сказки, а сажалъ возлѣ себя кого-либо изъ домашнихъ. Явленіе совершенно понятное; необходимо хоть на нѣкоторое время вѣрить въ фантастическое для того, чтобы и читатели повѣрили фантастическому разсказу“ (л. 185 об.). „Потому“, прибавляетъ авторъ въ тонъ своему новому міровоззрѣнію, „литератору не совсѣмъ выгодно искоренять въ читателяхъ наклонность къ фантастическому“, но существуетъ „неумолимый сторожъ—наука“ и пр.

чудесное всегда имѣетъ двѣ стороны: одну — чисто фантастическую, другую — дѣйствительную, такъ что—гордый читатель XIX в. ни сколько не приглашается вѣрить безусловно въ чудесное происшествіе, ему разсказываемое; въ обстановкѣ разсказа выставляется все то, чѣмъ это самое происшествіе можетъ быть объяснено весьма просто,—такимъ образомъ и волки сыты и овцы цѣлы; естественная наклонность человѣка къ чудесному удовлетворена, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбляется и пытливый духъ анализа; примирить эти два противоположные елемента было дѣломъ истиннаго таланта» [1].

Сравненіе себя съ Гофманомъ Одоевскій готовъ принять «за учтивость». Тѣмъ не менѣе онъ не разъ протестуетъ противъ обвиненія въ подражаніи Гофману.

Въ одномъ рукописномъ наброскѣ предисловія къ «Р. Ночамъ» [2] авторъ между прочимъ сѣтуетъ на то, что литературные судьи «въ описаніи народнаго повѣрья, не всѣмъ извѣстнаго, видѣли подражаніе Гоффману» [3].

Но особенно обстоятельно касается Одоевскій своихъ отношеній къ Гофману въ «Примѣчаніяхъ къ Русскимъ Ночамъ» (1862) [4]. Вотъ что читаемъ мы здѣсь по интересующему насъ вопросу [5]: «Habent sua fata libelli! Пишущему и вообще дѣйствующему человѣку не мудрено провиниться разными образами, между прочимъ, напр., свою мысль выдать за чужую или, какъ на грѣхъ, чужую за свою. Но часто, какъ съ Софьей Павловной, бываетъ хуже—съ рукъ сойдетъ, а вдругъ, Богъ вѣсть по какимъ сближеніямъ, васъ начинаютъ обвинять или оправдывать именно въ томъ, въ чемъ вы ни душой, ни тѣломъ не виноваты. Многіе находили—иные въ похвалу, другіе — въ осужденіе, что въ «Русскихъ Ночахъ» я старался подражать Гофману». Это обвиненіе, вообще говоря, не слиш-

---

1) Переплетъ 79, л. 1—34 и переплетъ 2, л. 14—20. Б. А. Лезинъ, 64. Мы цитируемъ по переплету 79.—Очевидно, въ связи съ „Примѣчаніями" стоитъ и слѣдующая замѣтка изъ числа позднихъ (переплетъ 31, л. 32 об., автографъ): „Гофманъ — его чудесное — аналитическое, единственно возможное въ наше время".

2) Переплетъ 13, л. 10 об., автографъ.

3) Вѣроятно, имѣется въ виду „Игоша".

4) Переплетъ 79, л. 1—34 и переплетъ 2, л. 14—20.

5) Цитирую по автографу переплета 79.

комъ тревожитъ автора; но въ интересахъ правды онъ рѣшительно отвергаетъ мысль о подражаніи: «А между тѣмъ, я не подражалъ Гофману. Знаю, что самая форма «Русскихъ ночей» напоминаетъ форму Гофманова сочиненія: «Serapien's Brüder». Также разговоръ между друзьями, также въ разговоръ введены отдѣльные разсказы. Но дѣло въ томъ, что въ эпоху, когда мнѣ задумались «Русскія ночи», т. е. въ 20-хъ годахъ, «Serapien's Brüder» мнѣ вовсе не были извѣстны; кажется, тогда эта книга и не существовала въ нашихъ книжныхъ лавкахъ; единственное сочиненіе Гофмана, тогда мною прочитанное, было «Маіоратъ», съ которымъ у меня нигдѣ, кажется, нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Не только мой исходный пунктъ былъ другой, но и діалогическая форма пришла ко мнѣ инымъ путемъ». Далѣе Одоевскій разсказываетъ уже извѣстную намъ исторію первоначальнаго замысла «Р. Ночей» [1]).

Заявленіе весьма категорическаго свойства. Оно относится къ самому значительному произведенію Одоевскаго, а первая наша цитата—изъ предисловія—касается, вѣроятно, «Пестрыхъ сказокъ». Правдивость Одоевскаго столь безспорна, что его словъ, повидимому, совершенно достаточно, чтобы считать вопросъ окончательно снятымъ съ очереди. Но не забудемъ, что приведенныя слова относятся лишь къ формѣ «Р. Ночей» и къ ихъ идеѣ. Предыдущее изложеніе даетъ намъ полное основаніе утверждать, что въ этомъ отношеніи такъ именно и обстояло дѣло. Этимъ однако не исчерпывается вопросъ о возможности вліянія Гофмана на Одоевскаго. Въ 30-хъ годахъ Одоевскій, несомнѣнно, уже зналъ Гофмана, и современники не безъ основанія же указывали на извѣстное сходство между обоими писателями. Субъективное мнѣніе автора слѣдуетъ провѣрить объективными данными.

На чемъ же основываютъ обыкновенно выводъ о вліяніи Гофмана на Одоевскаго? Вопервыхъ, называютъ его «*Пестрыя сказки*». На близость къ Гофману въ этомъ случаѣ указывала

[1]) Въ виду изложеннаго теряетъ всякое значеніе голословное утвержденіе проф. Евг. Боброва, что „крупный писатель Влад. Ѳед. Одоевскій полагаетъ свою славу въ томъ, чтобы слыть „Гофманомъ II“; нечего и говорить, что и въ „Р. Ночахъ“ и въ „большинствѣ мелкихъ повѣстей“ проф. Бобровъ видитъ „подражаніе Гофману“ (Проф. Евг. Бобровъ. Философія и литература. Т, I, Казань 1898, Статья „Э. Т. А. Гофманъ“, стр. 131).

уже современная критика (Полевой, бар. Розенъ). Но замѣчательно, что при этомъ не столько говорили о сходствѣ, сколько о различіи. [1]) Отмѣтивъ «нѣсколько прекрасныхъ юмористическихъ очерковъ» (сказку о коллежскомъ совѣтникѣ Отношеньѣ, сказку о мертвомъ тѣлѣ) [2]), Бѣлинскій обращаетъ вниманіе на пьесу «Игоша», «въ которой все непонятно, отъ перваго до послѣдняго слова, и которая, поэтому, вполнѣ заслуживаетъ названіе *фантастической*. Мы имѣемъ причины думать, что на это фантастическое направленіе нашего даровитаго писателя имѣлъ большое вліяніе Гофманъ» [3]). Каковы эти причины, къ сожалѣнію, критикъ не поясняетъ, и самъ же принимается доказывать, какъ мало фантастика Одоевскаго похожа на «фантазмъ Гофмана». Столь же бездоказательными являются утвержденія въ книгѣ Кёнига, какъ извѣстно, писанной въ 1837 году со словъ Н. А. Мельгунова [4]), и въ воспоминаніяхъ Н. Путяты [5]). Изъ современныхъ ученыхъ проф. А. Н. Веселовскій полагаетъ, что Гофманъ нашелъ себѣ «мастерского послѣдователя въ лицѣ кн. В. Одоевскаго, съ его «Пестрыми сказками», «Русскими ночами» [6]).

---

[1]) См. выше на стр. 32—35. Тотъ же намекъ и въ „Молвѣ"—ibid., 35, прим. 1.—Н. Колюпановъ, категорически утверждающій, что Одоевскій „принялъ за образецъ главнымъ образомъ Гофмана", усматриваетъ „подражаніе Гофману" уже въ апологахъ Одоевскаго. Никакихъ доказательствъ однако онъ не приводитъ (Біографія А. И. Кошелева. Т. I, кн. II, стр. 77, 96).

[2]) По ошибкѣ сюда же критикъ включилъ и „Исторію о пѣтухѣ, кошкѣ и лягушкѣ".

[3]) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова IX, 18.

[4]) Очерки русской литературы. Переводъ сочиненія Кенига: Literärische Bilder aus Russland. Спб., 1862, стр. 153—156. „Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ (т.-е. Одоевскій) писалъ фантастическія повѣсти *во вкусъ* Гофмана, въ которыхъ онъ является *подражателемъ* его болѣе въ формѣ, чѣмъ въ содержаніи" (154—155). Въ примѣръ проводятся „Пестрыя сказки".

[5]) Н. Путята. „Кн. В. Ѳ. Одоевскій" („Р. Арх." 1874, книга I, стр. 259): „Онъ издалъ свои *Пестрыя Сказки* и подражаніемъ въ нихъ Гофману первый познакомилъ Русскую публику съ этимъ оригинальнымъ писателемъ". Мы уже знаемъ, что въ словѣ „первый"—большая фактическая неточность. Мнѣніе Путяты безъ провѣрки принялъ П. Мизиновъ (Исторія и поэзія, 472).

[6]) А. Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 4-е изданіе. М., 1910. Стр. 235.

Какъ видимъ, по отношенію къ «Пестрымъ сказкамъ» никто не приводилъ опредѣленныхъ доказательствъ, а довольствовались общимъ впечатлѣніемъ. Гофманъ, какъ самый извѣстный въ то время представитель фантастики, невольно приходилъ въ голову, но тотчасъ же, при самомъ поверхностномъ сравненіи «въ умѣ», становилось яснымъ и существенное различіе. Опредѣленное указаніе Бѣлинскаго на «Игошу» вышло какъ разъ неудачнымъ: Одоевскій называетъ другой, народный источникъ этой сказки.

Во-вторыхъ, подражаніе Гофману видѣли въ повѣстяхъ «*Сильфида*» и «*Саламандра*» [1]. Н. Мизко, впрочемъ, говоритъ лишь о «сходствѣ съ Гофманомъ» [2]. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ видѣлъ въ названныхъ повѣстяхъ «поэтическое развитіе» одного «мѣста изъ сочиненій Гофмана»—о стихійныхъ духахъ и ихъ отношеніи къ людямъ [3]. И. А. Кубасовъ также называетъ «Сильфиду» и «Саламандру» въ числѣ произведеній, на которыхъ отразилось «особенно замѣтное вліяніе Гофмана» [4]. Единственное доказательство, приведенное проф. Сумцовымъ, конечно, нельзя признать обоснованнымъ: съ идеей элементарныхъ духовъ Одоевскій, несомнѣнно, познакомился помимо Гофмана; они выводятся уже въ его произведеніяхъ 20-хъ годовъ, когда, по его свидѣтельству, онъ зналъ только «Маіоратъ», но зато уже читалъ немало книгъ по магіи и кабалистикѣ. Здѣсь у Одоевскаго и Гофмана видимъ просто общій источникъ.

Въ-третьихъ, «Русскія Ночи» особенно подавали поводъ къ зачисленію Одоевскаго въ группу подражателей Гофмана. Въ доказательство прежде всего приводили общій планъ этого произведенія, несомнѣнно, сходный съ планомъ «Серапіоновыхъ братьевъ» [5]. Этого не отрицалъ и самъ Одоевскій, но

---

[1]) Булгаринъ говорилъ въ этомъ случаѣ о фантастическихъ повѣстяхъ вообще: см. выше на стр. 66.—„Сильное вліяніе Гофмана" на „фантастическіе разсказы" Одоевскаго чувствуетъ и А. Ѳ. Кони (статья въ Энц. Слов. Брокгауза и Эфрона).

[2]) Столѣтіе Русской словесности. Сочиненія Николая Мизко. Одесса, 1849. Стр. 328.

[3]) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1884. Стр. 25.

[4]) И. А. Кубасовъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Стр. 55—56.

[5]) Бѣлинскій, IX, 18, въ данномъ случаѣ выражается менѣе категорично, чѣмъ о „Пестрыхъ сказкахъ" („*можетъ быть*"), и усвоенію столь „странной

признать заимствованіе отказывался. Намъ извѣстна исторія созданія «Р. Ночей», и мы знаемъ, какъ постепенно созрѣвалъ ихъ планъ, безъ участія Гофмана, и, съ другой стороны, насколько распространена была подобная циклическая форма.

Что касается отдѣльныхъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ «Р. Ночей», то здѣсь вліяніе Гофмана находили. въ «Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi», въ «Послѣднемъ квартетѣ Бетховена», «С. Бахѣ» и въ «Импровизаторѣ».

P. Douhaire сближаетъ «Пиранези» (въ его переводѣ «L'architecte») съ «Іезуитской церковью» Гофмана [1]). По мнѣнію Н. Ѳ. Сумцова, «Giambattista Piranesi нарисованъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ гофманскаго Серапіона». и тамъ и здѣсь изображено тихое, спокойное сумасшествіе, не исключающее логичности разсужденій, и оба помѣшаны на предметахъ возвышенныхъ [2]). Оба указанія отличаются столь общимъ характеромъ (недаромъ и ссылка дѣлается на два разныхъ произведенія), что отсюда мудрено прямо заключать о «вліяніи». Кромѣ того, не забудемъ, какъ рано возникла у Одоевскаго идея «Дома сумасшедшихъ» (еще до выхода въ свѣтъ «Пестрыхъ сказокъ»).

«Послѣдній квартетъ Бетховена», по мнѣнію проф. Сумцова (25), «подвергся вліянію другого гофмановскаго сумасшедшаго, Креспеля»; въ частности онъ видитъ сходство въ той мысли, что дѣятельность художниковъ въ иныхъ случахъ кажется «сумасбродной», а на самомъ дѣлѣ обусловливается глубиною ихъ

формы" считаетъ недостаткомъ произведенія.—Для проф. Сумцова (24) уже „*несомнѣнно*", что форма „навѣяна серапіоновскими собраніями". Того же мнѣнія А. Н. Пыпинъ („подъ вліяніемъ Гофмана, которое отвѣчало собственному складу его ума и воображенія"—Ист. р. лит., IV, гл. 43), П. Мизиновъ (472) и А. Н. Веселовскій (235, 185 стр.—„Западнаго вліянія"). Въ свое время и А. М. Скабичевскій утверждалъ, что Одоевскій „первый познакомилъ русскую публику съ Гофманомъ своими подражаніями этому писателю", и находилъ, что «даже его „Русскія Ночи" формою своею напоминаютъ „Серапіоновыхъ Братьевъ" Гофмана" (Сочиненія, т. I, статья „Сорокъ лѣтъ русской критики, гл. V).

1) P. Douhaire. „Le Décaméron russe". Paris, 1855. P. 79—94. Préface.

2) Н. Ѳ. Сумцовъ. Стр. 24—25. Къ его мнѣнію примыкаетъ и П. А. Кубасовъ (55—56).

натуры [1]). Относительно психологіи сумасшедшихъ и психологіи художниковъ опять приходится повторить, что не одинъ Гофманъ могъ быть источникомъ для Одоевскаго.

«Музыкальное образованіе Себастьяна Баха» также «напоминаетъ» проф. Сумцову «музыкальное образованіе гофмановскаго Теодора» (25—26) [2]). На этотъ разъ, какъ видимъ, признается лишь общее сходство.

Наконецъ, по поводу «Импровизатора» Дугеру тоже вспомнился Гофманъ, но онъ выражается осторожно. По его мнѣнію, Одоевскій вообще былъ вдохновляемъ Гофманомъ, а не подражалъ ему («dont il s'est inspiré, sans l'imiter toutefois», page X). И въ данномъ случаѣ онъ говоритъ лишь слѣдующее. «Nous l'avons dit, le prince Odoëfsky tient d'Hofman par les bons côtés. Il a, comme lui, le sentiment de l'art et de ses difficiles conditions» [3]).

Вотъ и все, что говорилось о вліяніи Гофмана на «Р. Ночи». Когда изъ рукъ выпалъ главный козырь—зависимость формы непремѣнно отъ «Серапіоновыхъ братьевъ», — остались однѣ общія параллели, не уполномочивающія на категорическій приговоръ о подражаніи [4]).

И дѣйствительно, вопросу объ отношеніи Одоевскаго къ Гофману должна быть дана совершенно другая постановка: ни о прямомъ подражаніи, ни даже о непосредственномъ вліяніи одного какого-нибудь произведенія Гофмана на то или другое произведеніе Одоевскаго говорить нельзя. Передъ нами два параллельныхъ, хотя и неравнозначительныхъ въ художественномъ отношеніи явленія. Гораздо продуктивнѣе, по нашему мнѣнію, заняться общимъ сопоставленіемъ ихъ творчества, мотивовъ и образовъ. Это поможетъ лучшему уясненію особенностей Одоевскаго и докажетъ, что въ данномъ случаѣ не было

---

[1]) И. А. Кубасовъ также называетъ „Послѣдній квартетъ Бетховена" въ числѣ произведеній, испытавшихъ на себѣ вліяніе Гофмана.

[2]) „С. Баха" связываютъ съ Гофманомъ, вслѣдъ за проф. Сумцовымъ, П. Мизиновъ (473) и И. А. Кубасовъ (55—56).

[3]) P. 125—143. Préface.

[4]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ распространяетъ вліяніе Гофмана даже на „Письма къ гр. Ростопчиной о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ" и пр. Эти „Письма", думаетъ онъ (25), „формой, быть можетъ и замысломъ, обязаны „Тайнамъ или замѣчательной перепискѣ автора съ различными лицами" Гофмана.

даже психологической почвы (конгеніальности) для полнаго усвоенія Одоевскимъ гофмановскаго творчества, и что, слѣдовательно, ни въ коемъ случаѣ нельзя утверждать фактъ «весьма сильнаго вліянія» Гофмана [1]).

Безспорно общимъ съ Гофманомъ является у Одоевскаго признаніе *двоемірія* и, слѣдовательно, стихійныхъ духовъ, привидѣній и двойниковъ. Въ этомъ случаѣ, кромѣ «Сильфиды» и «Саламандры», особенно важна «Косморама»: отъ нея такъ и вѣетъ гофмановскимъ духомъ, а мѣстами оказываются прямыя параллели съ «Nussknacker und Mausekönig» (см. выше на стр. 85) [2]).

Чтобы почувствовать, насколько все-же въ этомъ мотивѣ творчество Одоевскаго сближается съ творчествомъ Гофмана, слѣдуетъ детально сравнить съ «Саламандрой» и «Сильфидой»— «Der goldne Topf» Гофмана. Здѣсь все: герой произведенія, студентъ Ансельмъ (Anselmus) съ его дѣтски-поэтическимъ и благочестивымъ настроеніемъ (ein kindliches poetisches Gemüth, ein kindlich frommes Gemüth), съ его стремленіемъ проникнуть въ глубочайшія тайны природы [3]); золотисто-зеленыя змѣйки-сестры (drei in grünem Gold erglänzende Schlänglein); любовь Ансельма къ Серпентинѣ (младшей змѣйкѣ); духъ огня Саламандръ, а на землѣ архиваріусъ Lindhorst; золотой горшокъ съ огненной лиліей; филистерское общество вокругъ и въ частности мѣщанка Veronika; лѣченіе Ансельма, пребываніе его въ Atlantis вмѣстѣ съ Серпентиной; безуміе самихъ филистеровъ и пр.,—все это покажется весьма знакомымъ читателю «Саламандры» и «Сильфиды» [4]).

---

[1]) Ссылки въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи сдѣланы на „Hoffmann's Sämmtliche Werke in einem Bande“ (Paris, 1841), хотя въ нашихъ рукахъ было и берлинское изданіе 1871—1873 гг.

[2]) Въ „Der goldne Topf“ („Золотой горшокъ“) дѣйствуютъ der Salamander—духъ огня и Erdgeist. О стихійныхъ духахъ вообще см. „Der Elementargeist“.— Часто фигурируетъ у Гофмана „der Teufel“ (напр., 651[2], 652[2], 653, 664[2]) и Dapertutto (656—660). Весьма типичны: „Die Elixiere des Teufels“, „Die Bergwerke zu Falun“ (въ „Die Serapionsbrüder“) и пр.

[3]) „Ist denn überhaupt des Anselmus Seligkeit etwas Anderes als das Leben in der Poesie, der sich der heilige Einklang aller Wesen als tiefstes Geheimniss der Natur offenbaret?“.

[4]) Одна деталь отводитъ насъ даже къ „Пестрымъ сказкамъ“ По проискамъ колдуньи, Ансельмъ попадаетъ въ бутылку (in eine wohlverstopfte Kristallflasche

Міръ привидѣній, который иной разъ изображалъ и Одоевскій, былъ роднымъ для Гофмана. Между прочимъ комната съ привидѣніями, о которой говорится у Одоевскаго въ разсказѣ «Привидѣніе» (III, 35 стр.) и въ «Эльсѣ» (т. II, стр. 222 и слл.), играетъ роль въ разсказѣ Гофмана «Das Majorat», т.-е. въ томъ разсказѣ, съ которымъ Одоевскій познакомился раньше всего («Das Majorat»—далеко не лучшее и не самое типичное произведеніе нѣмецкаго писателя). Появленіе призрака—лунатика Даніэля, общая атмосфера напряженнаго страха, попытки Теодора дать раціоналистическое объясненіе своему настроенію (между прочимъ онъ читалъ Schillers Geisterseher),—все это переноситъ насъ въ обстановку разсказа Одоевскаго «Привидѣніе».

Міръ полонъ неразгаданныхъ тайнъ, и душевная жизнь самого человѣка—великая загадка,—эта идея одинаково проникаетъ творчество и Гофмана и Одоевскаго; у перваго она выражается въ болѣе глубокой и утонченной формѣ, чѣмъ у второго. Идея кармы, связи человѣка съ лицами далекаго прошлаго—широко представлена въ произведеніяхъ Гофмана (напр., въ судьбѣ Серапіона); съ нею же мы встрѣчались въ «Пиранези», въ «Орлахской крестьянкѣ», въ «Саламандрѣ» [1]).

Нѣтъ у Гофмана недостатка въ магахъ, алхимикахъ, магнитизерахъ, мистикахъ и т. п.

auf einem Repositorium im Bibliothek-Zimmer des Archivarius Lindhorst). Такой участи подвергаются въ сущности и другіе юноши, но ихъ это обстоятельство не слишкомъ безпокоитъ. Вспомнимъ балъ въ ретортѣ и паука въ стеклянной банкѣ.—Нелишне, пожалуй, отмѣтить, что главы разсказа „Der goldne Topf" называются „Vigilie", и что авторъ пишетъ ихъ по ночамъ (S. 631[1], 649[2]). Есть у Гофмана и цѣлая серія разсказовъ „Nacht-Stücke" (среди нихъ и давно извѣстный Одоевскому разсказъ „Das Majorat"). Нѣкто Г-нъ далъ „прелестные рисунки къ Contes nocturnes de Hoffmann", — сообщалъ Пушкину Соболевскій 2 окт. 1833 г. (приписка на письмѣ Одоевскаго—переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, 48).

[1]) Любопытное совпаденіе представляетъ одна деталь. Въ „Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi" разсказчикъ увѣряетъ, что на карикатурѣ, изображающей, какъ въ Неаполѣ у книжной лавочки молодой человѣкъ весь погрузился въ разсматриваніе книгъ, а маленькій лазарони вытаскиваетъ у него изъ кармана платокъ, нарисованъ именно онъ самъ (I, 43—44). Точно также въ „Die Serapionsbrüder", въ разсказѣ „Die Fermate", Теодоръ въ картинѣ Hummel'я съ сюжетомъ изъ итальянской жизни призналъ вѣрное воспроизведеніе одной сцены изъ своей собственной жизни (S. 66[2]). Чѣмъ объяснить такое совпаденіе, мы затрудняемся. Возможно, что это—плодъ реминисценціи, или мы имѣемъ тутъ дѣло съ ходячимъ анекдотомъ.

Адвокатъ Coppelius и отецъ студента Nathanael'я въ «Der Sandmann» занимаются алхимiей. А Натанаэль, какъ и Ансельмъ (въ «Der goldne Topf»),—поэтъ-романтикъ, знакомый съ таинственными предчувствiями. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и форменный мистикъ: читаетъ мистическiя книги, и настроенiе его носитъ мистическую окраску [1]). Этотъ молодой человѣкъ вообще служитъ прекраснымъ представителемъ того типа, который появляется и въ мистическихъ разсказахъ Одоевскаго. Онъ—изъ числа тѣхъ людей, кого толпа зоветъ безумными, сумасшедшими [2]).

У Гофмана, какъ и у Одоевскаго, вообще большую роль играетъ мотивъ безумiя въ особомъ значенiи этого термина.

Достаточно опять вспомнить Креспеля и особенно Серапiона, который не видѣлъ грани, отдѣляющей «eine innere Welt» отъ «die Aussenwelt», чья жизнь была «ein steter Traum» (S. 65¹). Serapionismus вообще—синонимъ Wahnsinn (S. 52—56², 64²—65). Нѣмецкiй романтикъ старается внушить читателю, «dass nichts wunderlicher und toller sey, als das wirkliche Leben, und dass dieses der Dichter doch nur, wie in eines matt geschliffnen Spiegels dunklem Wiederschein, auffassen könne» (Der Sandmann, S. 383²). «Das, was sich wirklich begiebt, beinahe immer das Unwahrscheinlichste ist», говорится въ «Die Serapionsbrüder» (64). Безудержная игра фантастическими образами у Гофмана, употребляя его выраженiе, свидѣтельствуетъ о «die bitterste *Ironie* des irdischen Treibens, die nur dem tiefen, aber an einer Todeswunde kränkelnden Gemüth eigen» (Das steinerne Herz, S. 465) [3]). Понятно послѣ этого, какой нелѣпостью кажется

---

[1]) Его mystische Schwärmerei—S. 384²; его düstre Träumereien—S. 384. Ср. на стр. 384: „Alles, das ganze Leben" и т. д.

[2]) Баронъ Родерихъ въ разсказѣ „Das Majorat" былъ астрологомъ (S. 431², 442²—445). Мистикомъ и месмерiанцемъ является чудаковатый баронъ von Exter въ разсказѣ „Das steinerne Herz" (S. 467). О магнитизмѣ см., напр., въ „Die Serapionsbrüder" (S. 133—138, со ссылками на Бартельса, Клуге, Новалиса и Шеллинга).—У Гофмана большая роль принадлежитъ одному дѣйствующему лицу, которое подъ именемъ „der reisende Enthusiast" появляется въ нѣсколькихъ произведенiяхъ. Къ нему близокъ русскiй „энтузiастъ" Ириней Мод. Гомозейко, котораго авторъ также предполагалъ превратить въ путешественника. Докторъ Prosper Alpanus въ сказкѣ „Klein Zaches, genannt Zinnober"—сродни доктору Сегелиелю въ „Импровизаторѣ".

[3]) Ощущенiя романтика иногда соединяются въ одинъ *синкретическiй* клубокъ. См. въ „Höchst zerstreute Gedanken" („Kreisleriana")—замѣтку, начинаю-

Гофману здравый смыслъ филистеровъ или раціонализмъ ученыхъ людей.

Героя «Сильфиды» излѣчили бульйонными ваннами; Одоевскій вообще не разъ иронически изображалъ медицинское лѣченіе «сумасшедшихъ». То же видимъ и у Гофмана (напр., въ «Die Geistesdiät»—S. 577[2], 584[1]). Представителемъ ходячаго раціонализма у Гофмана, какъ и у Одоевскаго, обыкновенно являются врачи [2]).

Есть, далѣе, одна сфера, которая была почти одинаково родной какъ для Гофмана, такъ и для Одоевскаго. Это *искусство*, особенно *музыка*. Здѣсь найдется сходство и въ общихъ идеяхъ и въ частностяхъ [3]).

Для Гофмана музыка высшее искусство, «allgemeine Sprache der Natur» (675[1]—въ «Kreisleriana»). «Наше царство не отъ міра сего», говорятъ музыканты, ибо «die Melodien, welche die höhere Sprache des Geisterreichs reden, ruhen nur in der Brust des Menschen» (Kreisleriana, S. 675[1]) [4]). По мнѣнію истинныхъ музыкантовъ, «die Kunst liesse dem Menschen sein höheres Prinzip ahnen und führe ihn aus dem thörichten Thun und Treiben des gemeinen Lebens in den Isistempel, wo die Natur in heiligen, nie gehörteu und doch verständlichen

---

щуюся словами: „Nicht sowohl im Traume, als im Zustande des Delirirens" и т. д., въ „Kreisleriana"—„Johannes Kreislers Lehrbrief" и пр.—Синкретизмъ ощущеній мы отмѣчали въ „Сильфидѣ" и „С. Бахѣ".

[2]) Таковъ докторъ и въ разсказѣ „Das Sanctus". Правда, въ результатѣ онъ принужденъ былъ признать особенный характеръ болѣзни Беттины, приписать ее психическимъ причинамъ, но все же отказывается слушать „бредни" энтузіаста.—Еще маленькая параллель. Severin („Ein Fragment aus dem Leben dreier Freunde" въ „Die Serapionsbrüder", S. 93[2]) не могъ выносить гвоздики (Nelke), а Гомозейко питалъ органическое отвращеніе къ огурцамъ (38, прим. 3).

[3]) A. Brükner въ „Geschichte der russischen Litteratur" (Leipzig. 1905. S. 227) выразился объ Одоевскомъ: „Er erinnert manchmal an Hoffmann, besonders zog ihn Musik an" и. пр.

[4]) „Der Musiker, das heisst, der, in dessen Innerem die Musik sich zum deutlichen klaren Bewusstseyn entwickelt, ist überall von Melodie und Harmonie umflossen. Es ist kein leeres Bild, keine Allegorie, wenn der Musiker sagt, dass ihm Farben, Düfte, Strahlen, als Töne erscheinen, und er in ihrer Verschlingung ein wundervolles Conzert erblickt... So würden die plötzlichen Anregungen des Musikers, das Entstehen der Melodien im Innern, das bewusstlose oder vielmehr das in Worten nicht darzulegende Erkennen und Auffassen der geheimen Musik der Natur als Prinzip des Lebens oder alles Wirkens in demselben seyn" (S. 675[1]).

Lauten mit ihm spräche. Von der Musik hegen diese Wahnsinnigen nun vollends die wunderlichsten Meinungen; sie nennen sie die romantischste aller Künste, da ihr Vorwurf nur das Unendliche sey; die geheimnissvolle, in Tönen ausgesprochene Sanscritta der Natur, die die Brust des Menschen mit unendlicher Sehnsucht erfülle, und nur in ihr verstehe er das hohe Lied der — Bäume, der Blumen, der Thiere, der Steine, der Gewässer!» (S. 577) [1]).

Гофмановскій «Ritter Gluck» (въ «Fantasiestücke in Callot's Manier») и по композиціи и по основной идеѣ напоминаетъ «Послѣдній квартетъ Бетховена» и «Себ. Баха» [2]). Глюкъ, играющій въ жалкой своей квартирѣ по нотной тетради, но безъ нотъ, жалующійся, что люди не понимаютъ его творчества,—такъ похожъ на Бетховена (въ «Послѣднемъ квартетѣ»), который играетъ на почти безструнномъ фортепьяно и развиваетъ свою возвышенную теорію творчества [3]). Какъ у Одоевскаго Бетховенъ и Бахъ, такъ и Глюкъ въ творческомъ экстазѣ «durch's elfenbeinerne Thor» проникаетъ въ царство грезъ (ins Reich der Träume), а отсюда вмѣстѣ съ немногими избранниками восходитъ «zur Wahrheit—der höchste Moment ist da: die Beruhrung mit dem Ewigen, Unaussprechlichen» (S. 570).

Бетховенъ, Бахъ, Моцартъ и Гайднъ занимаютъ у Гофмана, въ его философіи музыки [4]), такое же мѣсто, какъ и у Одоевскаго.

Оказывается сходство и въ частныхъ взглядахъ на музыку

---

[1]) О божественной сущности музыки говоритъ намъ и разсказъ „Das Sanctus" (S. 415—421). Der reisende Enthusiast, типъ, родственный Ансельму и Натанаэлю, временами видитъ въ природѣ „ein tausendchöriges Clavichord" (416[2]). Много тонкихъ мыслей о музыкѣ въ разсказахъ „Die Serapionsbrüder" (66—72), въ „Lebensansichten des Katers Murr" и пр.

[2]) Разумѣется, этимъ указаніемъ мы не исключаемъ возможности сближенія съ Креслеромъ и другими типами музыкантовъ.

[3]) Точно также и Крейслеръ, несмотря на то, что молотокъ попорченъ, и оборвано почти пятнадцать струнъ, все-таки садится играть. „Und ich will *doch* fantasiren", rief Kreisler, „im Bass ist Alles ganz geblieben, und das soll mir genug seyn" (Kreisleriana, — „Kreislers musikalisch-poetischer Klubb".— S. 663[2]). И полились оригинальныя фантазіи музыканта-романтика, унося его далеко отъ земли, въ родную ему стихію гармоніи, въ царство духовъ. Kreisler Гофмана и капельмейстеръ въ разсказѣ „Балъ" вышли изъ одной школы.

[4]) Ср. его „Beethovens Instrumental Musik", „Don Juan" въ „Kreisleriana"— „Höchst zerstreute Gedanken". Здѣсь (S. 581) обращаетъ на себя вниманіе также самое сравненіе музыки С. Баха съ страссбургскимъ соборомъ, что заставляетъ вспомнить о видѣніи С. Баха у Одоевскаго (I, 231—2)

Такъ, оба писателя отрицательно относятся къ итальянской оперѣ и высоко ставятъ церковную музыку [1].

Разумѣется, у Гофмана истинный музыкантъ противопоставляется толпѣ филистеровъ, что видимъ и у Одоевскаго (въ «Послѣднемъ квартетѣ Бетховена» и въ «Себ. Бахѣ»). Въ «Die Serapionsbrüder» находимъ знакомую по Одоевскому антитезу искусства и меркантилизма (купецъ Traugott дѣлается художникомъ) [2].

Итакъ, двоемiрiе, «безумiе» и искусство—вотъ области, въ которыхъ Одоевскій наиболѣе приближается къ Гофману.

Возможна, впрочемъ, и еще одна параллель, но уже не столь яркая. Мы имѣемъ въ виду мотивъ *любви*, также характерный для романтики.

Вообще говоря, въ творчествѣ Одоевскаго этотъ мотивъ занимаетъ мало мѣста. Мы не найдемъ у него настоящей «romantische Liebe». Но все же любовь онъ считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій поэтической стихіи, и временами умѣлъ рисовать это чувство въ нѣжныхъ романтическихъ тонахъ, хотя и безъ романтической экзальтаціи. «Насмѣшка мертвеца» (отчасти и «Кн. Мими») не по формѣ, а по соотношенію дѣйствующихъ

---

1) Ср. въ „Kreisleriana", S. 670—1, въ главѣ „Ueber einen Ausspruch Sacchini's und über den sogenannten Effekt in der Musik". „*Петръ Пустынникъ*" Одоевскаго въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, именно гдѣ говорится объ условностяхъ постановки оперы (см. стр. 5), напоминаетъ „Der vollkommene Maschinist" въ „Kreisleriana" Гофмана (S. 583—586). Есть также сходство съ „Don Juan" Гофмана (въ серіи „Fantasiestücke in Callot's Manier"). Разсказъ Гофмана „Don Juan" называется „eine fabelhafte Begebenheit, die sich mit einem reisenden Enthusiasten zugetragen". „Энтузiастъ" Гофмана испытываетъ сильнѣйшее впечатлѣніе отъ оперы, сопровождавшееся почти состояніемъ сомнамбулизма, видѣніями. Нѣчто подобное находимъ и въ „Петрѣ Пустынникѣ".

2) Одоевскій и Гофманъ одинаково понимаютъ условія, опредѣляющія художественную правду. Разговоръ на эту тему въ „Р. Ночахъ" ведутъ друзья по поводу „Послѣдняго квартета Бетховена". Фаустъ высказалъ ту мысль, что, если даже этотъ „анекдотъ" и выдуманъ кѣмъ-нибудь, то это значитъ, что онъ „происходилъ въ душѣ его сочинителя; слѣдственно, это происшествіе все-таки *было*, хотя и не *случилось*" (168). — У Гофмана Серапіонъ утверждалъ, dass es nur der Geist sey, der sehe, höre, fühle, der That und Begebenheit fasse, und dass also auch sich wirklich *das* begeben, was er dafür anerkenne" (S. 65). Все фантастическое пріобрѣтаетъ и для читателя характеръ достовѣрности, если оно пережито самимъ авторомъ, и если онъ самъ вѣритъ этому (см. слова Лотара въ Serapionsbrüder", S. 65). Ту же мысль и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказываетъ Одоевскій, характеризуя Гофмана (см. выше на стр. 345, прим. 2-е).

лицъ напоминаетъ «Die Geliebte» въ «Die Abentheuer der Sylvester-Nacht». Энтузіастъ встрѣчаетъ новый годъ въ домѣ Justizrath'а. Ему до крайности тоскливо въ этомъ мѣщанскомъ обществѣ. Но онъ встрѣчаетъ здѣсь возлюбленную Юлію, которой не видалъ много лѣтъ и которая теперь уже замужемъ. Бокалъ «чудеснаго» пунша настроилъ ихъ на поэтическій ладъ [1]). Но появляется мужъ, иллюзія счастья разрушена, и энтузіасту осталось только съ смертельной болью въ груди выбѣжать на улицу и броситься въ объятья бурной ночи.

Наконецъ, одна изъ дѣтскихъ сказокъ Одоевскаго допускаетъ непосредственное сближеніе съ Гофманомъ.

Это—«*Письма къ любезнѣйшему дядюшкѣ Господину Катеру фонъ Муру отъ его почтительнаго племянника Котоваськи, собранныя Дѣдушкою Иринеемъ*» [2]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что господинъ Катеръ фонъ Муръ—гофмановскій Kater Murr; онъ оказался дядюшкой русскаго Котоваськи [3]). Но черты нѣмецкаго предка однако плохо передались русскому потомку. Недаромъ въ эпиграфѣ къ своей сказ-

---

[1]) Опять одна характерная деталь. Гофманъ (на основаніи опыта) много распространяется о дѣйствіи вина (въ „Kreisleriana" среди „höchst zerstreute Gedanken"—S. 583, въ „Der goldne Topf"—S. 644—645, 647—648 и пр.). Въ этомъ смыслѣ говорилъ и Одоевскій въ „Свидѣтелѣ" (III, 13) и „Кн. Зизи" (II, 358).

[2]) Переплетъ 6, л. 16—25 (порядокъ листовъ перепутанъ), автографъ; ib., л. 3—14, копія (заглавіе и первое письмо; есть нѣсколько карандашныхъ исправленій; на л. 3 сбоку карандашомъ написано: „Предисловіе. Рубль.—Минералогія. Посл. въ Сельскомъ Чтеніи"). Есть отрывокъ и въ переплетѣ 20, л. 50 (почеркъ не Одоевскаго); а на л. 81 об., автографъ, написано только „Грезы Котоваськи". Послѣдовательность изложенія получается при такомъ порядкѣ листовъ: переплетъ 6, л. 17, 16, 18; переплетъ 20, л. 50; переплетъ 6, л. 19, 20, 21, 10 и об. (въ оригиналѣ не хватаетъ листа), 22, 23, 25, 24, 15.—Наконецъ, копію находимъ еще въ переплетѣ 84, л. 27—30, почеркъ не Одоевскаго. Здѣсь же, на л. 43—47, печатный экземпляръ этой сказки, напечатанной въ „Дѣтской Библіотекѣ", издаваемой А. Башуцкимъ и А. Очкинымъ; ч. I, 1836 г.—Вмѣстѣ съ „Письмами къ Катеру фонъ Муру" въ томъ же переплетѣ 84 находятся рукописи (частью въ копіи, частью въ оригиналѣ) и другихъ сказокъ Одоевскаго: Червячекъ, Бѣдный Гнѣдко, Два дерева, Столяръ, Серебряный рубль. Подпись подъ сказками: *дѣдушкаИриней.* На л. 38—42 об., автографъ: „Дѣтскій Минералогическій кабинетъ. Введеніе". Подпись: „*К. В. О.*". Въ „Lebensansichten des Katers Murr" между прочимъ видимъ Fürst *Irenaus.*

[3]) Глубокомысленный котъ фигурируетъ въ одномъ рукописномъ отрывкѣ „Р. Ночей". Фаустъ „Р. Ночей" имѣлъ обыкновеніе держать черную кошку. Все это, можетъ быть, также двойники гофмановскаго „Kater Murr".

кѣ авторъ вспомнилъ и другого «ученаго» кота, того, котораго описалъ Пушкинъ въ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ».

Племянникъ съ большимъ почтеніемъ относится къ своему дядюшкѣ. Онъ не хочетъ вѣрить слухамъ о смерти Катера фонъ Мура; «напротивъ», говоритъ онъ, «я готовъ скорѣе вѣрить, что Вы безсмертны, и что Вы всегда останетесь неподражаемымъ примѣромъ мудрости, прилѣжанія, доброты и учености для всѣхъ особъ нашего благороднаго рода» (переплетъ 6, л 17). Нѣкоторыя мысли дядюшки никогда не изгладятся изъ сердца Котоваськи. «Я тотъ юный, благовоспитанный котенокъ», рекомендуетъ онъ себя, «который, сидя на чердакѣ подъ перекладиной, читаетъ ваши книжки, размышляетъ надъ ними и старается хотя издали слѣдовать за Вашимъ примѣромъ» (переплетъ 6, л. 19). Котоваська хотѣлъ бы даже сдѣлаться подобнымъ Катеру, но, по его справедливому признанію, онъ имѣетъ очень мало сходства съ дядюшкой не только въ наружности, но и въ другихъ отношеніяхъ. Воспитываетъ Котоваську тетушка Мисъ-Мисъ, «которая до сихъ поръ съ большимъ чувствомъ и вкусомъ поетъ Di tanti palpiti (арію—которая, какъ Вы справедливо замѣтили, кажется, нарочно сдѣлана для нашего рода)» [1]. На нее и похожъ своей наружностью Котоваська. Прилежно обучается онъ «наукамъ и добронравію». Но далеко ему до Катера: у него нѣтъ ни проницательности, ни глубокомыслія дядюшки. Котоваська разсказываетъ свое дѣтство, эпизоды, свидѣтельствующіе объ его легкомысліи, безпомощности и зависимости отъ человѣка. Смыслъ сказки именно тотъ, что человѣкъ—царь, воспитатель и благодѣтель природы. Такимъ образомъ, въ излюбленной Одоевскимъ формѣ писемъ сказка развиваетъ идею о зависимости природы отъ человѣка. Ничего гофмановскаго, похожаго на «Lebensansichten der Katers Murr», здѣсь нѣтъ.

Количество сопоставленій Одоевскаго съ Гофманомъ безъ особеннаго труда можно было бы значительно увеличить, но, полагаемъ, и приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы притти къ опредѣленнымъ выводамъ.

---

[1]) Одна изъ многихъ вылазокъ Одоевскаго противъ итальянской музыки и въ частности аріи „Di tanti palpiti". Мѣсто, на которое ссылается авторъ „Котоваськи", читаемъ въ „Lebensansichten des Katers Murr", S. 7342.

Одоевскій, несомнѣнно, зналъ произведенія Гофмана. Сближеніе ихъ произведеній имѣетъ за себя достаточно основаній. Но факты не позволяютъ говорить о «подражаніи» со стороны Одоевскаго или даже о прямомъ вліяніи Гофмана на его произведенія. Сходство оказывается въ тѣхъ основныхъ мотивахъ, которые своими корнями уходятъ въ область нѣмецкой романтики вообще. Была общая для всѣхъ романтиковъ сфера, гдѣ они неизбѣжно сходились, несмотря на индивидуальныя различія и совершенно независимо другъ отъ друга. Таковы настроенія, связанныя съ идеалистическими и эстетическими переживаніями, связанныя съ искусствомъ и съ музыкою въ частности; таковъ и мотивъ двоемірія. Но сходство такого рода, конечно, еще не даетъ намъ права говорить о подражаніи Гофману. Не забудемъ, что литературное творчество Одоевскаго самымъ органическимъ образомъ вытекаетъ изъ его міросозерцанія, изъ его философско-мистическаго идеализма, а это міросозерцаніе—довольно сложнаго происхожденія, и Гофману здѣсь не принадлежитъ сколько-нибудь замѣтной роли. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, вопросъ о вліяніи вообще не можетъ быть рѣшаемъ путемъ простого сопоставленія произведеній. Мы должны спросить себя, была ли необходимая почва для воспріятія предполагаемаго вліянія, иначе есть ли конгеніальность между сближаемыми писателями. Конечно, иногда бываютъ случаи чисто внѣшняго подражанія, что, напр., мы наблюдаемъ у Погорѣльскаго въ его «Двойникѣ» (по отношенію къ тому же Гофману). Заподозрѣть Одоевскаго въ столь элементарномъ грѣхѣ мы не можемъ. Разсматривая же вопросъ въ указанной плоскости, мы, полагаю, должны будемъ признать существенное различіе въ психологіи Одоевскаго и Гофмана. Условія жизни Одоевскаго и его личность имѣютъ мало общаго съ біографіей нѣмецкаго романтика. Одоевскій—больше мыслитель, чѣмъ поэтъ; Гофманъ—болѣе поэтъ, чѣмъ мыслитель; онъ даже не любилъ философіи и не посѣщалъ лекцій Канта, хотя имѣлъ возможность. Сравнительно съ Гофманомъ, Одоевскій былъ неизмѣримо болѣе трезвымъ и разсудочнымъ человѣкомъ. Психопатологу нечего дѣлать съ личностью и творчествомъ Одоевскаго, а Гофманъ уже подвергался изученію съ этой спеціальной точки зрѣнія [1]). Фан-

[1]) Dr. Otto Klinke. E. T. A. Hoffmanns Leben und Werke vom Standpunkte eines Irrenarztes. Braunschweig und Leipzig. 1902.

тастика нашего писателя совершенно иного характера, чѣмъ органически переживаемая, воздушная, граціозная и глубокомысленная фантастика Гофмана. Въ чудесномъ Одоевскаго сильнѣе та сторона, которая обращена къ дѣйствительности, и анализъ ума перевѣшиваетъ работу воображенія [1]). Тѣ черты, которыми мы вообще характеризовали талантъ и творчество Одоевскаго, весьма далеки отъ свойствъ, присущихъ Гофману. Глубокаго вліянія Гофмана на Одоевскаго вообще не могло быть; этого, дѣйствительно, мы и не наблюдаемъ. Возможно говорить лишь о нѣкоторыхъ реминисценціяхъ общаго или частнаго характера. Одоевскій не былъ Hoffmann II, и не даромъ онъ такъ возражалъ противъ предположенія, что онъ чѣмъ-нибудь существеннымъ обязанъ Гофману.

Сдѣланное же нами сравненіе, помимо уясненія спорнаго вопроса, имѣетъ еще то значеніе, что детально опредѣляетъ родственную связь Одоевскаго съ нѣмецкимъ романтическимъ міромъ, яснѣе выдѣляетъ то, въ чемъ сказывается нѣмецкая стихія его творчества. Если здѣсь и есть спеціально «гофмановскія» черты, то онѣ тонутъ въ общихъ проявленіяхъ нѣмецкой стихіи.

Связь Одоевскаго съ нѣмецкой литературой не ограничивается однимъ Гофманомъ. Есть основаніе думать, что онъ высоко цѣнилъ Жанъ-Поль Рихтера и Гете, писателей иного типа, чѣмъ Гофманъ [2]).

Жанъ-Поль Рихтеръ, предтеча нѣмецкаго романтизма [3]), былъ

---

[1]) Ср. выше на стр. 346 характеристику Гофмана, данную Одоевскимъ.— Чтобы почувствовать качественную разницу между фантастикой Гофмана и Одоевскаго, хорошо перечитать одно вслѣдъ за другимъ „Der goldne Topf" и „Сильфиду".

[2]) Проф. И. И. Замотинъ полагаетъ, что „манера Одоевскаго изображать духовное одиночество и обособленность художественной натуры" „роднитъ" его съ *Тикомъ*, „ему несомнѣнно извѣстнымъ" (ср. разсказы Одоевскаго „Послѣдній квартетъ Бетховена" и „Себастіанъ Бахъ" и повѣсть Тика „Phantasien über die Kunst."). Романтическій идеализмъ, 400—401. Съ этимъ наблюденіемъ, разумѣется, нельзя не согласиться (ср. въ I ч., стр. 535—544). Едва ли только слѣдуетъ „Phantasien" называть „повѣстью Тика": во-первыхъ, это — скорѣе произведеніе Ваккенродера, чѣмъ Тика, а, во-вторыхъ, повѣстью можно назвать лишь одну главу объ Іосифѣ Берглингерѣ. Мы, съ своей стороны, указывали, что повѣсть „Цецилія" напрашивается на сравненіе съ романомъ Тика: „Franz Sternbald's Wanderungen (выше на стр. 12).

[3]) Хорошій портретъ Ж. П. Рихтера даетъ Куно Франке въ „Исторіи нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ" (переводъ съ

старой привязанностью русскаго читателя—съ конца XVIII в. вплоть до сороковыхъ годовъ. Въ литературныхъ кругахъ, гдѣ вращался Одоевскій, его авторитетъ, какъ беллетриста и какъ эстетика, былъ весьма значителенъ [1]). При этихъ условіяхъ точно такъ же естественнымъ является возникновеніе вопроса о «вліяніи» Ж. П. Рихтера на Одоевскаго.

Объ этомъ, дѣйствительно, стали говорить уже современники автора «Р. Ночей».

англійскаго П. Батина. Спб. 1904. Глава IX). См. также въ книгѣ А. Шахова „Гете и его время". Изд. 3-е. Спб. 1903. Стр. 278 и сл.

[1]) Увлекалась Ж. П. Рихтеромъ, напр., М. А. Протасова-Мойеръ (наша статья въ Изв. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. XII, кн. I, стр. 16—17). Переводы изъ Ж.-П. Рихтера были въ „Калліопѣ" (1820) и въ „Мнемозинѣ". Одоевскій усваиваетъ мысль Ж.-Поля о weibliche Genie (см. въ I ч., стр. 497). Много говорили о немъ въ кружкѣ Станкевича, отчасти подъ вліяніемъ Шевырева.—Въ „Литер. Прибавл. къ Р. Инв." за 1835 г., № 16, были помѣщены „Мысли Жанъ-Поля", а въ 1839 г., когда тамъ уже участвовалъ Одоевскій, были напечатаны: 1) „Полиметры (изъ Жанъ-Поля). Пер. П. Бедкій" (т. II, № 8, стр. 148—150). Тотъ же Бедкій напечаталъ еще „Отрывки изъ Жанъ-Поля" въ „Современникѣ" 1838, т. 12, и „Мысли изъ Жанъ Поля Рихтера" въ „Моск. Набл." 1839, т. I. (Въ „М. Набл." 1836, VII была статья Авг. Левальда „Барейтъ и Жанъ-Поль"). 2) „Очеркъ литературнаго характера Жанъ-Поля" (т. I, № 4, стр. 74—76). 3) „Письмо изъ провинціи къ издателю по поводу статьи о Жанъ-Полѣ, помѣщенной во второмъ № Современника на 1839 г." (т. I, № 19, стр. 405—411). Подпись: *Поклонникъ Жанъ-Поля.* Дата: Саратовъ. 15 апрѣля 1839. „Поклонникъ" разбираетъ статью бар. Корфа и дѣлаетъ обзоръ русской литературы о Ж.-П. Рихтерѣ. „Сколько намъ извѣстно, говоритъ онъ (стр. 407, прим. 5), „только въ двухъ русскихъ журналахъ упоминаемо было прежде о Жанъ-Полѣ: въ „Московскомъ Телеграфѣ", гдѣ былъ помѣщенъ первый разборъ его сочиненій и переводъ пьесы: die Vernichtung, въ „Телескопѣ" же переводъ пьесы: der Tod eines Engels. Кромѣ того были переведены пять или шесть страницъ въ „Вѣстникѣ Европы" и въ „Московскомъ Вѣстникѣ"; въ послѣднее время въ „Современникѣ" въ первый разъ помѣщенъ былъ переводъ подробной характеристики Жанъ-Поля (съ англійскаго). Онъ же, а потомъ „Московскій Наблюдатель" подарили насъ извлеченіемъ мыслей изъ Жанъ-Поля. Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" былъ также помѣщенъ на 2-хъ страничкахъ *очеркъ* литературнаго характера Жанъ-Поля. Вотъ все, что мы читали на русскомъ языкѣ о знаменитомъ германскомъ писателѣ. Біографіи его не имѣемъ и ожидаемъ ея отъ трудящихся надъ переводами его произведеній". Изъ иностранной литературы авторъ называетъ книги: Jean Paul's Leben und Charakteristik, von Doering (Leipzig. 1832) и Quellen zu Jean Paul's Biographie und Charakteristik.—Редакція Литер. Приб., съ своей стороны, обращаетъ вниманіе на мнѣ-

Въ статьѣ «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды» Бѣлинскій говоритъ о дидактической поэзіи и въ примѣръ приводитъ, съ одной стороны, Жанъ-Поля Рихтера, а, съ другой, кн. Одоевскаго. «Русская литература», по мнѣнію критика [1]), «имѣетъ писателя, по духу, формѣ и достоинству своихъ произведеній близкаго къ Жанъ-Полю Рихтеру. Мы говоримъ о князѣ Одоевскомъ и имѣемъ въ виду такія его произведенія, какъ «Послѣдній Квартетъ Бетховена», «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi», «Импровизаторъ», «Насмѣшка Мертваго», «Бригадиръ» и пр.». Къ этимъ «фантастическимъ» пьесамъ Бѣлинскій присоединяетъ и повѣсть «Кн. Мими», а для наглядной иллюстраціи своихъ мыслей о дидактической поэзіи приводитъ цѣликомъ «Балъ». Поставленный рядомъ съ апологами Ж.-П. Рихтера (два приведены тутъ же), разсказъ «Балъ» убѣдительно подкрѣпляетъ мысль критика. Какъ видимъ, въ под-

---

ніе Греча о Ж. П. Рихтерѣ, высказанное въ № 83 Сѣв Пчелы. Разумѣется, библіографическія указанія „Поклонника“ не отличаются полнотой. Онъ не отмѣтилъ, напр., перевода въ „Атенеѣ“ (1829, ч. IV, окт. 113—117) „Мыслей Жанъ-Поля“ за подписью: *N.* и цѣлаго ряда переводовъ изъ Ж. П. Рихтера и статей о немъ въ журналахъ 20—30-хъ годовъ (въ „Б. Е.“, „М. Тел.“, „Моск. Вѣстн.“ и пр.): ср. passim въ книгахъ: И. И. Замотина „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ“, Н. К. Козмина „Очерки изъ исторіи р. романтизма“ (Н. А. Полевой) и его же „Н. И. Надеждинъ“. Въ рецензіи о „Пестрыхъ сказкахъ“ Полевой (М. Тел. 1833, № 8, стр. 575) писалъ: „Нѣкоторые ставятъ въ разрядъ фантастическихъ писателей и великаго Жанъ-Поля, но несправедливо. Жанъ-Поль былъ философъ, и умѣлъ облекать въ піитическія формы глубокія мысли свои“. Въ 1844 г. вышла „Антологія изъ Жанъ-Поля Рихтера“ (Спб.). Предисловіе помѣчено: „Москва. 30 января 1838 года“ и подписано буквою *Б*, что, надо думать, есть иниціалъ И. Бецкаго. Сюда включены между прочимъ и „Полиметры“ Ж.-П. Рихтера, а начинается сборникъ статьей Филарета Шаля „Очеркъ литературнаго характера Жанъ-Поля“. Составитель „Антологіи“ называетъ Ж.-П. Рихтера „великимъ писателемъ“, „безсмертнымъ геніемъ Германіи“ и говоритъ: „пусть читатели, пресыщенные французскими романами, утолятъ возбужденную ими жажду въ новомъ, чистомъ живомъ источникѣ!“ Онъ сѣтуетъ, что Ж.-Поль „почти неизвѣстенъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ русскомъ *печатномъ* мірѣ“. Бѣлинскій теперь рѣшительно разошелся съ составителемъ въ оцѣнкѣ Ж.-П. Рихтера (ср. прежній его взглядъ, напр., въ VI т. 114), но написалъ по поводу „Антологіи“ большую и интересную статью (Полн. собр. сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. VIII, стр. 515—528). Герцена Ж. П. Рихтеръ не удовлетворялъ уже въ концѣ 30-хъ годовъ (П. В. Анненковъ и его друзья, стр. 12).

[1]) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. VI, 115.

твержденіе «близости» Одоевскаго къ Ж.-П. Рихтеру, Бѣлинскій ссылается въ сущности на тѣ же самыя произведенія, въ которыхъ было заподозрѣно вліяніе Гофмана. Въ своей общей характеристикѣ Одоевскаго, отдѣленной отъ предыдущей статьи всего тремя годами, Бѣлинскій опять причисляетъ Одоевскаго къ представителямъ дидактической поэзіи, которая составляетъ «истинную сущность таланта Жана-Поля Рихтера». Сочиненія послѣдняго, по его мнѣнію, и послужили «прототипомъ» для Одоевскаго, какъ автора «Бригадира», «Бала» и «Насмѣшки мертвеца» (перечень, какъ видимъ, иной, чѣмъ раньше); въ русской литературѣ нѣтъ ничего подобнаго [1]. Параллель Бѣлинскаго сама по себѣ не вызываетъ никакихъ возраженій, тѣмъ болѣе, что вопросъ о «вліяніи» поставленъ здѣсь осторожно, въ самой общей формѣ.

Н. Мизко отмѣтилъ сходство съ Жанъ-Поль Рихтеромъ въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Послѣдній квартетъ Бетховена», «С. Бахъ», «Городъ безъ имени» [2]. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ выразился кратко, но, очевидно, повторилъ взглядъ Бѣлинскаго, именно [3]: «Изъ иностранныхъ писателей, кромѣ Гофмана, на Одоевскаго вліяли Гете и Жанъ-Поль Рихтеръ. Талантъ Ж.-П. Рихтера былъ сродни таланту Одоевскаго. Поэтическій дидактизмъ—отличительная особеность произведеній обоихъ писателей». Разница съ Бѣлинскимъ та, что проф. Сумцовъ выговорилъ слово «вліяніе» [4].

Признать «вліяніе» Ж.-П. Рихтера на Одоевскаго можно, но лишь въ самомъ общемъ смыслѣ. Какъ одинъ изъ даровитыхъ представителей нѣмецкаго идеализма въ литературѣ, Ж.-П. Рихтеръ вообще вліялъ на поколѣнія 20-хъ и 30-хъ годовъ и на Одоевскаго не менѣе, чѣмъ на многихъ другихъ. Нѣкоторыя обычныя для Ж.-Поля литературныя формы (апологи,

---

1) Ibid., IX, 9, 13 Ср. также мнѣніе „Телескопа“ (выше на стр. 262, прим.).

2) Столѣтіе Русской словесности. Сочиненіе Николая Мизко. Одесса. 1849. Стр. 328.

3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1884. Стр. 26

4) А. М. Скабичевскій также предполагаетъ вліяніе Ж. П. Рихтера на Одоевскаго и замѣчаетъ, что „жанъ-полевская философская иронія, витающая между мистицизмомъ и скептицизмомъ, у Одоевскаго склонялась болѣе къ мистицизму“ (Сочиненія, т. I, статья „Три человѣка сороковыхъ годовъ“, гл. VIII).

дидактика, фантастика, афоризмы) находимъ и у Одоевскаго, а проникающее ихъ идеалистическое настроеніе съ культомъ искусства и любви звучало для Одоевскаго, какъ нѣчто близкое и родное. Эстетика Ж.-П. Рихтера, которой такое большое значеніе придавалъ Шевыревъ, была поучительна и для Одоевскаго (ч. I, стр. 497, 528). Указать непосредственные отголоски Ж.-П. Рихтера, какъ писателя, въ произведеніяхъ Одоевскаго, однако было бы затруднительно [1]).

Что касается *Гете*, то объ его «вліяніи» на Одоевскаго почти не говорятъ (если не считать упоминанія имени Гете рядомъ съ Ж. П. Рихтеромъ въ недавно приведенной фразѣ проф. Сумцова). А между тѣмъ Одоевскій съ чувствомъ благоговѣнія относился къ Гете, который сочеталъ въ себѣ художника и ученаго и, значитъ, приблизился къ идеалу новой науки и новаго искусства, какъ ихъ понималъ авторъ «Р. Ночей» (см. выше ч. I, стр. 489, 503). Гете, какъ и Шекспиръ, причисляется имъ къ «высшему классу между Геніями» (ч. I, 498). Творецъ «Фауста» — «центральная» личность человѣчества вмѣстѣ съ Шеллингомъ, Карусомъ, Биша, Гердеромъ и немногими другими избранниками. Нисколько не помышляя о подражаніи геніальному поэту, Одоевскій радостно впитывалъ въ себя художественное и идейное содержаніе его творчества.

Уже въ «Пестрыхъ сказкахъ» два эпиграфа взяты изъ Гете (135, 156). Въ одной замѣткѣ «Вертеръ» Гете названъ въ числѣ «центральныхъ» произведеній (см. выше ч. I, на стр. 606). «Вертеръ» снабдилъ Одоевскаго эпиграфомъ для «Цециліи» (стр. 12—13).

Изъ художественныхъ произведеній Гете, кромѣ «Вертера», Одоевскій выдѣляетъ (судя, по крайней мѣрѣ, по замѣткамъ) еще пьесу «Гецъ фонъ Берлихингенъ» и особенно «Вильгельма Мейстера», романъ, который былъ признанъ классическимъ всей

---

[1]) Въ „Пестрыхъ сказкахъ", на 103 стр., эпиграфъ взятъ изъ Ж.-П. Рихтера.—Въ письмѣ къ Одоевскому отъ 22/10 дек. 1835 г. изъ Варшавы (бумаги 1869 г.) А. Коссаковская между прочимъ сообщаетъ: „Я намѣрена на сихъ дняхъ читать французскій переводъ *вашего любезнаго нѣмецкаго автора*: Titan par Jean Paul Richter, но я заранѣе увѣрена, что я ничего не пойму". Курсивъ нашъ.

нѣмецкой романтической школой. Отголосокъ чтенія «Геца» остался въ слѣдующей замѣткѣ, озаглавленной «Утѣшенія» [1]): «Всѣ оффиціальныя утѣшенія, которыя употребляются въ свѣтѣ въ случаѣ похоронъ, болѣзней, несчастій и проч. мнѣ всегда напоминають слова (въ *Гетевомъ Гецѣ*) ребенка: «Не печалься, рыцарь,—говоритъ онъ попавшемуся въ плѣнъ рыцарю — скоро подадутъ обѣдать». Кто пообѣдаетъ кутьею, кто тысячью душами, кто каменнымъ домомъ, кто мѣстомъ, кто жалованьемъ. «Хорошо! говорилъ одинъ чиновникъ на похоронахъ—очищается, очищается!»

Въ замѣткѣ о «Вильгельмѣ Мейстерѣ» мы находимъ уже цѣлое разсужденіе о романѣ. Вотъ она [2]): «Есть сочиненія которыя можно проглотить разомъ, какъ пилюлю: удовлетворено любопытство — и дѣло кончено, вы не приметесь въ другой разъ за ету книгу. Другія книги не имѣютъ того что называется интересомъ — ихъ надобно пить по каплѣ какъ старое Венгерское, чтобы понять наслажденіе которое оно способно произвести. Когда я въ первый разъ прочелъ *Вильгельма Мейстера*, онъ не возбудилъ моего любопытства, хотя я читалъ его съ жадностію; если бы ето не было произведеніе Гете—я бы можетъ быть въ другой разъ и не принялся бы за него; я понялъ цѣну етаго несравненнаго романа тогда только, когда въ другой разъ принялся читать его по нѣсколько листковъ въ день; тогда я сроднился со всѣми лица етаго романа, Вильгельмъ сталъ для меня родной, я самъ, все что съ нимъ случалось, малѣйшее его слово все имѣло для меня не книжный, но какой-то семейственный интересъ—и ето—цѣль до которой немногіе романисты умѣли достигнуть, ибо старались дать интересъ не развитію характера въ дѣйствующемъ лицѣ, но лишь одному происшествію и такимъ образомъ поетическое произведеніе обращали въ анекдотъ, который, какъ бы ни былъ интересенъ, забывается послѣ разсказа, а при повтореніи дѣлается даже несноснымъ».

Значитъ, въ полномъ согласіи съ оцѣнкой нѣмецкихъ ро-

---

[1]) Переплетъ 55, л. 37, автографъ, вѣроятно, 30-хъ годовъ.

[2]) Переплетъ 48, л. 176—178, авторафъ, вѣроятно, 30-хъ годовъ. Сверху карандашомъ помѣчено: „Романъ“.

мантиковъ, Одоевскій считаетъ «В. Мейстера» высоко-художественнымъ произведеніямъ, и онъ «сроднился» со всѣми лицами этого «несравненнаго» романа.

Въ 1837 г. Одоевскій снабжаетъ «В. Мейстеромъ» В. А. Каратыгина [1]). Стихотвореніе, приведенное Одоевскимъ въ «итальянскихъ сценахъ» (см. выше на стр. 9; ср. и въ «Р. Н.», 163) взято изъ III книги «Wilhelm Meisters Lehrjahre». Второй эпиграфъ къ «Р. Ночамъ» заимствованъ изъ «Wilhelm Meisters Wanderjahre» и затѣмъ въ самомъ текстѣ «Р. Н» дважды цитируется этотъ романъ (146—147 и 282) [2]).

Не забудемъ, наконецъ, что главный герой «Р. Ночей» носитъ имя Фауста, и Одоевскій сдѣлалъ это совершенно сознательно, какъ это будетъ видно изъ его отвѣта «Библіотекѣ для Чтенія» на ея разборъ «Р. Ночей».

Несмотря на всѣ эти данныя, мы не считаемъ возможнымъ улавливать какіе-нибудь опредѣленные результаты вліянія Гете на Одоевскаго [3]). Тутъ дѣло въ общемъ и весьма значительномъ фактѣ, въ томъ, что самъ Одоевскій признаетъ вліяніе на себя только со стороны Гете: ни о Гофманѣ, ни о Ж. П. Рихтерѣ въ этомъ смыслѣ онъ не говоритъ. Великій художникъ и мыслитель Германіи въ его глазахъ былъ выше самыхъ талантливыхъ представителей нѣмецкаго романтизма, какъ Пушкинъ—выше всѣхъ русскихъ писателей. Въ нѣмецкой стихіи, рядомъ съ присущимъ ей идеализмомъ, Одоевскій цѣнилъ гармоническую полноту и совершенство въ выраженіи художественной правды, т.-е. тѣ же свойства, какія воплощалъ въ себѣ Пушкинъ, глава русскаго художественнаго реализма. Русско-пушкинская и нѣмецко-гетевская стихіи сливались въ представленіи Одоевскаго въ одно—въ то, что называется истиннымъ художественнымъ творчествомъ. Здѣсь — то высшее мѣрило, которое онъ при-

---

1) „Р. Арх.“ 1864, стр. 845.

2) На 173 стр. „Р. Ночей“ есть еще эпиграфъ изъ стихотворенія Гете.— Въ замѣткѣ сороковыхъ годовъ „Что такое Литераторъ?“ (переплетъ 80, л. 287, поля) „Вильгельмъ Мейстеръ“ названъ рядомъ съ „Титаномъ“ Ж. Сандъ въ числѣ новыхъ романовъ, „кои были бы недоступны нашимъ предкамъ“.

3) Проф. И. И. Замотинъ сближаетъ (но безъ доказательствъ) романъ Гете „В. Мейстеръ“ и „Ночь вторую“. Романт. идеализмъ, 401. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно было бы сопоставлять „Wilhelm Meisters Wanderjahre“ съ утопіей Одоевскаго, но мы боимся натяжекъ.

мѣняетъ въ своихъ сужденіяхъ о французскихъ и русскихъ романистахъ.

V.

Уже въ періодъ любомудрія Одоевскій успѣлъ весьма опредѣленно высказаться по нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ вліяніемъ французской литературы.

Очарованный «страной тевтоновъ», любомудръ и по принципіальнымъ своимъ взглядамъ не могъ ждать ничего добраго отъ Франціи и ея литературы. Старый французскій классицизмъ, назидательные романы Жанлисъ и Дюкре-Дюмениля, легкомысленное эпикурейство поэтовъ (Парни, Вержье и пр.)— все это въ одинаковой мѣрѣ вызывало нападки со стороны молодого писателя-идеалиста. Событія 1830 г., разумѣется, не могли примирить Одоевскаго съ революціонной Франціей, которая въ его глазахъ еще не омыла своего стараго грѣха 1789 г. Напротивъ, все заставляло его думать, что Франція неисправима, что очистительный духъ идеализма не прививается къ ней. Понятно, съ какой осторожностью онъ долженъ былъ относиться и къ новѣйшимъ продуктамъ ея литературнаго творчества.

Въ тридцатыхъ годахъ Одоевскій все еще пользуется каждымъ поводомъ, чтобы карать *французскій классицизмъ* и французскій сентиментализмъ.

Въ 1838—9 гг. въ Петербургѣ передъ избранной публикой профессоръ M-r Duvaud читалъ курсъ лекцій о французской литературѣ. Одоевскій пришелъ въ негодованіе отъ смѣлости француза, который рѣшился выступить съ устарѣлыми взглядами, почерпнутыми изъ Энциклопедіи и элементарныхъ руководствъ, передъ обществомъ, которое прекрасно знакомо съ литературой всей Европы и съ новѣйшими теоріями объ искусствѣ и давно уже перестало считать авторитетами Batteux и Laharpe. M-r Duvaud оказался запоздалымъ и поверхностнымъ классикомъ [1]).

---

1) „Une leçon de M-r Duvaud stenographiée"—въ переплетѣ 62, л. 91—96, автографъ (на франц. языкѣ) съ датой: „1838—1839 г." Предметъ данной лекціи—le sublime et le beau dans les lettres. Къ лекціи прибавлены „Aphorismes", и среди нихъ такой (л. 95 и об.) „On dispute beaucoup sur le Classicisme et le Romantisme. He bien! Messieurs—voici une distinction qui Vous

Эта гастроль французскаго ученаго подновила въ Одоевскомъ чувство непріязни къ французскому классицизму. Да и безъ того, вѣроятно, были извѣстные поводы. По крайней мѣрѣ, среди замѣтокъ 30-хъ годовъ есть и такія, въ которыхъ содержатся мысли Одоевскаго о классицизмѣ.

Величайшимъ недостаткомъ французской эстетики Одоевскій считаетъ раціонализированіе процесса творчества. «Главнѣйшая ошибка Теоріи Классицизма», пишетъ онъ [1]), «состояла въ томъ, что по оной Сочинитель долженъ былъ не прежде приступать къ сочиненію, какъ охолодѣвши и разчитывая всѣ его части математически. Разсудокъ всегда въ своихъ расчетахъ основывается на прошедшихъ опытахъ своихъ или чужихъ — и отъ того Сочинитель составлявшій по сей теоріи смѣту своего зданія невольно былъ холоднымъ подражателемъ своихъ предшественниковъ; єто такъ было явно, что Классическіе Теоретики нечувствительно дошли до мысли о томъ, что не только должно подражать Природѣ, но даже образцамъ произведеній (grands modeles), упуская изъ вида, что произведеніе искусства есть свободное, независимое *созданіе* [2]). Наши Романтики, думая, что они освободились отъ цѣпей Классицизма, не придерживаясь его правилъ, не освободились отъ привычки къ предшествующимъ расчетамъ à froid. Какъ жалокъ Шатобріанъ, когда онъ силится доказать, что въ своихъ les Martyrs ни одно его дѣйствующее лицо не скажетъ слова, не покажетъ носа безъ предварительнаго его расчета, и какъ отъ того скучна его прекрасная по предмету Поема. Что бы вы сказали о Музыкантѣ, который вмѣсто того, чтобы писать прямо Партитуру, сталъ бы напередъ отыскивать при-

---

frappera par sa simplicité; oui! Messieurs, j'en ai la sincere conviction tout ce qui a été ecrit en France—est classique; tout ce qui a été ecrit hors de France—est romantique".

[1]) Переплетъ 38, литера К., автографъ 30-хъ годовъ.

[2]) Въ статьѣ о Пушкинѣ (переплетъ 83, л. 11—19, автографъ) нашлось мѣсто для такого замѣчанія: „Собирать ошибки, заблужденія поэта есть Византійскій педантизмъ; думать, что можно кому-либо писать по образцу Поэта—есть ребячество, въ которое могли впасть лишь Французы. Куда привело ихъ изученіе великихъ образцевъ? l'étude des grands maitres? къ тому, что всякая дѣвственная сила уже невозможна на этомъ языкѣ, въ его растлѣнныхъ буквахъ не вмѣщается никакая высокая мысль и сказанная на этомъ языкѣ кажется пустою фразою".

личныя пассажи на каждомъ инструментѣ Оркестра?—Сочиненіе было-бы можетъ очень правильно—но куда-бы дѣлся—огонь—жизнь сочиненія! Бетховенъ писалъ Партитуру прямо, пораженный своею мыслію—и невольно, самъ не зная какъ, порождалъ новые еффекты инструментовъ прежде ему самому неизвѣстныя. Такъ и во всякомъ родѣ сочиненія. Пораженный сильнымъ впечатлѣніемъ долженъ писать тотчасъ, не медля и изъ его темной мысли разовьются новыя явленія для него самаго неожиданныя, крывшіяся въ индивидуальности его духа» [1]).

Таковъ былъ принципіальный взглядъ Одоевскаго на классицизмъ въ 30-хъ годахъ. «Жизнь и похожденія одного изъ здѣшнихъ обывателей въ стеклянной банкѣ, или Новый Жоко» (въ «Пестрыхъ сказкахъ», 53) Одоевскій иронически назвалъ «классической повѣстью» и даже снабдилъ ее эпиграфомъ изъ Буало въ оригиналѣ и въ переводѣ гр. Хвостова [2]).

Но въ 30-хъ гг. классицизмъ былъ, разумѣется, дѣломъ прошлымъ и для беллетриста совершенно маловажнымъ. Въ области беллетристики гораздо бо̀льшее значеніе имѣли традиціи *сентиментально-нравоучительнаго* романа; литературной критикѣ все еще приходилось серьезно считаться съ ними.

---

[1]) Сюда же относится и слѣдующая замѣтка въ переплетѣ 54, л. 36, автографъ, вѣроятно 30-хъ годовъ: „Въ старой Литературѣ, какъ въ старыхъ садахъ, нѣтъ ничего лишняго, ничего забытаго, ничего неожиданнаго, воображеніе подчинено ватерпасу,—люди обращенныя въ камень, деревья обращенныя въ стѣны—ето подобіе смерти камни, стѣны, статуи и безнадежность“.

[2]) Выраженіе „Новый Жоко“, теперь намъ уже непонятное, связано съ интереснымъ литературнымъ фактомъ. Въ 1824 г. Charles Pougens издалъ повѣсть „Jocko, épisode détaché des Lettres inédites sur l' instinct des animaux“—трогательный разсказъ объ обезьянкѣ Жоко, полюбившей человѣка и сдѣлавшейся жертвой его корыстолюбія и неблагодарности. Повѣсть быстро стала модной. Въ 1825 г. Rochefort и Gabriel передѣлали ее въ двухактную пьесу подъ заглавіемъ „Jocko ou le singe du Brésil“. Пьеса имѣла прямо колоссальный успѣхъ въ Парижѣ. Именемъ Жоко стали называть прически, цвѣтъ и т. п. Популярность Жоко быстро перекидывается и въ Россію. „Моск Телеграфъ“ 1825 (ч. II и III, № 8, 9 и 10) далъ переводъ повѣсти Пужана, подъ названіемъ: „Жоко (Индійская повѣсть)“. Нечаевъ увѣрялъ А. А. Бестужева въ письмѣ отъ 25 мая 1825 г., что его повѣсть „Окошко“ будетъ „вторая *Жоко* Полеваго“ (Р. Ст. 1888, дек., 593). Погорѣльскій въ разсказѣ „Путешествіе въ дилижансѣ“ (въ „Двойникѣ“, 1828) написалъ подражаніе Пужану (что̀ отмѣтилъ уже Ор. Сомовъ въ „Обзорѣ Россійской Словесности за 1828 годъ“—въ Сѣв. Цвѣтахъ за 1829 г., стр 91—92). Пушкинъ вспомнилъ „рѣзвую покойницу Жако“ въ зачеркнутой

Одоевскому претили сентиментально-нравоучительные романы даже Ричардсона, а тѣмъ болѣе Жанлисъ или Дюкре-Дюмениля. Въ своихъ произведеніяхъ 30-хъ годовъ онъ продолжаетъ дѣлать вылазки въ этомъ направленіи [1]).

Наибольшее вниманіе Одоевскаго въ 30-хъ годахъ, разумѣется, привлекалъ *французскій романтизмъ,* т. н. юная Франція. Этотъ вопросъ былъ тогда á l'ordre du jour и былъ предметомъ затяжной литературной полемики [2]). Одоевскій находился также въ рядахъ противниковъ новой французской словесности, хотя и не безусловныхъ. Онъ не принялъ участія въ литературной полемикѣ по этому вопросу, и не написалъ по нему ни одной спеціальной статьи, но въ его беллетристическихъ произведеніяхъ то и дѣло попадаются частичныя или общія нападки на французскій романъ. Изъ нихъ легко можно

строфѣ „Домика въ Коломнѣ" (1830), сравнивая съ нею развинченный и гибкій александрійскій стихъ (Изданіе „Просвѣщенія", т. III, стр. 646, прим. 9).— Память о Жоко сохранялась во франц. литературѣ довольно долго. Въ 1843 г. въ Парижѣ вышло изданіе, озаглавленное: „Petites misères de la vie humaine— par Old Nick et Grandville. Joco-seria".—Вотъ почему и Одоевскій далъ второе заглавіе своему разсказу—„Новый Жоко".

1) Дядюшка Акинеій Васильевичъ, воспитывавшій Владиміра и Марію по англійскимъ началамъ нравственной арифметики, позволилъ имъ прочесть за мѣсяцъ до свадьбы „Кларису Гарло" Ричардсона („Черная перчатка"; II, 22). очевидно, не опасаясь, чтобы этотъ романъ слишкомъ разошелся съ его принципіальными внушеніями. Княжна Зизи плакала надъ „Клариссой", но съ настоящей литературой она познакомилась лишь тогда, когда достала „прекрасные стихи Жуковскаго и новаго стихотворца Пушкина" (II, 364). Въ „Пестрыхъ сказкахъ" Одоевскій взялъ ироническій эпиграфъ къ „Сказкѣ о томъ, какъ опасно дѣвушкамъ ходить толпою по Невскому проспекту" изъ сочиненія m-me Genlis „Manuel pour la conversation", а ея романы отнесъ къ числу одуряющихъ средствъ (122). Одоевскій видѣлъ всегда нѣчто печально-комическое въ дѣвицѣ, „вскормленной романами мадамъ Жанлисъ" (Княжна Зизи; II, 362). Маша („Три сестры"; см. „Семейная переписка"—переплетъ 26, л. 136 об.—137) ненавидитъ музыку, а любитъ „романы нравственные". Маша Авраиская (въ „Семейной перепискѣ", переплетъ 3, л. 98) разъясняетъ своей сестрѣ, графинѣ Валкириной, вредъ чувствительныхъ романовъ Жанлисъ и Дюкре-Дюмениля. О шаблонности романовъ Жанлисъ говорится въ предисловіи къ „Княжнѣ Мими" (II, 332). Высмѣиваетъ Одоевскій любовь „чувствительныхъ романовъ" къ „страшной завязкѣ" (III, 149). Интересъ къ Коцебу и Дюкре, Дюменилю въ глазахъ Одоевскаго признакъ дурного литературнаго вкуса (III, 360).

2) См. нашу статью въ V т. сочиненій Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова.

видѣть, что Одоевскій, подобно Пушкину, во-первыхъ, не удовлетворенъ художественной стороной французскаго романа, во-вторыхъ, протестуетъ противъ самаго содержанія французской словесности, которая является порожденіемъ общественной смуты. Литература «юной Франціи» казалась ему антиэстетичной и аморальной [1]).

Въ неоконченномъ романѣ «Мостъ» графиня Розенштейнъ признается въ своей слабости къ французскимъ романистамъ и даетъ интересную ихъ характеристику (см. выше на стр. 123).

Мы не можемъ, конечно, говорить о полной солидарности

---

1) Въ повѣсти „Катя" разсказчикъ свою „исторію", правдивую, какъ сама природа, противопоставляетъ сюжетамъ французскихъ романовъ. „Повторяю вамъ, сказалъ онъ, что я разсказываю не романъ; и потому не ищите въ моемъ разсказѣ ни классической интриги, ни романтическихъ нечаянностей, къ которымъ пріучили насъ остроумные сочинители Барнава и Саламандры, ни рачительнаго описанія кафтановъ, которымъ щеголяютъ подражатели Вальтера Скотта". Новоселье, II, 383. Въ рукописи переплета 43, л. 40, сказано: ...„Сочинители Барнава и Пика и Плока". „Barnave" (1831)—романъ Ж. Жанена, прочіе—Эж. Сю. Въ рукописной редакціи предисловія къ „Катѣ" (переплетъ 43, л. 24) читаемъ: „Что же вы такое сдѣлали—спросила одна изъ дамъ—не ужъ-ли преступленіе, убійство; что нибудь въ родѣ *Атаргюля или Фролло*"— („Atar Gull", 1831—романъ Эж. Сю, а Фролло—д. лицо въ „Notre Dame de Paris" В. Гюго). Французскій романистъ бьетъ на грубые внѣшніе эффекты, изображая сцены преступленій и убійствъ, а разсказчикъ „Кати" передаетъ внутреннюю повѣсть мученій совѣсти.—Гюго, какъ и Байронъ, говорилъ Одоевскій въ письмѣ къ гр. Ростопчиной 1838 г. (переплетъ 95, л. 121), не удовлетворяетъ „тѣмъ высокимъ и умственнымъ вопросамъ, которые, какъ бури, подымаются въ нашемъ сердцѣ".—Одоевскій возмущался тѣмъ, что Ж. Жаненъ, „французскій писатель, къ сожалѣнію, не безъ таланта", въ своемъ „фантастическомъ припадкѣ", т. е. въ своихъ „Contes fantastiques", доказывалъ пользу пороковъ (переплетъ 49, л. 91 и об. = Психол. замѣтки, 312).—Въ „Янтинѣ" авторъ хочетъ дать портретъ русской великосвѣтской женщины, но не такой, какой обычно даютъ французскіе писатели, у которыхъ выработался своего рода трафаретъ. Увидѣвъ Янтину и рядомъ съ нею ея мужа, только что отошедшаго отъ карточнаго стола, разсказчикъ говоритъ (переплетъ 80, л. 190 об.): „я взглянулъ на него, взглянулъ еще разъ на Янтину и сказалъ *во вкусъ Жоржа Занда*: „невозможно! невозможно! онъ ей не мужъ и она ему не жена". И въ головѣ построился цѣлый романъ по тому рецепту, по которому писаны „всѣ новые романы и драмы Гюго, Дюма". „Но какъ я былъ наказанъ за мою романтическую догадку" и пр. (ср. выше на стр. 97—98). Когда Ириней Гомозейко служилъ у купца (ростовщика), онъ принужденъ былъ читать въ слухъ для своего патрона „всѣ переводы Французскихъ романовъ", и это было для него однимъ изъ тяжкихъ мученій (переплетъ 20, л. 83, автографъ; ср. выше на стр. 46).

Одоевскаго и графини Розенштейнъ въ данномъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе ея характеристика знаменательна: она отмѣчаетъ наличность своеобразныхъ достоинствъ въ французскомъ романѣ и свидѣтельствуетъ объ ихъ притягательной силѣ. Одоевскій вообще не былъ рѣзкимъ и безусловнымъ отрицателемъ французскаго романа.

Въ качествѣ цензора ему пришлось однажды высказаться по поводу романа Фр. Сулье «Les mémoires du diable» (Paris, 1837, 2 vv.) [1]). Считая это произведеніе подражаніемъ «Хромоногому бѣсу» Лесажа, Одоевскій подалъ голосъ за допущеніе романа Сулье, но не совсѣмъ твердо. Вотъ заключительныя строки его мнѣнія: «Что до насъ касается, то мы думаемъ, что эта книга можетъ быть позволена, ибо въ противномъ случаѣ должно было бы запретить и хромоногаго бѣса Лесажа, и нѣкоторые томы Жилблаза, ибо въ цензурномъ отношеніи всѣ эти книги одно и то же. Впрочемъ мы готовы отказаться отъ сего мнѣнія, если Комитетъ найдетъ его неправильнымъ». Въ письмѣ къ гр. Ростопчиной (1838) Одоевскій подчеркиваетъ въ «Mêmoires du diable» одну важную идею и готовъ признать книгу «замѣчательной»: «Всякая безполезная, суетная мысль, чувство, слово суть ступень къ преступленію, хотя повидимому находящемуся еще далеко... Сочинитель des Mêmoires du Diable, отыскивая одни драматическіе еффекты, невольно попалъ на ету мысль, которая одна дѣлаетъ ету книгу замѣчательною» (переплетъ 95, л. 125).

Встрѣчаемъ у Одоевскаго и другія сочувственныя ссылки на французскихъ романистовъ, особенно на Ж. Сандъ [2]).

Одоевскій сумѣлъ объективно посмотрѣть на французскій романъ, главное, сумѣлъ понять его происхожденіе и, слѣдовательно, его общественное и историческое значеніе на родинѣ.

За «круглымъ столомъ» у кн. Мими великосвѣтскія кумушки жалуются на современную безнравственность. Одна изъ дамъ вмѣняетъ баронессѣ Дауерталь въ вину то, что она заступалась за драму «Антони», за эту «ужасную, безнравственную пьесу»,

---

1) И. П. Б Цензурныя дѣла, т. 2, л. 3, копія. Мнѣніе подписано „Князь Одоевскій".

2) Въ „Колдовствѣ XIX-го столѣтія" рядомъ съ Гете и Ж.-П. Рихтеромъ дѣлается ссылка на разсказъ Бальзака о другѣ, обладавшемъ способностью „предчувствовать мѣстоположеніе, въ которомъ онъ никогда не былъ". От. Зап. 1839, т. V, смѣсь = переплетъ 76, л. 35—47, копія) —Интересно, что въ

и увѣряла, «что только такая пьеса можетъ остановить женщину на краю погибели» (II, 315). Баронесса Дауерталь, какъ

„Космoрамѣ“ (46 стр.) Одоевскій съ похвалой отозвался о томъ пріемѣ подробныхъ описаній, который казался ему недостаткомъ въ произведеніяхъ подражателей В. Скотта: „Ничто насъ столько не знакомитъ съ человѣкомъ, какъ видъ той комнаты, въ которой онъ проводитъ большую часть своей жизни, и не даромъ новые романисты съ такимъ усердіемъ описываютъ мёбели своихъ героевъ; теперь можно и съ большею справедливостію переиначить старинную поговорку: „скажи мнѣ, гдѣ ты живешь—я скажу, кто ты“.—Романами Ж. Сандъ Одоевскій очень интересовался и, видимо, находилъ въ нихъ немало поучительнаго для себя. 27 февраля 1839 г. А. Башуцкій посылаетъ ему „Спиридіона“ m-me Sand, котораго онъ хотѣлъ имѣть (бумаги 1869 г., письмо А. Башуцкаго).—Въ „Орлахской крестьянкѣ“ (От. Зап. 1842, т. XX, 243) авторъ заставляетъ княгиню по поводу прозаическихъ подробностей разсказа иронически воскликнуть: „C'est du George Sand tout pur!“ Къ „Запискамъ неслужащаго“ Одоевскій предполагалъ взять обширный эпиграфъ изъ „G. Sand—Simon p. 70. Ed. de Brux“. См. переплетъ 20, л. 47 об. „Simon“ относится къ 1836 г. Въ замѣткѣ сороковыхъ годовъ „Что такое Литераторъ?“ (переплетъ 80, л. 287, поля) Одоевскій приводитъ въ примѣръ „новые романы, кои были бы недоступны нашимъ предкамъ. (Вильгельмъ Мейстеръ, Титанъ—романъ Зандъ). Ихъ нравственное направленіе—въ нихъ оптическіе обманы, какъ въ Микроскопѣ. Противъ нихъ надобно принимать мѣры,—но не кидать однакоже Микроскопа, который все таки полезнѣе занавѣски“.—Въ интересной замѣткѣ pro domo sua (переплетъ 48, л. 52—53 об., автографъ, вѣроятно, 30—40-хъ гг.)—двѣ сочувственныя ссылки на Ж. Сандъ: первая—по поводу процесса изложенія мыслей, а вторая гласитъ: „Georges Sand comme d'ailleurs les vraies gloires de notre époque porte son nom avec simplicité“.—Въ замѣткахъ разныхъ годовъ (и позднѣйшихъ) встрѣчаются еще упоминанія о французскихъ романахъ: „Les classes dangereuses“ (записка въ бумагахъ 1869 г., вѣроятно, 30—40-хъ гг.; это романъ Фрежье подъ заглавіемъ „Des classes dangereuses de la société“); „Monsieur le Marquis de Pontanges“ par Madame Émile de Girardin (Paris, 1835)—въ переплетѣ 32, литера И, конца 50—нач. 60-хъ гг.; „Stello“ par Alfred de Vigny—въ переплетѣ 36, литеръ Р.—Въ бумагахъ 1869 г. есть записка Н. Тучкова (безъ даты), изъ которой видно, что Одоевскій давалъ ему читать „Juif errant“ въ брюссельскомъ изданіи.—Отмѣчу, что „Лит. Приб. къ Р. Инв.“ тридцатыхъ годовъ, когда къ нимъ близко стоялъ Одоевскій, охотно печатали переводы французскихъ романовъ. А въ отзывѣ о „Квинтиліи“ Ж. Сандъ (ib., 1837, № 18, стр. 174—175) анонимный авторъ защищаетъ ее отъ упрековъ въ безнравственности, предлагая вообще различать „сужденіе моральное“ отъ „сужденія эстетическаго“. Ж. Сандъ относится къ числу „*истинно-великихъ* талантовъ“, а произведенія ея оставляютъ въ душѣ читателя „чувство глубокаго умиленія, душевной энергіи, любви къ возвышенному и прекрасному“.—А. О. Смирнова передаетъ разговоръ о французской литературѣ, происходившій между Пушкинымъ, Одоевскимъ и другими (Записки, I, 160).

мы помнимъ, въ общемъ типъ — положительный. Княгиня, съ своей стороны, заговорила о «развращеніи», которое приноситъ съ собою просвѣщеніе. Два мыслящихъ гостя подвергаютъ обсужденію эти салонные толки. Одинъ нашелъ было въ словахъ княгини «нѣчто справедливое»: «Согласись самъ,— что такое въ нынѣшней литературѣ? Безпрестанныя описанія пытокъ, злодѣяній, разврата; безпрестанныя преступленія и преступленія...» (318). Отвѣтъ второго гостя, очевидно, совпадающій со взглядомъ самого автора, весьма интересенъ. Онъ нѣсколько напоминаетъ намъ аргументацію Пушкина въ отвѣтѣ на рѣчь Лобанову. Нынѣшнюю литературу нельзя винить въ исключительной безнравственности и въ томъ, что она портитъ общество. Общество уже съ средины XVIII в. «исправно испортилось», и литература XVIII, XVII и даже XVI вѣковъ представляетъ уже немало «безнравственныхъ» произведеній (въ примѣръ приводятся Брантомъ [1]) и «Поѣздка на островъ любви» Тредьяковскаго). Нынѣшніе авторы далеки отъ чувственности своихъ предшественниковъ; они концунствуютъ, смѣются, но для того, «чтобъ заставить плакать читателя» (319). «Вся нынѣшняя литературная нагота есть последній отблескъ прошедшей дѣйствительной жизни, невольная исповѣдь въ старыхъ прегрѣшеніяхъ человѣчества» (ib.). Она— «казнь, ниспосланная на ледяное общество нашего вѣка: нѣтъ ему, лицемѣру, и тихихъ наслажденій поэзіи! оно недостойно ихъ!..» (ib.) И, можетъ быть, казнь эта «благотворная». Можетъ быть, этими сильными литературными средствами, постояннымъ потрясеніемъ нервовъ, литература пробудитъ «заснувшую совѣсть» общества (320). Въ этихъ рѣчахъ не говорится спеціально о французской литературѣ, но, несомнѣнно, о французской стихіи въ литературѣ и о французскихъ романтикахъ по преимуществу.

Французскій романъ имѣетъ свое историческое raison d'être. «Въ старой Европѣ», еще разъ говоритъ Одоевскій въ статьѣ «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ» (III, 366), «ужасы конца XVIII столѣтія отозвались въ нынѣшней литературѣ по той же причинѣ, почему идиллическая и жеманная поэзія прежняго времени отозвалась въ вѣкъ тер-

---

[1]) Пьеръ де Брантомъ (Brantôme), 1540—1614, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ.

роризма». «Вопреки общепринятому мнѣнію», Одоевскій думаетъ, что литература «есть всегда выраженіе прошедшаго» (366). Многіе изъ современныхъ французскихъ сочинителей въ дѣтствѣ переживали ужасы революціи, это оставило въ нихъ неизгладимые слѣды; «отъ-того многіе изъ этихъ господъ углубились въ грустныя исключенія изъ общей жизни человѣчества и обработали ихъ съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ большею или меньшею благопристойностію» (366). Въ Западной литературѣ, особенно въ романѣ,—говоритъ Фаустъ (324, 325), «отражается, если не жизнь общественная, то по крайней мѣрѣ состояніе духа пишущихъ людей»; литература—«одинъ изъ термометровъ духовнаго состоянія общества; этотъ термометръ показываетъ: неодолимую тоску (malaise), господствующую на Западѣ, отсутствіе всякаго общаго вѣрованія, надежду безъ упованія, отрицаніе безъ всякаго утвержденія» (325). Словомъ, характеризуемое теченіе французской литературы является вполнѣ законнымъ.

Въ Европѣ вообще литература развивалась своимъ естественнымъ ходомъ. Былъ моментъ, когда писатели почувствовали необходимость обратиться къ «отечественнымъ предметамъ», когда явились «народныя историческія драмы и повѣсти» (III, 360, 361). «Посредственность потянулась вслѣдъ за талантомъ и довела историческій родъ до нелѣпости» (361), «Скоро историческій родъ наскучилъ въ Европѣ» (362). Вспомнили о другомъ романѣ, «и составился ново-старый родъ подъ названіемъ нравственно-сатирическаго» (362). Нелегко было найти свѣжіе сюжеты для романа, но «иностраннымъ романистамъ-сатирикамъ помогло просвѣщеніе». Демократизируясь, просвѣщеніе неизбѣжно породило «нѣкоторыя странности, собственно безвредныя и исчезающія въ исторіи»: появились и нелѣпые мечтатели, прожектеры, «предлагавшіе публикѣ неисполнимые законы для преобразованія общества» (363), поверхностные байронисты и т. п. «Во всемъ этомъ было много страннаго, много смѣшнаго и много драматическаго. Романисты не замедлили воспользоваться этими новыми предметами» (363). Съ другой стороны, «демократическій духъ повѣялъ на Европу; къ нему присоединился духъ партій—и изъ всего этого составился новый, дѣйствительно чудовищный родъ литературы, основанный на презрѣніи къ просвѣщенію; испол-

ненный ребяческихъ жалобъ на несовершество ума человѣческаго, ребяческихъ воспоминаній о счастливомъ невѣжествѣ предковъ, возгласовъ противъ философіи, противъ машинъ, и наконецъ исполненный преступныхъ похвалъ простотѣ черни и мужеству ремесленниковъ, разрушающихъ прядильныя машины» (III, 363). Такимъ направленіемъ проникнуты всѣ возможные виды литературы: и повѣсти, и водевили, и «догматическія пренія». «Все это до нѣкоторой степени понятно въ престарѣлой Европѣ и имѣетъ свое значеніе» (364). Но является полной нелѣпостью подъ перомъ русскихъ подражателей.

Итакъ, при всей своей критической настроенности противъ французскаго романа, Одоевскій, въ концѣ-концовъ, признавалъ за нимъ извѣстное соціальное значеніе. Онъ не могъ не почувствовать, что въ мотивахъ и образахъ французскаго романа 30-хъ годовъ есть нѣчто и отъ Байрона и отъ Гофмана [1]), т.-е. нѣчто такое, съ чѣмъ онъ не только мирился, но что до нѣкоторой степени нашло себѣ мѣсто и въ его собственномъ творчествѣ.

Есть въ бумагахъ Одоевскаго одно, къ сожалѣнію, неоконченное произведеніе, которое представляетъ въ сущности оборону «Пестрыхъ сказокъ». Это—«*Мысли, родившіяся при чтеніи Пестрыхъ сказокъ Г. Гомозейки, изданныхъ Г. Безгласнымъ* (Письмо къ старымъ и новымъ Литераторамъ)» [2]). Мысли вложены въ уста «классика, старовѣра», который полагаетъ, что литература существуетъ «для нашего удовольствія», который берется за книгу въ часы отдыха, послѣ обѣда, когда «душа и тѣло жаждутъ успокоенія», когда хочется «забыться, развлечь себя изящными картинами». Въ старину онъ и самъ занимался литературою и до сихъ поръ любитъ ее «страстно». Новая литература глубоко возмущаетъ такого «старовѣра», возмущаетъ тѣмъ, что въ ней—какія-то неопредѣленныя грезы, а главное—«и пытки, и прелюбодѣянія, и отцеубійцы, и воры,

---

[1]) Вліянію Байрона на французскій романъ посвящено изслѣдованіе Estève (см. выше на стр. 283, прим. 2-е). А о вліяніи Гофмана см., напр., въ „Исторіи французской литературы“ Юл. Шмидта, passim. Сочиненія Гофмана въ переводѣ Лёве-Веймарса (1823), говоритъ онъ (II, 258), „восторгали тогда всю Францію“, а рѣчь идетъ о „Contes fantastiques“ (1833) Ж. Жанена.

[2]) Переплетъ 80, л. 567—568 об., автографъ; на бумагѣ—водяной знакъ „1832“.

и картежники, и бѣшеные, и всѣ исчадія ада». Все это не даетъ заснуть спокойно, «и ваше воображеніе, напуганное варварскимъ зрѣлищемъ, портитъ желудокъ на цѣлую недѣлю». То ли дѣло романъ г-жи Жанлисъ, «до которой, что ни говори, далеко новымъ Романистамъ—развернешь—сладко, пріятно, натурально, душа отдыхаетъ». И онъ проситъ гг. литераторовъ стараго и новаго поколѣнія рѣшить, «можно ли выходящія нынѣ книги причислить къ Литературѣ» [1]).

Рѣшенія, къ сожалѣнію, нѣтъ. Но критика поклонника Жанлисъ уже сама по себѣ есть похвала. Можетъ быть, «гг. литераторы» признали бы вмѣстѣ съ нимъ крайность новой литературы, т.-е. главнымъ образомъ французскаго романа, но не лишено значенія то, что нападки старовѣра возникли по поводу «Пестрыхъ сказокъ»: очевидно, и ихъ онъ относитъ къ той же «новой такъ называемой Литературѣ». Вспомнимъ совершенно аналогичныя жалобы на фантастическія сказки со стороны Василія Кузьмича въ «Живомъ мертвецѣ» [2]). Невольно самъ Одоевскій установилъ нѣкоторую связь между своими произведеніями и французской словесностью. Повидимому, есть возможность пойти въ этомъ направленіи нѣсколько дальше.

Иногда (правда, не часто), читая бытовыя повѣсти Одоевскаго, не можешь отдѣлаться отъ мысли, что нѣчто подобное уже встрѣчалъ на страницахъ французскихъ романовъ. Чтобы подкрѣпить это впечатлѣніе, приведемъ два-три примѣра.

Интрига въ «Imbroglio» отличается не меньшей запутанностью и таинственностью, чѣмъ дѣйствіе въ «Histoire des Treize» Бальзака. Амалія Петровна съ ея загадочнымъ дикаремъ (въ «Старинной легендѣ»—переплетъ 27, л. 52—59) напоминаетъ эпизодъ съ Ferragus изъ того же произведенія (см. выше на

---

[1]) Аргументація поклонника Жанлисъ повторяется у Бѣлинскаго сибаритомъ, негодующимъ на „натуральную школу“, въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“ (изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина, ч. 11, стр. 342—343).

[2]) Сочиненія, ч. III, 140.—Свой „глупый сонъ“ герой приписываетъ тому, что накануні онъ поужиналъ „немного неберіжно“, да еще лукавый дернулъ „прочесть на сонъ грядущій какую-то фантастическую сказку... Охъ, ужь мнѣ эти сказочники! Нѣтъ чтобъ написать что-нибудь полезное, пріятное, усладительное! а то всю подноготную въ землѣ вырываютъ!... На что это похоже? Порядочному человѣку даже уснуть не дадутъ спокойно!..“

стр. 122, прим.). Нѣкоторыя ситуаціи въ «Мартингалѣ» сходны съ эпизодами «Peau de chagrin» Бальзака (см. выше на стр. 147).

Разсказы, которые въ «Р. Ночахъ» Одоевскій связалъ съ переживаніями «Экономиста», по его собственному признанію, отражаютъ черты «новыхъ романовъ». Свѣтская атмосфера была не по сердцу экономисту, «и, вѣроятно, въ минуту досады, онъ набросалъ на бумагу эти строки, изъ которыхъ однимъ я далъ названіе *Бала*; другой отрывокъ носитъ на себѣ заглавіе *Мститель*»,—говоритъ авторъ (Р. Н., 79). Въ этихъ разсказахъ видна и «нѣкоторая напыщенность», «и какая-то статистическая привычка къ исчисленіямъ», «и вмѣстѣ впечатлѣніе, произведенное на сочинителя чтеніемъ новыхъ романовъ,—чтеніемъ, необходимымъ для посѣтителя гостиныхъ» (80). Этихъ словъ мы, конечно, не понимаемъ буквально, но все же обойти ихъ нельзя. «Мститель», какъ мы знаемъ, представляетъ отрывокъ изъ «Янтины». «Янтина» съ полнымъ основаніемъ можетъ быть отнесена къ типу бальзаковскихъ романовъ (несмотря на отрицательную характеристику французскаго романа, данную здѣсь же) [1].

---

[1]) Отъ повѣстей „Княжна Мими“ и „Княжна Зизи“, чисто русскихъ по ихъ матеріальному содержанію, мысль перебѣгаетъ къ роману Бальзака „Femme de trente ans“, особенно когда авторъ изображаетъ любовныя чувства графини Рифейской и княжны Зизи.—Кстати въ „Княжнѣ Мими“ нѣкоторые эпиграфы взяты изъ французскихъ писателей—изъ V. Hugo (II, 343) и другихъ: на стр. 287, 348, 304 (вообще—„Romans français“). „Черная перчатка“ и „Петербургскія письма (Психологическія задачи Хартина)“ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подаютъ поводъ къ подобнымъ же соображеніямъ.—Хотя идею „черной перчатки“ Езерскій заимствовалъ изъ В. Скотта, но разработалъ этотъ мотивъ въ духѣ автора „Peau de chagrin“ (Бальзака). Въ „Телескопѣ“ 1832 г., № 5, между прочимъ, былъ анонимный разсказъ „Таинственная перчатка. Сцена изъ свѣтской жизни“—со ссылкой на „Сагриновую кожу“ Бальзака.—Въ „Черной перчаткѣ“ есть такой характерный эпизодъ. Охваченная гнетущимъ сознаніемъ своего несчастія, графиня до утренней зари просидѣла въ своихъ креслахъ. Но потомъ „невольно неясная мысль пробѣжала въ ея головѣ“: она бросилась къ зеркалу, чтобы убѣдиться, не перестала ли она быть интересной въ своей грусти. Съ ужасомъ убѣдившись въ этомъ, „она наскоро закрутила свои длинные каштановые волосы и отъ страха даже почувствовала голодъ“. Въ столовой она нашла забытое холодное блюдо „и—увы! съ большимъ аппетитомъ покушала, а потомъ легла въ постель и започивала“ (48). Авторъ не безъ основанія опасался, что нѣкоторые читатели найдутъ подобное поведеніе героини „неприличнымъ“, въ особенности не простятъ ей того, что она проголодалась: „героиня голодна! героиня кушаетъ!“... Это, дѣйствительно, не водится

Наконецъ, насъ поразилъ еще слѣдующій интересный фактъ. Szaffie, герой романа Э. Сю «La Salamandre», стремится отравить непорочную душу Paul'я, и это ему въ значительной степени удается. Авторъ говоритъ: «Pour un moment, il devint comme ce fou dont parle je ne sais quel poète, qui, possédé par le démon du savoir, ne voyait plus la peau delicate et rosée de la femme, ses yeux purs et transparens, sa chevelure de soie... non, cette ravissante enveloppe lui échappait... mais de son regard aigu et acéré il découvrait les veines sanglantes qui se croisaient sous cette peau, les nerfs qui agitaient ces yeux, les muscles rouges qui faisaient mouvoir ce corps. Horreur! Là il ne voyait plus qu'un cadavre animé» [1]... Это буквально то самое состояніе, которое переживаетъ Кипріяно въ «Импровизаторѣ» (1833), мучимый своимъ «микроскопизмомъ» (Р. Ночи, 190—191). Психологія микроскопизма, очевидно, позаимствована если не у самого Эж. Сю, то у того неизвѣстнаго поэта, на котораго ссылается французскій романистъ [2]).

Подобнымъ сопоставленіямъ мы отнюдь не думаемъ приписывать значеніе аргументовъ въ пользу вліянія французскаго романа на Одоевскаго. Французамъ не одолѣть было могучаго воздѣйствія русскаго художественнаго реализма и нѣмецкой стихіи. Но Одоевскій не чуждался совершенно и французскаго романа. Главное же, наши параллели свидѣтельствуютъ объ общемъ фактѣ, что русскій общественно-бытовой романъ тридцатыхъ годовъ невольно попадаетъ въ струю французскаго романа. Разрывать ихъ невозможно, а наоборотъ слѣдуетъ изучать параллельно. Нашъ соціальный романъ принялъ въ себя французскую стихію въ большей степени, чѣмъ нѣмец-

---

въ романахъ нѣмецко-идеалистическаго стиля, но нисколько не шокируетъ французскихъ романистовъ. Одоевскій хочетъ быть вѣрнымъ природѣ, при чемъ вовсе не думаетъ ставить свою героиню въ смѣшное положеніе. „Нѣтъ, я понимаю страданія графини, я вѣрю имъ", заявляетъ онъ, и тѣмъ не менѣе не скрылъ ея человѣческихъ слабостей даже въ минуты скорби.—Кошелеву „Пестрыя сказки" своимъ заглавіемъ напомнили Бальзаковы „Contes bruns" (стр. 36), а Булгаринъ, нѣсколько спустя, прямо говорилъ о подражаніи Бальзаку (стр. 66).

[1]) La Salamandre, roman maritime. Par Eugene Sue. Tome second. Bruxelles, 1832. P. 50.

[2]) Небезынтересно отмѣтить убѣжденіе автора „La Salamandre", что новая цивилизація будетъ создана Америкой (р. XVII—XVIII); ср. выше въ I ч., стр. 583, прим. 2 е.

кую [1]). Одоевскій, нѣсколько даже преувеличивая дѣло, всю нашу нравоописательную повѣсть считаетъ плодомъ французскаго вліянія, и примѣняетъ къ ией все то, что онъ думалъ о французскомъ романѣ, съ прибавленіемъ естественной мысли, что русское подражаніе, не оправдываясь мѣстными условіями, повторяетъ недостатки оригинала въ еще бо́льшей степени.

VI.

Развитіе русскаго романа было однимъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ нашей литературы 30-хъ годовъ и уже тогда служило предметомъ усиленнаго вниманія критики. Одоевскій, самъ беллетристъ, чутко слѣдилъ за этимъ литературнымъ явленіемъ и оставилъ по этому вопросу нѣсколько статей и замѣтокъ. Чѣмъ долженъ быть романъ, и «какъ пишутся у насъ романы»—вотъ на чемъ сосредоточено было вниманіе Одоевскаго.

О романѣ вообще Одоевскій говорилъ и въ нѣкоторыхъ эстетическихъ замѣткахъ 30-хъ годовъ. Теперь мы подробнѣе изложимъ его взгляды на этотъ предметъ [2]).

Общія требованія къ роману Одоевскій выразилъ прежде всего въ статьѣ «Какъ пишутся у насъ романы» [3]).

Романъ долженъ быть художественнымъ произведеніемъ, и, слѣдовательно, процессъ его созданія не долженъ противорѣчить основнымъ принципамъ эстетики. «У насъ многіе думаютъ, что можно написать хорошій романъ безъ поэтическаго призванія». Какой-нибудь честный, благородный человѣкъ прожилъ на свѣтѣ четыре десятка лѣтъ, много видалъ, немало передумалъ,—разсказать есть о чемъ. Но какъ это сдѣлать?

---

1) Недаромъ нѣкоторая часть современной критики, говоря даже о „Героѣ нашего времени" Лермонтова, больше толковала о подражаніи французскимъ романиста́мъ, чѣмъ Байрону (Булгаринъ въ „Сѣв. Пч." 1840, № 246; Бурачекъ въ „Маякѣ", 1840, ч. IV, 210—219). Ср. и статью А. Д. Галахова „Лермонтовъ" (Р. Вѣстникъ, 1858, № 13, 14 и 16).

2) Кромѣ двухъ напечатанныхъ статей, у Одоевскаго въ бумагахъ осталось нѣсколько замѣтокъ съ оглавленіями: „Романъ", „О Романѣ". Очевидно, онъ готовилъ цѣлую работу о романѣ.

3) „Современникъ", 1836, кн. III, стр. 48—51, за подписью: „*С. Θ.*" Пушкинъ хотѣлъ озаглавить статью „О нѣкоторыхъ романахъ" (переписка подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 293), а первоначальное заглавіе было, кажется, „Разборъ Постоялаго Двора" (ib.). Оригиналъ въ переплетѣ 89, л. 681—685.

Написать на основаніи своихъ наблюденій «нравственный трактатъ»—дѣло не легкое, такъ какъ нужны извѣстныя знанія, а учиться некогда. Чтобы выйти изъ затрудненія, нашъ умный человѣкъ «беретъ первое романическое происшествіе, пришедшее ему въ голову, и всѣ свои мысли и наблюденія вклеиваетъ, какъ заплатки, въ свое произведеніе, навязываетъ свои мысли лицамъ, выведеннымъ на сцену, кстати и некстати употребляетъ анекдоты, видѣнные имъ въ продолженіи жизни. Нѣтъ, такъ нельзя *сдѣлать* поэтическое произведеніе». Цѣль, которую преслѣдуютъ такіе авторы, можетъ быть, и прекрасна, но это—не поэтическое произведеніе. «Поэтическое произведеніе есть живое органическое тѣло. Поэту оно является нежданно, сомнамбулически, оно преслѣдуетъ его, мучитъ его, какъ живой человѣкъ; когда Поетъ пишетъ, онъ пишетъ, забывая о самомъ себѣ, онъ живетъ въ лицахъ, имъ созданныхъ, самыя его собственныя мысли незамѣтно для него самаго сливаются съ лицами, имъ выводимыми на сцену». Примѣръ—образъ Донъ-Кихота. А въ «такъ называемыхъ романахъ»—«Постоялый дворъ»[1]), «Купеческая дочь»[2]), «Панъ Подстоличъ»[3])—лица списаны съ натуры, описанія «вѣрны и прекрасны, какъ могутъ быть вѣрны и прекрасны хорошо нарисованныя котлеты и другіе съѣстные припасы Фламандской школы»[4]). Такой романъ—«вялъ, длиненъ, скученъ—какъ могли бы быть вялы слова механической куклы въ сравненіи съ словами живаго человѣка». Здѣсь можетъ быть все, но не романъ, не поэзія.

Въ печатной редакціи отсутствуютъ собственныя имена, есть и другія отличія: мы цитируемъ по рукописи.

[1]) Постоялый дворъ. Записки покойнаго Горянова, изданныя его другомъ Н. П. Маловымъ. 4 части. Спб. 1835. Авторомъ этого романа былъ А. П. Степановъ. Разбору этого романа Бѣлинскій посвятилъ статью (подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, 384—7; ср. ibid., III, 299).

[2]) И. Калашникова. Точное заглавіе слѣдующее: „Дочь купца Жолобова. Романъ, извлеченный изъ иркутскихъ преданій" (4 части. Спб. 1831). Романъ выдержалъ нѣсколько изданій и даже былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ.

[3]) Это—романъ Ѳомы Массальскаго, по содержанію связанный съ романомъ Красицкаго „Панъ Подстолій". Двѣ части этого романа сначала появились на польскомъ языкѣ (Wilno, 1831). На русскомъ языкѣ онъ вышелъ подъ заглавіемъ: „Панъ Подстоличъ или что мы теперь и чѣмъ быть можемъ. Романъ Административный. Соч. Ѳомы Массальскаго" (5 частей. Спб. 1832—1833. 2 изд. уже въ 1834 г).

[4]) Ср. сужденіе Одоевскаго о фламандской школѣ въ періодъ „Мнемозины" (ч. I, 164).

Одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы «Хорошее жалованье» и т. д., Рельскій, пишетъ повѣсти «сатирическія, фантастическія, какъ прійдется по расположенію духа» (III, 287). Но, изображая, напр., взяточника, онъ не переноситъ на бумагу живымъ одно какое-либо лицо: это былъ бы простой пасквиль, и такая копія «литературно-невозможна... она выйдетъ и суха, и безжизненна» (288). Свои матеріалы «сказочникъ» почерпаетъ вездѣ: «на улицѣ, въ воздухѣ,—а всего больше въ его собственной душѣ,—а она въ нѣкоторыя минуты получаетъ чудную силу навѣрное угадывать то, чего и не видала...» (288). Искусство вообще не можетъ быть подражаніемъ природѣ, и романъ не есть подражаніе человѣческой жизни. «Многіе совѣтуютъ описывать въ романѣ всѣ подробности ежедневной жизни и говорятъ, что точное описаніе дня однаго человѣка было бы самымъ интереснымъ Романомъ». Съ этимъ можно бы, пожалуй, согласиться, если бы описаніе могло охватить не только внѣшнюю жизнь человѣка, но всю сумму его внутреннихъ переживаній въ ихъ сложномъ сплетеніи. «Только описавши всѣ сіи пружины, вы можете сказать, что описали природу;—но сіе ни a priori ни a posteriori невозможно; подражая природѣ или описывая ее, вы будете только описывать какіе-то раздробленные члены, будете описывать лишь занавѣску, а не то, что за нею дѣлается, но никогда не перенесете въ свое произведеніе того, что составляетъ главное свойство природы: *цѣлость, полноту*». Эти свойства въ искусствѣ достигаются интуитивнымъ путемъ [1]).

Творчество романиста должно быть свободнымъ; писатель не долженъ преслѣдовать никакой внѣшней тенденціи. Къ роману, съ другой стороны, нельзя примѣнять узко-моральныхъ мѣрокъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наивные читатели [2]): «Есть люди, которые судятъ о романахъ, какъ о людяхъ; если въ которомъ сказано: добро во вѣкъ не пропадетъ, или щастливъ сынъ, почитающій своихъ родителей, и проч., тогда

---

[1]) Переплетъ 38, литера И, автографъ начала 30-хъ годовъ. Одоевскій вообще считалъ недостаткомъ романистовъ ихъ склонность къ подробнымъ описаніямъ (напр., въ переплетѣ 1, л. 198, въ романѣ „Іорданъ Бруно"). Пушкинъ въ „Гробовщикѣ" также жалуется на обиліе описаній у „нынѣшнихъ романистовъ". См. и выше на стр. 372, прим. Но иначе на стр. 374, прим.

[2]) Переплетъ 26, л. 157, автографъ.

они говорятъ: прекрасный человѣкъ! прекрасный романъ! читать его пріятно, поучительно и наставительно. Если же въ романѣ имъ попадется невѣрная жена, насмѣшливый человѣкъ, дурной отецъ,—они объ етихъ людяхъ судятъ какъ будто они принадлежатъ къ ихъ семейству, сердятся, гнушаются, и говорятъ: дурной романъ, безнравственный романъ!»

Касается Одоевскій и техники романа.

«Одна изъ труднѣйшихъ задачъ въ экономіи романа», пишетъ онъ [1]), «соединить лица, которыхъ взаимное соприкосновеніе было-бы интересно. Это точно также какъ въ жизни: можно собрать людей весьма умныхъ, въ прекрасную, хорошо убранную комнату,—а между тѣмъ имъ будетъ скучно, или потому, что хозяинъ не умѣетъ ихъ заставить заговорить, или потому, что интересы каждаго слишкомъ разнокачественны. Хозяинъ въ отчаяніи достанетъ какого-нибудь граціозо, который примется насильно веселить общество — дѣлается еще скучнѣе. Иногда люди и средней руки, и въ комнатѣ сальная свѣча, да каждый на своемъ мѣстѣ, каждому душѣ (sic) просторно—и всѣмъ весело». Романистъ, далѣе, долженъ показать, какъ тѣ или другія обстоятельства вліяютъ на характеръ людей. «Самая борьба съ условіями жизни не остается никогда безъ вліянія на нравственный организмъ человѣка», говорится въ «Предисловіи» къ «Семейной перепискѣ» (переплетъ 3, л. 61) [2]).

Немалую трудность для романиста представляетъ также языкъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ замѣткѣ по поводу «Миргорода» Гоголя Одоевскій уже указывалъ, что всего труднѣе романисту справляться съ языкомъ высшаго общества и простолюдиновъ (см. выше на стр. 338.) Одоевскій чувствовалъ фальшь простонароднаго языка

---

[1]) Переплетъ 55, л. 13—14, автографъ.

[2]) Нелишне вспомнить тутъ статью д-ра П. М. Ястребцова „Что такое романъ“. Одоевскій, какъ извѣстно, цѣнилъ этого автора, и данная статья прошла черезъ его руки, прежде чѣмъ попасть на страницы „От. Записокъ“ (1839 г., т. V, Науки, стр. 75—83). Ср. письмо Ястребцова къ Одоевскому изъ Гродно отъ 4 мая 1839 г. (бумаги 1869 г.) съ карандашной резолюціей Краевскаго: „Исключить то, что говорится о Наблюдателѣ“; также письмо Краевскаго отъ 9 іюля 1839 г. (бумаги 1869 г.; напечатано И. А. Бычковымъ въ „Р. Ст.“ 1904, іюнь, стр. 576). Названная статья Ястребцова составила потомъ послѣднюю главу его „Исповѣди“ (Спб. 1841).

въ передачѣ нашихъ правоописателей, и въ то же время сознавалъ исключительную трудность переносить на страницы литературныхъ произведеній всѣ особенности народной рѣчи въ ихъ полной неприкосновенности. «Етотъ языкъ», писалъ онъ, «хотя грубъ, но силенъ и живописенъ; а употреблять его все еще нельзя; публика еще не доросла до него; а съ такъ называемыхъ Руссицизмовъ нашихъ романистовъ и ввѣкъ не доростетъ» [1]). Побѣждать эти трудности, по мнѣнію Одоевскаго, удавалось только одному Гоголю.

На ту же тему распространяется Одоевскій въ предисловіи къ «Княжнѣ Мими» (II, 328—333), имѣя въ виду языкъ высшаго общества. «Изъ романовъ на русскомъ языкѣ», читаемъ здѣсь (329), «труднѣйшіе тѣ, въ которыхъ описываются нравы нынѣшняго общества. Пропуская тысячи причинъ этихъ затрудненій, я упомяну о тысячѣ первой». Эта послѣдняя причина состоитъ въ томъ, что «наши дамы не говорятъ по-русски», а то по-французски, то по-англійски, какъ теперь становится моднымъ. Авторъ знаетъ, что «въ высшихъ слояхъ обществен-

---

[1]) Эта общая мысль высказана Одоевскимъ по поводу его наблюденій надъ народнымъ разговоромъ, образцы котораго онъ и записалъ въ слѣдующей замѣткѣ (переплетъ 89, л. 802, автографъ, вѣроятно, 30—40-хъ годовъ, съ помѣткой: „Нар. погов."):

„Солдатъ встрѣтя стараго знакомаго не говоритъ ему здорово братъ или что подобное какъ въ нашихъ романахъ, а слѣд.:

„А! а! держи его! вотъ онъ! ахъ! Еб. м."—и они обнимаются.

Послѣдняя фраза произносится съ истинною и характерною чувствительностію.

Баба утѣшая другую—не употребила ни одной изъ тѣхъ фразъ которыя у насъ влагаютъ въ уста простому народу наши романисты,—а вотъ ихъ разговоръ.

— Ну что мать, падчерица все не дочь родная—бывало не то Дуняша—скажетъ прилягъ ка матушка, дай ка-те вшей поищу, а вѣдь ета и на агашникѣ вши не убьетъ.

„И, полно—если тебѣ теперь слезы терять—то палкой тебя—плёха ты будешь, сущая плёха".—Послѣдній разговоръ въ болѣе краткомъ видѣ записанъ и въ замѣткѣ переплета 31, л. 225, автографъ, съ заглавіемъ „Пословица, показывающая скрытность нашего простого народа". (Какъ видно изъ замѣтки о Гоголѣ лаконизмъ выраженій Одоевскій считаетъ проявленіемъ „скрытности"). Разговоръ подслушанъ на Московской улицѣ (конечно, въ Петербургѣ).—О томъ, какъ самъ Одоевскій старался изучать простонародный языкъ, и какъ однажды онъ примѣнилъ воровской жаргонъ,—см. выше на стр. 299, прим. 2-е.

ной атмосферы» страсти выражаются «одною фразою, однимъ словомъ, словомъ условнымъ, котораго, какъ азбуку, нельзя ни перевесть, ни выдумать». Романистъ долженъ въ совершенствѣ знать «эту свѣтскую азбуку», «эти условныя слова». «Но гдѣ поймаешь такое слово въ русской гостиной? Здѣсь всѣ русскія страсти, мысли, насмѣшка, досада, малѣйшее движеніе души, выражаются готовыми словами, взятыми изъ богатаго французскаго запаса, которыми такъ искусно пользуются французскіе романисты, и которымъ они (таланты въ сторону) обязаны большею частію своихъ успѣховъ» (330—331). Это значительно облегчаетъ механизмъ романа и избавляетъ авторовъ отъ необходимости пускаться въ длинныя описанія и объясненія. Русскіе авторы лишены этого преимущества. «Спросите нашего поэта, одного изъ немногихъ русскихъ писателей, въ самомъ дѣлѣ знающихъ русскій языкъ, почему онъ, въ стихахъ своихъ, употребилъ цѣликомъ слово vulgar, vulgaire?» [1]) Авторъ проситъ принять во вниманіе это затруднительное обстоятельство и не пенять на него, если разговоръ его героевъ покажется однимъ «слишкомъ книжнымъ», другимъ «не довольно грамматическимъ». «Въ послѣднемъ случаѣ», замѣчаетъ Одоевскій (331), «я сошлюсь на Грибоѣдова, едва ли не единственнаго, по моему мнѣнію, писателя, который постигъ тайну перевести на бумагу нашъ разговорный языкъ». Такимъ образомъ, самому Одоевскому нелегко было передавать языкъ гостиной, сохранять въ немъ «свѣтскій колоритъ». Нечего уже говорить о писателяхъ меньшаго таланта и особенно о тѣхъ, кто почти не былъ вхожъ въ гостиныя.

Таковы принципіальныя точки зрѣнія Одоевскаго на романъ, какъ на поэтическое произведеніе.

Русскій романъ, представленный по большей части второстепенными силами, не могъ удовлетворить всѣмъ строгимъ требованіямъ художественности. Съ этимъ фактомъ столкнулось эстетическое чувство Бѣлинскаго, и ему немалаго труда стоило найти, наконецъ, надлежащее мѣрило для оцѣнки беллетристики. Одоевскій выступилъ строгимъ судьей своихъ современниковъ и въ сущности своихъ соратниковъ.

Нашъ романъ, по мнѣнію Одоевскаго, есть плодъ подра-

---

1) См. въ „Евг. Онѣгинѣ“, гл. VIII, строфа XV и XVI.

жанія и пошелъ по двумъ главнымъ направленіямъ: романъ историческій и романъ нравственно—сатирическій.

«Нѣкогда находились въ русской литературѣ люди, которые осмѣливались утверждать, что Русскіе должны имѣть свою собственную литературу, по своему писать и по своему думать; литературная чернь смѣялась надъ этими умниками и со всеусердіемъ продолжали переводить Коцебу и Дюкре-Дюмениля». Такъ Одоевскій начинаетъ свою статью «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ» (1836). Она была напечатана въ «Современникѣ» Пушкина и, безъ сомнѣнія, служитъ отголоскомъ тогдашнихъ журнальныхъ споровъ. Не случайно и по времени она совпадаетъ съ рѣчью акад. Лобанова и отвѣтомъ на нее Пушкина [1]).

Итакъ, литературная чернь будто бы не понимала провозглашеннаго «умниками» принципа самобытности и легко кидалась на подражаніе. Когда въ Европѣ развился историческій жанръ, когда «національность была разработана во всѣхъ литературахъ», «тогда догадались и наши такъ называемые сочинители» (361). Создать свой историческій романъ или историческую драму оказалось для нихъ дѣломъ нелегкимъ. Помогла «Исторія» Карамзина. Брали «Исторію», вырѣзывали изъ нея нѣсколько страницъ, склеивали вмѣстѣ, и выходило что-то похожее на русскій романъ или драму. Имена всѣ русскія, но получалась въ сущности «та же французская мелодрама». «И многіе, многіе пустились въ драмы и особенно въ романы; а критика—этотъ позоръ русской литературы—установила для сихъ произведеній особыя правила. За недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ, рѣшили, что настоящіе русскіе нравы сохранились между нынѣшними извощиками, и въ слѣдствіе того осудили какого-либо потомка Ярославичей читать изображеніе характера своего знаменитаго предка, въ точности списанное съ его кучера; въ слѣдствіе

[1]) Современникъ, 1836, № 2, за подписью „*С. Ѳ.*" Заглавіе придумано Пушкинымъ (переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 293). Вошло въ III ч. Сочиненій Одоевскаго, на которую мы и ссылаемся. — Оригиналъ въ переплетѣ 83, *л.* 21—37, за подписью „*С. А. О.*". Безъ заглавія и съ эпиграфомъ изъ Грибоѣдова: „О Господи! Когда жъ исчезнетъ етотъ духъ Пустаго рабскаго, слѣпаго подражанья!" Была дата: „Ревель. 1835. Іюль"—но зачеркнута. Въ текстѣ есть отличія отъ печатнаго.

тѣхъ же правилъ, кто употреблялъ русскія имена, того критика называла національнымъ трагикомъ, кто безсовѣстнѣе выписывалъ изъ Карамзина, того называла національнымъ романистомъ,—и гг. А, Б, В, хвастались передъ читателями, а читатели радовались, что въ романѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы не было взято изъ исторіи; многіе находили это средство очень полезнымъ для распространенія историческихъ познаній (III, 361—362) [1]).

Общія впечатлѣнія отъ русскаго историческаго романа у Одоевскаго, очевидно, были неблагопріятны [2]). Нашлись однако, и такіе факты, которые авторъ «Р. Ночей» уже могъ съ гордостью выставить иностранцамъ, какъ доказательство нашей «*всеобщности* или, лучше сказать, *всеобнимаемости*». «Вездѣ поэтическому взгляду въ исторіи предшествовали уче-

---

[1]) Одоевскій не упускаетъ случаевъ, чтобы посмѣяться надъ нашимъ историческимъ романомъ. В. Безгласный въ предисловіи „Отъ издателя“ иронически противопоставляетъ „Пестрыя сказки“ Ир. Мод. Гомозейки „тѣмъ прекраснымъ историческимъ повѣстямъ и романамъ, которыми съ нѣкотораго времени сочинители начали дарить Русскую публику“ (I—II). Разсказчикъ повѣсти „Катя или исторія воспитанницы“ (1834) предупреждаетъ своего слушателя, что онъ не найдетъ здѣсь „ни классической интриги“, „ни романтическихъ нечаянностей“ въ стилѣ “Барнава“ и „Саламандры“, „ни рачительнаго описанія кафтановъ, которымъ щеголяютъ подражатели Вальтера Скотта“ (Новоселье, II, 383.) „Вальтеръ Скоттъ внесъ романъ въ Исторію, его подражатели, особенно Русскіе, внесли Исторію въ романъ“,—говорится въ одной замѣткѣ (переплетъ 54, л. 34, автографъ).—Рѣзкій протестъ противъ историческаго романа звучитъ въ слѣдующемъ отрывкѣ (переплетъ 23, л. 146, автографъ 30-хъ годовъ): „Было время когда въ Европѣ и Авторы и Публика были увѣрены что судьба людей зависитъ лишь отъ тѣхъ страшныхъ переворотовъ, когда потрясаются царства и цѣлыя народы исчезаютъ съ лица земли. Въ етомъ смыслѣ написано было много поемъ и трагедій, которыхъ Сочинители безъ зазрѣнія совѣсти при громѣ трубъ и барабановъ выводили на сцену Царей и Героевъ, заставляли ихъ влюбляться и рѣзаться для удовольствія почтеннѣйшей Публики. Етотъ родъ надоѣлъ, осмѣянъ, освистанъ — но между тѣмъ не только продолжается и въ наше время, но въ наше время ета привычка обратилась въ нѣкоторый родъ безумія [послѣднія пять словъ потомъ зачеркнуты]; нѣтъ романа который бы не назывался историческимъ; не осталось почти ни одного порядочнаго великаго человѣка, который бы не былъ оклеветанъ какимъ-нибудь Романистомъ; еще щастье—когда страницы романа были“. На полфразѣ отрывокъ и кончается. Предпослѣдняя фраза текстуально соотвѣтствуетъ сказанному на стр. 361 статьи „О враждѣ къ просвѣщенію“.

[2]) Не забудемъ, что однимъ изъ первыхъ романовъ былъ „Дмитрій Самозванецъ“ Булгарина

ныя изъисканія; у насъ, напротивъ, поэтическое *проницаніе* предупредило реальную разработку» (Р. Ночи, 387, прим.). Именно, «Исторія» Карамзина навела на изученіе историческихъ памятниковъ (слѣдовательно, по мнѣнію Одоевскаго, историческое обобщеніе предшествовало здѣсь изученію сырыхъ историческихъ матеріаловъ) [1]); Пушкинъ въ «Борисѣ Годуновѣ» разгадалъ характеръ русскаго лѣтописца, хотя самыя лѣтописи въ историческомъ отношеніи еще не изучены; «Хомяковъ (въ Димитріи Самозванцѣ) глубоко проникнулъ въ характеръ еще труднѣйшій: въ характеръ древней русской женщины-матери, Лажечниковъ (въ Басурманѣ) воспроизвелъ характеръ и того труднѣйшій: древней русской дѣвушки; между тѣмъ, значеніе женщины въ русскомъ обществѣ до Петра Великаго остается совершенною загадкою *въ ученомъ смыслѣ*. Теперь, слѣдите за этими характерами въ историческихъ памятникахъ, только что появляющихся въ свѣтъ, и васъ поразитъ вѣрность этихъ призраковъ, вызванныхъ магическою дѣятельностію поэтовъ» (Р. Н., 388, прим.). Русскіе поэты, «посредствомъ поэтическаго магизма, угадали исторію прежде исторіи, и нашли въ душѣ своей тѣ краски, которыя на Западѣ черпаются изъ медленной, давней разработки вѣковъ историческихъ» (Р. Н., 387).

Нельзя не видѣть, что какъ въ первомъ случаѣ, когда Одоевскій низводилъ нашъ историческій романъ на степень простого подражанія Вальтеръ-Скотту и грубаго перекраиванья Карамзина, такъ и теперь, когда онъ заговорилъ о «магической дѣятельности» такихъ писателей, какъ Хомяковъ [2]),—что въ обоихъ этихъ случаяхъ его оцѣнка страдаетъ неточностью. Но важно то, что и тамъ и здѣсь критерій одинъ и тотъ же—степень поэтической самобытности. Авторъ «Пестрыхъ сказокъ» и «Р. Ночей», конечно, не отрицалъ важности историческаго романа, какъ опредѣленнаго литературнаго жанра. Напротивъ,

---

1) Уже Бѣлинскій (подъ ред. С. А Венгерова, т. IX, стр. 22) обратилъ вниманіе на ошибочность этого взгляда.

2) Трагедін Хомякова „Димитрій Самозванецъ" Одоевскій придаетъ большое значеніе и въ анонимной рецензіи о „Чтеніяхъ" Н. И. Греча (От. Зап. 1840, т. XII, отд. VI, стр 21). Ibid. хвалитъ онъ и „сжатый, сильный" слогъ Лажечникова Сочувственный отзывъ о Лажечниковѣ даетъ также Плакунъ Горюновъ От. Зап. 1840, т XIII, отд. III б. стр. 10).

кн. Одоевскій нѣсколько разъ брался и самъ за историческій романъ съ сюжетами изъ европейской и русской исторіи [1]).

Выше, рядомъ съ историческимъ романомъ, Одоевскій затронулъ и историческую драму (Хомяковъ). Довольно близко къ нему стоялъ авторъ пресловутой пьесы «Рука Всевышняго отечество спасла».

Когда Н. В. Кукольникъ ставилъ на сценѣ петербургскаго Большого театра свою пьесу (15 янв. 1834 г)., ему пришлось очень много хлопотать. «Послѣ каждой репетиціи онъ забѣгалъ къ князю Одоевскому, измученный, разстроенный, и нерѣдко товарищи-литераторы не могли отъ него добиться ни одного слова», — разсказываетъ Теобальдъ [2]). Послѣ спектакля, на которомъ присутствовалъ государь, Кукольникъ получилъ приглашеніе явиться во дворецъ. Внѣ себя отъ счастья, драматургъ прибѣжалъ къ Одоевскому, «который пригласилъ его, вмѣстѣ съ другими литераторами, послѣ спектакля къ себѣ». Кукольникъ былъ «какъ помѣшанный»... «Писатели успокоивали его и поздравляли» (510). Послѣ пріема счастливый Кукольникъ снова явился въ то же общество излить свою радость.

Не исключена возможность того, что Одоевскій раздѣлялъ общій восторгъ Петербурга и въ частности двора передъ «патріотической» пьесой Кукольника. Но восторгъ этотъ имѣлъ свои границы и не сливался вполнѣ съ ликованіями сторонниковъ офиціальной народности. Объ этомъ можно судить по интересной замѣткѣ Одоевскаго, которая была написана по поводу представленія (23 янв. 1835 г.) другой пьесы Кукольника— «Князь Мих. Вас. Скопинъ Шуйскій». [3]). Одоевскій, по его выраженію, «былъ свидѣтелемъ явленія примѣчательнаго, отвратительнаго и ужаснаго», и онъ такъ описываетъ весь взволновавшій его эпизодъ:

---

[1]) Крупной попыткой является „романъ въ нравахъ XVI-го столѣтія"— „*Іорданъ Бруно и Петръ Аретино*", начатый еще въ 1825 году, значитъ, раньше „Юрія Милославскаго" Загоскина и „Дмитрія Самозванца" Булгарина. Были у Одоевскаго планы и другихъ историческихъ романовъ—изъ древней русской исторіи и изъ эпохи Петра Вел. Утопія „4338-й годъ" должна была составить лишь часть исторической трилогіи.

[2]) Рука Всевышняго отечество спасла. Драма Н. В. Кукольника. Изъ воспоминаній Теобальда. „Р. Арх." 1889, т. III, стр. 509.

[3]) Переплетъ 53, л. 104—106, автографъ.

«Публика была довольно хладнокровна къ лучшимъ мѣстамъ Трагедіи, рукоплескала нѣкоторымъ тирадамъ противъ иностранцевъ, но въ сценѣ, когда Ляпуновъ тащитъ по полу Доктора Фидлера и говоритъ:

Тебя отдать? отдамъ полуживаго;
Сначала разниму тебя по членамъ
И по кускамъ толпѣ разсвирѣпѣвшей
Какъ псамъ голоднымъ въ пищу разбросаю [1])

Когда Каратыгинъ ужаснымъ язвительнымъ тономъ проговорилъ

Разстаться-ль мнѣ съ моей проклятой жертвой
Отдать-ли мнѣ сокровище, мой кладъ,
Мою находку дорогую?..

и наконецъ бросаетъ его народу съ словами: Ловите Христіяне...

Тогда по всему Театру раздались не рукоплесканія—но злобный адскій смѣхъ или лучше стонъ злобнаго удовольствія—волосы у меня поднялись дыбомъ.

Если Кукольникъ—Поетъ въ душѣ не ужъ-ли въ ету минуту онъ не почувствовалъ тайнаго упрека?

За чемъ етотъ Апотеозъ варварства? За чемъ весь Ляпуновъ Апотеозъ грубаго невѣжества? За чемъ етотъ облагородствованный Вандализмъ? Не ужъ-ли онъ забылъ, что точно такая же сцена происходила во время холеры въ Петербургѣ—но не въ Театрѣ?—что такая же сцена можетъ возобновиться и будетъ одно убійство на сценѣ, другое за сценою? За чемъ возбуждать ету пѣну народную полную грубыхъ звѣрскихъ страстей, которыя едва начали утихать подъ рукою Петра? Не ужъ-ли намъ въ угоду черни вырвать дерево, посаженное его святыми руками?—Не нужны намъ иностранныя словопрѣнія о лучшей формѣ правленія, но нужны намъ иностранныя науки, мы должны учиться, потому что мы ничего не знаемъ—а Публика подъ словомъ иностранныя нововведенія понимаетъ не что другое какъ науки, всегда противныя необразованному человѣку—другія нововведенія льстятъ ея лютости—и тому доказатель-

[1]) Послѣ перваго стиха читается еще стихъ, опущенный Одоевскимъ. „Сквозь истязанья ада проведу" (Сочиненія Нестора Кукольника Спб. 1851. Сочиненія драматическія I Стр. 330.

ство—ета адская сцена съ Докторомъ.—Не ужъ-ли жъ намъ въ угоду черни должно бросить всѣ науки, всѣ сокровища ума—все то что нѣкогда изъ Русскаго человѣка должно сдѣлать перваго человѣка во вселенной?—О! да не увлекается молю Бога, молодой Поетъ етимъ дѣйствіемъ, которое онъ произвелъ на слушателей—онъ разшевелилъ лишь одно самое ужасное чувство въ душѣ ихъ—а не возвысилъ ее—пусть вспомнитъ онъ что во времена Септамбризеровъ — неистовый Pere Duchesne былъ самымъ народнымъ Журналомъ во Франціи» [1]).

Прекрасныя строки, въ которыхъ такъ хорошо выразился культурный взглядъ Одоевскаго на «народность». Русская исторія, какъ и бытъ, дорога нашему идеалисту, но еще дороже общечеловѣческіе идеалы и достоинство искусства.

Посмотримъ теперь на отношеніе Одоевскаго къ нравственно-сатирическимъ романамъ, въ которыхъ онъ особенно видитъ вліяніе французскаго романа.

Послѣ того, какъ историческій родъ «наскучилъ», въ Европѣ взялись за нравственно-сатирическій романъ съ специфическимъ содержаніемъ, характернымъ для жизни «престарѣлой Европы». Наши романисты не замѣтили, что это литературное направленіе есть продуктъ «нервической горячки» и принялись подражать, чтобы пріобрѣсти себѣ «благосклонность публики». Получилось любопытное зрѣлище, «какъ нѣкоторые изъ этихъ господъ, нападая безъ милосердія на французскихъ романистовъ, безъ милосердія же стараются перенять ихъ нелѣпый выборъ предметовъ, напыщенный, натянутый слогъ и даже самую неблагопристойность, все по мѣрѣ возможности» [2]). Говоря это, Одоевскій, очевидно, больше всего имѣлъ въ виду Сенковскаго, которому какъ разъ въ печати были предъявлены подобныя обвиненія [3]). Одоевскій негодуетъ на то, что наши сатирики, по старой памяти, пустились подражать иностранцамъ, «вмѣсто того, чтобы посмотрѣть вокругъ себя, углубиться въ отечественные нравы, въ нихъ отъискать имъ

---

[1]) Septembriseurs—такъ сказать, сентябристы, участники избіеній, происходившихъ во время Великой французской революціи, въ сентябрѣ 1792 г.

[2]) О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ (1836). Собр. сочин. III, 366.

[3]) См. нашу статью въ V т. Пушкина, подъ ред. С. А. Венгерова.

свойственныя оригинальныя черты, способныя быть перенесенными въ міръ литературный» (364)

Россія—страна «свѣжая, юная»; данная эпоха—«самая драматическая, какая только можетъ быть въ исторіи страны, эпоха сліянія народности съ общею образованностію». Усвоеніе общей образованности—вотъ основная русская задача. Ея осуществленіе началъ Петръ В., и продолжаетъ теперь правительство; ею заняты немногіе люди изъ образованнаго общества. Жалкіе подражатели французовъ, наши сатирики, вдругъ принялись обличать какъ разъ самое дорогое для Россіи—ея просвѣщеніе, не злоупотребленія даже наукой, а самое науку: стали высмѣивать агрономію, въ которой такъ нуждается земледѣльческая Россія; стали издѣваться надъ философскими системами, которыхъ въ сущности не знаютъ; толкуютъ о вредѣ отъ излишней учености, о вредѣ машинъ; «лучшіе умы нашего и прошедшаго времени: Шамполльйонъ, Шеллингъ, Гегель, Гаммеръ, особенно Гаммеръ, снискавшіе признательность всего просвѣщеннаго міра, обращены въ предметы лакейскихъ насмѣшекъ, «лакейскихъ» говоримъ, ибо цинизмъ ихъ таковъ, что можетъ быть порожденъ лишь грубымъ, неблагодарнымъ невѣжествомъ» (365) [1]).

«Наконецъ, демократическій духъ, составляющій особый колоритъ въ европейскихъ романахъ, также переселился въ наши романы; но у насъ обратился въ безусловныя похвалы черни и въ нападки на высшее общество, большею частію недоступное нашимъ сатирикамъ» (367). У нравоописателей выработался уже шаблонъ для изображенія «человѣка высшаго общества или, какъ они говорятъ, моднаго тона» [2]): «Они непремѣнно пошлютъ его въ чужіе края; для большей вѣрности въ костюмѣ, заставятъ его не служить, спать до двухъ часовъ пополудни, ходить по кондитерскимъ и пить до обѣда, разу-

---

[1]) Въ переплетѣ 13, л. 41 и об., автографъ, есть отрывокъ, примыкающій къ статьѣ „О враждѣ къ просвѣщенію". „Нападенія противъ науки, противъ философіи понятны въ чужихъ краяхъ—тамъ оно дѣло партіи—у насъ же не имѣетъ никакого смысла; просвѣщеніе еще на зарѣ; не можетъ у насъ быть въ немъ злоупотребленій, потому что нѣтъ еще и употребленія". Успѣхъ „вялыхъ и скучныхъ произведеній" невѣжественныхъ писателей объясняется тѣмъ, что они потворствуютъ лѣни, и что толпа всегда за невѣжество.

[2]) Княжна Мими. Предисловіе. Собр. соч. II, 332.

мѣется, шампанское. Нужно имъ написать разговоръ въ порядочномъ обществѣ,—и того легче! Развернуть первый переводный романъ г-жи Жанлисъ, прибавить въ необходимыхъ мѣстахъ слова mon cher,—ma chère,—bon jour,—comment vous portez vous,—и разговоръ готовъ!» Начитавшись тѣхъ же французскихъ романовъ въ русскомъ переводѣ, «газетные Нравоописатели» приписываютъ русской женщинѣ южныя страсти, кокетство, непреодолимое влеченіе сердца, дикіе порывы. Все это—вздоръ и клевета. Удѣлъ нравоописателей «попадать рѣдко и метить всегда мимо», говорится въ «Янтинѣ» (переплетъ 80, л. 187) [1]. Ихъ женщины взяты на прокатъ изъ французскаго романа, и «Пушкинъ говаривалъ, что ему бы очень любопытно было посмотрѣть на дамъ, которыя разговариваютъ съ етими господами» [2].

«Легкость» такого творчества соблазнила множество сочинителей; поднялась снизу «вся литературная тина». «Въ этихъ произведеніяхъ не ищите убѣжденія, откровенности; не ищите новой точки зрѣнія, которая дѣлаетъ разсказъ занимательнымъ если не по происшествію, то по-крайней-мѣрѣ по разсказщику; не ищите тѣхъ глубокихъ изъисканій, которыя поднимаютъ

---

1) То же выраженіе встрѣчается и у Плакуна Горюнова (От. Зап. 1840, т. XIII, отд. III б, стр. 9) и въ статьѣ „О враждѣ къ просвѣщенію" (т. III, 365).

2) Обвиненія писателей-демократовъ, „лакеевъ-романистовъ", которыхъ не пускаютъ дальше передней и лакейской, въ неумѣніи изображать жизнь гостиныхъ, встрѣчаются у Одоевскаго часто: въ „Пестрыхъ сказкахъ", (137 и слл.); въ „Черной перчаткѣ" (II, 41); въ „Княжнѣ Мими" (II, 307); въ повѣсти „Мостъ"; въ повѣстяхъ „Янтина" (выше, 96 стр.) и „По-просту" (выше на стр. 151—153); въ отрывкѣ „Кати" (стр. 134, прим.); въ „Петербуржскихъ письмахъ" (см. на 176—7 стр.); въ рукоп. предисловіи къ „Р. Ночамъ"; въ разсужденіяхъ Плакуна Горюнова (От. Зап. 1840, т. XIII, отд. III, б., стр. 9) и т. д. Въ ненапечатанномъ прологѣ къ „Кн. Мими" выведенъ неблаговоспитанный бѣсъ. Онъ „былъ очень дурнаго тона, не разчесанный, съ рогами на показъ, съ необрѣзанными когтями, раздушенъ о-делавандомъ, говорилъ лабазнымъ языкомъ—какъ будто сейчасъ выскочилъ изъ какой-нибудь Русской повѣсти" (переплетъ 4, л. 61 об.) Да оказывается, онъ, дѣйствительно, любитъ читать русскіе романы и повѣсти. „Какъ они описываютъ людей—ето чудо", восторгается неблаговоспитанный бѣсъ: „Куда я ни забреду, въ мѣлочную лавочку, въ лакейскую, въ дѣвичью—ну точь въ точь какъ описываютъ гостиныя" (ibid., л. 62 и об.). Полевой въ рецензіи о „Пестрыхъ сказкахъ" (см. выше на стр. 33—34) возсталъ на защиту беллетристовъ-демократовъ.

предъ нами завѣсу съ старинныхъ нравовъ или съ тайныхъ движеній души современниковъ; не ищите того поэтическаго волшебства, которое, при недостаткѣ историческихъ свидѣтельствъ, угадываетъ прошедшее и настоящее; не ищите и простосердечнаго естественнаго описанія нравовъ и характеровъ; не ищите ничего дѣвственнаго, невольно вылившагося изъ души... Въ сотняхъ томовъ, вмѣсто силы—напыщенность, вмѣсто оригинальнаго—чудовищное, вмѣсто остроты—площадныя шутки,—и между тѣмъ все чужое, все неестественное, все несуществующее въ нашихъ нравахъ» [1]).

Критика потворствуетъ этому «гибельному направленію» литературы, потому что это выгодно ей самой. Читатель, съ своей стороны, плохо разбирается въ книгахъ. Читаютъ все, что попадется, и подчиняются тлетворному вліянію книги. Какой-нибудь помѣщикъ, живущій въ степной глуши, начитавшись невѣжественныхъ книгъ, которыя превыше всякаго просвѣщенія ставятъ какую-то «*правдологію*», смѣшиваетъ «вольнодумство съ благими дѣйствіями просвѣщенія, молотильню съ затѣями безпокойныхъ головъ» (371); во всякомъ улучшеніи видитъ вредное нововведеніе, въ своемъ эгоизмѣ и лѣни—«*истинную истину*»; «настоящій русскій духъ» находитъ во взглядахъ своихъ крестьянъ на способы земледѣлія.

«Такъ пагубно», заканчиваетъ Одоевскій свою статью (III, 371—2), «дѣйствуетъ пустое, дѣтское подражаніе иностраннымъ бреднямъ на нижніе слои общества; такъ невольно унижаютъ свое званіе писатели; такъ мало содѣйствуютъ они благимъ попеченіямъ правительства о нашемъ благомъ просвѣщеніи!»

Авторъ оговаривается, что онъ не хотѣлъ никого оскорблять, не имѣлъ въ виду «никого въ особенности, но лишь дѣйствіе, производимое на читателей нѣкоторыми изъ новѣйшихъ произведеній» (372). Едва ли однако можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ обвинительный актъ направленъ главнымъ образомъ противъ Булгарина и Сенковскаго, противъ ихъ беллетристики и вообще противъ ихъ литературной дѣятельности.

Итакъ, Одоевскій предъявилъ современной ему беллетристикѣ обвиненіе по слѣдующимъ пунктамъ: 1) подражательность фран-

---

1) Сочиненія, ч. III, 367—368.

цузскому роману, 2) антихудожественность, 3) аморальность, 4) проповѣдь невѣжества, 5) демократическія тенденціи [1]).

Въ статьѣ «Какъ пишутся у насъ романы» Одоевскій въ частности имѣлъ въ виду Степанова, Калашникова и Массальскаго, въ статьѣ «О враждѣ къ просвѣщенію»—Булгарина и Сенковскаго.

Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій были въ то время не только вліятельными журналистами, но связали свои имена и съ исторіей русскаго романа. Булгарина («Иванъ Выжигинъ», «Дмитрій Самозванецъ», «Петръ Выжигинъ») и Греча («Черная женщина») считали даже родоначальниками русскаго романа 30-хъ годовъ; забыть объ этой заслугѣ было нельзя: они сами во взаимныхъ похвалахъ частенько напоминали объ этомъ читателямъ. Не могъ поэтому и Одоевскій не удѣлить имъ особаго вниманія. Съ Булгаринымъ, кромѣ того, у него были давнишніе счеты. Въ «Моск. Вѣстникѣ» 1828 г. (книга первая) была напечатана статья Шевырева «Обозрѣніе русской словесности за 1827 г.», съ критикой нравоописательныхъ очерковъ Булгарина. Послѣдній былъ взбѣшенъ, тѣмъ болѣе что незадолго передъ тѣмъ (въ концѣ декабря 1827 г.) Погодинъ былъ въ Петербургѣ, и публицистъ «Сѣв. Пчелы» давалъ въ честь его обѣдъ. Булгаринъ разразился статьей въ «Сѣв. Пч.», 1828, № 11. Одоевскій ликовалъ и писалъ Шевыреву (Барсуковъ, II, 168. Ссылка: Письма, II, 9—11): «*Обозрѣніе* всѣмъ понравилось, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что никогда характеръ сочиненій Булгарина не былъ такъ вѣрно опредѣленъ [2]); онъ вамъ напи-

---

1) Интересна стихотворная характеристика русскихъ романовъ и въ частности „Семейства Бѣгичевыхъ“, которую далъ Печеринъ въ 1833 г. (Жизнь В. С. Печерина. М. Гершензона. М. 1910. Стр. 35). Здѣсь между прочимъ читаемъ: „Всего тутъ понемножку: и народность, И выписокъ изъ хроникъ цѣлый рядъ, И грубая рѣчей простонародность, На жизнь и въ бездны сердца мрачный взглядъ. Но гдѣ-жъ у васъ гигантскія созданья Фантазіи могучей и живой?“

2) Шевыревъ между прочимъ писалъ. „Теплота чувства или мысли, которая роднитъ душу читателя съ писателемъ, совершенно отсутствуетъ въ сочиненіяхъ Булгарина. Главный ихъ характеръ безжизненность: изъ нихъ вы не можете даже опредѣлить образа мыслей въ авторѣ“. Его „безцвѣтныя“ статьи о нравахъ и „безхарактерныя“ повѣсти писаны ,съ цѣлію доказать весьма извѣстныя нравственныя правила“. „Г. Булгаринъ, кажется, завладѣлъ монополіею въ описаніи *нравовъ*.. Но не русскіе нравы онъ описываетъ, а передѣлываетъ чужіе на русскіе“.

салъ преглупый отвѣтъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Чуръ не спускать. Его послѣдняя надежда на Погодина; но увѣренъ, что онъ сохранитъ твердость. Надобно же когда-нибудь вывести молодца на свѣжую воду».

Эту задачу Одоевскій въ значительной степени взялъ на себя, продолжая свою же полемику 20-хъ годовъ.

Въ оцѣнкѣ белетристическаго таланта Булгарина онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ Шевыревымъ. Несомнѣнную популярность Булгарина онъ объясняетъ тѣмъ, что романистъ сумѣлъ удовлетворить вкусамъ невзыскательной публики. «Наше естетическое образованіе», писалъ Одоевскій [1]), «еще въ такомъ младенчествѣ, что читатели никакъ не вѣрятъ автору, увѣряющему ихъ, что все въ его романѣ выдумано». Читатель никакъ не можетъ сообразить, какимъ образомъ возможно «изъ ничего выдумать»; онъ и въ романѣ ищетъ сплетни, намека на живыя лица; безъ этого романъ для него—«вздоръ», «выдумка» [2]). «Отъ того Булгаринъ съ компаніей, глубоко проникнувшіе въ духъ нашихъ читателей, увѣряли, что ихъ романы совершенно историческія, точь въ точь какъ въ исторіи, и дѣйствительно въ книжной торговлѣ историческіе романы у насъ гораздо важнѣе всякихъ другихъ.—Многіе изъ такъ называемыхъ нравственно-описательныхъ романовъ обязаны успѣхомъ тому что ихъ Авторы распустили слухъ, что тутъ выведены на сцену извѣстные лица *(Иванъ Выж.)* дѣйствительно существующіе».

Въ 1835 г. вышли «Памятныя записки титулярнаго совѣтника Чухина» (Спб., 2 части), и это подало Одоевскому поводъ еще разъ высказаться о творчествѣ Булгарина [3]). Читалъ онъ новое произведеніе автора «Выжигиныхъ», «стараясь забыть о лицѣ Сочинителя» и, слѣдовательно, желая быть безпристрастнымъ. Книга представляла еще и особый интересъ тѣмъ, что авторъ вывелъ здѣсь Грибоѣдова и Дашкова. «Чудная вещь!» восклицаетъ Одоевскій: «какъ скоро дѣло

---

1) Переплетъ 89, л. 686, автографъ, современный оригиналу статьи „Какъ пишутся у насъ романы“.

2) Ср. выше объ отношеніи читателей къ роману на стр. 383—4, а на стр. 149 и 160 о читателяхъ „Сѣв. Пчелы“ и Булгарина.

3) Переплетъ 48, л. 38 и об., автографъ, съ помѣткой (карандашомъ) „Романъ“.

идетъ о мошенничествѣ, читать еще можно, но какъ дѣло дойдетъ до изображенія противоположной стороны, до патетическихъ минутъ, такъ является невыносимая пошлость. Дашковъ, Грибоѣдовъ просто представляются глупцами, хотя я узналъ нѣсколько поговорокъ Грибоѣдова, которыя вѣроятно записалъ Булгаринъ.—Я понялъ увѣренность Кн. Вяземскаго, что Булг. не можетъ написать ничего сноснаго, вслѣдствіе которой онъ вовсе не читаетъ его. Вяземскій правъ. У Б. дѣйствительно нѣтъ чутья ни для высокой мысли, ни для высокаго чувства—какъ бываютъ люди у которыхъ нѣтъ обонянія. Вѣрно етотъ тайникъ закрытъ въ его душѣ и заваленъ всякимъ соромъ; отъ того закрытъ и тайникъ Поезіи. Лице Доктора, которое онъ хотѣлъ сдѣлать поэтическимъ, гофманическимъ, верхъ и пошлости и нелѣпости, а довольно трудно сдѣлать нелѣпость пошлою.—Еслибы ети тайники не были закрыты у етаго человѣка, онъ не былъ бы великимъ Писателемъ, но былъ бы сносенъ. Онъ былъ бы нѣчто въ родѣ Козлова».

Чрезвычайно цѣнная и безпристрастная характеристика.

Н. И. Гречъ въ своихъ «Чтеніяхъ о Русскомъ Языкѣ» (Спб. 1840. 2 части) приписалъ Булгарину честь созданія русскаго романа. Это глубоко возмутило Одоевскаго. Въ своей обширной рецензіи на «Чтенія» онъ писалъ [1]): «Ка̀къ вы думаете, кто, по мнѣнію г. Греча, проложилъ въ Россіи дорогу сочинителямъ романовъ? Карамзинъ? Ничего не бывало! Нарѣжный? И того менѣе! Загоскинъ? Все не то! Эту дорогу, по мнѣнію г. Греча, проложилъ не кто другой, какъ г. Булгаринъ! Да, г. Булгаринъ! Взгляните на 159 страницу 2 тома «Чтеній», если не вѣрите. Какъ? вы скажете: нелѣпость, называемая «Выжигинымъ», написанная площаднымъ слогомъ, оскорбляющая и смыслъ и народное чувство, и языкъ русскій, по мнѣнію г. Греча, есть *романъ,* и сочинитель ея потому только, что издалъ свою книгу нѣсколькими днями ранѣе романа г. Загоскина, можетъ быть названъ прокладывателемъ хоть какого нибудь переулка въ русской словесности? Нѣтъ, это ужь слишкомъ! Чувство дружбы съ г. Булгаринымъ есть

---

1) „Отеч. Зап.“ 1840, т. XII, отд. VI, стр. 7—29. Статья—анонимная, но она, по нашему мнѣнію, безспорно, принадлежитъ Одоевскому. Доказательства мы приводимъ въ приложеніи.

безъ-сомнѣнія чувство весьма-почтенное, но есть же всему мѣра!..» [1])

Такъ же приблизительно относился Одоевскій и къ *Н. И. Гречу*. Его «Черную женщину» (1834) онъ иронически относилъ къ числу «болѣе достопамятныхъ произведеній» начала тридцатыхъ годовъ [2]), а въ полемической своей статьѣ далъ о ней рѣзкій отзывъ [3]). «Ныньче, на-пр., въ модѣ романы почему не *составить* романа?» писалъ Одоевскій: «Толкують, что романъ долженъ быть поэтическимъ, живымъ созданіемъ—пусть себѣ толкують, вы докажите противное: возьмите немножко магнетизма, нѣсколько шуточекъ, нѣсколько моральныхъ сентенцій, разведите этимъ снадобьемъ какую-нибудь обветшалую завязку—и у васъ выйдетъ романъ въ 4 томахъ, хоть, примѣромъ сказать, въ родѣ «Черной Женщины» [4]).

Изъ того, что говорилось Одоевскимъ въ статьѣ «О враждѣ къ просвѣщенію» и по поводу русской «моды» на фантастику, можно заключить, что и творчество *Сенковскаго* (барона Брамбеуса) не вызывало въ немъ сочувственнаго къ себѣ отношенія. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ [5]) обратилъ вниманіе на нѣкоторое

---

1) Въ „Лит. Прнб. къ Р. Инв" за 1837 г., № 24, стр. 232, находимъ отзывъ о „Повѣстяхъ Мих. Загоскина" (2 части. М. 1837). „Юрій Милославскій" названъ здѣсь „праотцемъ Русскихъ историческихъ романовъ"; повѣсти же Загоскина поставлены не особенно высоко. „Къ повѣстямъ Павлова, Безгласнаго, Полеваго, Марлинскаго", по мнѣнію рецензента, „онѣ относятся точно такъ же, какъ правильная и вѣрная академическая фигура къ картинѣ какого-нибудь истиннаго художника, который можетъ-быть забылъ вывести одну или двѣ жилки на рукѣ, не на мѣстѣ загнулъ складку, по' излилъ на изображеніе цѣлый потокъ поэтическаго вдохновенія".

2) Переписка подъ ред. В. И. Саитова, т III, стр 257. Письмо отъ ноября 1835 г.

3) *Андрей Краевскій.* Нѣчто о декларацін г. Греча противъ „Отечественныхъ Записокъ. „Отеч. Зап." 1840, т. VIII, кн. 2, приложеніе, стр. 1—XIV.— Статья подписана офиціальнымъ редакторомъ „От. Зап.", но составлена если не вся, то въ значительной своей части Одоевскимъ. Въ предыдущей рецензіи о „Чтеніяхъ" Греча онъ ссылается на нее, какъ на свою, да есть и другія объективныя доказательства (см. приложеніе). Отзывъ о „Черной женщинѣ" внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ Одоевскому.

4) Аргументація, какъ видимъ, та же, что въ статьѣ „ Какъ пишутся у насъ романы" Сенковскій въ своемъ обширномъ разборѣ „Черной женщины" (Собраніе сочиненій, т. VIII, 83—108) считаетъ неудачнымъ то, что въ этомъ „метафизическомъ" романѣ преобладаніе духовнаго начала въ мірѣ доказывается съ помощью животнаго магнитизма.

5) Князь В. Ѳ. Одоевскій Н. Ѳ. Сумцовъ, Харьковъ 1884 Стр. 26—27.

сходство «Княжны Мими» (1834) съ произведенiемъ Сенковскаго «Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ» (1833), «Сказки о мертвомъ тѣлѣ» (1833) съ «Похожденiемъ одной ревизской души» (1834) Брамбеуса и, наконецъ, «Живого мертвеца» съ «Записками домового» (1835) его же. Но самъ же проф. Сумцовъ даетъ правильное объясненiе этого факта, говоря: «Я не думаю, чтобы Одоевскiй и Сенковскiй въ чемъ либо подражали другъ другу. Не смотря на то, что оба они были образованнѣйшiе и ученѣйшiе люди своего времени, ихъ умственный и нравственный складъ представлялъ непримиримыя противоположности, и понятно, что они одинъ другого терпѣть не могли... Сходство нѣсколькихъ произведенiй Одоевскаго и Сенковскаго объясняется общей избитой формой романтическихъ произведенiй». Къ этому нужно только добавить, что «избитой» романтическая форма была именно у Сенковскаго, а не у Одоевскаго, и что самое сходство носитъ весьма внѣшнiй и отдаленный характеръ [1]).

Извѣстная часть русскихъ беллетристовъ тридцатыхъ годовъ (Гречъ, Сенковскiй, Погорѣльскiй, Вельтманъ, Мельгуновъ и др.), дѣйствительно, облюбовала себѣ фантастическую форму (частью не безъ влiянiя Гофмана, какъ у Погорѣльскаго, Мельгунова, частью въ духѣ французской фантастики), но Одоевскiй хорошо понималъ настоящую цѣну этой фантастикѣ и, хотя временами (напр., въ «Живомъ мертвецѣ») и самъ приближается къ нимъ, но въ цѣломъ его фантастика иного свойства (какъ у Гоголя и Пушкина). *Вельтмана*, впрочемъ, Одоевскiй называлъ писателемъ «оригинальнымъ и даровитымъ» и лучшимъ его романомъ считалъ «Святославича» [2]).

---

[1]) Булгаринъ однажды утверждалъ, что въ „Кн. Мими“ Одоевскiй „копировалъ“ Марлинскаго (см. выше на стр. 66).

[2]) „Отеч. Зап.“ 1840, т. XII, отд. VI, стр. 21 (въ отзывѣ о „Чтенiяхъ“ Н. Греча). Упомянутый романъ вышелъ въ 1835 г. (М.) подъ заглавiемъ: „Святославичъ, вражiй питомецъ. Диво временъ краснаго солнца Владимiра“. Съ похвалой отозвался о Вельтманѣ и Плакунъ Горюновъ („Отеч. Зап. 1840, т. XIII, отд. IIIб, стр. 10) О двухъ произведенiяхъ Вельтмана (Виргинiя, или поѣздка въ Россiю. 2 ч М. 1837. — Сердце и думка. 4 ч. М. 1838) данъ отзывъ въ „Лит Приб. къ Р. Инв.“ 1838, № 7 и 8. Между прочимъ въ рецензiи примѣнено къ Вельтману выраженiе Россини, сказанное о Беллини („Иной тѣмъ оканчиваетъ, чѣмъ г. Вельтманъ началъ“) То же было сказано и въ рецензiи о Тепляковѣ. Все это заставляетъ подозрѣвать авторство Одоевскаго. Замѣчательно, что В. К Кюхельбекеръ въ письмѣ къ Одоевскому отъ

Изъ беллетристовъ тридцатыхъ годовъ Одоевскій выдѣлялъ еще Погодина и Н. Ф. Павлова.

Повѣсть *М. П. Погодина* «Черная немочь» (1829), въ общемъ понравившаяся и Бѣлинскому, вызвала шумныя похвалы со стороны друзей автора. Любимовъ изъ Петербурга описывалъ Погодину свой восторгъ и между прочимъ прибавлялъ: «Я два раза читалъ ее: одинъ разъ у себя, а въ другой—у Одоевскаго; тутъ были Титовъ и Шевыревъ, который торжественно прочелъ ее» [1]).

Повѣсти *Н. Ф. Павлова* пользовались огромнымъ успѣхомъ (на нихъ обратила особенное вниманіе даже цензура) [2]), но вызывали въ критикѣ противорѣчивыя сужденія. Дурно отозвался о нихъ и Н. И. Гречъ въ своихъ «Чтеніяхъ». Возмущенный этимъ, Одоевскій въ отвѣтъ писалъ: «Кто не читалъ повѣстей Павлова? кто не любовался талантомъ этого молодаго писателя, изяществомъ и отчетливостію его слога? его повѣсти, неподдерживаемыя ни газетными объявленіями, ни похвалами пріятелей, возбудили вниманіе публики во всѣхъ концахъ Россіи» [3]).

Въ общемъ Одоевскій со скорбью смотрѣлъ на то, что дѣлалось въ нашей литературѣ 30-хъ годовъ, внѣ того тѣснаго круга, къ которому принадлежалъ онъ самъ, который гордился именами Пушкина и Гоголя. «Мы ищемъ въ нашей Литературѣ Поэзіи, какъ люди въ жизни ищутъ щастія,—вотъ кажется что то мелькаетъ, вотъ ближе, ближе—не оно-ли? Ничего не бывало; новый обманъ!» Такія элегическія строки находимъ мы въ одной замѣткѣ Одоевскаго, подсказанной думами о русской литературѣ (переплетъ 92, л. 288, автографъ). Поэзія—

1845 г. вспомнилъ рядомъ съ авторомъ „Р. Ночей" именно Вельтмана (Отчетъ И. П. Б. за 1893 годъ, приложеніе, стр. 71). Даже своего „Вѣчнаго жида" (1842) онъ посвятилъ Вельтману.

1) Н. Барсуковъ, II, 297. „Черная немочь"—это—страсть къ наукамъ, которой былъ одержимъ сынъ богатаго купца. Отецъ боролся съ его „болѣзнью", и сынъ утопился въ Москвѣ-рѣкѣ. Значитъ, сюжетъ въ духѣ Одоевскаго. „Черная немочь" была напечатана въ „Моск. Вѣстн." 1829 г. (ч. II), въ томъ же году вышла отдѣльно и, наконецъ, перепечатана въ III ч. „Повѣстей Михаила Погодина" (М. 1832). — Отзывъ Бѣлинскаго въ статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя" (подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, 204—205). Ср. еще въ „Литерат. мечтаніяхъ" (ib., т. I, 387) и позднѣе (ib., т. VI, 306).

2) М. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. Т. II.

3) „Отеч. Зап. 1840, т. XII, отд. VI, стр. 16—17. Весьма похвальный отзывъ о „Новыхъ повѣстяхъ" (Спб. 1839) Н. Ф. Павлова былъ данъ въ „Л. Пр. къ Р. Инв." 1839, т. II, № 24, стр. 468—470.

рѣдкая гостья въ нашей литературѣ, да и литературная критика (Бѣлинскій не въ счетъ) безсильна выполнить свою задачу. Ей ничего не стоитъ писателей своего прихода сравнить съ Гете, съ Байрономъ, а «лучшій талантъ въ Россіи», Гоголя, назвать Поль-де-Кокомъ (III, 368). Если въ Европѣ еще спорятъ о сущности изящнаго, то «у насъ еще не спорятъ»: «тамъ нѣтъ еще порядочной эстетики,—у насъ еще, между теоріями, даже порядочной азбуки». А между тѣмъ есть критики, которые смѣло судятъ и рядятъ. «Еслибы», писалъ Плакунъ Горюновъ, «мой голосъ могъ раздаться во всѣ концы міра, я сказалъ бы европейскимъ критикамъ: «пока чувство изящнаго не будетъ переведено на языкъ разума, пока не будетъ выражено словами—воздержитесь!» Я сказалъ бы такъ-называемымъ нашимъ критикамъ: «пока мы, и особенно вы, порядочно не поучились—воздержитесь!» [1]).

Изъ предыдущаго изложенія видно, какой глубокій интересъ проявлялъ Одоевскій къ нашей беллетристикѣ 30-хъ годовъ. Разумѣется, это было какъ нельзя болѣе естественно. Онъ самъ началъ нравоописательными очерками, занималъ выдающееся мѣсто среди беллетристовъ тридцатыхъ годовъ, и дѣло, у котораго стояли Гречъ, Булгаринъ, Сенковскій, Калашниковъ, Степановъ, Павловъ и пр., было его собственнымъ дѣломъ. Отсюда его горячій тонъ. Не все въ сужденіяхъ Одоевскаго безусловно справедливо, какъ излишнее подчеркиванье зависимости отъ французскаго романа или упреки съ точки зрѣнія идеалистическаго аристократизма. Но мысли, высказанныя Одоевскимъ, имѣютъ немалую цѣну при изученіи нашего романа въ пушкинскій періодъ. Одоевскій, подвизавшійся рядомъ съ Пушкинымъ и Гоголемъ, имѣлъ право предъявлять строгія требованія къ беллетристамъ своего времени. Въ своихъ нападкахъ онъ прежде всего защищалъ чистоту искусства и достоинство литературы, какъ культурной силы. Этими идеями проникнута и вся его журнальная полемика тридцатыхъ годовъ.

VII.

Глубоко активная натура, Одоевскій много думалъ объ отношеніи литературы къ жизни. Русская дѣйствительность

1) Отеч. Зап. 1840, т. XIII, отд. III б., стр. 5—6.

предъявляла къ писателю свои неотразимыя требованія, и Одоевскій отвѣчалъ на нихъ и своимъ литературнымъ творчествомъ и своимъ энергичнымъ участіемъ въ журналистикѣ. Какъ всегда, онъ посмотрѣлъ на дѣло широко и подвергъ внимательному разсмотрѣнію вопросъ, *что такое литераторъ* вообще, и чѣмъ долженъ быть русскій писатель. Онъ готовилъ даже особую работу на эту тему, отъ которой осталось нѣсколько важныхъ отрывковъ [1]).

Въ самихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ можно было услышать вопросъ, «зачѣмъ писать» [2]). Иные говорятъ: «что я узнаю въ книгѣ, что скажетъ мнѣ Авторъ? нѣтъ новыхъ мыслей, а есть лишь новыя выраженія!» [3]) Вотъ эти элементарные недоумѣнные вопросы Одоевскій и хотѣлъ бы разъяснить въ статьѣ «Что такое Литераторъ?»

Народъ не остается неизмѣннымъ и, съ другой стороны, не измѣняется «въ одно мгновеніе, какъ думали многіе Историки Французской революціи, и самые Историки Петра Великаго» [4]).

---

[1]) Сюда относятся прежде всего „*Письма къ бумажному фабриканту*". „Письма" эти Одоевскій началъ въ 1845 г., судя по письму къ Шевыреву, которое было писано вскорѣ по выходѣ „Сиротинки" (1845) и „Чтеній по русской словесности" Шевырева (ч. I, 1845) и, слѣдовательно, можетъ быть датировано тѣмъ же 1845 г. (переплетъ 96, л. 230—235, автографъ). Чтобы разсѣять недоразумѣнія, возникшія между нимъ и кружкомъ Шевырева, Одоевскій „счелъ необходимымъ рѣшиться напечатать то, что называется— *profession de foi*—хотя такихъ продѣлокъ терпѣть не могу, и вы увидите это, господа, въ *Письмахъ къ бумажному фабриканту*, которыя, я думаю, будутъ напечатаны въ Современникѣ, какъ въ странѣ неутральной". Въ печати письма не появились, и profession de foi осталась недосказанной.—Неоконченное „Письмо первое" находимъ въ переплетѣ 83, л. 121—122, автографъ. Бумажный фабрикантъ пожелалъ знать, что такое литераторъ, для котораго онъ изготовляетъ бумагу. Авторъ хочетъ удовлетворить его благородное любопытство. Въ другихъ переплетахъ (48, л. 223, 227, 228—232; 92, л. 299 об.; 80, л. 287—293 и 294—300) имѣются замѣтки съ заглавіемъ „*Что такое литераторъ*". Одна изъ нихъ (переплетъ 80, л. 294—300) представляетъ Письмо къ нелитератору, который спрашивалъ, „что такое Литераторъ". Очевидно, этотъ „нелитераторъ" потомъ былъ замѣненъ „бумажнымъ фабрикантомъ", какъ человѣкомъ, имѣющимъ извѣстное отношеніе къ печатному дѣлу.

[2]) Переплетъ 21, л. 47—51, автографъ, подъ заглавіемъ: „Зачѣмъ писать?" Статья не окончена.

[3]) Переплетъ 92, л. 299 об., автографъ. Сверху карандашомъ написано: „Къ статьѣ „Что такое Литераторъ?"

[4]) Переплетъ 48, л. 228—232, автографъ, подъ заглавіемъ: „Что такое Литер."

По «закону измѣненія всякой системы живыхъ силъ (un système de force)», въ народномъ организмѣ съ каждымъ годомъ появляются зародыши будущихъ преобразованій, которыя произойдутъ, можетъ быть, черезъ полвѣка. Зародыши эти возникаютъ то въ высшемъ, то въ низшемъ кругу общества, при чемъ «низшій классъ рѣдко знаетъ, что думается въ высшемъ; высшій почти никогда не знаетъ, что приготовляется въ низшемъ». Мало того, появленіе и даже развитіе зародышей долгое время остается непримѣтнымъ для самого правительства, и у послѣдняго поэтому не оказывается средствъ воздѣйствовать на развитіе эмбріоновъ путемъ закона. А между тѣмъ въ зародышахъ понятій *можетъ заключаться и добро и зло*; важно съ самаго начала направить развитіе къ благой цѣли. «Бороться съ симъ зарожденіемъ или способствовать ему можетъ лишь Поетъ, или Литераторъ; онъ или присутствуетъ сему зарожденію по своему положенію въ свѣтѣ, или угадываетъ его поэтическимъ инстинктомъ, онъ можетъ направить то или другое образованіе идей—къ благой цѣли, и заранѣе указать тѣ пропасти, въ которыя оно можетъ обрушиться» [1]).

Возьмемъ теперешнюю минуту, разсуждаетъ Одоевскій. Промышленность и торговля находятся въ такомъ блескѣ, какъ никогда; «физическая сторона человѣка» напряжена необычайно. Общество и правительство радуются этому, потому что экономическій прогрессъ, дѣйствительно, важенъ для страны. Но то же явленіе поселяетъ «безпокойство» въ умѣ лучшихъ литераторовъ нашего времени. Они предвидятъ опасность отъ «безбрежнаго распространенія нынѣшняго духа егоизма, пользы, или, если угодно, промышленности». Байронъ проклялъ бухгалтерію Англіи. Въ самыхъ промышленныхъ странахъ развивается литература религіозная, духовная. Литераторы «насмѣшкой, совѣтами, повѣствованіемъ» стараются удержать общество отъ гибельнаго пути, подѣйствовать на душу сына мануфактуриста, чтобы пробудить въ ней тѣ потребности, «для которыхъ тѣсенъ одинъ промышленный міръ, и кои называются: религіей, поезіей, благотворительностью, любовью, чистотою душевною—на коихъ зиждется благо всякаго общества» [2]). Съ

---

[1]) Ibid., л. 229 об.—230.

[2]) Ibid., л. 232.

другой стороны, черезъ душу человѣка иной разъ проходятъ мысли, которыя «полны будущаго» и могутъ принести «золотые плоды своимъ развитіемъ въ жизни». «Ета мысль потерялась бы, но Поетъ, Прозаикъ продлили ея минутное существованіе и часто самое глубокое, а потому и менѣе замѣтное чувство—является на сцену міра для дѣланія» [1]).

Литература, какъ микроскопъ, показываетъ состояніе общества и, въ свою очередь, приготовляетъ «общественную атмосферу» [2]). А послѣднее важно даже для успѣховъ науки и возможности новыхъ изобрѣтеній, такъ что литература и въ этомъ смыслѣ содѣйствуетъ росту просвѣщенія [3]). Литература служитъ подчасъ посредницей между наукой и обществомъ. «Словесность есть воздухъ, чрезъ который долженъ проходить свѣтъ науки, чтобы достигнуть нашего зрѣнія» [4]).

Естественно, что литераторъ долженъ удовлетворять весьма серьезнымъ требованіямъ. «Чтобъ быть литераторомъ, надобно: 1-ое быть человѣкомъ; 2-ое, умѣть управляться съ выраженіемъ такъ, чтобы оно было дѣйствительно выраженіемъ мыслей; 3-ье имѣть самыя мысли» [5]). Отъ литератора требуются чуткая отзывчивость на все человѣческое и широкая образованность.

---

[1]) Переплетъ 92, л. 299 об., автографъ. Сверху карандашомъ: „Къ статьѣ Что такое Литераторъ?“

[2]) Переплетъ 80, л. 287, замѣтка на поляхъ, автографъ.

[3]) Ibidem.

[4]) Переплетъ 48. л. 5, автографъ.—Въ переплетѣ 48, л. 225 и об., автографъ (карандашомъ) съ помѣткой: „Что такое Литер.“ — читаемъ слѣдующее: „Легкая Литература въ обществѣ тоже, что Естетическое образованіе въ Воспитаніи; само собою она не приноситъ никакой непосредственной пользы, но увеличиваетъ воспріимчивость, мягкость души и дѣлаетъ ее болѣе способною для всѣхъ другихъ впечатлѣній, она къ мертвой рукѣ присоединяетъ живую волю, сухое изученіе, поетизируя, дѣлаетъ привлекательнымъ, знаніе дѣла возвышаетъ—нравственнымъ стремлѣніемъ къ общему добру, и поетическимъ стремлѣніемъ искать совершенства, любить совершенство въ своемъ произведеніи“.—Еще одна замѣтка (переплетъ 48, л. 223, автографъ съ помѣткой „Что такое Лит.“) говоритъ по тому же вопросу: „Литераторъ—учитель взрослыхъ дѣтей; отъ того такая ему почесть, когда онъ достоинъ своего званія (которое всякой по существу дѣла берётъ безъ спросу), отъ того такое презрѣніе, когда невѣжда или негодяй надѣваетъ Профессорскій колпакъ“. См. также разсужденія о значеніи литературы въ повѣстяхъ (выше на стр. 160—161, 96)

[5]) Переплетъ 80, л. 287, автографъ съ заглавіемъ: „Что такое Литераторъ?“

Нелегка обязанность литератора, но и велико чувство удовлетворенія отъ хорошо выполненнаго долга.

Поэтъ, литераторъ, художникъ, если они вѣрно понимаютъ свое назначеніе, испытываютъ особое «наслажденіе, производимое сочувствіемъ съ публикою». «Здѣсь особенный процессъ великой силы: любви, разлитой въ духовной и тѣлесной природѣ» [1]).

На русскомъ литераторѣ силою вещей лежатъ тѣ же обязанности, что на литераторѣ вообще, но осложненныя еще особыми, чисто мѣстными условіями. Нашей литературѣ приходится бороться съ тѣмъ же тлетворнымъ дыханіемъ промышленно-утилитарнаго направленія жизни и продолжать просвѣтительное дѣло Петра В. [2]). При этомъ нашъ литераторъ въ сущности не можетъ ограничиться одною формою дѣятельности: по необходимости онъ долженъ быть универсальнымъ культурнымъ работникомъ.

У насъ еще нѣтъ литературы, какъ органическаго цѣлаго, какъ самостоятельной отрасли общественной жизни,—жалуется Плакунъ Горюновъ, подъ именемъ котораго Одоевскій написалъ рядъ интересныхъ журнальныхъ статей [3]). «Нашъ народный характеръ, наша государственная жизнь, мѣсто, занимаемое нами на земномъ шарѣ—все это такъ огромно, такъ полно силы и поэзіи, что не можетъ вмѣститься въ лите-

---

[1]) Переплетъ 48, л. 227, автографъ, замѣтка подъ заглавіемъ: „Что такое Литераторъ?"—„Нѣтъ науки—безъ любви.—Оживленіе чувства любви есть дѣло изящной Литературы" (замѣтка на поляхъ л. 293 въ переплетѣ 80). — Точно также и читатель долженъ подходить къ автору съ довѣріемъ и открытой душой. Нельзя быть предвзятымъ скептикомъ по отношенію къ писателю. Прежде чѣмъ критиковать его, надо подойти къ его книгѣ „съ дѣвственною чистотою, забыть свои мысли; войти въ сферу Автора, стараться растолковать его себѣ, какъ человѣка, въ которомъ принимаешь участіе, въ сужденіи о немъ предаться, такъ сказать, инстинкту своего духа". Только такое чтеніе можетъ быть полезно, можетъ повести къ исправленію нашихъ заблужденій. Переплетъ 26, л. 168—169, автографъ; вся замѣтка зачеркнута карандашомъ. Ср. статью Одоевскаго въ „Литер. Газетѣ" 1830 г. „Четыре періода познанія" за подписью „Гр." (см. выше въ I ч. на стр. 325 и слл.). Совѣтъ Одоевскаго удивительно близко совпадаетъ съ совѣтомъ Бѣлинскаго въ статьяхъ о Пушкинѣ (изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, ч. VIII, стр. 345).

[2]) Переплетъ 80, л. 287—300; автографъ, замѣтка „Что такое Литераторъ?"

[3]) „Записки для моего праправнука о русской литературѣ" (Отеч. Зап. 1840, т. XIII, отд. III б, стр. 5—12).

ратуру» (стр. 7). У нашей литературы не хватаетъ силъ и средствъ, чтобы справиться съ своей колоссальной задачей. Оттого мы больше глядимъ на другихъ и подражаемъ. Правда, у насъ найдутся «немногія исключенія изъ общаго правила, которыя сдѣлали бы честь всякой литературѣ, но которыя не составляютъ литературы» (стр. 6). «Все, что мы можемъ назвать литературою, суть занятія въ свободное время двухъ-трехъ человѣкъ съ талантомъ» (7). У насъ пока нѣтъ да и не можетъ быть «людей, исключительно посвящающихъ себя искусству. Да и когда намъ? Намъ некогда!» писалъ Одоевскій по горькому опыту. «Лучшіе изъ нашихъ литераторовъ», продолжаетъ онъ (10), «благородно приносили въ жертву *службѣ* [1] — свою литературную жизнь, свою литературную славу, свои минуты вдохновенія; словомъ, все счастіе своего бытія. Это *благородное самопожертвованіе* [2]) отдалило ихъ отъ той дѣятельности, которою живетъ литература народа». Какъ мы уже знаемъ, Одоевскій глубоко вѣрилъ въ великое значеніе «службы», высоко ставилъ миссію чиновника и готовъ назвать «благороднымъ самопожертвованіемъ» отказъ отъ творческой работы писателя во имя служебнаго долга. Оставляя въ сторонѣ личный моментъ, мы не можемъ отрицать, что Одоевскій типическими чертами обрисовалъ несомнѣнный фактъ, вытекавшій изъ всѣхъ условій тогдашняго положенія нашей литературы.

«На вопросъ что такое Русскій Литераторъ отвѣчать очень трудно», говорится въ одной замѣткѣ [3]): «Тщетно я перебиралъ разные слои общества, чтобы найти типъ Русскаго Литератора — хоть бы въ карикатурѣ. Адресуйтесь къ кому угодно, спросите о любомъ Литераторѣ кто это? Это чиновникъ такого то Министерства, это Офицеръ такого то полка, это... но что перебирать различныя званія,—дѣло въ томъ, что у насъ есть чиновники, купцы, мѣщане, портные, столяры и пр., словомъ имѣющіе опредѣленный кругъ дѣйствія,—но Литератора нѣтъ нигдѣ; его званіе есть всегда приставка къ другому. Многіе изъ этаго обстоятельства выводятъ обидное заключеніе, что

---

1) Курсивъ нашъ.

2) Курсивъ нашъ

3) Переплетъ 80, л. 287—300, автографъ. Приводимая цитата на л 299—300.

будто-бы у насъ нѣтъ и Литературы [1]) — но я напротивъ нахожу такое положеніе дѣлъ весьма сообразнымъ настоящему моменту общественной жизни. Въ ней, какъ въ черноземныхъ вотчинахъ—мало рукъ, земли и дѣла много. Спеціальность возможная, и даже до поры до времени необходимая въ остальной Европѣ,—у насъ была бы гибельною нелѣпостію. Отъ того до сихъ поръ у насъ Литератора, который исключительно Литераторъ—было бы странною аномаліею (sic). Вообразите себѣ когда въ кружкѣ плантеровъ, разсѣянныхъ въ необозримыхъ степяхъ, кто-нибудь отказался дрова рубить и воду носить—подъ темъ предлогомъ, что занимается изящною Литературою. Невозможно. Такое положеніе не есть произвольное, оно выросло изъ земли—и оно не укоръ, но честь нашимъ Литераторамъ. Въ одной рукѣ шпага, подъ другой—соха, за плечами портфейль съ гербовою бумагою, подъ мышкою книга—вотъ вамъ Русскій Литераторъ. Видите—у него руки заняты—и чемъ и какъ онъ пишетъ, есть для меня непостижимая задача».

Это—одно своеобразное условіе, опредѣляющее положеніе русскаго литератора. Къ этому присоединяется и второе неблагопріятное обстоятельство — непониманіе обществомъ значенія литературы, чуть не полная изолированность писателя. Между жизнью и литературою «нѣтъ у насъ сочувствія» (8). Свѣтъ не хочетъ знать русской литературы, наша литература не знаетъ того, что дѣлается въ свѣтѣ. «Между наукою и жизнію, между литературою и жизнію, между поэзіею и жизнію цѣлая бездна» [2]). Надо навести мостъ надъ этой бездной.

---

[1]) Ср. только что приведенное мнѣніе самого Плакуна Горюнова.

[2]) „Записки" Плакуна Горюнова—От. Зап. 1840, т. XIII, отд. III 6, стр. 8. Въ переплетѣ 13, л. 42, автографъ, Одоевскій высказалъ слѣдующую горькую истину: „Съ другой стороны есть нѣчто почтенное въ нашихъ литературныхъ занятіяхъ. Онѣ требуютъ какого-то особеннаго героизма, ибо у насъ можно просидѣть нѣсколько лѣтъ надъ книгою и напечатать ее въ полной увѣренности, что ее прочтутъ человѣкъ десять, изъ которыхъ поймутъ только трое".— Положеніе русскаго писателя бываетъ тяжелымъ и въ другихъ отношеніяхъ. „Кто не ханжа или не лакей,—говорилъ мнѣ однажды П.,—про того говорятъ у насъ: о! ето что то не даромъ! тутъ что-нибудь да есть и проч. т. п. Бѣдное положеніе Писателей!" (переплетъ 92, л. 286, автографъ). *П.*, можетъ быть,—Пушкинъ?—„Nos journalistes sont comme le Roi Louis Philippe—toutpuissans et meprisés" (переплетъ 54, л. 63, автографъ).

При этихъ условіяхъ особенно отвѣтственная и почетная роль выпадаетъ на долю журналиста [1]).

«Журналъ добросовѣстный есть дѣло великое въ благоустроенномъ государствѣ» (202). Не въ томъ задача журнала, чтобы очищать вкусъ публики, хотя «предохранить ее отъ литературнаго шарлатанства» все же возможно, и не въ томъ, чтобы критикой уничтожить дурного писателя, хотя «поддержать талантъ въ первомъ его развитіи также возможно и должно» [2]). Не въ этомъ все же главная цѣль хорошаго журнала. Онъ долженъ быть посредникомъ между міромъ ученыхъ и обществомъ. «Журналъ долженъ стоять на рубежѣ этихъ двухъ міровъ; онъ долженъ слѣдить за блистательными явленіями науки и избирать изъ нихъ тѣ, которыя могутъ быть перенесены въ міръ житейскій; онъ долженъ слѣдить за всѣми превращеніями обыкновенной жизни и замѣчать въ ней то, гдѣ наука должна наложить печать свою! Словомъ, журналъ долженъ мирить и соединять науку съ жизнію. Вотъ цѣль, къ которой долженъ стремиться всякій ученый и литературный журналъ въ опредѣленномъ ему кругѣ, а это, позволь тебѣ сказать [3]), есть цѣль великая!» (204).

Къ сожалѣнію, литература и особенно журналистика,—жалуется Плакунъ Горюновъ,—очутилась въ рукахъ «особаго класса промышленниковъ, которые для простолюдиновъ мѣняютъ на мелочь чужія мысли» (10). Эти «литературные поставщики», не долго думая, могутъ изготовить по требованію момента и романъ, и драму, и исторію. Мало-по-малу они пре-

[1]) Всѣ терніи журнальной дѣятельности Одоевскій изобразилъ въ открытомъ нами произведеніи „*Утро журналиста* (*Изъ записокъ лѣнивца*)“, напечатанномъ подъ псевдонимомъ „*С. Размоткинъ*“ въ Отеч. Зап. 1839 г., т. VII, отд. III в, стр. 179—208. Авторство Одоевскаго мы считаемъ безспорнымъ. Доказательства относимъ въ приложеніе. Въ „Запискахъ“ Плакуна Горюнова по поводу комедіи г-жи Жирарденъ „Школа Журналистовъ“ (От. Зап. 1842, т. XX, смѣсь, 94—97) также затрогивается мотивъ борьбы „благороднаго журналиста“, во-первыхъ, „съ собственною своею жизнію“, во-вторыхъ, „съ промышленниками“.

[2]) Въ статьѣ „О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Русскаго поэта Пушкина“ (Р. Арх. 1864) Одоевскій съ особымъ удареніемъ говорилъ о необходимости подорвать монополію „Сѣв. Пчелы“ и рядомъ съ нею создать двѣ или три литературно-критическія газеты (стр. 830—831).

[3]) Журналистъ бесѣдуетъ съ „лѣнивцемъ“.

вратились въ монополистовъ и съ озлобленіемъ бросаютъ грязью въ каждое честное литературное имя, если его дѣятельность начинаетъ угрожать ихъ матеріальнымъ интересамъ.

Выбойкины господствуютъ въ журналистикѣ,—вторитъ Плакуну Горюнову и С. Размоткинъ. Честный писатель не можетъ видѣть хладнокровно, «когда литературные торгаши, пользуясь пристрастіемъ публики къ журнальному чтенію, лѣпятъ свои бредни. Невѣжественные, безграмотные, не умѣютъ они не только сообщить читателямъ полезнаго знанія, но еще сбиваютъ ихъ съ толка; вмѣсто того, чтобы распространить благой свѣтъ чистаго знанія, насмѣхаются надъ трудами ученыхъ, надъ всѣми благородными и безкорыстными побужденіями, только стараются для личныхъ выгодъ вывести въ люди нищету своихъ мыслей и свою жалкую особу!..» [1]). Одинъ изъ пріятелей сообщаетъ журналисту про полемическую статью Выбойкина, въ которой тотъ «собралъ всѣ опечатки изъ твоего изданія за цѣлый годъ» и «прибавилъ шуточекъ, правда, довольно тупыхъ, но вѣдь знаешь, тупымъ больнѣе» (187) [2]). На всѣхъ перекресткахъ Выбойкинъ трубитъ, что онъ убьетъ журналъ своего соперника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, узнавши, что здѣсь будетъ помѣщенъ разборъ (и, конечно, неблагопріятный) его книги, онъ черезъ конторщика редакціи проситъ не печатать критической статьи, «а за то обѣщался перестать браниться, а въ послѣдствіи, говоритъ, пожалуй — дескать и похвалимъ ваше изданіе» (189). Честный журналистъ съ негодованіемъ отвергаетъ подобную сдѣлку. Онъ все же надѣется, что «рано или поздно публика пойметъ различіе между продѣлками Выбойкиныхъ и дѣльнымъ изданіемъ» (188). Одно изъ полученныхъ журналистомъ писемъ (197—198) какъ разъ исходитъ отъ такого читателя, который, несмотря на свою малообразованность, сумѣлъ оцѣнить хорошій журналъ. Кромѣ того, нашъ журналистъ надѣется и на цензуру. «Но, слава Богу, у насъ существуетъ цензура», говоритъ онъ (188).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ Выбойкинымъ нужно ра-

---

[1]) „От. Зап“. 1839, т. VII, отд. III в. „Утро журналиста“, стр. 205—206.

[2]) Выраженіе „тупымъ больнѣе“ Одоевскій употреблялъ не разъ въ примѣненіи къ своимъ литературнымъ противникамъ (въ „Запискахъ“ Плакуна Горюнова, въ „Письмѣ къ чулошному фабриканту“—переплетъ 80, л. 202 об.; въ „Литерат. извѣстіяхъ и замѣчаніяхъ“—Лит. Прпб. къ Р. Инв. 1838, № 41).

зумѣть Булгарина и Греча, а подъ честнымъ журналомъ, на который клевещутъ монополисты, — «Отеч. Записки». «Утро журналиста» прекрасно опредѣляетъ принципіальную позицію, которую занялъ Одоевскій въ своей борьбѣ съ *тріумвиратомъ*.

Еще въ «Мнемозинѣ» Одоевскому пришлось вести полемику съ Булгаринымъ, и онъ не переставалъ бороться съ нимъ въ продолженіе ряда лѣтъ. Въ сущности онъ былъ весьма горячимъ полемистомъ, и полемическія статьи составляютъ весьма замѣтную часть оставленнаго имъ литературнаго наслѣдства: кое-что напечатано, а многое еще лежитъ въ рукописяхъ. Одоевскій пользовался всякимъ случаемъ, чтобы не только въ публицистической статьѣ, но и въ какой-нибудь повѣсти напасть на ненавистную клику [1]).

---

1) Къ числу самыхъ сильныхъ и значительныхъ по содержанію полемическихъ статей Одоевскаго относятся: „*Утро журналиста*“, „*О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ*“ (соч., ч. III), „*О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Русскаго поэта Пушкина*“ („Р. Арх.“ 1864 г.) и „*Записки Плакуна Горюнова*“ („От. Зап.“ 1840, т. XIII + 1842, т. XX, смѣсь, 94—97 + переплетъ 9, л. 10—13). Въ составъ „Записокъ“ Плакуна Горюнова должно было войти и „*Письмо къ чулочному фабриканту о средствахъ предохранить кошелекъ отъ концертныхъ билетовъ и безсовѣстныхъ Журналовъ, книгопродавческихъ спекуляцій и проч. т. п.*“ (переплетъ 80, л. 198 — 200, автографъ + переплетъ 13, л. 29, автографъ + переплетъ 80, л. 200—203 об. + переплетъ 13, л. 37 и об., автографъ). Кромѣ того, Одоевскимъ написано еще нѣсколько полемическихъ произведеній а) въ періодъ сотрудничества въ „Лит. Приб. къ Р. Инв.“ и б) въ періодъ изданія „Отеч. Записокъ“. А именно: 1) *Литературныя извѣстія и замѣчанія*. „Лит. Приб. къ Р. Инв.“ 1838, № 41, полемика съ „Сѣв. Пчелой“ на стр. 813—814, анонимно, но, несомнѣнно, Одоевскаго (между прочимъ употреблено одно изъ любимыхъ его выраженій „тупымъ больнѣе“). Нападая на „Сѣв. Пчелу“, авторъ еще выдѣляетъ Греча и имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Булгарина, который цинически оклеветалъ редакцію „Лит. Прибавленій“, будто она не умѣетъ цѣнить труды Сахарова. 2) *Чудный сонъ* (*Письмо къ редактору „Литературныхъ Прибавленій“*). „Лит. Приб. къ Р. Инв.“ 1838, № 43. Подпись: *С. Θ.* О „штукмейстерахъ“, гг. А., В., С., т.-е. о Гречѣ, Булгаринѣ и Сенковскомъ.—3) *Чтенія о Русскомъ языкѣ Николая Греча.* Спб., 1840, 2 части. Разборъ въ „От. Зап.“ 1840, т. XII, отд. VI, стр. 7 — 29. Анонимно (ср. выше на стр. 398). — 4) *Нѣчто о деклараціи г. Греча противъ Отечественныхъ Записокъ* „Отеч. Зап.“ 1840, т. VIII, кн. 2, приложеніе, стр. I — XIV. За подписью Андрея Краевскаго, но при несомнѣнномъ участіи Одоевскаго (ср. выше на стр. 399, прим. 3-е). — Назовемъ еще: а) памфлетъ „*Человѣкъ съ собачьей точки зрѣнія* (*Изъ записокъ Бабушки Зизи, составленныхъ ею на пользу своего потомства*) въ переплетѣ 31, л. 53—59, автографъ + переплетъ 80, л. 303 — 306, копія + переплетъ 27, л. 147 — 150, вторая копія,

Нужно, впрочемъ, сказать, что временами Одоевскій пробовалъ жить въ мирѣ съ Сенковскимъ и Гречемъ; онъ не отказывался отъ нѣкотораго участія въ «Библіотекѣ для Чтенія» и даже въ «Сѣв. Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества», особенно когда въ послѣднихъ работалъ на положеніи члена редакціи Н. А. Полевой [1]). Онъ не хотѣлъ имѣть дѣла только съ Булгаринымъ: въ 1838 г., печатаясь въ его органахъ, Одоевскій тщательно хранилъ свое incognito, прикрывшись псевдонимомъ отставного капельмейстера *Карла Биттермана* [2]).

Въ концѣ подписано, но потомъ зачеркнуто „*Съ подлинныхъ словъ: Ѳ. Выбойкинъ*". б) Письмо къ редактору нѣкоего фельетониста *Хлюсткина* (переплетъ 3, л. 118—125, автографъ). в) *Кандидатъ въ мертвецы*. Переплетъ 9, л. 408, автографъ. Отрывокъ полемической статьи.—Среди полемическихъ статей въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." и въ „Отеч. Зап." есть такія, которыя можно бы приписать Одоевскому вполнѣ или отчасти (въ сотрудничествѣ съ Краевскимъ, который, посылая Одоевскому на просмотръ свои „отповѣди Ѳаддюшкѣ", проситъ получше „просолить" ихъ). Эти dubia мы назовемъ въ приложеніи. О „литературныхъ барышникахъ"—въ пов. „Мостъ" (выше на стр. 124), въ „Сегеліелѣ" (60—61),—въ „Хорошемъ жалованьѣ" (160), въ утопіи (189, прим.). Даже въ „Новой миѳологіи" Титовъ усмотрѣлъ намеки на „Ѳаддея" и Полевого (21 стр.).

[1]) Первая книжка „Б. для Чтенія" вышла 1 янв. 1834 г. Въ длинномъ перечнѣ ея сотрудниковъ находимъ и Одоевскаго. Редакторомъ на первыхъ порахъ былъ Н. И. Гречъ. Но Одоевскій печатался здѣсь и при Сенковскомъ.— Для Греча Одоевскій вообще дѣлалъ нѣкоторое исключеніе. См. его примѣчаніе въ „Р. Арх." 1864 г. къ статьѣ „О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Русскаго поэта Пушкина" (стр. 829, прим.), а также „Литературныя извѣстія и замѣчанія" въ Лит. Приб. къ Р. Инв. 1838, № 41, стр. 814. Ко времени участія Одоевскаго въ „Сѣв. Пчелѣ" относится письмо Греча отъ 2 дек. 1836 г. (бумаги 1869 г.), составленное въ вѣжливомъ, но офиціальномъ тонѣ (см. въ приложеніи). Въ 1838 г. по дѣламъ „С. Пчелы" и „Сына Отечества" Одоевскій сносится съ Полевымъ. Въ своемъ дневникѣ подъ 3 января 1838 г. Полевой записалъ („Истор. Вѣстникъ", 1888 г., т. 31, стр. 659): „Вечеромъ князь Одоевскій привезъ статьи въ „Пчелу", и мы просидѣли часа два (Бартольди второй Бетховенъ — мысль, что Бетховенъ выражаетъ *не здѣшнюю* музыку"). Въ переплетѣ 97 есть записка Полевого отъ 17 дек. 1838 г. съ просьбой прислать обѣщанную „статейку".

[2]) Къ этому заключенію мы пришли на основаніи писемъ въ бумагахъ 1869 г.: изъ нихъ два писаны Полевымъ къ Herr Bittermann и одно въ третьемъ лицѣ отъ „Отставного Капельмейстера Карла Биттермана" къ Полевому (тутъ же и отвѣтъ Полевого). Биттерманъ писалъ статьи о концертахъ. Посылая билетъ въ концертъ Липинскаго, Полевой рекомендуетъ ему обмѣняться съ кѣмъ-нибудь билетами, чтобы „надуть Булгарина", „смертно желающаго узнать нашу персону". Здѣсь же находится и письмо Булгарина къ Полевому отъ 16 марта 1838 г., изъ котораго видно, во-первыхъ, что личность Биттермана ему неиз-

Какъ бы то ни было, сотрудничество Одоевскаго въ упомянутыхъ органахъ не могло не вызывать недоразумѣній. На это указывали даже въ печати [1]).

Одоевскій оправдывалъ себя передъ друзьями разными соображеніями. Такъ, 16 февраля 1836 г. онъ писалъ Шевыреву или, вѣрнѣе, въ редакцію «Московскаго Наблюдателя» [2]): «Не удивляйтесь, Госпожа Редакція, моимъ статьямъ въ Библіотекѣ для Чтенія,—онѣ издавна были запроданы и Смирдинъ дѣлаетъ со мною какъ съ другими: растягиваетъ ихъ по разнымъ нумерамъ—и я ему въ семъ отказать не могу. Но если Наблюдатель будетъ продолжаться, или заведется другой порядочный Журналъ, то съ 1837 года у Смирдина уже не будетъ ни одной моей статьи» [3]). Или въ другомъ письмѣ Одоевскаго

вѣстна, и, во-вторыхъ, что статьи этого музыкальнаго рецензента ему нравились („прекрасно и честно и благородно"). Подробнѣе объ этой мистификаціи Одоевскаго мы скажемъ въ приложеніи.

1) Въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." на 1839 г., № 9, были напечатаны „Письма къ редактору „Литерат. Прибавленій" о журналахъ нынѣшняго года" за подписью: „Сорокъ лѣтъ усердно читающій журналы *Б. И.*". Авторъ изумляется появленію въ „Сынѣ Отечества" повѣсти Одоевскаго, писателя, „который всегда съ такою твердостью противоборствовалъ тому, если угодно, литературному направленію, которое замѣчается въ „Сынѣ Отечества" и въ „Сѣверной Пчелѣ", и, кажется, поставилъ себѣ правиломъ показывать, что между имъ и этимъ направленіемъ нѣтъ ничего общаго" (стр. 195—196). Въ „Сынѣ Отечества", 1839 г., т. VII, была повѣсть Одоевскаго „Свидѣтель".—Н. Ф. Павловъ въ письмѣ отъ 6 апр. 1839 г. также упрекаетъ Одоевскаго, что онъ „срамитъ" свое имя, печатаясь въ „Сынѣ Отечества" (бумаги 1869 г.; напечатано въ „Р. Ст." 1904 г., апр., стр. 195; ср. и другое письмо Павлова отъ 29 января 1840 г.—ibid., стр. 197).

2) Бумаги Шевырева въ И. П. Б. См. отчетъ за 1892 годъ.

3) Интересна одна частность. Сенковскій, какъ извѣстно, не слишкомъ церемонился съ произведеніями своихъ сотрудниковъ и перефасонивалъ ихъ на свой ладъ. На это, между прочимъ, горько жалуется Н. А. Полевой въ предисловіи къ „Очеркамъ Русской Литтературы" (Спб., 1839 г. Ч. I, стр. XV—XIX). И вотъ въ „Литер. Приб. къ Р. Инв." на 1838 г., № 30, стр. 596, въ замѣткѣ „Литературныя извѣстія и замѣчанія" сообщалось: „Донынѣ намъ извѣстны имена слѣдующихъ лицъ, которыя никогда *не позволяли и не допускали* никакихъ перемѣнъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ ими въ Б. для Ч,—Е. А. Баратынскій, А. Ѳ. Воейковъ, кн. П. А. Вяземскій, Д. В. Давыдовъ, В. И. Даль (казакъ Луганскій), В. А. Жуковскій, И. А. Крыловъ, А. С. Норовъ, *кн. В. Ѳ. Одоевскій*, М. П. Погодинъ, А. С. Пушкинъ и С. П. Шевыревъ". Въ бумагахъ 1869 г. есть письмо Одоевскаго къ кн. Дондукову-Корсакову съ просьбой разрѣшить напечатать опроверженіе (отъ имени Жуковскаго, Вяземскаго и Одоев-

къ Шевыреву, уже по поводу участія въ органахъ Греча и Булгарина, читаемъ [1]): «Полевой здѣсь издаетъ С. Пчелу и Сынъ Отечества, но раздавленъ со всѣхъ сторонъ и противниками, и своими сонегоціантами, такъ что мнѣ жаль его стало, и я по рыцарскому великодушію обѣщалъ ему статью въ Сынъ Отечества» (т.-е. разсказъ «Свидѣтель»).

Одоевскій могъ, по разнымъ причинамъ, проявлять терпимость и великодушіе къ лагерю Булгарина, но о дѣйствительномъ союзѣ не могло быть и рѣчи. Никакая коллективная работа съ ними не могла наладиться, о чемъ свидѣтельствуютъ также исторія сотрудничества Одоевскаго въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара [2]) и его отношеніе къ изданію «Ста

скаго) мнѣнія, будто редакторъ „Б. для Ч." позволялъ себѣ дѣлать въ ихъ сочиненіяхъ исправленія. Одоевскій припоминаетъ, что такой случай, дѣйствительно, былъ и съ нимъ, но онъ потребовалъ отъ Сенковскаго возстановленія текста и впредь всегда самъ просматривалъ послѣднюю корректуру.—Несомнѣнно, Сенковскаго имѣлъ въ виду Одоевскій въ своемъ неоконченномъ памфлетѣ „*Кандидатъ въ мертвецы*" (переплетъ 9, л. 408, автографъ). Кандидатъ въ мертвецы настойчиво протискивается „въ храмъ славы и ассигнацій" и рекомендуетъ себя такъ: „я музыкантъ между журналистами, и журналистъ между музыкантами; я *оріенталистъ* между литераторами, и литераторъ между оріенталистами; я русскій сочинитель для иностранцевъ, и *иностранный* для русскихъ; я знаю всѣ языки вмѣстѣ и ни одного порознь" и т. д. Въ числѣ своихъ „подвиговъ" кандидатъ считаетъ и то, что онъ „наполнялъ вольными и невольными ошибками чужія труды, чтобы заставить зѣвакъ посмѣяться на щетъ ближняго". Курсивъ нашъ.

1) „Р. Арх.", 1878, № 5, стр. 55 и сл.

2) Одоевскій съ самаго начала отнесся съ недовѣріемъ къ этому предпріятію. 16 марта 1834 г. Пушкинъ небольшимъ письмомъ убѣждалъ его все-же поѣхать къ Гречу на первое собраніе по поводу „Конверсаціонсъ-Лексикона": „Поѣдемъ; что за бѣда? Вѣдь это будетъ мірская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся—а въ воровскую тайну не вступимъ" (переписка подъ ред. В. И. Саитова, т. III, стр. 85; ср. ib., 86). А. В. Никитенко въ дневникѣ подъ 16 марта 1834 г. (изд. 2-ое, подъ ред. М. К. Лемке; т. I, 239—240), разсказываетъ о первомъ организаціонномъ собраніи сотрудниковъ „Энциклопедическаго Лексикона" подъ предсѣдательствомъ Греча. „Пушкинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій", читаемъ въ дневникѣ Никитенка, „сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствующіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: „Согласенъ, если это предпріятіе и условія онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями". А. Пушкинъ къ этому прибавилъ: „Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено". Многіе приняли эту щепетильность за личное себѣ оскорбленіе".—Пушкинъ, дѣйствительно, отнесся рѣзко отрицательно къ затѣѣ, въ которой „подсмотрѣлъ много шарла-

русскихъ литераторовъ» [1]). Напротивъ, безъ полемики обой-

тается и очень мало толку". Въ числѣ лицъ, подписавшихся „съ условіемъ", Пушкинъ называетъ еще Гаевскаго (Отрывки изъ дневника. 17 марта 1834 г. Изд. „Просвѣщенія", т. VI, 550). 2 апрѣля (ibid., 553) Пушкинъ заноситъ въ свой дневникъ фактъ, что Одоевскій, Дирингъ, Гаевскій, Зайцевскій и онъ самъ „выключены изъ числа издателей „Conversations - Lexicon". „Прочіе", прибавляетъ поэтъ, „были обижены нашею оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ Lexicon будетъ не что иное какъ „*Сѣверная Пчела*", и „*Библіотека для Чтенія*" въ новомъ порядкѣ и объемѣ".—Одоевскій все же принялъ участіе въ „Лексиконѣ", который началъ выходить съ 1835 г., писалъ и редактировалъ статьи по музыкѣ. Въ его бумагахъ 1869 г. сохранились письма и замѣтки 1836—1838 г., относящіяся къ его сотрудничеству въ „Энц. Лексиконѣ". Въ 1837 г. въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." (№ 20, стр. 195) Одоевскій напечаталъ даже письмо по поводу одной рецензіи на словарь. Словомъ, Одоевскій серьезно заинтересовался словаремъ и хотѣлъ въ немъ работать. Но обстоятельства сложились такъ, что онъ все-таки принужденъ былъ отказаться. Въ 1840 г., разбирая „Чтенія о Русскомъ Языкѣ" Николая Греча („От. Зап." 1840, т. XII, отд. VI, стр. 7—29), Одоевскій припомнилъ (стр. 19), какъ Гречъ „безъ приглашенія объявилъ себя главнымъ редакторомъ «Энциклопедическаго Лексикона»", и какъ Пушкинъ вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ и акад. Гессомъ подъ спискомъ сотрудниковъ написали „слѣдующія достопамятныя строки: „Я соглашусь участвовать въ Лексиконѣ тогда только, когда составъ редакціи будетъ вполнѣ соотвѣтствовать важности сего изданія". За такое неуважительное самомнѣніе Пушкинъ былъ исключенъ изъ числа сотрудниковъ „Энциклопедическаго Лексикона", въ „Сѣверной Пчелѣ" написана была весьма замѣчательная статья, въ которой предсказывалась Пушкину une chûte complète, а теперь, въ подтвержденіе этого прорицанія, г. Гречъ объявляетъ, что Пушкинъ великъ, оригиналенъ, неподражаемъ — только въ небольшихъ стихотвореніяхъ, что ни въ „Евгеніи Онѣгинѣ", ни въ „Борисѣ Годуновѣ" нѣтъ цѣлаго (стр. 315)".—Выходъ собранія сочиненій Одоевскаго въ 1844 г. подалъ, по его мнѣнію, „Библіотекѣ для Чтенія" поводъ отомстить и ему самому (объ отзывѣ этого журнала мы говоримъ ниже). Въ своей отповѣди (Бумаги Краевскаго въ И. П. Б., б. № 24, в; см. также ниже) Одоевскій не могъ забыть того момента, когда „не запинаясь", „во всеуслышаніе" произнесъ свои слова объ изданіи Лексикона, „къ сожалѣнію, оправданныя послѣдствіями." „Вотъ что было сказано: Енциклопедическій Лексиконъ будетъ, какъ видно, второю Библіотекою для Чтенія; благороднаго человѣка можно обмануть одинъ разъ, но два раза сряду обманываютъ только дураковъ. Я соглашусь принять участіе въ семъ дѣлѣ тогда только, когда составъ редакціи будетъ соотвѣтствовать достоинству изданія. Пушкинъ записалъ эти слова въ своемъ дневникѣ, который хранится въ его бумагахъ". Послѣдніе тома Лексикона Одоевскій называетъ „невѣроятными" и полагаетъ, что они „въ концѣ убили сіе изданіе, на которое потрачено напрасно столько трудовъ людьми добросовѣстными и столько невозвратимой довѣренности публики!" Словарь Плюшара прекратился въ 1841 г. на 17-мъ томѣ (буква Д). Значительно позднѣе (въ 50—60-хъ годахъ). Одоевскій проектировалъ акціонерное общество для изданія Энциклопедіи (переплетъ 9, л. 369—374, автографъ).

[1]) Объ отрицательномъ отношеніи Одоевскаго къ изданію „Ста русскихъ литераторовъ" — см. въ письмахъ Краевскаго (отъ 9 іюля 1839 г. Р. Ст. 1904, іюнь стр. 575), Н. Ф. Павлова (отъ 8 и 29 янв. 1840 г. — ibid, стр., 196—197).

тись было нельзя: слишкомъ противоположны были стремленія, міросозерцанія и самые характеры дѣятелей. И Одоевскій потратилъ немало силъ на борьбу съ безчестными монополистами журналистики, особенно съ Булгаринымъ.

Полемика обширная, но въ сущности весьма однообразная; въ ней можно уловить нѣсколько основныхъ нотъ, которыя въ разныхъ варіаціяхъ неизмѣнно повторяются всюду [1]).

Первое, что глубоко возмущало Одоевскаго, это — корыстолюбіе монополистовъ, которые прибѣгали къ самымъ безцере-

---

1) Нѣкоторое отношеніе къ полемикѣ съ Булгаринымъ и К° имѣетъ еще извѣстный эпизодъ съ книгой *Кёнига* „Litterarische Bilder aus Russland" (см. въ статьѣ А. И. Кирпичникова о Н. А Мельгуновѣ въ „Очеркахъ по исторіи новой р. литературы", изд. 2-е, т II, стр. 172 и слл.). Одоевскій былъ непосредственно заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. О немъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ къ Я. М Невѣрову, писанномъ вскорѣ послѣ выхода книги Кёнига (архивъ Я. М. Невѣрова въ Ист. Музеѣ въ Москвѣ; № 48235/261). На это письмо любезно указалъ намъ Н. Н. Кононовъ, разбирающій теперь архивъ Невѣрова. „Если Кёнигъ въ Берлинѣ", писалъ Одоевскій Невѣрову, „то поблагодарите его отъ меня за его добрый отзывъ обо мнѣ, а больше поблагодарите за Русскую Литературу, объ которой до сихъ поръ знали въ Европѣ только по Выжигину съ компаніею. Ета компанія взбѣсилась узнавши, что ее вывели на свѣжую воду, не смотря на всѣ ея штуки и интриги, и печатаютъ объ етой книгѣ чертъ знаетъ что Къ сожалѣнію книги Кёнига нѣтъ въ Россіи и вѣроятно не будетъ, потому что какъ я слышалъ (я ее не видалъ!) въ ней есть вещи особенно касательно Пушкина и Булгарина (какое соединеніе!) которыя не могутъ быть позволены въ Россіи. Прочтите книгу и замѣтивъ вещи сего рода какъ равно и нѣкоторыя погрѣшности скажите Кёнигу чтобы онъ ихъ уничтожилъ или измѣнилъ при 2-мъ изданіи, тогда его книгу вѣроятно расхватаютъ въ Россіи и переведутъ что будетъ полезно и для нашей Литературы и сверьхъ того тогда можно будетъ защитить его отъ клеветы на него взводимой; ибо Вы знаете какъ любятъ ети господа пользоваться всякимъ удобнымъ предлогомъ чтобы очернить своихъ противниковъ. Они теперь все ето обратили противъ Мельгунова".—Полный переводъ книги Кенига могъ выйти лишь въ 1862 г. („Очерки русской литературы". Спб.).—Въ только что цитированномъ нами письмѣ есть интересная приписка о другой нашумѣвшей нѣмецкой книгѣ: „Что было написано противъ негодной Исторіи Нѣмецкой Литературы Менцеля, которую здѣсь перевели. Кабы Вы прислали ко мнѣ чрезъ книгопродавца на имя Еггерса?"—Въ И. П. Библіотекѣ, въ бумагахъ Краевскаго и Одоевскаго, есть еще нѣкоторые матеріалы, относящіеся къ тому же эпизоду съ книгой Кенига: а) *Объясненіе отъ Г-на Б. Б. Г-ну А. А.* (бумаги Краевскаго б. № 42, дата: „Радзивиловъ. Февраля 28-го 1838"). б) Статья безъ заглавія, начинающаяся словами: „Извѣстный Нѣмецкій Литераторъ Кёнигъ написалъ книгу" (ibid.; съ большими исправленіями и дополненіями Одоевскаго). в) Письмо Краевскаго Одоевскому съ датой „24 марта, четвергъ" по поводу письма Мельгунова и его статьи о Булгаринѣ (переплетъ

моннымъ торгашескимъ пріемамъ и не пренебрегали никакими средствами, чтобы помѣшать успѣху своихъ конкуррентовъ [1]).

Во-вторыхъ, дѣятельность монополистовъ, по мнѣнію Одоевскаго, является глубоко вредной и потому, что она поддерживаетъ въ невѣжественной массѣ «вражду къ просвѣщенію». На страницахъ ихъ изданій читатель то и дѣло находилъ глумленіе надъ наукой и философіей (идеалистической) [2]).

97). Видно, что и Краевскій и Одоевскій хотѣли принять живое участіе въ защитѣ Кёнига и Мельгунова отъ нападокъ Булгарина, но встрѣчали противодѣйствіе со стороны цензуры. Вспоминается этотъ эпизодъ и въ разборѣ „Чтеній" Греча („От. Зап." 1840, т. XII, отд. VI, стр. 15—16). То, что сдѣлалъ Мельгуновъ для Кёнига, еще въ 1831 г. собирались сдѣлать для Брокгауза Кошелевъ и Одоевскій (Р. Ст. 1904, апр., стр. 206—207).

1) 29 дек. 1839 г., напр., Никитенко былъ свидѣтелемъ „постыднаго заговора" противъ „Отеч. Записокъ". Чтобы отомстить за рецензію объ его лекціяхъ, напечатанную въ „Литер. Прибавленіяхъ", Гречъ подавалъ типографщику Фишеру мысль просить почтамтъ задерживать подписныя деньги „Л. Прибавленій" и „самъ вызвался помочь ему въ этомъ своими связями". „Гречъ клялся, что онъ погубитъ „Отечественныя Записки" и „Литературныя Прибавленія"". Никитенко не могъ не воскликнуть. „Вотъ руководители нашего общества на поприщѣ умственныхъ подвиговъ! Вотъ ревнители о нашемъ убогомъ просвѣщеніи!" (А. В. Никитенко. Моя повѣсть о самомъ себѣ. Т. I, стр. 301)

2) Тѣмъ курьезнѣе кажутся Одоевскому неумѣлыя попытки Греча воспользоваться философской терминологіей Окена и Шеллинга. „Чудо-чудное!" восклицаетъ Одоевскій по поводу употребленнаго Гречемъ слова „полярность" („От. Зап." 1840, т. XII, отд. VI, стр 12): „Давно ли, когда Велланскіе, Давыдовы, Павловы, Одоевскіе, старались познакомить русскую публику съ новыми открытіями въ области мышленія, „Сѣверная Пчела" и „Сынъ Отечества", издаваемые г. Гречемъ, старались представить эти благородныя усилія въ видѣ смѣшномъ и даже опасномъ? Чего не вымимали эти журналы изъ тощихъ листовъ своихъ, чтобы досмѣяться надъ этой бѣдною полярностью!.." Вся статья „О враждѣ къ просвѣщенію" направлена противъ невѣжества литературныхъ пиратовъ. То же самое говорилъ и Плакунъ Горюновъ („От. Зап." 1840, т. XIII, отд. III б, стр. 10). Немало вниманія „шарлатанизму" Сенковскаго удѣляетъ Одоевскій въ статьѣ „О нападеніяхъ Петербургскихъ журналовъ на Русскаго поэта Пушкина" „(Р. Арх." 1864, стр. 829), при чемъ въ рукописи этой статьи (переплетъ 83, л. 1—10, копія, съ большими приписками и исправленіями автора) къ указанному мѣсту сдѣлано большое примѣчаніе, характеризующее шарлатанскія нападки Сенковскаго на оріенталистовъ Шампольона и Гаммера; въ защиту Гаммера выступилъ французскій оріенталистъ Шармуа.—Вылазка противъ мнимыхъ ученыхъ и оріенталистовъ (т. е. противъ того же Сенковскаго) есть въ замѣткѣ переплета 9, л. 398—399 (рука Над. Ник. Ланской).—Типъ невѣжественнаго, но развязнаго фельетониста, который берется писать обо всемъ, какъ Сенковскій и Булгаринъ, Одоевскій хотѣлъ изобразить въ лицѣ *Хлюсткина* (переплетъ 3, л. 118—125, автографъ).

Имъ недороги русское просвѣщеніе, русская наука, русская литература. Это они посягнули на славу и гордость отечества, на «Русскаго поэта Пушкина». Булгаринъ, чье перо «создало Выжигиныхъ, Ножатиныхъ, Воровативыхъ, Чухиныхъ и прочихъ идеальныхъ героевъ литературы толкучаго рынка», читаемъ въ «Литературныхъ извѣстіяхъ и замѣчаніяхъ» (стр. 814), «хотѣлъ развѣнчать нашего Пушкина и увѣрялъ, что Пушкинъ не умѣетъ ни создавать поэтическихъ произведеній, ни писать стиховъ»;—онъ «порицаетъ, хулитъ все, что только имѣетъ философія возвышеннаго, всѣхъ великановъ науки, давшихъ ей новое направленіе и открывшихъ цѣлые міры, дотолѣ невѣдомые;» «однимъ-словомъ, хулитъ все, что переходитъ за предѣлы разумѣнія героевъ его статеекъ— какого-нибудь Воровативa, копіиста Бульбулькина, подьячихъ Замарашкина, Хапунова, Тычкова, или Петербуржской Чухонской кухарки и всей этой грязной толпы, составляющей персоналъ повѣстей и статей его» (ссылка на «Сочиненія Ѳ. Булгарина», т. II.). Невѣжество журналистовъ-промышленниковъ обнаруживается и въ ихъ незнаніи русскаго языка, что, однако, соединяется у нихъ съ курьезной претензіей на учительство. Литераторы, для которыхъ русскій языкъ въ сущности чужой (нѣмецъ Гречъ, полякъ Булгаринъ и Сенковскій), самозванно объявили себя охранителями чистоты и правильности литературнаго языка; «люди съ претензіями на преобразованіе языка не знаютъ етаго языка» [1]); они «обвиняютъ Цензуру въ послабленіи, когда она пропускаетъ замѣчанія на ихъ ошибки противъ языка и противъ здраваго смысла» [2]).

Въ-третьихъ, Одоевскій не могъ безъ волненія слышать, какъ продажные журналисты заявляли монополію даже на патріотизмъ. Однажды онъ печатно далъ имъ рѣзкую и благородную отповѣдь. Поводомъ послужилъ Сахаровъ. «Мы имѣемъ

1) Переплетъ 9, л. 390, автографъ, отрывокъ, относящійся къ періоду борьбы „Лит Прибавленій“ съ Булгаринымъ и Гречемъ.

2) Переплетъ 30, л. 59, автографъ 30-хъ годовъ, также отрывокъ изъ полемической статьи. Нападки Греча на языкъ „От. Зап.“ были собраны въ „Сѣв. Пч“ 1840 г. № 19. Въ отвѣтъ и написана статья „Нѣчто о деклараціи г. Греча противъ „Отечественныхъ Записокъ“ („От. Зап“ 1840, т. VIII, кн. 2, приложеніе, I—XIV стр.) О придиркахъ Булгарина къ языку „Сегелеля“—см. выше на стр. 66.

въ г-нѣ Сахаровѣ, издателѣ «Сказаній Русскаго Народа», писалъ Одоевскій [1]), «добраго, стараго товарища и сотрудника по журналу, любимъ Сахарова лично, уважаемъ и цѣнимъ полезные и важные труды его въ нашей литературѣ. Г. Булгаринъ — кто бы этому повѣрилъ? — взялся защищать Сахарова противъ насъ!!..» Разъ это было сдѣлано имъ въ № 104 «Сѣв. Пч.», теперь въ № 218. Извѣщая здѣсь о выходѣ II ч. «Пѣсенъ Р. Народа», Булгаринъ писалъ «Господа Снѣгиревъ и Сахаровъ заслужили полную благодарность *всѣхъ патріотовъ, всѣхъ приверженцевъ Русскаго слова* .. Къ полному торжеству ихъ недостаетъ, чтобъ Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду и Московскій Наблюдатель повѣяли на нихъ своимъ гасомъ, который имѣетъ чудное свойство выбѣлять то, что̀ хочетъ очернить, и очернять то, что хочетъ сдѣлать бѣлымъ»... Приведя эту выписку, Одоевскій съ негодованіемъ говоритъ (814): «Что̀ это значитъ?.. Что̀ побуждаетъ г. Булгарина представлять насъ хулителями И. П. Сахарова, тогда какъ мы первые, въ прошломъ году, отдали справедливость трудамъ его и безпрестанно отзываемся о нихъ съ похвалою?.. Самъ И. П. Сахаровъ удивляется этому неумѣстному и ненужному заступничеству.... Но посмотрите: «для торжества книги, *заслужившей полную благодарность патріотовъ*, недостаетъ только, чтобъ мы или «Московскій Наблюдатель» разбранили ее?.. Вникнулъ ли г. Булгаринъ въ смыслъ словъ, имъ сказанныхъ? Какъ, насъ г. Булгаринъ укоряетъ въ недостаткѣ патріотизма? Это уже слишкомъ!.. Какой поводъ имѣетъ г. Булгаринъ, укорять насъ, Русскихъ, въ отсутствіи любви къ отечеству или въ нелюбви къ Русской литературѣ? Мы протестуемъ всѣми силами души нашей противъ такого укора! Мы любимъ *наше* отечество—*Россію*—какъ только сынъ можетъ любить мать свою; намъ дороги ея радости, намъ горьки ея печали; всякій успѣхъ ея на пути мысли и въ области изящнаго мы привѣтствуемъ съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ должны привѣтствовать истинные сыны отечества, вѣрные своему долгу и своимъ привязанностямъ...» [2])

---

1) *Литературныя извѣстія и замѣчанія.* Лит. Приб. къ Р. Инв. 1838, № 41, стр, 813—814.

2) Время господства Булгарина и Сенковскаго Одоевскій считаетъ „эпохой невѣжественнаго и вреднаго польскаго диктаторства въ нашей литературѣ и

Въ-четвертыхъ, хотя прямо Одоевскій нигдѣ не говоритъ о связяхъ Булгарина съ III отдѣленіемъ, но онъ не могъ не знать объ «оффиціозномъ» положеніи привилегированныхъ журналистовъ, и, можетъ быть, этотъ фактъ Одоевскій имѣлъ въ виду, изображая со словъ Ѳ. Выбойкина «человѣка съ собачьей точки зрѣнія». «Человѣкъ, по моимъ понятіямъ», пишетъ Бабушка Зизи (ранѣе: «старый Муму») на пользу своего потомства [1]), «есть не иное что, какъ большая собака, которая преимущественно ходитъ на заднихъ лапахъ, но, однако, такое положеніе, по своей нестественности, очень для нея трудно; вотъ почему Большая Собака часто сгибается такъ, что кажется готова и ползать. Вообще она сама любитъ, чтобы передъ нею ползали, или ходили на заднихъ лапкахъ—къ чему совѣтую моимъ потомкамъ пріучаться со всѣмъ прилежаніемъ, ибо ихъ усилія не останутся безъ награды». Зизи (или Муму) и преподаетъ мудрыя наставленія, какъ снискать благорасположеніе Большой собаки покорностью и лакействомъ [2]).

Во всякомъ случаѣ, Одоевскому приходилось весьма серьезно считаться съ извѣстной склонностью Булгарина доносить по начальству на своихъ литературныхъ противниковъ [3]). Этими подвигами такъ богатъ его формуляръ, что неудивительно среди жертвъ его шпіонажа встрѣтить и столь крупное имя, какъ Одоевскій. Его обращенія къ начальству носили разный характеръ: то просьбъ о заступничествѣ, то прямыхъ обвиненій противника въ неблагонадежности. Такъ, въ письмѣ къ князю Михаилу Александровичу (конечно, Дондукову-Корсакову) отъ 20 ноября 1841 г. [4]) Булгаринъ жалуется, что ему

журналистикѣ". („Р. Арх." 1864 г., стр. 829—830, примѣчаніе *К. В. О.* къ статьѣ „О нападеніяхъ Петербургскихъ журналистовъ на Русскаго поэта Пушкина"). Правда, эти слова были сказаны Одоевскимъ уже въ 1864 г., но намеки на эту мысль содержатся и въ его полемикѣ 30—40-хъ годовъ.

[1]) Переплетъ 31, л. 53.

[2]) Выбойкинъ, портретъ Булгарина, уже фигурировалъ въ „Утрѣ журналиста". Собственно говоря, только присутствіе имени Ѳ. (Ѳаддея?) Выбойкина подъ статьей „Человѣкъ съ собачьей точки зрѣнія" заставляетъ насъ видѣть здѣсь не просто сатиру, но именно сатиру на Булгарина. Но, конечно, настаивать на этомъ трудно.

[3]) См. въ книгѣ М. К. Лемке „Николаевскіе жандармы и литература. 1826—1855 гг." (Спб. 1908). Глава „Ѳаддей Булгаринъ и „Сѣверная Пчела".

[4]) Копія письма—въ бумагахъ А. Краевскаго, б. № 42 (въ И. П. Б.).

житья нѣтъ отъ сотрудниковъ «От. Записокъ», что «аристократамъ» онъ какъ бѣльмо на глазу. Но какіе это аристократы! «Никто болѣе меня не уважаетъ аристократіи, потому что я самъ рожденъ въ ней и повитъ голубыми лентами, и не я виновенъ, что вѣковыя аристократіи разрушаются съ паденіемъ Государствъ и лишаются вліянія въ отечествѣ побѣдителей! но, воля ваша, я не могу признать аристократами шайки, издающей Отечественныя записки, которая только измѣняясь въ лицахъ, всѣгда дѣйствуетъ въ одномъ духѣ, чтобъ овладѣть *кассою* Русской литературы. Что за аристократъ Князь Вяземскій, который нанимался *за деньги* у купца Полеваго, ругать друзей своихъ, въ *Телеграфѣ?* что за аристократъ Князь Одоевскій, который за сто рубликовъ—напишетъ что угодно и противу кого угодно? что за аристократъ *Графъ* Соллогубъ (а въ польше NB. не было графовъ) который.... но довольно!»

Въ мартѣ 1846 года Булгаринъ представилъ Дубельту обширную записку подъ заглавіемъ «Соціалисмъ, Комунисмъ и Пантеисмъ въ Россіи въ послѣднее 25-лѣтіе», въ которой и изобразилъ «Отеч. Записки» очагомъ зловредныхъ идей. Этотъ журналъ, по его словамъ, «произвелъ въ Россіи такое дѣйствіе, какое никогда не бывало». «Съ одной стороны раздается вопль людей благонамѣренныхъ и истинныхъ христіанъ, которые не постигаютъ, какъ Правительство можетъ терпѣть такой журналъ; съ другой стороны, раззорившееся и развратное дворянство, безразсудное юношество и огромный классъ, ежедневно умножающійся, людей, которымъ нечего терять и въ переворотѣ есть надежда все получить—кантонисты, семинаристы, дѣти бѣдныхъ чиновниковъ и проч. и проч., почитаютъ «Отечественныя Записки» своимъ Евангеліемъ, а Краевскаго и перваго его министра—Бѣлинскаго (выгнаннаго московскаго студента)—апостолами». Хитрый Краевскій заручился сотрудничествомъ князей Вяземскаго, Одоевскаго и графа Соллогуба, и въ нихъ «нашелъ сильныхъ защитниковъ въ большомъ свѣтѣ» [1]). Въ ближайшіе за тѣмъ годы Булгаринъ послалъ еще нѣсколько доносовъ, въ которыхъ правительство снова приглашалось обратить особливое вниманіе на журнальную дѣя-

---

[1]) Мих. Лемке. „Николаевскіе жандармы", стр. 303. Съ Булгаринымъ въ этомъ пунктѣ былъ солидаренъ также И. Е. Бецкій (Барсуковъ, VI, 273; VII, 396).

тельность Краевскаго и его сотрудника Одоевскаго. Такъ, въ запискѣ и цензурѣ и коммунизмѣ, поданной Дубельту 6 марта 1848 г. [1]), онъ снова увѣрялъ жандармскую власть: «Надобно было Краевскому имѣть голосъ въ высшемъ обществѣ, и онъ нашелъ себѣ поборника въ кн. Одоевскомъ, человѣкѣ добромъ въ основаніи, но мелочномъ, самолюбивомъ и богатомъ. Льстя Одоевскому и платя хорошо за статьи, Краевскій подчинилъ его своей волѣ совершенно, и кн. Одоевскій по смыслу Св. писанія: «не вѣдаетъ, что творитъ». «У гр. Киселева дѣйствуетъ въ пользу Краевскаго постоянный его сотрудникъ кн. Одоевскій и Заблоцкій» [2]).

Въ своихъ доносахъ Булгаринъ соединялъ имена Краевскаго, какъ издателя «От. Записокъ», и его вліятельныхъ сотрудниковъ—Бѣлинскаго и Одоевскаго. На этотъ счетъ онъ не ошибался. Одоевскій, дѣйствительно, ратовалъ плечо о плечо съ первымъ критикомъ эпохи—Бѣлинскимъ.

Одоевскому нетрудно было сойтись съ *Бѣлинскимъ*. Въ комъ изъ тогдашнихъ присяжныхъ журналистовъ онъ скорѣе всего могъ найти родную душу, какъ не въ Бѣлинскомъ?

Была у него извѣстная солидарность и съ Краевскимъ (см., напр., выше, ч. I на стр. 595—602, 613), но все же связь его съ послѣднимъ носила болѣе дѣловой характеръ. Бѣлинскій—другое дѣло. Поколѣніе 30-хъ годовъ да и самъ Бѣлинскій испытали на себѣ идейное вліяніе любомудра Одоевскаго, о чемъ критикъ засвидѣтельствовалъ печатно въ своей статьѣ о собраніи сочиненій Одоевскаго. Весь психологическій habitus Бѣлинскаго былъ близокъ Одоевскому, такому же прямому и искреннему искателю жизни, такому же честному и убѣжденному литератору. Одоевскій и Краевскій не задумались пригласить Бѣлинскаго сотрудникомъ въ «От. Записки». Если Краевскій въ этомъ случаѣ могъ до извѣстной степени руководиться соображеніями выгоды, то Одоевскій, безъ сомнѣнія, цѣнилъ въ Бѣлинскомъ талантливую и благородную личность и возвышенно-философскій складъ

---

[1]) Матеріалы по исторіи цензуры въ Россіи. Сообщены В. И. Семевскимъ. Журналъ „Голосъ Минувшаго", 1913, № 3. стр. 225.

[2]) Въ февралѣ 1848 г. Булгаринъ помогалъ III отдѣленію разыскивать автора прокламаціи-письма (гр. А. Ф Орлову) и въ своихъ „Догадкахъ" прямо указывалъ на кружокъ Соллогуба и Одоевскаго (*П. Щ.* Эпизодъ изъ жизни В. Г Бѣлинскаго. По неизданнымъ даннымъ. Былое. 1906, окт., стр. 283—284).

его міросозерцанія. Такіе друзья Одоевскаго, какъ Н. Ф. Павловъ, подняли настоящій крикъ негодованія (Бѣлинскій между прочимъ не жаловалъ Павлова, какъ беллетриста) [1]). Въ письмѣ отъ 29 янв. 1840 г. онъ изумляется, какъ можно было выписывать Бѣлинскаго, «этотъ мортуса», который уже похоронилъ «Телескопъ» и «Наблюдатель», и, главное, позволять ему безконтрольно писать «по наслуху, на обумъ» философскія и критическія статьи. Это—какой-то «сумбуръ», «одна болтовня, и такая, которая вреднѣе Булгарина и Сенковскаго» [2]).

Но Одоевскій зналъ, что дѣлаетъ. Насколько онъ цѣнилъ Бѣлинскаго, видно изъ его замѣчательной характеристики, которая постоянно цитируется въ работахъ о Бѣлинскомъ [3]). Хотя эта характеристика относится уже къ 60-мъ годамъ, когда приходилось защищать память великаго критика и отъ такихъ людей, какъ кн. Вяземскій, тѣмъ не менѣе она опредѣляетъ общее отношеніе Одоевскаго къ Бѣлинскому и въ періодъ ихъ совмѣстной дѣятельности. Одоевскій прекрасно понялъ психологію человѣка, который явился «не въ пору», и съ особеннымъ чувствомъ говоритъ объ его выдающемся философскомъ дарованіи. «Бѣлинскій», свидѣтельствуетъ онъ, «былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія я когда-либо встрѣчалъ въ жизни». Онъ умѣлъ самостоятельно и глубоко пере-

---

1) Объ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Павлова—у Пыпина „Бѣлинскій", II, 32.

2) Бумаги 1869 г.—Напечатано И. А. Бычковымъ въ „Р. Ст." 1904, апр., 197—201.—Объ этомъ письмѣ—ср. въ книгѣ С. Ашевскаго „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ" (Спб. 1911), стр. 123—125.—Статья Бѣлинскаго „Педантъ" снова привела Павлова въ негодованіе, и онъ агитировалъ среди московскихъ литераторовъ, чтобы въ коллективномъ посланіи потребовали отъ Одоевскаго порвать связи съ Бѣлинскимъ и Краевскимъ (письмо Боткина у Пыпина, „Бѣлинскій", II, 136, прим. 1).

3) Напечатано въ „Р. Арх." 1874, кн. I, стр. 339—342.—Оригиналъ начала 60-хъ годовъ въ переплетѣ 32, л. 86—89; то же въ копіи—переплетъ 83, л. 38—39. Въ рукописяхъ есть заглавіе „Бѣлинскій", и статья начинается слѣдующими строками, опущенными (безъ оговорки) въ „Р. Арх.": „Князь Вяземскій въ стихахъ: „Смѣшонъ и жалокъ Бѣлинскій" и проч., нападаетъ на него—и несправедливо. Бѣлинскій былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій" и т. д., какъ въ печатномъ текстѣ. Вяземскій въ 60-хъ годахъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ ожесточеннѣйшихъ порицателей Бѣлинскаго (С. Ашевскій. „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ", Спб. 1911. стр. 78—87). Одоевскій, такимъ образомъ, какъ бы возражаетъ Вяземскому, и это опредѣляетъ хронологію его статьи.

рабатывать то, что получалъ изъ вторыхъ рукъ, «частію отъ меня», прибавляетъ Одоевскій. «Всякій разъ, когда мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ (это было рѣдко), мы съ нимъ спорили жестоко; но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ изъ поверхностнаго знанія принциповъ Натуральной Философіи (Naturphilosophie) развивалъ цѣлый органическій философическій міръ sui generis».

Да, Одоевскій сознательно вступалъ въ союзъ съ Бѣлинскимъ противъ клики Булгариныхъ; литературные враги были у нихъ общіе [1]).

Въ «Письмѣ къ нелитератору» [2]), пожаловавшись на неразборчивость и невѣжество русской публики, а также на неграмотность нашихъ литераторовъ (въ доказательство чего приводятся стилистическія ошибки «Библіотеки для Чтенія»), Одоевскій высказываетъ надежду на побѣду честныхъ журналистовъ. «Поспѣшимъ однакоже сказать», говоритъ онъ (л. 295), «что, благодаря Бога, такія явленія становятся у насъ рѣже, слабѣютъ и мало по малу исчезаютъ съ разными остатками Литвы и Татарщины. Новое поколѣніе въ Литературѣ и Публикѣ спѣшитъ и вытѣсняетъ незваныхъ гостей, и Куликово поле уже близко» [3]).

---

1) Ср. въ книгѣ С. Ашевскаго „Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ“, стр. 130—132. Въ письмѣ къ Боткину отъ 16 апр. 1840 г. Бѣлинскій изображаетъ всю трудность положенія „От. Зап.“ и ихъ борьбу съ Гречемъ, Булгаринымъ, Сенковскимъ и Полевымъ. Цензура задерживала статьи противъ излюбленныхъ журналистовъ; Одоевскому приходилось пускать въ ходъ свои связи (Пыпинъ. „Бѣлинскій“, II, 34). Въ бумагахъ 1869 г. между прочимъ есть письмо къ его сіятельству (вѣроятно, къ кн. М. А. Дондукову-Корсакову) такого именно содержанія. Естественно, что Бѣлинскій оказался солидарнымъ съ авторомъ статьи „О враждѣ къ просвѣщенію“ (Полное собр. соч., подъ ред. С. А. Венгерова, IX, стр. 23—25).

2) Переплетъ 80, л. 294—300: Письмо къ нелитератору, который спрашивалъ, „что такое Литераторъ“.

3) Подъ впечатлѣніемъ грубыхъ нападокъ „Сѣв. Пчелы“ и „Библіотеки для Чтенія“, журналовъ, „заклеймившихъ себя литературнымъ торгашничествомъ и нападеніями на Пушкина и на все, чемъ славится Россія“, Одоевскій однажды писалъ о своей полемикѣ съ ними (въ третьемъ лицѣ): „Онъ не прикоснется къ ихъ выраженіямъ, ибо для етаго ему надобно было бы наклониться. Давно уже онъ привыкъ раздѣлять общее презрѣніе къ литературнымъ и нелитературнымъ поступкамъ сихъ Журналовъ. Ихъ давняя непріязнь возбуждена нѣсколькими рѣзкими истинами, которые никогда не перестанутъ изобличать ихъ. Она убѣждаетъ Автора въ томъ, что онъ принесъ дѣйствительную заслугу отечественной Литературѣ, а можетъ быть хотя ненарокомъ, но въ по-

Одоевскій открыто шелъ навстрѣчу «новому поколѣнію» и спѣшилъ своимъ иногда весьма близкимъ и безкорыстнымъ участіемъ поддерживать каждый честный органъ печати. Онъ сотрудничалъ въ «Моск. Телеграфѣ» Полевого, въ «Моск. Вѣстникѣ» и «Моск. Наблюдателѣ», въ «Литерат. Газетѣ» Дельвига, въ «Современникѣ» Пушкина, въ «Литерат. Прибавленіяхъ къ Р. Инвалиду» и въ «Отеч. Запискахъ» Краевскаго, потомъ въ «Современникѣ» и т. д. По его мнѣнію, настоящихъ партій въ русской журналистикѣ нѣтъ, а есть, съ одной стороны, дѣятельность, «имѣющая цѣлію лишь угожденіе своему егоизму», а съ другой стороны — «дѣятельность, уважающая литературу, какъ самаго могучаго и необходимаго дѣятеля во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія, начиная отъ гражданской дѣятельности до ремесленной» [1]. О самомъ себѣ, какъ журналистѣ, Одоевскій имѣлъ полное право сказать [2]: «Слѣдившіе съ нѣкоторымъ участіемъ за его литературною дѣятельностію можетъ быть отдадутъ справедливость его ревностному старанію по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать тѣмъ изданіямъ, которыя стараются возстановить достоинство истинной литературы, и что онъ никогда ни одной строкой не прибавилъ позорной лѣтописи торговой монополіи, которая на зло успѣхамъ просвѣщенія, осмѣливается называть себя Литературой. Въ семъ отношеніи ему случалось ошибаться и принимать ращетъ за безкорыстіе, мишуру за золото, но ето участь всякаго благороднаго человѣка. По крайней мѣрѣ онъ всегда былъ увѣренъ, что дѣятельность литературная какъ и всякая другая имѣетъ свою нравственную сторону, что для Писателя, рѣшившагося печатать—нѣтъ безполезнаго дѣйствія, но что онъ даже также блюдетъ литературную совѣсть какъ и въ общественной жизни».

VIII.

Съ разныхъ сторонъ предсталъ предъ нами кн. В. Ѳ. Одоевскій: мы изучали его, какъ мыслителя, въ торжественныя минуты его высокихъ думъ о жизни; мы видѣли его въ моменты творче-

---

падъ паступилъ на нѣкоторыхъ насѣкомыхъ отъѣдающихъ юный корень Русскаго просвѣщенія и литературной славы“ (переплетъ 48, л. 198—199, автографъ).

[1]) Переплетъ, 13, л. 43, автографъ, на поляхъ.

[2]) Переплетъ 13, л. 43, автографъ 30—40-хъ годовъ.

скаго подъема, когда онъ создавалъ свои лучшія литературныя произведенія, и, наконецъ, мы наблюдали его въ пыли литературной повседневности, когда онъ продолжалъ бороться за то, что считалъ священнымъ въ жизни человѣка. Кипучая, разносторонняя и полная глубокаго содержанія жизнь. Пора оглянуться на ея *общіе результаты.*

Уже второе поколѣніе выросло на глазахъ Одоевскаго, и его судили не только сверстники, но и молодое поколѣніе. Русская молодежь, которая въ тридцатыхъ годахъ продолжала философскія традиціи своихъ предшественниковъ, т.-е. Станкевичъ, Бѣлинскій и ихъ друзья, не скрывала того факта, что она многимъ обязана Одоевскому, какъ мыслителю и писателю. Изъ всѣхъ любомудровъ именно одинъ Одоевскій въ тридцатыхъ годахъ былъ наиболѣе способенъ служить живою связью между двумя поколѣніями. Это самымъ положительнымъ образомъ засвидѣтельствовали Станкевичъ и Бѣлинскій.

\ Въ своихъ письмахъ Станкевичъ не разъ говоритъ объ Одоевскомъ, какъ о своемъ идейномъ учителѣ, и съ глубокимъ уваженіемъ относится къ его нравственному авторитету.\ Онъ польщенъ тѣмъ, что Одоевскій хорошо отозвался объ его этюдѣ «Три художника»[1]). «Нашего Одоевскаго я начинаю очень любить», признается онъ въ письмѣ отъ 2 янв. 1834 г. [2]): «Его «Насмѣшка мертваго», напечатанная въ Денницѣ—оазисъ среди пустыни этого альманаха—приводитъ меня въ восторгъ своимъ пророческимъ тономъ, своимъ фантастическимъ (истинно-фантастическимъ) колоритомъ... Говорятъ, онъ много печатаетъ: давай-то Господи!» Съ интересомъ относится Станкевичъ и къ философско-мистическимъ идеямъ Одоевскаго. Такъ, въ письмѣ отъ 16 окт. 1834 г., разсказывая о своихъ занятіяхъ Шеллингомъ, Станкевичъ вспоминаетъ мысль Одоевскаго, что «въ средніе вѣка искали философскаго камня и нашли тысячи цѣлебныхъ составовъ для болѣзней» [3]).

\ Бѣлинскій уже въ зрѣлую пору, разбирая собраніе сочиненій Одоевскаго, патетически охарактеризовалъ то потрясающее впечатлѣніе, какое производили на молодую, воспріимчивую

---

1) П. В. Анненковъ. Н. Вл. Станкевичъ 1857 Письмо отъ 24 іюля 1833 г. (стр. 40).

2) Ibid., стр 80—81.

3) Ibid , стр. 101.

душу его сверстниковъ апологи Одоевскаго, въ родѣ «Стариковъ», или разсказы—«Бригадиръ», «Балъ», «Насмѣшка мертвеца». Юношество читало апологи «съ жадностью, и благодатны были плоды этого чтенія» [1]). А разсказы Одоевскаго производили на молодую душу «дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему. И подобный нравственный ударъ оставляетъ въ юной, исполненной благороднаго стремленія душѣ самыя благодатныя слѣдствія. Мы знаемъ это по собственному примѣру: мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти пьесы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о таинствахъ своего ученія» [2]). О силѣ этого впечатлѣнія свидѣтельствовали и горячія строки «Литер. мечтаній» (1834), исполненныя «энтузіастическаго удивленія» къ художнику, въ чьихъ созданіяхъ «видѣнъ талантъ могущественный и энергическій, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знаніе человѣческаго сердца, знаніе общества, высокое образованіе и наблюдательный умъ» [3]).

Таково было общее воспитательное вліяніе Одоевскаго на поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Въ частности Бѣлинскій въ своемъ философскомъ развитіи не остался безъ полезнаго воздѣйствія со стороны Одоевскаго. Объ этомъ говоритъ самъ Одоевскій, и сомнѣнія съ нашей стороны были бы неумѣстны (см. выше на стр. 423—424). Конечно, мы не станемъ преувеличивать этого вліянія, но оно, несомнѣнно, было [4]). Это, разумѣется, не исключало того, что Бѣлинскій вступалъ въ

---

[1]) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IX, стр. 9.

[2]) Ibid., стр. 14.

[3]) Ibid., т. I, стр. 389—390. Изъ отдѣльныхъ произведеній любимаго писателя Бѣлинскій уже здѣсь называетъ: „Балъ“, „Бригадиръ“, „Насмѣшку Мертваго“ и „Какъ опасно дѣвушкамъ ходить по Невскому Проспекту“.

[4]) С. А. Венгеровъ также относитъ „къ числу важнѣйшихъ вліяній на Бѣлинскаго“ вліяніе „московскаго шеллингизма конца 20-хъ годовъ, наиболѣе рельефно представленнаго въ лицѣ Одоевскаго. Мистическіе порывы къ добру, страстное исканіе правды, желаніе постичь смыслъ жизни, искреннее презрѣніе ко всему пошлому и мелкому — вотъ та *органическая* связь, которая роднитъ Бѣлинскаго и Одоевскаго, та общая почва, на которой могло развиться *душевное* вліяніе, которое одно только и устанавливаетъ преемственность поколѣній“ (Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, т. II, 559 стр., прим. 230—31).

горячіе споры съ Одоевскимъ, а вѣдь споры всего болѣе и способствуютъ уясненію истины.

Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ Бѣлинскій съ его гегельянствомъ стоялъ уже на иной плоскости философскаго мышленія, чѣмъ Одоевскій, и свои впечатлѣнія отъ перваго свиданія съ нимъ въ Петербургѣ въ 1839 г. выразилъ даже довольно рѣзко и несправедливо (въ письмѣ къ Боткину отъ 22 ноября 1839 г.) [1]): «Князь Одоевскій принялъ и обласкалъ меня, какъ нельзя лучше. Онъ очень добрый и простой человѣкъ, но повытерся свѣтомъ и жизнью, и потому безцвѣтенъ, какъ изношенный платокъ. Теперь его больше всего интересуетъ мистицизмъ и магнетизмъ». Внутренняя жизнь Одоевскаго во всей ея сложности была неизвѣстна Бѣлинскому, и онъ слишкомъ поспѣшилъ съ своимъ приговоромъ. Интересно, что въ концѣ того же письма онъ проситъ: «Бога ради о моихъ отзывахъ о Питерѣ и его литераторахъ—никому нигугу, особенно объ Од.». Но, конечно, сойтись на почвѣ мистики Бѣлинскій и Одоевскій, дѣйствительно, не могли [2]).

Совмѣстная литературная работа сблизила Бѣлинскаго и Одоевскаго и, хотя разночинцу было не по себѣ въ салонѣ Одоевскаго [3]), но все же теперь онъ лучше оцѣнилъ достоинства послѣдняго, что и выразилъ въ своей большой статьѣ о сочиненіяхъ Одоевскаго. Правда, между ними продолжали оставаться существенные пункты расхожденія. Помимо сложности самихъ вопросовъ, помимо того, что мысль тогдашней интеллигенціи находилась въ благотворномъ процессѣ исканій, много было различія въ самой психологіи Бѣлинскаго и Одоевскаго, разночинца съ

---

1) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Т. II, стр. 9.

2) И. И. Панаевъ говоритъ объ Одоевскомъ („Литературныя воспоминанія". Изд. 3-ье. Спб. 1888. Стр. 100): „съ Бѣлинскимъ, не терпѣвшимъ и преслѣдовавшимъ все мистическое, онъ серьезно толкуетъ о неразгаданномъ, таинственномъ мірѣ духовъ, о видѣніяхъ, и насильно навязываетъ ему какую-то книгу о магнетизмѣ, увѣряя его, что онъ непремѣнно долженъ прочесть ее". Очевидно, къ этому же періоду относится воспоминаніе Бѣлинскаго въ письмѣ къ Боткину уже отъ 1847 г. (Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 274): „Добрый Одоевскій разъ не шутя увѣрялъ меня, что нѣтъ черты, отдѣляющей сумасшествіе отъ нормальнаго состоянія ума, и что ни въ одномъ человѣкѣ нельзя быть увѣреннымъ, что онъ не сумасшедшій. Въ приложеніи не къ одному Шеллингу, какъ это справедливо!"

3) И. И. Панаевъ, ibid., стр. 302 и слл.

одной стороны и аристократа, съ другой. Даже общее вліяніе идеализма не одинаково преломлялось въ ихъ сознаніи. Но были, несомнѣнно, и родственныя черты. Трезвый идеализмъ, высокая настроенность мысли и чувства — составляли основной фонъ внутренней жизни того и другого. Благоговѣйное отношеніе къ искусству, преклоненіе предъ геніемъ Пушкина (и Гоголя), идейное пониманіе задачъ литератора—все это въ одинаковой мѣрѣ было присуще и тому и другому.

Въ цѣломъ рядѣ литературныхъ и общественныхъ вопросовъ, особенно въ періодъ сороковыхъ годовъ (послѣ того, какъ Бѣлинскій потерялъ вѣру въ соціализмъ), оказывается чрезвычайно близкое совпаденіе во взглядахъ Бѣлинскаго и Одоевскаго [1]. Эта солидарность совершенно явственно обнаружится, когда мы станемъ излагать мысли Одоевскаго о народности, объ отношеніи интеллигенціи къ народу, о народномъ чтеніи, о благотворительности, о соціализмѣ и проч. [2]).

Труднѣе опредѣлить значеніе Одоевскаго въ чисто литературной сферѣ, его вліяніе, какъ писателя. Въ подобныхъ случаяхъ рѣдко можно притти къ безспорнымъ выводамъ, и всегда есть опасность въ своихъ предположеніяхъ зайти слишкомъ далеко; увлекаясь вполнѣ естественнымъ желаніемъ найти какъ можно больше слѣдовъ «вліянія» изучаемаго писателя, изслѣдователь, какъ бы загипнозированный своей идеей, забываетъ вспомнить о возможности другихъ вліяній, объ общности источниковъ, о конгеніальности и т. п. условіяхъ. Мы уже видѣли это, напр., въ вопросѣ о вліяніи Гофмана на Одоевскаго.

---

[1]) Обзоръ Бѣлинскаго „Русская литература въ 1840 году“ въ значительной своей части развиваетъ мысли Одоевскаго, изложенныя въ статьѣ „Плакуна Горюнова“ („От. Зап.“ 1840, т. XIII), на которую и ссылается здѣсь самъ Бѣлинскій. Поучительно также сопоставить то, что сказано Бѣлинскимъ, напр., въ статьѣ „Ничто о ничемъ“ (1836)—о значеніи поэзіи и религіи (Венгеровъ, IV, 379—380) и въ 1838 г. по поводу Фонвизина и Загоскина (Венгеровъ, т. IV, стр. 3 и сл.)—объ отношеніи Россіи къ Западу, о религіи, объ эмпиризмѣ и умозрѣніи, о чувствѣ и разумѣ и пр.

[2]) Слѣдовательно, мы не могли бы вполнѣ присоединиться къ тому, что говоритъ А. Н. Пыпинъ объ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Одоевскаго („Бѣлинскій, его жизнь и переписка“. т. II, гл. VIII; 1-е изд., стр., 217—218). Слова, что Бѣлинскій „не могъ сойтись съ кн. Одоевскимъ въ самой сущности своего взгляда на вещи“, можно назвать справедливыми, но лишь по отношенію къ гегельянскому періоду, да и то не безусловно.

Отмѣтимъ однако, что признается возможнымъ вліяніе Одоевскаго даже на такихъ писателей, какъ Гоголь [1]) и Герценъ [2]). Тѣмъ больше основанія предполагать, что Одоевскій, какъ беллетристъ, могъ произвести извѣстное впечатлѣніе на второстепенныхъ писателей. Въ этомъ случаѣ не безразличны факты, что Г. В. С. (т.-е., графъ В. Соллогубъ) свой разсказъ «Серёжа (Лоскутокъ изъ вседневной жизни» посвятилъ Кн. В. Ѳ. Одоевскому [3]), а «Смоленскій старожилъ Ѳ. Э.» (т.-е. Ѳ. Эттингеръ) на-

---

[1]) Ср. выше объ отношеніяхъ Одоевскаго и Гоголя на стр. 333 и сл.— Ч. Вѣтринскій („Въ сороковыхъ годахъ", 304 стр.) категорически говоритъ, что вліяніе Одоевскаго, „какъ подражателя Гофмана", распространилось „даже на Гоголя: извѣстенъ фантастическій колоритъ „Носа", „Шинели", „Портрета". Говоря это, изслѣдователь, конечно, долженъ былъ бы вспомнить еще о вліяніи самихъ нѣмецкихъ романтиковъ на Гоголя (Гофмана, Тика).

[2]) Еще А. М. Скабичевскій признавалъ „вліяніе многихъ идей Одоевскаго" на первыя сочиненія Искандера: „Та-же вѣра въ прогрессъ, вмѣстѣ съ отчаяньемъ въ немъ; то-же объясненіе несчастій и гибели, постигающихъ людей, различными односторонностями въ ихъ жизни; то же отчаянье въ западной цивилизаціи и надежда на обновленіе ея посредствомъ славянскаго міра" („Сорокъ лѣтъ русской критики"—Сочиненія, т. I, Спб. 1890, стр. 344). Вотъ какъ разъ образчикъ поспѣшнаго обобщенія въ вопросѣ о „вліяніи", при чемъ совершенно забыты всѣ другіе источники (болѣе существенные), откуда Герценъ почерпнулъ свои идеи. Болѣе обоснованнымъ можно признать сближеніе „Записокъ доктора Крупова" съ мыслями „Р. Ночей" (35—37 стр.) о безуміи. (Скабическій, ibid.), хотя самъ Скабичевскій тутъ же говоритъ объ общемъ увлеченіи Гофманомъ (что, впрочемъ, онъ приписываетъ вліянію того же Одоевскаго). Ту же мысль повторилъ и Ч. Вѣтринскій („Въ сороковыхъ годахъ", 304). А. Н. Веселовскій въ своей превосходной книгѣ „Герценъ—писатель" (М. 1909) считаетъ повѣсть „Докторъ Круповъ" — „одиночнымъ явленіемъ" въ „исторіи русской литературной психопатологіи" и объ Одоевскомъ не упоминаетъ вовсе (67). Нельзя не вспомнить признанія самого Герцена, что статья „С. Бахъ" „сильно подѣйствовала" на него (Анненковъ и его друзья. Спб. 1892. Стр. 12) — „Критика не разъ уже отмѣчала вліяніе, совпаденіе и дальнѣйшее развитіе кое-какихъ мыслей кн. Одоевскаго у Герцена, И. Кирѣевскаго, К. Аксакова, Тургенева, Достоевскаго, гр. Л. Н. Толстого, хотя иные изъ перечисленныхъ писателей (напр. К. Аксаковъ) порою какъ будто и возставали на князя",—говоритъ И. А. Кубасовъ (Кн. В. Ѳ. Одоевскій, стр. 68).

[3]) Литер. Прибавленія къ Р. Инв. 1838, № 15. Дата: „Тверь. 2 нояб. 1835". Подпись подъ статьей С. В. Въ оглавленіи нумера авторъ названъ Г. В. С., а въ общемъ оглавленіи за весь 1838 г.—„Графъ В. С."—Еще до появленія въ печати „Сережи", гр. Соллогубъ любилъ читать его „всѣмъ своимъ свѣтскимъ пріятелямъ", какъ говоритъ И. И. Панаевъ (Литерат. воспоминанія. Изд 3-е. Спб. 1888. Стр. 94).—Разсказъ „Сережа" съ тѣмъ же посвященіемъ Одоевскому вошелъ въ I т. „Сочиненій" графа В. А. Соллогуба (Спб. 1855).

печаталъ въ «Лит. Приб. къ Р. Инв. 1839 г. (ч. II, № 18) свой «Балъ въ дворянскомъ клубѣ (Изъ романа «Башня Веселуха, или Смоленскъ и его жители за пятьдесять-пять лѣтъ)» съ эпиграфомъ изъ «Бала» Одоевскаго (Новоселье» 1833 г.) [1]. «Бѣдные люди» Достоевскаго, впервые напечатанные въ «Петербургскомъ Сборникѣ» Н. А. Некрасова (1846), также сопровождаются эпиграфомъ изъ кн. Одоевскаго (жалоба Василія Кузьмича, героя «Живого мертвеца», на «сказочниковъ»). Но, разумѣется, дѣлать изъ подобныхъ фактовъ заключеніе о «вліяніи» Одоевскаго на названныхъ писателей было бы слишкомъ поспѣшно. По отношенію къ Достоевскому интересно вспомнить, что Одоевскій съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ автору «Бѣдныхъ людей» (появившихся въ одномъ изданіи съ «Мартингаломъ»). «Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ», сообщалъ Достоевскій брату въ письмѣ отъ 16-го ноября 1845 г. [2]. А изъ его письма отъ 1 февр. 1846 г. [3] узнаемъ, что «Одоевскій пишетъ отдѣльную статью о Бѣдныхъ людяхъ». Уже одно это намѣреніе характерно для Одоевскаго.

Можно было бы указать «сходство» съ произведеніями Одоевскаго въ «Киргизъ-Кайсакѣ» (1830) В. А. Ушакова, въ «Аббадоннѣ» (1834) и «Живописцѣ (1833) Полевого, въ «Островѣ» (1838) и «Двухъ жизняхъ» (1832) И. В. Кирѣевскаго, въ «Разсказахъ о быломъ и небываломъ» (1834) П. А. Мельгунова, въ «Постояломъ дворѣ» (1835) Степанова, въ «Трехъ повѣстяхъ» (1835) Н. Ф. Павлова, въ «Семействѣ Холмскихъ» (1832) Д. Н. Бѣгичева, въ «Мѣщанинѣ» (1840) Башуцкаго и т. п.,—но всѣ эти факты такого рода, что мы не рѣшаемся дѣлать изъ нихъ какіе-нибудь опредѣленные выводы. Ясно только одно—

---

[1] Второй отрывокъ „Башни Веселухи" былъ напечатанъ въ „Современникѣ" 1839 г., т. XVI, кн. 4. — Въ „Сынѣ Отечества" 1842, № 7, находимъ еще: „Странные слухи. Глава изъ романа смоленскаго старожила", Ѳ. Э.—Все произведеніе вышло въ 1845 г. подъ заглавіемъ: „Башня Веселуха, или Смоленскъ и жители его шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Соч. смоленскаго старожила Ѳ. ф.-Э.". Спб. 3 части. Теперь извѣстно, что авторомъ былъ Ѳ. Эттингеръ.

[2] Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Т. I, Спб. 1883. Письма, стр. 41. — Въ запискѣ Краевскаго отъ 27 ноября 1845 г. — (въ бумагахъ 1869 г.; напечатано И. А. Бычковымъ въ Р. Ст. 1904, Іюнь, стр. 584) говорится о томъ, какъ Одоевскій старался достать „Бѣдныхъ людей".

[3] Т. I, Спб. 1883. Письма, 44 стр.

извѣстная близость названныхъ беллетристовъ къ Одоевскому въ отношеніи идей и сюжетовъ [1]).

Критика 30-хъ годовъ, за исключеніемъ Булгарина и Полевого, по большей части (въ томъ числѣ и Бѣлинскій) относилась съ большимъ сочувствіемъ къ литературной дѣятельности Одоевскаго, причисляя его къ выдающимся русскимъ беллетристамъ, въ частности подчеркивая созданіе имъ «философической» повѣсти [2]).

Выходъ въ 1844 г. трехтомнаго собранія сочиненій кн. Одоевскаго далъ современникамъ достаточный поводъ оглянуться на всю дѣятельность писателя, по крайней мѣрѣ, въ теченіе тридцатыхъ годовъ и высказать цѣльный взглядъ на его значеніе.

Критическихъ отзывовъ, дѣйствительно, было немало. Среди нихъ выдѣлились двѣ типичныя группы: во-первыхъ, отзывы той части журналистики, которая защищала идеи офиціальной народности, и съ которой такъ упорно боролся Одоевскій, и, во-вторыхъ, отзывы западниковъ разныхъ оттѣнковъ. Печать

---

1) О „Киргизъ-Кайсакѣ“ Ушакова приходится вспоминать въ связи съ „Елладіемъ“.—Объ „Аббадоинѣ“ Полевого—ср. выше по поводу „Сегеліеля“ (стр. 53). Полевой тридцатыхъ годовъ по типу своего творчества вообще допускаетъ сближеніе съ Одоевскимъ.—Точно также авторъ „Острова“ имѣетъ очень много общаго съ авторомъ „Р. Ночей“.—А Мельгуновъ съ юности принадлежалъ къ кружку Одоевскаго. Объ его беллетристикѣ—см. въ статьѣ А. И. Кирпичникова, въ II т. его „Очерковъ по исторіи новой русской литературы“.—„Постоялый дворъ. Записки покойнаго Горянова, изданныя его другомъ Н. П. Маловымъ“ (Спб. 1835. 4 части) подалъ Одоевскому поводъ для его статьи о русскомъ романѣ (см. выше на стр. 381 и сл.).—На „Трехъ повѣстяхъ“ Павлова стоитъ эпиграфъ „Domestica facta“: Одоевскій любилъ терминъ „домашній“ („домашніе разговоры“, „домашняя драма“ и т. п.).—Бѣгичевъ въ „Семействѣ Холмскихъ“ (1832) употребляетъ между прочимъ фамиліи Вампировъ, Рифейскій. О „Мѣщанинѣ“ Башуцкаго—см. выше на стр. 205, прим. 1-ое. Бурачекъ, какъ увидимъ далѣе, будетъ сравнивать „Мѣщанина“ съ „Героемъ нашего времени“ и съ „Русскими Ночами“. Идеи, проповѣдуемыя въ „Мѣщанинѣ“, дѣйствительно, представляютъ нѣчто общее съ идеями Одоевскаго. Кстати замѣтимъ, что Н. А. Котляревскій, говоря о „Мѣщанинѣ“ въ своей книгѣ „Н. В. Гоголь“ (гл. XVII), ошибочно считаетъ героя настоящимъ мѣщаниномъ по происхожденію, тогда какъ Горелавскій только велъ образъ жизни мѣщанина (подъ фамиліей Савельева): см. II т., стр. 57 и сл. Въ бумагахъ 1869 г. есть письмо Башуцкаго къ Одоевскому отъ 22 февр. 1841 г. съ просьбой помѣстить въ „От. Зап.“ его „Исторію автоматовъ“ и „Неотступное видѣніе“.

2) См. отзывы выше на стр. 34—37, 67—68, 74, 79—80, 109, 143—144, 251, 258, 262, 263.

славянофильскаго направленія промолчала, что уже само по себѣ было знаменательнымъ.

Одоевскій боялся грубыхъ выходокъ со стороны Булгарина и его единомышленниковъ и прибѣгъ къ странному съ нашей точки зрѣнія пріему—заранѣе просилъ гр. С. С. Уварова оградить его сочиненія — «сочиненія *честнаго человѣка и дворянина*» отъ злонамѣренныхъ нападокъ «Сѣв. Пчелы» и «Б. для Чтенія»; министръ благоразумно отклонилъ эту просьбу (по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ) [1]).

Предчувствія не обманули Одоевскаго. Въ правомъ лагерѣ онъ не нашелъ себѣ справедливой оцѣнки.

Правда, «Маякъ» далъ въ общемъ похвальный отзывъ, но весьма своеобразный [2]).

«Я съ удовольствіемъ перечиталъ многія изъ повѣстей и раз-

---

1) Отчетъ И. П. Б. за 1892 г., приложеніе, стр. 53—55; письмо отъ іюля 1844 г.—Оригиналъ письма Одоевскаго въ собраніи автографовъ И. П Б. подъ буквой О. Одоевскій обращается къ Уварову, „не какъ къ министру, но какъ къ русскому литератору и дворянину". „Имѣя счастіе пользоваться нерасположеніемъ ко мнѣ преимущественно двухъ журналовъ: Сѣверной Пчелы и Библіотеки для Чтенія, я вынужденъ просить ваше высокопревосходительство принять подъ особое покровительство мои сочиненія—*сочиненія честнаго человѣка и дворянина*,—тѣмъ болѣе, что, если не ошибаюсь, цензоры сихъ двухъ журналовъ недавно вступили въ свое званіе и, можетъ быть, не вполнѣ еще знакомы съ журнальнымъ искусствомъ лавировать между буквою закона и цензорскимъ наблюденіемъ" (54). Одоевскій увѣряетъ, что его просьба продиктована не „авторскимъ тщеславіемъ, которое боится строгой критики", а желаніемъ оградить отъ грубыхъ журнальныхъ выходокъ свое историческое имя, которое, прибавляетъ онъ (55), „принадлежитъ не мнѣ одному, но всѣмъ членамъ моего семейства и, смѣю сказать, исторіи нашего отечества. Это имя я отдаю подъ вашу боярскую защиту, въ полной увѣренности, что моя просьба не будетъ напрасна предъ вами, древнимъ русскимъ бояриномъ" (55). Уваровъ отвѣтилъ 12 іюля 1844 г. (ib., 56—57). Министръ успокоивалъ автора „Р. Ночей" насчетъ опытности цензоровъ Крылова, Фрейганга (вѣдавшихъ „С Пчелу") и Никитенка (цензуровавшаго вмѣстѣ съ другимъ лицомъ „Б д Чт"). „Я увѣренъ", писалъ Уваровъ, „что они не допустятъ никакого отступленія отъ цензурныхъ правилъ, тѣмъ менѣе въ отношеніи къ вашимъ сочиненіямъ. Давать напередъ оффиціальное предписаніе на счетъ будущихъ разборовъ сочиненій одного отдѣльнаго писателя было бы неудобно, и даже неблаговидно для самаго сочинителя, не смотря на то, вниманіе цензоровъ, по моему распоряженію, будетъ обращено на обстоятельства, о которыхъ вы упоминаете въ вашемъ письмѣ". Характерный фактъ, указывающій, до какой степени Булгаринъ терроризовалъ литераторовъ.

2) „Маякъ", 1844, т. XVII, кн. 33, Новыя книги, стр. 7—29. Подпись С Б.

сказовъ его, прежде читанныхъ», писалъ Бурачекъ: «много въ нихъ ума, вкуса, чувства, умѣнья хорошо писать, подмѣчать человѣческія слабости и грѣшки, а главное,—много въ нихъ благонамѣренности. Во многихъ мѣстахъ сочинитель рѣзко вооружается противъ заблужденій западныхъ писателей. Но Князь Одоевскій не рѣшился проложить добрую тропинку истинной повѣсти, повѣсти Русской, хотя при своихъ превосходныхъ дарованіяхъ, огромномъ запасѣ свѣдѣній, здравомъ образѣ мыслей и религіозности, ярко просвѣчивающей во многихъ его сочиненіяхъ, очень бы могъ идти своею прямою дорогою» (7—8).

Повѣсти фантастическія и сатирическія вообще, по мнѣнію Бурачка, «ложный родъ». Сатира, кромѣ того, еще никого никогда не исправляла. «Истинное начало, одушевляющее перо истиннаго писателя, есть *любовь*, любовь христіянская, благодатная, и глубокое сознаніе собственной порочности, происходящей отъ всеобщаго паденія рода человѣческаго» (9—10). Поэтому, критикъ «Маяка» лишь бѣгло касается беллетристики Одоевскаго. Зато весьма долго останавливается на «Русскихъ Ночахъ»: «одна эта повѣсть далеко выше и цѣннѣе всѣхъ остальныхъ его повѣстей. Сочинитель внялъ требованіямъ истинной науки, словесности, сдѣлалъ первый опытъ *повѣсти высшаго разряда*, т.-е. повѣсти истинной, гдѣ бы дѣйствующія лица были: Богъ, природа и человѣкъ въ его внутреннихъ, высшихъ, сокровенныхъ состояніяхъ, проявленіяхъ, цѣляхъ, стремленіяхъ, короче, «Русскія Ночи» идутъ къ одной цѣли съ *Мѣщаниномъ* г. Башуцкаго; но уступаютъ ему въ выборѣ средствъ; хотя мѣстами и превосходятъ его усиліями заглянуть глубже внутрь міра природы и человѣка, но за то онѣ гораздо поверхностнѣе касаются міра Божественнаго, который въ «Мѣщанинѣ» преобладаетъ, какъ и быть должно, надъ остальными мірами. Короче, «Мѣщанинъ» развиваетъ *духовную* жизнь человѣка, а «Русскія ночи»—только *душевную*. Не смотря на то, «Русскія ночи», какъ первая попытка одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ писателей, написать повѣсть *высшаго разряда* (см. «Маякъ» 1843, томъ XII, гл. IV и 1840. Ч. IV и V) [1]), есть уже большой шагъ къ возрожде-

[1]) Въ указанныхъ частяхъ „Маяка" изложены основные принципы философіи и эстетики Бурачка. Тутъ же (1840, ч. IV) въ своемъ родѣ знаменитый разборъ „Героя нашего времени" Лермонтова и рядомъ „Мѣщанина" Башуцкаго. Къ „высокому роду", романовъ, по мнѣнію Бурачка, можно отнести только три

нію Русской словесности. Эта повѣсть займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ бѣдномъ ряду произведеній Русскаго слова, и далеко оставляетъ за собой безчисленную, безобразную толпу доморощенныхъ «чудныхъ дѣвъ» и переводныхъ «парижскихъ тайнъ», не смотря на всю ихъ *интересность* и читаемость» (10).

Разбирая «Р. Ночи», Бурачекъ подчеркиваетъ, что попытка Фауста и его собесѣдниковъ рѣшить вопросъ, зачѣмъ мы живемъ, неудачна именно потому, что они не догадываются заглянуть въ св. писаніе или припомнить молитвы Отче нашъ и Символъ вѣры. Все же въ нѣкоторыхъ случаяхъ «сочинитель вполнѣ согласуется съ «Маякомъ», и критикъ отмѣчаетъ эти совпаденія (особенно разсужденія о Западѣ и Россіи въ эпилогѣ). Очень заинтересовали его и мысли Фауста о значеніи ночи. По этому поводу онъ высказываетъ свой «христіанскій» взглядъ, подкрѣпляя его обширной выдержкой изъ статьи преосв. Иннокентія (въ «Воскресномъ Чтеніи» 1837—38) «Полночь и Страшный Судъ».

Общее заключеніе Бурачка сводится къ тому, что Фаустъ всѣ вопросы рѣшаетъ «только матеріяльными путями», т.-е. съ помощью наукъ, «почти не прибѣгая къ путямъ духовнымъ и Богословію»; оттого и не можетъ рѣшить ни одного вопроса, особенно самаго главнаго о назначеніи человѣка. «Отъ души желаемъ,—заканчиваетъ Бурачокъ свой отзывъ,—чтобы сочинитель убѣдился и воспользовался этими замѣчаніями при дальнѣйшихъ своихъ попыткахъ—написать повѣсть высшаго разряда, и при томъ повѣсть Русскую, т.-е. проникнутую истинною вѣрою; а не западную, основанную только на матеріяльной учености; ибо и этотъ родъ, какъ и всѣ другіе роды европейскихъ повѣстей о человѣкѣ и природѣ, есть ложный, мишурный» (28—29) [1]).

произведенія: „*Черную женщину, Постоялый дворъ* и *Мѣщанина*“ (ч. IV, гл IV, стр. 22).

[1]) Своего рода дополненіемъ къ изложенной статьѣ Бурачка является его „*Взглядъ на статью Князя Одоевскаго: письма къ Графинѣ Е. П. Р . . . й о привидѣніяхъ, суевѣрныхъ страхахъ, обманахъ чувствъ, магіи, кабалистикѣ, алхиміи и другихъ таинственныхъ наукахъ*“ (Маякъ, 1845, т. XX, кн. XL, гл. IV, стр 93—118). Нѣкоторые читатели „Маяка“ стали сравнивать статью Одоевскаго съ „первымъ Прибавленіемъ къ отчету этого журнала“. Эти толки дошли до слуха Бурачка, и онъ взялъ на себя трудъ доказать, что между названными статьями только „наружное сходство, а *цѣль* и *путь* ихъ совершенно

Рецензія «Маяка» не могла доставить Одоевскому особеннаго удовольствія: отъ такихъ похвалъ не поздоровится. Въ предположенномъ своемъ отвѣтѣ критикамъ Одоевскій писалъ (въ третьемъ лицѣ) [1]): «Критика «Маяка» на Сочиненія Князя Одоевскаго—такая прелесть, которой нельзя читать безъ истиннаго наслажденія. Маякъ въ восхищеніи! онъ безъ шутокъ находитъ «Русскія Ночи» весьма согласными съ тѣмъ, что Маякъ называетъ своимъ «ученіемъ». Сочинитель «Русскихъ Ночей» вѣрно не ожидалъ себѣ такого комплимента; но впрочемъ Маякъ — строгъ и справедливъ — онъ похвалилъ, однакоже обращаетъ вниманіе Автора на изящныя статьи, помѣщаемыя въ самомъ Маякѣ—этомъ двигателѣ не только просвѣщенія, но также и образованности — чего по его велелѣпному ученію никакъ смѣшивать не надлежитъ».

Рецензія юродствующаго «Маяка» могла привести Одоевскаго только въ веселое настроеніе. Въ иномъ тонѣ написанъ разборъ его сочиненій въ «*Библіотекѣ для Чтенія*» [2]). Анонимный рецензентъ (въ немъ Одоевскій призналъ Полевого) пустился въ самое пошлое глумленіе надъ творчествомъ Одоевскаго и его идеями. Особое вниманіе удѣлено, конечно, «Русскимъ Ночамъ». Грубо-юмористически передавъ ихъ содержаніе, кри-

различны" (94). „Издатель Маяка доказываетъ истину міра невидимаго, подвергая ее испытанію тройственнаго пробнаго камня (критерія): *теоріи* (логики здраваго смысла), *опыта* (всемірной и естественой исторіи) и *откровенія* (слова Божія). Послѣ этой необходимой пробы, представляетъ факты неоспоримые, засвидѣтельствованные людьми сторонними, заслуживающими всякое довѣріе; факты, которые для сомнѣвающагося легко провѣрить собственными разысканіями". Одоевскій же все сводитъ „на уровень *естественнаго* и понятнаго для всякаго здравомыслящаго человѣка". „Значитъ, оба они трудились по дѣлу благому" (95). Дальнѣйшій разборъ стремится подтвердить это заключеніе, при чемъ опять высказывается надежда, что Одоевскій пойдетъ по пути „Маяка". — Въ поученіе читателямъ и Одоевскому вслѣдъ за „Взглядомъ" помѣщена статья Л. Кавелина „Нѣчто о сверхъ-естественной магіи" (118—147).— Осыпалъ Одоевскаго похвалами и сотрудникъ „Маяка", проф. *Ѳед. Лук. Морошкинъ*. Его письмо Одоевскому отъ 27 сент. 1844 г., сохранившееся въ бумагахъ 1869 г., мы печатаемъ въ приложеніи.

1) И. П. Б., бумаги Краевскаго, б, № 24, в, автографъ; сверху рукой Краевскаго карандашомъ: „Кн. Одоевскій". Большая статья (на 6 листахъ), направленная противъ „Библіотеки для Чтенія" и „Маяка". Эта самозащита въ печать не попала.

2) „Библіотека для Чтенія" 1844, т. 66, отд. VI, стр. 1—9.

тикъ заканчиваетъ (6—7): «Къ концу Фаустъ понесъ уже такую чепуху, что слушатели его разбѣжались со страху, опасаясь, чтобы отъ избытку мудрости, онъ не искусалъ ихъ. И тѣмъ кончаются «Русскія ночи...» Остроуміе автора, какъ всякой ясно видитъ, состоитъ въ наборѣ и защитѣ старыхъ парадоксовъ, самомъ мучительномъ и неблагодарномъ способѣ быть остроумнымъ. До конца тома не извѣстно, мистифируетъ ли Фаустъ мальчишекъ, или онъ—излагаетъ свое убѣжденіе, образецъ ли пустаго говоруна, или идеалъ философа, шутъ ли, или человѣкъ помѣшанный на дюжинѣ ученыхъ пошлостей и сумасбродствъ, которыя кажутся ему глубокомысліемъ и великими идеями.... Въ неизвѣстности, что это такое, должно принять «Русскія ночи» за шутку, которой недостаткомъ будетъ въ такомъ случаѣ только то, что она уморительно длинна, тяжела и скучна».

Въ такомъ же стилѣ разбираются и отдѣльныя повѣсти II и III томовъ; осмѣивается также претензія автора на исключительное знаніе большого свѣта вмѣстѣ съ нападками на литераторовъ, «дерзающихъ описывать *большой свѣтъ* изъ *чердаковъ* и *переднихъ*» (8). Наконецъ, «однимъ изъ самыхъ невѣроятныхъ плодовъ парадоксальнаго направленія автора» признается статья «О враждѣ къ просвѣщенію».

Одоевскій отозвался и на критику «Библіотеки для Чтенія». «Въ низшихъ слояхъ литературы, гдѣ бьется объ стѣнки Сѣверная Пчела, и Библіотека для Чтенія выѣзжаетъ на «*Вѣчномъ Жидѣ*» для развлеченія зѣвающихъ читателей», — говорится въ той же антикритикѣ Одоевскаго,—«Сочиненія Князя Одоевскаго» произвели довольно странное дѣйствіе». Здѣсь немало людей, обиженныхъ его откровенными мнѣніями о нихъ. «Сѣверная Пчела пока молчитъ, но можно предвидѣть, въ какомъ родѣ будутъ ея толки. Библіотека для Чтенія напротивъ поспѣшила намаклатурить нѣсколько страницъ о книгѣ не впору откровеннаго человѣка». Одоевскій даетъ понять, что авторомъ статьи онъ считаетъ Н. Полевого. Статья, говоритъ онъ, писана не малограмотнымъ языкомъ барона Брамбеуса, а хотя топорнымъ, но все же русскимъ слогомъ автора «Уголино» и «Исторіи Русскаго народа». Положеніе критика нельзя не признать затруднительнымъ: «Какъ ни вертись, а ужъ никакъ нельзя отказать Князю Одоевскому хоть въ талантѣ, хоть въ новости

точки зрѣнія, хоть въ неожиданныхъ сближеніяхъ, предполагающихъ многостороннія свѣденія». Чтобы упростить свою задачу, «Библіотека для Чтенія», «не пускаясь въ даль, приписала самому Сочинителю мнѣнія дѣйствующихъ лицъ, имъ выведенныхъ на сцену, ему же приписала мѣста, приводимыя имъ изъ Авторовъ имъ опровергаемыхъ, одно переиначила, другое прибавила, третье убавила,—и наконецъ, чтобы довершить пораженіе, разсказала содержаніе повѣстей Князя Одоевскаго языкомъ Г. Полеваго; этаго удара не могли снесть эти повѣсти, не смотря на всю ихъ занимательность, и сдѣлались похожими на «Уголино»—страшно (sic), но очень искусно!—Мудрено-ли послѣ этаго, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ показалось «Библіотекѣ для чтенія» *мистификаторомъ*, между тѣмъ какъ въ этомъ лицѣ Авторъ выразилъ то состояніе души человѣка, когда посреди высшаго знанія онъ озирается на пройденную, на ожидающую его дорогу, и на него находитъ минута невольнаго отчаянія. Настоящее значеніе этаго характера, названнаго Авторомъ нарочно для близорукихъ «Фаустомъ»—укрылось отъ «Библіотеки для чтенія»;—характеръ мистификатора ей показался ближе, сподручнѣе, чтобы не далеко было ходить».

Приведя образчики невѣжества критика (смѣшивающаго, напр., Рогера Бакона съ Бэкономъ Веруламскимъ) [1]), Одоевскій заканчиваетъ свою отповѣдь по поводу «Р. Н.»: «И вотъ какъ привѣтствуютъ наши «цѣнители и судьи» произведеніе во всякомъ случаѣ—хоть замѣчательное;—а тѣмъ болѣе при настоящемъ застоѣ литературномъ».

«Б. д. Ч.» всего болѣе нападала на статью «О враждѣ къ просвѣщенію». «Не понимаемъ: отъ чего?» спрашиваетъ Одоевскій: «Мы напротивъ смотримъ на эту статью какъ на крикъ негодованія, невольно вырвавшійся изъ груди благороднаго человѣка при видѣ печальныхъ явленій современной Литературы,—негодованія, которое вѣроятно раздѣлитъ съ нами каждый изъ читателей».

«Сѣверная Пчела» долго готовилась къ нападенію на автора «Русскихъ Ночей», но почему-то Булгаринъ такъ и «не собрался съ духомъ» [2]).

---

[1]) См. стр. 5 рецензіи „Б. для Чт.".

[2]) Въ „Сѣв. Пчелѣ", 1844, № 210 (16 сент.), въ „Журнальной всякой вся-

Конечно, трудно было бы и ожидать, чтобы Булгаринъ и Сенковскій сумѣли понять и оцѣнить Одоевскаго. Могъ бы сдѣлать это теперешній ихъ сотрудникъ, Н. А. Полевой, но и онъ уже былъ не тотъ. Въ сущности, со времени ухода Одоевскаго изъ «М. Телеграфа», ихъ отношенія были уже натянутыми, и рецензія «М. Телеграфа» о «Пестрыхъ сказкахъ» уже достаточно показывала, что Одоевскому не дождаться признанія со стороны Полевого. Да и самъ Одоевскій въ это время не слишкомъ жаловалъ Полевого [2]).

Подалъ свой голосъ о сочиненіяхъ Одоевскаго его старый другъ, *В. К. Кюхельбекеръ*, который больнымъ, дряхлымъ и одинокимъ доживалъ свои скорбные дни въ Курганскомъ уѣздѣ Тобольской губ. Первую половину своего обширнаго письма отъ 3 мая 1845 г. [3]) Кюхельбекеръ посвящаетъ оцѣнкѣ Одоевскаго, какъ писателя. Изгнанникъ ухитряется слѣдить за русской литературой. Очень цѣнитъ онъ Жуковскаго, Веневитинова, Лермонтова. «Изъ нынѣшнихъ» онъ знаетъ Краевскаго, Гоголя, Ершова, Вельтмана и другихъ. («Изъ нынѣшнихъ

чтенѣ" (стр. 839) говорилось: „А вотъ Сочиненія Князя В. Ѳ. Одоевскаго въ трехъ частяхъ! Это результатъ двадцатилѣтней литературной дѣятельности почтеннаго автора. Мы не станемъ перевертывать листовъ, но прочтемъ книгу со вниманіемъ и скажемъ наше мнѣніе". Проходитъ цѣлыхъ полгода, и Булгаринъ въ № 73 за 1845 г. (31 марта; стр. 291) признается своимъ читателямъ: „О сочиненіяхъ князя В. Ѳ. Одоевскаго мы еще не можемъ собраться съ духомъ поговорить по правдѣ". И далѣе ни въ 1845, ни въ 1846 году „Сѣв Пчелы" никакого отзыва о сочиненіяхъ Одоевскаго не оказывается. Можетъ быть, вмѣшательство Уварова (хотя бы и косвенное) заградило уста Булгарина и спасло Одоевскаго отъ новыхъ издѣвательствъ.

[2]) Въ 1838 г. въ Петербургѣ ставили „Уголино" Полевого Пьеса имѣла „успѣхъ необычайный". Сообщая объ этомъ Шевыреву (Р. Арх. 1878, № 5), Одоевскій говорилъ: „На сценѣ эта драма въ самомъ дѣлѣ недурна; интересъ не простываетъ; характеры рѣзко оттѣняются; я не подозрѣвалъ въ Полевомъ такого таланта. Дуренъ и лишній 5-й актъ, но первые четыре безъ сомнѣнія выше всѣхъ драмъ Дюма и всѣхъ антитезическихъ характеровъ Гюго. Такое впечатлѣніе произвела эта драма на меня при первомъ представленіи. Много художническихъ ошибокъ, много чужаго, но все это заплываетъ въ общемъ интересѣ". Но въ разборѣ „Чтеній" Греча (От. Зап. 1840, т. XII, отд. VI, стр. 21) Одоевскій говоритъ уже о „вялыхъ исчадіяхъ антипоэтической фантазіи, какъ на-примѣръ „Уголино", „Смерть или честь" г. Полеваго". Ср. объ „Уголино" въ „Лит. Приб. къ Р. Инв." 1838, № 11, 15, 26.

[3]) Отчетъ Имп. Публ. Б. за 1893 г., стр. 69—73 (приложеніе). Ср. и въ дневникѣ Кюхельбекера подъ 9 апр. 1845 г. (Р. Ст., 1891, т. 72, стр. 104).

люблю Краевскаго, не совсѣмъ равнодушенъ къ Гоголю и стихотворцу Ершову и отдаю справедливость Вельтману»). Но все-же, признается онъ, нынѣшнее поколѣніе ему «чуждо во всѣхъ отношеніяхъ». Тогда какъ Одоевскій близокъ ему и дорогъ, какъ человѣкъ одного съ нимъ поколѣнія. Кюхельбекеръ радуется, что авторъ «Р. Ночей» сталъ «чуть ли не лучшимъ прозаикомъ нашего отечества».

«Въ твоихъ Русскихъ Ночахъ», говоритъ онъ, «мыслей множество, много глубины, много отраднаго и великаго, много совершенно истиннаго и новаго, и при томъ рѣзко и краснорѣчиво высказаннаго,—что въ глазахъ моихъ не бездѣлица (ты помнишь: я всегда дорожилъ и формою). Словомъ, ты тутъ написалъ книгу, которую мы смѣло можемъ противуставить самымъ дѣльнымъ европейскимъ. Тебя, конечно, станутъ оспаривать; но и самыя оспариванія будутъ доказательствомъ, что созданіе твое примѣчательное и важное явленіе въ литературномъ мірѣ. Кромѣ Русскихъ Ночей, я очень люблю твою Княжну Мими и кое что изъ Пестрыхъ Сказокъ, особенно послѣднія двѣ: О деревянной куклѣ и господинѣ Кивакелѣ. Но главное то, что ты вездѣ желаешь добра, что ты всегда человѣкъ мыслящій и благородный, и притомъ *Русскій*» (69—70). Ты, продолжаетъ Кюхельбекеръ (71 стр.), «*нашъ*: тебѣ и Грибоѣдовъ, и Пушкинъ, и я завѣщали все наше лучшее; ты передъ потомствомъ и отечествомъ представитель нашего времени, нашего *безкорыстнаго* стремленія къ художественной красотѣ и къ истинѣ безусловной. Будь счастливѣе насъ!»

Сочувственные, но малосодержательные отзывы были помѣщены въ «Литературной Газетѣ», «Русскомъ Инвалидѣ» и «Современникѣ».

«*Литературную Газету*» редактировалъ тогда А. А. Краевскій, а издавалъ А. И. Ивановъ, тотъ самый, который издалъ и сочиненія Одоевскаго. Уже по одному этому ея рецензія особой цѣны не имѣетъ [1]).

[1]) „Литературная Газета", 1844, № 36. Весь отзывъ (609—612 стр.) состоитъ изъ изложенія содержанія нѣкоторыхъ произведеній и восторженныхъ похвалъ. Рецензентъ восхищается не только „Р. Ночами", но и драмой „Хорошее жалованье" („Сколько ума, наблюдательности, тонкаго знанія жизни, сколько глубокой и страшной ироніи въ одной этой драмѣ! Одно такое произведеніе могло бы составить иному прочную и завидную извѣстность"). Критикъ хвалитъ

Критикъ «*Русскаго Инвалида*» [1]), признавъ собраніе сочиненій Одоевскаго «замѣчательнѣйшимъ явленіемъ во всей русской литературѣ 1844 года», отказался отъ роли «цѣнителя и судьи» и рѣшилъ ограничиться «взглядомъ на содержаніе «Сочиненій князя Одоевскаго»—содержаніе чрезвычайно-разнообразное, но тѣсно связанное между собою единствомъ убѣжденія, идеи, которою проникнуты всѣ разнородныя части этого гармоническаго цѣлаго». Трудно сказать, какія произведенія—лучшія. Во всѣхъ авторъ обнаруживаетъ яркій талантъ, глубокій умъ и разностороннюю образованность [2]).

«*Современникъ*» [3]) далъ лишь общую характеристику Одоевскаго.

«Князь В. Ѳ. Одоевскій,—читаемъ въ этомъ журналѣ (233),—въ наше время есть самый многосторонній и самый разнообразный писатель въ Россіи. Его умственная дѣятельность свободно и съ любовью обращается къ каждому предмету наукъ, искусствъ, гражданственности, даже ремеслъ. Знаніе иностранныхъ языковъ, врожденная любознательность, способность къ наблюденіямъ, разнородное чтеніе такъ обогатили его умъ положительными свѣдѣніями, что сочиненія его представляютъ явленіе, достойное всеобщаго вниманія и даже изученія». «Питая любознательность», они развиваютъ въ читателяхъ «философическій духъ воззрѣнія на предметы». «Душа его, такъ сказать, разстворена любовію къ общему благу, къ просвѣщенію, къ нравственности и религіозности» (233). «Создавши множество своеобразныхъ формъ изложенія истинъ, онъ обнаружилъ въ себѣ писателя независимаго и оригинальнаго. Вся первая часть его сочиненій, названная имъ *Русскія Ночи*, выражаетъ современное стремленіе духа удовлетворительно рѣшить важ-

---

и фантастическія повѣсти, но тутъ позволилъ себѣ одно критическое замѣчаніе: „Не скроемъ, однакожъ, что намъ болѣе нравятся повѣсти кн. Одоевскаго, основаніемъ которыхъ служитъ дѣйствительность, и мы думаемъ, что изъ всего, къ чему способно разнообразное и богатое силами дарованіе автора, способность живо и ярко изображать дѣйствительность могла бы принести самые дорогіе и блестящіе плоды“.

1) „Русскій Инвалидъ“, 1844, № 197 и 200. Вырѣзка этой статьи оказалась въ переплетѣ 67, приклеена къ I т. сочиненій.

2) Въ заключеніе „Р. Инвалидъ“ перепечаталъ „Сцену изъ домашней жизни“ и похвалилъ Иванова за „изящное и недорогое изданіе“.

3) „Современникъ“, 1844 г., т. 36, № 11, стр. 233—235.

нѣйшіе вопросы въ природѣ и въ гражданственности» (234). «Относительными достоинствами» отличаются и другія произведенія Одоевскаго. Зная, что новаторство послѣдняго по отношенію къ формѣ и языку можетъ вызвать и неблагопріятную оцѣнку, рецензентъ держится того мнѣнія, что «авторъ найдетъ лучшее удовлетвореніе за трудъ въ собственномъ сознаніи несомнѣннаго добра, которое приносятъ обществу любовь къ истинѣ и ея распространеніе» (235).

Настоящую, принципіальную критику Одоевскаго представили *В. Н. Майковъ* и *В. Г. Бѣлинскій.* В. Майковъ, принадлежавшій къ кружку Петрашевскаго, былъ однимъ изъ представителей нашего ранняго соціализма и позитивизма; Бѣлинскій къ срединѣ 40-хъ годовъ переживалъ то же умонастроеніе. Поэтому въ ихъ статьяхъ Одоевскій нашелъ себѣ принципіальную оцѣнку, какъ выразитель идеализма только что закончившагося періода.

Собраніе сочиненій Одоевскаго *В. Н. Майковъ* [1]) призналъ «замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ русской литературѣ 1844 года», «капитальнымъ пріобрѣтеніемъ для искусства». «Одна оригинальность взгляда автора», по его мнѣнію, «уже обращаетъ на себя особенное, серьезное вниманіе критики». Всѣ сочиненія князя Одоевскаго Майковъ дѣлитъ на двѣ группы: «на отдѣлъ мистики» («Р. Ночи») и на повѣсти, свободныя отъ мистицизма. Повѣсти послѣдней категоріи, «въ которыхъ мы найдемъ и человѣческую жизнь, и наши страданія, и наши горести», вызываютъ «полную похвалу» критика. «Здѣсь мы найдемъ», говоритъ онъ (204), «повѣсти, полныя интереса, лица, рѣзко очерченныя, страсти человѣка, разоблаченныя вѣрно; здѣсь читатель найдетъ много занимательности, прелести разсказа и обворожительность сладкаго языка... Здѣсь вы невольно почувствуете полное уваженіе къ автору. Вы увидите душу благородную, негодующую на направленіе нашего вѣка, его безчувственность, холодность, убивающую самый зародышъ чувствъ». Но мистицизмъ Одоевскаго подвергся строгому осужденію со стороны Майкова. По его мнѣнію, мистицизмъ не выдерживаетъ критики ни съ научно-философской точки зрѣнія, ни

1) „Финскій Вѣстникъ", 1845 г., т. I.—Сочиненія В. Н. Майкова. Съ статьей Г. В. Александровскаго. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ, 1901 г., т. I. Наши ссылки относятся къ этому изданію.

какъ элементъ литературнаго творчества. Онъ признаетъ, что «есть твердо поставленныя границы уму, слѣдовательно, есть законное мѣсто мистицизму», но «расширеніе мысли идетъ въ параллель съ ограниченіемъ круга мистицизма» (195). Ошибка автора «Р. Ночей» состоитъ въ томъ, что, поднимая научные вопросы, онъ рѣшаетъ ихъ не съ помощью науки, а настроенія; получается «не что иное, какъ элегія въ наукѣ или, лучше сказать, лирическая наука, которая въ наше время не допускается потому, что ничего не доказываетъ» (199); «науку должна судить наука» (198). Правда, мысль человѣка «не можетъ развязать многихъ вопросовъ жизни человѣческой» (200). «Чего доказать нельзя за недостаткомъ основаній, того и доказывать не должно». Остается «вѣрить», а воображеніе уже подскажетъ, въ какую форму можетъ облечься это вѣрованіе. «Здѣсь дѣло индивидуальности, дѣло частнаго воззрѣнія. Слѣдовательно, какъ нѣчто общее, какъ начало, примиряющее частности, не имѣетъ къ мистицизму никакого родственнаго отношенія» (200). Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, на основаніи чудеснаго нельзя создать поэтическаго произведенія, по крайней мѣрѣ нельзя «выставить какой-нибудь характеръ». По-своему доказавши это на разборѣ мистическихъ разсказовъ Одоевскаго, Майковъ высказываетъ твердое убѣжденіе, что вмѣстѣ съ средними вѣками «миновалась и мистика». «Мы требуемъ теперь, да и всегда, кажется, будемъ требовать отъ литературы выраженія общества, его развитія, духа народа; требуемъ, чтобы писатель въ произведеніи передалъ всѣ возможные изгибы сердца человѣческаго, чтобы онъ представилъ міръ, который бы каждый, положа руку на сердце, повѣрилъ собственною страстью, испытаннымъ волненіемъ... Однимъ словомъ, интересъ литературный никогда не можетъ быть основанъ на мистицизмѣ» (203—204).

Такимъ образомъ, Майковъ рѣшительно отвергъ мистицизмъ Одоевскаго, т.-е. цѣлую половину его идейныхъ переживаній. Молодой критикъ 40-хъ годовъ не сумѣлъ стать на точку зрѣнія предшествующаго поколѣнія и судилъ его своимъ судомъ. Исторически это во всякомъ случаѣ очень важно: въ глазахъ поколѣнія 40-хъ годовъ мистицизмъ цѣны уже не имѣлъ.

Гораздо, конечно, сложнѣе должно было быть отношеніе *Бѣлинскаго* къ философскому и мистическому идеализму Одоев-

скаго. Отзывы Бѣлинскаго о произведеніяхъ Одоевскаго тянутся съ самыхъ «Литературныхъ мечтаній» (1834) и всегда неизмѣнно были положительными. Критикъ причислялъ Одоевскаго къ выдающимся представителямъ нашей литературы; многіе его разсказы тридцатыхъ годовъ находилъ образцовыми и ничего не возражалъ ни противъ элемента фантастики въ нихъ, ни противъ идей, проникавшихъ творчество Одоевскаго. Въ тридцатыхъ годахъ послѣдній былъ для него своимъ писателемъ [1]). Къ 1844 г. Бѣлинскій успѣлъ и лично сблизиться съ Одоевскимъ, но это былъ моментъ, когда критикъ явно склонялся въ сторону соціализма и позитивизма. Тѣмъ интереснѣе его взглядъ. Еще въ краткой библіографической замѣткѣ Бѣлинскій тепло привѣтствовалъ появленіе сочиненій Одоевскаго [2]), а затѣмъ отозвался на нихъ большой статьей.

---

[1]) Оставляя въ сторонѣ отзывы Бѣлинскаго объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Одоевскаго (уже приведенные нами въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ), — общую оцѣнку творчества нашего писателя находимъ въ томахъ (по изданію С. А. Венгерова) I, 389—390; II, 202—204; VI, 115—117 (причемъ перепечатанъ весь „Балъ"); VII, 517; V, 209—212 (о дѣтскихъ сказкахъ). Бѣлинскій съ нетерпѣніемъ ждалъ собранія сочиненій Одоевскаго, чтобы дать обстоятельную и цѣльную характеристику писателя, который „имѣетъ не временное значеніе и важность": см. т. III, стр. 324; VII, 517, прим.; VIII, 378.

[2]) „Отеч. Записки", 1844 г., т. 36, библіогр. хроника, отд. VI, стр. 1—2. Эта замѣтка почему-то не вошла въ „Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго" подъ ред. С. А. Венгерова. „Сочиненія князя Одоевскаго,—писалъ Бѣлинскій,—всегда были бы истиннымъ подаркомъ для публики; но теперь, при совершенномъ застоѣ русской литературы, они представляютъ собою особенно отрадное явленіе. Будучи однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, князь Одоевскій тѣмъ не менѣе никогда не подвергался основательной критикѣ: его сочиненія были до того разбросаны въ разныхъ альманахахъ и журналахъ, что трудно было бы не только обыкновеннымъ читателямъ, но и присяжнымъ критикамъ составить о нихъ ясное и полное понятіе. Теперь всѣ сочиненія князя Одоевскаго передъ глазами публики и критики и ждутъ оцѣнки отъ той или отъ другой стороны. Въ слѣдующей книжкѣ „Отеч. Записокъ" мы выполнимъ свой долгъ передъ нимъ со всею искренностью и добросовѣстностью, какихъ заслуживаютъ искреннія и добросовѣстныя откровенія мыслящаго человѣка, который въ своихъ сочиненіяхъ отражаетъ всего себя, какъ въ зеркалѣ, который, по прекрасному выраженію Карамзина, живетъ какъ пишетъ и пишетъ какъ живетъ. Сочиненія князя Одоевскаго принадлежатъ къ числу такихъ произведеній, которыя пробуждаютъ и вызываютъ въ читателѣ всѣ его чувства и мысли. Заранѣе объявляемъ, что мы, отдавая полную справедливость уму и блестящему таланту автора, соглашаясь съ нимъ во многихъ его мысляхъ, тѣмъ не менѣе совершенно расходимся съ нимъ въ нѣкоторыхъ изъ его убѣжденій.

Для Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ особенно было важно, во-первыхъ, выяснить эстетическій смыслъ того жанра, въ которомъ писалъ Одоевскій, и, во-вторыхъ, опредѣлить значеніе его идей. Два элемента въ творчествѣ Одоевскаго подлежали эстетической оцѣнкѣ: дидактизмъ и фантастика. Лирическій дидактизмъ, по мнѣнію критика,—основная черта въ яркомъ талантѣ Одоевскаго. Поэтому лучшія его произведенія—«Бригадиръ», «Балъ» и «Насмѣшка мертвеца». Вообще говоря,—разсуждаетъ критикъ,—дидактизмъ есть законный элементъ поэтическаго творчества. Соединенный съ «страстнымъ одушевленіемъ», онъ дѣлаетъ поэзію «соціяльной и гражданской». «Почему же не быть поэтамъ, которые служили бы обществу, пробуждая и поддерживая въ его членахъ стремленіе къ сознанію, къ жизни умомъ и сердцемъ, единой сообразной съ человѣческимъ достоинствомъ жизни?» [1]). Поэтому такія произведенія Одоевскаго, какъ «Бригадиръ», «Балъ» и «Насмѣшка мертвеца», производятъ на «молодую душу» «дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему» (14). И критикъ считаетъ излишнимъ «распространяться о достоинствѣ такого рода произведеній, о высокомъ талантѣ ихъ автора, равно какъ и о неоспоримой важности его направленія и призванія» (14). Не безъ сожалѣнія отмѣчаетъ Бѣлинскій, что нѣкоторыя произведенія Одоевскаго «начинаютъ склоняться къ повѣсти», и видитъ въ этомъ какъ бы пониженіе тона его молодого энтузіазма. Тѣмъ не менѣе много цѣннаго находитъ онъ и въ реалистическихъ повѣстяхъ Одоевскаго, имѣющихъ «близкое, живое соотношеніе къ обществу». Другое дѣло—фантастика. Въ тридцатыхъ годахъ она не вызывала сомнѣній Бѣлинскаго. Теперь вопросъ ставится иначе. Онъ не отвергаетъ законности фантастики въ вышеназванныхъ пьесахъ, которыя Бѣлинскій вообще считаетъ лучшими произведеніями Одоевскаго. Фантастика «придаетъ имъ только еще болѣе сильный и увлекательный характеръ, пора-

---

Хорошо зная князя Одоевскаго, какъ человѣка, мы убѣждены, что ничѣмъ такъ не можемъ доказать нашего высокаго уваженія къ его уму, его сердцу и его таланту, какъ высказавъ свое мнѣніе о его сочиненіяхъ съ равною искренностью и добросовѣстностью и въ томъ, что считаемъ мы въ нихъ хорошимъ со стороны таланта и справедливымъ со стороны убѣжденія, и въ томъ, что, по нашему мнѣнію, найдемъ ниже его таланта и ниже идей современныхъ".

[1]) Полное собраніе сочиненій, подъ ред. С. А. Венгерова, т. IX, 13.

жая мысль черезъ посредство фантастическихъ образовъ, сверкающихъ яркими и причудливыми красками поэзіи» (10). Но мистическая фантастика вызываетъ въ Бѣлинскомъ столь же принципіальное и полное отрицаніе, какъ въ В. Майковѣ. Герой пов. «Сильфида» совершенно пересталъ интересовать критика, «какъ скоро онъ началъ отъискивать какую-то Сильфиду на днѣ миски съ водою и бирюзовымъ перстнемъ». Уваженіе къ такимъ «высокимъ безумцамъ» давно уже утрачено въ просвѣщенной Европѣ и сохранилось только въ Турціи. Этотъ «странный фантазмъ» намъ уже непонятенъ, «а чего мы не понимаемъ, тѣмъ не можемъ и восхищаться... Притомъ же мы имѣемъ глубокое и твердое убѣжденіе, что такія пружины для возбужденія интереса въ читателяхъ уже давно устарѣли и ни на кого не могутъ дѣйствовать. Теперь вниманіе толпы можетъ покорять только сознательно-разумное, только разумно-дѣйствительное, а волшебство и видѣнія людей съ разстроенными нервами принадлежатъ къ вѣдѣнію медицины, а не искусства» (17—18). Видя въ фантастикѣ Одоевскаго въ значительной степени подражаніе Гофману, Бѣлинскій напоминаетъ, что «фантазмъ составляетъ самую слабую сторону въ сочиненіяхъ Гофмана; истинную и высокую сторону его таланта составляетъ глубокая любовь къ искусству и разумное постиженіе его законовъ, ѣдкій юморъ и всегда живая мысль» (18). Нечего говорить, что нелегко согласиться съ такимъ пониманіемъ Гофмана, да и истолкованіе фантастики Одоевскаго одностороннее: критикъ не вникъ въ своеобразныя особенности переживаній людей мистическаго склада. Это помѣшало ему должнымъ образомъ оцѣнить и «Русскія Ночи».

Бѣлинскій удивляется ихъ «странной формѣ», можетъ быть, также навѣянной Гофманомъ, даже ихъ «странному названію». «Р. Ночи», какъ цѣлое, кажутся ему весьма неестественнымъ собраніемъ разнородныхъ разсказовъ, къ которымъ плохо «пригнаны» разговоры Фауста съ друзьями, только ослабляющіе впечатлѣніе разсказовъ. «Правда, эти разговоры, или бесѣды, имѣютъ большую занимательность, исполнены мыслей; но почему же было не сдѣлать автору изъ нихъ особой статьи? Онъ отчасти и сдѣлалъ это въ «Эпилогѣ», который имѣетъ большое достоинство, но безъ всякаго отношенія къ разсказамъ» (18—19).

Что касается идей Одоевскаго, то здѣсь Бѣлинскій со многимъ не можетъ согласиться. Онъ восторгается «паѳосомъ истины» въ лучшихъ произведеніяхъ Одоевскаго, «пламенными филиппиками» «противъ ничтожности и мелочности положительной жизни, валяющейся въ грязи эгоистическихъ разсчетовъ», «молніеносными образами надзвѣздной страны идеала, гдѣ живутъ высокія чувствованія, свѣтлыя мысли, благородныя стремленія, доблестные помыслы» (9). Идеализмъ автора сильно говоритъ душѣ критика и теперь. Но онъ уже не можетъ безъ оговорокъ принять эстетики «эксцентрическихъ нѣмцевъ», которая выразилась въ «Себ. Бахѣ» (16).

Но особенно рѣзко сказалось различіе между критикомъ и авторомъ въ историческихъ и соціальныхъ взглядахъ. Раздѣляя мысли, высказанныя въ статьѣ «О враждѣ къ просвѣщенію», Бѣлинскій видитъ большую односторонность въ пониманіи Одоевскимъ Запада и его отношеній къ Россіи. Онъ возражаетъ противъ идеи «Города безъ имени» и «Послѣдняго самоубійства» и подробно опровергаетъ мысль эпилога «о нравственномъ гніеніи Запада», мысль «парадоксальную», сходную съ воззрѣніями т. н. «славянофиловъ». Не отрицая силы и значенія аргументаціи Фауста въ ея критической части, Бѣлинскій не можетъ принять ни одного положительнаго вывода этого alter ego автора ни по отношенію къ Западу, ни по отношенію къ Россіи. Въ самомъ Фаустѣ критикъ видитъ «человѣка нашего времени, впавшаго въ отчаяніе сомнѣнія, и уже не въ знаніи, а въ произволѣ чувства ищущаго разрѣшенія на свои вопросы» (19). Фаусту недостаетъ «историческаго такта», вѣры въ прогрессъ; онъ вѣритъ «только въ истину абстрактную, которая бы вдругъ родилась совсѣмъ готовая, какъ Паллада изъ головы Зевса, и всѣ бы тотчасъ единодушно признали ее и поклонились ей» (21). Естественная смѣна системъ, идей въ наукѣ, философіи и жизни пугаетъ его «робкій умъ»; исторія ему кажется «хаосомъ фактовъ», всюду мерещится «застой, гніеніе и смерть». «Умы въ родѣ Фауста—истинные мученики науки; чѣмъ больше они знаютъ, тѣмъ меньше они владѣютъ знаніемъ. Знаніе дѣлаетъ ихъ маятниками, и они лучше весь вѣкъ будутъ качаться, нежели на чемъ-нибудь остановятся, боясь остановиться на не-истинѣ. Это люди, жаждущіе истины, съ благородною ревностью стремящіеся къ

ней и въ то же время скептики поневолѣ. Но ужъ проходитъ время скептицизма, и теперь всякое простое, честное убѣжденіе, даже ограниченное и одностороннее, цѣнится больше, чѣмъ самое многостороннее сомнѣніе, которое не смѣетъ стать ни убѣжденіемъ, ни отрицаніемъ, и поневолѣ становится безцвѣтною и болѣзненною мнительностью» (22).

Таковъ приговоръ критика — соціалиста и позитивиста — о самомъ крупномъ и задушевномъ произведеніи Одоевскаго [1]).

Статья Бѣлинскаго очень огорчила Одоевскаго. Особенно ему было больно, что сочувственная критика, признающая за нимъ большой талантъ, не поняла его Фауста: вѣдь это равносильно непониманію его самого.

За критику «славянофильскихъ» воззрѣній Фауста онъ не могъ обидѣться, потому что настоящаго славянофильства въ немъ не было. Правда, славянофилы порадовались рѣчамъ Фауста, но горячаго привѣта, по крайней мѣрѣ, въ печати они все-же не высказали. Въ 1844 г., по поводу предположенія, что И. В. Кирѣевскій возьметъ въ свои руки «Москвитянинъ», Хомяковъ находилъ глубокій смыслъ въ томъ, что «бывшій *Европеецъ* воскреснетъ *Москвитяниномъ*». «Не сим-

---

[1]) Мать Одоевскаго, любовно слѣдившая за его литературной дѣятельностью, сообщала ему (письмо безъ даты; бумаги 1869 г.): „Въ послѣдней книжкѣ Отеч. Записокъ, толкуютъ о тебѣ превозносятъ умъ и талантъ твой по кажется готовится тучька къ которой ты приготовься—вѣроятно это явленіе будитъ въ другомъ какомъ журналѣ“. Опасенія эти, какъ мы знаемъ, были не-безъ основанія.—Кратко Бѣлинскій говоритъ о сочиненіяхъ Одоевскаго также въ обзорѣ литературы за 1844 г. (т. IX, стр. 122) и въ предисловіи къ „Физіологіи Петербурга“ (1845), которое, по нашему мнѣнію, написано Бѣлинскимъ (это мы старались доказать въ Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., т. XVI, кн. 3-я). Р. В. Ивановъ-Разумникъ (Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ ред. Иванова-Разумника, 2 изд., т. II, стр. 855 — 859) въ своей вступительной статьѣ обстоятельно анализируетъ вопросъ о томъ, почему Бѣлинскій такъ разошелся съ Одоевскимъ и написалъ статью, которая, будучи интересна для характеристики его взглядовъ, „является совершенно недостаточной для характеристики творчества и мышленія кн. В. Одоевскаго“. Въ его объясненіи есть однако существенная ошибка. По его представленію, авторъ „Р. Ночей“— шеллингіанецъ и не болѣе того; какимъ онъ былъ въ 1824 г., такъ остался и въ 1844-мъ, да, „повидимому“, такъ и умеръ шеллингіанцемъ. Факты, которые изложены въ этомъ томѣ нашей работы и которые затѣмъ войдутъ во второй томъ, самымъ категорическимъ образомъ опровергаютъ такую мысль, впрочемъ, совпадающую и со взглядами проф. И. И. Замотина.

волъ ли это необходимаго пути, по которому должно пройти наше просвѣщеніе?» писалъ онъ А. В. Веневитинову [1]): «И коренная перемѣна въ Кирѣевскомъ не представляетъ ли утѣшительнаго факта для нашихъ надеждъ... Кланяйся отъ меня Одоевскому, скажи ему, что я собираюсь къ нему писать и сверхъ того радуюсь движенію его мысли. Фаустъ у него сдѣлался словено-руссомъ. Это великій и утѣшительный фактъ. Если наше просвѣщеніе не освободится, то мы останемся все-таки дармоѣдами чужихъ трудовъ, безполезными для человѣчества. Мнѣ весело, что у него душа доходитъ на чужбинѣ до тѣхъ выводовъ, которые здѣсь родятся изъ жизни Московско-Русской».

Но самъ Одоевскій не о томъ думалъ. Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 1845 г. [2]) Одоевскій сѣтуетъ на московскихъ друзей, которые не понимаютъ ни общественной, ни литературной его дѣятельности. Онъ не можетъ не упрекнуть Шевырева, какъ критика, въ невниманіи къ себѣ [3]). Шевыревъ, жалуется онъ, «не удостоиваетъ ни строкою трехъ томовъ—можетъ быть очень посредственныхъ, но которые на безлюдьи, все таки имѣютъ какое-нибудь значеніе». Шевыревъ прислалъ Одоевскому свои «Чтенія по исторіи русской словесности»; послѣдній прочиталъ ихъ «съ нетерпѣливымъ любопытствомъ и интересомъ», хотя во многомъ, по совѣсти, согласиться съ нимъ не могъ. Нелѣпо, конечно, «отрицать Русскія древности», въ чемъ страннымъ образомъ упрекали Одоевскаго [4]), «но видѣть въ каждой

---

[1]) Барсуковъ, VII, 404.

[2]) Переплетъ 96, л. 230—235, автографъ. Годъ мы устанавливаемъ изъ фактовъ, о которыхъ говорится въ письмѣ (выходъ „Сиротинки“ и пр.).

[3]) Шевыревъ и его друзья не могли простить Одоевскому его участія въ „От. Запискахъ“ совмѣстно съ Бѣлинскимъ. Статья послѣдняго „Педантъ“ заставляла рвать и метать весь „синклитъ Хомякова, Кирѣевскихъ, Павлова“, какъ сообщалъ Боткинъ. Одоевскій не только не уходилъ изъ „От. Зап.“, но высказалъ свое прямое неодобреніе статьѣ Шевырева „Взглядъ на современное направленіе Русской Литературы. Сторона Черная“ (Москвитянинъ, 1842, № 1). По мнѣнію Одоевскаго, статья о „сторонѣ черной“ весьма похожа на „голубую статью“, т.-е. на доносъ. Неудивительно, что 10 янв. 1843 г. Шевыревъ на соборномъ посланіи москвичей къ А. В. Веневитинову приписалъ: „Поклонись Сологубу и не кланяйся Одоевскому, доведи это до его свѣдѣнія, и скажи ему, что достанется ему въ *Исторіи Русской литературы*, которую пишу“ (Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. VI, 262, 263; VII, 133).

[4]) Н. Барсуковъ, VIII, 408. Приведено озлобленное письмо Шевырева къ

строкѣ, написанной за 500 лѣтъ — (переводъ-ли то, или записка изъ мѣлочной лавочки) памятникъ изящной или ученой Литературы—есть точно такая же нелѣпость»; наша изящная и ученая литература «не съ давнихъ поръ началась и до сихъ поръ еще въ пеленкахъ». Свою profession de foi Одоевскій намѣренъ высказать въ «Письмахъ къ бумажному фабриканту». «Впрочемъ», прибавляетъ онъ, «мою точку зрѣнія ты найдешь въ послѣднихъ страницахъ *Русскихъ ночей* если они дошли до твоего свѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что всѣ эти взаимныя обвиненія въ Славянизмѣ, въ Западолюбіи, въ старовѣрствѣ, въ иноземщинѣ—не стоятъ выѣденнаго яйца, потому что споръ лишь въ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ словахъ; всѣ мы Русскіе, всѣ мы любимъ Россію—но не ужъ-ли смотрѣть на ея допотопную старину съ той или другой точки зрѣнія—есть преступленіе?—Не ужъ-ли признавая всѣ способности и качества Русскаго человѣка, зажать глаза и не видать что въ его характерѣ, какъ въ характерѣ всякаго народа, есть недостатки, которымъ потворствовать ие слѣдуетъ».

Нѣтъ, съ славянофилами Одоевскій разойдется во многомъ самомъ существенномъ. Во второй половинѣ 40-хъ годовъ онъ больше пойметъ Бѣлинскаго, чѣмъ ихъ.

И теперь, когда Одоевскій учитывалъ сужденія критики и когда онъ еще разъ самъ отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ идеяхъ, его озабочиваютъ не споры о «славянизмѣ» и «западолюбіи», которые «не стоятъ выѣденнаго яйца», а нѣчто другое, болѣе значительное, то, чего коснулся Бѣлинскій въ своей характеристикѣ Фауста.

Одоевскій сначала не зналъ, кто былъ его критикомъ въ «От. Запискахъ», и обратился къ Краевскому съ обширнымъ письмомъ, которое содержитъ въ себѣ цѣлую апологію Фауста и вмѣстѣ какъ бы личную исповѣдь. Приведемъ его цѣликомъ [1]).

«Скажите кто это меня такъ горячо любитъ и такъ досадно, такъ жестоко не понялъ? тѣмъ досаднѣе и тѣмъ грустнѣе что любитъ! стало онъ любитъ не меня, а мой фантомъ.—Тѣмъ груст-

Веневитинову и краткое опроверженіе Одоевскимъ этихъ нелѣпыхъ сплетенъ о немъ.

[1]) И. П. Б бумаги Краевскаго, б, № 24, а.—Сверху карандашомъ рукою Краевскаго написано: „Письмо Князя Одоевскаго ко мнѣ послѣ появленія разбора сочиненій его въ 10-й кн. „От. Зап.“ 1844 года“.

нѣе, что признаетъ во мнѣ талантъ, ибо съ вышины падать больнѣе.—Еслибы мнѣ сказали: ты начинаешь выписываться, твой талантъ потерялъ свѣжесть—я-бы можетъ быть не согласился—на правахъ Архіепископа Гренадскаго, но мнѣ бы не было такъ грустно; мнѣ говорятъ: ты пáдаешь потому что мало по малу миришься съ пошлостію жизни [1]) и отъ того, что далъ въ себѣ мѣсто скептицизму; миришься потому что твоя филиппика принимаетъ видъ повѣсти; сомнѣваешься потому что не вѣришь въ данное направленіе разума человѣческаго!—Вы, господа, требуя въ каждомъ дѣлѣ разумнаго сознанія, вы находитесь подъ вліяніемъ страннаго оптическаго обмана,—вамъ кажется что вы требуете разумнаго сознанія, а въ самомъ дѣлѣ вы хотите, чтобы вамъ вѣрили на слово. Вашъ criterium—разумъ всего человѣчества; но какъ постигли вы его направленіе? не чѣмъ другимъ, какъ вашимъ собственнымъ разумомъ! Слѣдственно ваши слова: «вѣрь разуму человѣчества» значатъ: «вѣрь моему разуму!»—и что бы вы ни дѣлали, какимъ-бы именемъ вы ни называли вашъ criterium, въ той сферѣ гдѣ вы находитесь, вы всегда придете къ этому заключенію. А знаете-ли что значитъ это заключеніе? вѣрь моему разуму, слѣдственно мой разумъ—совершененъ, слѣд. я—Богъ; т.-е. вы другою дорогою, но дошли до одинакаго заключенія съ Римскими Императорами, которые ставили себѣ статуи и заставляли имъ покланяться. Этотъ роковой ходъ разума человѣческаго предвидѣла Библія въ словахъ: не сотвори себѣ кумира!—Всѣ мы чувствуемъ необходимость одной безусловной истины, которая освѣтила бы весь путь нами проходимый, но споримъ о томъ: гдѣ она? и какъ искать ее?—не называйте же того скептикомъ, кто ищетъ лучшаго способа найти ее и испытываетъ для сей цѣли разные снаряды, какъ бы они странны не казались. Скептицизмъ—есть полное бездѣйствіе, и его должно отличать отъ желанія дойти до самаго дна: медикъ не знаетъ какое дать лѣкарство—это незнаніе имѣетъ слѣдствіемъ то, что онъ не пропишетъ никакого рецепта—вотъ скептицизмъ; медикъ прописалъ лѣкарство, но возвратясь домой спрашиваетъ себя: то-ли онъ прописалъ, нѣтъ-ли чего

[1]) О томъ, что Одоевскій мирится съ пошлостію жизни, у Бѣлинскаго прямо не говорится, а говорится лишь о томъ, что онъ сталъ измѣнять высокому лиризму дидактической поэзіи и переходить къ повѣсти.

болѣе лучшаго, дѣлаетъ опыты, вопрошаетъ опыты другихъ—это не скептицизмъ, но то благородное недовольство, которое есть залогъ всякаго движенія впередъ. Пироговъ прежде нежели отрѣжетъ руку у живаго каждый разъ предварительно отрѣжетъ туже руку у десятка труповъ—скептицизмъ-ли это?

Я не могу принять за criterium разума человѣческаго: во-перьвыхъ потому, что онъ неуловимъ—онъ агломератъ составленный изъ частныхъ разумовъ; идеализація его кѣмъ-бы то ни было всегда будетъ произведеніемъ идеализирующаго, произведеніемъ индивидуальнымъ, слѣдственно не имѣющимъ характера истины безусловной, всеобьемлющей; во-вторыхъ потому, что онъ еще не уничтожилъ страданія на землѣ; говорить, что страданіе есть необходимость значитъ противорѣчить тому началу, которое въ нашей душѣ произвело возможность вообразить существованіе *нестраданія* откуда взялось оно? въ-третьихъ потому, что разумъ человѣческій, какъ продолженіе природы, долженъ (по аналогіи) также быть несовершеннымъ, какъ несовершенна природа, основывающая жизнь каждаго существа на страданіи или уничтоженіи другаго.—Все это и многія другія наблюденія заставляютъ меня искать другаго критеріума.

Форма—дѣло второстепенное; она измѣнилась у меня по упреку Пушкина о томъ, что въ моихъ прежнихъ произведеніяхъ слишкомъ видна моя личность; я стараюсь быть болѣе пластическимъ—вотъ и все; но заключать отсюда о примиреніи съ пошлостію жизни—мысль неосновательная; я былъ всегда вѣренъ моему убѣжденію и никто не знаетъ какихъ усилій какой борьбы мнѣ стоитъ, чтобъ доходить до дна моихъ убѣжденій, отстранять все навѣянное вседневною жизнію и быть или по крайней мѣрѣ стараться быть вполнѣ откровеннымъ.

Если бы кто судя обо мнѣ, не кладя моихъ мыслей на прокрустово ложе, примѣнилъ ихъ къ собственной моей Теоріи и съ этой точки зрѣнія посмотрѣлъ на нихъ, то можетъ быть много страннаго перестало-бы быть страннымъ и можетъ быть тогда бы замѣтили, что н. пр. наблюденія надъ связью мысли и выраженія принадлежатъ къ области донынѣ еще никѣмъ не тронутой и въ которой можетъ быть разгадка всей жизни человѣка. Впрочемъ я самъ виноватъ во многомъ; у меня много недосказаннаго—и по трудности предмета и съ намѣреніемъ: заставить читателя самаго подумать, принудить са-

маго употребить свой снарядъ, ибо тогда только истина для него можетъ сдѣлаться живою.

Наконецъ,—называйте это суевѣріемъ, чемъ вамъ угодно,—но я знаю по опыту, что невозможно приказать себѣ писать то, или другое, такъ или иначе; мысль мнѣ является нежданно, самопроизвольно, и наконецъ, начинаетъ мучить меня, разрастаясь безпрестанно въ матеріяльную форму—этотъ моментъ психологическаго процесса я хотѣлъ выразить въ Пиранези и потому онъ первый актъ въ моей психологической драмѣ;—тогда я пишу; но вы понимаете, что въ такомъ моментѣ должны соединяться всѣ силы души въ полной своей самобытности: и убѣжденія и вѣрованія и стремленія—все должно быть свободно и истекать изъ внутренности души; здѣсь вѣришь чему вѣришь,—убѣжденъ—въ чемъ убѣжденъ, и нѣтъ мѣста ничьему чужому убѣжденію; здѣсь а=а.

Требовать чтобы человѣкъ принудилъ себя быть убѣжденнымъ—есть процессъ психологически невозможный.

Терпимость, господа, терпимость!—*пока мы ходимъ съ завязанными глазами* [1]). Она пригодится нѣкогда и для васъ, ибо, помяните мое слово,—если вы и не приблизитесь къ моимъ убѣжденія[мъ], то все таки перемѣните тѣ которыя теперь вами овладѣли; невозможно чтобы вы наконецъ не замѣтили вашего оптическаго обмана».

Письмо Одоевскаго дышитъ искренностью и глубиной настроенія. Самой яркой его чертой является отрицаніе догматизма и исключительной вѣры въ разумъ человѣчества. Одоевскій убѣжденъ въ существованіи абсолютной истины, но «благородное недовольство» онъ ставитъ выше всякихъ временныхъ истинъ, и въ этомъ смыслѣ горячо защищаетъ скептицизмъ Фауста, который хочетъ дойти «до дна», ищетъ путей къ истинѣ и мучится вопросомъ о существованіи зла и страданій [2]). У Фауста нѣтъ законченной системы воззрѣній, какъ не было ея въ это время и у самого автора. Зато Одоевскій и не прекратитъ своихъ идейныхъ исканій. Пройдетъ лѣтъ пять, и онъ увѣдомитъ М. С. Волкова, который интересовался узнать,

---

1) Курсивъ нашъ.

2) Вспомнимъ горячую тираду Ростислава (стр. 4): „Зачѣмъ мятутся народы? зачѣмъ, какъ снѣжную пыль, разноситъ ихъ вихорь? Зачѣмъ плачетъ младенецъ, терзается юноша, унываетъ старецъ?“ и т. д.

«что сдѣлалось съ Фаустомъ, этимъ мистическимъ скептикомъ, или, если угодно, скептическимъ мистикомъ Русскихъ ночей»,—увѣдомитъ, что «Фаустъ умеръ», что «онъ былъ необходимое, переходное явленіе, перебывавшее во всякомъ мыслящемъ организмѣ, и, какъ всякое переходное явленіе, достигнувъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, должно было уничтожиться и уступить мѣсто другому—можетъ быть, также переходному, что будетъ до тѣхъ поръ, пока условія общей жизни не сдѣлаются столь же доступными и ясными, какъ условія математической вообще, или механической астрономической теоремы; пока вопросы жизни не сдѣлаются столь же опредѣленными, какъ вопросы математическіе и въ совокупномъ житіи организмовъ, по просту, въ обществѣ, также не будетъ мѣста произволу и сомнѣнію, какъ въ томъ, равенъ ли квадратъ гипотенузы суммѣ квадратовъ двухъ катетовъ» [1]).

Слѣдовательно, авторъ «Р. Ночей» менѣе всего заслуживалъ сдѣланнаго ему Бѣлинскимъ упрека въ томъ, что онъ не вѣритъ въ прогрессъ, въ естественную смѣну идей и системъ. Онъ какъ разъ находился въ томъ состояніи, когда для него была уже невозможна вѣра въ «истину абстрактную, которая бы вдругъ родилась совсѣмъ готовая, какъ Паллада изъ головы Зевса». Фаустъ, по опредѣленію самого Одоевскаго, явленіе переходной эпохи. Въ сущности, разумѣется, каждая эпоха можетъ быть названа переходной. Но, по разнымъ причинамъ, въ настроеніи однихъ дѣятелей эпохи преобладаютъ моменты вѣры и догмы, въ другихъ — моменты анализа и исканія. Въ субъективномъ представленіи Одоевскаго 30-ые годы были переходнымъ періодомъ, подготовившимъ слѣдующую стадію. И онъ сознательно подвелъ ему итоги въ двухъ своихъ работахъ, изданныхъ почти одновременно: въ «Психологическихъ замѣткахъ» и въ «Русскихъ Ночахъ».

О новой и послѣдней стадіи въ развитіи Фауста-Одоевскаго, которая также многими своими сторонами соприкасается съ типическими явленіями слѣдующихъ десятилѣтій, мы станемъ говорить во второмъ томѣ нашей работы. А теперь бросимъ общій взглядъ назадъ.

«Князь Одоевскій», говорилъ Бѣлинскій въ 1844 г., «принад-

---

[1]) Переплетъ 55, л. 42 и об., автографъ—конца 40-хъ—начала 50-хъ годовъ.

лежитъ къ числу наиболѣе-уважаемыхъ изъ современныхъ русскихъ писателей, и, между-тѣмъ, ничего не можетъ быть неопредѣленнѣе извѣстности, которою онъ пользуется» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, современники и даже друзья Одоевскаго не знали многаго, что происходило въ его мятущейся душѣ. Даже Бѣлинскому не удалось вполнѣ проникнуть въ ея тайники. Майковъ прямолинейно примѣнилъ къ нему мѣрило позитивизма и не понялъ его «святой тоски» (по выраженію Бѣлинскаго); славянофилы, въ свою очередь, холодно прикинули его идеи на свой аршинъ. Одоевскій оказался не по мѣркѣ, и тѣ и другіе осудили его.

Одоевскій не былъ оригинальнымъ философомъ, но онъ былъ самостоятельнымъ, вдумчивымъ и искреннимъ мыслителемъ. Съ полной увѣренностью можно утверждать, что онъ никогда не принадлежалъ къ слѣпымъ адептамъ одной какой-нибудь системы, а стремился создать свое собственное міровоззрѣніе, пользуясь самыми разнородными матеріалами (философіей, мистикой, точными науками). «Я не могу читать книги», признается Одоевскій [2]), «безъ того, чтобы она не порождала въ головѣ моей тысячи мыслей, часто весьма далекихъ отъ предмета книги, и потому обыкновенно читая я пишу, что мнѣ приходитъ въ голову и въ этихъ отрывкахъ находится наиболѣе оригинальнаго, нежели въ другихъ моихъ трудахъ... Я вѣрю вдохновенію—и увѣренъ, что безъ этихъ толчковъ изъ другаго міра человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего порядочнаго въ здѣшнемъ». Одоевскій вообще различаетъ два разныхъ пути мышленія. «Когда мы силимся думать», пишетъ онъ [3]), «тогда перерабатываемъ лишь *чужія мысли*; когда силимся не думать, т.-е. удалить отъ себя внѣшнее вліяніе на наши мысли, удалить внѣшнее раздраженіе, тогда мысль наша спокойно работаетъ надъ самой собою, перебираетъ свои сокровища—тогда

---

[1]) Степень извѣстности Одоевскаго, конечно, опредѣляется еще отношеніемъ къ нему западноевропейскаго литературнаго міра. Уже въ 30—40-хъ годахъ нѣкоторыя произведенія Одоевскаго были переведены на иностранные языки; Кенигъ сдѣлалъ сочувственную характеристику Одоевскаго, какъ писателя. Высоко цѣнилъ его и Фаригагенъ фонъ-Энзе, какъ потомъ Douhaire. Но объ этихъ переводахъ и отзывахъ иностранцевъ (такъ какъ они относятся къ разнымъ годамъ) мы думаемъ говорить впослѣдствіи особо.

[2]) Переплетъ 48, л. 52, автографъ.

[3]) Переплетъ 57, л. 17, автографъ; въ путевыхъ запискахъ по Финляндіи 1840 г. (есть дата: „Выборгъ 1840 г.“).

писатель бываетъ *оригиналенъ*». Одоевскій говорилъ это по собственному опыту: онъ зналъ минуты вдохновенія, когда совершалась свободная работа творческой мысли. Мы уже достаточно знакомы съ плодами этой работы. Изученіе идейной жизни русской интеллигенціи не только въ періодъ любомудрія, когда Одоевскій былъ признаннымъ шефомъ кружка, но и въ тридцатыхъ годахъ невозможно безъ знакомства съ тѣмъ, что переживалъ авторъ «Психологическихъ замѣтокъ». Его мѣсто въ этомъ періодѣ рядомъ съ И. В. Кирѣевскимъ, Чаадаевымъ и Бѣлинскимъ. Въ своихъ искреннихъ и глубокихъ думахъ о жизни Одоевскій ставилъ передъ собою величайшія проблемы и порою давалъ имъ проникновенное освѣщеніе, если не рѣшеніе. Не свободный отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ своей эпохи и даже своего класса, кн. Одоевскій въ порывахъ идеалистической мысли высоко поднимался надъ повседневной дѣйствительностью. Его образъ какъ бы излучаетъ изъ себя свѣтлый, спокойно-трезвый идеализмъ. Пусть люди ходятъ пока «съ завязанными глазами», но рано или поздно,—вѣрилъ Одоевскій,—они найдутъ золотую монету истины и сумѣютъ создать себѣ новую жизнь, свѣтлую, какъ солнце, гармоничную, какъ красивая мелодія.

Въ качествѣ писателя Одоевскій съ полнымъ правомъ отвергалъ упреки въ томъ, что онъ подражаетъ тому или другому автору (чаще всего иностранному). Разумѣется, общаго вліянія не избѣжишь, полная изоляція ни для кого немыслима, и авторъ «Р. Ночей» справедливо не видитъ въ этомъ фактѣ рѣшительно ничего зазорнаго. Со свойственной ему прямотой онъ самъ описываетъ намъ одинъ изъ возможныхъ случаевъ зарожденія въ немъ поэтическихъ идей [1]). «Одна мысль, одно слово, какъ искра, можетъ зародить въ головѣ цѣлый поэтическій планъ, часто совершенно отдаленный отъ его перваго зарожденія. Рѣдко это происходитъ мгновенно; по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ это во мнѣ; закинутая мысль лежитъ долго, зрѣетъ незамѣтно для меня самаго, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, является почти во всей полнотѣ предо мною». Очевидно, при этихъ

[1]) Переплетъ 49, л. 87 и об., съ заглавіемъ „Зарожденіе мыслей“ = Психолог. замѣтки, стр. 309—310. Въ печатной редакціи авторъ говоритъ уже не о себѣ, а вообще о людяхъ. Мы беремъ поэтому рукописную редакцію.

условіяхъ говорить только о подражаніи нельзя. И, дѣйствительно, намъ нигдѣ (даже въ гофмановскомъ вопросѣ) не удалось вскрыть непосредственнаго «вліянія» на то или другое произведеніе Одоевскаго въ цѣломъ. Какъ писатель, онъ имѣлъ свою собственную физіономію. Внѣшнія воздѣйствія могли служить извѣстными стимулами творчества, но это не лишало его ясно выраженной самобытности.

По основному свойству своего таланта Одоевскій тяготѣлъ въ сторону реализма. Идеалистическую, «нѣмецкую» стихію ему нетрудно было сочетать съ стихіей реалистической и общественной, съ стихіей «французской». Какъ беллетристъ, онъ стоялъ выше того уровня, до котораго поднимался нашъ романъ 30-хъ годовъ въ произведеніяхъ второстепенныхъ авторовъ. Нравоописательный романъ булгаринскаго типа слишкомъ мало походилъ на поэзію и слишкомъ низко стлался по землѣ, чтобы могъ удовлетворить нашего идеалиста и эстетика. Его взоръ любовно созерцалъ земное, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно возносился горѣ; Одоевскій — писатель не перестаетъ быть мыслителемъ. Въ литературѣ онъ хотѣлъ бы видѣть синтезъ художественности, идейности и общественности. Создатель философской повѣсти, дидактическій поэтъ и бытописатель, Одоевскій увѣреннымъ шагомъ шелъ къ той конечной цѣли, которую указывали для русской литературы Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій.

Въ одинаковой мѣрѣ входитъ кн. Одоевскій какъ въ исторію русской литературы, такъ и въ исторію нашей философской мысли, столь еще бѣдной крупными именами.

На основаніи всего, что было сказано нами въ первомъ томѣ, мы считаемъ возможнымъ притти къ слѣдующимъ основнымъ выводамъ.

1) Кн. В. Ѳ. Одоевскій пережилъ идейную *эволюцію*, типичную для умственной жизни русской интеллигенціи второй четверти XIX вѣка.

2) Въ развитіи его идейнаго міровоззрѣнія можно различать *три періода*: періодъ любомудрія, періодъ философско-мистическаго идеализма и періодъ научнаго реализма.

3) Періодъ любомудрія Одоевскаго захватываетъ двадцатые годы XIX в. Начало тридцатыхъ годовъ—вообще критическій моментъ въ исторіи нашего шеллингіанства.

4) Міровоззрѣніе Одоевскаго въ періодъ любомудрія слагалось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нѣмецкой идеалистической философіи (преимущественно Шеллинга и Окена), но онъ не былъ исключительнымъ послѣдователемъ Шеллинга. Въ своемъ философствованіи Одоевскій держался ближе къ землѣ и въ центрѣ своихъ интересовъ ставилъ живую личность человѣка; онъ пробуетъ не только популяризировать идеи германскаго любомудрія, но и самостоятельно примѣнить ихъ въ области этики и эстетики. Наибольшую независимость молодой мыслитель обнаружилъ въ вопросахъ эстетики, стремясь создать «единую, истинную, постоянную теорію искусства».

5) Любомудріе сообщало высокую настроенность душѣ Одоевскаго, но заслоняло отъ него значеніе формъ общественной и политической жизни. Декабризмъ былъ чуждъ Одоевскому.

6) Тридцатые годы были періодомъ *философско-мистическаго идеализма*. Среди мистиковъ, оказавшихъ вліяніе на Одоевскаго особенное значеніе имѣлъ С. Мартенъ и Пордэчъ. Мистицизмъ Одоевскаго умѣрялся философскими и научными вліяніями.

7) Въ періодъ философско-мистическаго идеализма Одоевскій проявляетъ глубокій интересъ къ теософіи Шеллинга, но отрицательно относится къ Гегелю. Гегельянскаго періода въ его жизни не было.

8) Философско-мистическія идеи Одоевскаго могутъ быть представлены въ видѣ довольно стройной системы, хотя систематически никогда имъ не излагались.

9) Философско-мистическій идеализмъ (какъ и любомудріе) сопровождается слабымъ развитіемъ собственно соціальныхъ идей. Въ конкретныхъ вопросахъ общественной и политической жизни Одоевскій и теперь нерѣдко обнаруживаетъ консерватизмъ и аристократизмъ, который можно назвать *идеалистическимъ аристократизмомъ*.

10) Философско-мистическій идеализмъ служитъ для Одоевскаго критеріумомъ для сравнительной оцѣнки русской и европейской жизни. Онъ вѣритъ въ идею русскаго мессіанизма, въ возможность обновленія Европы русскими, «поэтическими» стихіями.

11) Философско-мистическій идеализмъ Одоевскаго примыкаетъ къ *цѣлому теченію* европейской и русской мысли, которое характеризуется стремленіемъ примирить философію съ религіей, развитіемъ религіозныхъ, мистическихъ и вообще ирраціональныхъ настроеній.

12) Въ своихъ мистическихъ и историческихъ воззрѣніяхъ Одоевскій наиболѣе близокъ къ И. В. Кирѣевскому,

13) Литературная дѣятельность Одоевскаго развивается въ самой тѣсной связи съ эволюціей и содержаніемъ его теоретическаго міропониманія.

14) Литературное дарованіе Одоевскаго наиболѣе ярко выразилось въ философской повѣсти и общественной сатирѣ. Тяготѣніе въ сторону реализма было у него всегда сильнѣе, чѣмъ склонность къ фантастикѣ.

15) Въ творчествѣ Одоевскаго нельзя усмотрѣть *подражанія* какому-нибудь одному писателю (напр., Гофману). Сохраняя черты своеобразія, въ концѣ-концовъ онъ шелъ по одной дорогѣ съ Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ и Гоголемъ—къ созданію *художественнаго реализма.*

16) Въ исторіи русской повѣсти Одоевскій занимаетъ самостоятельное и видное мѣсто. Идеи и типы, характерные для эпохи любомудрія и философско-мистическаго идеализма, нашли себѣ наиболѣе полное воплощеніе именно въ творчествѣ Одоевскаго.

17) «Русскія Ночи» — поэтическій памятникъ философско-мистическаго идеализма, какъ переходной стадіи отъ любомудрія къ научному реализму. Фаустъ—«русскій скептикъ».

18) Одоевскому принадлежитъ важное мѣсто также въ исторіи русской журналистики. Въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ дѣятельнымъ соратникомъ Пушкина и Бѣлинскаго.

Конецъ перваго тома.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ,

упоминаемыхъ въ первомъ томѣ [1]).

(Римскія цифры обозначаютъ части тома, арабскія — страницы; жирнымъ шрифтомъ отмѣчены тѣ страницы, на которыхъ данное лицо является главнымъ предметомъ изложенія.)

---

1) Составленъ при участіи К. С. Сакулиной.

Важнѣйшія погрѣшности.

Въ первой части.

На стр. 235, прим. 1-е, строка 4 св., въ скобкахъ послѣ словъ „École des maris“ вставить: *«и въ „Les femmes savantes“»*.

На стр. 369, строка 16 св., предлогъ „съ“—лишній.

Во второй части.

На стр. 181, прим. 2-е, строка 2-я, слѣдуетъ читать: „Босфора*мі*и“.

На стр. 257, строка 1-я св, послѣ слова „послѣдователей“ вставить: *„и предшественниковъ“*

На стр. 352, прим 2-е, строка 2-я сн., слѣдуетъ: „Die Be*r*gwerke“.

На стр. 355, прим. 3-е, строка 1-я, слѣдуетъ· „A Brü*c*kner“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ первый Часть первая.

Томъ первый. Часть вторая.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.